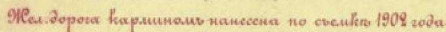

**АДВОКАТ
ВАСИЛИЙ МАКЛАКОВ
И ДРУГИЕ
ВЛАДЕЛЬЦЫ СЕЛЬЦА
ДЕРГАЙКОВО**

ЛЕСНІЙ 7

С. П. Носиков

**Адвокат Василий Маклаков
и другие владельцы
сельца Дергайково**

(по материалам архивных исследований)

Москва

2025

История Истринского края

УДК [908+271.22–523.4]

ББК 26.89(2Рос–4Мос) + 86.372.24–65

Н84

Носиков Сергей Павлович

**Адвокат Василий Маклаков и другие владельцы сельца Дергайково
(по материалам архивных исследований)** – М.: ООО "Сам Полиграфист", 2025, 266 с.

В книге описывается история деревни, затем сельца Дергайково Истринского района Московской области, начиная с конца XVI века. Приводятся сведения обо всех владельцах дергайковского имения: Плещеевых, Орловых, Нащокиных, Власове, Мосолове, Мясоедове, Татариновых, Степановых, Маклаковых. Последним хозяином был Василий Алексеевич Маклаков, известный адвокат и депутат Государственной думы. Рассказывается о его происхождении, братьях и сестрах. В текст книги включены многочисленные материалы из архивных дел, а также фотографии из нескольких музеев, которые прежде не публиковались.

Данное издание является продолжением серии ранее вышедших книг автора об истории отдельных селений Истринского края.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся историей нашей Родины и краеведением Подмосковья.

© С. П. Носиков

Разрешается свободная перепечатка текста при условии указания ссылок на книгу.

На обложке:

– Василий Алексеевич Маклаков в Дергайково, нач. XX в. (ОПИ ГИМ).

На обороте обложки впереди (форзац):

– Карта «Военно-топографической съемки Московской губернии», 1852–1853 г., лист 7, ряд 6 (РГВИА).

На обороте обложки сзади (нахзац):

– План сельца Дергайково, 1862 г., фрагмент (ОПИ ГИМ).

На тыльной стороне обложки, слева направо по рядам:

– Герб князей Белосельских (глава 2).

– Мария Алексеевна Маклакова в гостях у Толстых в Ясной Поляне (глава 6).

– Николай Алексеевич Маклаков (глава 6).

– Фрагмент древа предков Василия Алексеевича Маклакова (глава 5).

– Возлюбленная Михаила Юрьевича Лермонтова, загадочная «Н. Ф. И.» (глава 6).

– Петр I на казни Марии Гамильтон (глава 2).

– Карикатура на Василия Алексеевича Маклакова (глава 5).

Оглавление

Введение	5
Глава 1. История Дергайково и других селений	8
Деревня, сельцо и имение Дергайково	8
Мельница на речке Малая Истра	19
Крестовоздвиженская церковь села Телепнево	23
Краткие сведения о селениях Леоново, Гребеньки, Деньково, Давыдково, Сабурово	28
Глава 2. Первые владельцы сельца Дергайково	34
Все владельцы имения Дергайково	34
Начало XVIII века: Плещеевы	35
1733 – 1746: Орловы	37
1746 – 1764: Нащокина, Власов	46
1767 – 1783: Нащокины	51
1783 – 1791: Мосолов	55
1792 – 1793: Мясоедов	58
Глава 3. Владельцы сельца Дергайково XIX столетия	68
1793 – 1839: Татариновы	68
1839 – 1884: Степановы	78
Глава 4. Предки Чередеевы и Маклаковы	87
Мать Елизавета Васильевна и род Чередеевых	87
Прапрадед Иван Игнатьевич Маклаков	95
Прадед Василий Иванович Маклаков и дворяне Лаговчины	98
Дед Николай Васильевич Маклаков	101
1884 – 1895: Отец Алексей Николаевич Маклаков	105
Мачеха Лидия Филипповна Маклакова	116
Глава 5. Последний владелец Дергайково Василий Алексеевич Маклаков	121
Детство, учеба в университете	123
Под негласным надзором полиции	129
Адвокатская деятельность	131
Депутат Государственной думы, общественный деятель	134
Жена Евгения Павловна Михайловская	139
Писатель Лев Николаевич Толстой и его родственники	141
Писатель Антон Павлович Чехов и его родственники	145
Певец Федор Иванович Шаляпин	148
Дергайково и другая недвижимость, места жительства	149
Революция и эмиграция	154

Глава 6: Братья и сестры Маклаковы	158
Губернатор и министр Николай Алексеевич Маклаков и его семья	159
Родственники по линии жены дворяне Оболенские и Толстые	171
Офтальмолог Алексей Алексеевич Маклаков и его семья	180
Родственники по линии жены дворяне Голицыны и Обресковы	184
Елизавета Алексеевна Щелкан и ее семья	192
Муж Николай Сергеевич и его родственники дворяне Щелканы и Дювернуа	195
Александра Алексеевна Танеева и ее семья	203
Муж Владимир Владимирович и его родственники дворяне Танеевы	205
Ольга Алексеевна Маклакова	220
Мария Алексеевна Маклакова	222
Заключение	230
Приложение	
1. Справка о дореволюционной России	233
2. Мария Гамильтон – любовница Петра I и денщика Ивана Орлова	236
3. Отрывки из воспоминаний Василия Алексеевича Маклакова	240
4. Аферист Николай Александрович Маклаков	252
5. Фотографии из музеев	254
Государственный музей Л. Н. Толстого, Москва	254
Государственный музей А. С. Пушкина, Москва	255
Музей С. И. Танеева в Дюнькове	256
Список источников и литературы	257
Список принятых сокращений	265
Список архивов и музеев	265
Об авторе	266

Введение

Как родился замысел настоящего издания

Это седьмая книга, посвященная истории Истринского края Подмосковья. В целом она похожа по содержанию и оформлению на предыдущие издания, но есть и существенное отличие.

В нашем крае много селений с богатой историей, где есть православные храмы. Хотелось бы о каждом из них написать книгу. О некоторых селах такие книги уже написаны: о Никулино¹, Филатово², Глебово³, Брыково⁴, Ивановской фабрике и Цурикове⁵. Все эти книги были заранее запланированы, кроме самой первой – о помещике Борисе Брусилове⁶, которая была написана по инициативе настоятеля Казанской церкви с. Глебово о. Александра Чепрасова. Хотелось бы написать книги и о других селах и церквях нашего края, благо о каждом из них уже накоплена большая библиография. Осталось обработать собранные материалы и написать тексты. А это большой труд, требующий значительных затрат времени. Дал бы Господь необходимых сил и времени ...

Ну, так вот – настоящая книга появилась вне плана. А случилось это следующим образом.

В Истринском районе стало традицией в конце года проводить Воскресенские чтения (по сути это конференции) для краеведов и людей, интересующихся историей Истринского края и Подмосковья. Когда летом прошлого года стала известна тематика очередных чтений, которые предполагалось посвятить замечательным людям нашего края, встал вопрос: кого же выбрать для темы своего доклада? Таких достойных людей, ныне забытых, оказалось много. И среди них выделялся адвокат Василий Алексеевич Маклаков. Уникальность этого человека в том, что он был в царской России депутатом Государственной думы трех созывов (II, III, IV). Думается, не будет преувеличением сказать, что о нем знала вся страна (по крайней мере, те, кто был грамотным и читал газеты). Но вот прошло столетие, и фамилия адвоката-депутата оказалась почти забыта. Ныне его мало кто знает в Истринском районе. А ведь он полтора десятилетия был владельцем имения Дергайково, находившегося в 9 верстах от Новоиерусалимского монастыря.

Так о В. А. Маклакове стал собираться материал для доклада на чтениях. И оказалось, что сведений об этом человеке очень много. Василий Алексеевич написал большую по объему книгу, в которой поделился воспоминаниями о своей жизни. Другие авторы также писали о нем книги, статьи. После просмотра собранных материалов стало понятно, насколько это был талантливый, неординарный человек. Его братья Николай (губернатор, министр внутренних дел) и Алексей (врач-офтальмолог) тоже оказались достойны отдельного рассказа. Формат же выступления на конференции и ограниченный объем статьи в сборник чтений не позволял полностью раскрыть тему. Жалко было сокращать интересный материал. Тогда-то и было принято решение написать отдельную книгу о Маклаковых, при этом упор сделать на малоизученный вопрос об их происхождении, родственниках. Ну и, конечно, рассказать об истории сельца (сц.) Дергайково, о котором никто еще подробно не писал. Исторический рассказ был бы неполным, если в него не включить сведения о других владельцах Дергайково. Так и определилось содержание настоящей книги.

Работа продолжалась около года, и вот вы видите результат этого труда. Ну а для Воскресенских чтений был выбран другой доклад – о протоиерее Сергии Холмогорове, который почти полвека был настоятелем Вознесенской церкви в г. Воскресенске. О нем материала оказалось намного меньше, но его с лихвой хватило для доклада и последующей статьи в сборник⁷.

Особенности данной книги

Чтобы верно сориентировать читателей, при выпуске каждой книги приходилось писать об авторском подходе к изложению материала. Вот краткое перечисление основных принципов:

– Излагать только правду, ничего не придумывать (к сожалению, не все авторы, пишущие на исторические темы, считают это важным). Там, где нет уверенности в интерпретации событий, добавляются слова «возможно», «скорее всего», «по-видимому» или другие аналогичные.

– Для подтверждения достоверности приводимых сведений широко использовать исторические документы, цитаты из них выделять в кавычках «курсивом». Обязательно указывать библиографические ссылки на источники, если они известны (там, где в тексте подряд идут цитаты из одного источника, ссылка дается только один раз).

Изо Вв-01. «**Дергайково. (Под Москвой).** Этюд»⁸, 2-я треть XX в., худ. И. Д. Чашников.
Государственный художественный музей Алтайского края.

– Тексты из исторических документов приводить без искажений, как есть. Однако дореволюционная орфография заметно отличалась от современной. Поэтому для облегчения чтения цитаты адаптированы к более привычному виду: без твердого знака “Ъ” в конце слов, старорусская буква “Ѣ” заменена на “е”, “ї” – на “и” и т.д. При этом орфографические ошибки не исправлялись (если только они не искажали смысл), добавлялись лишь знаки препинания для лучшего понимания текста.

– По этой же причине имена и отчества людей решено давать в современном виде. Т.е. писать, к примеру, Григорий Михайлович вместо «Григорій Михайлов», как в первоисточнике.

– Все даты приводить в том виде, как они даны в оригинальных текстах (напомним, что в России до февраля 1918 г. использовался Юлианский календарь, так называемый, старый стиль).

Особенность всех книг автора – большое количество библиографических ссылок, в настоящем издании их 987. Информация собиралась из разных исторических источников: книг, воспоминаний, статей в научных изданиях и периодической прессе (журналах и газетах). Больше всего ссылок, как и

раньше, оказалось на дела архивов: ЦГАМ, ЦГАМО, ГАРФ, ГРАДА, РГАЛИ, ОПИ ГИМ, НИОР РГБ, РГВИА, РГИА, ИИМК; областных архивов ГАТО в Твери, Туле и Тамбове, ГАВО в Воронеже. Кроме того, использованы фотографии из московских и подмосковных музеев: ГИМ (на Красной площади), им. А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, В. И. Даля, С. И. Танеева в Дюнькове и А. П. Чехова в Мелихово.

В настоящем издании приведены сведения о нескольких десятках дворянских семейств, которые в разное время владели имением Дергайково или являлись предками владельцев. Составлены родословные древа, некоторые из них прежде не публиковались. Даты рождения и смерти основных персонажей в большинстве случаев подтверждены метрическими книгами или же источниками, заслуживающими доверия. Если такие сведения не удавалось найти, использовались сведения из интернета.

Настоящая книга состоит из шести глав. Первая глава посвящена истории сц. **Дергайково**, в ней кратко говорится и об истории приходской Крестовоздвиженской церкви с. Телепнево. Также рассказывается о нескольких других селениях, которые упоминаются в настоящей книге. В двух следующих главах говорится о помещиках, владевших Дергайково, о том, как имение переходило из рук в руки. Три других главы посвящены Маклаковым. Вначале речь пойдет о предках, потом о последнем владельце имения Василии Алексеевиче, и в завершении – рассказ о его братьях и сестрах. В конце книги имеется приложение, в котором приведены дополнительные материалы.

Ввиду большого количества собранных сведений эта книга, как и предыдущие, получилась довольно объемной. Это при том, что не все найденные исторические материалы вошли в нее. Ввиду значительного подорожания услуг типографии пришлось сокращать текст и фотографии. С учетом того, что исторические издания ныне не пользуются широким читательским спросом, тиражи их маленькие. И чтобы цена на книгу не стала «заоблачной», все время приходилось думать о снижении себестоимости издания. Поэтому для уменьшения числа страниц выбран формат А4, выполнена плотная верстка текста (в книге почти нет пустых мест, минимальные поля). И даже после принятия всех этих мер, цена настоящего печатного издания осталась высокой. В отсутствие спонсоров ничего с этим поделать нельзя. Увы. Но зато эта книга, как и все предыдущие, вскоре после распродажи тиража появится в формате pdf на трех сайтах (список их можно найти на последней странице настоящего издания). Текст можно будет свободно читать и бесплатно скачивать.

Благодарности

Успех сбора материалов для книг во многом зависит от удачи, от желания людей помогать. На этот раз не удалось установить контакты с наследниками бывших дергайковских помещиков. Сами они о себе не заявляли (думается, что многие из них и не знают, что когда-то у их предков было подмосковное имение). Правда, удалось найти не прямых потомков – дальних родственников владельцев Дергайково по боковым ветвям.

Традиционно оказывали помощь те люди, которые и прежде помогали в работе над предыдущими книгами. Это исследователи: Г. Н. Рыженко, С. В. Худяков, Е. Н. Кожухова, Т. В. Максимова, В. Н. Христенко. Это местные краеведы: А. Н. Гольцев, О. В. Ткаченко, Н. М. Мордвинова (Журова). Это работники библиотеки РГБ: Е. А. Чибисова, Е. Л. Найдина. Это сотрудники интернет-проекта «Храмы России»: А. В. Шатохин, Ю. В. Иванов. Были и новые помощники: Д. П. Шпиленко, И. В. Белоусова, Е. В. Фетисова. Хотелось бы еще отметить работников музеев, которые бесплатно предоставили копии исторических фотографий для публикации. Это Н. А. Александрова и О. В. Михальская из музея А. С. Пушкина в Москве; В. В. Сергеева из музея Л. Н. Толстого в Москве; сотрудники музея С. И. Танеева в Дюнькове; сотрудники музея А. П. Чехова в Мелихово. Также хотелось бы поблагодарить работника читального зала московского архива ЦГАМ Е. Н. Коршикову. Особая благодарность супруге Т. Н. Носиковой, много потрудившейся над редактированием текста настоящей книги.

Огромная благодарность всем этим людям за оказанную помощь!

Глава 1. История Дергайково и других селений

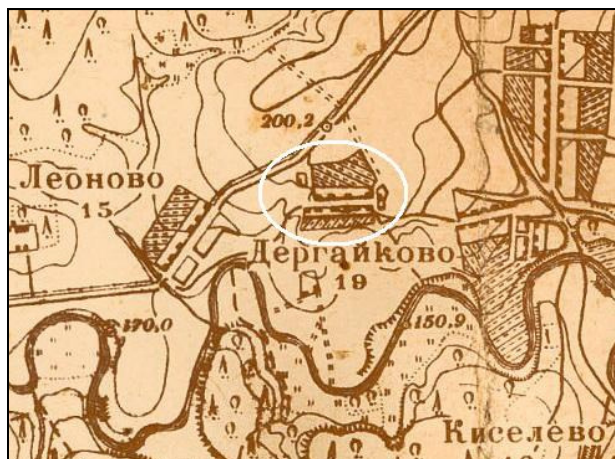
В настоящей книге будет упоминаться множество населенных пунктов, некоторые из них особенно часто. Хотелось бы рассказать об их истории. Начнем с сц. Дергайково, входившего в приход Крестовоздвиженской церкви с. Тепленово, а потом поговорим о других селениях, которые принадлежали дергайковским помещикам.

Деревня, сельцо и имение Дергайково

(GPS: 55.89792, 36.74062).

Изо 1–01. Фрагмент военно-топографической карты Московской губернии Ф. Ф. Шуберта¹, 1860.

Изо 1–02. Фрагмент карты Московской области института геодезии и картографии ВСНХ-СССР, 1931.

Населенный пункт **Дергайково** находится на левом высоком берегу небольшой речки Малая Истра (Истрица) в 7 км от ж-д станции “Новоиерусалимская” по дороге на Кострово, Рузу.

В энциклопедии “Истринская земля” приводится объяснение топонима: «По местному преданию, берег реки прежде был сырым и болотистым, и на болотах водились птицы дергачи (коростели). Пение этих птиц было хорошо слышно на горе, где стоит деревня, и ее называли **Дергайково** – от слова дергач»². Есть и другое толкование названия: «происходит от имени-прозвища первопоселенца Дергайко – производного от прозвища Дергай. Такое имя-прозвище встречается в документах, начиная с XVI в. (Владимир Дергайко, крестьянин ростовский, 1501 г.)»³.

В старину название селения писали «Дергайкова», иногда без буквы “й”: «Дергаково».

Территориальная принадлежность селения

В середине XVI в. Дергайково относилось к Сурожскому стану Московского уезда. Спустя век в документах упоминается Звенигородская десятина (недолгое время), потом Загородская десятина все того же Московского уезда. С 1781 по 1796 гг. это были земли Воскресенского уезда Московской губернии. Потом, по данным исследователя Т. В. Максимовой, данная местность на короткое время (1797–1801) отошла к Рузскому уезду⁴. Все последующие годы вплоть до революции и в первые годы советской власти, это был Звенигородский уезд. В 1921 г. вновь образовался Воскресенский уезд, который в 1929 г. был преобразован в Воскресенский район Московской области. Спустя год произошло переименование г. Воскресенска в г. Истра, и район стал называться Истринским. И уже в недавнее время придумали наши земли называть городским округом Истра.

Сельцо в первые века своего существования

Когда впервые люди поселились в **Дергайково**? Самое раннее упоминание относится к 1584–1586 гг. (т.е. 440 лет назад), когда деревни уже не было, на ее месте находилась поросшая мелким лесом пустошь. Об этом в писцовой книге сказано так: «Пуст., что была дер., Дергайко-

ва: пашни и лесом поросло в кол и в жердь сер. земли 50 четьи в поле, а в дву потомужⁱ, сена 20 коп. [копен]»⁵. Слова «поросло в кол и в жердь» означают деревца толщиной в 3–7 см. Как быстро вырастают деревья (береза, ель) до такой толщины? За 10, 15, 20 лет? Вот примерно столько времени прошло, как деревня Дергайково перестала существовать, обезлюдела. Можно смело добавить эти года, и тогда получается, что история населенного пункта насчитывает как минимум четыре с половиной столетия.

По какой причине Дергайково обезлюдело в конце XVI в. – осталось неизвестно. Но польско-литовские банды здесь ни при чем, Смутное время наступило на четверть века позже. Может, виной было какое-то моровое поветрие. В то время нередко случались различные эпидемии, которые «выкашивали» поголовно все население. А, может, произошел сильный пожар, опустошивший эти земли (хотя это вряд ли: обычно спасшиеся люди быстро все отстраивали заново).

Когда деревня вновь возродилась? В упомянутой энциклопедии говорится, что «В 1623 г. пустошь по-прежнему находилась в порозжих землях». И только в начале XVIII в. (т.е. спустя полтора столетия после первого упоминания) появились данные о том, что здесь жили люди – крепостные крестьяне. Так возродилось **Дергайково**.

Его правильнее называть селцомⁱⁱ, а не деревней, т.к. это было владение помещиков, которые недалеко от крестьянских домов устроили свою усадьбу. Все это – дома с крестьянами, господская усадьба с дворовыми людьми и окружающие земли – называлось имением Дергайково. Все последующие годы вплоть до революции данное имение принадлежало разным помещикам (о них и пойдет речь в настоящей книге). За небольшим уточнением: после отмены крепостного права (1861) дворовые люди и крестьяне со своими домами и домашним скотом перестали быть собственностью помещиков. В результате из имения Дергайково было исключено само селцо со всеми крестьянскими домами и их жителями, а также крестьянские наделы земли.

Планы и карты Дергайково с окрестными землями

Во второй половине XVIII столетия по указу императрицы Екатерины II по всей Российской империи проводилось так называемое «генеральное межевание» земель, составлялись карты местности, их называли планами генерального межевания (ПГМ). На больших листах помимо изображений местности приводились сведения о составе угодий. План имения Дергайково, составленный в 1769 г., сохранился в архиве РГАДА. Для данной книги была изготовлена его копия (изо 1–03).

На этом плане приведена такая информация: «**Дергайково, селцо Московского уезда, Су-рожского стана, владение отставного прапорщика Николая Михайловича Нащокина жены Натальи Никитичны, межевал 18 июня 1769 г. Жданов. Лес 68 д [десятин] 1640 с [квадратных саженей], роща 528 с, пашня 55 д 1882 с, сенной покос 22 д 995 с, селение 2 д 1660 с, мельничное строение и двор 820 с, реч. [речка] 5 д 1374 с, дороги 4 д 750 с, болот 3 д 490 с, всего 163 д 539 с, душ 16» (цитирование по книге В. С. Кусова⁶).**

Цифр в приведенной цитате много, стоит отметить общий размер дергайковского имения – 163 дес. И что в те времена на речке Малой Истрице уже стояло «мельничное строение» (мельница), на которой молотили собираемое на полях зерно.

В 1862 г. на основе ПГМ Дергайково был составлен новый план местности, он хранится в ОПИ ГИМ. Он также был скопирован, вырезка из него приведена на обороте обложки книги.

Еще один подробный план местности был обнаружен в архиве ЦГАМ (изо 1–05). Он был составлен в 1912 г. и имеет следующий заголовок: «План Московской губернии, Звенигородского уезда на участок, находящийся в даче государственного межевания селца **Дергайкова**, принадлежащий обществу крестьян селения Дергайкова»⁷. Далее говорится, что «В участке заключается: удобной земли 69 десят. 1572 кв.саж, неудобной 4 десят. 2220 кв.саж.». Всего во владении крестьян находилось более 74 дес. На плане 1912 г. показаны 12 дворов в Дергайково. Видно, что крестьянская земля располагалась как в северо-западном направлении от селца, выходя за дорогу Руза–Воскресенск, так и в южном направлении до речки Малая Истра, и даже был небольшой кусок на ее противоположном правом берегу.

ⁱ Объяснение слов «а в дву потомуж» дано в Приложении–1 к книге.

ⁱⁱ В Приложении–1 поясняется, чем отличались деревня, селцо и село. В отношении Дергайково это правило не всегда соблюдалось, т.к. в некоторых документах селение именовалось деревней, а не селцом.

Copied
 from the original

[illegible]

Берггольцъ Михаилъ Онуфриевичъ Копышевскій Св. Троицк. Костромскій.

[illegible]

Amesbury Mumfords (contingent)
Mumfords Mumfords

[illegible]

Maximilian von Schrenck & Schrenck'scher Druck 1840

- 10 -

Размер имения Дергайково

Имения у помещиков были разные. Если говорить в целом, то под имением (владением) понимали как недвижимое имущество (земля, строения), так и движимое имущество (люди, скотина, утварь, ценные бумаги). У одних помещиков имелся лишь небольшой участок земли (пустошь) без крепостных крестьян. Если на участке стоял господский дом, то таких владельцев называли «однодворцами». У других помещиков, помимо земельных владений, было селение с крестьянами. Если в нем была господская усадьба, то его называли сельцом, а если ее не было, то деревней. У третьих помещиков имения были побольше, включали несколько деревень, иногда и село с церковью.

Имение Дергайково в старину включало сельцо с окружающей землей, других населенных пунктов не было. По размеру его можно отнести к средним владениям. После реформы 1861 г. из состава имения было исключено сц. Дергайково с крестьянскими дворами, а также наделы крестьянской земли. При этом название господского владения осталось прежним – имение Дергайково.

В конце XVIII в. составлялись описания земель Российской империи, включая Московскую губернию. Так появилось «*Экономическое примечание Рузского уезда*», куда в то время относилось сц. Дергайково. Имение тогда принадлежало подпоручику Александру Ивановичу Татарину. В документе указан состав земель (квадратные сажени отброшены): сельцо – 3 дес., пашня – 55, сенокосы – 22, лес – 68, неудобия (неудобная земля) – 13. Всего 163 дес. 539 кв.саж. Такие же данные приведены и на ПГМ 1769 г.

После отмены крепостного права из дергайковского имения были выделены 58 дес. крестьянских наделов. Тем самым размер помещичьих владений уменьшился почти на треть. В архивном деле 1866 г. приведено детальное описание состава господской земли (значения округлены): усадьба – 1,5 дес.; пашня – 7,5 дес.; луга заливные – 3 дес.; луга «суходольные» – более 8 дес.; покос в лесу – почти 40 дес.; лес дровяной – 30 дес.; мелкая поросль и кустарник – почти 21 дес.⁹. Итого удобной земли 111 дес. 380 кв.саж. Таким размер дергайковского имения оставался и в последующие годы вплоть до революции. Помимо этого, имелась неудобная земля около 8 дес. (речка, болото, дороги), она не облагалась налогами. Таким образом, общий размер владений помещика составлял 118 дес. 2309 кв.саж. (т.е. почти 119 дес.).

Динамика изменения численности населения в Дергайково

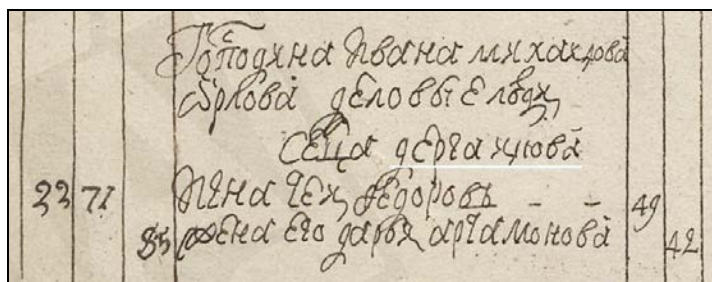
Информации о далеких временах очень мало, а та, что встречается, как правило, отрывочная, полной картины не дает. Из тех данных, что удалось собрать, видно, что Дергайково всегда было небольшим селением.

Первые сведения о жителях относятся к 1720 г., когда возобновилась жизнь в данной местности. Тогда в Дергайково, по данным энциклопедии, обитало 12 «дворовых людей», крестьян не было. Потом на протяжении нескольких десятилетий никакой информации о населении нет.

В подобных случаях очень полезными оказываются исповедные ведомости (или исповедки, как их называют на своем жаргоне исследователи), которые составлялись ежегодно в каждом церковном приходе. В этих документах поименно перечислялись все люди, пришедшие исповедаться в свою приходскую церковь весной в Великий пост. Прихожан в приходе могло быть больше, чем указано в исповедке (кто-то находился в отлучке). Но обычно отличия были незначительные. Люди в те времена почти все были православными. Тех, кто несколько лет без уважительной причины не являлся на исповедь, наказывали (накладывали так называемую епитимью).

Самая ранняя сохранившаяся исповедная ведомость Крестовоздвиженской церкви с. Телепнево датирована 1742 г. В ней поименно перечислены 24 жителя сц. Дергайково – 10 лиц мужского пола (м.п.) и 14 женского пола (ж.п.). Это были «*Господина Ивана Михайлова Орлова деловые люди селца Дергайкова*». Все деловые (дворовые) люди проживали в одном доме.

Спустя 13 лет в сельце насчитывалось три двора: в одном обитали дворовые люди (20 м.п. и 20 ж.п.), в двух дру-

Изо 1–04. Фрагмент исповедной ведомости Крестовоздвиженской церкви¹⁰, 1742. ЦГАМ.

гих – крестьяне (7 м.п. и 6 ж.п.)¹¹. А в 1764 г. дворовых людей в ведомости не оказалось, на исповедь явились только крестьяне (17 м.п. и 13 ж.п.), они проживали в трех дворах¹².

По данным справочника, в 1773 г. в Дергайково насчитывалось 5 дворов, в них обитало 34 человека: 16 мужчин и 18 женщин¹³. Крестьяне находились у помещика на барщине¹, женщины занимались прядением.

Как видно из приведенных цифр, в конце XVIII в. Дергайково оставалось маленьким селцом, в котором имелось всего несколько домов и около трех десятков крепостных (крестьян и дворовых людей обоих полов). В начале следующего столетия размер селца увеличился примерно в два раза. По данным энциклопедии «Истринская земля»: «В 1800 г. с-цо *Дергайково* (9 дворов, 61 человек) [31 м.п. и 30 ж.п.] входило в Рузский уезд и принадлежало подпоручику Александру Ивановичу Татаринову. Ему же, поручику, принадлежало селцо в 1816 г. (21 дворовый человек, 43 крестьянина)». А по информации из архивного дела 1820 г. у дергайковского помещика имелось 18 дворовых (6 м.п. и 12 ж.п.) и 44 крестьянина (19 и 25)¹⁴.

Спустя год сменился владелец имения: подпоручик Александр Иванович Татаринов подарил Дергайково своей жене Марфе Афанасьевне. При ней, а также при следующих помещиках Степановых размер селца менялся незначительно. Это наглядно видно из данных, приведенных на сайте краеведческого проекта «Утраченный Божий Дом». Эти данные показывают, как на протяжении XIX в. менялось число дворов в Дергайково, а также количество проживающих в них лиц мужского и женского пола (сведения брались из клировых ведомостей приходской церкви с. Телепнево)¹⁵. В 1827 г. было 8 дворов, 19 душ м.п. и 25 ж.п.; в 1842 – 7, 22 и 25 соответственно; в 1849 – 7, 25 и 29; в 1879 – 8, 37 и 29. Примерно такие же данные встречаются и в других источниках. Так, по данным официального справочника в 1859 г. в Дергайково было 7 дворов, 26 душ м.п. и 27 ж.п.¹⁶.

Перед революцией произошло заметное увеличение численности населения в селце. В 1914 г. в 16 дворах жили 67 крестьян и 63 крестьянки, всего 130 человек¹⁷. Примерно такие же данные приведены в клировой ведомости за 1916 г.: в Дергайково было 16 дворов, 62 м.п., 57 ж.п.¹⁸.

Крестьянская реформа

В 1861 г. произошло одно из важнейших событий в истории Российской империи. По манифесту императора Александра II крепостное право было отменено, и все помещичьи и казенные крестьяне, а также члены их семей получили свободу. Центральным вопросом реформы стал вопрос о земле. Закон оставлял право собственности помещиков «на всю землю в имении», в том числе и «на крестьянскую надельную». Крестьяне объявлялись лишь пользователями этой надельной земли, обязанными отбывать установленные повинности – барщину или оброк. Крестьяне стали называться «временнообязанными».

Крестьяне объединялись в крестьянские (сельские) общества. Отношения между этими обществами и помещиками регулировались **уставными грамотами**, в которых фиксировалось количество предоставляемой земли и размер повинностей. По реформе в Московской губернии в большинстве мест (в том числе и в Дергайково) размер предоставляемого надела каждому крестьянину составлял 3 дес. 1200 кв.саж., т.е. 3,5 дес. Позднее было установлено, что крестьяне в течение 49 лет должны выкупить свои наделы. Для выкупа у помещиков крестьянских наделов государство выделяло сельским обществам ссуду под 6% годовых, которую они погашали ежегодными платежами. После выплаты всей суммы крестьяне из категории временнообязанных переходили в собственники земли (дополнительные сведения приведены в Приложении–1).

Уставная грамота сельского общества с. Дергайково была составлена 1 июля 1862 г. Ее подписала помещица, которой в то время была Мария Павловна Степанова. В документе сообщалось, что согласно положению реформы земель должны быть наделены 23 крестьянских хозяйства. Потом это число было исправлено на 22. Отдельно отмечено, что из дворовых людей (таких насчитывалось трое) «никто наделом не пользовался и теперь получить его права не имеет»¹⁹. Обычно в таких документах указывалось, сколько крестьян какое количество зем-

¹ До 1861 г. большая часть крестьян в Российской империи были крепостными, принадлежали помещикам или государству. Они отбывали повинность. Это была либо барщина, когда крестьяне и крестьянки бесплатно работали на помещика определенное число дней в году. Либо оброк, когда помещику ежегодно выплачивалась установленная дань деньгами и/или продуктами питания.

ли фактически обрабатывало и сколько им должно быть отведено земли по положению. Но таких сведений не оказалось в уставной грамоте Дергайково. Объяснение дано такое: «Сколько состояло всей земли в пользовании крестьян селца **Дергайково** до обнаружения положения 19 февраля 1861 года в границах местности онаго в точности определить нельзя». Это понятно. Местные крестьяне издавна обрабатывали землю, но размеры ее не знали. А вот почему в грамоте не указано, какой надел у них должен быть по реформе – не понятно. На 22 хозяйства полагалось 77 дес. (из расчета 3,5 дес. на одно).

Сведения о реально обрабатываемой крестьянами земле обнаружены в другом документе – на плане 1862 г., о котором уже говорилось (см. оборот обложки). В разделе «Экспликация» приведены такие сведения (значения округлены): пашни 35 дес., под крестьянскими избами с дворовыми постройками 4, сенокосы почти 17, лес 1. Всего удобной земли насчитывалось 57 дес. 1918 кв.саж., т.е. почти 58 дес. Помимо этого, имелось около 5 десятин неудобных земель (сельская улица, дороги, болото). В сумме получилось 62 дес. 1433 кв.саж. Соответственно, во владении помещика осталось 109 дес. 1530 кв.саж. удобной земли, большую часть которой занимал лес – 80 дес. Помимо этого, имелось более 7 дес. неудобной земли и почти 3,5 дес. находилось под мельницей.

Следует отметить, что у крестьян в обработке находилось земли меньше (58 дес.), чем им полагалось по реформе (77 дес.). В пересчете на каждое хозяйство получалось чуть более 2,5 дес. вместо положенных по закону 3,5 дес. Обычно в таких случаях из владений помещика добавлялась недостающая земля. Но в Дергайково этого почему-то не произошло, по крайней мере, поначалу. Можно предположить, что стороны (помещица и крестьяне) договорились полюбовно. За меньшую землю, которая находилась в пользовании крестьян, они отбывали меньшую повинность (барщину и оброк). В уставной грамоте прописан размер барщины для всех 22 хозяйств: в течение года крестьяне должны были отработать 506 дней на помещика, а крестьянки – 380 дней²⁰. Был указан размер оброка со всех хозяйств – 132 руб. 55 коп.

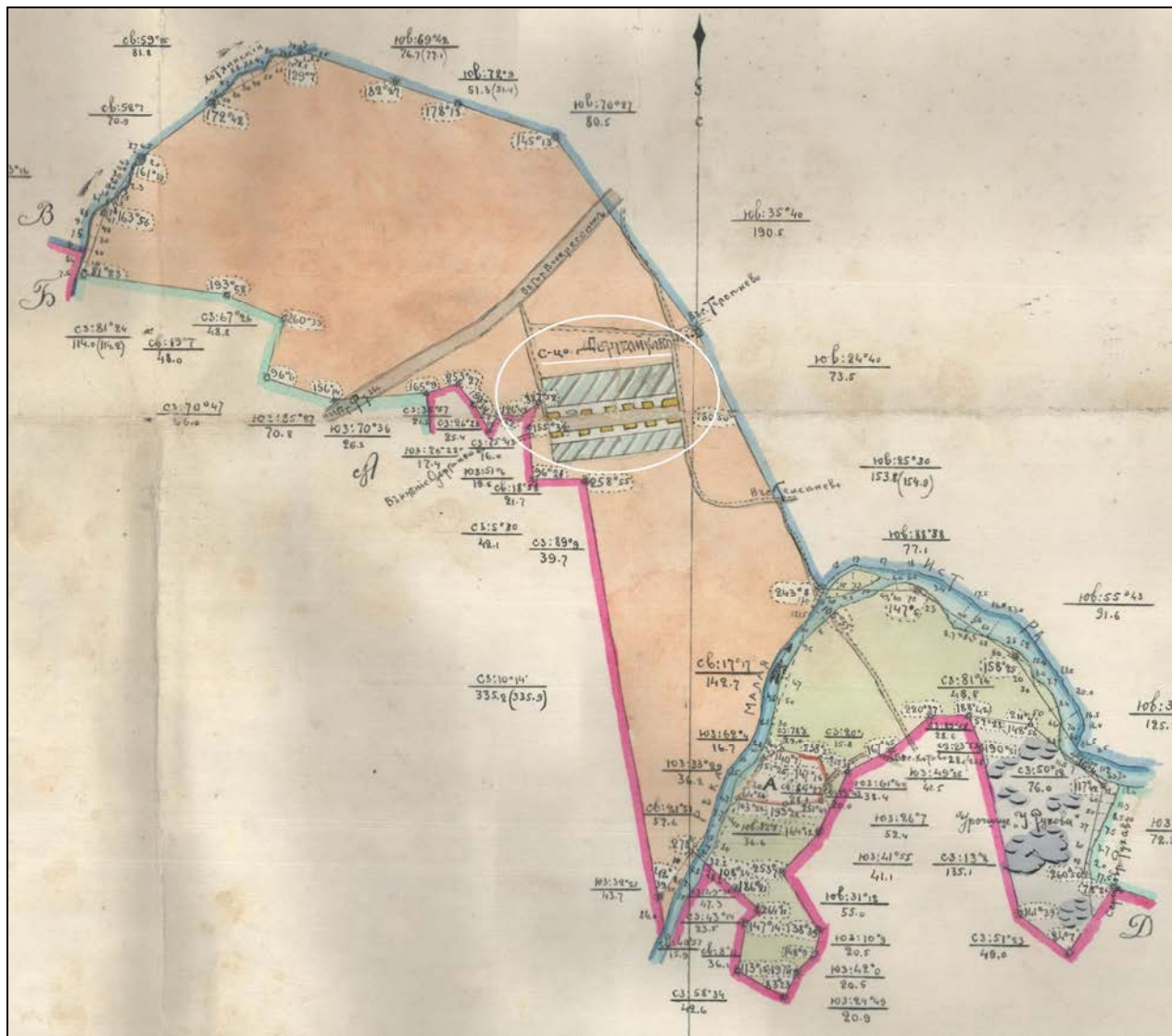
Так продолжалось более двух десятилетий. По информации из архивного дела, 20 сентября 1884 г. был оформлен акт о выкупе земли, которая находилась в пользовании крестьян – 57 дес. 1918 кв.саж. Это была та самая земля, которую они издавна обрабатывали. За выкуп указанной земли крестьяне должны были заплатить 2.416 руб.²¹. Была оформлена ссуда через банк.

По всей видимости, позднее крестьяне все же получили от помещика недостающую землю, положенную им по реформе. В пользу этого свидетельствует размер крестьянского надела, указанный на плане 1912 г. – более 74 дес. Когда именно и на каких условиях был добавлен земельный участок (как тогда говорили, осуществлена «прирезка земли») – установить не удалось.

В архиве обнаружен интересный документ, так называемая «Поселенная ведомость» (дата не проставлена, это примерно 1880 г.). В ведомости приведены сведения о крестьянских хозяйствах в с. Дергайково. На все хозяйства приходилось 13 лошадей (при этом у трех хозяев было по две лошади, а у кого-то ни одной). Имелось 15 коров, 1 жеребенок, 5 телят, 41 овца и 4 свиньи²².

Хотелось бы еще остановиться вот на чем. Отмена крепостного права оказалась тяжелым испытанием для многих помещиков. Они издавна привыкли пользоваться дармовым трудом крепостных крестьян, а когда лишились этой возможности, то не все смогли перестроиться. Государство заплатило владельцам имений деньги за землю, переданную крестьянам, так называемый «выкупной платеж». Однако не все помещики грамотно распорядились этими деньгами. Порой они тратились не на пользу дела, а проживались, бездарно транжирились. Помещики влезали в долги, их имения распродавались, шли с молотка. Дергайковские помещики и их предки были не из их числа. Вот как об этом написал последний помещик В. А. Маклаков в своих воспоминаниях:

«прадед П. Степанов и мой дед В. Чередеев были не только помещиками, но служилыми людьми и получали за эту службу содержание. Имения были для них не источником богатства, а его признаком и последствием. Сами имения были не латифундиями по размерам и доходности, а небольшими кусками земли в разных уездах Московской губернии, которые раньше носили характерное название “подмосковных”. Там были усадьбы, велось и хозяйство, что при даровом крестьянском труде было легко. Потому отмена в 1861 году дарового труда для таких помещиков не была катастрофой, как для тех, кто своим имением жил и кому пришлось строить хозяйство на совсем других основаниях: сдавать латифундии в аренду крестьянам же или отдавать имения в более умелые для хозяйничанья руки. Для помещиков, которые жили не имением, а службой или

Изо 1–05. План земельного надела крестьян сц. **Дергайково**²³, 1912. ЦГАМ.

интеллигентным трудом, вопрос так не ставился. Многие из них и после 1861 года имения свои сохранили, продолжали там жить, хотя бы часть года; предпочитали не уничтожать хозяйства, держать лошадей, скот, домашнюю птицу, не для барышей, а для домашнего употребления. Вести такое хозяйство было несложно. Надо было иметь небольшое число постоянных работников, которых можно было вербовать из бывших дворовых. Их было недостаточно на время страды, но для этого не нужно было выдумывать нового. Раньше эта нужда удовлетворялась крестьянской “барщиной”, теперь ее нужно было оплачивать. В экстренных случаях она принимала освященную практикой форму “помочи”. Все это происходило к взаимной выгоде и даже к удовольствию»²⁴.

Стоимость имения, налоги

В следующих главах подробно описывается, когда, от кого, к кому и на каких условиях переходило имение Дергайково. Если говорить кратко, то большей частью имение меняло владельцев по родственным связям (наследство или дарственная). Но иногда происходила его продажа. Думается, представляет интерес вопрос: а сколько стоило имение Дергайково?

В 1783 г. капитан Ф. А. Мосолов купил поместье в «сельце **Дерганкове** [sic] с людьми и крестьяны за 3000 рублей»²⁵ (размер земли и число крепостных душ не указаны).

В 1794 г. подпоручик А. И. Татаринов приобрел Дергайково с 26 душами за 10.000 руб.²⁶. Откуда более чем трехкратная разница в цене – достоверных объяснений не найдено¹.

¹ Возможно такое объяснение. Одна сумма (3.000) могла быть в серебряных рублях, а другая (10.000) – в бумажных ассигнациях (асс.). Курс пересчета был 1 к 3,5. В таком случае, суммы примерно сходятся.

В дальнейшем имение меняло владельцев в основном по родственным связям, но денежные оценки имения иногда приводились в документах. Не всегда, правда, удавалось понять, что скрыто за этими цифрами.

Когда в 1848 г. дергайковский помещик П. Ф. Степанов составлял завещание в пользу своих дочерей, то для уравнивания выделяемых долей он привел оценки стоимости своих владений. Для имения Дергайково (включая 22 крепостных крестьянина) указана сумма 13.200 руб.²⁷.

В 1899 г. в Звенигородском уезде собирались сведения о стоимости земельных владений (так называемая «ценность»), в том числе и для Дергайково: 111 дес. удобной помещичьей земли были оценены в 3.557 руб.²⁸. Как видим, стоимость стала намного меньше предыдущей. Очевидно, это были последствия крестьянской реформы: размер господской земли в имении уменьшился на треть, и в его стоимости теперь не учитывались крестьяне с их дворами.

В начале XX в. дергайковское имение принадлежало В. А. Маклакову. Сохранились документы страхования. Так, в 1901 г. поместье было оценено в 13.600 руб., а в 1905 г. уже в 19.620 руб.²⁹.

Помещики платили губернский и уездный налоги (тогда они назывались сборами). При расчете величины сборов принимался во внимание размер имения, учитывалась только удобная земля. По этим данным оценивался доход, который могло приносить имение. С него и исчислялся сбор.

При расчете сбора с имения Дергайково в 1871 г. была принята оценка его доходности 140 руб. 71,5 коп.³⁰. На эту оценку из расчета 6% был начислен уездный сбор 8 руб. 44,5 коп. При расчете сбора за 1886 г. доходность имения оценивалась уже в 160 руб. 7 коп., уездный сбор составил 14 руб.³¹. И отдельно было еще взято 2 руб. за страхование жилых строений. Оценка дохода в 160 руб. потом не менялась на протяжении ряда лет (до 1905 г. точно). В 1913 г. доходность имения оценивалась выше: уездная – 245 руб., губернская – 459 руб.³².

Усадьба Дергайково

(GPS: 55.89575, 36.73861 – координаты примерные).

Теперь хотелось бы поговорить о помещичьей усадьбе в имении Дергайково.

В ходе сбора информации удалось найти несколько фотографий, на которых запечатлен господский дом усадьбы. На некоторых фотоснимках видны фрагменты указанного дома (напр., из 5–14, 6–36). И лишь на одной фотографии, хранящейся в чеховском музее “Мелихово”, барский дом показан почти целиком. По этому изображению видно, что усадебный дом Маклаковых представлял собой традиционную одноэтажную деревянную постройку с пристроенной террасой. Примерно так выглядели господские дома во многих помещичьих усадьбах. На фотоснимке видны четыре женщины на крыльце дома. В подписи указаны фамилии двух из них: «На крыльце слева: Ольга Леонардовна [Книппер-Чехова – Авт.], на перилах М. Т. Дроздова». Думается, в кадре должна быть и хозяйка дома Мария Алексеевна Маклакова (невысокое качество снимка не позволяет это точно утверждать).

Изо 1–06. Господский дом в **Дергайково**³³, 1900-е.
Государственный музей-заповедник А. П. Чехова “Мелихово”.

Поначалу казалось, что самое раннее упоминание о барском доме в **Дергайково** относится к 1817 г. В архивном деле за этот год в составе имения указан господский дом с флигелем³⁴. В ходе работы над книгой обнаружен документ на четверть века старше. В 1791 г. имение Дергайково послужило залогом долгового обязательства. В описании заложенного имущества есть такие слова: «с мельницею и господским домом»³⁵.

Однако думается, что барские постройки в имении появились намного раньше. Судите сами. Ранее говорилось, что в 1720 г. в Дергайково обитало 12 «дворовых людей». А для чего нужны были такие люди, как не для работы в помещичьей усадьбе?

К сожалению, далеко не для каждого дергайковского помещика удалось отыскать достоверные сведения о его проживании в имении. Сложилось впечатление, что некоторые из них не находились постоянно в Дергайково. Если и навещали в свои владения, то изредка и преимущественно в теплое время года. Но доходы с имения (продукты питания, дрова, сено) исправно доставлялись в Москву, где проживало большинство помещиков. Это подтверждают найденные источники.

В документах 1820-х гг., когда помещиком был Александр Иванович Татаринов, говорилось, что в Дергайково он не живет, постоянно обитает в Москве. То же самое происходило и в середине XIX в., когда владельцем поместья стал Павел Федорович Степанов. А вот дочь этого помещика, Мария Павловна, которая позднее стала хозяйкой Дергайково, иногда посещала свои владения летом. В основном же жила в Москве.

Ситуация стала меняться, когда в конце XIX в. имение перешло к Маклаковым. У его хозяина, врача Алексея Николаевича, были дети, семья летом выезжала в свое поместье. В семейной переписке обнаружено письмо, в котором обсуждался вопрос возможного проживания зимой в имении. Высказывалось сомнение: «*Может ли Дергайковский дом выдержать переложку печей?*»³⁶.

После смерти А. Н. Маклакова Дергайково оказалось в общем владении его наследников. В имении первое время могла жить мачеха детей, Лидия Филипповна. Позднее (в начале XX в.) хозяином недвижимости стал сын врача, адвокат Василий Алексеевич Маклаков.

Барская усадьба располагалась на левом высоком берегу речки Малая Истра. В книге «Истринская земля» написано: «*Усадьба находилась в 150 м к югу от юго-западного угла деревни*». Схематично расположение усадебных построек видно на планах имения 1769 и 1862 гг. («1» – усадьба, «2» – село Дергайково).

К сожалению, на приведенных вырезках детальная планировка дергайковской усадьбы не показана. Эта информация приведена в другом документе. В 1904 г. владелец имения застраховал усадебные постройки в «Русском страховом обществе». К документам прилагался план усадьбы и описание ее построек. Главная постройка обозначена литерой «А». Судя по масштабной сетке, она

Изо 1–07. Усадьба **Дергайково**³⁷, 1769. РГАДА.

Изо 1–08. Усадьба **Дергайково**³⁸, 1862. ОПИ ГИМ.

имела размеры примерно 12 на 7 саж. (25 на 17 м). Очевидно, это был главный дом, в котором жили хозяева имения. Приведено его описание: «Строение “А”» – деревянное, крыто железом. Это одноэтажный дом с мезонином на каменном фундаменте. Высота первого этажа 5,5 арш., мезонина 4,5 арш, полы «досчатые», крашенные. Стены снаружи обшиты и окрашены масляной краской, внутри стены и потолок оштукатурены. В мезонине стены оклеены обоями³⁹. Приводятся такие подробности: в здании насчитывалось 13 окон, в 7 комнатах находились 6 голландских печей, 2 камина, на крыше 6 дымовых труб. В здании имелся выносной «Ватерклозет» (т.е. туалет). Строение было застраховано на 13.100 руб. В том же деле есть счет на 1.602 руб. на устройство в 1912 г. колодца в Дергайково глубиной в 200 футов (61 м). По всей видимости, речь шла о господской усадьбе.

Недалеко от барского дома имелось отдельное строение, в котором в ряд находились: бревенчатая изба с русской печкой «В», двухэтажная постройка «С» («занято низ прачечною, верх кухнею»), каменная кладовая «D», бревенчатый сарай «Е». Далее была пристроена бревенчатая одноэтажная «людская» «F» с железной крышей и двумя русскими печами (очевидно, для размещения прислуги). И в конце ряда находился скотный двор «G». В отдельной постройке размещалась конюшня «H» и сушка для белья «J». В отдалении находилась бревенчатая оранжерея «в стеклянных рамах» «K».

Владелец усадьбы В. А. Маклаков любил отдыхать в Дергайково, он здесь охотился и рыбачил. Но времени на отдых у него было мало, поэтому в свои владения приезжал нечасто и только в теплое время года. А вот его родная сестра Мария Алексеевна в имении бывала чаще и жила здесь подолгу. Ей тут нравилось, об этом свидетельствуют слова в ее письмах: «очень хорошо в Дергайково», «Здесь воздух чудесный, очень красиво».

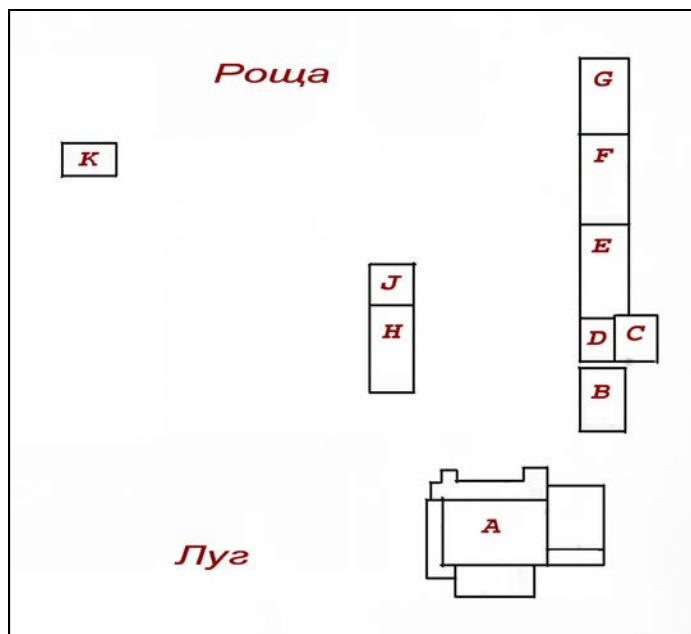
К началу XX в. имение Дергайково оказалось запущено, многое требовало поправки. М. А. Маклакова занималась ремонтом барского дома, об этом подробный разговор пойдет в шестой главе. Мария Алексеевна также занималась садом, огородом, заготовкой сена. Вскоре после начала Первой мировой войны для усадьбы было закуплено большое количество деревьев. Сестра потом писала брату, что приехала на станцию (очевидно, в Новом Иерусалиме), увидела целый вагон заказанных деревьев⁴¹. Пришлось уплатить 198 руб., чтобы перевезти груз в Дергайково. Потом отчиталась, что все деревья посадили.

Вполне, возможно, что на картине Сергея Михайловича Чехова (племянника знаменитого писателя) изображены те самые деревья, посаженные в имении Дергайково перед революцией (изо 1–10). Местные старожилы говорят, что некоторые старые деревья усадьбы сохранились. Это подтверждают современные фотографии, приведенные в конце настоящей книги (изо 7–03, 7–04).

Отдельные события, произошедшие в Дергайково в XIX в.

При написании книг хочется сделать повествование более живым, описать какие-то происходившие давным-давно события, привести примеры из жизни людей. К сожалению, такая информация в исторических источниках попадает нечасто. Но на этот раз повезло: несколько любопытных публикаций было обнаружено.

В 1842 г. в «Санктпетербургских ведомостях» было напечатано краткое сообщение о беде, случившейся 27 июня: «близ сельца *Дергайкова*, убило громом 38 штук мелкого скота, лежавших во время полудня под березою»⁴². Чьи это были животные – крестьян или помещика – не сообщалось.

Изо 1–09. План усадьбы **Дергайково** (реконструкция)⁴⁰, 1904. ОПИ ГИМ.

Изо 1–10. «Дергайково. Кедры в усадьбе В. А. Маклакова»⁴³, 1957, худ. С. М. Чехов.

Далее, в третьей главе, будет приведена другая газетная заметка о трагическом происшествии, произошедшем в 1868 г. в Дергайково. В гости к местной помещице М. П. Степановой приехал ее племянник, студент Павел Михайлов. И каким-то нечаянным образом выстрелом из револьвера смертельно ранил крестьянского мальчика, собиравшего в лесу ягоды.

Во все времена большой бедой, как в городах, так и в сельской местности, были пожары. До революции редко на каких крестьянских избах имелись железные крыши, чаще их покрывали соломой. Это способствовало распространению пожаров. Сведения о нескольких таких несчастных случаях встретились в архивных делах.

12 октября 1870 г. произошел пожар на одном из крестьянских дворов Дергайково. В качестве причины возгорания указана «неосторожная топка овина»⁴⁴. Убыток составил 11 руб. 70 коп. Строение было застраховано, по страховке было выплачено 7 руб. 70 коп.

В том же деле сообщалось о других пожарах, случившихся в селе три года спустя. Первый произошел 15 марта, огонь начал распространяться с крыши дома. Пострадали три крестьянских избы, общий ущерб составил 94 руб. 40 коп. Была выплачена полная сумма. А 11 мая загорелась житница¹, в которой работники курили табак. Ущерб составил 14 руб. 90 коп., выплачено 6 руб. 90 коп.

В другом деле сообщалось о пожаре, случившемся в Дергайково 6 августа 1910 г. До основания сгорела рига, принадлежавшая Н. А. Алексею и И. А. Каменскому. На сей раз был установлен поджог. Рига была застрахована на 70 руб.⁴⁵

В завершение темы о несчастных случаях хотелось бы привести выдержки из писем Марии Маклаковой брату Василию, владельцу имения Дергайково. В конце 1900-х гг. она писала, что собаки разорвали трех овец, пришлось заплатить 12 руб. В другой раз она сообщила брату о трагическом случае, произошедшем с крестьянином с. Телепнево Кузьмой. Тот «поехал купить лошадь под плотину и утонул. Я видела его живым под водой»⁴⁶.

По данным архивного дела, в 1889 г. в с. Дергайково имелась торговая лавка, ее содержал Иван Агапов. Ее доходность оценивалась в 1 руб. 50 коп., уездный сбор составил 15 коп.⁴⁷

В одном из юбилейных сборников, изданных в Российской империи к празднованию «300-летия царствования державного дома Романовых», был обнаружен интересный материал об уроженце селца И. И. Каменском, который организовал прибыльное предприятие в Москве. Текст заметки воспроизводится в оригинальном виде.

Об истории Дергайково в советские годы – краткий рассказ в конце настоящей книги.

¹ «Овин или рига – хозяйственная постройка, в которой сушили снопы перед молотью»; «житница или амбар – помещение для хранения зерна» (интернет).

И. И. КАМЕНСКИЙ.

Каменский, Илларионъ Илларионовичъ, родился въ 1867 году въ Московской губ., Звенигородскаго уѣзда, Лучинской волости, деревни Дергайкова. Образование получилъ домашнее. Фирма основана лично И. И. въ 1889 г. и была въ началѣ въ небольшихъ размѣрахъ, но благодаря энергіи и труду И. И. стала постепенно расширяться и въ настоящее время фирма дѣлаетъ крупный годовой оборотъ и вырабатываетъ изоляціонный матеріалъ изъ пробковой скорлупы и обрѣзковъ, выработку древесной стружки для упаковки матеріаловъ и производитъ торговлю опилками. За доброкачественную выработку древесныхъ стружекъ фирма удостоилась слѣдующихъ наградъ: малая серебряная медаль и дипломъ на сельско-хозяйственной выставкѣ птицеводства въ г. Москвѣ въ 1911 г.

и бронзовая медаль и дипломъ на Московской выставкѣ любителей птицеводства въ 1912 г. И. И. состоялъ членомъ О-ва покровительства животнымъ въ Москвѣ, состоитъ членомъ Сѣвернаго О-ва Взаимнаго Кредита; членомъ учетно-суднаго банка въ Москвѣ.

Адресъ: Москва, Красносельская ул., 4-й Красносельскій пер., свой домъ № 19, Тел. 30-21 и 76-51.

Изо 1–11. Публикация о И. И. Каменскомъ в юбилейномъ сборникѣ⁴⁸, 1913.

Мельница на речке Малая Истра

В документах, связанныхъ съ Дергайково, неоднократно упоминается водяная мельница, которая была сооружена на речке Малая Истра, протекающей рядомъ съ селцомъ и усадьбой. Когда мельница впервые появилась – история умалчиваетъ, но въ началѣ XVIII в. она уже существовала. В архивѣ РГАДА сохранился документъ съ такимъ заголовкомъ: «1718 г. мая 1. – Запись подрядной крестьянина сц. Рубцове, вотчины М. И. Нащокина, Елизара Никитина, данной солдату Семеновскаго полка Ивану Михайлову сыну Плещееву, на строительство мельницы и плотины на р. Малой Истрице в сц. Дергайкове Суровскаго ст. [Сурожскаго стана] Московскаго у.». Текст этого историческаго документа воспроизведенъ въ книгѣ, изданной уже въ наше время:

«Маия в первый день вотчины стольника и полковника Михаила Иванова сына Нащокина селца Рубцова крестьянин ево Елизар Никитин дал запись Семеновскаго полку салдату Ивану Михайлову сыну Плещееву в том, что построить ему, Елизару, в вотчине ево в Московском уезде в Суровском стану в сельце Дергайкове на реке на Малой Истрице мелницу вновь, жерновы одны, анбар и плотину, и колеса, и со всеми принадлежащими снастми ему, Елизару, на свои деньги и владеть за то строение тою мельницею с нынешнего [1718] году июля с тридесятого [30] числа впредь семь лет июля по тридесятое ж число. Да на той же мельнице молоть ему, Елизару, про ево, Ивана Плещеева, обиход всякого хлеба на год по пятидесят четвертей, и помолу с него, и лопатошного в те годы в семь лет ничего не брать. А к тому мельничному строению у него, Ивана Плещеева, плотинного лесу и соломы на плотину имать, сколько понадобится, и огородом и лугом, что отведено. К той мельнице владеть ему, Елизару, а отовладев семь лет, отдать тою мельницу со всякими припасы на ходу. [...] Помета: Пошлин пять алтын, за письмо гривна, от записки гривна, прием Лукин, подпись маия в 2 день. РГАДА. Ф.282. Оп.1. Ч.1. Д.1036. Л.173об–174»⁴⁹.

В цитатѣ есть такіе слова: «мелницу вновь». Это можно понимать какъ то, что прежде мельница на речкѣ уже стояла. После строительства мельницы Елизар Никитин могъ на ней работать семь летъ, а потомъ долженъ передать исправной со всемъ снаряжениемъ. Отметимъ еще, что мельница предназначалась для обмолота зерна, собираемаго на помещичьихъ и крестьянскихъ поляхъ.

Упоминание о мельнице в Дергайково имеется также в архивных делах за 1791 и 1817 гг.

Теперь насчет расположения этой мельницы. На большинстве планов и карт ее не найти. И лишь на ПГМ 1769 г. удалось отыскать отметку плотины на речке Малая Истра – она оказалась в юго-восточном направлении от усадьбы (на плане изю 1–07 обведена кружком). Мельничное строение находилось рядом с плотиной.

Хотелось бы рассказать о споре, можно даже сказать, скандале, связанном с затоплением земель в районе расположения дергайковской плотины. В архиве ЦГАМ сохранились три дела на эту тему. Рассмотрим кратко суть событий, происходивших два века назад.

В 1823 г. Звенигородский уездный суд рассматривал жалобу владелицы сц. Леоново «*Статской советницы*»ⁱ Варвары Васильевны Курбатовой»⁵⁰, на дергайковского помещика Александра Ивановича Татарина на то, что от его мельничной плотины происходит подтопление ее лугов. Говорилось, что лет 30 назад плотина находилась не здесь, «а выше на речке Истрице в саженьх пятидесяти и была о двух только поставах, наливная»ⁱⁱ. А ныне еще строится «сукновальня» (это другое предназначение мельницы). Суд задался вопросом: а выдавалось ли разрешение на перенос мельницы и сооружение сукновальни? Для выяснения дел в Дергайково отправился уполномоченный от суда. Но он не смог ничего выяснить, т.к. помещика Татарина в сельце не оказалось. Управитель имения заявил, что хозяин постоянно проживает в Москве в доме на Каретном ряду.

Прошел год, владелицей имения Дергайково стала супруга Александра Ивановича, Марфа Афанасьевна Татарина. Звенигородский суд от нее потребовал спустить воду так, «чтобы нима-ла дачам госпoжи Курбатовой подтопа не было»⁵¹. Пригрозили: если это не будет сделано, то тогда приступят к слому мельницы. Дергайковская помещица с таким решением не согласилась и подала апелляцию в Московский гражданский суд. В ней написала, что мельница существует с давних лет, и прежде не было никакого затопления. Просила провести «вновь исследование» дела.

Рассмотрение жалобы затянулось. Как написано в следующем деле, в 1825 г. была назначена встреча всех заинтересованных сторон. Помещица М. А. Татарина приехать в Дергайково не смогла, прислала вместо себя доверенное лицо. В деле приведены подробности встречи в сельце. Однако из-за малопонятного почерка не все удалось в документе понять, только отдельные детали.

Старожилы заявили, что речка Малая Истрица в последние годы поменяла русло. Говорилось, что уровень воды у плотины поднят на два аршина 10 вершков. По-нашему, это 186 см, т.е. почти два метра – серьезная величина для небольшой речки. А вот какое решение в итоге было принято, чью сторону принял гражданский суд – осталось непонятно.

К сказанному остается добавить, что в эти же годы (1824) рассматривался спор о подтоплении крестьянских лугов в дер. Санниково от плотины Г. М. Цурикова, сооруженной на р. Истра в дер. Ивановской⁵². Тогда в решении суда было отмечено, что год выдался дождливым. От этого и происходило затопление низменных мест, а вовсе не от высокой плотины. Можно предположить, что в Дергайково дожди также могли стать основной причиной затопления лугов помещицы Курбатовой.

Спустя три десятилетия вновь был поднят вопрос о подтоплении, только на сей раз пострадавшей стороной был дергайковский помещик и его сукновальная мельница. Сохранилось архивное дело, в котором описаны происходившие в то время события.

В 1853 г. владельцем имения Дергайково был Павел Федорович Степанов. Он обратился в Звенигородский земской суд с жалобой на то, что его мельница подтопляется водой из-за слишком высокой плотины, установленной ниже по течению речки Малая Истра при мельнице в соседнем с. Телепнево. Рассмотрение вопроса затянулось, лишь спустя девять (!) лет состоялся выезд пристава и землемера на место. За это время подавший жалобу помещик П. Ф. Степанов умер, владелицей имения стала его дочь Мария Павловна. В указанном деле приводится масса любопытных деталей о мельницах в Дергайково и Телепнево. Нас больше интересует первая.

21 мая 1862 г. на место для осмотра плотины и мельничных строений выезжала комиссия в составе пристава 1-го стана, звенигородского землемера, представителей от крестьян. Помещица

ⁱ До революции женщины в России не служили и чинов не имели. Слова «*Статской советницы*» надо понимать как жена статского советника.

ⁱⁱ Вопрос о поставах, наливных мельницах подробно рассматривался в другой книге автора: «История Ивановской суконной фабрики Цуриковых и Успенской церкви», 2024, с.66, 67.

М. П. Степанова не явилась, прислала своего старосту Василия Григорьевича. Комиссия приступила «к осмотру запрудной воды при *Дергайковской* мукомольной раструсной и Сукновальной мельницы, принадлежащей г. Степановой, устроенной при реке Малой Истрице на двух поставах»⁵³. Высота воды плотины по измерению оказалась «3 аршина 8 вершков» (по-нашему почти 2,5 м). В деле отмечено, что вышележащие земли помещиков Голохвастова и Спасского дергайковской плотинной не затопляются. Приведено описание четырех водяных мельничных колес. Первое колесо в диаметре «3 аршина 2 вершка» (222 см) при ширине «2 аршина 5,5 вершков» было погружено в воду на 2 вершка (9 см). Аналогичные сведения приведены для трех других колес. При этом отмечено, что четвертое колесо приводит «в движение сукновальный завод». Однако это колесо при осмотре не работало. Далее отмечено: «Фабричные корпуса при коих были прежде и вододействующие колеса, около 1810 года отнесены вниз по реке, на расстояние 60 сажень».

Производившие осмотр лица установили, что уровень воды, создаваемый телепневской плотинной, слишком высок. Во избежание подтопления дергайковской мельницы уровень должен быть понижен на три вершка (13 см). В деле сообщалось об установке «граней» в Дергайково (по всей видимости, это отметки, по которым можно следить за уровнем воды). Одна из них оказалась около сукновальни, другая – у мельничного амбара, а третья – на противоположном правом берегу. Было вынесено предупреждение: чтобы в случае повреждения граней «доносить местному начальству».

В том же деле имеется «Условие» (по сути, контракт), по которому дергайковская помещица

Изо 1–12. «Малая Истра. Вид с моста», 1960-е гг., худ. И. А. Ищенко¹.

¹ Копию картины предоставила краевед Н. М. Мордвинова (Журова). Это вид на речку Малая Истра около пос. Пионерский (бывшее с. Покровское–Рубцово) примерно в 7 верстах ниже по течению от места, где прежде стояла дергайковская плотина и мельница. Автор картины – Иван Антонович Ищенко (1919 – † 1975), художник, кинематографист, фронтовик. Последние 20 лет он жил на даче в поселке деятелей науки, искусства и литературы (НИЛ), где сейчас проживают его дочь, внуки и правнуки.

М. П. Степанова отдала свою мельницу (включая избу, амбар и «сукновальный двор») в аренду крестьянину Илье Кирсанову. Срок аренды был установлен 10 лет. При этом первые пять лет плата не вносилась, а потом ежегодно по 60 руб. (при досрочном прерывании договора на виновную сторону налагался штраф 200 руб.). Кирсанов обязался «*валять сукно как господское мое, так и крестьянское*», а также содержать мельничные постройки и плотину в исправном рабочем состоянии.

Для защиты мельницы во время ледохода от арендатора потребовалось установить «быка» и забить «*не менее 25-ти отбойных свай*»⁵⁴. Это были совсем не лишние меры: весенний ледоход мог нанести большие повреждения плотине и мельничным постройкам. О поломке дергайковской плотины исторических данных нет, а вот с расположенной неподалеку брыковской плотиной подобные беды случались регулярно. Мария Маклакова как-то раз написала брату Василию, что ездила весной в Дергайково и убедилась, что плотина во время ледохода устояла, вода держится.

В советские годы в районной газете была напечатана заметка, в которой говорилось об истории дергайковской плотины: «*Река Малая Истра летом мелковата. Во многих местах ее можно легко перейти вброд. [...] В 1908 г. царские инженеры приступили к постройке плотины, но не смогли хорошо сделать даже этого простейшего сооружения, цемент заливали без арматуры. Сейчас там, где была когда-то плотина, осталась груда серых камней*»⁵⁵.

Удалось найти дополнительную информацию. Оказывается, действительно дергайковский помещик затеял строительство бетонной плотины. Об этом сказано в следующей публикации: «*Судя по воспоминаниям его преемника А.Н. Наумова, один из лидеров правого крыла кадетов В.А. Маклаков получал от Кривошеина скрытые взятки: после его отставки Маклаков пришел к Наумову за очередным кредитом в 10 тысяч рублей “для завершения начатого им показательно-мелиоративного дела”, то есть на железобетонную мельничную плотину в собственном поместье; после отказа со стороны Наумова он “быстрыми шагами удалился из кабинета, громко хлопнув дверью”*»⁵⁶.

До самого последнего времени не удавалось найти прямых свидетельств о завершении строительства бетонной плотины около Дергайково. Хотя было понятно, что некая плотина «на реке Малой Истрице» существовала, она в 1913 г. была отдана в аренду на 20-летний срок с ежегодной платой 300 руб.⁵⁷. Уже при завершении работы над книгой на сайте pastvu.com удалось обнаружить фотоснимок, сделанный, судя по отметке на карте, в окрестностях Дергайково. Он снял все вопросы о том, была ли построена бетонная плотина, т.к. в кадре хорошо видны ее руины.

О советском периоде удалось найти такие сведения.

Как написано в одном из протоколов заседаний Воскресенского исполкома за 1927 г.: «*прорабатывается вопрос об использовании дергайковской плотины, где предполагается постройка электро-станции и мельницы*»⁵⁸. Однако к реализации планов приступили только перед самой войной. В районной газете в 1940 г. была напечатана статья, в которой говорилось: «*И вот теперь на том месте [где осталась груда камней от стройки 1908 г.], по решению Костровского сельсовета, начнется строительство гидростанции. Прораб строительства т. Балюнин знакомит нас с проектом. Реку перегородит высокая плотина. Вода поднимается на высоту около 3 метров. Через водоспуск вода будет поступать в турбину, вращать ее. Энергия воды будет преобразована в электроэнергию. По проводам побежит электрический ток. Он осветит дома колхозников в д.д. Телепнево, Кострово, Холицевики и др. Лампочка Ильича ярко будет сиять в домах колхозников 9 колхозов. Электро-станция будет иметь мощность 60 лоша. [лошадиных] сил. Кроме света электрический ток сможет привести в движение и мельницу, а также приведет в движение и молотилки*»⁶⁰. Далее сообщалось, что приступили к заготовке стройматериалов, но

Изо 1–13. «Остатки плотины на Малой Истре»⁵⁹, 1999, фото С. Соколов.

все продвигалось медленно. Дальнейшим работам помешала война.

В 1946 г. в районной газете было напечатано, что в Дергайково (и в ряде других населенных пунктов) «будут построены гидростанции». Однако вскоре власти раздумали строить ГЭС и выбрали вариант ТЭС. В энциклопедии «Истринская земля» написано: «В 1949 г. в **Дергайкове** была построена небольшая тепловая электростанция, призванная дать свет в Кострово, Леоново и само Дергайково». Сколько эта ТЭС просуществовала и где конкретно располагалась – данные об этом не попадались.

Крестовоздвиженская церковь села Телепнево

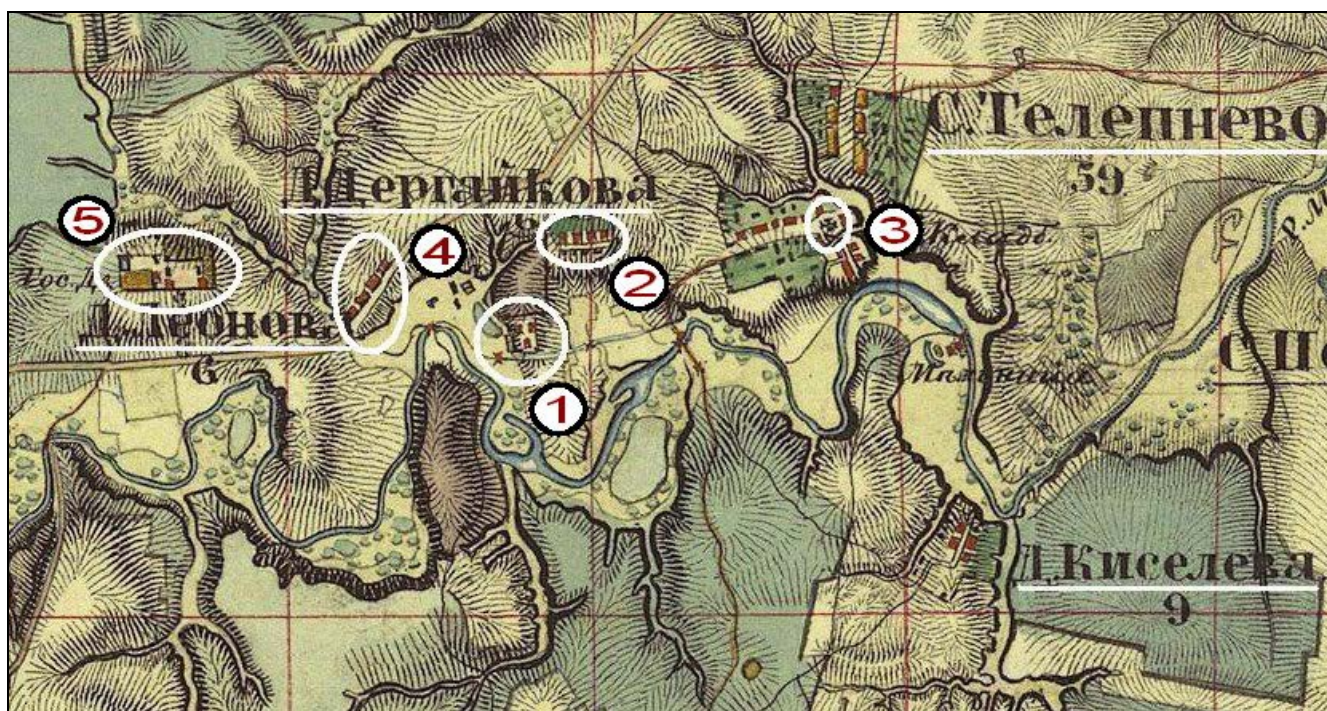
На протяжении всей истории, которая прослеживается по документам, селение Дергайково относилось к приходу Крестовоздвиженской церкви, находившейся в соседнем с. Телепнево на расстоянии примерно одной версты в восточном направлении (см. отметку храма “3” на приводимом фрагменте исторической карты из 1–14). Материала об этой церкви и ее служителях собрано много. Но изложение подробной истории данного Божьего дома не входит в планы настоящей книги. И в то же время не сказать ничего о храме, который не раз будет упоминаться в настоящей книге, было бы неверно. Поэтому решено кратко остановиться на истории телепневской церкви.

В 2012 г. автором настоящей книги и Сергеем Юрьевичем Мамаевым был основан краеведческий проект “Утраченный Божий Дом” (УБД). Коллегой был разработан сайт, куда заносилась вся собираемая информация об утраченных святынях нашего края, включая Крестовоздвиженский храм с. Телепнево⁶¹. В газете Истринского благочиния “Духовная Нива” регулярно печатались подготавливаемые нами статьи, в 2013 г. дошла очередь и до телепневской церкви⁶². Та давняя публикация и легла в основу предлагаемого далее рассказа об истории святого места в с. Телепнево. Добавлены вновь обнаруженные сведения.

Деревянные Крестовоздвиженские храмы

Самое раннее упоминание о храме относится к концу XVI в., когда Телепнево находилось во владении Новинского монастыря в Москве. В то время в селе стояла деревянная церковь Воздвижения Креста Господня. В Смутное время (начало XVII в.) она была разрушена, но уже в 1646 г. (по другим данным в 1643) в селе возвели новый деревянный храм того же посвящения.

К 1690 г. Божий дом обветшал, и решено было: «в селе Телепневе, подле старой церкви построить новую церковь во имя Воздвижения честнаго креста Господня, а верх на той церкви велеть

Из 1–14. Карта «Военно-топографической съемки Московской губернии 1852–1853 годов»⁶³
(1 – усадьба Дергайково, 2 – с. Дергайково, 3 – храм в Телепнево, 4 – дер. Леоново, 5 – имение Спасское).

сделать по чину против прочих деревянных церквей, а не шатровой, а алтарь делать круглой, тройной»⁶⁴. Так, сменяя друг друга, появился третий по счету храм в селе, он также был деревянным.

В 1755 г. потребовалось произвести поправки в церкви. Настоятель Крестовоздвиженского храма священник Евтихий Михайлов обратился с прошением, чтобы «оную церковь осмотра, описать все ветхости и по описи ее возобновить, дабы она без службы не находилась»⁶⁵. Спустя два года священнику было выдано 30 руб. на проведение ремонтных работ.

Отечественная война 1812 г. не обошла стороной Звенигородский уезд, некоторые храмы пострадали. Но Божий дом в Телепнево, к счастью, не вошел в их число. После изгнания французов местный благочинный рапортовал начальству: «Церковь Воздвижения Креста Господня без приделов цела и неприятелем неприкосновенна. Престол и на нем срачица, одежда и св. антиминс целы и невредимы. Церковная утварь вся цела и спасена в церкви, жемчугу ж и золота во оной ни на каких вещах не имеется, а серебряные вещи находятся в целости, церковных же сохраненных вещей зарытых не было, а церковная сумма, состоявшая до нашествия неприятеля налицо от продажи свеч и подаяния в кружку, цела и спасена в церкви; к отправлению священнослужения потребныя книги есть. Иконостас, в нем св. иконы и на них оклады целы и не повреждены»⁶⁶.

Шли годы, время брало свое, церковные постройки ветшали. В 1820 г. Крестовоздвиженская церковь «была возобновлена и с лица [снаружи] обшита тесом». Но помогло это ненадолго. Спустя 10 лет настоятель священник Кирилл Васильев докладывал священноначалию, что местный храм «имеет следующие ветхости: 1) над трапезою дощатого наката в двух местах с одного конца две доски имеют гнилость, и под оным балка, поддерживающая накат, так же с одного конца частью гнила. 2) В стене настоящей церкви от северной стороны три бревна прогнили в меньшем же виде. 3) Колокольня хотя по наружности не ветха, но под оную столбы на коих она основана, от времени ставятся [становятся] не прочными»⁶⁷.

В дальнейшем в храме проводились ремонтные работы, о них сказано в клировой ведомости:

«1. Построена от сотворения Мира лета 7151-го¹ месяца июля 9 дня при Благоверном Царе и Великом Князе Михаиле Феодоровиче всея России и при Святейшем Патриархе Иосафе Московском и всея России, тщанием приходских людей.

2. Зданием деревянная с таковою же колокольнею. 1830-го года с дозволения Высокопреосвященнейшего Филарета Митрополита Московского и Коломенского возобновлена и окрашена, а в 1842 году с Его же дозволения под нее подведен фундамент белого камня и в 1843 году покрыта железом и окрашена, ограду имеет деревянную.

3. Престолов один Воздвижения Животворящего Креста Господня.

4. Утварию посредственна.

5. Причта положено издавна Священник, дьячек и пономарь.

6. Земли при сей церкви усадебной 3 десятины, пашенной и сенокосной 33. План и копия с межевых книг имеются при церкви. Дело о неудобстве к плодородию сей земли начато и производилось в 1792 году бывшим оной церкви Священником Стефаном Евфимиевым, которое кончено не в пользу священноцерковнослужителей. Церковная земля и теперь состоит в худом положении; Священническая часть оной находится во владении крестьян села Телепнева, за которую получает он десять четвертей ржаного хлеба, а причетники владеют оною сами.

7. Дома у Священноцерковнослужителей собственные деревянные на церковной земле стоящие.

8. На содержание Священноцерковнослужителей получается постоянный оклад 40 рублей ассигнациями с 1000 рублей процентов. Содержание их скудно.

9. Зданий, принадлежащих к сей церкви никаких неимеется»⁶⁸.

По приведенным цитатам видно, что состояние деревянного храма в с. Телепнево с годами становилось все хуже, его служители жили «скудно». К середине XIX в. назрела настоятельная необходимость в постройке нового церковного здания.

¹ 7151 г. от сотворения мира – это 1643 г. от Рождества Христова. В книге Холмогоровых говорится, что в Телепнево в 1690 г. был сооружен новый Божий дом. Очевидно, настоятель, заполнявший в середине XIX в. клировую ведомость, не знал об этом.

Строительство новой каменной церкви в с. Телепнево (GPS: 55.898, 36.7551).

Во времена Российской империи Православие хоть и являлось государственной религией, однако власти редко когда помогали в сооружении новых храмов. В лучшем случае крестьянам иногда позволялось в казенном лесу заготовить необходимый стройматериал. А так причт и прихожане должны были сами изыскивать средства и материалы на строительство или искать состоятельного благотворителя. По особому разрешению позволялось собирать добровольные пожертвования на стороне, все поступаемые средства следовало записывать в специальную прошитую книгу.

К строительству нового храма в Телепнево стали готовиться загодя. Несколько лет ушло на подготовку, решение разных вопросов. И вот в декабре 1858 г. в Московскую духовную консисторию (МДК) было подано прошение *«о дозволении построить в селе Телепневе Звенигородского уезда вместо деревянной новую каменную церковь с колокольню»*⁶⁹. К тому времени в церковной кассе насчитывалось 1.500 руб. *«кошельковой суммы»*. Этого было явно мало для строительства. Прихожане жертвовали свои средства. Крупные вклады поступили от местных помещиков. Так, владелица сд. Леоново Александра Герасимовна Спасская внесла 3.000 руб., при этом пожелала перенести к новой церкви прах умершего сына Алексея. Хозяйка сд. Дергайково Мария Павловна Степанова (о ней подробный разговор впереди) пожертвовала 1.500 руб. Были и более мелкие вклады. Так, крестьяне братья Иван и Павел Купцовы внесли на доброе дело 300 руб., Василий Иванов – 150 руб. (все перечисленные суммы были серебряными рублями).

И все равно средств не хватало. По смете, составленной инженером Московской палаты государственных имуществ В. О. Грудзинымⁱ, на построение нового храма с колокольней и усыпальницей требовалась солидная сумма – 10.491 руб. 50 коп. сер. Прихожане старались экономить на всем. У местных крестьян имелся свой кирпичный завод. Они согласились его передать на церковные нужды для заготовки необходимых кирпичей, благо глины в округе было достаточно. А также готовы были пожертвовать 400 руб. асс. на обустройство этого завода, организацию его работы. Позднее на данном заводе изготовили свыше 100.000 штук кирпича, из них и была построена церковь. Кроме того, прихожане обязались собственными подводами *«доставлять безденежно, на место стройки, все потребное количество бута, песку, глины»*.

Инженер Грудзин выбрал удобное место для строительства: *«на церковной земле, близ старой церкви»*. На это *«все прихожане, изъявили единодушное согласие»*. Для руководства работами по сооружению храма прихожане выбрали местного крестьянина Павла Григорьевича Купцоваⁱⁱ. В ходе строительства между ним и настоятелем храма о. Евфимием Смирновым возник конфликт. В МДК были поданы два прошения. Первое – от строителя П. Г. Купцова с жалобой на священника за то, что *«неуплачены ему деньги за закупленные в церковь железо 125 руб., за дрова 36 р., и подрядчику за произведенную каменную работу 400 руб.»*. А второе – от крестьян с. Телепнево *«об отведении священника Смирнова в другой приход»*. В итоге оба прошения были отклонены, но при этом сам Купцов от должности *«строителя»* был отстранен. Одновременно священноначалие признало, что он, *«хотя делал бездоказательные доносы, но довольно потрудился для церкви»*.

В 1862 г. строительство храма завершилось, в сентябре были выданы антиминсы. После этого состоялось освящение *«двух придельных храмов вновь устроенных при их Крестовоздвиженской церкви во имя Преподобного Алексия Человека Божия и Святителя и Чудотворца Николая»*⁷⁰. Сообщалось, что *«на престол и жертвенник куплены три небольшие накладные серебра шандалы, [...] куплено медное посребренное паникадило, [...] куплен один Аналой [...] куплены плащаница, Евангелие, кресты и прочее»*. Отметим, что освящение главного придела во имя Воздвижения Креста Господня состоялось намного позже, лишь в 1879 г.

Так на телепневской земле появился четвертый Божий дом, на сей раз кирпичный.

ⁱ О Владиславе Осиповиче Грудзине уже доводилось писать (см. книгу “История Ивановской суконной фабрики Цуриковых и Успенской церкви”, 2023, с. 116). С именем архитектора связана история Божьих домов на нашей земле в г. Воскресенске, Павловской Слободе, Телепнево, Лучинском, Бужарово.

ⁱⁱ Позднее в конце 1870-х гг. Павел Григорьевич Купцов потрудился на сооружении Богоявленской церкви в соседнем с. Брыково (об этом рассказано в книге “История села Брыково и Богоявленской церкви”, 2024, с.96). В то время он уже был воскресенским купцом.

В январе 1868 г. было принято решение разобрать находившуюся по соседству старую неиспользуемую деревянную церковь, «и материал оной употребить на отопление церковных печей». Причт и прихожане изъявили желание на святом месте прежнего храма соорудить часовню. Однако, по всей видимости, она не была построена, ибо упоминаний о ней нет ни в одном документе.

Крестовоздвиженская церковь до революции

В 1887 г. настоятелем о. Николаем Воздвиженским была составлена «Метрика Крестовоздвиженской церкви», в которой подробно описаны ее архитектурные особенности:

«Построена на сумму господж Спасской и Татариновой, а также и церковную. [...] Построена в форме квадрата, одноэтажная, хотя под полом есть склепⁱ, в котором покоится прах госпожи Спасской и ея родственников. [...] Длина церкви вместе с трапезою [25] сажень, в ширину 10 сажень, в высоту 12 сажень. [...] Средина стен насыпана бутом и залита цементом, который положен тонким слоем. Кирпич обыкновенный в 6 вершков длины. Стены сохранились в первобытном виде, проходов в стенах нет, связи железные. [...] [Кровля] шатровая на два ската. Сделана из железа, покрашена красками, новая. [...] [Глава] шарообразная, одна. [Крест] железный, [в]осьмиконечный, цепей нет. [Окна] узкия, продолговатые, сведенные вверху мысом. В алтаре их два. [...] Всех дверей три, расположены оне: одна с западной стороны, другая с северной, и третья с южной стороны. Двери деревянные, обложены железом. [...] Колокольня построена вместе с церковью в 1861 году, построена из кирпича. Колоколов пять, позднейшего времени, кроме имени мастера иных надписей не имеется. [...] Чудотворных и явленных икон нет, особенно чтима икона Святителя Николая»⁷¹.

В последующие годы, вплоть до революции, в Крестовоздвиженском храме выполнялись различные ремонтные работы. Так, в апреле 1902 г. причт и церковный староста взяли «исправить живопись как в настоящей холодной церкви, так и в двух приделах теплой церкви, заново вызолотить два иконостаса в двух приделах той же церкви и промыть здесь живопись на иконах, в тех же приделах сделать новый тамбур над западными дверями на три стороны, при чем в притворе сделать новый пол, над папертью же устроить крытый навес на столбах»⁷². На все это по смете требовалось 1.200 руб., каковую сумму пожертвовал «на сие дело церковный староста села Телепнева крестьянин Александр Павлович Колосов из своих средств».

Согласно страховой карточке, составленной в 1910 г., каменную церковь Воздвижения Креста Господня в с. Телепнево оценили в 12.000 руб.⁷³. Церкви также принадлежали деревянная сторожка и сарай для дров. В клировой ведомости 1916 г. написано: «зданием каменная с таковою же в одной связи колокольню, обнесена каменною оградой с железными решетками. Престолов три: в настоящей холодной во имя Воздвижения Креста, в теплой справа – Пр. Алексия Челов. Божия, и слева – Св. Николая Чудотворца»⁷⁴. В штате храма в это время находились священник Алексей Михайлович Виноградов и псаломщик Валентин Владимирович Троицкий. К церкви была приписана деревянная часовня в дер. Холщевикиⁱⁱ. В приход, помимо самого села, входили населенные пункты: Дергайково, Леоново, Жилкино, Холщевики и Киселево. Всего в приходе перед революцией числилось 139 дворов, 416 мужских и 447 женских душ.

В июне 1917 г. причт телепневской церкви обратился в консисторию с прошением: «промыть и возобновить живопись на стенах храма и алтарей, с израсходованием на оный ремонт 600 рублей, из которых 200 рублей жертвованных денег, остальная же сумма будет покрыта из наличных церковных сумм»⁷⁵. Были ли выполнены эти работы, учитывая революционную ситуацию в стране, осталось неизвестно.

ⁱ Это второй храм в нашей местности, в котором был устроен склеп. Первый в Казанской церкви в с. Глебово. В том склепе в 1862 г. был похоронен храмоздатель Степан Степанович Шиловский (см. книгу «История сельца Глебово и Казанской церкви», 2022, с.88, 185–187). Третий склеп сооружен в Успенской церкви при Ивановской фабрике. В нем в 1878 г. был похоронен храмоздатель Павел Григорьевич Цуриков. (см. книгу «История Ивановской суконной фабрики Цуриковых и Успенской церкви», 2023, с.350–352).

ⁱⁱ Об истории часовни в дер. Холщевики рассказано в книге «История села Брыково и Богоявленской церкви», 2024, с.262–266.

Телепневская церковь в советские годы

С приходом новой власти телепневская церковь, как и все остальные храмы в округе, по соглашению с Лучинским волостным совдепом (советом народных депутатов) была передана «в безсрочное бесплатное пользование» общине верующих.

В 1921 г. был составлен акт с описью церковного имущества, вот выдержки из него: «2. В холодном среднем [приделе] алтарный престол деревянный во имя Воздвижения Креста Господня. 3. Жертвенник деревянный. 4. Св. Антиминс атласный, желтый, освящен в 1879 году генваря 26 дня Преосвященным [Амвросием?] Епископом Дмитровским. 5. За престолом Крест в медно-посеребренном Окладе и икона Богоматери Тихвинская в медно-посеребренной ризе. [...] 9. Иконостас деревянный окрашенный с позолоченными колоннами»⁷⁶. Там же приведены сведения о колоколах: «1. Большой весом 122 пуда. 2. Средний весом 42 пуда. 3. Караульный весом 30 пудов». На колокольне также имелись три малых колокола весом от 14 пудов до полпуда.

В мае 1922 г. власти под предлогом борьбы с голодом реквизируют некоторые церковные ценности из храма: ризу и «Пять предметов с евангелем изъяли для местного¹ музея»⁷⁷.

В июне 1933 г. по ходатайству Истринского райисполкома было принято решение «о закрытии церкви в с. Телепнево для переоборудования под клуб». Текст постановления гласил: «Принимая во внимание: 1) что церковь в с. Телепнево не функционирует в течение 3-х лет; 2) что население ходатайствует о закрытии церкви и передачи под клуб; 3) что необходимые средства для переоборудования здания согласно прилагаемой сметы имеются; 4) что группа верующих пользуется близ действующей церковью на расстоянии 3-х километров»⁷⁸ (имелся в виду храм в соседнем с. Покровское-Рубцово), было решено удовлетворить ходатайство трудящихся.

В деле также имеется план здания и заключение о его состоянии: «Колокольня 3-х ярусная, колокола не сняты. Здание расположено в центре селения на площади рядом с помещением сельсовета, школы и кооператива. [...] Здание церкви можно использовать под клуб, разобрав колокольню. Зрительный зал около 55 кв.м расположить поперек здания. [...] При капитальных затратах на переустройство всего здания с разборкой колокольни [...] потребуется около 25 тыс. рублей».

Был ли в храме открыт клуб – вопрос остался открытым. Имеются иные сведения об использовании помещения Божьего дома. По рассказу местного старожила Валентины Александровны Кряниной: «после закрытия церкви в ее помещении организовали швейный цех». К этому времени относится единственная сохранившаяся фотография.

Крестовоздвиженский храм был разрушен во время войны с немцами, как написано в «Истринской земле»: «при неясных обстоятельствах». Та же старожила В. А. Крянина говорила: «во время Великой Отечественной войны в ноябре 1941 года наши отступающие войска телепневский храм взорвали». Однако подтверждение этой информации не удалось найти в документах военного архива. Но факт остается фактом: Божьего дома в Телепнево не стало. А кто его разрушил – наши или немцы – большая ли разница?

Изо 1–15. Крестовоздвиженский храм в Телепнево⁷⁹, 1940 (?)

¹ Очевидно, речь о музее, организованном в бывшем Новоиерусалимском монастыре. Судьба этих святынь, как и многих других, неизвестна. Скорее всего, пропали в годы войны с немцами.

Другая жительница села, Галина Михайловна Борбот, узнала храм по фотографии и показала точное место его нахождения: «Сейчас на месте храма стоит продуктовый магазин, который построили примерно в начале 1960-х годов. Когда перед этим расчищали место от обломков, находили подсвечники, старые монеты и куски ткани».

Установка креста в память утраченного Божьего дома

Неподалеку от места, где когда-то стоял Крестовоздвиженский храм, в 2014 г. силами Истринского благочиния Московской епархии был установлен памятный крест. 30 сентября чин его освящения «совершили благочинный [церквей Истринского округа] протоиерей Димитрий Подорванов в сослужении настоятеля Никольского храма села Мансурово протоиерея Вадима Сорокина и настоятеля Христорождественской церкви села Юркина священника Михаила Сорокина»⁸⁰. В этот день собралось около двух десятков местных жителей, которые разделили вместе с духовенством это радостное событие. С тех пор ежегодно 27 сентября, в праздник Воздвижения Честного Креста Господня (или в близкий день), духовенство мансуровской церкви совершает у креста в Телепнево памятный молебен.

Изо 1–16. Освящение памятного креста в Телепнево, 2014.

Краткие сведения о селениях Леоново, Гребеньки, Деньково, Давыдково, Сабурово

В настоящей книге, помимо Дергайково и Телепнево, будут регулярно упоминаться еще несколько населенных пунктов Московской губернии. Хотелось бы кратко рассказать об их истории, чтобы читатель имел лучшее представление об описываемых в настоящей книге событиях. Это сц. Леоново, находившееся в Звенигородском уезде. Это дер. Гребеньки, Давыдково, Деньково Рузского уезда. Это сц. Языково в Дмитровском уезде и сц. Сабурово в Богородском уезде.

Селения, ранее входившие в Звенигородский и Рузский уезды, теперь относятся к Истринскому району. Изложение их истории в основном будет вестись по энциклопедии «Истринская земля». При этом материал сокращен, приводятся лишь те сведения, которые имеют отношение к теме настоящего издания.

Сельцо Леоново (Леоново), Спасское (GPS: 55.90228, 36.74189).

Сц. Леоново входило в приход телепневской церкви и находилось в противоположной стороне от Дергайково примерно в одной версте (см. отметки “4” и “2” на карте изо 1–14). Ныне эти два населенных пункта расширились и, можно сказать, слились друг с другом. О сельце в энциклопедии написано следующее:

«Первое упоминание о Леонове относится к 1584 г., тогда д. Леоново входила в большую вотчину князя Семена Ардасовича Черкасского с центром в с. Лучинском: “Деревня Леоново на речке на Истрече. Пашни паханные добрые земли 32 чети¹, да перелогом 18 чети <...> сена 40 копен”. Обращает на себя внимание характеристика земли: “добрая”, это в Истринском крае встречалось нечасто. Представители знатного кабардинского рода князей Черкасских перешили

¹ О старинных мерах площадей, об их современном измерении см. Приложение–1.

на русскую службу после завоевания Иваном Грозным Астрахани. Князь С. А. Черкасский участвовал в войне со Швецией в 1540 г., находился в казанском (1544), полоцком (1551) и ливонском (1568) походах, участвовал в сражениях против польских войск (1581), был наместником в Нарве. Еще ранее, как сообщают писцовые книги, вотчина была за князем Иваном Келмамаевым. Так что историю Леонова, вероятно, можно отсчитывать от середины или начала XVI в.»⁸¹.

По данным Генерального межевания в 1772 г. у сц. Леоново было два владельца. Одна часть сельца – «владение бригадира Николая Александровича Губина, [...] Пашня 33 д [дес.] 1684 с [кв.саж], сенной покос 15 д 388 с, селение 3 д 2100 с, дороги 1800 с, реч. 350 с, всего 53 д 1522 с, душ 4»⁸². Другая часть сельца – «владение Ирины Яковлевны Нормандской, жены надворного советника Василия Григорьевича Протасьева, [...] Пашня 41 д 898 с, сенной покос 7 д 191с, селение 3 д, дороги 1080 с, реч. 360 с, всего 52 д 129 с, душ 22».

В 1768 г. в сц. Леоново по прошению бригадира Н. А. Губина с разрешения Московского архиепископа Амвросия была устроена домовая церковь во имя «Спаса Нерукотворенного образа». Надо отметить, что такие храмы были довольно редкими, и их разрешали открывать лишь в исключительных случаях по прошением знатных людей. Как написано в архивном деле, домовая в Леоново была устроена «за болезнью ево [Н. А. Губина – Авт.] и жены ево»⁸³. Очевидно, помещик жил в своем имении, но помещать богослужения в приходском храме с. Телепнево не мог. Вот и просил об устройстве Божьего дома в своей усадьбе Леоново. Отдельного причта в домовой церкви не было, служил в ней настоятель приходского Крестовоздвиженского храма.

Спасская церковь просуществовала почти полвека. Как написано в энциклопедии: «В 1812 г. вторгшийся французский отряд нанес селению ущерб. В частности, был уничтожен храм, созданный Губиным: “При господском дворе сожжена неприятелем домовая церковь, а утварь цела и спасена”. Церковью и половиной сельца владели в это время помещики Мельгуновы». Утраченный домовой храм восстанавливать не стали. Трудное было время, враг нанес немалый ущерб. Не хватало средств, материалов на восстановление разрушенных построек. Далее сказано:

«В 1816 г. половина с-ца Леонова с д. Жилкино принадлежали губернскому секретарю Сергею Петровичу Мельгунову (3 дворовых), а в 1834 г. – поручику Петру Петровичу Мельгунову (2 дворовые женщины, других крепостных не значилось). В 1816 г. другая, большая половина сельца (дворовых людей 10, крестьян 68) принадлежала Варваре Васильевне, жене статского советника Александра Петровича Курбатова. В 1831 г. оно перешло по купчей крепости к статской советнице А. Г. Спасской. В 1834 г. здесь насчитывалось 26 дворовых людей и 65 крестьян. В 1852 г. здесь существовало 2 сельца Леонова. Одно (бывшее Мельгуновых – фактически усадьба) принадлежало прапорщику Сергею Никифоровичу Спасскому, который тут “пребывал постоянно”. Все крепостное население сельца состояло из 4 дворовых. Усадьба находилась в 500 м к западу от современной деревни и в 200 м от шоссе. В памяти местных старожилов она осталась как “усадьба барина Спасского”. Вторым сельцом владела статская советница А. Г. Спасская. Здесь жили только крестьяне (8 дворов, 36 мужчин, 30 женщин), дворовых не было. Ей же принадлежало имение при с-це Леонове и в 1864–1872 гг. (помещичий участок – 50 дес.)».

В этой цитате не раз упомянуты помещики Спасские. В связи с этим напомним, о чем говорилось выше: Александра Герасимовна Спасская пожертвовала 3.000 руб. на сооружение каменного храма в с. Телепнево. Позднее она была похоронена в склепе построенной Крестовоздвиженской церкви. Как написано в “Метрике”, там же были погребены и некоторые ее родственники (их имена нигде не указаны).

В последующих главах, когда речь пойдет о Маклаковых, неоднократно будут упоминаться имения Леоново и Спасское. Где они находились? Попробуем в этом разобраться.

В приведенной выше цитате есть такие слова: «В 1852 г. здесь существовало 2 сельца Леонова». Одно именовалось Леоново, а второе Спасское. Откуда появился топоним Спасское? Возможно, от посвящения домовой церкви во имя «Спаса Нерукотворенного образа». А может, наименование пошло от помещиков Спасских, которым в первой половине XIX в. принадлежали оба имения. Деревня, расположенная вдоль дороги Руза–Воскресенск, называлась Леоново (и сейчас она имеет такое же название). Она отмечена цифрой “4” на карте из 1–14. А «Усадьба находилась в 500 м к западу от современной деревни и в 200 м от шоссе». По всей видимости, это и было имение Спасское (на карте цифрой “5” отмечен «Гос. Д. [Господский Дом]»). Оно когда-то при-

надлежало Мельгуновым, а потом стало владением С. Н. Спасского.

По собранным сведениям, оба имения в дальнейшем принадлежали помещикам Маклаковым. По одним данным, владелицей имения Спасского стала писательница Лидия Филипповна Маклакова, а Леоново принадлежало ее пасынку, врачу Алексею Алексеевичу Маклакову. По другим данным, А. А. Маклаков был хозяином обоих имений. Возможно, эти имения находились в общем владении мачехи и пасынка. В энциклопедии “Истринская земля” говорится так: *«В 1913 г. имение (215 дес.) числится за профессором Московского университета Алексеем Алексеевичем Маклаковым. В 1915 г. здесь было также имение крестьянина Никифора Сергеевича Сергеева (187 дес.) с жилыми строениями и кирпичным заводом, оцениваемыми в 11.300 руб.»*.

На сайте УБД приведены сведения, по которым можно проследить, как менялась численность населения дер. Леоново⁸⁴. Так, в 1827 г. в деревне было 7 дворов, 32 души м.п. и 36 ж.п.; в 1842 – 8, 34 и 35 соответственно; в 1849 – 8, 36 и 29; в 1879 – 8, 32 и 32; в 1916 – 12, 32 и 33. Из сравнения данных видно, что в Леоново в XIX в. проживало примерно столько же жителей, сколько и в соседнем Дергайково. А вот в начале XX в. деревня по числу жителей стала заметно уступать сельцу.

По сведениям из все той же энциклопедии: *«В советское время в барском доме [усадьбы Спасское?] была открыта школа крестьянской молодежи (ШКМ), первым ее директором школы стал Андрей Федотович Васковский, здесь продолжали обучение после окончания начальной школы дети из с. Тепенева, д. Новоселово, Леоново и других окрестных деревень. [...] Позже в усадьбе был лагерь под названием “БАНО”. Сейчас от усадьбы ничего не осталось, на этом месте находится детский городок»*.

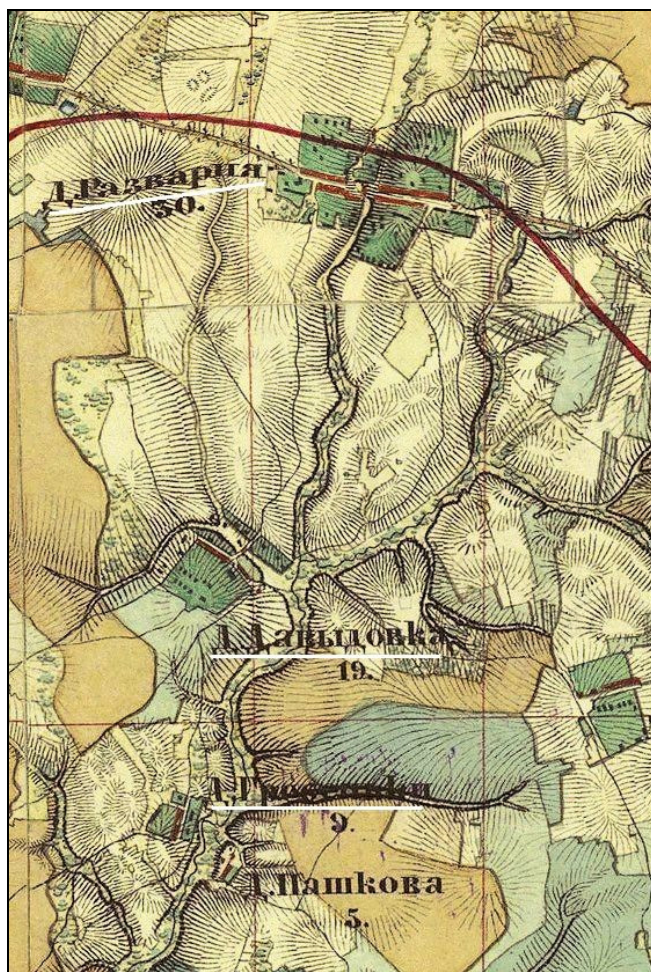
По данным “Википедии”, на начало 2016 г. население Леоново составляло 55 человек.

Деревня Гребеньки (Гребениково, Гребеники) (GPS: 55.98088, 36.3345).

Населенные пункты Гребеньки, Деньково, Давыдково расположены компактно и находились намного дальше от Дергайково, чем Леоново – на расстоянии 25 верст по Волоколамскому шоссе в западном направлении. Они относились к другому приходу – Христорождественского храма с. Рождествено-Новиково Рузского уезда. В середине XIX в. упомянутые селения, как и Дергайково, принадлежали одним помещикам – Степановым, о которых пойдет речь в третьей главе.

Информация из энциклопедии “Истринская земля”:

«В писцовой книге 1625–1626 гг. д. Гребениково указана как пустошь. Пустошью она оставалась и спустя 20 лет, так как переписная книга 1646 г. о Гребеникове ничего не говорит. Но к концу XVII в. жизнь тут возродилась, и в 1678 г. у пустоши, ставшей селцом, было два помещика: Василий Обросимович Козлов и жилец Игнатий Обросимович Козлов. На половине каждого из них были помещиковы дворы, у Василия также находилось 2 двора задворных людей. [...] В 1773 г. маленькое с-цо Гребенки (6 дворов, 39 крестьян) принадлежало сразу нескольким владельцам: коллежскому асессору Андрею Федоровичу Чебышеву; вдове актуариуса Дедерева Анне Нефедьевне; капитанам Николаю Максимови-

Изо 1–17. Карта «Военно-топографической съемки Московской губернии 1852–1853 годов»⁸⁵. РГВИА.

чу, Ивану Ивановичу Прокофьевым; малолетнему Сергею Абрамовичу Прокофьеву, а также вдове, артиллерии капитанше Федосье Алексеевне Муравьевой.

В 1800 г. с-цо Гребенникова (3 двора, 13 человек) было за надворным советником Петром Тимофеевичем Пафнутьевым. В 1816 г. с-цом Гребеньки (67 крестьян) владел он же, теперь коллежский советник. В 1834 г. владелица с-ца Гребеньки – прапорщица Ольга Петровна Кожухова. Все ее дворовые люди были переведены сюда из имения с. Романцова (Рязанской губернии и уезда), и в 1834 г. их было 20 человек, а крестьян (в основном коренных жителей) – 46. В 1852 г. Гребенками владел действительный статский советник Павел Федорович Степанов. В 1859 г. в д. Гребеньки Рузского уезда, при ручье, 5 дворов, 25 мужчин, 28 женщин. В 1868 г. имением при Гребенках владела дочь Павла Федоровича, Мария Степанова»⁸⁶.

В архиве ЦГАМ сохранилось дело 1862 г., в котором имеется уставная грамота крестьянского общества сц. Давыдково, дер. Деньково и Гребеньки. В ней приведены сведения о жителях Гребеньков: в 7 дворах проживали 25 лиц м.п.⁸⁷. Они обрабатывали до 75 дес. земли. Это было меньше, чем полагалось по реформе 1861 г., – 87,5 дес. земли (из расчета 3,5 дес. на одну ревизскую душу). Написано, что «Состоящая в пользовании крестьян земля находится в чрезполосном владении с помещиком. И потому должно быть произведено размежевание». После проведенного размежевания в пользовании крестьян дер. Гребеньки оказалось 89 дес. 1850 кв.саж. Прежде крестьяне всех трех селений находились на оброке, «платили 2.550 руб.сер. в год и сверх того содержали караул за господским лесом». По новому положению каждый наделенный землей крестьянин должен был вносить помещику ежегодный оброк 10 руб.

В советские годы Гребеньки слились с соседней деревней Пашково. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. здесь проживало 19 человек.

Сельцо Давыдково (Давыдово, Давыдовка) (GPS: 55.99261, 36.33897).

По данным книги «Истринская земля»:

«Деревня известна с XVI в. По писцовой книге Рузского уезда 1567–1569 гг., за Бессоном Игнатъевичем Демидовым числится д. Давыдово на речке на Розварне. Пашины средней земли 38 чети, “а в дву по тому ж”, сена 35 копен, леса не было. К этому владению относились также пустоши Оладыно и Лукьяново. Земля в них оценивалась как “худая”. Деревня входила в Шепковскую волость Рузского уезда. Затем владение постигла общая участь всей этой волости. В писцовой книге 1625–1626 гг. Давыдово указано как пустошь. Жизнь возродилась тут лишь на рубеже XVII–XVIII вв. Согласно переписной книге Рузского уезда 1705 г., сельцо Давыдково было “вновь поселено” после 1678 г. Переписная книга сообщала, что за Богданом Федоровичем Никулиным в сельце Давыдове числился двор вотчинников, в котором жил приказчик Павел Потапов и дворовые люди – Григорий Васильев с сыновьями Василием 12 лет и Родионом 5 лет, Кирило Никонов с сыновьями Терентием 6 лет и Леонтием 3 лет, а также Дементий Егоров. [...]

В 1800 г. с-цо Давыдково принадлежало полковнице, княгине Дарье Федоровне Цициановой (9 дворов, 78 человек) и малолетнему Николаю Петровичу Гурьеву (3 двора, 23 человека). Княгиня Д. Ф. Цицианова владела Давыдковым и в 1816 г. В Давыдове проживали 124 крестьянина (дворовых не было). В 1834 г. эти же два селения принадлежали действительному статскому советнику Павлу Федоровичу Степанову и его малолетним дочерям Марии, Александре и Раисе. В Давыдове было 132 крестьянина. В 1852 г. д. Давыдково владел по-прежнему П. Ф. Степанов. В 1859 г. в д. Давыдково Рузского уезда, при овраге, числилось 12 дворов, 84 мужчины, 86 женщин. В 1868 г. имением при Давыдове владела Мария Павловна Степанова»⁸⁸.

В упоминавшемся архивном деле об уставной грамоте приведены сведения о жителях сц. Давыдково. В 1862 г. в 22 дворах проживали 84 крестьянина⁸⁹. Они обрабатывали до 252 дес. земли. По нормам реформы по отмене крепостного права им полагалось 294 дес. После проведенного размежевания в пользовании крестьян оказалось 299 дес. 1942 кв.саж. Каждый наделенный землей крестьянин должен был платить помещику ежегодный оброк 10 руб.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в Давыдково проживало 37 человек.

Деревня Деньково (Разварня)

(GPS: 56.00828, 36.34418).

По сведениям из той же энциклопедии:

«Деньково упоминается в качестве пустоши в писцовой книге Рузского уезда 1567–1569 гг. – в ней пашины в поле лесом поросло худой земли 16 чети, а в дву потому ж. Сена и леса не было. [...] пустошь Деньково возродилась как деревня, хотя и произошло это спустя лет 200. Поскольку Деньково находится на речке Разварне, в некоторых документах оно так и обозначено: Разварня. [...] В 1625–1626 гг. Деньково было по-прежнему пустошью. Но теперь понемногу происходила распашка земли: 2 четверти было “пашины перелогом”, а заросшей лесом осталось 14 четвертей.

В XVIII в. выгодное расположение на Волоколамском тракте способствовало бурному росту Денькова. [...] В 1816 г. д. Денково с с-цом Давыдковым владела супруга действительного статского советника князя Петра Дмитриевича Цицианова (ум. 1826) – княгиня Дарья Федоровна. В Денькове было 279 крестьян. Княгиня Цицианова далее передала по наследству имение поручику Николаю Петровичу Гурьеву. Он же продал имение в 1821 г. Павлу Федоровичу Степанову и его супруге Елизавете Александровне. В 1834 г. эти же два селения принадлежали действительному статскому советнику Павлу Федоровичу Степанову и его малолетним дочерям Марии, Александре и Раисе (жена его к тому времени умерла). Кроме того, 2 крестьянина принадлежали тайному советнику, князю Михаилу Дмитриевичу Цицианову (1765–1841). В 1834 г. Деньково насчитывало 277 крестьян.

В 1852 г. Деньковым владел действительный статский советник Павел Федорович Степанов. Согласно “Списку населенных мест Московской губернии” (1859), в д. Деньково (Разварня) Рузского уезда числилось 22 двора, 191 мужчина, 222 женщины. В 1860 г. д. Деньково, Гребенки и Давыдково владела дочь Павла Федоровича, Мария Павловна Степанова. У нее было 300 крестьян мужского пола (дворовых не значилось), которые жили в 77 дворах и образовывали 125 оброчных тягл. [...]

В 1898 г. в 86 избах деревни проживали 177 мужчин и 234 женщины, составлявшие 62 надельных и 30 безнадельных семей. Земля (691 дес., в том числе пашины – 340, покоса – 71, леса – 211, выгона не было) была разделена на 182 доли. Имелось 87 рабочих лошадей и 99 голов крупного рогатого скота. Жители шли в разносчики (основной промысел), чернорабочие, торговцы, прислугу, маляры, легковые извозчики. Таким образом, и [к] концу века в Денькове совершенно преобладало отходничество. [...] Среди крестьян выделялись хозяйства веревочников, работавших семьями, они вили веревки и канаты. В осенне-зимний период крестьяне работали также на железной дороге – на черновых работах. Сразу после революции населению была объявлена гужевая повинность, чтобы помочь голодной и холодной Москве. Продразверстка пришла немного позже»⁹⁰.

К сказанному хотелось бы добавить следующее. В приведенной цитате говорится, что Деньково было куплено П. Ф. Степановым у Н. П. Гурьева в 1821 г. Сведения о принадлежности деревни Степанову подтверждают исповедные ведомости приходской церкви 1820-х гг. В газете обнаружено объявление о покупке в 1835 г. дворянином Степановым (будущим владельцем Дергайково) 35 душ в «дер. Деньковой» у кн. Е. Д. Аваловой и Н. Д. Багратион⁹¹. Очевидно, эти крепостные жили в другой части деревни, принадлежавшей указанным помещикам.

После смерти Павла Федоровича дер. Деньково перешла его старшей дочери Марии.

В упоминавшемся архивном деле об уставной грамоте приведены сведения о жителях дер. Деньково. В 54 дворах проживал 191 крестьянин⁹². Они обрабатывали до 573 дес. земли. По реформе 1861 г. им полагалось 668,5 дес. земли. После проведенного размежевания в распоряжении крестьян дер. Деньково оказалось 690 дес. 1358 кв.саж. Был также обязательный оброк помещику – 10 руб. с каждого наделенного землей крестьянина.

Современная история деревни оказалась связана с несколькими героями Советского Союза. Танкист Алексей Петрович Босов получил это звание в 1939 г. за бои на Халкин-Голе в Монголии. В 1941 г. у д. Деньково он принял свой последний бой с немцами. А. П. Босов был похоронен в г. Истра, одна из главных улиц райцентра названа его именем.

В Денькове похоронен другой прославленный воин – командир танка 1-й гвардейской танковой бригады, старший лейтенант Дмитрий Федорович Лавриненко. Он участвовал в 28 боях, подбил и уничтожил 52 танка. Был убит осколком мины 18 декабря 1941 г. в бою за д. Горюны Воло-

коламского района. Дмитрий Федорович был вначале похоронен у хутора Березовка, а в 1963 г. его прах перезахоронили в братской могиле в д. Деньково. К званию героя Советского Союза Лавриненко представили лишь в мае 1990 г., после обращения фронтовиков.

В Денькове родились герой Советского Союза, летчик-штурмовик Петр Кузьмич Андреев, а также чемпион мира 1955–1957 гг. по штанге Владимир Степанович Стогов.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. здесь проживало 109 человек.

Село Сабурово (Подъягодное)

(GPS: 55.99472, 38.04222).

Хотелось бы теперь поговорить об истории двух селений не из нашего региона, но которые также будут упоминаться на страницах настоящей книги – сц. Ярцево в Дмитровском уезде и с. Сабурово в Богородском уезде. Они находились довольно далеко от Дергайково, на других концах Московской губернии. Некоторое время оба селения принадлежали дергайковскому помещику Павлу Федоровичу Степанову, потом его дочери Марии. После смерти помещиков Степановых указанные селения стали общим владением Маклаковых.

Увы, ни в интернете, ни в книгах достоверного рассказа об истории сц. Ярцево Дмитровского уезда (GPS: 56.21521, 37.26109) найти не удалось. Очень жаль, т.к. в начале XX в. это сельцо оказалось у Николая Алексеевича Маклакова, о котором пойдет речь в шестой главе.

Поэтому придется ограничиться информацией о сц. Сабурово, оно же Подъягодное. Сведения о его истории найдены на сайте ногинских краеведов:

«Княжеское сельцо Сабурово [...] богато знаменитостями. Впервые упомянуто как пустошь Подъягодное Желудево тож в Писцовых книгах 1584–1586 гг. Принадлежала эта земля старице Евгении, жене Василия Царевского, вероятно, ушедшей под старость в Монастырь. Стояло Сабурово на Хомутовском тракте. [...] В 1706 г. произошло знаменательное событие – князем была построена церковь Спаса Нерукотворного образа на расстоянии метров 500 от сельца, ставшего селом. [...] В 1776 г. село Подъягодное Сабурово тож – “на суходоле”: церковь Спаса Нерукотворного образа, дом господский деревянный, 12 домов с 74 крестьянами, сад регулярный с плодовыми деревьями, фабрика полотняная о 10 станах, “крестьяне на пашне” (барщинные). На картах Московской провинции село названо “Подъягодным”. [...]

В 1812 (или после смерти князя с 1808) сельцо – у Татариновых Марфы Афанасьевны и Александра Ивановича, подпоручика. В 1839 г. сельцо – у Марфы Афанасьевны, “которая тут не живет”. Рядом с селом усадьба – дворовых – 8 муж. и 6 жен. Крестьянских домов 13 с 51 муж. и 63 жен. В 1844 г. у ее мужа – 12 дворовых и 20 домов крестьянских. [ЦИАМ 203/747/1459 ИВ 1844]. В сельце – 490 десятин земли. Ранее 1854 – у их зятя, мужа их дочери Елизаветы – его превосходительства Павла Федоровича Степанова, действительного статского советника, правителя канцелярии Московского генерал-губернатора. Ранее 1860 г. – как приданое их дочери Александры за статским советником Василием Васильевичем Чердаевым (16 домов, 150 крестьян). [...] Издавна в сельце за прудом была и усадьба с парком, отделявшим ее от пыльного Хомутовского тракта. В 1890 году она значится у статского советника Алексея Николаевича Маклакова (дочь Чегодаевых Елизавета была в замужестве за ним с 1860-х гг.)»⁹³.

По поводу этой цитаты хотелось бы сделать несколько замечаний, дополнений.

Во-первых, искажена фамилия помещика Василия Васильевича. Правильное написание не «Чердаев» и не «Чегодаев», а Чердеев (разговор об этом дворянском роде будет продолжен в четвертой главе).

Во-вторых, после построения церкви вблизи Сабурово, правильнее именовать его селом. Однако во многих документах той поры селение по-прежнему называли сельцом.

И, в-третьих, имение Сабурово, по собранным документам, по всей видимости, в XX в. было продано Маклаковыми.

Сабурово сохранилось, ныне это деревня Щёлковского района Московской области.

Глава 2. Первые владельцы сельца Дергайково

Переходим теперь к владельцам имения Дергайково. О каждом из них будет рассказано отдельно. Общий список помещиков представлен в виде таблицы, в которой указаны подтвержденные года владения имением. К сожалению, для начального периода истории остались временные интервалы, когда не удалось установить имена владельцев.

Всем помещикам для удобства идентификации присвоены буквы русского алфавита.

Все владельцы имения Дергайково

Даты.	Лет.		ФИО, чин (звание) владельцев имения.
до 1584		А	Ибак Избюкович.
1704–1710	> 16	Б	Вдова Агриппина Ивановна (Михайловна?) Плещеева .
1720-е		В	Сержант Иван Михайлович Плещеев .
1733–1746	> 13	Г	Княжна Мария Андреевна Орлова (урожд. Белосельская).
1746		Д	Дворянин Иван Михайлович Орлов .
1746–1753	37	Е	Дворянка Екатерина Петровна Нащокина (урожд. Власова).
1762–1764		Ж	Капитан флота Михаил Петрович Власов .
1767–1769		З	Дворянин Николай Михайлович Нащокин .
1769–1783		И	Дворянка Наталья Никитична Нащокина (урожд. Желябужская).
1783–1791	8	К	Капитан флота Федор Алексеевич Мосолов .
1792–1793	1	Л	Действительный тайный советник Николай Ефимович Мясоедов .
1793–1821	46	М	Дворянин Александр Иванович Татаринов .
1821–1839		Н	Дворянка Марфа Афанасьевна Татаринова .
1839–1856	45	П	Действительный статский советник Павел Федорович Степанов .
1856–1884		Р	Дворянка Мария Павловна Степанова .
1884–1895	33	С	Общее владение детей Маклаковых и их опекуна, отца, врача Алексея Николаевича Маклакова .
1895–1901? ⁱ			Общее владение наследников Маклаковых .
1901?–1917		Т	Адвокат, депутат Василий Алексеевич Маклаков .

В книге “Истринская земля” говорится: «*Пустошь Дергайково упоминается в писцовой книге 1584–1586 гг. Пустошь в этой книге отнесена к “порозжим землям, что были в поместье за бояры и за дворяны и за детми боярскими, а ныне лежат в пусте, и не владеет ими никто”*. Там написано: “*Царевического поместья И[з]бака Избюковича <...> пустошь, что была д. Дергайкова: пашни и лесом поросло в кол и в жердь середние земли 50 четьи <...> сена 20 копен*”»¹.

Это самый древний источник, в котором упомянуты наши земли. Так стало известно имя первого владельца Дергайгово (тогда это была ненаселенная пустошь), его звали **Ибак Избюкович**. Явно нерусское имя. Про этого человека в словаре Половцова сказано: «*Ибак (Ивак), татарский царевич, был в русской службе при царе Иоанне Грозном, с 1558 г.; упоминания о нем прекращаются с 1570 г., и самые владения его в 1584 г. оказываются уже за другими лицами. В 1562, 1563, 1564 и 1567 гг. он участвовал в разных походах русских войск; в 1570 г. он владел Сурожиком*»².

Вот и все, что известно об Ибаке Избюковиче (он помечен буквой “А” в таблице владельцев). Понятно, что он не был первым владельцем в истории селения. Прежде существовавшая на месте пустоши деревня кому-то принадлежала. Но кому – в обнаруженных документах не сказано.

ⁱ Год «1901?» условный. Точная дата, когда В. А. Маклаков стал владельцем Дергайково, осталась неизвестной (этот вопрос подробно рассматривается в пятой главе).

ⁱⁱ По мнению архимандрита Леонида (Кавелина), Сурожик – это местность на высоком берегу р. Истра, которое позднее стало называться Ильинским Городищем. Ныне это нежилое место рядом с дер. Вельяминово.

Начало XVIII века: Плещеевы

«Щит разделен вдоль на две части: в правой в серебряном поле виден до половины Орел с золотым на главе его венцом, имеющий нос и когти золотые же; в левой¹ части в голубом поле выходящая из облака в латы облеченная рука с мечем. На щите изображена дворянская Корона с дворянским на ней прямым шлемом, по сторонам коего два распростертые орлиные черные крыла, а между ними красное сердце с пламенем. Намет на щите голубой, подложенный серебром. Щит держат два черные Орла в золотых на главах венцах»³.

Изо 2–01. Герб рода Плещеевых.

Самые ранние сведения о возрождении жизни в Дергайково относятся к началу XVIII столетия. Об этом сказано в энциклопедии “Истринская земля”, к сожалению, без ссылки на исторический источник: «В 1710 г. возобновившееся с-цо **Дергайково** принадлежало Агриппине, вдове Михаила Плещеева. Здесь был лишь двор вотчинницы, в котором жило несколько дворовых людей; крестьяне не жили»⁴. И далее говорится: «В 1720-х гг. сельцо было вотчиной сержанта лейб-гвардии Семеновского полка Ивана Михайловича Плещеева. После его смерти вдова Мария Андреевна вышла во второй раз за оберштер-кригскомиссара Ивана Михайловича Орлова и владела сельцом (12 дворовых людей) в 1747 г.».

Кто был хозяином Дергайково до вдовы Агриппины – установить не удалось. Возможно, сельцо принадлежало ее супругу Михаилу Плещееву. Но не следует исключать варианта, что имение было приданным Агриппины при выходе замуж за Михаила или же досталось ей по завещанию от каких-то родственников. Остался еще вопрос: а каким образом Дергайково позднее оказалось у сержанта Ивана Михайловича Плещеева? В документах ответа нет. Учитывая его фамилию и отчество, можно предположить, что это был сын супругов Михаила и Агриппины Плещеевых. Наличие сына Ивана у Михаила Плещеева подтверждает и генеалогический сайт.

Дворянский род Плещеевых

Поговорим теперь о происхождении дергайковских помещиков, из какого рода они были.

О Плещеевых уже доводилось писать. В книге об истории с. Филатово отмечалось, что владельцами указанного села во второй половине XVII в. были Плещеевы⁵. Сначала это был стольник и свияжский воевода Федор Львович. А потом Филатово принадлежало его сыновьям Семену и Федору. Там же говорилось, что Плещеевы – известный дворянский род, его корни уходят в XIV столетие. Потомки Плещеевых считали, что основателем рода являлся Федор Бяконт, который «пришел ис Чернигова к Москве к великому князю Ивану Даниловичю Колите, а был у великаго князя Ивана Даниловича боярин»⁶. На сайте “Википедия” приведена информация о детях Федора Бяконта. Один из них: «Его старший сын, Симеон или Елевферий, во иночестве Алексий, был воспитан митрополитом Феогностом и в 1355 году сам был поставлен Митрополитом Киевским и всея Руси. Впоследствии он был канонизован». Это был «святитель Алексий, Митрополит Киевским и всея Руси». Как видим, в роду дергайковских помещиков был святой.

Род Плещеевых оказался многочисленный, на генеалогическом сайте “РРФ” приведены сведения о нескольких сотнях людей с такой фамилией, живших до революции⁷. Можно предположить, что Плещеевы – владельцы соседних поместий Филатово и Дергайково, между которыми расстояние всего около 10 верст – были в родстве. Но в каком? Сведений о родственных связях найти не удалось. Родство, если и было, то дальнее.

Трудности в поиске родственных связей возникли из-за того, что в приведенной ранее цитате

¹ Описание герба по традиции зеркально по отношению к изображению. Левая часть на изображении справа.

из “Истринской земли” не указано отчество Михаила Плещеева, супруга которого Агриппина стала первой известной владелицей сельца (не пустоши) Дергайково. На сайте РРФ оказалось 13 членов рода с таким именем и фамилией. Поначалу наиболее подходящим кандидатом казался Михаил Львович Плещеев (брат филатовского помещика). В его пользу свидетельствовало то, что он владел землями в Загородской десятине по соседству с Дергайково – это Лучинское, Слабошейно, Долево⁸. Но данный помещик оказался староват (родился в 1617 и умер в 1683 г.). А главное – среди его жен (их было две) не оказалось Агриппины. Для остальных двенадцати Михайлов Плещеевых имена жен на сайте РРФ не указаны. Поиски были продолжены. И они увенчались успехом. Искомый человек был найден на другом ресурсе в сети.

Владельцы Дергайково Плещеевы

В интернете, на форуме “Союза Возрождения Родословных Традиций” (СВРТ), обнаружены сведения о стольнике **Михаиле Федоровиче Плещееве**, супругу которого звали **Аграфена (Агриппина)¹ Ивановна Плещеева⁹** (буква “Б” в таблице владельцев). По всей видимости, это и были те люди, которым в начале XVIII в. принадлежало Дергайково. Важно, что на указанном ресурсе приведены ссылки на исторический источник – акты книги Москвы начала века. Изучение этих книг показало, что в 1702 г. стольник Михайло Федорович Плещеев занял у другого стольника Колычева 49 руб. под залог двора на Дмитровке в Москве¹⁰. А в другой записи, датированной 1703 г., упоминается вдова Михаила Федоровича Аграфена Ивановна. Стало быть, к этому времени стольника уже не было в живых. Ну а вдова, по данным актовой книги, была жива и в 1717 г.

Все бы хорошо, но возникли вопросы по отчеству вдовы. Дело в том, что на сайте исследователя Т. В. Максимовой оказалась следующая информация: «1704 – за *Аграфеной Михайловной Плещеевой сщ. Дергаково, Московский уезд, Сурожский стан [РГАДА ф.1209 оп.1 д.9815, ч.н.2, №194, алфавит к описи]*»¹¹. Хотя название записано с небольшим искажением, нет сомнения, что это наше сельцо и наша помещица, ибо уезд и стан указаны верно. А вот отчество Михайловна отличается от отчества Ивановна, приведенного на сайте СВРТ. Так как же все-таки звали владелицу имения Дергайково? К сожалению, не хватает информации, чтобы сделать однозначный вывод. Скорее всего, в каком-то из источников допущена ошибка в отчестве. Однако нельзя исключать варианта, что существовали две женщины, жившие в одно время с одним именем и фамилией, но разными отчествами. Остался также открытым вопрос: из какого рода Агриппина?

Как уже отмечалось, в 1720-х гг. владельцем Дергайково был сержант **Иван Михайлович Плещеев** (“В”). Скорее всего, это сын вдовы Агриппины (ведь она была замужем за Михаилом). О нем найдена такая информация. В одной из записей актовой книги сказано, что в 1718 г. солдат лейб-гвардии Семеновского полка Иван Плещеев купил в Москве двор (т.е. дом с участком) за 45 руб. Как видим, он еще солдат, сержантом, очевидно, стал позже. Но владельцем московской недвижимости Иван был недолго. В той же актовой книге написано, что спустя год двор был продан за 50 руб., причем продавцом оказалась жена Ивана, которую звали «*Евдокия Савина*» (Савична).

Там же на форуме СВРТ приведены дополнительные сведения: «*Иван Михайлович (1690-е – после 1722), уездный дворянин, за ним после отца Михаила Федоровича и деда Федора Григорьевича Плещеевых вотчины в Шацком (Дикое Поле), Суздальском (с. Введенское), Стародубском, Галицком, Московском, Муромском (сс. Ковардицы и Святцы) и Владимирском уу. Жена (брак с 19.03.1722 г.) кн. Мария Андреевна Белосельская (в 1-м браке Ржевская) (? – ум. ?), дочь князя Андрея Ивановича Белосельского, вдова адъютанта Федора Яковлевича Ржевского (1680-е – ум. конец 1710-х)*». На другой странице того же форума сказано: «*Жена кн. Мария Андреевна Белосельская (во 2-м браке Плещеева) (? – 1.01.1746), дочь князя Андрея Ивановича Белосельского*».

Хотелось бы обратить внимание на следующие слова в приведенных цитатах.

Первое. Говорится, что Иван Михайлович Плещеев дворянин, получил от отца и деда довольно богатое наследство (несколько имений в разных уездах).

Второе. Указано имя деда дергайковского помещика – **Федор Григорьевич Плещеев**.

Третье, на что хотелось бы обратить внимание, – как звали супругу Ивана Михайловича. В актовой книге упомянута **Евдокия Савична**, а тут говорится про княжну **Марию Андреевну Белосельскую**. Напрашивается предположение, что Иван Михайлович был дважды женат. Но это лишь

¹ Аграфена и Агриппина – одно и то же имя, как например, Мария и Маша, Прасковья и Параскева и т.д.

версия, которая пока не получила документального подтверждения.

Во избежание путаницы хотелось бы еще сказать, что у владельца имения Дергайково был и полный тезка. В начале XVII столетия в сибирском Верхотурье служил воеводой Иван Михайлович Плещеев. Но это оказался не наш помещик, воевода жил на целый век раньше.

Вот и все сведения, которые удалось собрать о Плещеевых, владевших Дергайково в первой половине XVIII в. Они не были знатными людьми, потому информации о них мало.

1733 – 1746: Орловы

Дергайковская помещица Мария Андреевна Орлова (урожд. Белосельская)

Ранее приводилась цитата из энциклопедии “Истринская земля”, в которой говорилось о следующих владельцах Дергайково. В ней сказано, что после смерти сержанта И. М. Плещеева *«вдова Мария Андреевна вышла во второй раз за оберштер-кригскомиссара Ивана Михайловича Орлова и владела сельцом (12 дворовых людей) в 1747 г.»*.

То, что Дергайково сменило хозяев, подтверждают и другие исторические документы. Так в исповедной ведомости Крестовоздвиженской церкви села Телепнево за 1742 г. имеется такая запись: *«Господина Ивана Михайлова Орлова деловые люди селца Дергайкова»*¹² (см. изд. 1–04). Представитель этого рода, исследователь К. О. Орлов¹ предоставил информацию о том, что смена владельцев сельца произошла еще раньше. Он обнаружил в архиве РГАДА дело с таким названием: *«Закладная жены поручика Преображенского полка Ивана Михайловича Орлова Марьяны [Марии] Андреевны секретарю Василию Михайловичу Друковцову на с. Дергаково в Сурожском ст. Московского у., за взятые займы деньги, 1733, дек.»*¹³.

Из приведенной информации получается, что Орловы владели имением с 1733 по 1747 гг. Но это не совсем так. Сельцо могло оказаться у них и раньше указанных лет. Мы, увы, не знаем, когда Мария Андреевна вышла замуж за Орлова (ее предыдущий брак с Плещеевым был заключен в 1722). Остались вопросы и по верхней границе владения имением. Как было установлено, вдова умерла раньше указанной в цитате даты, 1747, а именно 1 января 1746 г.¹⁴ Это еще не все. В другом архивном деле обнаружена такая информация: *«в [1]746-м году марта в 10 день за денги за девять сот [900] рублей продал оберштер криц комисар Иван Михайлов с-н Орлов в Московском уезде в Сурожском стану в пустоши что ныне селцо Дергайково, да в пустоши Болдиной на речке на Малой Истрице пашины сто четвертей в поле, а в дву потому же»*¹⁵. Покупательницей оказалась Екатерина Петровна Нащокина, о ней пойдет разговор далее.

А сейчас поговорим о **Марии Андреевне Орловой** (“Г”, урожд. Белосельской), которой Дергайково принадлежало не менее 13 лет.

Но сначала хотелось обратить внимание на неточность в энциклопедии. В ней сказано, что Мария Андреевна вышла замуж во второй раз. На самом деле, брак с Иваном Михайловичем Орловым для нее был третьим. Как ранее уже говорилось, первым супругом был адъютант Федор Яковлевич Ржевский, а вторым оказался упоминавшийся ранее Иван Михайлович Плещеев, которому принадлежало **Дергайково** (любопытно, что второй и третий супруги были тезками, обоих звали Иван Михайлович).

Княжеский род Белосельских

Мария Андреевна принадлежала к старинному, но малоизвестному княжескому роду Белосельских. Недавно в одном из краеведческих сборников была опубликована статья И. В. Купцова, посвященная этой дворянской фамилии. В ней сказано, что род ведется от новгородского князя Рюрика, первого правителя нашего государства. Там же приведено описание родословной, из которого следует, что деда Марии Андреевны звали **Иван Никифорович Белосельский**, он помещен как *«меньшой»*. Про него сказано, что служил стольником, что *«В 1689 вместе с племянником кн. Константином Ивановичем в должности заводчика участвовал в 1-м Крымском походе кн. В. В. Голицына»*¹⁶. В отставке с 1703 г., *«велено жить в Москве»*. Имел вотчины в Вологодском уезде 44 души, в Дмитровском 22 и Кашинском 16.

¹ Кирилл Олегович из другой ветви славного рода Орловых и не является прямым потомком дергайковского помещика И. М. Орлова.

«В щите имеющем голубое поле изображены серебряные: Крест, Луна и под ними две Рыбы, плавающие крестообразно в реке. Щит покрыт мантией и шапкою принадлежащими Княжескому достоинству. Род Князей Белосельских происходит от Князей Белозерских. В родословной Князей Белозерских, находящейся в бархатной и других родословных книгах, показано, что праправнук Великого Князя Владимира Святославича, крестившего Русскую землю, Великий Князь Всеволод Юрьевич, посади сына своего Князя Константина на Княжение в Ростове. Сын сего Князя Константина, Князь Василий имел сына Князя Глеба, и посади его на удел на Белеозере»¹⁷.

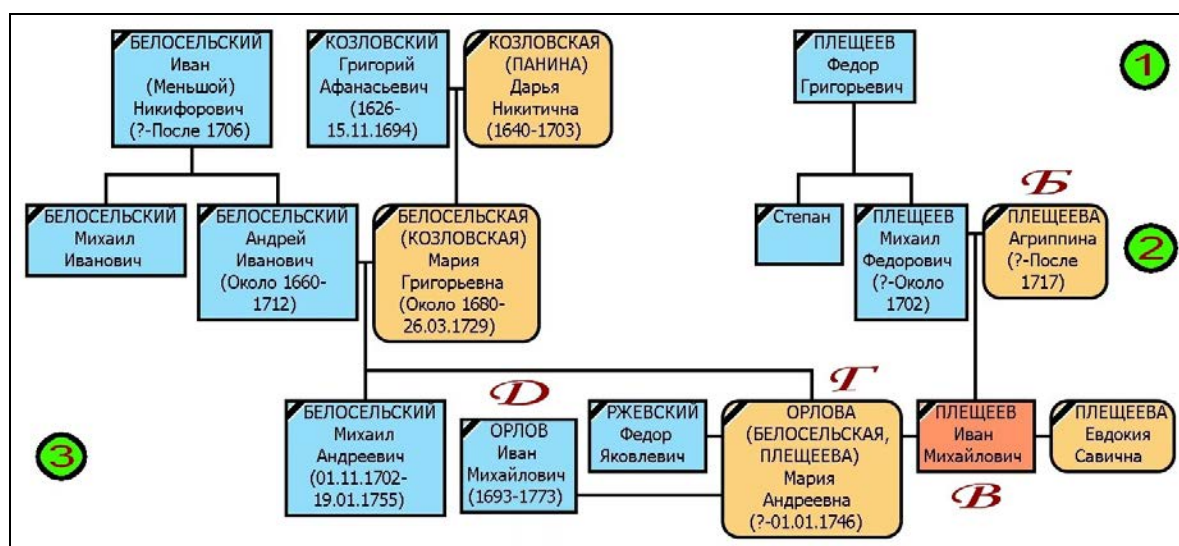
Изо 2–02. Герб рода Белосельских.

Родители и брат Белосельские

После смерти Ивана Никифоровича имение в с. Дубровки Дмитровского уезда перешло сыну, которого звали **Андрей Иванович Белосельский**, а его супругу – **Мария Григорьевна** (урожд. **Козловская**). Это отец и мать дергайковской помещицы, у них было имение Мордовское в Вязниковском уезде. В публикации Купцова отмечено, что Андрей Иванович был стольником «царицы Прасковьи Федоровны», участвовал в Северной войне, был убит в 1712 г. под Дерптом. Про Марию Григорьевну сказано, что она дочь боярина кн. **Григория Афанасьевича Козловского**. По сайту РФ установлено имя супруги князя – **Дарья Никитична** (урожд. **Панина**). Это бабушка и бабушка Марии Андреевны по материнской линии. Все они показаны в древе рода (буквами выделены люди, владевшие Дергайково в разные годы).

В интернете можно найти сведения об истории с. Мордовское. В первой половине XVIII в. село принадлежало Марии Андреевне Белосельской. Написано, что помещица проживала в нем до своей кончины. Там же говорится, что «В 1742 г. Орлов построил "по его обещанию" в Мордовском холодную деревянную церковь во имя Спаса Нерукотворного. В 1744 супруги Орловы провели в вотчине ревизию. После ревизии они решили "соединить в одно место" несколько селений, переименовав село в Ново-Богородское. А в 1745 построили печи для отопления Казанской церкви, что позволяло служить в ней круглый год»¹⁸.

У Марии был брат, которого звали Михаил Андреевич Белосельский. Он оказался более известен, чем родственники, служил в 1745–1749 гг. управляющим «Адмиралтейств-коллегии». О Михаиле Андреевиче в «Википедии» приведены такие сведения:

Изо 2–03. Фрагмент родословного древа Плещеевых, Белосельских, Козловских.

«В 1717 году поступил на службу во флот гардемаринном. Став с юных лет известным императору Петру Великому и приобретя его доверие, князь Белосельский ещё в чине гардемарина неоднократно получал от него различные поручения и по его указаниям отправлялся не только внутрь России, но и за границу. В 1719 году, находясь на корабле “Эсперанс”, он ходил в плавание в Любек. Тогда познакомился с мекленбургской герцогиней Екатериной, сестрой будущей императрицы Анны Иоанновны. 2 марта 1721 года был произведён в мичманы, а 10 января 1724 года – в унтер-лейтенанты. [...] 5 сентября 1747 года князь Белосельский был пожалован в генерал-кригскомиссары с назначением присутствовать в Адмиралтейств-коллегии. С этим званием был сопряжен и чин вице-адмирала. [...] 10 февраля 1747 года он был награждён орденом Святой Анны I степени, а 5 сентября 1748 года получил орден Святого Александра Невского. В том же году он сопровождал императрицу Елизавету Петровну в Москву, состоя при ней докладчиком по делам морского ведомства. [...] Погребен в Александро-Невской лавре».

Дворянский род Орловых

«Древнейший из всех дворянских и титулованных родов Орловых происходит от легендарного “мужа честна Льва”, выехавшего, “из Немец” к великому князю Василию Дмитриевичу (1393). У него было двое внуков: Дмитрий и Елизар Гавриловичи. Правнук Дмитрия Гавриловича Василий Тимофеевич Орёл был родоначальником Орловых. [...] Этот род Орловых внесён в IV часть Дворянской родословной книги Московской губернии. Одного происхождения с родами Беклемишевых и Княжениных [...] Герб не внесен в Общій Гербовник, Гербовник Царства Польского или Дипломные сборники»¹⁹.

Изо 2–04. Герб рода Орловых²⁰, ЦГАМ.

Перейдем теперь к третьему мужу Марии Андреевны, который некоторое время владел сц. Дергайково. Напомним, что его звали Иван Михайлович Орлов.

Начнем с происхождения. Это оказался непростой вопрос, разобраться в нем помог потомок рода Кирилл Олегович Орлов. Этот исследователь, педагог по профессии, много лет занимается своей родословной, написал несколько книг и статей по данной теме.

Дергайковский помещик оказался из старинного дворянского рода, особую известность получившего в XVIII столетии. Дворян Орловых оказалось много, существовали несколько ветвей. Так, на сайте “Общій гербовник” описаны около двух десятков династий Орловых, среди них один княжеский и несколько графских родов, некоторые из них имели свои гербы. Собственный герб имелся и у дергайковского помещика и его родственников, его изображение и описание приведено здесь. В биографическом словаре Половцова дана такая информация о роде:

«Орловы – одна из самых распространенных фамилий в России среди всех классов общества; эту фамилию носили многие известные в русской истории лица, в разной степени оказавшие заслуги отечеству на различных поприщах. Как это часто бывает, фамилии очень распространенные не всегда являются синонимом древности. Среди русского дворянства фамилия Орловых одна из многочисленных, но, тем не менее, к древнему дворянству принадлежит только один род Орловых, ведущий со многими другими, ниже перечисляемыми, фамилиями, свое происхождение от “мужа честна Льва”, выехавшего из “немец” в Россию к великому князю Василию Дмитриевичу в 1393 году; к старому дворянству, т. е. восходящему не далее конца XVI или начала XVII века, можно отнести также один род, представители которого долгое время спустя были при императрице Екатерине II возведены в графское и княжеское достоинство и сделались первыми людьми в государстве»²¹.

Речь в цитате идет о фаворите императрицы Екатерины II, графе Григории Григорьевиче Орлове и его братьях. Владелец Дергайково жил с ними в одно время. Они были очень дальними

родственниками: «*Иван Михайлович – восьмьюродный брат графам Орловым*».

Потомок Кирилл Олегович недавно написал книгу «Орловы и Италия», в ней приведены ссылки на многочисленные исторические источники, включая архивные дела. Есть сведения и об Иване Михайловиче, он записан в 14-е «*колено*» (поколение) рода²². А в первом поколении указан Лев. Он считается основателем рода. О его происхождении существует несколько версий.

Первая – это был Лев Иванович, которого убили в Куликовской битве в 1380 г. Его прапрадедом был Терентий Михайлович, боярин у князя Александра Невского. Отец этого боярина, «*Миша Прушанин*», участвовал в Невской битве. Вторая версия, что у Льва отчество было Александрович, он второй сын тверского князя Александра Михайловича. Участвовал в Куликовской битве, на которую его благословил Сергей Радонежский. Есть и третья версия от потомков Беклемишевых. Они считают, что их предок Лев выехал «*из Немец*» на службу к великому князю Василию Дмитриевичу (1393). Как видим, версии существенно расходятся. Но в любом случае понятно, что предки были знатными людьми.

Предки дергайковского помещика

Как написал потомок, прадед Ивана Михайловича: «*Тарас Иванович Орлов, помещик Дмитровского и Галичского уездов, на царской службе был “во Твери” и скончался в 1647 г.*».

У Тараса Ивановича было несколько детей, одного из них звали **Василий Тарасович Орлов**. Он служил в армии, был в военных походах, участвовал в строительстве судов. По сведениям К. О. Орлова: «*В 1662 г. “написан ему оклад с придачами за Смоленский и за Виленский походы и за Быховскую службу поместный 650 чети, денег 29 рублей, ему же за победу над Чарнецким и Сапегою под Губаревым 120 чети, денег 10 рублей”*. В 1668 г. он служил воеводой в Киеве, а в 1677–1678 гг. участвовал в Чигиринских походах в ходе русско-турецкой войны. За Василием Тарасовичем также состояло в Дмитровском уезде поместье – село Орлово (Храброво) с деревнями и пустошами. Он женился на **Варваре Ивановне Шишкиной**, дочери дмитровского воеводы Ивана Акинфиевича Шишкина, получившей в приданое поместья в Новоторжском уезде»²³.

У Василия Тарасовича было четверо детей: Анастасия, Василий, Иван и Михаил (см. древо из 2–06). Последний из них и стал отцом дергайковского помещика. О нем и поговорим.

Михаил Васильевич Орлов находился на гражданской службе. Был стряпчим, как и его родитель, строил суда. В 1707 г. «*от службы отставлен для болезни*». Был помещиком, владел землями «*на Беле-озере, в Галиче, в Дмитрове, Торшук [Торжок] 28 дворов*»²⁴. От отца Василия Тарасовича Михаилу перешли имения Храброво и Захарьино. Вместе с братом Иваном имел дом в Москве. Жена Михаила (ее имя осталось неизвестным) происходила из княжеского рода Репниных. В семье была дочь Ирина и сын Иван, ставший впоследствии владельцем сц. Дергайково.

Государев денщик Иван Орлов

О сыне Михаила Васильевича **Иване Михайловиче Орлове** («Д», 1693 – † 1773)ⁱ, «*служившего восьми императорам и императрицам*», обнаружено довольно много информации. Прямо скажем, неожиданной и удивительной.

Но прежде чем рассказывать о его жизни, хотелось обратить внимание вот на что. Кроме упомянутой ранее купчей 1746 г., нет ни одного исторического документа, который бы прямо свидетельствовал о том, что **Дергайково** принадлежало И. М. Орлову (в исповедке 1742 г. лишь сказано, что в сельце находились его дворовые люди). Как далее будет показано, всего два с небольшим месяца после смерти супруги и до продажи имения он был дергайковским помещиком.

Самые ранние упоминания об Иване Михайловиче Орлове относятся к началу XVIII в. Как он сам писал, служить начал в 1708 г.²⁵, т. е. с 15 лет. По данным историка М. И. Семевского вначале он «*полковничий денщик*» в лейб-гвардии Преображенском полку. Но уже со следующего года «*денщик Петра I, исполнял различные поручения царя*».

О службе Ивана государевым денщиком есть несколько публикаций. Наиболее внушающий доверие источник называется «Биохроника Петра Великого день за днем». На интернет-сайте с таким названием подробно описана хроника жизни государя год за годом, день за днем. И что важно

ⁱ Запись «1693 – † 1773» следует понимать так: родился в 1693 году, умер в 1773-м. Если вместо года стоит знак вопроса «?», то это означает, что дата рождения или смерти неизвестна. Сокращение «ок.» означает слово «около», т. е. точная дата неизвестна.

– приведены ссылки на исторические источники.

Впервые Иван Орлов, который в царских документах назывался «Арлоф», «Орликов» или «Фендрих¹ нашего полку», упомянут в 1713 г. Государь доверял своему денщику, об этом свидетельствуют *«Записи расходов: в Пирмонте было заплачено Ивану Орлову за табакерку серебряную, которую он купил по приказу П. [Петра I], да за два шлафмица (ночных колпака – Е.А.)»*²⁶. Царь также заботился о здоровье денщика, что подтверждает запись, сделанная в 1716 г. В ней говорится *«об оплате лечения больного денщика И.М. Орлова»*. Пять лет спустя в “Биохронике” было записано: *«Понеже фендрик нашего полку господин [И.М.] Орлов болен на Москве, того ради постарайтесь о его свободе от болезни и приложите свой труд по крайней возможности, что нам зело приятно будет»*²⁷.

Любовная история Марии Гамильтон

Но не все гладко было в отношениях государя и денщика. В 1719 г. Иван Орлов мог лишиться жизни. О трагедии, случившейся с бывшей любовницей Петра I, которую звали Мария Гамильтон, широко известно, об этом много написано. Писатели сочиняли романы, пьесы, стихи. Художники тоже оставили свой след в виде картин. Суть трагических событий, происходивших более трех веков назад, такова (за основу изложения взята публикация историка М. И. Семевского, который работал с первичными историческими документами).

Как известно, у Петра I были любовницы. Одной из них стала фрейлина императрицы Екатерины юная Мария Гамильтон (Гамонтова). Она происходила из ветви шотландского рода, основатель которой, Томас Гамильтон, приехал в Россию при Иване Грозном. Спустя какое-то время Петру I наскучила Мария, и тогда она, как написано в “Википедии”: *«соблазнила царского денщика Ивана Михайловича Орлова. В январе 1716 года в свите царя они отправились в заграничное путешествие. Орлов, в которого девушка серьёзно влюбилась, также остыл к ней. Любовники постоянно ссорились, Орлов бил её, вдобавок изменял с Авдотьей Чернышёвой, ещё одной метрессой императора Петра. Стремясь его вернуть, Мария одаривала его ценными подарками, в том числе и теми, что могла украсть у императрицы. Затем Мария забеременела»*.

То, что Гамильтон обратила внимание на Ивана Орлова, историк М. И. Семевский считает случайным: *«Нужно думать, что предмет её любви, по крайней мере, в физическом отношении, был достоин выбора: в денщики выбирались красивые, рослые, видные, расторопные и смелые молодые люди. Они поступали из дворян, большею частью незнатного происхождения»*²⁸.

В 1717 г. произошло следующее: *«из кабинета государя пропали важные бумаги – Орлов написал донос на заговорщиков, отдал царю, тот положил бумагу в карман, а та провалилась за подкладку. Петр подумал, что Орлов, испугавшись, забрал донос, и принялся его допрашивать. Орлов в страхе повалился Петру в ноги и сознался в любви к Гамильтон, наболтав, помимо всего прочего, что они вместе три года и за это время Гамильтон родила мертвых младенцев»*²⁹.

Государь распорядился провести следствие, был произведен обыск у Марии Гамильтон. В результате обнаружены вещи, которые она украла у Екатерины, супруги царя. Ее вместе с Орловым заключили в Петропавловскую крепость и при допросе били кнутом. Мария созналась, что воровала у императрицы, что трижды была беременна, причем последнего ребенка собственноручно задушила (труп младенца обнаружили в выгребной яме). Это было серьезное преступление. Незадолго до этого Петр I издал указ *«О гошпиталях»*, в котором говорилось: *«Занятых [т.е. незаконнорожденных] младенцев в непристойные места не отмётывать, а приносить в гошпитали и класть тайно в окно»*³⁰. А детоубийцам полагалась кара: *«Коли кто умертвит такого младенца, то за оные такие злодейственные дела сами будут казнены смертию»*.

По итогам проведенного расследования был вынесен приговор, в нем говорилось: *«девку Марию Гамонтову, что она с Иваном Орловым жила блудно и была от него брюхата трижды и двух ребенков лекарствами из себя вытравила, а третьего удавила и отбросила, за такое душегубство, также она же у царицы государыни Екатерины Алексеевны крада алмазные вещи и золотые: (червонцы) в чем она с двух розысков повинилась, казнить смертию»*³¹. Любовника же решено бы-

¹ «Фендрик (фендрих, фенрих; от нем. Fährnich знаменщик) – чин или воинское звание в вооружённых силах некоторых государств. Примерно соответствует воинскому званию младшего лейтенанта или лейтенанта Вооружённых сил России, подпоручика, прапорщика» (“Википедия”).

ло помиловать: «А Ивана Орлова свободить, понеже [т.к.] он о том, что девка Мария Гамонтова была от него брюхата и вышеписанное душегубство детям своим чинила, и как алмазные вещи и золотые крала не ведал – о чем она, девка, с розыску показала имянно».

За приговоренную Марию Гамильтон хлопотала императрица Екатерина, просила ее пощадить. Но Петр I твердо стоял на своем, более того, лично присутствовал на казни.

Приговор был приведен в исполнение 14 марта 1719 г. на Троицкой площади Петербурга. Собралось много народу. Мария до последнего момента надеялась, что государь ее помилует. Ради этого облачилась в праздничное белое платье, и когда появился Петр, встала перед ним на колени. Но ее надежды не оправдались. В интернете можно найти описание того, как происходила казнь. Вот что написал историк М. И. Семевский: «Великий Петр, повествуют иноземные писатели, поднял [отрубленную] голову и почтил ее поцелуем. Так-как он считал себя сведущим в анатомии, то при этом случае долгом почел показать и объяснить присутствующим различныя жилы на голове; поцеловал ее в другой раз, затем бросил на землю, перекрестился и уехал с места казни».

Известны, как минимум, две картины художников на эту тему. Одна из них, где Мария показана в темнице, приводится здесь. Другую картину, где царь Петр I держит отрубленную голову³², можно увидеть на тыльной стороне обложки данной книги.

На этом история, однако, не закончилась. Голова казненной девушки по желанию Петра I была помещена в Кунсткамеру, где десятилетиями находилась в специальном заспиртованном сосуде (до наших дней она не сохранилась).

Если кто-то захочет ознакомиться с подробностями этой неординарной истории, может обратиться в Приложение–2: там приведены выдержки из исторической публикации М. И. Семевского.

Ну а что стало с любовником? По приговору он был помилован, однако свободу получил не

сразу. Как писал Семевский, Иван Орлов целый год провел в заточении в Петропавловской крепости. За это время Петр I несколько раз призывал денщика сознаться, но тот свою вину отрицал. И вот, наконец, государь смиростивился, хотя, возможно, в невиновность Орлова до конца так и не поверил. Как написано у Семевского: «Ну, ежели ты и виновен, возразил Петр, то так как нет точных тому доказательств, да судит тебя Бог, а я должен наконец положиться на твои клятвы». По повелению государя Орлова «одели в новый гвардейский мундир, и выбрали ему отросиую в тюрьме бороду». Некоторые авторы считают, что если бы Мария на допросе не заявила, что ее любовник не знал о кражах и убийстве новорожденного (а так ли было на самом деле – кто его знает), то Ивану Орлову было бы несдобровать, мог и головы лишиться.

Следует еще сказать, что государь не только простил своего денщика, но и дважды жаловал ему недвижимость. Это выглядело как компенсация за то, что тот долго просидел в заточении. По сведениям, приведенным в «Биохронике», в 1719 г. Петр I подписал «указ о передаче деревянного двора, конфискованного у П.М. Апраксина за доимку, во владение И.М. Орлову». Спустя год последовал еще один дар: «Резолюция об отдаче конфискованных земель [...] Ивану [Михайловичу] Орлову – 49 дворов». Последний раз имя Ивана Орлова упоминается в царских записках в 1723 г. (Петр I умер два года спустя).

Изо 2–05. «Узница»³³, 1904, худ. П. А. Сведомский.

Омский областной музей изобразительных искусств им. М. А. Врубеля.

Военнослужащий Иван Михайлович Орлов

По свидетельству ряда документов, дальнейшая служба бывшего денщика проходила в армии. В статье К. О. Орлова приведен послужной список (ПС) Ивана Михайловича, из которого видно, что он был достойным военным:

«В 1721 г. он был произведён “из полковых солдат” в фендрики (прапорщики) лейб-гвардии Преображенского полка, [...] с 14 апреля 1728 г. – лейтенант (поручик) 14-й роты Преображенского полка, в 1731 г. – поручик мушкетерской роты в списке офицеров Преображенского полка. По резолюции Императрицы Анны Иоанновны 15 декабря 1732 г. Орлов был отпущен в свой дом в 1733 г. 20 декабря 1738 г. Иван Михайлович был произведен в капитан-поручики лейб-гвардии Преображенского полка. В 1739 г. Орлов купил в Петербурге двор за 450 руб. [...]

В 1740 г. в чине капитана лейб-гвардии Преображенского полка Иван Михайлович участвовал в дворцовом перевороте в пользу принцессы Анны Леопольдовны. В ночь с 8 на 9 ноября 1740 г. Орлов находился в отряде Миниха, предпринявшем поход на Летний дворец Бирона в С.-Петербурге. Иван Михайлович отобрал при аресте у сына регента Петра Бирона шагу и ордена.

12 ноября 1740 г. Иван Михайлович произведён в полковники армии. 23 декабря 1740 г. полковник Орлов – траурный маршал в церемонии перенесения тела императрицы Анны Иоанновны из Старого Летнего дворца в Петропавловский собор. После очередного дворцового переворота – в пользу Елизаветы Петровны – он пользовался огромным доверием новой государыни. 23 апреля 1741 г. полковник Орлов исполнял обязанности церемониймейстера при коронации императрицы Елизаветы Петровны в Москве. В 1741–1742 гг. Орлов – полковник Рязанского пехотного полка; в 1742 г. произведен в бригадиры; в 1743 г. – находился в Москве при Главном комиссариате, был удостоен ордена Святой Анны. [...] 1 января 1748 г. Орлов из бригадиров был Всемилостивейше пожалован рангом генерал-майора»³⁴.

Хотелось бы обратить внимание на следующее. До 1740 г. Иван Михайлович довольно медленно продвигался по служебной лестнице: за два десятка лет дослужился только до капитана. А потом вдруг стал полковником, и его карьера пошла резко в гору. Спустя два десятилетия И. М. Орлов вышел в отставку в звании генерала. Причина этого нигде не объясняется, но все станет понятно, если обратить внимание на события, к которым он оказался причастен. Очевидно, что решающим в судьбе Орлова стало участие в дворцовом перевороте 1740 г. Переворот удался, Бирон был свергнут. Императором стал малолетний Иван VI, а регентом при нем оказалась его мать, Анна Леопольдовна. Она не забыла людей, которые помогли свергнуть Бирона, и уже через три дня после переворота Орлов стал полковником. Год спустя в России произошел новый переворот, на царский престол вошла дочь Петра I Елизавета. И тут И. М. Орлов не был забыт: он *«церемониймейстер при коронации императрицы Елизаветы Петровны в Москве»*, а вскоре был произведен в бригадиры.

К сказанному остается еще добавить, а точнее, напомнить, о чем говорилось ранее. Иван Михайлович женился на Марии Андреевне (урожд. Белосельской).

Последние годы жизни Ивана Михайловича Орлова

Ранее неизвестные подробности из жизни Ивана Михайловича обнаружены в архивном деле, сведения из которого, похоже, ранее не публиковались. В нем имеется прошение И. М. Орлова, которое он подал на имя императрицы Елизаветы Петровны и подписал так: *«обер-штер-кригс-коммисар»*. В бумаге писал, что на государственной службе 46 лет, *«происходил все чины по порядку и находился при его Величестве Государе Императоре Петре Великом на Полтавской баталии, тако ж в Турецкой акции»*³⁵. Но *«в прошлом 1750 году в ноябре м-це получил себе жестокою болезнь, от которой в правой руке и ноге ослабели жилы»*, и что теперь к несению *«полевой службы стал быть не способным»*. Орлов ходатайствовал об отставке, сообщил о своей бедности: жил на средства *«из одного получаемаго жалованья»*. Поэтому просил *«определить в коменданты Атзейских гарнизонов с произвождением нынешняго моего по генерал-майорскому рангу полного жалованья»*. Внизу бумаги чьей-то рукой сделала приписка: *«1755 произведен в Генерал-Поручика»*.

В том же деле отмечено, что в 1761 г. И. М. Орлов был *«отрешен»* (т.е. уволен) из Военной конторы, т.к. *«Казна [...] по нынешнему военному времени [шла Семилетняя война] великаго рас-*

ходу иметь не могла». В итоге он был определен на службу в Герольдию¹. Но и тут надолго не задержался, ибо, как написано в документе: «по старости и дряхлости своей никаких служб» нести не мог. Иван Михайлович вновь пожаловался на бедность: написал про «пожалованную деревню, в коей только 200 душ, содержать себя с детьми не может». Просил «от всех служб отставить» и назначить пенсию. Это прошение было удовлетворено, пенсия была назначена в сентябре 1763 г. Ее размер указан в книге К. О. Орлова: «половинного по генерал-майорскому чину 900 рублей». Надо сказать, очень неплохие деньги для второй половины XVIII столетия.

В 1767 г. И. М. Орлов был избран предводителем дворянства Клинского уезда, в котором находилось одно из его поместий. Сколько времени исполнял эти обязанности – нигде не сообщается. Но, очевидно, недолго, учитывая солидный возраст и состояние здоровья («дряхлость»).

Иван Михайлович хоть и жаловался императрице на свою бедность, однако по справедливости его таковым нельзя было считать. Об этом свидетельствует список его имений, который приведен в книге «Орловы и Италия»: «В 1766 Молчаново, село Подгороднего стана, владение генерала поручика И.М. Орлова (13 душ), в д. Белозерки 24 души. В 1767–1770 помещик Дмитровского, позднее Клинского уезда сц. Захарьино (вместе с сыном Ильёй, 20 душ), д. Медведкова (20 душ), д. Нефедина (29 душ), д. Мальцова (11 душ), Сапуново, Мошинцы тож (126 душ), а также многих пустошей. Также помещик Кромского и Орловского у.»³⁶. Помимо этого, И. М. Орлов в 1738 г. имел в Москве двор на углу Подкопаевского пер. в приходе церкви Трех Святителей. Обращает на себя внимание то, что в списке владений нет Дергайково. Нет потому, что в указанное время (1760-е гг.) данное сельцо принадлежало другому владельцу.

Известно о добрых делах Ивана Михайловича. В работе Д. А. Рубцова приведены сведения о том, что в своем поместье в с. Молчаново Клинского уезда он поспособствовал благоукрашению приходской церкви Преображения Господня: «Одноглавый храм в духе аннинского барокко выстроен на средства И. М. Орлова, придел Казанский»³⁷. Произошло это в 1731–1736 гг.

Далее. На сайте, посвященном истории с. Мордовское в Ивановской области, рассказывается о том, как в 1742 г. Иван Михайлович в имении жены Марии Андреевны «построил холодную деревянную церковь во имя Спаса Нерукотворного». В 1745 г. супруги Орловы «построили печи для отопления Казанской церкви, что позволяло служить в ней круглый год»³⁸.

Как считает потомок рода К. О. Орлов, Иван Михайлович последние годы своей жизни провел в имении Спасском в Новосильском уезде Тульской губернии. Там проживал его любимый сын Илья с женой Авдотьей и тещей. Здесь в этом имении бывший дергайковский помещик и умер в возрасте «80 лет, похоронен возле Преображенской церкви с. Спасское на Раковке Новосильского уезда».

Жены Ивана Михайловича, дети

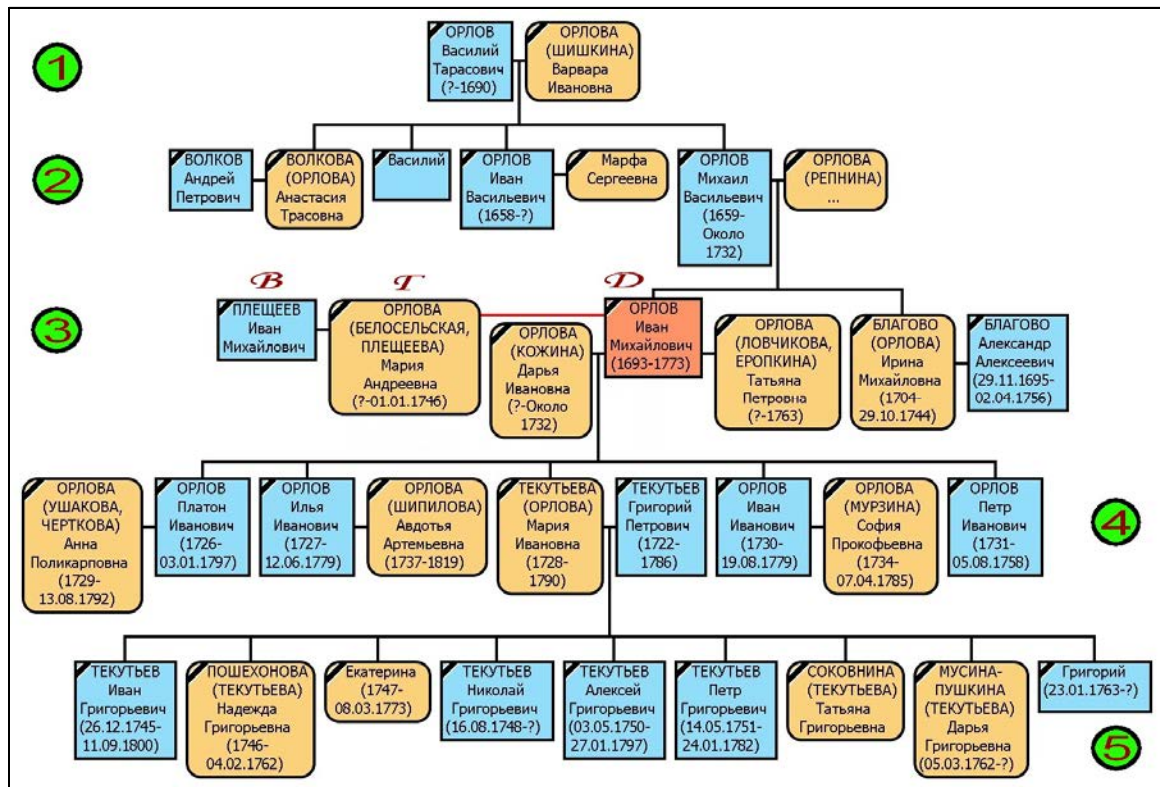
Иван Михайлович был трижды женат. В 1724 г. женился на **Дарье Ивановне Кожинной**, отец которой служил в Московском суде. Когда Дарья умерла, Орлов взял в супруги княжну **Марию Андреевну Плещееву** (урожд. **Белосельскую**), которой принадлежало сц. Дергайково. Но недолго продолжался этот брак: в начале 1746 г. Мария скончалась. Через некоторое время Иван Михайлович женился в третий раз на **Татьяне Петровне Еропкиной** (урожд. **Ловчиковой**). С помощью потомка Кирилла Олеговича и по данным из других источников составлено родословное древо Орловых.

Поговорим теперь о потомстве Ивана Михайловича Орлова.

Дети были только в первом браке с Дарьей Кожинной. В семье родилось и выросло четыре сына: Платон, Илья, Иван и Петр; и дочь Мария. Все сыновья по примеру отца служили в армии. Как написано в книге «Орловы и Италия», в ходе Семилетней войны на полях Пруссии (1756–1763) отличились все четверо.

Старший сын, **Платон**, дослужился до звания «премьер-майора», около 1761 г. вышел в отставку. Неоднократно избирался предводителем дворянства Клинского уезда Московской губернии. Был богат, имел несколько поместий в разных уездах (свыше тысячи душ), суконную фабрику, дом

¹ Герольдия – учреждение при Сенате, ведавшее делами дворянского сословия: награждением почетными титулами, составлением дворянских списков, а также утверждением дворянских гербов.

Изо 2–06. Фрагмент родословного древа Орловых.

в Москве. Помогал Пешношскому монастырю в Дмитровском уезде, где и был похоронен. Платон Иванович был женат на Анне Поликарповне Чертковой (урожд. Ушаковой).

Второй сын, **Илья**, 7 сентября 1760 г. «отличился при атаке и захвате прусского окопа с б орудиями на берегу моря близ Кольберга». Вышел в отставку в звании полковника. Илья Иванович был женат «на падчерице Иллариона Ивановича Орлова» Авдотье Артемьевне. Последние годы провел в имении супруги в с. Спасском на Раковке Новосильского уезда (в наши дни это Орловская область). Там и был похоронен около приходской Преображенской церкви. По информации, полученной от Кирилла Олеговича, надгробный памятник Илье был обнаружен в начале XXI в., но сохранился ли до наших дней – неизвестно. Люди там теперь не живут, храм пребывает в руинированном состоянии, уцелел лишь четверик.

Третий сын, **Иван**, начинал службу капралом в лейб-гвардии Семеновском полку. Несколько раз получал ранения. В его медицинском заключении написано: «в левую ногу ранен, а в грудь контузию получил, от чего всегда грудь дыхание закладывает и временем кровью харкает; в [1]758 при блокаде города Кистрина и Августа 14 на Цорндорфской баталии ранен назад леваго уха вдоль щеки, от чего ухом не слышит и всегда бывает лом и шум в голове»³⁹. Дослужился до звания «секунд-майора». После увольнения из армии служил воеводой в Коломне. Был женат на дочери капитана Софии Прокофьевне Мурзиной. Как писал К. О. Орлов, были жалобы на пьянство Ивана Ивановича: «буйно ссорился с местным полицеймейстером Т.И. Шешковским и епископом Порфирием».

Младший сын, **Петр**, прожил меньше всех. В звании капитана Ростовского полка в 1757 г. получил ранение в битве при Гросс-Егерсдорфе, через год «был ранен в сражении при Кюстрине» и вскоре умер. Семей обзавестись не успел.

Потомки Текутьевы

Так получилось, что все четверо сыновей Ивана Михайловича оказались бездетными, хотя трое из них были женаты. Потомство было лишь у единственной дочери дергайковского помещика.

Мария Ивановна Орлова вышла замуж за лейб-гвардии прапорщика Григория Петровича Текутьева. Супруг был из дворянского рода, корни которого уходят в XVI в. К концу жизни Григорий Петрович достиг больших высот. По данным словаря Половцова, в 1760 г. имел звание генерал-поручика. Был помещиком Кашинского, Костромского и Калязинского уездов.

Сохранился интересный исторический документ «Текутьевский летописец», который был

опубликован еще до революции. В нем приведены имена и даты жизни девятерых детей Григория Петровича (см. древо рода из 2–06), некоторые обзавелись своими семьями. В армии служили сыновья Иван, Николай, Алексей и Петр, они начинали службу в лейб-гвардии Семеновском полку. Алексей стал георгиевским кавалером, дослужился до звания полковника. Дочь Татьяна вышла замуж за собирателя древностей и историка-любителя Сергея Петровича Соковнина, а дочь Дарья – за представителя известного дворянского рода Александра Семеновича Мусина-Пушкина.

Отдельно хотелось бы рассказать о старшем сыне Иване Григорьевиче Текутьеве, который, по данным “Википедии”, был землемером, заседателем Костромского верхнего земского суда, помещиком Нерехтского уезда. Каким-то образом Иван Григорьевич оказался погребенным далеко от мест, где служил и имел поместья. В “Текутьевском летописце” написано, что умер 11 сентября 1800 г. *«в селе Голубове, тело его погребено в Новом Ерусалиме»*⁴⁰. Могильная плита И. Г. Текутьева сохранилась в Новоиерусалимском монастыре. Правда, оказалась разбита и ныне пребывает в плачевном виде. Текст эпитафии на ней длинный, приведем ее фрагмент: *«Лежит здесь человек обиды / ненависть терпел вовек / свой век на участь он / свою нимало ни роптал / любил своих врагов и их прощал»*⁴¹.

Иван Григорьевич был женат на Елизавете Степановне Черновой, у них были дети (в древе не показаны). Одна из дочерей, Мария, стала женой генерал-майора Петра Лопухина, прожила 70 лет. Сын Дмитрий был убит в 1805 г. в битве под Аустерлицем, когда ему было всего 25 лет. Другой сын, Григорий, прожил 55 лет, служил штабс-ротмистром, был богатым костромским помещиком. Женился на Александре Ивановне Васьковой, у них были дети. Дочь Елизавета Ивановна вышла замуж за Льва Александровича Пушкина, дальнего родственника знаменитого поэта (приходился ему троюродным братом по линии матери).

Помимо Ивана Григорьевича Текутьева, дети были у его брата Николая, а также у сестер Татьяны и Дарьи. Учитывая многочисленность потомства, можно предположить, что где-нибудь отыщутся живые потомки дергайковского помещика Ивана Михайловича Орлова.

1746 – 1764: Нащокина, Власов

«В щите имеющем голубое поле, изображена Рука в серебряных Латах из Облак выходящая с серебряным Мечем, на которой виден висящий пук цветов связанный Лентою. Под сею Рукою означена серебряная Крепость с тремя на ней Башнями. Щит увенчан обыкновенным Дворянским Шлемом с Дворянскою на нем Корonoю и тремя Страусовыми перьями. Намет на щите голубой подложенный серебром.

*Фамилии Власовых, многие Российскому Престолу служили Наместниками, Стольниками и в иных чинах, а некоторые были и на посольствах, и жалованы были от Государей в 7130/1621 и других годах поместьями»*⁴².

Изо 2–07. Герб рода Власовых⁴³, ЦГАМ.

Переходим к следующим хозяевам имения Дергайково.

По данным энциклопедии “Истринская земля”: *«В 1762 г. владелец – капитан флота Михаил Петрович Власов»*⁴⁴. Как он стал хозяином Дергайково? Ранее говорилось, что в 1746 г. Иван Михайлович Орлов после смерти жены Марии Андреевны продал принадлежавшее ей имение. Покупательницей имения Дергайково стала **Екатерина Петровна Нащокина**, (урожд. **Власова**, “Е”). Это родная сестра упомянутого в цитате Михаила Петровича. Именно она первое время владела селцом и окружающими землями.

Факт ее владения подтверждает исповедная ведомость приходской Крестовоздвиженской церкви с. Телепнево за 1750 г., в которой есть такие слова: *«Селца Дергайкова г-пожи Катерины Петровой Нащекиной Деловые люди»*⁴⁵. Судя по аналогичной ведомости 1753 г., она оставалась

хозяйкой имения и в последующие годы. Подробнее о дворянах Нащокиных поговорим позднее, сейчас лишь отметим следующее.

В архивном деле о дворянстве Власовых сказано, что в 1745 г. умер муж Екатерины Никита Иванович Нащокин. Наследниками имущества стали вдова да племянник Николай Михайлович Нащокин. При разделе наследства Екатерине Петровне достались земли в Чернском уезде Тульской губернии. А год спустя, как уже говорилось, она приобрела у И. М. Орлова имение Дергайково.

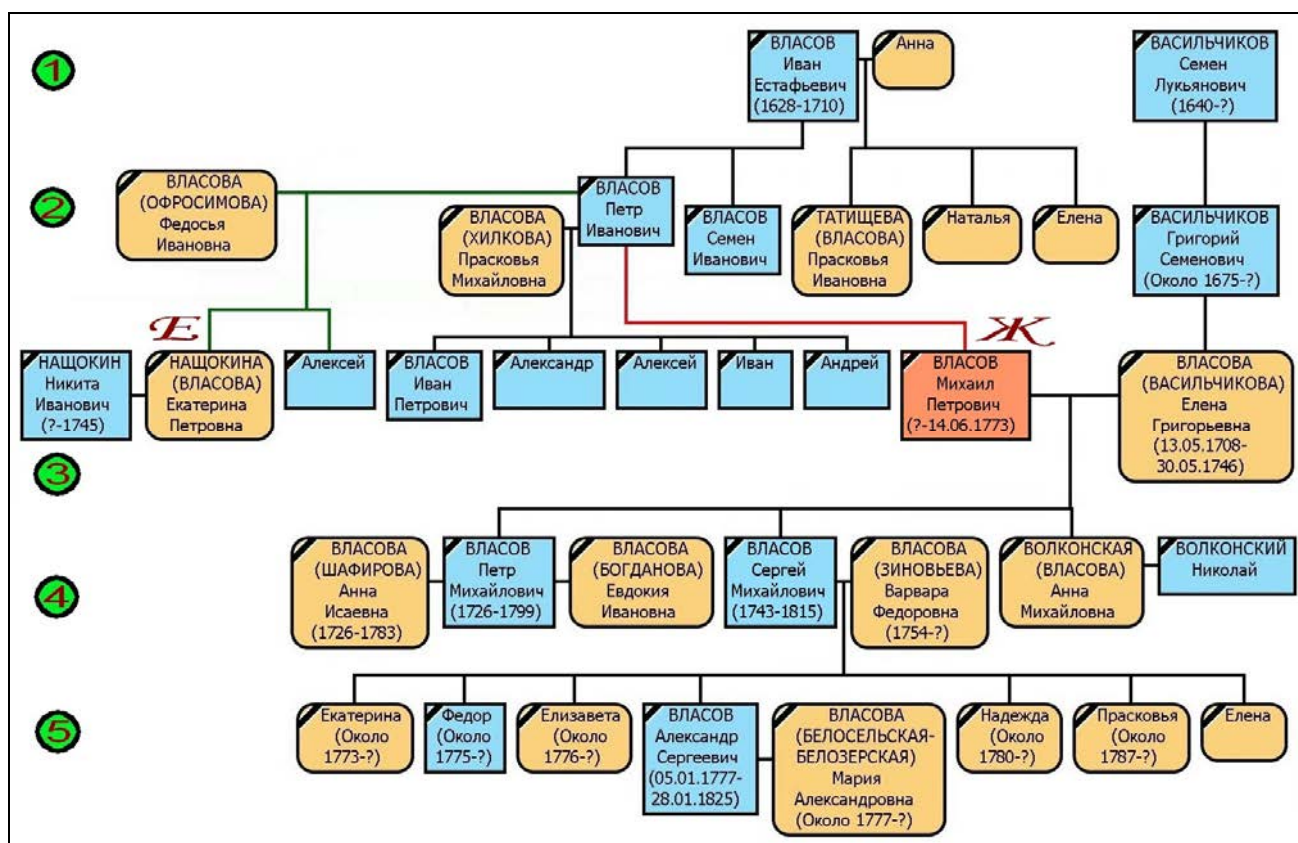
В 1754 г. Е. П. Нащокина составила завещание, копия его сохранилась во все том же архивном деле. Все имения она отписала своему брату Михаилу Петровичу Власову, и через некоторое время тот стал владельцем Дергайково. Когда это случилось – документы умалчивают. Остались неизвестными дата кончины Екатерины Петровны и место ее погребения (в завещании высказано пожелание: чтоб «тело мое грешное провождено (и погребено) будет при гробах родителей моих»)⁴⁶. В 1762 г. хозяином сельца был уже записан брат Екатерины М. П. Власов. Исповедная ведомость приходской церкви с. Телепнево за 1764 г. это подтверждает. В ней говорится: «вотчины гос-на Михаила Петровича Власова сельца **Дергайкова** Крестьяне»⁴⁷. Получается, что как минимум два года тот владел сельцом (на самом деле, скорее всего, дольше).

Отец и дед Власовы

Поговорим теперь о новом владельце Дергайково, Михаиле Петровиче Власове. Начнем традиционно с происхождения.

По данным «Биографического словаря» существовали 27 дворянских родов Власовых разного происхождения. К какому из них принадлежал дергайковский помещик – прямо нигде не сказано. Пришлось проводить отдельное исследование, и оно привело к довольно неожиданным результатам. Нет, царских денщиков на сей раз не оказалось, а вот известные в стране люди были.

С помощью того же дела о дворянстве было установлено имя отца упоминавшихся Екатерины и Михаила: его звали **Петр Иванович Власов**. Он был дважды женат, жен звали Прасковья Михайловна (урожд. Хилкова) и **Федосья Ивановна** (урожд. **Офросимова**). Дети были в обоих браках. Матерью дергайковской помещицы Екатерины Петровны оказалась Федосья Ивановна. А вот мать Михаила Петровича установить не удалось. По собранным сведениям было составлено древо рода.

Изо 2–08. Фрагмент родословного древа Власовых, Васильчиковых.

Информации о Петре Ивановиче Власове оказалось не так много. В “Биохронике Петра Великого день за днем” его имя упомянуто несколько раз. Так, в одном из примечаний говорится: «Власов Петр Иванович, стольник, с отцом на будных станех (1701–1703); [...] определен к поселению на Котлине с 98 дв. [дворами] (1712)»⁴⁸. В другом месте того же источника сказано: «о злоупотреблениях комиссаров Петра Власова и П.К. Скурихина в 1712–13 гг.» (возможно, поэтому и последовала отправка на поселение в Котлин).

Намного больше информации сохранилось о деде дергайковских помещиков, которого звали **Иван Евстафьевич Власов** (1628 – † 1710). Его корни оказались не русские, а греческие. В упоминавшемся деле о дворянстве сказано: «По государеву указу написаны в список с московскими дворяны со [7]130 году [1622 г.] и в числе других написан сын греченин, Остафей Власов».

У грека Евстафия (Остафия) был сын Иван. Это оказался человек с незаурядной биографией. Он стал первым воеводой г. Иркутска, его имя до сих пор помнят и чтят в Сибири. В советские годы даже была издана книга о нем⁴⁹. Недавно, к 395-летию со дня рождения И. Е. Власова, на одном из сайтов был размещен большой материал, в котором подробно описана жизнь этого человека. Вот выдержки из этой публикации:

«Иван Евстафьевич службу начал на дипломатическом поприще. В 1656 году он был включён в состав русского посольства в Венеции. [...] Потом служил в Малороссийском приказе, а затем был назначен воеводой в Арзамасский уезд. В Арзамасе Власов организовал поташное производство, поставившее карбонат калия для текстильной промышленности, производства мыла и того самого “стекляничного дела”. [...] В феврале 1680 года Иван Власов был переведён в распоряжение Сибирского приказа. К тому времени Иркутск становится центром самостоятельного воеводства. Первым иркутским воеводой и был назначен Власов. Почти два года добирался новый воевода до места своей службы, и почти столько же управлял, пока в феврале 1684 года его не перевели дальше на восток – в Нерчинск. Главной задачей воевода считал поиск полезных ископаемых и организацию горного дела. [...] В 1691 г. Иван Власов вновь вернулся в Москву, где предстал перед очами деливших престол царей Петра Алексеевича и Иоанна Алексеевича, был осыпан наградами, получил чин думного дворянина и право заседать в боярской Думе. Служба Власова в Сибири была отмечена не только богатыми подарками и выдачей поместий.

В 1695 году живописцу Григорию Николаевичу Адольскому, занятому в то время росписью хором Петра I, было приказано написать портрет Ивана Евстафьевича Власова. Этот портрет является образцом официозного искусства. На портрете Власов изображен в коричневом кафтане и шубе. Кафтан подпоясан белым чешуйчатым поясом с пряжкой, украшенной драгоценными камнями. В правом углу портрета – герб Власовых, на столе лежит булава. Слева, через отверстие в стене, из-под малинового занавеса открывается вид на горы и небольшое озеро, около которого изображены высокие горны и люди, занятые обжигом руд. Слева внизу на картине есть надпись, в которой перечислены главные заслуги Ивана Власова: разработка серебряных руд около Нерчинска и участие в переговорах о мирном договоре с Китаем.

Дальнейшая карьера Власова сложилась успешно: он сопровождал Петра I в Азовских походах 1695 и 1696 г., отвечал за организацию медицинского обеспечения русской армии и до выхода в от-

Изо 2–09. И. Е. Власов, 1695, худ. Григорий Адольский⁵⁰, 1695.

ставку в 1706 г. ведал организацией поташного¹ дела в России»⁵¹.

Дергайковский помещик Михаил Петрович Власов

Поговорим теперь о сыне Петра Ивановича и внуке Ивана Естафьевича – **Михаиле Петровиче Власове** (“Ж”, ? – † 1773), который в середине XVIII в. не менее двух лет владел Дергайково.

Исследователь В. Н. Христенко предоставил сведения из послужного списка М. П. Власова: «1717 г. Поступил на службу в гардемарины. 1724 г. января 10. Произведен в мичмана. 1728 г. сентября 30. Произведен в унтер-лейтенанты от солдат. [...] 1733 г. января 18. По новому штату написан в лейтенанты майорского ранга. 1744 г. За слабостию здоровья отпущен в дом до “указа”. 1751 г. сентября 5. Представлен к отставке»⁵².

На интернет-форуме “ВГД” обнаружена информация, согласно которой в 1762 г. «Капитан морского флота Михаил Петрович Власов» владел сц. Березники в Арзамасском уезде Нижегородской губернии с 294 душами⁵³. Это намного больше, чем в Дергайково, которое ему в то время также принадлежало. По всей видимости, у него еще имелось сц. Михайловское в Чернском уезде Тульской губернии. Также среди владений упоминалась дер. Борозденки Каширского уезда. По данным исповедных ведомостей за 1737 и 1771 гг. у М. П. Власова в Москве на Дмитровке имелся свой дом.

В деле о дворянстве говорится, что Михаил Петрович умер 14 июня 1773 г. Место захоронения осталось неизвестно.

Жена Елена Григорьевна Власова (урожд. Васильчикова)

«В щите, имеющем голубое поле изображены горизонтально золотая сабля и диагонально серебряная стрела продетые остроконечиями крестообразно сквозь кольцо золотого ключа, и над ключом с левой стороны видно серебряное распростертое крыло. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем короною. Намет на щите голубой, подложенный золотом. [...]»

Дворяне Васильчиковы записаны в VI часть Дворянской родословной книги Костромской, Московской, Псковской и Смоленской губерний»⁵⁴.

Изо 2–10. Герб рода Васильчиковых.

Михаил Петрович Власов был женат. О его супруге нашлась информация на сайте бывшего Крестовоздвиженского монастыря в Москве: «на внешней стене церкви, близ входных дверей в верхний храм, помещена другая медная же доска с надписью: “лета 1746 года Мая в 30 день против сего погребено тело представившейся рабы божией флота капитана первого ранга Михайлы Петровича Власова супруги Елены Григорьевны урожденной Васильчиковой, родившейся в 1708 году Мая 13 дня, итого жития ее было 37 лет 11 месяцев 18 дней”»⁵⁵.

Так стало известно имя жены моряка – **Елена Григорьевна** (урожд. **Васильчикова**, 1708 – † 1746). Она происходила из старинного знатного рода. В дореволюционном справочнике кн. Долгорукова приведены сведения о происхождении рода и поколенная роспись: «Предок их Индрис, по свидетельству черниговского летописца, прибыл, в 1353 году, из Германии в Чернигов, с двумя сыновьями и с дружиною, из трех тысяч человек состоящую, и принял православную веру с именем Леонтия, а правнук его Андрей Харитонович Толстой, уже на старости лет переселился из Чернигова в Москву, при Великом Князе Василии Васильевиче Темном»⁵⁶.

¹ «Поташ — это щелочная соль, вывариваемая из древесной и травяной золы. П. использовался в изготовлении высококачественного стекла, при выделке кож, сукна, красок, в мыловарении и даже в производстве пороха. Процесс изготовления П. был весьма трудоемким. Поэтому он был дорогостоящим продуктом, являлся важнейшей и весьма доходной статьей экспорта» (интернет).

В роду было много достойных людей, служивших российским государям. Ну а самая известная личность, пожалуй, Анна Григорьевна Васильчикова – пятая жена царя Ивана Грозного. Она записана в 14-м колене рода, если считать от прародителя Индриса. Как пишут, спустя год после свадьбы Иван Грозный охладел к супруге, и она насильно была пострижена в монахини в суздальском Покровском монастыре с именем Дарья. После этого прожила еще два года и умерла.

Удалось установить, что деда Елены звали Семен Лукьянович, а отца **Григорий Семенович Васильчиков**, он записан в 16-е колено рода. На сайте “Википедии” о нем сказано: *«Прародитель Васильчиковых нового времени, Григорий Семёнович, стольник царицы Натальи Кирилловны, воевода в Костроме (1703), судья в Ярославле, построил каменный дом на 12-й линии Васильевского острова (1723)»*. На сайте “Проза.ру” приведен дополнительный материал: *«В 1692–1693 был назначен в Брянск для сбора хлебных припасов. В 1698 служил приказчиком и сборщиком мостовицны и крестьян вотчины в селе Лопастни Серпуховского уезда. [...] Его дети: Семён, Николай, Алексей, Елена, Ирина, Анастасия»*⁵⁷. Упомянутая Елена стала женой М. П. Власова (другие дети в древе рода из 2–08 не показаны).

Дети Власовы

По архивным данным стали известны имена двух сыновей в семье Михаила Петровича Власова: их звали Петр и Сергей. В деле о дворянстве написано, как они делили отцовское наследство.

Петру Михайловичу Власову достались чернское, крапивенское и нижегородское имения. Он также прикупил владения в Дмитровском уезде. Во всех его землях было 670 душ м.п. Его брату Сергею отошли рузское имение (сц. Куликово) и веневское имение. Помимо этого, он приобрел владения в Серпуховском и Епифанском уездах. Дополнительные сведения найдены в интернете: *«В 1784 году в селе Подъячево на средства владельца Петра Михайловича Власова была заложена каменная церковь в честь Николая Чудотворца с приделом двенадцати апостолов. [...] Достопримечательностью церкви в тот период была подписная икона с изображением Святого Иоанна Милостивого и святой праведной Анны, еще до 1761 г. подаренная императрицей Елизаветой Петровной жене П.М. Власова, баронессе Анне Исаевне Шафировой (находилась в придельном иконостасе)»*⁵⁸.

В цитате приведено имя супруги Петра Михайловича – Анна Исаевна. Она происходила из первого русского баронского рода Шафириных, который позднее угас. У Петра была и другая жена – Евдокия, дочь *«поручика Ивана Яковлева Богданова»* (какая супруга была первой, а какая второй – осталось непонятно). Оба брака оказались бездетными.

О брате Петра удалось собрать такие сведения. Имя **Сергея** Михайловича Власова, в звании поручика конной гвардии, упомянуто в исповедной ведомости 1771 г., когда он проживал в Москве вместе с отцом в доме на Дмитровке. В аналогичном документе за 1792 г. перечислены исповедавшиеся: *«генерал майор Сергей Михайлович Власов, жена ево Варвара Федоровна»* (урожд. Зиновьева) и их дети: Федор, Александр, Екатерина, Елизавета, Надежда, Прасковья⁵⁹ (имя еще одной девочки, Елены, упомянуто в деле о дворянстве). В другом документе С. М. Власов – уже действительный статский советник (очевидно, после увольнения из армии). Умер, как написано в интернете, в имении Иванково Епифанского уезда Тульской губернии.

Один из сыновей Сергея Михайловича приобрел широкую известность еще при жизни:

*«Александр Сергеевич Власов (род. 1777 – ум. 1825), действительный камергер, женатый с 1805 г. на княжне Магдалине Александровне Белосельской-Белозерской, сестре кн. З. А. Волконской. Власов имел первоклассное собрание картин, гравюр, книг, рукописей, камей, камней, охотничьих принадлежностей и пр., которое он начал коллекционировать еще служа в л.-гв. Семеновском полку. Среди его галереи в 1824 г. находились картины Рафаэля, Леонардо да Винчи, Микель Анджело, Рубенса и др. Получив в приданное за женой 4000 душ, до 165 000 руб. деньгами и вещами, он стал покупать драгоценности за границей и в России, часто целыми коллекциями. После смерти Власова (28 января 1825 г.), оказалось после него наличными 113 р. 40 к. и долгов на 1 810 000 р. Особая комиссия, учрежденная для погашения долгов, начала летом 1826 г. ликвидацию его библиотеки и богатейших коллекций, оконченную лишь в 1835 г.»*⁶⁰.

Как сообщается, поэт А. С. Пушкин посещал аукцион по распродаже коллекции А. С. Власова.

Вопрос о потомках Власовых не изучался. Учитывая, что у Сергея Михайловича было много детей, можно надеяться на продолжение рода дергайковского помещика М. П. Власова.

1767 – 1783: Нащокины

«В щите имеющем голубое поле изображен сидящий на золотом стуле нагой муж имеющий в руке серебряные Стрелы, и пред ним означен стоящий Орел; а по сторонам щита в верхней части видно по одной золотой музыкальной Трубе. Щит увенчан обыкновенным Дворянским Шлемом с Дворянскою на нем Корonoю, на поверхности которой между двух музыкальных Труб видны три Страусовые пера. [...]»

Потомки его Нащокины многие Российскому Престолу служили в Боярах, Наместниками, Стольниками и в иных знатных чинах, а некоторые посланы и в иностранные Государства Посланниками, и жалованы были от Государей поместьями»⁶¹.

Изо 2–11. Герб рода Нащокиных.

Продолжим рассказ о помещиках, владевших имением Дергайково.

В исповедной ведомости приходской церкви с. Телепнево за 1767 г. указан новый хозяин: «вотчина господина поручика Николая Михайловича Нащекина¹ селца **Дергайкова** крестьяне»⁶².

Как произошла смена владельца имения? Ранее имя этого поручика уже упоминалось. Говорилось, что он племянник Екатерины Петровны Нащокиной (урожд. Власовой), которой принадлежало Дергайково. Рассказывалось, как она составила завещание в пользу своего брата Михаила Петровича Власова. Тот владел сельцом в 1762–1764 гг. (а может и дольше). А вот что было потом – непонятно. В 1767 г. М. П. Власов был еще жив, но по документам он уже не числился хозяином имения. Получается, продал? Ответа пока нет. Так или иначе, Дергайково вновь вернулось к Нащокиным после Екатерины Петровны, владевшей сельцом в 1746–1753 гг.

Дворянский род Нащокиных, его представители

Род Нащокиных старинный, однако в нем не было особых знаменитостей. В словаре сказано:

«Нащокины – дворянский род, происходящий, по сказаниям древних родословцев, от выехавшаго из Италии в Тверь к вел. кн. Александру Михайловичу дукса Велички, в крещении названного Дмитрием. Его сын Дмитрий Дмитриевич, тверской боярин, был ранен в щеку в бою тверитян с ханским послом Шевкалом (1327) и вследствие этого получил прозвище “Нащока”; впоследствии он выехал из Твери в Москву и служил вел. кн. Симеону Гордому. От Н. произошли угасшие роды Ординых-Н. [Ординых-Нащокиных], Олферьевых и Безниных. Афанасий Федорович Н., прозванный Злоба, был наместником в Изборске (1569) и взят в плен ливонцами. Петр Афанасьевич Н. [Нащокин-Злобин] был в 1584 г. воеводой на Двине и основал город Архангельск»⁶³.

Несколько лет назад в издательстве “Де Агостини” издавалась красочная серия журналов под названием «Знаменитые династии России». Вышло более трех сотен номеров, один из них посвящен Нащокиным. В нем обращено внимание на одну необычную деталь дворянского герба:

«Наиболее интересным элементом герба является, несомненно, нагой мужчина. Символический смысл наготы – свобода (или освобождение) от земных пороков. Известно, что в некоторых обрядах посвящения кандидаты обязательно должны обнажиться, словно освобождаясь от спуда ложных идей, пристрастий и обязательств. Тем самым прежний человек “умирает” вместе с прежней жизнью и рождается “посвященный”. В религиозной традиции нагота символизирует полное смирения обнажение перед Господом. Таким образом человек возвращается к “изначальной невинности”. А его душа освобождается от “оков плоти” и “одежд стыда”, возрождая защиту “своей собственной Божьей силы”»⁶⁴.

В журнале также рассказано об отдельных представителях рода. Среди них Александр Петрович Нащокин, который в 1803 г. в своем имении Рай-Семеновское Серпуховского уезда открыл первый частный курорт в России. Можно также отметить дальнего родственника дергайковского помещика

¹ Фамилию чаще писали Нащокины, но в документах встречаются Нащёкины и Нащекины.

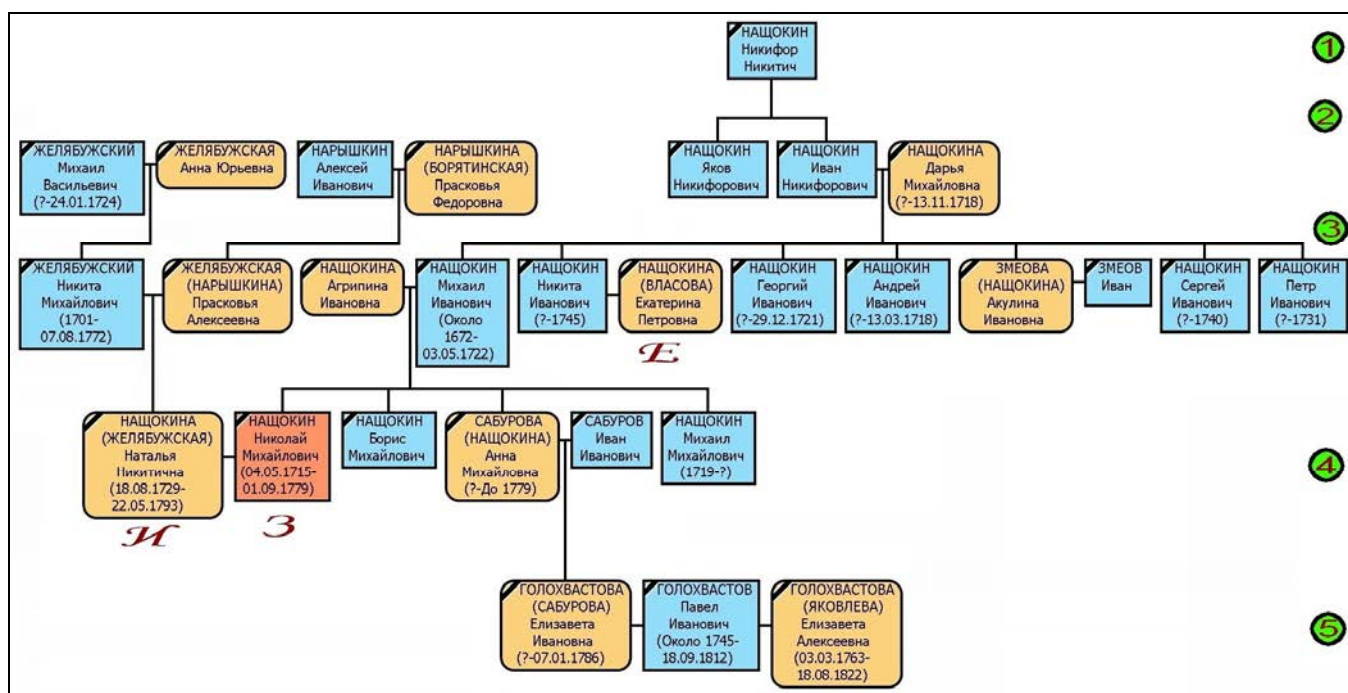
Павла Воиновича Нащокина. О нем написано в “Википедии”: «В период с апреля 1814 до 1815 года Павел Нащокин учился в благородном пансионе при Царскосельском лицее, где и познакомился с А. С. Пушкиным». Молодые люди и позднее поддерживали дружеские отношения, вели многолетнюю переписку. «В последние годы жизни Пушкина Нащокин был одним из самых близких друзей поэта. Приезжая из Петербурга в Москву, Пушкин обыкновенно останавливался у Нащокина, где всегда находил радушный прием, теплое участие и благоговейную любовь. В письмах к жене Пушкин рассказывает о Нащокине, в котором поэт ценил незаурядный ум и сердечную чистоту»⁶⁵. В московском доме для гостя была отведена специальная комната, которую так и называли «Пушкинская». Еще при жизни поэта Павел Воинович заказал изготовление миниатюрной копии своего дома с комнатой поэта. Александр Сергеевич видел макет «Нащокинского домика» и восторгался миниатюрным мастерством. В советские годы макет домика был передан в Пушкинский музей.

В центре Москвы имеется Нащокинский пер. (в Хамовниках между Гагаринским пер. и Сивцевым Вражком). Переулок получил свое название в 1760 г. по фамилии капитана Петра Федоровича Нащокина, одного из домовладельцев XVIII в. (его городская усадьба не дошла до нашего времени). Это еще один дальний родственник владельца имения Дергайково.

Предки дергайковского помещика

В интернете можно найти сведения о дворянах Нащокиных, приведены имена трех десятков представителей этого рода, служивших при русских государях воеводами, стольниками, стряпчими. Среди них и прадед дергайковского помещика: «Нащокин Никифор Никитич – стряпчий с платьем (1627–1629), стольник (1629–1668), воевода в Севске (1643–1645), Трубчевске (1647–1648), Вязьме (1663), Саранске (1667)»⁶⁶.

Никифор имел земли в наших краях, об этом написано в энциклопедии “Истринская земля”: «за Данилом Федоровым сыном да за Микифором Нащокиными в вотчине по купчей [7]124 (1616) и [7]129 (1621) году д. Рубцове, Ульянково тож, на речке на Истрице, а в ней двор вотчинников, живут деловые люди»⁶⁷. Те же помещики владели и «пустошью Ябедино на речке Малой Истрице». Там же отмечено, что после смерти Никофора имения перешли его сыну **Ивану Никифоровичу Нащокину** (деду дергайковского помещика). Его владения подтверждаются другой цитатой из энциклопедии: «В 1693 г. с-цом Рубцовом и д. Ябедино по-прежнему владел Иван Нащокин. В 1705 г. здесь уже были дворы: вотчинников, скотный, конюшенный, двор мельника и 5 крестьянских дворов». У И. Н. Нащокина имелись еще владения, о них сказано в упоминавшемся деле о дворянстве: «Отмерено и отмежевано столнику Ивану Никифорову сыну Нащокину к мещевскому, да к болховскому, да к ржевскому, да к серпейскому, да к вологодскому, да к резанскому ево поместье»⁶⁸.

Изо 2–12. Фрагмент родословного дерева Нащокиных, Желябужских, Нарышкиных.

Позднее по данным все той же книги «Истринская земля»: «От Ивана сельцо [Рубцово] перешло к его детям: Михаилу, Андрею, Никите и Григорию [Георгию]». В Новоиерусалимском монастыре сохранились надгробные знаки (так называемых «каменные таблицы») трех упомянутых сыновей: Андрея, Михаила и Георгия, а также их матери, Дарьи Михайловны Нащокиной⁶⁹.

В 1710 г. **Михаил Иванович Нащокин** (ок. 1672 – † 1722) был уже единственным владельцем, ему принадлежали «в Московском уезде в Сурожском стану сельцо Рубцово, сельцо Ябедино»⁷⁰. На одном из сайтов приведены такие сведения: «Нащокин Михаил Иванович (1705, 1717) полковник вотч. – Коломенский у., Межерская вол., с. Воронцово, дв. вот., дв. скот. [двор вотчинника, двор скотный] 11 ч., 13/58, Мецовский у., Сухиничский ст., с. Кобылье, дв. вот. 2 ч., 51/213, Московский у., Сурожский ст., с-цо Рубцово, дв. вот., дв. кон., дв. скот., 15/20»⁷¹.

Михаил Иванович был женат на Агрипине Ивановне (ее происхождение установить не удалось). В их семье выросли дети: Анна, Борис, Михаил, а также Николай, ставший впоследствии владельцем Дергайково. В дореволюционном справочнике приведены сведения о роде Нащокиных⁷². К ним добавлена информация из других источников, в результате составлено родословное древо (изо 2–12).

Дергайковский помещик Николай Михайлович Нащокин

Переходим теперь к владельцу сц. Дергайково.

О жизни и службе **Николая Михайловича Нащокина** (“З”, 1715 – † 1779) сведения отрывочные. В 1743 г. он подал прошение о постройке храма в своем имении Рубцово, подписал его как «лейб гвардии Семеновского полку солдат Николай Михайлов сын Нащокин»⁷³. В более поздних документах он уже «отставной прапорщик». Уволившись из армии, поступил на гражданскую службу. В официальном справочном издании “Месяцослова” за 1777 г. Н. М. Нащокин записан в «Новгородском наместничестве [...] В палате гражданского суда» в группе «Ассесоры»⁷⁴. А три года спустя в аналогичном издании он уже в «Псковском наместничестве [...] В верхнем земском суде в первом департаменте»⁷⁵ в числе заседателей.

Как видим, ни в армейской службе, ни в гражданской Николай Михайлович особых карьерных высот не достиг. Однако он занимает важное место в истории нашего края. О Н. М. Нащокине уже доводилось писать, когда описывалась история с. Покровское-Рубцово⁷⁶ Звенигородского уезда. На средства этого помещика была сооружена рядом с дворянской усадьбой каменная церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Позднее Н. М. Нащокин начал строить трапезную часть храма и колокольню. Покровская церковь не закрывалась, сохранилась до наших дней.

Николай Михайлович несколько десятилетий владел селом Покровское-Рубцово. Как написано в энциклопедии, в имении находился «господский дом с службами каменные и деревянные. При нем два сада регулярные с деревьями плодовитыми, с коих плоды употребляются про домовый расход. В оном саду пруд, в нем рыба караси, лини, а в речке щуки, окуни и плотва. При селе конный завод, а в нем лошади немецкие и английские. На реке [Малой] Истре при селе Покровском состоит мушная [мучная] мельница о двух поставах да маслобона о шести пестах, действие имеют во весь год»⁷⁸.

Изо 2–13. Усадьба Покровское-Рубцово и Покровская церковь⁷⁷, ок. 1900.

В документах генерального межевания земель отмечено, что отставной прапорщик Николай Михайлович Нащокин в конце XVIII в., помимо с. Рубцово, владел в Воскресенском уезде также сельцами Котово и Кречково, деревнями Большая и Малая Васильевка, пустошью Логинково⁷⁹. Ему также принадлежали несколько пустошей в Звенигородском и Рузском уездах. Общее число крепостных составляло 295 душ⁸⁰. Помимо этого, были владения в Болховском уезде Орловской губернии. Имелся свой дом в Москве: «в Белом городе в приходе церкви Кира и Иоанна, что на Солянке»⁸¹ (в 1758 г.), а также каменный дом в Петербурге на Адмиралтейской стороне (1764 г.).

Помимо этих владений, как уже говорилось, Н. М. Нащокину в течение нескольких лет (как минимум, в 1767–1769 гг.) принадлежало сц. **Дергайково**, находившееся в трех верстах на запад от его основного владения – с. Покровское-Рубцово.

Дергайковская помещица Наталья Никитична Нащокина

Николай Михайлович умер в 1779 г. Однако за десять лет до своей кончины он уже не был хозяином Дергайково. На плане генерального межевания, датированном 1769 г., записано: «**Дергайково, сельцо Московского уезда, Сурожского стана, владение отставного прапорщика Николая Михайловича Нащокина жены Натальи Никитичны**»⁸². Тот же хозяин (точнее хозяйка) **Наталья Никитична Нащокина** (урожд. **Желябужская**, “И”, 1729 – † 1793) указан и в исповедной ведомости приходской Крестовоздвиженской церкви с. Телепнево за 1771 г. Аналогичные сведения приведены в энциклопедии: «В 1773 г. с-цо **Дергайково** (5 дворов, 34 человека) было за женой отставного прапорщика Николая Нащокина **Настасьей** [Натальей¹ – Авт.] **Никитичной**»⁸³. Как она стала владелицей имения при живом муже – нигде не объясняется. Николай Михайлович мог сделать жене подарок, а мог и продать ей сельцо (по крайней мере, на бумаге). Подобные случаи перехода владений между супругами были не так уж редки в прежние времена. По данным метрической книги за 1788 г. Н. Н. Нащокиной также принадлежала дер. Тимохина в Егорьевском уезде⁸⁴.

Дворянские роды Желябужских и Нарышкиных

Супруга прапорщика была из старинного дворянского рода Желябужских. Как написано в интернете, основатель рода Станислав Желябужский выехал в середине XV в. из Польши в Москву к великому князю Василию Васильевичу Тёмному и получил поместья в Козельском уезде. Среди представителей рода была «**Мария-Анастасия Ивановна, нареченная невеста царя Михаила Федоровича**», были бояре, воеводы, стольники, стряпчие, послы, городничие, предводители дворянства. А вот герба рода найти не удалось, возможно, его и не было.

Отец Натальи Никитичны был высокопоставленным чиновником: «**Никита Михайлович Желябужский** (1701 – 7 августа 1772) – действительный тайный советник, герольдмейстер в бригадирском ранге, Президент Юстиц-коллегии, сенатор»⁸⁵. Служащим был и дед Михаил Васильевич Желябужский – «**стольник, полковник, ландрат Рижской губернии, обер-фискал, судья Московского надворного суда**». Вот что написано о нем на одном из сайтов: «по обвинению в подлоге в 1723 году был допрошен лично императором Петром I и приговорен к наказанию кнутом и конфискации имущества (последнюю часть санкции император при утверждении приговора заменил на пять лет каторжных работ), полученные на эшафоте 50 ударов кнутом оказались для бывшего обер-фискала роковыми, и он умер»⁸⁶.

Мать Натальи **Прасковья Алексеевна** происходила из знатного рода **Нарышкиных**. Соответственно дед «**Алексей Иванович (? – до 1732) [Нарышкин], комнатный стольник (1686), один из воспитателей царевича Алексея Петровича, углицкий комендант (1710–15), воевода Ярославской пров. (1719–21), вице-президент Ярославского надворного суда**»⁸⁷. Бабушку Натальи Никитичны звали Прасковья Федоровна Нарышкина (урожд. Борятинская).

Некрополь Нащокиных в Новоиерусалимском монастыре

Ранее говорилось, что в Новоиерусалимском монастыре, находившемся неподалеку от имений Рубцово и Дергайково, сохранились надгробные памятники Нащокиных. Помимо четырех упоминавшихся «**каменных таблиц**», вмонтированных в восточную стену Воскресенского собора, уцелели две чугунные плиты с захоронений супругов Нащокиных.

¹ По историческим документам жену Николая Михайловича звали Наталья Никитична.

Изо 2–14, 2–15. Могильные плиты супругов Нащокиных в Новоиерусалимском монастыре, 2023.

На одной плите начертано: «В ПАМЯТЬ ВЕЧНУЮ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА НАЩОКИНА 1715 ГОДА МАИЯ 4 ДНЯ РОДИШАГОСЯ 1 СЕНТЯБРЯ 1779 ГОДА В МОСКВЕ СКОНЧАВШАГОСЯ МУЖА ДОБРОДЕТЕЛМИ БОЛШЕ НЕЖЕЛИ ЧИНАМИ В ОТЕЧЕСТВЕ СВОЕМ ПРОСЛАВИВШАГОСЯ НА СЕМ МЕСТЕ ПОГРЕБЕНОЕ ТЕЛО СΙΑ ДОСКА ПОКРЫВАЕТ»⁸⁸. А на другой могильной плите такие слова: «В БОЖЕ ПОЧИВАЮЩУЮ ЗДЕСЬ НАТАЛЬЮ НИКИТИЧНУ, ВДОВСТВУЮЩУЮ СУПРУГУ ПРАПОРЩИКА НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА НАЩОКИНА, ДЩЕРЬ Т. СОВ. И СЕНАТ. НИКИТЫ МИХАЙЛОВИЧА ЖЕЛЯБУЖСКАГО, НА 65 ГОДУ ДОБРОДЕТЕЛЬНОЙ ЕЯ ЖИЗНИ 22 МАЯ 1793 ГОДА СКОНЧАВШУЮСЯ, СΙΑ ДСКА ПОКРЫВАЕТ».

Супруги Нащокины, владевшие Дергайково, скончались бездетными, потомства не оставили.

1783 – 1791: Мосолов

В энциклопедии “Истринская земля” сведения о дергайковских помещиках приведены со значительными лакунами. Так после 1773 г., когда имение принадлежало Н. Н. Нащокиной, следующий владелец указан только в 1800 г. – им оказался А. И. Татаринов. Как выяснилось в ходе работы над настоящей книгой, в этом промежутке времени у сельца были еще два хозяина, чьи имена прежде не были известны (по крайней мере, среди местных краеведов и историков).

Впервые имя нового хозяина имения было обнаружено в клировой ведомости Крестовоздвиженской церкви с. Тепленово за 1785 г., в которой перечислены хозяева селений, относившихся к приходу. И среди них оказалось имя: «сельца *Дергайково* морского флота камер гер Федор Алексеевич Мосолов⁸⁹». Позднее подтверждающие сведения об этом помещике были найдены и в других исторических документах, включая исповедные ведомости. А вот как имение Дергайково оказалось у Мосолова – долгое время оставалось непонятно. Поиск родственных связей с предыдущими владельцами сельца Нащокиными результатов не принес, видимо, родства и не было.

Искомый ответ был найден в газете “Санктпетербургские ведомости”, где в разделе объявлений было напечатано такое сообщение: «явлена купчая Флота от Капитана и Кавалера Федора Алексева сына Мосолова, на покупное им [1]783 года Генваря 11 дня у вдовы Натальи, Прапорщика Николая Нащокина жены недвижимое имение, Воскресенской округи в сельце *Дерганкове* [sic] с людьми и со крестьяны, за 3000 рублей»⁹⁰.

Дворянский род Мосоловых

Как и все предыдущие владельцы сельца, новый помещик оказался из дворян. По данным словаря “Брокгауза и Ефрона”: «Мосоловы – дворянские рода; один из них происходит, по преданиям древних родословцев, от выехавшего при вел. кн. Василии Васильевиче из Золотой орды мурзы Ахмета, в крещении Мартемьяна. Его потомство внесено в VI ч. род. книги Пензенской, Уфимской, Нижегородской, Тульской, Рязанской и Калужской губерний (Гербовник; IV, 55). Кроме того существуют еще 3 рода М., восходящие к XVII в., и несколько родов М. позднейшего происхождения»⁹¹.

ⁱ В исторических документах фамилия писалась по-разному: Мосолов, Масолов, Масалов. Ныне чаще употребляется первый вариант – Мосолов.

«Щит, разделенный диагонально чертою, имеет два поля: голубое и красное, в коих изображены с правой стороны в голубом поле золотая Осмиугольная Звезда, а с левой на обеих полях золотой Полумесяц, рогами обращенный вверх; а на середине щита горизонтально положена серебряная Сабля, а внизу в красном поле золотая Подкова, имеющая в середине Решетку. Щит увенчан обыкновенным дворянским Шлемом с дворянскою на нем короною, на поверхности которой видна выходящая Рука в Латах с Саблею. Намет на щите голубого и красного цвета, подложенный золотом»⁹².

Изо 2–16. Герб рода Мосоловых.

Удалось найти родословную Мосоловых, согласно которой корни дергайковского помещика из Рязанской губернии. На форуме “СВРТ” приведены такие данные: «другой [род] ведет начало от Сидора Астафьевича Мосолова, городского дворянина Меуцкерской десяти (1580); этот род внесен в VI ч. ДРК [дворянской родословной книги] Калужской, Рязанской и Тульской губ. Герб Мосоловых помещен в Общій Гербовник (ч. IV, с. 55)»⁹³.

Дергайковский помещик Федор Алексеевич Мосолов

На сайте “Википедия” приведены сведения о происхождении дергайковского помещика **Федора Алексеевича Мосолова** (“К”, ок. 1746 – † 1791): родился «в семье секунд-майора **Алексея Михайловича Мосолова**. Внук стольника **Михаила Прокофьевича Мосолова**». Он оказался в 8-м поколении от основателя рода Сидора Астафьевича. На том же сайте написано: «офицер Российского императорского флота, участник русско-турецкой войны 1768–1774 годов и Первой Архипелагской экспедиции, Хиосского и Чесменского сражениях. Георгиевский кавалер, капитан 1 ранга». Там же приведены сведения из послужного списка Ф. А. Мосолова:

«10 сентября 1758 года поступил кадетом в Морской шляхетный кадетский корпус. 10 марта 1761 года произведён в гардемарины. С 1761 года ежегодно был в кампании, плавал в Балтийском море. 25 марта 1764 года, после окончания учёбы, произведён в мичманы. Зачислен в штат Морского корпуса. В 1765 году был командирован в Мальту, для службы на галерном флоте. В 1766–1769 годах плавал в Средиземном море на мальтийских галерах. В 1769 году вернулся из Мальты в Санкт-Петербург. Участник русско-турецкой войны 1768–1774 годов и Первой Архипелагской экспедиции. [...] 26 ноября 1778 года “за совершение 18 кампаний в офицерских чинах” награждён орденом Святого Георгия 4 класса. [...] 28 апреля 1780 года произведён в капитаны 2 ранга. 1 января 1782 года уволен от службы в чине капитана 1 ранга».

Как видим, brave был морской офицер. Не часто в те времена награждали Георгиевским крестом, только за боевые заслуги.

Согласно записи в метрической книге московской Введенской церкви в Барашах, «бригадир Федор Алексеевич с-н Масалов» умер 25 июня 1791 г., как написано, в возрасте 38 лет⁹⁴ (по данным из других источников, он прожил 42 или даже 45 лет). Похороны состоялись на кладбище Данилова монастыря. Монастырский некрополь был уничтожен в 1930-е гг.

Семья Мосоловых, родственники Канищевы

О семейном положении Ф. А. Мосолова на сайте “Википедия” ничего не сказано, упомянуто лишь имя его младшего брата: «**Николай Алексеевич Мосолов** (родился около 1747 года) – вице-адмирал Балтийского гребного флота».

Дергайковский помещик был женат. В ходе работы над книгой удалось найти запись о венчании, состоявшемся 31 октября 1781 г.: «Женился г-н флота капитан четвертого класса кавалер Феодор Алексеевич Масалов первым браком, понял за себя отставного Майора Петра Гавриловича Конищева дочь Ево девицу Елисавету Петрову»⁹⁵.

Супруга Елизавета Петровна оказалась из дворянского рода Канищевых.

«Щит разделен перпендикулярно на две части, из коих в правой голубого и красного цветов, изображена часть серебряной крепости и на ней две шпаги крестообразно, остроконечиями обращенные вверх, а в левой в золотом поле видна левая часть черного орла. Щит увенчан дворянскими шлемом и короной с тремя страусовыми перьями. Намет на щите голубой и золотой, подложенный золотом и красным. [...]

Восходит к XVII веку и внесён в VI часть родословной книги Московской, Ярославской и Костромской губерний»⁹⁶.

Изо 2–17. Герб рода Канишевых.

Род Канишевых оказался не столь древним, как предыдущие: основатель рода Александр Дмитриевич жил в начале XVII в. О таких родах иногда говорили: незнатный, «худородный».

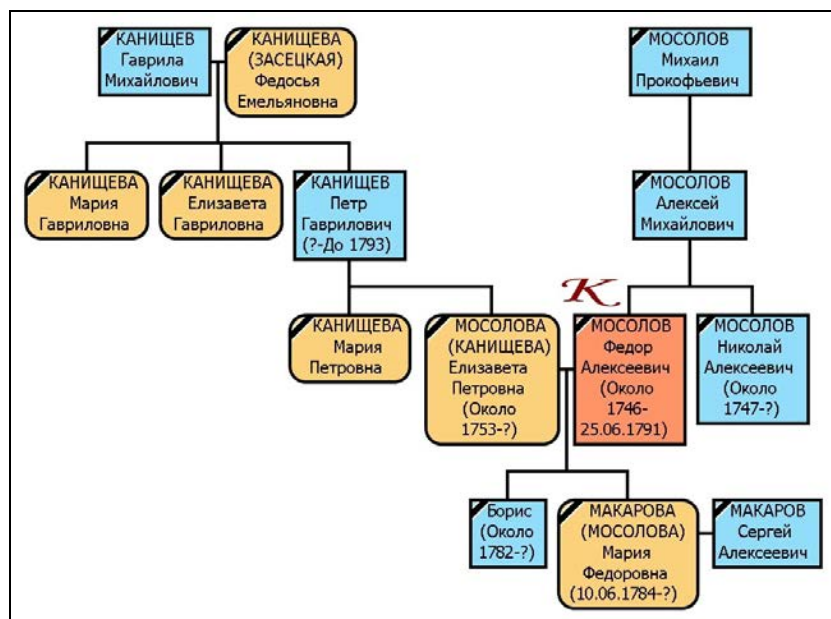
На генеалогическом сайте РРФ приведены имена деда и бабки невесты: Гаврила Михайлович Канишев и Федосья Емельяновна (урожд. Засецкая)⁹⁷. В интернете обнаружены такие сведения: «Деревня, основанная в 1719 году сотником-драгуном Гаврилой Михайловичем Канишевым, называлась Кашимой (по одноименной речке). В двадцати её домах проживали 95 крепостных крестьян. Шло время, деревня росла за счет притока новых крепостных, и постепенно за ней окончательно закрепилось новое название – Канишево»⁹⁸. Указанный населенный пункт сохранился, ныне относится к Пичаевскому району Тамбовской области.

У Гаврилы Михайловича был сын Петр, дочери Мария и Елизавета, возможно, были и другие дети. Наследникам он оставил имение в Чухломском уезде, которое дочери продали в 1781 г. О сыне **Петре Гавриловиче Канишеве**¹ (тесте Дергайковского помещика) удалось узнать следующее. По данным сайта РРФ он имел имение в Моршанском уезде. В официальном справочном издании «Месяцеслова» за 1778 г. написано: «В Шацкой провинции. [...] В Темникове: Воевода: Секунд-Маиор, Петр Гаврилович Канишев»⁹⁹. Спустя семь лет в аналогичном издании сказано, что служил городничим в том же городе. Интересно, что в той же Шацкой провинции согласно сведениям из интернета братья, Федор и Николай Мосоловы имели 32 (по другим данным – 93) крепостные

души. Это наводит на предположение, что жених еще раньше был знаком с отцом невесты.

После свадьбы молодожены стали жить в Москве, в приходе церкви великомученицы Екатерины на Всполье, снимали жилье. В 1785 г. в семье полковника Ф. А. Мосолова согласно исповедной ведомости было два ребенка: сын **Борис** трех лет и дочь **Мария** одного года¹⁰⁰. Дочь Мария Федоровна, когда выросла, вышла замуж за отставного капитана Сергея Алексеевича Макарова.

Информация о продолжении рода дергайковского помещика Мосолова не собиралась.

Изо 2–18. Фрагмент родословного древа Мосоловых, Канишевых.

¹ Иногда фамилию писали Конишевы.

Владения Мосоловых, залог имения Дергайково

По имеющимся сведениям, ни Мосоловы, ни Канищевы не были особо богатыми помещиками. Имена у них были, но небольшие. И что любопытно, часть недвижимости была оформлена на Елизавету Петровну, а не на мужа Федора Алексеевича. В том же году (1781), когда состоялась свадьба, Елизавета Петровна заложила имения в Солигаличском и Чухломском уездах Костромской губернии своей сестре Марии Канищевой за 500 руб.¹⁰¹. Это могло быть ее приданное.

Сц. Дергайково было приобретено спустя 15 месяцев после свадьбы, владельцем имения записан Федор Алексеевич. Это поместье принадлежало ему восемь лет, вплоть до последних дней жизни. Однако после кончины помещика Дергайково не перешло жене или сыну, что было бы логично. Почему так произошло? Оказывается, незадолго до своей смерти Ф. А. Мосолов занял у родственницы, упомянутой М. П. Канищевой, 4.000 руб. асс. Как написано в документе, заложено было имение «все без остатка», а именно: сц. **Дергайково** с 26 ревизскими душами, «с женами их и с детьми, племянниками, со внучатами, с зятьями и приемами, с хлебом стоячим и намолоченным и в земле посеянным, и с крестьянским скотом и со всех их пожитки, с паханой и непаханой землею, с лесы, с санными покосы, разнаго звания угодьями, с садом, с мельницей и господским домом, со скотом»¹⁰². Под какой процент были заняты деньги, не сказано. А вот срок в закладной указан: на один год до 1 апреля 1792 г. Было оговорено, что если деньги к этой дате уплачены не будут, то Канищева вправе записать заложенное имение на свое имя или продать его. Так, в итоге, и произошло.

Как уже говорилось, Федор Алексеевич умер 25 июня 1791 г. Еще и трех месяцев не прошло, как были заняты деньги. Овдовевшая Елизавета Петровна то ли не смогла погасить долг, то ли не захотела этого делать. Как написано в одном из документов, Дергайково перешло ее сестре Марии Петровне Канищевой «по просроченной закладной». Ну а та вскоре имение продала.

1792 – 1793: Мясоедов

«Щит разделен на четыре части, из коих в первой в голубом поле видна с правой стороны выходящая из облака в золотые латы облеченная рука с мечем. Во второй в красном поле белое распростертое крыло. В третьей части в красном же поле находится серебряная крепость. В четвертой части в голубом поле изображен входящий из подошвы щита до половины золотой лев с мечем вверх подъятым. Щит увенчан дворянскими шлемом и короною с страусовыми перьями. Намет на щите голубой и красный, подложенный золотом»¹⁰³.

Изо 2–19. Герб рода Мясоедовых¹⁰⁴.

Имя следующего владельца дергайковского имения, Николая Ефимовича Мясоедова, также прежде не было известно в наших краях. Это оказался особенный помещик в истории Дергайково сразу по нескольким показателям.

Во-первых, среди всех владельцев сельца он стал самым титулованным по чинам и наградам. Н. Е. Мясоедов имел чин действительного тайного советника (2-й в Табеле о рангах Российской империи) и был награжден высшей государственной наградой – орденом Андрея Первозванного.

Во-вторых, срок владения имением оказался одним из самых коротких среди известных дергайковских помещиков – где-то около года или немного больше. Зачем приобреталось имение, которое вскоре оказалось проданным, можно только догадываться¹. По косвенным данным можно

¹ Для исследователя В. В. Зубарева такие кратковременные сроки владения имениями не являются загадкой. По его словам некоторые помещики покупали недвижимость, чтобы потом взять деньги в банке. Для этого нужен был залог, в качестве которого и выступало имение. Получив же желанную ссуду, хозяин свое поместье вскоре продавал.

предположить, что Николай Ефимович после покупки имения сразу его заложил.

О Н. Е. Мясоедове информации обнаружено довольно много: это был известный человек в обществе. А вот документов, связывающих его с **Дергайково**, оказалось крайне мало, пальцев одной руки хватит их пересчитать. Перечислим их.

Впервые фамилия нового владельца имения была обнаружена в газетном объявлении, в котором говорилось о дарственной, совершенной в 1821 г. А. И. Татариновым. К этому помещику и его дарственной еще вернемся. Здесь же приведем слова объявления: *«Крепостное свое недвижимое имение, доставшееся мне по купчим [1793 г.] покойного секунд майора Петра Гаврилова сына Конищева от дочери Марьи, от действительного тайного советника Николая Ефимовича супруги Его Аграфены Сергеевны Мясоедовы, [...] в уездах Звенигородском в сельце Дергайкове»*¹⁰⁵.

Фамилия нового владельца также упомянута в метрических книгах приходской церкви с. Теплеуново того времени. Так в записи о бракосочетании в 1792 г. одного из крепостных крестьян указан его хозяин: *«вотчины господина генерала Николая Ефимача Мисаедова¹ сельца Дергайкова»*¹⁰⁶. В метрической книге следующего года имеется схожая запись о другом крестьянине.

И это на данный момент все. Не густо. Остались вопросы по этому помещику. Закралось даже сомнение: а принадлежало ли Н. Е. Мясоедову наше имение? Но приведенные цитаты из исторических документов показывают, что он на самом деле был владельцем Дергайково, хоть и непродолжительное время (возможно, даже в сельце ни разу и не появился).

Дворянский род Мясоедовых

Как и предыдущих дворян Мосоловых, Мясоедовых не отнесешь к знатым русским родам, навроде Голицыных, Нарышкиных, Воронцовых, Долгоруких, Шереметьевых и др. И все же это был старинный род из так называемых *«столбовых дворян»*ⁱⁱ.

В сайте «Википедии» можно найти информацию о дворянских родах Мясоедовых: *«Наиболее известный, польского происхождения, происходит от шляхтича Мясоеда, а в крещении Якова, выехавшего, по сказанию старых родословцев, вместе с братом Хрущом (родоначальником Хрущёвых) из Литвы к великому князю Ивану III (1464). Двое Мясоедовых из этого рода были воеводами в первой четверти XVII века»*. К указанному роду и относился дергайковский помещик.

Сведения о Мясоедовых, хранящиеся в архиве РГАДА, были в наше время опубликованы в генеалогическом сборнике¹⁰⁷. По этим данным позднее появились публикации, в интернете можно найти поколенную роспись рода, идущую от Якова. В 12-м колене значится дергайковский помещик Николай Ефимович¹⁰⁸. А в 10-м колене показан его дед, которого звали **Иван Андреевич Мясоедов** (см. древо из 2–20). О нем почти никаких данных нет. Лишь на генеалогическом сайте РРФ указано (без ссылки на первоисточник) имя супруги – **Федосья Макарьевна** (урожд. **Ростиславская**). Это бабушка дергайковского помещика. Известно о двух детях в семье Ивана Андреевича Мясоедова (возможно, были и другие). Дочь Анисья, по неподтвержденным данным, дважды выходила замуж – за Лопухина и за Перепечина¹⁰⁹. Во втором браке у Анисьи Ивановны родилась дочь Анна (в замужестве Карамышева). Она оставила наследство Николаю Ефимовичу.

Сына Ивана Андреевича звали **Ефим Иванович Мясоедов**. Это отец дергайковского помещика. Он служил офицером в невысоком звании подпоручика (в одном из справочников показан в гражданском чине коллежского асессора), был женат на **Ирине Алексеевне** (урожд. **Дашковой**). В интернете есть сведения о том, что ей принадлежало *«село Спасское, Клобуково тож»* в Богородском уезде, которое она продала А. А. Гончарову, прапрадеду Натальи Николаевны Гончаровой (будущей жены А. С. Пушкина).

Хотелось бы остановиться на одной загадке, которую пока не удалось разгадать. В завещании Николая Ефимовича Мясоедова (сына Ефима Ивановича) говорится о родовых имениях в Московской губернии в Волоколамском уезде и в Тверской губернии. Написано, что эти имения поступили в его собственность от *«родительницы Варвары Алексеевны Мясоедовой»*. Звучит так, как будто это мать Николая Ефимовича и, стало быть, жена Ефима Ивановича. Но нигде не сказано,

ⁱ В отдельных рукописных источниках фамилию писали Мисаедов.

ⁱⁱ «Название "столбовые" происходит от столбцов – списков тех самых родов. От простых отличались – имели возможность кичиться знатностью рода. [...] Звание столбового дворянина было престижным, но каких-то привилегий не давало» (интернет).

что Ефим Иванович был дважды женат, везде говорится только о супруге Ирине Алексеевне Дашковой. Хорошо бы найти подтверждение о втором браке. Но где его искать? Документов той поры (середина XVIII в.) сохранилось немного. И все же, игнорировать слова – «родительницы Варвары Алексеевны» – в тексте, написанном самим Николаем Ефимовичем, было бы неверно. Поэтому в древе рода у Е. И. Мясоедова показаны две жены, хотя, прямо скажем, уверенности в этом нет.

В нескольких источниках говорится, что у Ефима Ивановича Мясоедова было четверо детей: Иван, Алексей, Николай и Анна. На самом деле их было минимум пять. Забыли **Федосью**, которая вышла замуж за прапорщика Николая Николаевича Языкова¹¹⁰. В семье Языковых родились дети Мария, Екатерина и Флёна (в родословном древе они не показаны).

Среди трех сыновей Е. И. Мясоедова для нас наибольший интерес представляет Николай, ставший дергайковским помещиком. О нем поговорим чуть позже, а сейчас упомянем остальных.

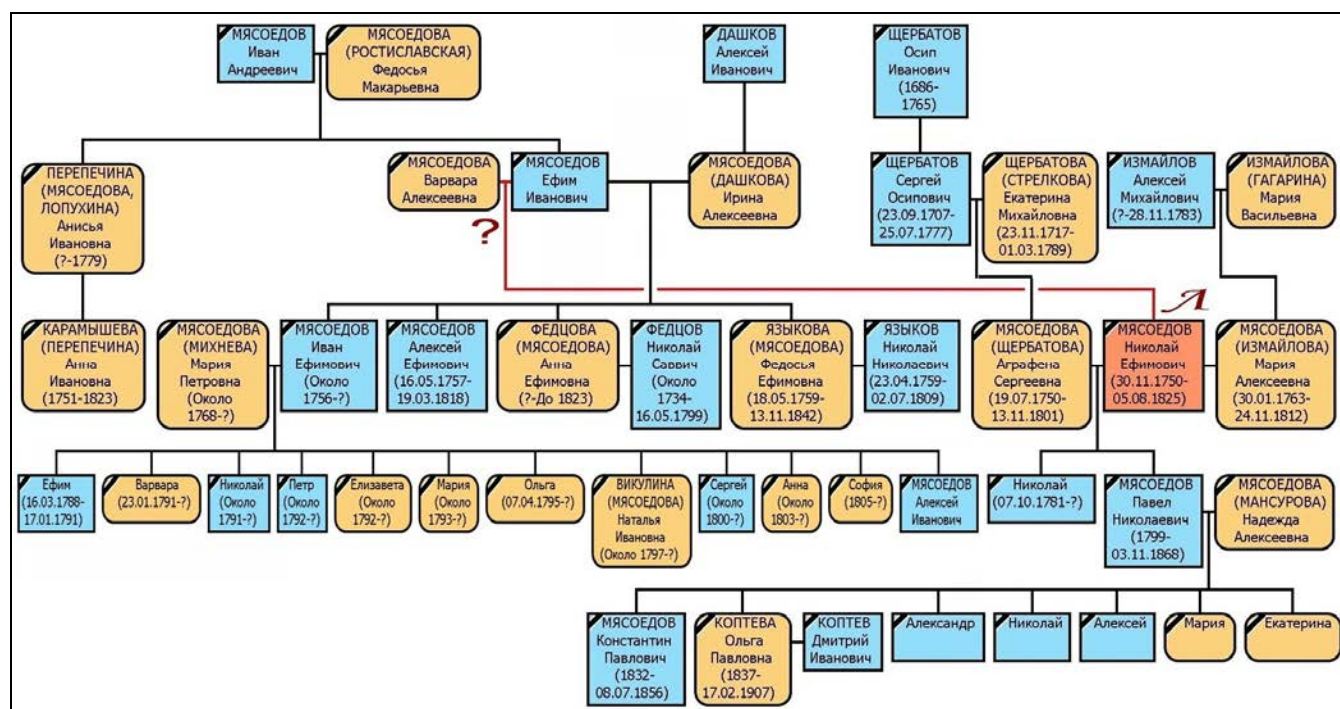
Сын Алексей Ефимович Мясоедов стал вице-адмиралом (по другим данным – контр-адмиралом), членом коллегии Адмиралтейства. Похоронен в Александро-Невской лавре. О наличии у него семьи и детей данных нет.

Напротив, многочисленное потомство оказалось у сына Ивана Ефимовича Мясоедова, который был женат на Марии Петровне (урожд. Михневой). По данным исповедки в 1807 г. в семье было 10 детей: Петр (17 лет), Варвара (15), Елизавета (14), Марья (13), Ольга (12), Наталья (10), Сергей (7), Николай (6), Анна (4), София (2)¹¹¹. Были и другие дети. Некоторые из перечисленных сыновей позднее оспаривали завещание своего дяди Николая Ефимовича (об этом еще поговорим).

Дочь Анна Ефимовна в 1798 г. вышла замуж за генерал-майора Николая Саввича Федцова¹¹².

Дергайковский помещик Николай Ефимович Мясоедов

О **Николае Ефимовиче Мясоедове** (“Л”, 1750 – † 1825) на сайте “Википедии” приведены такие сведения: «20 января 1760 года был записан в Измайловский полк солдатом, 5 мая 1765 года начал действительную службу в Преображенском полку. Дослужившись до капитана, он 1 января 1783 года вышел в отставку с чином бригадира, а через год, 15 мая 1784 года, был определен Тульским вице-губернатором. 21 апреля 1787 года Мясоедов был произведен в статские советники. В Туле он оставался до 15 мая 1789 года, когда был переведен на ту же должность в Москву. В 1796 году он был назначен сперва обер-прокурором 6-го департамента, затем сенатором в Петербург, с производством в тайные советники. 5 апреля 1797 года был назначен главным директором Соляной конторы. За устройство казенного Старорусского соляного завода, Эльтонского

Изо 2–20. Фрагмент родословного древа Мясоедовых, Щербатовых, Измайловых.

промысла и вообще соляной части Мясоедов был щедро награждён правительством и произведен 12 декабря 1807 года в действительные [тайные] советники. [...] 25 марта 1818 года Мясоедов по прошению был уволен в отставку с пенсией в 4000 рублей».

Николай Ефимович был награжден редкими орденами: св. Анны 1-й ст. (1791), св. Александра Невского, св. Иоанна Иерусалимского, св. Владимира 3-й и 2-й ст. (1787 и 1792).

Во многих источниках написано, как по повелению государя Н. Е. Мясоедов проводил ревизии в 1815 и 1816 гг. в Тульской, Курской и Орловской губерниях. В среде чиновничества он славился строгостью и бескомпромиссностью. В ходе проверки обнаружил настолько серьезные злоупотребления, что императору пришлось отстранить от должностей губернатора и вице-губернатора. По данным «Википедии»: *«Строгость этой ревизии произвела в среде чиновничества страшную панику, которая еще более увеличилась, когда появилось обвинение орловского местного начальства в намерении отравить сенатора Мясоедова».*

На том же сайте приведены и критические замечания в адрес Николая Ефимовича. Князь И. М. Долгоруков, служивший в Соляной конторе под начальством Н. Е. Мясоедова и не ладивший с ним, называл его злобным, мстительным и лукавым интриганом. По его словам, Мясоедов *«Был ума не широкого и совсем не деловой человек, но пролаз самый хитрый и удачный... Везде все вышнырит, ко всем подъедет, всего в пользу свою добьется, а дойдет ли до настоящего государственного дела; он строчки не умеет написать, не смыслить резолюцию дать... Будучи иногда до крайности высокомерен, бывал и подл до низости, пресмыкающимся животным, когда дело шло о его пользе собственной».*

Семья Мясоедовых

По имеющимся сведениям Николай Ефимович был дважды женат.

Первой женой была княжна **Аграфена Сергеевна** (урожд. **Щербатова**, 1750 – † 1801). Она была дочерью статского советника князя **Сергея Осиповича Щербатова** (в древе своего рода показан в 26-м колене от Рюрика) и **Екатерины Михайловны** (урожд. **Стрелковой**). Дедом Аграфены был патриарший и царский стольник, окольничий и воевода князь Осип Иванович Щербатов. По данным «Википедии»: *«Род князей Щербатовых происходит от князей Черниговских. Родоначальник – князь Василий Андреевич Оболенский, по прозвищу Щербатый (XVII колена от Рюрика, 1-я пол. XV в.)».* В роду были боярин, несколько окольничих, стряпчих, стольников.

В ряде источников отмечено, что в первом браке у Николая Ефимовича родился сын Павел (о нем еще поговорим). А вот о другом сыне, **Николае**, нигде не сказано. Однако он был. Удалось обнаружить запись о его рождении в 1781 г. в метрической книге московской церкви Илии Обыденного¹¹³.

Супруга Аграфена Сергеевна скончалась в 1801 г. Спустя два года Николай Ефимович женился еще раз, второй женой стала **Мария Алексеевна** (урожд. **Измайлова**, 1763 – † 1812). Ее отцом был отставной лейб-гвардии капитан Алексей Михайлович Измайлов, а матерью – княжна Мария Васильевна (урожд. Гагарина), дочь новгородского губернатора. Она оказалась приближена к государеву двору: *«Во фрейлины пожалована 5 апреля 1797, в коронацию Павла. В 1800, по желанию, получила отставку с выдачею фрейлинского вознаграждения»*¹¹⁴. Во втором браке детей не было.

Обе супруги, Аграфена и Мария, похоронены в Москве, в Донском монастыре. Там же впоследствии был погребен и сам Николай Ефимович.

Владения Мясоедовых

Н. Е. Мясоедов и обе его жены были дворянского происхождения, у всех имелись родовые поместья. Имения также покупались (такая недвижимость называлась благоприобретенной). Сведений об имениях, которыми владели супруги Мясоедовы, оказалось довольно много, можно и запутаться. Наиболее полная картина представлена в деле о дворянской опеке, в нем имеется выписка из завешания Николая Ефимовича. Приведен список имений, как благоприобретенных, так и родовых (на момент составления документа). Общее число крепостных составило 2.165 душ. Немногие помещики имели столько крестьян или больше.

Среди благоприобретенных оказались дом в Москве и поместья: в Московской губернии в Подольском уезде сц. Плесково и в Верейском уезде с. Шапкино; в Калужской губернии в Малоярославецком уезде с. Кутепо и деревня в Тарусском уезде; в Тульской губернии с. Раево и в Крапивенском уезде с. Новоникольское¹¹⁵. В других документах встречаются также названия имений

в Бронницком и Клинском уездах. В завещании они не упомянуты, наверное, к тому времени уже не были собственностью Н. Е. Мясоедова.

В завещании Николая Ефимовича также перечислены поместья, доставшиеся по наследству: «*после родительницы Варвары Алексеевны Мясоедовой*», и «*после двоюродной сестры майорши Анны Ивановны Карамышевой*». Имения находились в Волоколамском уезде (дер. Шестаково), в Тверской и Костромской губерниях. Они оказались в общем владении с братьями.

В 1787 г. Н. Е. Мясоедову досталось несколько имений Анны Ивановны Лопухиной. В ее завещании было написано, что она передает свои владения супругам Мясоедовым и их детям¹¹⁶. Самое интересное, что Николай Ефимович в тексте назван внуком завещательницы, хотя на самом деле им не был. И даже не был кровным родственником А. И. Лопухиной. Родство у завещательницы было с женой Мясоедова Аграфеной Сергеевной, они обе были из рода Щебратовых. Анна была родной сестрой Осипа Ивановича, деда Аграфены. Так что правильней сказать, что внучкой завещательницы, а точнее внучатой племянницей была супруга Николая Ефимовича.

Среди перешедших от А. И. Лопухиной владений оказалось «*сельцо Сивково, Зверевы тож*» Звенигородского уезда, а также имение в Зубцовском уезде Тверской губернии. Первое поместье Николай Ефимович оставил себе, в нем он провел последние годы своей жизни. А тверское имение продал уже в 1793 г.

Теперь о недвижимости в Москве. У Николая Ефимовича имелся родовой дом № 352 в Арбатской части Москвы. Был еще приобретенный дом № 132 в Яузской части. Кроме того, в 1788 г. он купил двор на Донской улице за 4.000 руб. Но спустя восемь лет его продал¹¹⁷.

Помимо этого, от упомянутой бабки А. И. Лопухиной перешла городская усадьба с каменными и деревянными постройками, находившаяся на ул. Большая Дмитровка. В 1793 г. Н. Е. Мясоедов просил оценить строения городской усадьбы, чтобы ее представить в залог винной поставки¹¹⁸.

По собранным данным, Николай Ефимович нередко занимал деньги и не всегда вовремя их возвращал. Обнаружено архивное дело, в котором говорится, что в начале XIX в. за ним числились долги: князю П. С. Трубецкому 3.300 руб., А. П. Оболенскому 3.000 руб., П. Белавину 3.700 руб.¹¹⁹. В указанном деле приведены сведения о том, что дом на Б. Дмитровке был Мясоедовым заложен в 1794 г. в опекуновском совете Московского воспитательного дома на сумму 55.000 руб. Долг этот вовремя не был погашен, и ставился вопрос о продаже дома «*аукционным порядком*».

По всей видимости, продажи дома с аукциона Николаю Ефимовичу удалось избежать. И даже, напротив, в 1802 г. он прикупил по соседству здания № 28 и 55 у графа И. Г. Чернышева¹²⁰ за 9.000 руб. Но уже в 1811 г. один из этих домов (№ 28) был продан прапорщику Н. О. Кожину за 10.000 руб. асс.¹²¹. Вскоре были проданы и остальные строения на Б. Дмитровке. О судьбе этих владений можно прочитать на сайте «Википедии»: «*В 1813 году дом приобрёл сенатор Фёдор Толстой – коллекционер славяно-русских рукописей и старопечатных книг. [...] В 1829-м городская усадьба была передана дирекции императорских театров, с 1830 года в ней также разместилась Московская театральная школа*».

Здания на Большой Дмитровке сохранились, их нынешний адрес: дом № 8, стр. 1, 2, 3, 6. Они так и называются в московской топонимике: «*Городская усадьба Мясоедовых*». Теперь там размещается Российская государственная библиотека искусств.

Собственные имения были и у жен Николая Ефимовича. Обнаружена закладная, датированная апрелем 1792 г., согласно которой Аграфена Сергеевна Мясоедова заняла у С. С. Апраксина 5.000 руб. асс. сроком на один год под залог своего имения в составе сц. Селищево и дер. Костина Клинского уезда с 75 крепостными. Как она сама про него написала: «*доставшееся мне по наследству после покойного родителя моего Статского Советника князя Сергея Осиповича Щербатова*»¹²². По всей видимости, у Аграфены Сергеевны были и другие владения. Об этом свидетельствует информация, обнаруженная в интернете: «*По наследству от первой жены ему [Мясоедову] досталось село Кутеново (в Калужской области)*»¹²³.

У второй супруги Марии Алексеевны имелось владение в Мокшанском уезде Пензенской губернии, которую она заложила мужу Николаю Ефимовичу за 7.500 руб.¹²⁴. Было и другое имение, более известное и богатое. Речь идет о знаменитой подмосковной усадьбе Быково-Марьино, в которой имелся большой господский дом и красивая Владимирская церковь (усадебные постройки и храм сохранились, находятся на окраине г. Жуковский Московской области).

У этой усадьбы интересная история. До середины XVIII в. она принадлежала графам Воронцовым. Когда те попали в опалу, то, как написано в “Википедии”, «Екатерина II пожаловала быковские земли Михаилу Михайловичу Измайлову – участнику переворота 1762 года и московскому главнокомандующему. При нём усадьбу решено было реконструировать, потому что

Изо 2–21. «Усадьба Воронцова-Дашкова в Быково».

в прежнем состоянии она не произвела на императрицу совершенно никакого впечатления». В 1780 г. умерла Мария Александровна Измайлова (тетя Марии Алексеевны). Михаил Михайлович Измайлов в память о скончавшейся супруге в 1789 г. построил в имении белокаменный храм в редком стиле русской псевдоготики. По мнению ряда специалистов, проект принадлежал архитектору Василию Баженову, однако непосредственным исполнителем выступал Матвей Казаков. Нижний придел (в подклете) был освящен в память прежде находившегося в селе храма Рождества Христова, а верхний придел – в честь Владимирской иконы Божией Матери. До революции в документах церковь именовалась Христорождественской, а сейчас ее принято называть Владимирской. В наше время пишут, что «церковь в Быково является исключительным памятником, достойным включения в список Всемирного наследия».

В ряде источников утверждается, что «Измайлов не оставил наследников по мужской линии, поэтому после его смерти и его супруги усадьба Быково снова перешла к Воронцовым через брак с его племянницей (крестницей) Ириной, вышедшей замуж за Иллариона Ивановича Воронцова. Полноценным новым хозяином усадьбы с 1800 года стал известный дипломат Иван Илларионович». О том, что это мнение ошибочно, сказано на сайте “История усадьбы Быково”: «В ходе последних исследований искусствовед Б.Н. Бочарников установил факт того, что после смерти Московского губернатора Михаила Михайловича Измайлова в 1800 году усадьба Быково-Марьино перешла во владение его любимой племяннице Марии Измайловой. [...] В 1812 году Мария Алексеевна Мясоедова (Измайлова) скончалась в Москве и была похоронена в Донском монастыре. Усадьба Быково-Марьино до 1819 года находится во владении ее супруга Н.Е. Мясоедова»¹²⁵.

Сведения Бочарникова нашли подтверждение в исповедных ведомостях Христорождественской церкви с. Быково Бронницкого уезда. Из записей в исповедках следует, что в начале 1800-х гг. село принадлежало Марии Алексеевне Мясоедовой¹²⁶, а после ее кончины в 1810-х гг. хозяином имения записан Николай Ефимович Мясоедов¹²⁷. По сведениям с того же сайта: «В 1819 году по решению суда усадьба перешла во владение Ирины Воронцовой – старшей дочери родного младшего брата М.М. Измайлова – Ивана Михайловича».

Все эти сведения известны, они выложены в интернете. А теперь о том, что удалось найти в ходе работы над настоящей книгой, что еще, видимо, не знают даже специалисты.

В 1821 г., как следует из найденного архивного дела, Н. Е. Мясоедов подал прошение, в котором сообщил о неверной оценке «дому покойной супруги его Бронницкого уезда в селе Быкове». При осмотре усадебный дом был оценен всего в 35.020 руб., тогда как, по мнению Николая Ефимовича, «онный стоит по меньшей мере сто пятьдесят тысяч [150.000] рублей»¹²⁸.

Как видим, стоимость недвижимости была занижена почти в пять раз. Из-за этого Н. Е. Мясоедов терпел прямой убыток. Дело в том, что он имел законное право на получение седьмой части наследства скончавшейся супруги и хотел свою долю получить деньгами с других наследников

усадьбы Быково. Возможно, умысла в низкой оценке не было, т.к. при осмотре дома не оказалось специалистов, знающих истинную стоимость строительных материалов, цену строительных работ, мебели и мраморных вещей. Николай Ефимович просил назначить повторную оценку дома, пригласить для этого знающих купцов. Власти на это не пошли, сославшись на отдаленность Быково от Москвы. И ограничились указанием о передаче дела в строительную комиссию Москвы с тем, чтобы архитекторам было велено *«сделать надлежащую оценку»* строениям усадьбы. Был ли таким решением удовлетворен Н. Е. Мясоедов и чем все закончилось – информации в деле нет.

Последние годы жизни Николая Ефимовича Мясоедова

Как уже говорилось, весной 1818 г. Н. Е. Мясоедов вышел в отставку. После этого он прожил еще семь лет. Летнее время проводил в своем загородном имении Плесково, которое находилось вблизи границы Подольского и Верейского уездов, а на зиму перебирался на жительство в Москву, в свой дом. Он хоть и был вдовцом, но жил не один. Судя по записям в сохранившихся исповедках, с ним в Москве жила овдовевшая сестра Анна, а также племянницы Варвара, Елизавета и Мария¹²⁹ (дочери родного брата Ивана Ефимовича Мясоедова).

Николай Ефимович был православным человеком и ходил на службы в храм. А это ему, как старому человеку, было не просто делать, особенно летом. Приходская Знаменская церковь в с. Лисинцево находилась за пять верст от его имения Плесково. По дороге в храм приходилось преодолевать реку Пахру. Несомненно, помещик добирался на службы на лошадях. Но все равно, преодоление реки, особенно в распутицу, было непростым делом. И потому вскоре после выхода в отставку Николай Ефимович подал в консисторию прошение об устройстве в имении домового храмаⁱ. В бумагах заведенного дела оказалось записано: *«по старости его лет, коих ему 70-ть, и слабости здоровья лишается он Слышания славословия Божия, почему, и желает для слышания Службы Божией иметь в показанном Сельце своем Плескове в доме его в отдельных комнатах домовую церковь во имя Нерукотворенного Спаса»*¹³⁰.

Следует отметить, что далеко не каждое подобное прошение священноначалие удовлетворяло, часто просителям отказывали. Но с Мясоедовым этого не случилось. Очевидно, сыграли роль его высокие чины и, наверное, оставшиеся связи. Осенью того же 1819 г. Синод издал указ, которым разрешалось в имении Плесково устроить домовую церковь, но с условием, что по смерти просителя ее следует *«уничтожить»*. Несколько месяцев ушло на закупку церковной утвари, устройство иконостаса и престола, приобретение всего необходимого для совершения богослужений, а также на получение антиминса. Когда все было готово, 20 июня 1820 г. состоялось освящение Спасской церкви в господском доме усадьбы Плесково.

При выдаче разрешения было оговорено, что в домовом храме будет служить священник из приходской Знаменской церкви с. Лисинцево. Однако на деле вышло иначе. Как написано в том же архивном деле, в храм сц. Плесково был приглашен *«белый»* священник Симеон Федоров, которого Мясоедов согласился *«принять на свое пропитание и прилично содержать»*.

С открытием домового храма проблема с посещением церковных служб была решена. Но это летом. А зимнее время Николай Ефимович проводил в Москве. Приходской Воскресенский храм в Барашах находился в отдалении от его дома. И потому в 1821 г. Мясоедов вновь обратился в консисторию с аналогичным прошением об устройстве домовой церкви, на сей раз в своем московском домеⁱⁱ. И вновь священноначалие пошло навстречу, ходатайство было удовлетворено. Церковная утварь была приобретена новая, а вот выдача антиминса не понадобилась. Для служб использовали антиминс из сц. Плесково, благо он был, как написано, *«подвижный»*. Вскоре состоялось освящение домовой церкви в московском доме Н. Е. Мясоедова *«в тоже наименование»* (Спасская).

Прошло четыре года, и 5 августа 1825 г. Николай Ефимович умер. На нескольких сайтах написано, что похороны состоялись в Москве, в Донском монастыре – там, где были погребены две его супруги. Но если относительно жен вопросов нет (обе они упомянуты в издании о некрополях), то с определением места погребения Н. Е. Мясоедова поначалу возникли трудности. В метрических книгах не удалось отыскать запись о его кончине, и в изданиях о некрополях его имя почему-то

ⁱ Напомним, что в первой главе рассказывалось о домовом храме в имении Спасское (Леоново).

ⁱⁱ Адрес московского дома в деле не указан. Но учитывая, что городская усадьба на ул. Б. Дмитровка к тому времени была уже продана, но, наверное, речь шла о другом владении Мясоедова в Яузской части № 132.

оказалось опущено. И все же в архиве ЦГАМ был найден подтверждающий исторический документ: в одной из книг для записи сумм, вносимых в Донской монастырь, обнаружена запись о поступлении 800 руб. за погребение тела Н. Е. Мясоедова¹³¹. Увы, ни одна из могил (ни его самого, ни его жен) не сохранилась.

Как удалось установить, Николай Ефимович оказался причастен к появлению двух Божьих домов (это помимо тех домовых церквей, о которых только что говорилось). В Тверских епархиальных ведомостях была напечатана заметка, в которой говорилось, что в погосте Каменка в 1803 г. была построена каменная церковь с колокольной «на средства помещика тайн. сов. Н. Е. Мясоедова»¹³². Еще один храм был сооружен уже после его кончины. Как написано на одном из сайтов, в с. Кутепова Калужской губернии «Каменное здание на месте деревянного, согласно Клировым книгам, построено в 1826 г. помещиком Николаем Ефимовичем Мясоедовым в знак воинской доблести защитников России в войне 1812 г.»¹³³. Таким образом, Николая Ефимовича с полным основанием можно называть храмосдателем.

Завещание Николая Ефимовича Мясоедова

Бывший дергайковский помещик оставил завещание. Полный текст этого документа найти не удалось, но довольно большие выдержки из него приведены в деле о дворянской опеке, которое было заведено вскоре после его смерти. К рассмотрению этого дела и перейдем.

В своем завещании Николай Ефимович распорядился, чтобы все приобретенные им имения были проданы и пошли на погашение его казенных и «*партикулярных*» (т.е. частных) долгов.

В составленную после кончины помещика опись «*движимаго имуществва*» были внесены: иконы (более 50 образов), золотые часы, табакерки, медальоны, серьги, различная посуда (серебряная, бронзовая, хрустальная), много одежды, зеркала, люстры, книги и т.д. Поражает количество дорогостоящих предметов – свыше полутысячи! И это у человека, у которого не было большой семьи. Как уже говорилось, Николай Ефимович занимал высокие государственные должности с хорошими окладами. Поэтому он имел возможность покупать дорогие вещи и недвижимость. Можно также предположить, что некоторые предметы были подарками (а может, и взятками – кто знает).

Указанное архивное дело об опеке наследства Н. Е. Мясоедова оказалось довольно объемным. Его изучение выявило массу новой, порой неожиданной информации. И в то же время породило несколько вопросов.

Почему-то в деле ни разу не встретилось имя Павла – сына Николая Ефимовича. Из этого, правда, не следует вывод, что он ничего не получил из наследства, на которое имел полное право как законный наследник. И все-таки, отсутствие упоминания сына выглядит довольно странным (хотя, возможно, в полном тексте завещания его имя есть).

Однако самая большая неожиданность в указанном деле крылась в другом. Довольно много в тексте завещания говорится о некоем малолетнем воспитаннике Николае Николаевиче Сердобском. Это был, как написано в деле об опеке, незаконнорожденный сын Марии Андреевны Подобедовой. Николай Ефимович в своем завещании повелел, чтобы дом № 132 в Яузской части Москвы был передан матери воспитанника. И еще упомянул, что если после продажи благоприобретенных имений и погашения всех долгов останется какая-то сумма, то ее следует перевести в опекунский совет на счет упомянутого воспитанника Николая Сердобского.

Надо сказать, что с этим не согласились другие наследники, племянники Николая Ефимовича, братья Николай Иванович и Сергей Иванович Мясоедовы. Они подали жалобу, оспорили волю завещателя, заявив, что «*Мать Сердобского была крепостной девкой дяди и не надлежит награждению недвижимостью*». Информация – «*была крепостной девкой*» – нашла подтверждение в ревизской сказке, в которой о Подобедовой сказано, что в 1814 г. она была отпущена на волю покойной женой Николая Ефимовича Марией Алексеевной. Там же отмечено, что «*жительство имеет в Яузской части [...] в доме Сенатора Мясоедова*»¹³⁴.

Что это был за воспитанник, которому уделено столько внимания в завещании? Несмотря на то, что не удалось отыскать запись о рождении Коли Сердобского или каких-либо иных прямых документов (например, свидетельство об усыновлении), почти нет сомнений, что отцом этого незаконнорожденного мальчика был Николай Ефимович. Отчество Николаевич это косвенно подтверждает. Да и проживание отпущенной на волю матери мальчика в доме Мясоедова в Яузской

части тоже о чем-то говорит. Как и то, что ордена Николая Ефимовича после смерти оказались у Подобедовой (она их потом отдала). Все это наводит на предположение, что сенатор последние годы своей жизни жил в доме № 132 вместе с любовницей Марией Андреевной.

Но вернемся к жалобе племянников, претендовавших на наследство. Их жалоба была подробно рассмотрена, приведены ссылки на закон, который был на их стороне. К сожалению, в деле не сказано, чем все закончилось. Однако по косвенным свидетельствам можно судить, что у М. А. Подобедовой все же остался дом Н. Е. Мясоедова, который был ей завещан.

О жизни Марии Андреевны удалось лишь узнать, что по данным ревизской сказки в 1838 г. она числилась в купеческом сословии (до этого была мещанкой)¹³⁵. Купчихой оставалась и в 1853 г.

Сын Павел Николаевич Мясоедов

Теперь поговорим о детях сенатора. Ранее говорилось, что в браке с Аграфеной Сергеевной родилось два сына: **Николай** (1781) и Павел (1799). О первом сыне, кроме метрической записи о рождении, никаких данных нет, что наводило на предположения о его ранней смерти в детстве или, что это был приемный ребенок. Однако в одном из документов имеются такие слова Павла: *«Имения за мною и за братом моим ныне ещё никакого нет»*. Возможно, имелся в виду брат Николай.

О **Павле** Николаевиче Мясоедове информации оказалось много благодаря его давнему знакомству со знаменитым поэтом А. С. Пушкиным во время учебы в Царскосельском лицее¹.

В интернете была обнаружена интересная публикация: *«Лицейсты – друзья и одноклассники А.С. Пушкина. Павел Николаевич Мясоедов»*. Далее будут приводиться цитаты в основном из нее: *«Павел Мясоедов родился в 1799 году, в семье Николая Ефимовича Мясоедова, ко времени рождения сына – директора Главной Соляной конторы и сенатора Российской империи. Точная дата и место рождения Павла Мясоедова не установлены»*¹³⁶.

Здесь хотелось бы прервать цитирование и обратить внимание на дату – 1799. Если верен год появления на свет Аграфены Сергеевны 1750-й, то это означает, что она родила сына в 49 лет. Редкий случай, который навеивает на мысль, что где-то могла закрасться ошибка: то ли в годе рождения сына, то в возрасте его матери. Увы, метрическую запись о рождении Паши найти не удалось.

Продолжим цитирование источника: *«До 12 лет мальчик обучался в Москве в частном пансионе, летом родители отвозили мальчика в подмосковную деревню Сивково (ныне на территории Одинцовского района Московской области), где Николай Ефимович Мясоедов выстроил деревянный господский дом на берегу реки Бутыньки»*.

В 1811 г. в Царском Селе под Петербургом был открыт лицей – привилегированное высшее учебное заведение для детей титулованных дворян Российской империи. Отец мальчика Николай Ефимович занимал высокую должность в столице, был сенатором. У него были все возможности направить своего сына в открывшийся лицей. При поступлении был конкурс, Павел его выдержал. Однако потом возникли трудности: в учебе Мясоедов не блистал успехами, прочно занимая по успеваемости среди учеников последнее место. Вот какую характеристику дал ему первый директор лицея: *«Мясоедов (Павел), 13-ти лет. Способности его весьма ограничены; слабого понятия, слабой памяти, самолюбив, докучлив, пылок; несмотря на то, он с трудом удостоверился в своих недостатках; теперь чем более познает их, тем более теряет самолюбия, и тем более старается награждать слабые свои способности прилежанием, покорностью и усердием»*.

У лицейстов Павел был объектом постоянных насмешек за свои неуспехи в учебе; это нашло отражение в прозвищах: Поль, Глупой, Глупон, Мясожоров, Мясин, Осло-Домясов. Он был любимым персонажем лицейских эпиграмм, рассказов и стихотворений, являлся источником вдохновения для воспитанников, упражнявшихся в шаржах и карикатурах. Староста лицея Яковлев, имевший хороший музыкальный слух и голос, смешно передразнивал Мясоедова, пародируя его голос и манеру разговаривать. Реагируя на все это, Павел быстро впадал в гнев и сильно раздражался.

Прошли шесть лет учебы, и в 1817 г. состоялся первый выпуск лицея. Среди выпускников оказалось много лиц, ставших позднее известными людьми в стране: это поэты А. С. Пушкин и А. А. Дельвиг, дипломаты А. М. Горчаков и С. Г. Ломоносов, высокопоставленные чиновники, военные.

¹ Тут стоит напомнить о другом близком знакомом поэта. Ранее рассказывалось о Павле Воиновиче Нащокине, который *«учился в Благородном пансионе при Царскосельском лицее, где и познакомился с А. С. Пушкиным»*. Можно предположить, что Павел Мясоедов был знаком и с Павлом Нащокиным.

Оказались и два декабриста – В. К. Кюхельбекер и И. И. Пущин, которые позднее были сосланы в Сибирь. Павел Николаевич не участвовал в заговоре декабристов и потому не был наказан.

«Мечтая о военной карьере, Мясоедов был направлен в Оренбургский уланский полк корнетом. Однако долго в армии он не прослужил, выйдя в 1818 году в отставку по болезни. В 1821 году он снова поступил на военную службу прапорщиком в Гродненский гусарский полк, а в 1823 году опять вышел в отставку по болезни. Директор лицея Е. А. Энгельгардт писал Матюшкину: “Мясоедов дурачится и глупит, как и прежде; вскоре после пожалования его в офицеры поссорился и подрался с каким-то писарем, за что просидел под арестом две недели. Разумеется, что Мясоедов не иначе дерётся, как кулаками”. Выйдя в отставку поручиком в 1824 г., “Поль” женился на дочери богатого тульского помещика Н. Мансуровой».

Как написано на одном из сайтов, супруга Надежда Алексеевна Мансурова была внебрачной дочерью богатого тульского землевладельца Алексея Сергеевича Мансурова и принесла в семью богатое приданое. К сказанному хотелось бы еще добавить:

«Старшая сестра жены Мясоедова Анна вышла замуж за Александра Дмитриевича Загряжского, родственника по материнской линии жены А. С. Пушкина Натальи Гончаровой (чья мать – урожденная Загряжская). Таким образом, соученики по Лицею породнились через своих жен».

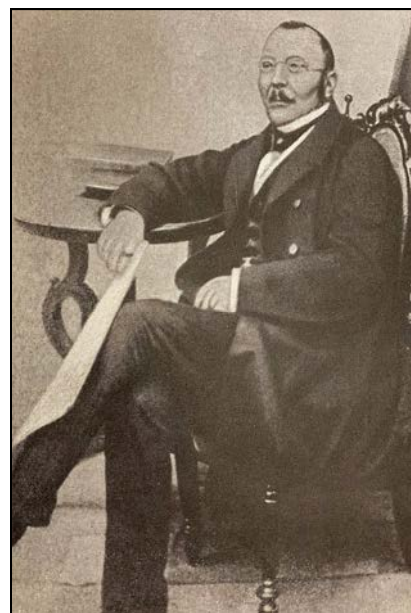
После женитьбы П. Н. Мясоедов некоторое время служил в ведомстве Министерства юстиции, а затем ушел с гражданской службы и поселился с семьей у родственников в с. Мясоедово, находившемся недалеко от Тулы. «Имение Мясоедово, однако, долго не попадало в собственность Павла Николаевича. В формулярном списке 1828 года он писал: “Имена за мною и за братом моим ныне ещё никакого нет”. В 1829 году село Мясоедово, за которым числилось 119 “душ мужеска пола” все еще принадлежало отставному прапорщику Ефграфу Пименовичу Мясоедову, двоюродному деду Павла, который умер в 1848 году, не оставив потомства. Только тогда Павел Мясоедов стал хозяином собственного имения».

А вот имений отца Николая Ефимовича в документах Павла никаких не обнаружено. Неужели родитель действительно обошел его в своем завещании? Но почему? Между отцом и сыном произошла серьезная ссора? Если она была – то это многое бы объяснило. И хотя никаких упоминаний о ссорах и конфликтах в семье Мясоедовых в документах не обнаружено, чувствуется, что в биографии Павла Николаевича, в его отношениях с отцом осталась какая-то тайна.

Зато можно уверенно говорить о том, что П. Н. Мясоедов не затаил обиды на товарищей по учебе, которые над ним подшучивали в лицее. Напротив, сокурсники подчеркивали доброту П. Н. Мясоедова. Один из них рассказывал, что Павел Николаевич «поставил себе за долг всех через сей город [Тулу] проезжающих лицейских [товарищей] у заставы встречать шампанским». Он помнил и друзей-декабристов, сосланных на каторгу. Так послал теплое письмо в Читку И. И. Пущину, что было достаточно смелым поступком. В 1836 г. стал главным инициатором и организатором встречи выпускников на 25-летие Царскосельского лицея. Благодаря его усилиям в Петербург смогли выбраться 11 лицеистов (в живых к тому времени осталось 22 ученика первого выпуска, двое из них находились в сибирской ссылке). На встречу приехал и знаменитый поэт. «Это был последний День Лицея в жизни Пушкина, скончавшегося 29 января 1837 года после дуэли с Дантесом».

В завершение хотелось бы отметить, что большую часть жизни Павел Николаевич провел в своем имении Мясоедово, стал отцом семерых детей (см. древо из 2–20). А умер в Петербурге 3 ноября 1868 г.¹³⁸, похороны состоялись на Смоленском кладбище (могила не сохранилась).

Жив ли кто-то из потомков дергайковского помещика Николая Ефимовича – сведений нет.

Изо 2–22. П. Н. Мясоедов¹³⁷.

Глава 3. Владельцы сельца Дергайково XIX столетия

В предыдущей главе приводилась цитата из архивного дела, в которой говорилось о смене в 1793 г. хозяина сц. Дергайково. Эта информация продублирована в газетной публикации: «от Подпорутчика Александра Иванова сына Татаринаова явлена купчая, данная ему [1]793 года Сентября 27 дня Секунд-Маиора Петра Гаврилова сына Кантуева [Канищева – Авт.] от дочери, девицы Марьи на проданное ею недвижимое, Воскресенской округи в сельце **Дергайкове** имение с угодьи, да людей и крестьян 25 душ, за 10000 рублей»¹. В архиве обнаружена и сама купчая, в ней приведена та же самая информация², только имя и фамилия продавца указано верно – Марья, дочь Канищева.

Проведенное исследование показало, что новый хозяин А. И. Татаринов не был в родстве с прежними владельцами сельца. Тогда кем он был, из какого рода?

1793 – 1839: Татариновы

«Щит разделен горизонтально на две части, из коих в верхней в серебряном поле изображен Ездок скачущий на Лошади в правую сторону, у которого в руке находится Копье остроконечием вверх поднятое. В нижней части в голубом поле видна разогнутая серебряная Книга. Щит увенчан обыкновенным Дворянским Шлемом с тремя Страусовыми перьями. Намет на щите голубой, подложенный серебром»³.

Изо 3–01. Герб одного из родов Татариновых.

В отличие от ряда предыдущих дергаайковских помещиков, подпоручик Александр Иванович Татаринов не принадлежал к старинному или знатному дворянскому роду. Как далее будет показано, он был причислен к благородному сословию благодаря своей службе в армии.

В ходе работы над книгой было установлено, что деда дергайковского помещика звали **Семен Осипович Татаринов**, а бабушку – **Пелагея Ивановна** (см. древо изо 3–03). В ревизской сказке 1743 г. показано, что Семену 51 год, в его семье имелись дети: Петр (17 лет) и Иван (3)⁴. А еще один сын Алексей помечен умершим. По исповедной ведомости установлено, что у Татариновых имелась и дочь, ее звали Пелагея⁵. Там же отмечено, что Семен Осипович был московским купцом первой гильдии и имел своих крепостных.

Отец дергайковского помещика Иван Семенович Татаринов

Младший сын Семена, Иван, пошел по стопам отца. В ревизской сказке 1773 г. показан купец первой гильдии «**Иван Семенов сын Татаринов**»⁶ (1741 – † 1800), который был женат на Анне Андреевне (урожд. Струковой), дочери купца первой гильдии Андрея Ивановича Струкова. Имя тещи Ивана удалось узнать из другой ревизской сказки, в которой отмечено, что А. И. Струков был женат на Анне Ивановне, дочери серпуховского купца Ивана Яковлевича Остапова⁷. В семье Остаповых помимо Анны была еще одна дочь – Наталья.

Иван Семенович Татаринов проживал в Москве в своем доме «в приходе Церкви Всемиловитоваго Спаса, что на Песке за Петровскими воротами». В браке с Анной Андреевной родились двое детей: Елена и Семен. Увы, оба не дожили до взрослых лет. Рано скончалась и их мать.

Став вдовцом, И. С. Татаринов через какое-то время женился вторично. Об этом стало известно из ревизской сказки 1782 г., в которой сказано, что **Вера Дмитриевна Богомолова** «отдана в замужество за московскаго купца Напрудной Слободы Ивана Семенова сна [сына] Татаринова»⁸. Во втором браке родился Александр, который и стал впоследствии владельцем сц. Дергайково.

О происхождении второй супруги удалось узнать следующее: отца звали **Дмитрий Андреевич Богомолов**, он был купцом первой гильдии, был женат на **Дарье Ивановне**. В семье родилось три дочери: Анна, Елизавета и Вера⁹. Потом мать девочек умерла, и Дмитрий Андреевич женился второй раз на **Анне Ивановне**¹⁰.

Таким образом, установлены имена ближайших предков дергайковского помещика **Александра Ивановича Татарина**. Родителей звали **Иван Семенович Татарин** и **Вера Дмитриевна** (урожд. **Богомолова**). Деда и бабушку по женской линии – **Дмитрий Андреевич Богомолов** и **Дарья Ивановна**. Соответственно, дед и бабушка по мужской линии – **Семен Осипович Татарин** и **Пелагея Ивановна**.

В одной из ревизских сказок **И. С. Татарин** назван: «*публичной нотариус*». А в другом документе встретились слова о «*вексельной конторе у Ивана Татарина*»¹¹. Прежде не доводилось сталкиваться с подобным. В интернете нашлось разъяснение: «*11 января 1725 года определением Правительствующего Сената был назначен первый публичный нотариус Крестриан Корнилиус. Утвержденный 16 мая 1729 года Вексельный Устав впервые в законе упоминал должность публичного нотариуса и установил его обязанности по протесту векселей в неплатеже и неприеме. [...] Публичные нотариусы находились в ведении двух органов: Коммерц-Коллегии и Главного Магистрата, которые назначали их на должность, выдавали им печати и шнуровые книги. Какого-либо общего положения о публичных нотариусах не существовало*»¹².

В архиве ЦГАМ сохранились дела, в которых рассматривались претензии по векселям должников, в них упоминалось имя нотариуса **Ивана Татарина**. Удалось установить, что до 1786 г. он служил ратманом¹ в Московском магистрате¹³. По всей видимости, за исполнение этих должностей **Иван Семенович** получил чин: в документе 1789 г. он показан титулярным советником. А в записи о его кончине указан следующий (8-й) чин в Табели о рангах – коллежского асессора. Когда его получил – осталось неизвестно.

Шелковая фабрика **Ивана Семеновича Татарина**

Есть основания полагать, что нотариальная деятельность не была основным занятием **Ивана Семеновича**. Главным его делом была шелковая фабрика в Москве, которой он владел. Она находилась в окрестностях Колобовского пер. (это между нынешними ул. Петровка и Цветным бул.).

В одном из современных путеводителей написано, что фабрика была открыта в 1738 г.:

«*по указу Камерц-конторы московским первой гильдии купцом Ильёю Красноселовым*». К концу XVIII в. фабрика перешла к **И. С. Татарину** и располагалась «*в каменных и деревянных покоех*». Рядом с этой большой усадьбой находилась еще большая – ее площадь составляла почти 5 гектаров! У края усадьбы, ближе к участку **Татарина**, стоял двухэтажный каменный усадебный дом, окруженный хозяйственными постройками, южнее – огромная, длиной почти 150 м, каменная оранжерея, и недалеко от берега Неглинной, примерно там, где сейчас находятся цирк и кинотеатр «*Мир*», был большой пруд. Главный дом усадьбы сохранился, в нем ранее располагалась Сretenская полицейская часть. Дом был построен к 1780 г. «*регулярною фасадою*» московским купцом **А. А. Скорняковым**»¹⁴.

Какое-то время шелковая фабрика была совместным владением **Ивана Семеновича Татарина** и упомянутого купца **Алексея Архиповича Скорнякова**. А в 1774 г., как следует из архивного дела, единоличным владельцем предприятия уже был **И. С. Татарин**¹⁵.

Сохранилось описание строений шелковой фабрики, составленное в советские годы: «*Многokратно перестраивавшееся П-образное в плане здание. Стены первого этажа возведены еще в перв. пол. XVIII в. Существующий облик относится к эпохе ампира. [...] Боковые крылья дома, обращенные в сторону улицы крупными, грубо выполненными ордерными композициями, по видимому, переделывались позже. С этой стороны сохранился остаток интересной глухой каменной ограды участка с полуциркульными нишами между пилястрами*»¹⁶.

На шелковой фабрике было установлено 60 станков¹⁷. Удалось установить имя одного из приказчиков – **Клим Васильевич Веревкин**. Достоверных сведений о судьбе фабрики найти не удалось, последнее найденное о ней упоминание датировано 1828 г.

¹ Ратман – это должностное лицо в органах местного самоуправления. В конце XVIII в. в Московском магистрате, согласно регламенту, находилось до шести ратманов (интернет).

Долгое время И. С. Татаринов оставался купцом первой гильдии, в 1775 г. объявил свой капитал в размере 3.000 руб.¹⁸. С годами пошел «на понижение». В ревизской сказке 1795 г. показан купцом второй гильдии Напрудной слободы Москвы, проживающим в своем доме¹⁹. А спустя четыре года Иван Семенович перешел в московские мещане. Как это все объяснить? Дела пошли хуже, возникли финансовые трудности? А может, просто к концу жизни сил и предпринимательского запала стало меньше, одолевали болезни? Достоверного ответа, увы, не знаем.

Отметим, что недолго И. С. Татаринов оставался мещанином. В метрической книге за 1800 г. обнаружена запись о его кончине: «Умре скоропостижно коллежской ассесор Иван Семенов Татаринов без покаяния марта 22 дня, коему отроду было 58 лет»²⁰. Надо сказать, что такая кончина «без покаяния» была достаточно редкой в то время. В Российской империи люди в массе своей были православными и старались перед смертью исповедаться и причаститься у священника. Татаринов не смог этого сделать, очевидно, в силу внезапной кончины. Похороны состоялись в Москве в Покровском монастыре. Там же была похоронена и его мать Пелагея Ивановна. Их могилы не сохранились, монастырский некрополь был утрачен в советские годы.

Молодые годы дергайковского помещика Александра Ивановича Татаринова

Перейдем теперь к сыну владельца шелковой фабрики – **Александру Ивановичу Татаринову** («М», ок. 1777 – † 1848), которому свыше четверти века принадлежало сц. Дергайково.

Он оказался единственным выжившим ребенком в двух браках Ивана Семеновича. По какой-то причине Александр не пошел по стопам отца: то ли ему не нравилось купеческое дело, то ли коммерческие дела отца в конце жизни стали столь неважными, что и передавать было нечего.

Точная дата появления на свет Саши не установлена, т.к. не удалось найти метрическую запись о рождении. Примерный год появления на свет рассчитан по исповедной ведомости, в которой он показан трехлетним в составе семьи своего отца И. С. Татаринова²¹. О детстве мальчика информации нет. Но, очевидно, где-то научился грамоте (почерк у него был хороший).

Согласно делу о дворянстве, о котором далее пойдет речь, на военную службу Александр поступил в 1787 г. Был зачислен в «Екатерино-Славский егерский корпус» в 4-й батальон сержантом. Этот корпус просуществовал недолго, но успел отличиться в боевых действиях. По данным «Википедии»: «Екатеринославский егерский корпус принимал участие в кампании 1787–1792 годов против турок, причём отличился при штурмах Очакова и Измаила, и Закубанских походах». Участвовал ли в этих сражениях молодой сержант – нигде не сказано (сведений о наличии у него боевых наград нет). Возникло подозрение: а был ли он вообще на армейской службе? Мог просто числиться в списке воинской части. Сомнения эти возникли из-за его возраста. Если в датах нет ошибки, то Иван стал сержантом в десять лет!

Недолго А. И. Татаринов оставался военным: в декабре 1792 г. он уволился из армии в чине подпоручика. И уже в следующем году приобрел имение **Дергайково** в Воскресенском уезде с 26 душами м.п. и 25 ж.п.²². Очевидно, это были купеческие деньги его отца. А откуда взяться средствам у Александра? В то время он был совсем молодым и холостым, в армии находился на низших должностях. Да и сведений о получении им богатого наследства нет.

В пользу того, что деньги на покупку имения были отцовские, говорит и то, что в одной из записей в метрической книге приходского храма с. Телепнево за 1793 г. хозяином Дергайково был записан его отец, Иван Семенович Татаринов. Но не стоит думать, что имение принадлежало родителю. Этот документ единственный, по всем другим источникам владельцем Дергайково числился А. И. Татаринов. Как уже говорилось, на него была оформлена купчая.

Причисление Александра Ивановича Татаринова к дворянскому сословию

В 1794 г., т.е. спустя год после покупки Дергайково, Александр Иванович подал прошение о причислении к дворянскому сословию. В архиве ЦГАМ сохранилось архивное дело, по которому можно проследить события, проходившие в то время.

В поданном в Московское дворянское собрание «Объявлении» Александр Иванович написал, что отец, Иван Семенович Татаринов, имеет чин титулярного советника²³. А сам он – «отставной армии подпоручик», имеет «об отставке Указ», приобрел недвижимость в Воскресенском уезде – имение Дергайково. В конце бумаги просил причислить к дворянскому сословию и внести свое имя в родословную книгу с выдачей соответствующей грамоты. Среди имеющихся в деле бумаг

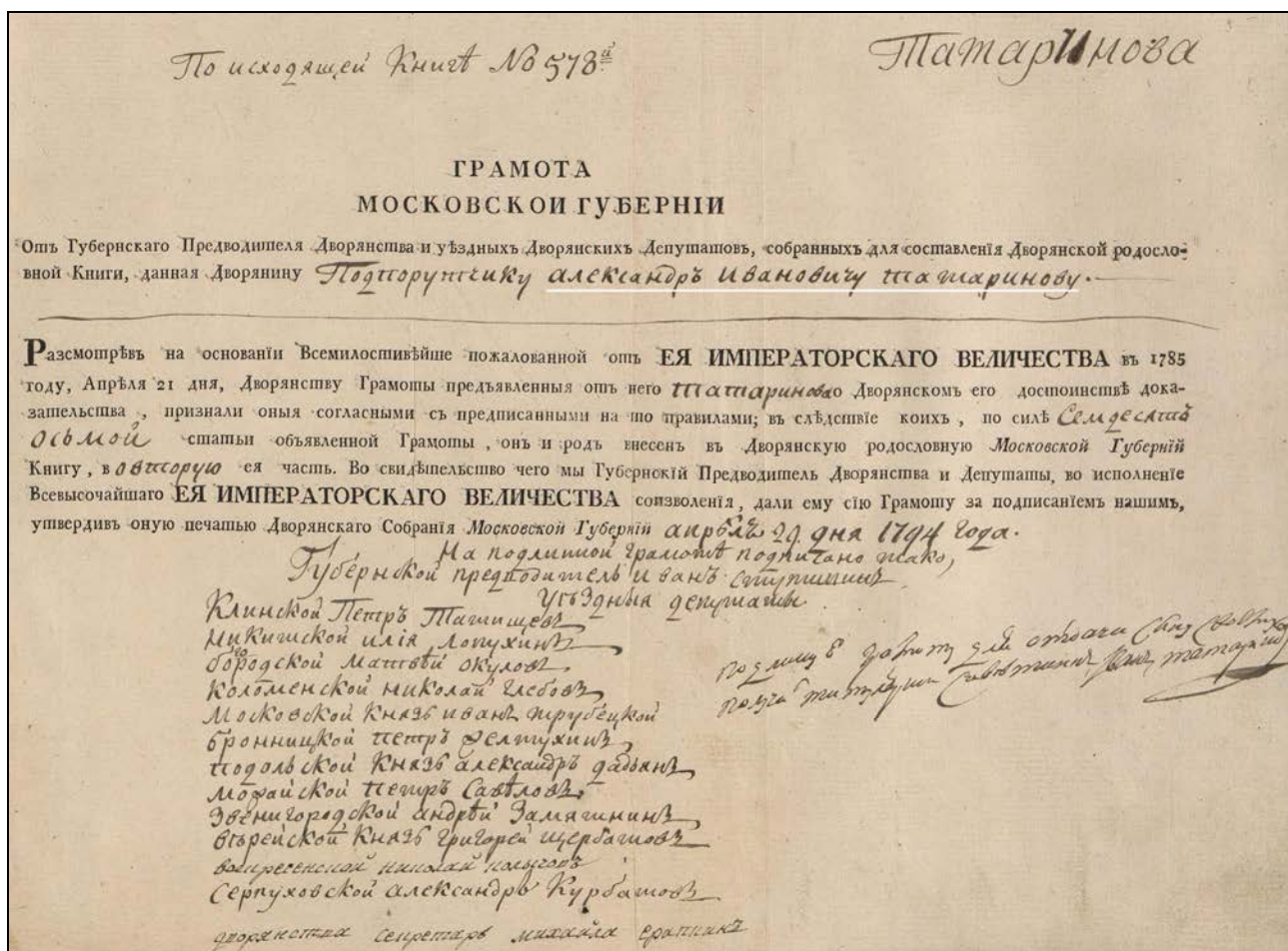
было заявление, которое подписали аж четыре генерала (интересно, как Александру удалось собрать все их подписи?) В этом заявлении было сказано, что Татаринов действительно служил сержантом в батальоне «надлежащим образом». И хотя проситель находился в невысоком офицерском звании (подпоручик – всего лишь 13-й чин в Табели о рангах), но по положению того времени это давало право на причисление к дворянскому сословию с занесением фамилии во вторую часть родословной книги, называемую «роды военного дворянства» (подробнее о книгах см. Приложение–1). В архивном деле оказалась грамота о дворянстве Татаринова, подписанная 29 апреля 1794 г.

Так Александр Иванович стал дворянином, возможно, первым в своем роду. Был ли у него свой дворянский герб? Об этом нигде не сказано. Скорее всего, не было, как у многих людей с подобной историей причисления к дворянству. Так что приведенный выше герб может и не иметь отношения к дергайковскому помещику, это герб других дворян с такой же фамилией.

На следующий год после причисления к дворянскому сословию А. И. Татаринов женился. Об этом свидетельствует запись в метрической книге за 1795 г.: «*понял за себя*¹ *Московского купца Афанасия Иванова Захарова дочь девицу Марфу Афанасьеву*»²⁴. Если дата рождения Александра верна, то получается, что венчание состоялось, когда ему было всего 18 лет. А невесте и того меньше – 15 лет или около того.

Вот так стремительно развивались события в жизни молодого человека. К 18 годам он успел отслужить в армии, купить имение, стать дворянином и жениться.

Послужного списка А. И. Татаринова найти не удалось. Да и вообще в тех архивных документах, где упоминается его имя, нигде не сказано о его службе (государственной или общественной). На протяжении всей своей жизни он подписывался: «*отставной подпоручик*». В некоторых других (не его) документах, правда, написано «*поручик*». Но, думается, у него этого звания не было, это просто сокращенное написание, а по сути – неточность, ошибка.

Изо 3–02. Грамота о причислении А. И. Татаринова к дворянскому сословию²⁵, 1794. ЦГАМ.

¹ Слова «*понял за себя*» в записях о венчании в метрических книгах следует понимать как «*взял в жены*».

Осталось загадкой, чем А. И. Татаринов в жизни занимался. Так и хочется написать, что ничем. Подобным образом, не состоя ни на какой службе, жили в то время многие помещики. Кто-то при этом занимался делами в своем имении. Но говорить об Александре Ивановиче как о бездельнике, наверное, было бы несправедливо. Во-первых, как далее будет показано, в его семье было много детей. На их воспитание, организацию обучения, несомненно, уходило немало времени. А, во-вторых, он покупал, продавал и закладывал недвижимость, таких сделок оказалось немало (о них еще погорим). И, судя по тому, что своим взрослым детям в наследство оставил несколько имений (которых прежде у него не было), хозяином Александр Иванович оказался неплохим.

Жена Марфа Афанасьевна из купеческого рода Захаровых

Поговорим теперь о супруге дергайковского помещика **Марфе Афанасьевне Захаровой** (“Н”, ок. 1780 – † ок. 1839). В 1821 г. Александр Иванович подарил ей часть своих владений, включая **сц. Дергайково** (об этом подробнее поговорим далее). Так она стала дергайковской помещицей.

В записи о бракосочетании Александра и Марфы отмечено, что отцом невесты был московский купец **Афанасий Иванович Захаров**. В ревизской сказке о нем говорится, что «*Прибыл в московское купечество по указу главного магистрата в [1]772-м году [...] кашинских купцов*»²⁶. Получается, что его корни в Тверской губернии?

Это самые ранние сведения об Афанасии. В Москве он, как написано в купеческой книге, занимался торговлей «*в ножевом ряду*»²⁷. Первое время собственного жилья не имел, жил на съемной квартире в районе Арбата. Указал свой купеческий капитал 2.000 руб. В другой купеческой книге за 1785 г. капитал Захарова уже составлял 3.000 руб. К этому времени появился собственный дом (двор) «*за Пречистенскими воротами в приходе Покрова в Левшине*»²⁸. А уже в следующем году А. И. Захаров объявил капитал 10.050 руб. В 1795 г. он числился купцом первой гильдии Кадашевской слободы с капиталом 16.010 руб.²⁹ Как видим, его дела шли в гору. Установлено имя матери купца, бабушки Марфы, – Мария Ивановна (фамилия не указана). А вот полное имя отца Афанасия Ивановича узнать не удалось.

К сожалению, пока не найдена запись о бракосочетании А. И. Захарова. Но имя его супруги установлено – Дарья Семеновна. Это теща дергайковского помещика. В упомянутой ранее ревизской сказке сказано, что она дочь московского купца Семена Ивановича Горского. Жену купца (мать Дарьи) звали Анна Петровна.

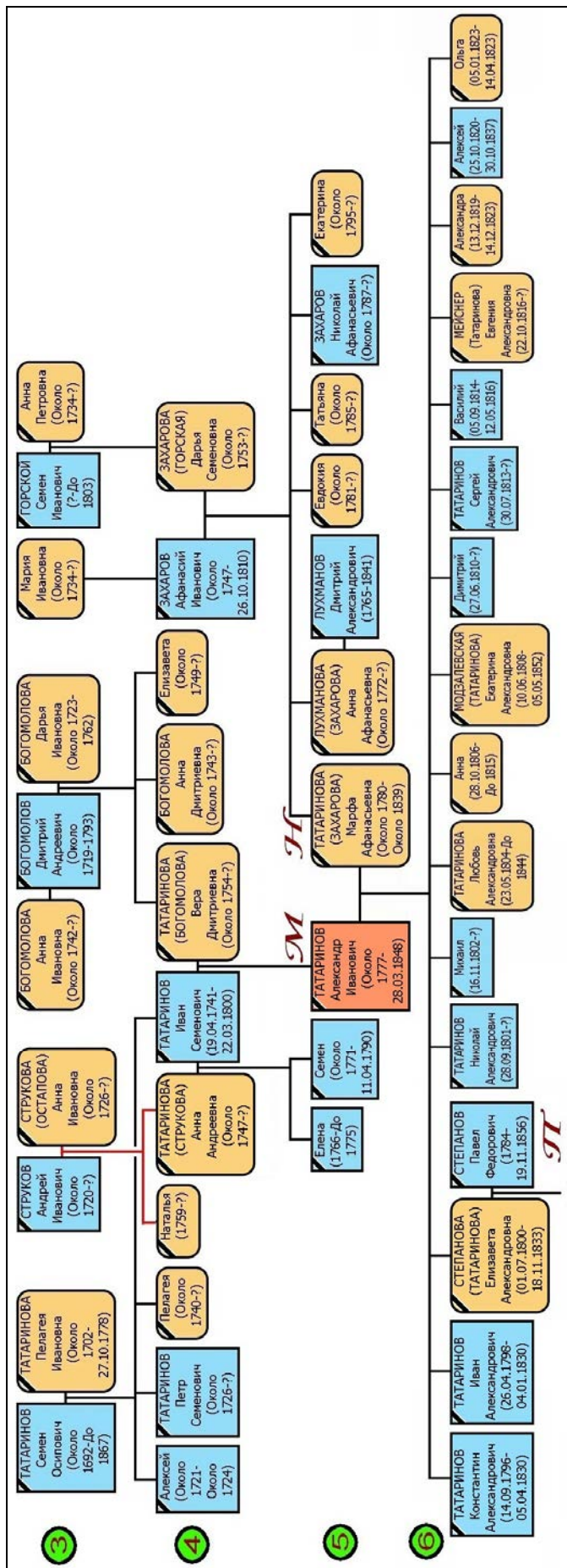
По исповедным ведомостям разных лет установлены имена детей в семье купца Афанасия Ивановича Захарова: Марфа, Анна, Евдокия, Татьяна, Николай, Екатерина³⁰. Одна из дочерей, Марфа, и стала женой дергайковского помещика А. И. Татаринова. Другая дочь Анна в 1813 г. вышла замуж за вдовца Дмитрия Александровича Лухманова³¹. Это оказалась известная личность, вот что о нем написано в “Википедии”: «*Владел книжной лавкой во флигеле дома Пащикова на Моховой улице в Москве. После 1812 года переехал на Большую Лубянку. В 1813 году купил картонные Рафаэля, принадлежавшие семейству Ягужинских; в 1814 году приобрёл у потомков дворянского рода Тепленевых бывшую царскую вотчину – подмосковное село Косино. Здесь рядом с существующим храмом, построенным в 1674 году, Лухманов возвел ещё две каменные церкви: летний храм во имя Успения Богородицы (1823) и зимний во имя Николая Чудотворца (1826, с колокольней)*».

Дети дергайковских помещиков Татариновых

Настала пора поговорить о детях Александра Ивановича и Марфы Афанасьевны Татариновых.

Спустя год после свадьбы, в сентябре 1796 г. у них родился первенец – мальчик Костя. В дальнейшем, с завидным постоянством, примерно через каждые два года (а иногда и чаще) в семье Татариновых происходило пополнение. Всего удалось установить имена 15 родившихся детей: Константин, Иван, Елизавета, Николай, Михаил, Любовь, Анна, Екатерина, Дмитрий, Сергей, Василий, Евгения, Александра, Алексей, Ольга³² (их даты появления на свет показаны в древе из 3–03). Итого восемь сыновей и семь дочерей. Некоторые из них прожили недолго.

В 1815 г. А. И. Татаринов обратился с прошением о причислении к дворянскому сословию своих детей (которых к тому времени оказалось десять), а спустя несколько лет – еще двух новорожденных ребят. С внесением отдельных детей в дворянскую родословную книгу возникли сложности. Оказалось, что в метрической записи о рождении дочери **Екатерины** не был вписан

Изо 3—03. Фрагмент родословного древа Татариновых (без потомков).

отец. В тексте о ее крещении указано: «родилась в доме Татаринова». В деле имеется бумага о признании Александром Ивановичем этой девочки своей законной дочерью. Но это еще не все. Много лет спустя (в 1855 г.), когда родителей уже не было в живых, один из сыновей дергайковского помещика, а именно Николай, заявил, что у него брата Сергея и сестры Екатерины никогда не было и в родстве с ними он не состоит³³. Очевидно, за таким заявлением скрыта какая-то семейная тайна. Можно предположить, что Сергей и Екатерина были незаконнорожденными или чужими (приемными) детьми, которых А. И. Татаринов взял на воспитание.

Теперь хотелось бы рассказать о судьбе потомства дергайковского помещика. К сожалению, сведений немного и далеко не обо всех детях есть сведения.

Дочь **Евгения** Александровна вышла замуж в 1847 г., супругом стал «Московской Полиции Пятницкой части квартальный Поручик Губернский Секретарь Антоний Иванов сын Мейснер, католического исповедания»³⁴.

Другая дочь **Екатерина** (та самая, которую Николай не признал своей сестрой) вышла замуж за дворянина Черниговской губернии Ивана Петровича Модзалевского, который в 1819 г. был переведен в канцелярию Московского военного генерал-губернатора. За хорошую службу супруг был награжден орденами. В ходе поисков стало известно о двух сыновьях в этой семье, которые рано умерли. Все члены семьи Модзалевских были похоронены в Новодевичьем монастыре.

В деле о дворянстве о сыне А. И. Татаринова, **Николае** Александровиче, сказано, что он учился в Московском университете, в 1822 г. поступил на службу в канцелярию Московского военного генерал-губернатора. Спустя девять лет ему был присвоен чин титулярного советника, последовало также награждение полугодовым жалованием.

Другой сын, **Сергей** (тот самый), был определен в ту же канцелярию. В 1831 г. ему была объявлена благодарность. Спустя пару лет он отправился в г. Вятку. Благодаря исповедной ведомости стало известно, что Сергей Александрович был женат на

Марии Алексеевне (девичья фамилия осталась неизвестной). Зять Сергея, Павел Федорович Степанов, когда составлял завещание, велел своим дочерям, Марии и Александре, выделять с доходов имения Казариново ежегодно 300 руб. их дяде Сергею Александровичу Татаринovu. В завещании не раскрыта причина такого решения, ответ нашелся в дневнике Елизаветы Васильевны Чередеевой: «Родители его [Сергея Александровича – Авт.] были очень богаты и он остался в живых один из сыновей, должен был быть наследником всего. Но зная это он еще при жизни своих родителей наделал множество долгов, которые мой дедушка [Павел Федорович Степанов] заплатил и за это получил все имение. По смерти дедушка предоставил это имение детям своим с тем, чтобы они платили ежегодно С.А. по 400 р. с. в год и поэтому они то делали какую-то бумагу»³⁵. Как видим, сумма указана другая, но сути это не меняет.

Судьбы сыновей **Константина** и **Ивана** оказались схожими. Это были старшие дети в семье, оба дослужились до чина титулярного советника, оба скончались в один год (1830) молодыми: первый прожил 34 года, а второй 32. И оба были похоронены в Москве на территории Донского монастыря. Родители установили им одинаковые памятники, они сохранились.

Татариновы решили сделать рядом с могилами сыновей Константина и Ивана семейный некрополь. В 1835 г. они сначала заплатили Донскому монастырю деньги за два места для своих будущих захоронений. Позднее оплатили еще пять мест для родственников. Каждое место стоило 200 руб. асс.³⁶. В последующие годы, помимо супругов Татариновых, здесь были похоронены дочери **Любовь** и **Елизавета**. Как далее будет показано, на монастырском кладбище были похоронены и некоторые другие родственники. Это супруг Елизаветы Александровны (урожд. Татариновой) Павел Федорович Степанов, а также его дочери Мария и Раиса. Далеко не все памятники дошли до наших дней. Кроме надгробий братьев Константина и Ивана, на семейном некрополе сохранился также памятник их сестры Елизаветы Александровны Степановой (на фото он слева). А вот надгробия родителей Татариновых, видимо, были утрачены.

Изо 3–04. Надгробия Е. А. Степановой и ее братьев К. А. и И. А. Татариновых на Донском кладбище, 2025.

Кроме надгробий братьев Константина и Ивана, на семейном некрополе сохранился также памятник их сестры Елизаветы Александровны Степановой (на фото он слева). А вот надгробия родителей Татариновых, видимо, были утрачены.

Увы, не удалось найти метрическую запись о кончине матери детей Марфы Афанасьевны. Поэтому точная дата ее смерти осталась неизвестной. Можно лишь говорить, что умерла она не позднее 1839 г. Это следует из записи, обнаруженной в архивном деле. В ней сказано, что в указанном году причту Крестовоздвиженской церкви с. Телепнева (напомним, в приход этого храма входило сц. Дергайково) поступило 285 руб. на поминавание Марфы Татариновой³⁷. На самом деле, величина вклада могла быть больше. Дело в том, что, судя по клировым ведомостям, примерно в это время в церковную кассу с. Телепнева был внесен «неприкосновенный капитал» в размере 1000 руб. (на него ежегодно начислялись проценты 40 руб., они шли на нужды храма)³⁸. Источник этих денег не указан, возможно, это был еще один вклад на поминавание Марфы Афанасьевны. А вот метрическая запись о смерти мужа Марфы Александра Ивановича Татарина была найдена. Дергайковский помещик умер 28 марта 1848 г. в своем доме «от водяной» болезни³⁹.

Вопрос о продолжении рода для большинства детей А. И. Татарина не изучался. В отношении же дочери дергайковского помещика Елизаветы Александровны Степановой и ее потомства разговор пойдет отдельный в следующих главах настоящей книги.

Владения супругов Татариновых и их детей

Теперь поговорим о недвижимости.

Ранее отмечалось, что Александр Иванович Татаринов после увольнения из армии в 1793 г. купил **сц. Дергайково**. Это было только начало, далее последовали другие сделки с недвижимостью. Более того, Дергайково оказалось далеко не самым крупным владением помещика. При этом возникает естественный вопрос: а на какие средства приобреталась дорогая недвижимость? (тогда еще не было отменено крепостное право, вместе с землей покупались и крестьяне, которые стоили порой не меньше земли). У самого Александра Ивановича значительных капиталов, по всей видимости, не было. А откуда им быть, ведь он нигде не служил. Отец его Иван Семенович Татаринов хоть и был купцом и владел шелковой фабрикой, но оставил ли богатое наследство сыну – большой вопрос. Остается вариант – средства жены Марфы, дочери богатого купца Афанасия Ивановича Захарова. Тот преуспевал и вполне мог помогать финансами с приобретением имений.

Информации о владениях А. И. Татаринова оказалось немало. Но это все разрозненные сведения, относящиеся к разным годам. К сожалению, общий список его владений не попадался. Поэтому в дальнейшем рассказе возможны пропуски. Какие-то сделки могли оказаться вне поля зрения.

В конце XVIII столетия составлялись описания уездов Московской губернии, так называемые «*Экономические примечания*». В архиве РГИА имеется дело с описанием Рузского уезда. В этом документе за Александром Ивановичем Татариновым оказались записаны пять владений. Первое – это «*Пустоши Чупрунцова, Белкова тож*», 57 дес. Второе – «*Сельцо Ивакино с деревней Кондратовой*», 572 дес. Третье – «*Деревня Коренки*», 173 дес. Четвертое – «*Пустошь Будаиха*». Пятое – «*Сельцо Дергайково с пустошами*», 163 дес.⁴⁰. Все бы ничего, но первые четыре владения принадлежали коллежскому советнику Александру Ивановичу Татаринову. И только пятое – подпоручику с тем же ФИО. По всем документам, наш помещик был в невысоком чине отставного подпоручика (иногда, как говорилось, писали «*поручик*»). Это 13-й чин в Табели о рангах. А коллежский советник – 6-й чин. Слишком большая разница. Да и наличие упомянутых четырех имений у нашего помещика другими документами не подтверждается. Напрашивается предположение, что в то время жил полный тезка с такими же ФИО. К сожалению, до конца в этом вопросе разобраться не удалось, т.к., несмотря на предпринятые усилия, дополнительной информации о тезке не нашлось.

В 1800 г. дергайковский помещик стал владеть в Богородском уезде с. «*Подъягодном, Сабурово тож*» с 30 душами, которое он приобрел у дворян Беловых⁴¹. По некоторым данным, это имение стало совместным владением супругов Татариновых. Оно потом не продавалось, а переходило по наследству детям, внукам, пока не оказалось у Маклаковых (об этом еще поговорим отдельно).

В архиве ОПИ ГИМ сохранилось дело, в котором сказано, что в 1807 г. князья Баратынские за 90.000 руб. асс. продали А. И. Татаринову имение во Владимирской губернии Ковровского уезда в составе сц. Емельяново и нескольких деревень с 382 душами⁴². В том же деле говорится, что в 1812 г. за 46.000 руб. асс. у прапорщика П. А. Хоненева была куплена дер. Дорофеево в Судогодском уезде и 175 душ. А в 1813 г. во все той же Владимирской губернии у В. А. Михайловой за 130.000 руб. асс. было приобретено еще одно имение с 210 душами.

В интернете обнаружен документ (со ссылкой на архивное дело РГИА), в котором приведен «*Список акционерам Российско-Американской компании, Санкт-Петербур*»⁴³. В составе акционеров, «*Право голоса имеющие*», под № 58 приведена фамилия А. И. Татаринова.

В архиве ЦГАМ найден документ, в котором сказано, что в 1810 г. Марфа Афанасьевна Татаринова взяла у своего мужа в долг 75.000 руб. серебром под залог имения в Каширском уезде⁴⁴. Спустя пять лет произошло все наоборот. Уже Александр Иванович одолжил у жены 50.000 руб. под залог имения Дорофеево в Судогодском уезде. В 1839 г. он вновь взял в долг деньги у супруги. На сей раз в закладной была записана сумма 70.000 руб. асс. сроком на год под залог дома в Сретенской части⁴⁵. Возможно, между супругами были и другие сделки.

Что на это сказать? Неужели в семье Татариновых были столь меркантильные отношения? Трудно дать однозначный ответ за недостатком информации. Но, скорее всего, все эти сделки между супругами были фиктивными ради достижения иных целей. Например, так в то время нередко поступали, чтобы избежать конфискации имущества при возможном банкротстве или не-

желательного дележа наследства с дальними родственниками после кончины владельца недвижимости. В таких случаях по закону в первую очередь удовлетворялись долговые обязательства. Вот и оформлялись бумаги о фиктивных долгах. Это стоило денег (за все сделки платилась пошлина). Но на это сознательно шли, чтобы не потерять в будущем имение или его значительную часть.

Ну а доказательством того, что отношения в семье Татариновых были нормальными, является тот факт, что в 1821 г. Александр Иванович подарил жене часть своих владений. В их число вошли с. Сабурово в Богородском уезде и **сц. Дергайково** в Звенигородском уезде, в них было 55 ревизских душ⁴⁶. Таким образом, с указанного года дергайковской помещицей стала Марфа Афанасьевна. В своем имении она не жила, но числилась его официальной владелицей. В подтверждение этого факта можно напомнить о деле подтопления лугов водой дергайковской плотинной, которое рассматривалось в первой главе. Там прямо сказано, что рассмотрение жалобы было завершено, когда владелицей Дергайково была уже Марфа Афанасьевна.

Но были и «настоящие» займы под залог недвижимости, когда деньги занимались на стороне. Так, в 1830 г. А. И. Татаринов заложил в Опекуном совете имение Емельяново⁴⁷. В 1843 г. он же одолжил у зятя П. Ф. Степанова на год 20.000 руб. под залог своего дома в Москве⁴⁸. В следующем году занял 2.000 руб. у дворянки А. И. Залюбовской⁴⁹. Со временем деньги занимались чаще. Видимо, финансовое положение Александра Ивановича постепенно ухудшалось.

Недвижимость супругов Татариновых (та, что не была продана) перешла по наследству их детям. Это подтверждает формулярный список сына **Сергея** Александровича. В нем в качестве собственности записан «родовой» каменный дом в Москве с деревянным флигелем. В совместном владении с братьями указаны имения во Владимирской губернии в Ковровском и Судогодском уездах с 213 душами⁵⁰. В том же деле говорится, что за другим сыном **Николаем** в тех же уездах записаны 420 и 380 душ. Помимо этого, у того имелись и иные владения: в Каширском уезде Тульской губернии 330, в Звенигородском уезде 17 и в Богородском уезде 30 душ.

Дочери **Екатерине** Александровне (в замужестве Модзалевской) достались владения в Тульской губернии. Осталось непонятно, то ли это было ее приданное, то ли родительское наследство. В Каширском уезде в с. Григорьевском с деревнями числилось 904 дес. и 268 душ⁵¹. Кроме того, у нее в Серпуховском уезде было 137 душ.

У дочери **Елизаветы** (в замужестве Степановой) оказалось имение во Владимирском уезде сц. Нестерково, 113 душ. Оно было приобретено отцом еще до 1811 г. (купчую найти не удалось).

Другая дочь, **Любовь** Александровна, имела дом в Москве и владения в Судогодском уезде дер. Дорофеево и др. Эту недвижимость она в 1842 г. заложила под 30.000 руб. сер. у мужа сестры, Павла Федоровича Степанова⁵². Вскоре Любовь скончалась, остался ее непогашенный долг. Поэтому в 1847 г. было наложено запрещение на операции с данным имением, в нем насчитывалось 216 душ⁵³. Судогодский уездный суд принял решение о продаже имения Дорофеево «*по просрочке*» долга. Однако продажа то ли была отложена, то ли вовсе отменена, и имение оказалось у П. Ф. Степанова «*во временном владении*».

Перед своей кончиной в 1839 г. Марфа Афанасьевна Татаринова передала в «*пожизненное владение*» все тому же Павлу Федоровичу Степанову (своему зятю) следующие владения: сц. Казариново с деревнями в Тульской губернии, с. Сабурово в Богородском уезде и сц. **Дергайково** в Звенигородском уезде⁵⁴. Во всех этих имениях насчитывалось 288 душ.

А в 1843 г. овдовевший А. И. Татаринов оформил на имя зятя П. Ф. Степанова дарственную на сц. Емельяново с деревнями в Ковровском уезде. Но это не был добровольный подарок. Дело в том, что Александр Иванович еще раньше оформил заем у зятя под залог этого имения с 295 душами⁵⁵. И не смог вовремя расплатиться. Вот и пришлось делать дарственную запись⁵⁶.

Поговорим теперь о недвижимости Татариновых в Москве. Следует отметить, что, несмотря на наличие загородных поместий, Александр Иванович и Марфа Афанасьевна предпочитали жить в первопрестольном граде. С имений они получали доход в виде продуктов питания, сена и дров. Все это перевозилось в город, что-то, может, продавалось.

В исторических документах можно встретить разные адреса проживания в Москве. Рассмотрим их в хронологическом порядке.

Самое раннее упоминание о жилье в городе относится к середине XVIII столетия. В ревизской сказке 1743 г.⁵⁷ и исповедке 1746 г. сказано, что Семен Осипович Татаринов (дед дергай-

ковского помещика) проживал в приходе Вознесенской церкви Варсонофьевского монастыря.

В исповедной ведомости Спасо-Преображенской церкви «на Песках, в Каретном Ряду» за 1767 г. приведен состав семьи Ивана Семеновича Татаринова⁵⁸ (сына Семена Осиповича). Заметим, что указанный храм находился недалеко от Варсонофьевского пер. С этого времени и на протяжении почти века (80 лет минимум) Татариновы оставались прихожанами упомянутой Преображенской церкви. Очевидно, именно здесь был крещен в 1777 г. (или около того) Александр, будущий дергайковский помещик. Здесь же его отпевали в 1848 г.

Но это все церковные приходы Татариновых. А вот с определением адреса их проживания оказалось не так просто. В справочнике Москвы за 1793 г. написано следующее: «Татаринова, Ивана Семеновича, Титулярного Советника, в приходе Спаса на Песках, в Медвежьем переулке, 2 квар., № 140»⁵⁹. Спустя два года Семен Татаринов в ревизской сказке о себе написал: «Жительство я имею в приходе церкви Спаса на Песках, что на Петровке своим домом и при оном имею шелковую фабрику»⁶⁰.

Идем дальше. В справочном издании 1818 г. указан другой адрес проживания подпоручика А. И. Татаринова: «Во 2 кварт., в Знаменском переулке»⁶¹. В документе, о котором уже говорилось (заем денег у жены в 1840 г.), приведен такой адрес: «Сретенской ч. 2-го кварт. под № бывшим 177, а ныне 196». А в «Адрес-календаре» Москвы за 1848 г. написано: «Срет. ч. в Знаменск. пер., соб. д.»⁶², что надо понимать как проживание в собственном доме в Знаменском пер. Сретенской части Москвы (по этому адресу помимо Александра Ивановича был записан и его сын Сергей Александрович). Подводя итог, отметим, что во всех случаях, кроме Медвежьего пер., очевидно, имелось в виду одно и то же место. Поговорим о нем подробнее.

В Московской топонимике сохранилось название «усадьба Татариновых», она же бывшая шелковая фабрика. В интернете встречаются такие адреса этой усадьбы: Большой Каретный пер. и Колобовский пер. Это нынешние названия, а прежние – Знаменский пер. и Большой Спасский пер. Здесь располагалась шелковая фабрика, которой владел родитель Иван Семенович Татаринов. Помимо промышленных зданий там находились и жилые помещения. В каком-то из них и жил Александр Иванович с семьей. Проживали и другие люди, жилье сдавалось в наем. До недавнего времени еще сохранялись несколько старых строений при бывшей фабрике. Однако, скорее всего, их теперь нет, т.к. нынешние городские власти их собирались снести в рамках программы реновации.

Вот что написано об этом уголке Москвы на одном из сайтов:

«В 1738 году здесь, во владении купца Ильи Красносельова, занимавшем почти весь квартал, была открыта шелковая фабрика. К 1780 году она перешла к титулярному советнику Ивану Татаринову. Фабрика находилась в южной части владения, а в северной располагалась усадьба хозяина с двухэтажным домом (Большой Каретный переулок, 4, стр. 4). После смерти Татаринова земельный участок достался его сыну [Александрю]. При нем, когда усадьба восстанавливалась после пожара 1812 года, на фабричном дворе и был построен флигель. В 1852 году флигель был реконструирован новым собственником. Теперь это было двухэтажное здание с каменным низом и деревянным верхом. В советский период дом был жилым. В конце XX века его довели до аварийного, полуразрушенного состояния: кровля и второй этаж обвалились, кирпичные стены разрушались. Дом был снесен летом 2023 года, на его месте появится офисно-деловой центр»⁶⁴.

Изо 3–05. «Большой Каретный переулок. Во дворе усадьбы Татариновых»⁶³, 1978.

1839 – 1884: Степановы

«Щит разделен с праваго верхнего к левому нижнему углу на два поля: серебряное и красное, из коих в верхней части изображены три голубые Полосы. На обоих сих полях стоит Лев, обращенный в левую сторону и держит передними Лапами две Полосы. Щит увенчан обыкновенным дворянским Шлемом с дворянскою на нем короною и тремя Страусовыми перьями. Намет на щите красной, подложенный серебром»⁶⁵.

Изо 3–06. Герб одного из родов Степановых.

В данной главе уже неоднократно упоминалась фамилия Степановых. Сообщалось, что дочь дергайковского помещика Елизавета Александровна Татаринова вышла замуж за Павла Федоровича Степанова. Говорилось, что сестра Елизаветы, Любовь Александровна, занимала деньги у П. Ф. Степанова. И что перед своей кончиной мать упомянутых сестер Марфа Афанасьевна передала в «пожизненное владение» зятю Павлу Федоровичу ряд поместий, в числе которых было сц. Дергайково. Случилось это в 1839 г., и с этого времени почти на полвека подмосковное имение стало принадлежать помещикам Степановым. Настала пора поговорить о новых владельцах **Дергайково**.

Дворянский род Степановых

Ситуация со Степановыми оказалась схожа с предыдущими помещиками Татариновыми. Новые владельцы не относились к известным родам. Типичные представители служивого дворянства (см. Приложение–1).

Информации о происхождении Степановых оказалось немного. На нескольких сайтах написано, что существовало несколько родов Степановых, приведены сведения о разных известных представителях этой дворянской фамилии. Но, увы, среди них не оказалось ни одного лица, связанного родственными связями с дергайковским помещиком.

Наиболее информативными источниками информации о происхождении оказались два архивных дела о дворянстве Степановых. Первое из них хранится в воронежском архиве ГАВО. Оно было заведено в 1791 г. по случаю причисления местного помещика Федора Ивановича Степанова к дворянскому сословию. Это отец дергайковского помещика. Второе дело 1833 г. хранится в московском архиве ЦГАМ. В нем имеется прошение сына Федора Ивановича, Павла, о внесении его семьи в дворянскую книгу Московской губернии⁶⁶.

В этих документах указаны имена прадеда и деда дергайковского помещика, их звали: Степан Васильевич и **Иван Степанович Степановы** соответственно. В деле ГАВО написано, что они «вели благородную жизнь и состояние. И службу с дворянским названием сходственную»⁶⁷. И больше никакой информации не приведено. Ни лет их жизни, ни имен жен, ни количества детей мы не знаем. Написано, что был герб, но его изображения в делах нет. Вообще же разные дворяне Степановы имели свои гербы, и какой был у дергайковского помещика и его предков – доподлинно неизвестно. Возможно, это был тот самый герб, изображение которого приведено выше.

О родителе дергайковского помещика, **Федоре Ивановиче Степанове**, информации больше. В упомянутом деле приведены сведения из его «Аттестата», по сути, формулярного списка (ФС). Из этого документа следует, что Федор обучался в Воронежской семинарии, в 1775 г. поступил на службу в губернскую канцелярию «копиистом» (переписчиком документов). В следующем году он уже «подканцелярист» (низшая должность в канцелярии). В 1779 г. был присвоен чин: «губернский регистратор». В том же году было организовано Воронежское наместничество, и Федор перешел на работу в его канцелярию. Спустя семь лет он был переведен в Воронежский губернский магистрат, служил стряпчим.

Ф. И. Степанов был женат. Дата бракосочетания в документах не указана, но зато известно примерное время появления первенца в семье – мальчика Михаила – в 1782 г. или около того. Имя супруги и ее происхождение установлено из записи в аттестате Федора Ивановича: «*женат на священнической дочери Марьи Андреевой*»⁶⁸. Фамилия жены не приведена, может, ее и не было.

В 1785 г. Правительствующий Сенат издал указ о присвоении Ф. И. Степанову чина титулярного советника, равнозначного «*ранга сухопутного капитана*» (8-й в Табели о рангах). Это произошло благодаря ходатайству генерал-губернатора Воронежского наместничества В. А. Черткова, у которого он служил. Начальник написал, что Степанов характеризуется: «*отличным ревностным трудолюбием, усердием и [...] поведение добропорядочное*». Этот чин давал право на личное дворянство, чем Федор Иванович не преминул воспользоваться. Он собрал все необходимые документы, подтверждающие свое происхождение и достойную службу. При этом в качестве доказательства приложил свидетельство «*от дворян четырнадцати человек генералитета, штаб и обер офицеров*». Все сложилось удачно, и в том же году титулярный советник получил дворянскую грамоту.

В 1791 г. Ф. И. Степанов получил следующий чин коллежского асессора, который давал право на потомственное дворянство всем членам семьи. Он подал соответствующее прошение о причислении к дворянскому сословию своих родственников. В деле ГАВО написано, что к этому времени семья Степановых состояла из трех сыновей «*Михаила девяти, Павла трех лет и Даримедонта одного году*» и дочери Анны пяти лет (см. древо из 3–07). Прошение было удовлетворено, все дети оказались причислены к дворянскому сословию и внесены в первую часть родословной дворянской книги по Воронежской губернии. Федор Иванович заплатил в дворянскую казну пошлину 50 руб. (немалые деньги по тем временам).

В упомянутом деле ГАВО приведены также сведения об имущественном положении воронежского помещика Ф. И. Степанова. Он имел участок земли в бывшем г. Костенске¹, а также крепостных 7 м.п. и 8 ж.п. Как видим, к богатым его никак не отнесешь, таких называли «*мелкопоместными помещиками*». Поэтому, хочешь не хочешь, а надо было служить, зарабатывать средства на жизнь. В 1800 г. Федор Иванович перешел в Воронежскую уголовную палату.

В 1814 г. он направил губернскому предводителю дворянства прошение о двух своих сыновьях, Николае и Иване, которых хотел направить на учебу во Второй кадетский корпус, находившийся в столице империи. Написал, что «*имеет имение только в городе Воронеже, дворовых людей 18 душ, земли же не имеет, и притом обременен большим семейством – таковое отправление детей своих до Санктпетербурга на свой кошт сделать не в состоянии*»⁶⁹. В связи с этим просил оказать помощь. Откликнулся ли на этот призыв предводитель – данных нет.

К сожалению, полный состав семьи Ф. И. Степанова нигде не приведен, и осталось непонятно, насколько «*большим семейством*» он обладал. В том же деле ГАВО упоминались сыновья Тихон, Николай и Иван. В 1826 г. Федор Иванович хлопотал о внесении в дворянскую книгу сына Тихона, который был магистром Харьковского университета.

На этом исчерпываются сведения о предках Степановых. Однако в упомянутом деле ГАВО имеются и другие интересные сведения. В 1833 г. в депутатское дворянское собрание подал прошение сын Федора Ивановича «*Доримедонт*» (как только в бумагах не исказили его имя). В нем он просил причислить к дворянскому сословию свою жену, Анну Петровну (дочь воронежского купца Кривошеина), и пятерых детей: Ивана, Феодора, Николая, Елисавету и Юлию (в древе рода они не показаны). Позднее к ним добавился еще и Андрей. Прошение это было удовлетворено.

Через полтора десятка лет в результате проверки выяснилось, что Федор Иванович Степанов неверно был внесен в первую часть дворянской книги, которая подразумевала причисление к благородному сословию через пожалование императорским дипломом, гербом и печатью. С потомков Степановых из Герольдии стали спрашивать подтверждающие документы, которых у них не оказалось. Один из сыновей Доримедонта, Федор, на запрос ответил, что никто из них не может предоставить нужные доказательства, и потому они удовлетворены «*внесением нас в 3-ю часть родословной книги*», так называемого, служивого дворянства.

¹ «в 1779 году из-за своей худости и ненадобности город-крепость Костёнск, защищавший более ста лет рубежи Московского царства, по указу императрицы Екатерины Великой стал обычным селом Воронежского уезда» (интернет).

Дергайковский помещик Павел Федорович Степанов, жизнь в молодые годы

Теперь перейдем к **Павлу Федоровичу Степанову** (“П”, ок. 1784 – † 1856), еще одному сыну Федора Ивановича, ставшему дергайковским помещиком.

Его потомок Василий Алексеевич Маклаков писал в своих воспоминаниях: *«Дед моей матери был важный (штатский) генерал¹ Павел Степанов; его я никогда не видал и только смутно помню висевший у нас на стене его фамильный портрет. Его жена была рожденная Татаринова; по семейным преданиям, она была в каком-то родстве с известной Татариновой эпохи Александра I. [...] прадед П. Степанов и мой дед В. Чередеев были не только помещиками, но служилыми людьми и получали за эту службу содержание»*⁷⁰.

К сожалению, остались неизвестными ни точная дата, ни место рождения Павла Федоровича. По одним данным (с могильного памятника) он появился на свет в 1784 г., по другим – на год позже, а по третьим (из архивного дела о дворянстве) – и вовсе в 1788. Так или иначе, Павел родился в семье Федора Ивановича Степанова, и, наверняка, это случилось в Воронеже. Дальнейшие сведения о биографии взяты из его формулярного списка, обнаруженного в архивном деле ЦГАМ.

Павел учился в Воронежской семинарии, по ее окончании в 1799 г. поступил канцеляристом в казенную палату – туда же, где служил его отец. По данным ФС, в 1805 г. был назначен на службу к Воронежскому гражданскому губернатору. Прослужил там четыре года и перешел в *«Департамент Министерства Финансов»*⁷¹. Но уже через два месяца Павел Федорович был переведен *«к Финляндскому Гражданскому губернатору»* (надо полагать, в Хельсинки). Но и тут Степанов не задержался, менее чем через полгода уже служил у Рязанского гражданского губернатора. Здесь его труды были отмечены высокой наградой: *«за точное и ревностное выполнение должности, примерное поведение и отличные качества Всемилостивейше награжден орденом св. Владимира 4-й степени»*. Случилось это в 1813 г. Спустя два года Павел Федорович поступил в Департамент горных и соляных дел на должность столоначальника.

Жизнь в Москве

В 1816 г. П. Ф. Степанов был переведен в штат канцелярии Московского военного генерал-губернатора на должность экспедитора с присвоением чина титулярного советника. Так он оказался в Москве. Здесь остался до конца своей жизни, никуда больше не переезжал.

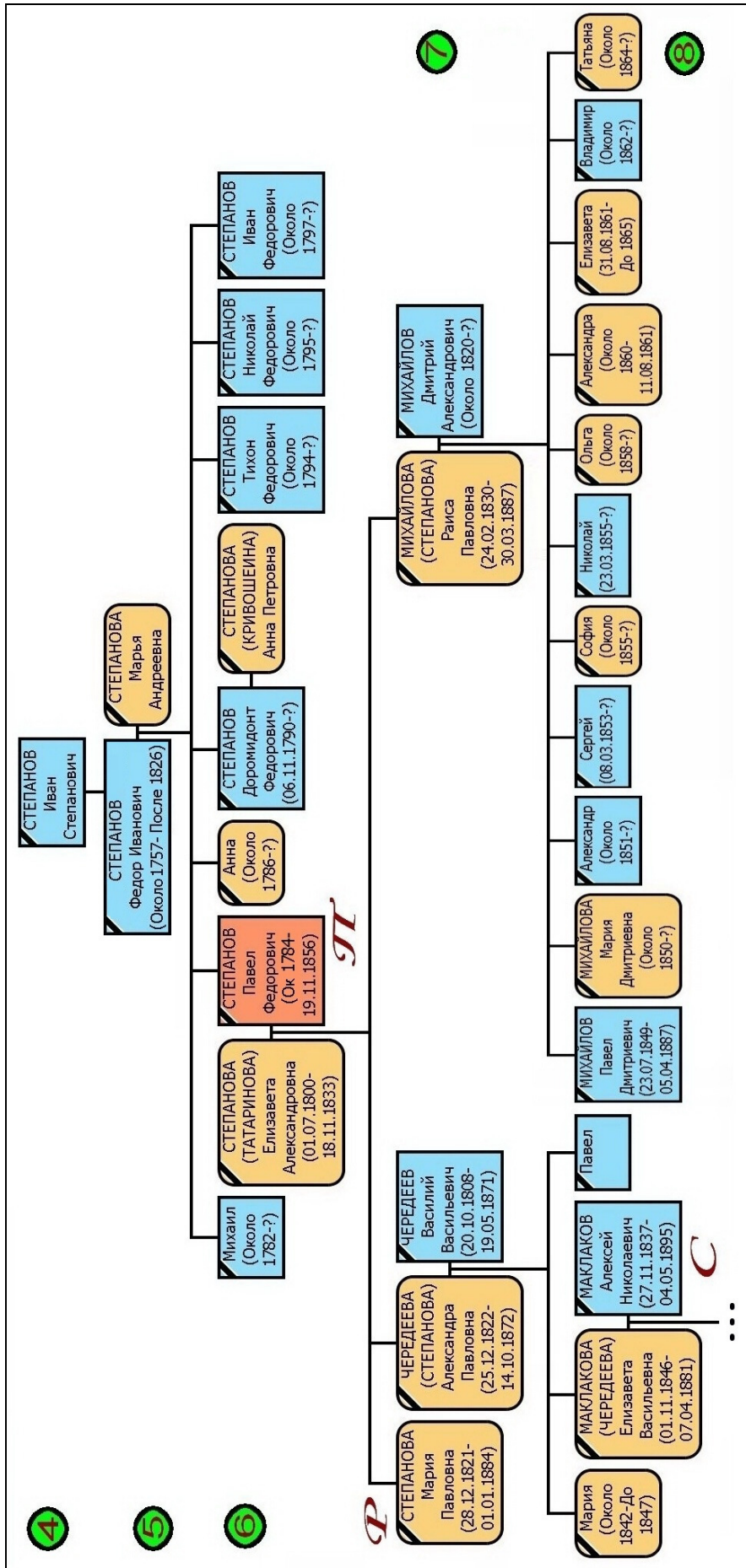
В 1817 г. Павел Федорович был удостоен чина коллежского асессора, как написано в его ФС: *«за отличную и усердную службу»*. Спустя два года ему была объявлена благодарность начальства. Далее в документе сказано: *«находился секретарем в комитетах [...] об улучшении состояния фабричных Павловской суконной фабрики»*⁷². Как видим, еще до Дергайково, П. Ф. Степанов оказался связан с нашим краем.

Вскоре Павел Федорович женился. Обнаружена запись о бракосочетании, состоявшемся в феврале 1821 г.: *«В доме главнокомандующаго женился первым браком Коллежский асессор и Кавалер Павел Федоров Стефанов, понял за себя в замужество отставнаго поручика Александра Иванова сына Татаринова дочь девицу Елизавету Александрову»*⁷³. О происхождении невесты, о роде Татариновых рассказывалось ранее.

В семье родились три девочки: в год свадьбы Мария, спустя год Александра и еще через восемь лет Раиса. Как потомственный дворянин Павел Федорович в 1833 г. подал прошение о внесении дочерей в родословную книгу по Московской губернии. Решение было принято положительное, члены семьи Степановых были внесены в третью часть дворянской книги. О каждой из дочерей поговорим еще отдельно.

П. Ф. Степанов хорошо характеризовался по службе. Об этом свидетельствуют записи в ФС о присвоении очередных чинов и наград. В 1823 г. его наградили орденом св. Анны 2-й ст. *«за отличное и деятельное исполнение должности»*. Спустя три года он был награжден таким же орденом, но с *«Алмазными знаками»*. Помимо этого, Павел Федорович отмечался знаками за 15, 20, 25 лет *«безпорочной службы»*, неоднократно поощрялся денежными премиями (от 1.500 до 3.000 руб.). В 1829 г. утвержден *«правителем»* (управляющим) канцелярии Московского военного

¹ Павел Федорович Степанов в конце своей служебной карьеры имел чин действительного статского советника. Этот чин приравнивался к воинскому званию генерал-майора.

Изо 3–07. Фрагмент родословного древа
Степановых (без потомков).

генерал-губернатора. Это была высокая ответственная должность. В 1834 г. ему был присвоен высокий чин действительного статского советника.

На этом исчерпываются сведения из ФС. Но Павел Федорович не вышел в отставку, продолжал трудиться и получал за это очередные награды. По сведениям из библиографического словаря, в последующие годы он по-прежнему оставался управляющим канцелярией. Появилась и общественная должность: «член Попечительского совета заведений общественного призрения в Москве»⁷⁴. В последующие годы был награжден высокими орденами Российской империи: св. Владимира 3-й ст., св. Анны 1-й ст., св. Станислава 1-й ст.

Владения Степановых

По данным формулярного списка, родовых имений у П. Ф. Степанова не было. Это и понятно, его отец Федор Иванович был бедным дворянином. Однако, как далее будет показано, в конце жизни Павел Федорович оставил своим дочерям неплохое наследство. Все его имения были благоприобретенными: либо куплены им самим, либо получены от родственников. Рассмотрим по порядку операции с недвижимостью, которые оставили свой след в истории.

Как уже отмечалось, в 1816 г. Павел Федорович стал служить в Москве. После пяти лет холостой жизни женился на Елизавете Татариновой. Приданым невесты стало имение во Владимирском уезде сц. Нестерково, которое когда-то приобрел ее отец А. И. Татаринов.

Вскоре после свадьбы состоялось первое приобретение недвижимости. К сожалению, купчая крепость не обнаружена,

о сделке стало известно из энциклопедии “Истринская земля”. В ней написано, что в 1821 г. супругами Степановыми было приобретено имение в Звенигородском уезде в составе сц. Давыдково и дер. Деньково⁷⁵ (факт принадлежности этих селений помещикам подтверждают исповедные ведомости). Это было довольно крупное имение размером 660 дес., крестьян 165 м.п. и 112 ж.п. Как написано в архивном деле, с крепостных ежегодно собирався оброк 5.400 руб. И «*Сверх сего собирается того с каждого тегла*» (податного крестьянина) по 20 пудов сена⁷⁶.

После кончины супруги Елизаветы Александровны Степановой все ее владения, включая имения во Владимирском и Звенигородском уездах, а также приобретенный на ее имя дом в Москве, перешли Павлу Федоровичу. К концу жизни П. Ф. Степанова число принадлежащих ему имений значительно возросло. В документе «*Список о Семействе и состоянии*» перечислены благоприобретенные владения: в Московской губернии Звенигородского уезда сц. **Дергайково** (26 душ), Клинского уезда сц. Волосово (82), Рузского уезда сц. Гребеньки (22), Богородского уезда с. Сабурово-Подъгодное (66), Владимирской губернии сц. Нестерково (114) и сц. Емельяново (278), Тульской губернии сц. Казариново (196)⁷⁷. Во всех перечисленных имениях насчитывалось 793 души. В конце добавлено: «*Волосово и Гребенки достались по купчим [...], а прочие [по] дарственным записям*».

Все подарки были от родственников Татариновых, поговорим о каждом случае отдельно.

Как уже говорилось, Марфа Афанасьевна Татаринова незадолго до своей кончины передала зятю Павлу Федоровичу Степанову в «*пожизненное владение*» имения **Дергайково**, Сабурово и Казариново. После смерти тещи он стал официально владельцем указанной недвижимости. А в 1843 г. (по другим данным – в 1845) тесть Александр Иванович Татаринов подарил Павлу Федоровичу имение Емельяново. Это еще не все. Напомним, что Любовь Александровна Татаринова (сестра жены) в 1842 г. заняла у П. Ф. Степанова 30.000 руб. под залог своего имения Дорофеево в Судогодском уезде с 216 душами сроком на один год. Но не смогла вовремя погасить долг, и указанное имение перешло П. Ф. Степанову. Со временем у Павла Федоровича оказался и дом Татариновых в Знаменском пер. (при шелковой фабрике), в котором те десятилетиями проживали.

Супруги Степановы и сами покупали, продавали недвижимость. Общий список покупок нигде не попадался, но следы отдельных сделок удалось отыскать благодаря выложенным в интернете подшивкам старых газет¹. Рассмотрим операции с недвижимостью в хронологическом порядке.

В 1830 г. на имя Павла Федоровича было оформлено имение в Московском уезде «*в дачах села Косина*»⁷⁸ в составе 81 дес., за него было заплачено 2.870 руб.асс.

Если верить исповедным ведомостям, то в 1832 или в 1833 гг. было приобретено сц. **Ярцево** в Дмитровском уезде, недвижимость была оформлена на супругу Елизавету Александровну⁷⁹ (после ее кончины имение перешло детям).

В 1835 г. в газетах были напечатаны два объявления о сделках П. Ф. Степанова. В первом объявлении говорилось о продаже дома в Суцевской части Москвы за 5.000 руб. А во втором сообщалось о покупке дер. Деньково в Рузском уезде с 35 душами за 17.500 руб.асс.⁸⁰. Вторая сделка выглядит довольно странной, т.к. ранее говорилось, что еще в 1821 г. указанная деревня вместе с Давыдково стала владением супругов Степановых. Как тогда объяснить такое объявление? Оказывается, по данным исповедной ведомости, у Деньково было два хозяина: часть деревни принадлежала Степановым, а другая часть – князю П. Д. Цыцыанову. После совершения этой сделки Павел Федорович стал единоличным владельцем этой деревни.

В номере газеты за 1837 г. сообщалось, что П. Ф. Степанов приобрел у помещиков Войекова и Кожуховой в Рузском уезде дер. Гребеньки с землей 212 дес. за 10.000 руб.асс.⁸¹. В 1842 г. у мещанки Стыровой был куплен дом в Суцевской части Москвы за 3.307 руб.сер. А спустя четыре года Степанов этот дом продал за 4.300 руб. В 1847 г. у Гусятниковой им было куплено в Клинском уезде сц. Волосово с деревнями и 86 душ м.п. за 12.300 руб.сер.⁸².

¹ Исследователь Ирина Белоусова сообщила об интересном ресурсе “Global Press Archive”. На сайте <https://gpa.eastview.com> размещены оцифрованные подшивки трех десятков газет царской России. И что очень ценно – работает поиск по ключевым словам. В результате было обнаружено много новой ценной информации, о которой иначе не удалось бы узнать.

Подведем итог. Владельца такого внушительного списка имений, как у Павла Федоровича, уже никак не отнесешь к мелкопоместным помещикам. Да, большинство его владений оказались от родственников, но были и купленные. Список выданных займы сумм свидетельствует, что у Павла Федоровича были средства, и немалые. Возникает вопрос: откуда взялись такие капиталы? Ответ напрашивается такой же, как и в случае с дергайковским помещиком Н. Е. Мясоедовым, о котором рассказывалось в предыдущей главе: тот занимал высокие государственные посты с большим окладом. Павел Федорович хоть и не достиг таких служебных высот, как Николай Ефимович, но его должность управляющего канцелярией Московского военного генерал-губернатора была хорошо оплачиваемой. На этой должности он находился много лет, неоднократно поощрялся премиями (в его ФС отмечены дополнительные денежные выплаты в разные годы, их сумма, по приблизительным подсчетам, составила 12.200 руб.). Если деньги не транжирить, то можно было скопить капитал на покупке недвижимости.

О последних годах жизни Павла Федоровича сведения не такие подробные. Осталось неизвестно, когда он вышел в отставку. Но, судя по тому, что в 1850-е гг. были прекращены сделки с недвижимостью и выдачи займов, то, возможно, как раз в это время он и уволился со службы.

В 1852 г. П. Ф. Степановым был продан Е. М. Поповой «*двухэтажный дом низ коего каменный, а верх деревянный*»⁸³, находившийся в Сущевской части № 196. Это был тот самый дом, в котором десятилетиями жила семья Татариновых. Его хозяев (Александра Ивановича и Марфы Афанасьевны) уже не было в живых. Остается лишь такой вопрос: в 1844 г. под залог этого дома А. И. Татаринов получил (если верить объявлению) 20.000 руб.сер., а продан этот дом был за 4.700 руб. Как объяснить такое большое расхождение? Если сумма займа не была выплачена до конца, то покупателю перешла оставшаяся часть долга. А продавец, соответственно, получил меньше денег.

Помимо сделок с недвижимостью, Павел Федорович, судя по объявлениям в газетах, одалживал разным людям деньги под залог недвижимости: в 1840 г. – 1.142 руб.; в 1842 – 30.000 руб. (под залог имения Дорофеево Л. А. Татариновой); в 1844 – 5.000 руб., 1.571 руб. и 8.571 руб., а также 20.000 руб. (под залог московского дома А. И. Татаринова).

Получается, П. Ф. Степанов занимался ростовщичеством? Что ж, можно сказать и так, факты упрямая вещь. Не хотелось бы, однако, чтобы о нем сложилось негативное впечатление. В январе 1847 г. была оформлена дарственная, согласно которой Павел Федорович передал в дар Евгении Александровне Татариновой имение в Ковровском уезде Владимирской губернии в составе нескольких деревень с крепостными 82 м.п. и 73 ж.п. Упомянутая Евгения – это свояченица (сестра жены). Она в тот год, как уже говорилось, вышла замуж за католика Антония Ивановича Мейснера (Павел Федорович был одним из поручителей на их свадьбе). Видимо, это имение стало приданым невесты. Выглядит как царский подарок не самой близкой родственнице.

Последние годы жизни Павла Федоровича Степанова, завешание

Елизавета Александровна Степанова (урожд. Татаринова) умерла 18 ноября 1833 г. в возрасте 33 лет. Павел Федорович стал вдовцом, больше не женился. Остались несовершеннолетние дочери Мария, Александра и Раиса, младшей было всего три года. Была назначена дворянская опека, составлялись ежегодные отчеты, как того требовал закон. В отчете за 1842 г. приведены цифры годового дохода 1.542 руб. и расхода 3.171 руб.⁸⁴. При этом отмечено, что с имений во Владимирской губернии получен доход 857 руб. и еще 500 метров холста. В имениях Дмитровского уезда собраны рожь и овес. С имений в Рузском уезде доход составил 771 руб., заготовлено 800 пудов сена.

В это время семья Степановых проживала в Москве в собственном доме в Арбатской части № 165, который находился в приходе Христорождественской церкви в Палашах. А последние годы своей жизни Павел Федорович, если верить исповедным ведомостям, провел в доме, который находился в приходе Преображенской церкви на Песках. По всей видимости, это был дом родственников жены Татариновых в Знаменском пер.

П. Ф. Степанов свои владения завещал детям. Вот где, возможно, кроется ответ на вопрос: а зачем он совершил столько сделок по недвижимости и столько раз давал деньги займы с процентами? Как отец трех дочерей, он хотел обеспечить их будущее, чтобы у них было достойное приданое.

В архивном деле сохранился текст завещания Павла Федоровича, которое он составил за год еще в 1848 г. и заверил пять лет спустя⁸⁵. Согласно этому документу:

– Старшей дочери Марии предназначались **сц. Дергайково** Звенигородского уезда и сц. Емельяново Владимирской губернии. После смерти родителя у нее также оказались не упомянутые в завещании селения **Гребеньки, Давыдково и Деньково** Рузского уезда.

– Средней дочери Александре предназначалось с. **Сабурово** Богородского уезда. После смерти родителя у нее оказались сц. Нестерково Владимирской губернии и дом в Арбатской части Москвы. По всей видимости, ей также должно было перейти имение Дорофеево Судогодского уезда.

– Младшей дочери Раисе по завещанию переходила дер. Фофоново во Владимирской губернии. После смерти родителя у нее оказалось имение **Ярцево** в Дмитровском уезде. Вероятно, были и другие имения, перешедшие по наследству.

Помимо этого, в общее владение сестер Марии и Александры по завещанию должно было перейти имение Казариново в Тульской губернии. При этом, как уже говорилось, было условие: ежегодно выплачивать дяде, Сергею Александровичу Татарину, 300 руб. (по другим данным – 400).

П. Ф. Степанов прожил 72 года. О его кончине очень горевала внучка Елизавета Васильевна Чередеева. Вот какую запись она оставила в детском дневнике: *«наши занятия были прерваны 19 октября 1856 года известием о опасной болезни моего дорогого дедушки. Мы тотчас поехали в Москву [...] Наконец в 3 ночи по полуночи на 19 ноября 1856 году мой милый дедушка скончался. Я долго плакала. [...] Мне тогда было 10 лет. Первое горе по прошествии первого десятка моей жизни»*⁸⁶.

Павел Федорович был похоронен в Донском монастыре там же, где и его супруга Елизавета. Очевидно, их могилы находились рядом. Сохранился лишь памятник жены (см. изо 3–04).

Дочь Мария Павловна Степанова, дергайковская помещица

Поговорим теперь о дочерях Степановых. Как уже отмечалось, в семье их было три: Мария, Александра и Раиса. Об Александре и ее родственниках подробно поговорим в следующей главе, когда речь пойдет о Чередеевых. А здесь остановимся на двух других дочерях.

Начнем со старшей – **Марии Павловны Степановой** (“Р”, 1821 – † 1884). В отличие от своих сестер она не выходила замуж, осталась девой.

Обнаружена копия метрической записи о ее рождении: Маша появилась на свет в Москве 28 декабря 1821 г.⁸⁷. О детстве осталось единственное документальное свидетельство. Как уже говорилось, мать, Елизавета Александровна, умерла рано, когда старшей дочери не было еще и 12 лет. В упоминавшемся отчете об опеке несовершеннолетних детей Степановых говорилось о затратах на уроки французского и обучение игре на фортепиано Марии. Надо полагать, воспитание было традиционным для дворянских девочек – домашнее с приглашением учителей.

В 1855 г. фамилия М. П. Степановой оказалась в списках жертвователей *«на военные издержки»*⁸⁸ (в то время шла война с Турцией). Ее вклад в общее дело, как владелицы имения Дергайково, составил 13 руб. В 1860-х гг. М. П. Степанова сделала крупное пожертвование – 1.500 руб. сер. – на строительство каменной приходской церкви в с. Телепнево⁸⁹.

В 1856 г. умер родитель, Павел Федорович. Спустя год после его кончины Мария официально вступила в права наследства. Ей достался родительский дом в приходе Преображенской церкви на Песках. Она также стала владелицей имений в Звенигородском, Рузском и Ковровском уездах. Среди них было и **Дергайково**.

Мария Павловна Степанова оставалась дергайковской помещицей 28 лет. Точно такой же срок владения оказался у ее дедушки по материнской линии, Александра Ивановича Татарина. Дольше них никто не владел имением Дергайково.

М. П. Степанова жила в непростое время. Спустя четыре года после того, как она стала помещицей, в России было отменено крепостное право. Всем необходимо было перестраиваться на новую жизнь. Помещики лишились дармового крестьянского труда, уменьшились и размеры имений. Землей, которую обрабатывали бывшие крепостные крестьяне, помещики теперь не могли распоряжаться. В первой главе рассказывалось об организации сельского общества и составлении

установной грамоты «*сельца Давыдова, дер. Денькова и Гребеньков*», о выделении земли крестьянам. Такие же перемены происходили и в другом поместье Марии Павловны – в Дергайково. После выделения крестьянского надела в дергайковском имении в распоряжении помещицы осталось 111 дес. удобной земли.

М. П. Степанова иногда приезжала в Дергайково, это подтверждают сохранившиеся исторические свидетельства. В дневнике ее племянницы Лизы Чередеевой (когда та была еще девочкой), есть такие слова: «*Тетя Маша уехала в Савин монастырь и потом в свою дер. Дергайково*»⁹⁰. О жизни помещицы ее внучатый племянник Василий Маклаков написал в своих воспоминаниях:

*«Третья сестра, Марья, осталась незамужней; была пережитком старой эпохи. Жила в собственном доме в Москве, около Каретного Ряда. При доме была очень большая незастроенная площадь земли: двор, сад и огород. В умелых руках имущество это могло бы представить большую ценность. Но владелица из него дохода не только не получала, но и не старалась извлечь. Этого мало. Большой кусок своей земли она подарила соседней церкви, со словесным условием его не застраивать. Условие было нарушено: церковь сначала построила там большой доходный дом, с окнами прямо в окна дома дарительницы, потом закрыла проезд через подаренную землю, и дарительнице пришлось к себе проезжать обходным путем через другой переулок, что владение обесценивало. Для самой М.П. Степановой это было неважно. Она никуда не выезжала; жила в бельэтаже, верхний этаж сдавала знакомым, а нижний этаж, подвал, был складом фамильного добра, ненужных вещей, которые некуда было девать. При ее доме были сараи и конюшни; по привычке она держала кучера и лошадей, которые ей вовсе не были нужны. Я был ее крестником и до самой смерти ее должен был по субботам ходить к ней обедать. Она вставала с постели в 5 часов пополудни и только тогда делала выход в столовую. Была окружена какими-то старушками, которые по ночам составляли ей компанию (она ложилась под утро), играли с ней в карты или читали ей религиозные книги. Два раза в год, в день ее рождения и на именины, у нее были приемы. Собиралась родня, племянники и внучата, за которыми она посылала свой экипаж; бывало несколько старых знакомых (из них помню профессора Ф.И. Буслаева). Садились за длинный стол, пили шампанское за здоровье ее; за столом служили наемные официанты; вообще все было как у людей. Только в эти дни своеобразный склад жизни ее нарушался»*⁹¹.

У Марии Павловны сложились особо теплые отношения с племянницей Елизаветой Васильевной Маклаковой (урожд. Чередеевой), чей дневник и письма ранее цитировались. Та неоднократно приглашала тетю приехать в гости в свое имение **Ярцево**: «*Очень буду рада вас видеть дорогая Татурочка* [так она ласково называла Марию Павловну], *приезжайте когда хотите*». Другой раз писала: «*Я вам еще сварила маленькую баночку клубники*»⁹². Тетя отвечала взаимностью, в свою очередь приглашала семью племянницы приезжать в **Дергайково**. А в конце своей жизни передала это имение семье Маклаковых.

М. П. Степанова прожила не так долго, скончалась 1 января 1884 г. в возрасте 62 лет, как написано в метрической книге, «*от отека легких*»⁹³. Похоронили ее в Донском монастыре, надо полагать рядом с отцом и матерью (могила не сохранилась).

После кончины помещицы осталось наследство: недвижимость, разное имущество и капиталы. Т.к. детей у Марии Павловны не было, то все перешло упомянутой племяннице Е. В. Маклаковой и сестре Р. П. Михайловой, у которой было большое семейство. В архивном деле обнаружено завещание М. П. Степановой. Внучатым племянникам Маклаковым были завещаны золотые вещи и иконы. А вот как поступить с недвижимостью, в завещании ничего не сказано (возможно, был еще какой-то документ). Однако, как известно, что **Дергайково** перешло Маклаковым. Правда, почему-то долгие годы в некоторых документах владелицей имения по-прежнему указывалась давно умершая помещица. Например, в 1899 г. приставом Звенигородского уезда была выписана повестка о неуплате налога на имя М. П. Степановой⁹⁴. Казус в том, что ее 15 лет как уже не было в живых!

Дочь Раиса Павловна Михайлова и ее семья

Теперь поговорим о сестре Марии – **Раисе** Павловне Михайловой (урожд. Степановой). Она была младшей в семье Павла Федоровича и Елизаветы Александровны.

В 1848 г. Раиса вышла замуж, женихом оказался «*Адъютант начальника 2 округа Корпуса Жандармов Генерал-Лейтенанта Перфильева, Оренбургского Уланского полка Штабс-Ротмистр Дмитрий Александров Михайлов*»⁹⁵. Невесте было 18 лет, жених оказался на десять лет старше. К сожалению, имена родителей мужа, его происхождение остались неизвестны. Можно лишь отметить, что коль скоро Дмитрий был офицером, то он происходил из дворян. Фамилия его оказалась популярной, как написано на сайте “Википедия”: «*В Гербовник внесены 8 фамилий Михайловы*»; у них оказались разные гербы.

По завещанию Павла Федоровича Степанова младшей дочери должны были отойти имения в Ковровском и Судогодском уездах Владимирской губернии, а также сц. **Ярцево** в Дмитровском уезде. О судьбе владимирских имений данных нет. А вот Ярцево с 61 крепостным Раиса Павловна продала в 1849 г. (т.е. еще при жизни родителя) сестре Александре Чередеевой, сумма сделки составила 9.150 руб.⁹⁶. Почему было продано это имение – объяснений нет. Возможно, это как-то связано с тем, что годом ранее Раиса вышла замуж. Молодой семье могли понадобиться деньги.

Вот что написал Василий Алексеевич Маклаков об этой семье: «*Раиса вышла замуж за офицера Егора Александровича Михайлова, который служил в Хиве при Кауфмане; в мое время он был отставным полковником с совершенно лысой головой, членом Английского клуба, где проводил каждый вечер за картами; у него и Раисы было очень много детей, чуть ли не восемнадцать человек, и, хотя все были от одних и тех же родителей, часть их по отчеству звалась Дмитриевичами, а часть Егоровичами. Нам что-то по этому поводу объясняли, но очень невразумительное. Все их дети где-то служили. Мать их, Раиса, была столь же богата, как и ее сестры, но ее состояние не удержалось, и дети должны были сами зарабатывать на жизнь*»⁹⁷.

Хотелось бы обратить внимание на то, что в записи о венчании жених записан как Дмитрий Александрович Михайлов, а в воспоминаниях муж Раисы назван Егором Александровичем Михайловым. Это один и тот же человек.

Семья Михайловых оказалась многодетной. По исповедным ведомостям и метрическим книгам Преображенской церкви в Каретном ряду были установлены 11 детей (их имена, даты появления на свет показаны в древе из 3–07). Фотография одного из детей с матерью приведена в Приложении–5 (из 05–07).

С одним из сыновей, Павлом, в 1868 г. произошло трагическое происшествие. О нем в газете была напечатана заметка: «*Из села Лучина [Лучинского – Авт.], Звенигородского Уезда, сообщают в “Русския Ведомости”, что, вечером с 10-го на 11-е июля, живущий у помещицы Степановой студент московского университета Павел Дмитриев Михайлов, выстрелом из револьвера, нечаянно ранил в голову крестьянского мальчика сельца Дергайкова, Тимофея Ларионова, 8-ми лет, собиравшего в лесу ягоды. Мальчик этот в ту же ночь умер*»⁹⁸. Получается, что в Дергайково у Марии Павловны гостил ее племянник, студент Павел, когда с ним эта беда приключилась.

Согласно изданию “Московский некрополь”, Раиса Павловна Михайлова прожила 57 лет, скончалась в 1887 г. Была похоронена в Донском монастыре⁹⁹, надо полагать, рядом с родственниками. Менее чем через неделю там же был похоронен ее старший сын Павел (тот самый студент).

Сведения о потомках Михайловых не собирались, вопрос о продолжении рода по этой ветви остался открытым.

Глава 4. Предки Череев и Макалов

Вначале напомним вкратце, о чем говорилось в предыдущей главе.

В середине XIX в. Дергайково принадлежало дворянину П. Ф. Степанову, у которого были поместья и в других местах. У Павла Федоровича имелись три дочери: Мария, Александра и Раиса. Родитель заранее составил завещание, поделив свои владения примерно поровну между дочерьми. Старшей Марии отходило сц. Дергайково Звенигородского уезда и несколько селений в Рузском уезде. Средней Александре, которая вышла замуж за Василия Васильевича Череева, предназначалось с. Сабурово Богородского уезда, имения во Владимирской губернии и дом в Москве. Младшей Раисе, которая была замужем за Дмитрием Александровичем Михайловым, должно было отойти сц. Ярцево в Дмитровском уезде и другие владения во Владимирской губернии.

П. Ф. Степанов умер в 1856 г., и **Дергайково**, согласно завещанию, перешло старшей дочери. Мария Павловна, в отличие от сестер замуж не выходила, и прямых наследников у нее не было. По какой-то причине у нее сложились особо добрые отношения с племянницей Елизаветой Васильевной (урожд. Череевой). Мария Павловна Степанова приглашала ее на отдых в свое имение Дергайково вместе с детьми (та к тому времени вышла замуж за врача Алексея Николаевича Макалова). Когда Мария Павловна умерла, то Дергайково перешло семье Макаловых.

Забегая вперед, скажем, что в XX в. дергайковским помещиком стал сын Елизаветы Васильевны, Василий Алексеевич Макалов. Сохранилось детское письмо Василия, написанное М. П. Степановой (он был ее внучатым племянником): *«Милая тетя Маша, вот уже неделя, как я в Ярцеве и мне здесь очень весело, у нас строится новый скотный двор, который совсем почти готов и я с папашей влезли на его крышу. Мы ходили туда пить парное молоко и я выбрал себе корову, которую зовут Солдат. Я делаю [сестре] Лизе погреб своими инструментами. Пока было тепло я купался и плавал без пояса. Целую тебя. Вася Макалов»*¹.

Перейдем теперь к Макаловым. Следующие три главы книги посвящены различным представителям этого рода. Но начнем с Елизаветы Васильевны (урожд. Череевой), с ее происхождения.

Мать Елизавета Васильевна и род Череевых

(герб рода не найден).

Череевы, как и Макаловы, были дворянами. Однако герб рода ни у тех, ни у других не обнаружен. По всей видимости, гербов у них не было¹.

Корни Череевых оказались в Тверской губернии. Эта фамилия прежде была достаточно распространена на тверской земле. В наше время издана книга², в которой подробно расписаны девять поколений церковнослужителей с фамилией Череевы (более 170 человек), живших в старину в Тверской епархии. Увы, родственных связей наших Череевых с ними проследить не удалось. Хотя нельзя исключать, что среди предков Елизаветы Васильевны были и служители Церкви.

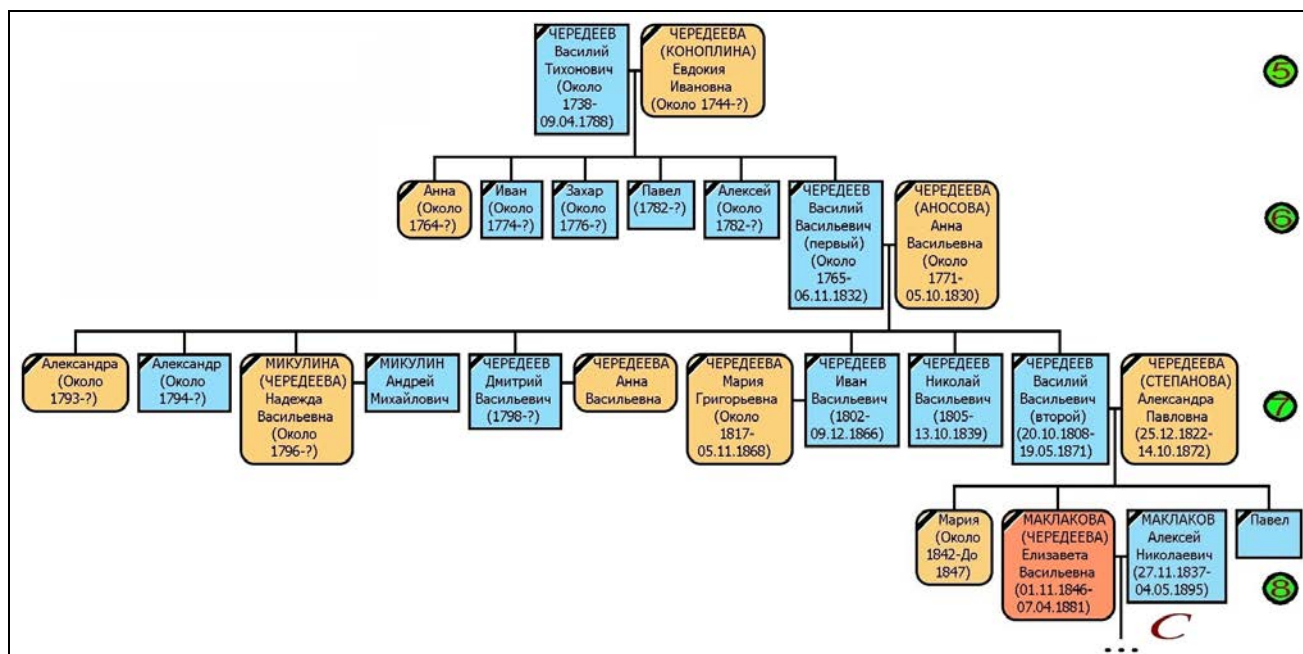
В ходе работы над книгой были установлены имена отца и матери, деда и бабушки, прадеда и прабабушки Елизаветы. С предков и начнем рассказ.

Прапрадед дергайковского помещика Василий Тихонович Череев

Сведения о предках собирались из разных источников, в основном из дел в тверском архиве ГАТО. По собранным данным построено древо рода Череевых (изо 4–01). Для многих лиц указан примерный год рождения, рассчитанный по возрасту, указанному в исповедках (как известно, эти сведения не отличались точностью).

Удалось узнать имя прадедушки Елизаветы Васильевны, соответственно, это прапрадедушка ее сына Василия Макалова. Его звали Василий Тихонович Череев. В деле о дворянстве приведен его ПС. В нем написано, что начал службу «*копейцом*» (переписчиком бумаг) в 1758 г., был в числе «*приказных служителей*» Калязинского монастыря³. Далее служил в Ярославском экономическом правлении, в дворянской опеке протоколистом и в Вышневолоцком уездном суде. Как видим, у него была невысокая должность, связанная с ведением протоколов. В 1782 г. В. Т.

¹ Наличие герба у дворян было не обязательным и на права и привилегии не влияло. Это был больше вопрос престижа. Создание герба было дорогостоящим делом, поэтому многие дворянские роды обходились без него.

Изо 4–01. Фрагмент родословного дерева Череевых (без потомков).

Черееву был присвоен чин «городского секретаря», как написано «за добпорядочную службу». Был женат «на капитанской дочери» Евдокии (Авдотье) Ивановне Конопляниной. Судя по исповедным ведомостям, в семье было пять сыновей и одна дочь⁴ (их имена показаны в древе рода). Старшего из сыновей звали Василий. Это прадед В. А. Маклакова. О нем и пойдет далее рассказ.

Прадед Василий Васильевич Череев (первый)

В нескольких документах написано, что Василий Васильевич Череев родом «из обер-офицерских детей». А в другом документе о происхождении его брата Ивана и вовсе сказано: «из семьи военного Тверской губернии». Как все это понимать? Отец братьев Василий Тихонович служил в армии? Но когда? В тех документах, которые обнаружены, об этом нет ни слова. Объяснение нашлось в «Википедии»: «Обер-офицерские дети — сословная группа лично свободного населения Российской империи, существовавшая с 1722 года. К обер-офицерским детям относились: дети чиновников недворянского происхождения, имевших чины «обер-офицерских» классов (с 14-го по 9-й), дававших не потомственное, а только личное дворянство».

Таким образом, слова «из обер-офицерских детей» не следует понимать буквально. Это просто означает, что родитель имел гражданский чин соответствующих «обер-офицерских классов».

В. В. Череев был женат «на канцелярской дочери» Анне Васильевне (урожд. Аносовой)⁵. Это прабабушка В. А. Маклакова. Данные сведения обнаружены в деле РГИА, в котором оказался формулярный список Василия Васильевича (эти сведения повторены в деле о дворянстве ГАТО).

Согласно ФС Василий начал службу в 1779 г. в Калязинском уездном суде «копиистом». Спустя восемь лет он стал «протоколистом» в Калязинской дворянской опеке, где прежде служил его отец. В 1793 г. семья Череевых переехала в губернский город Тверь, глава семейства получил назначение на службу «Протоколистом в Тверском губернском правлении». В конце того же года ему был присвоен чин коллежского регистратора (14-й, самый низший чин в Табели о рангах). В следующем году он уже служил в «Тверской верхней расправы во 2 департаменте секретарем». Потом перешел на аналогичную должность в «Приказ общественного призрения». В исповедной ведомости Мироносицкой церкви г. Твери за 1800 г. указано место службы Василия Васильевича: «Городового магистрата Секретарь»⁶, приведен состав его семьи. Помимо жены Анны Васильевны указаны дети: Александра, Александр, Надежда, Дмитрий.

27 октября 1800 В. В. Череев «Указом правительствующего сената определен в Кашинский земский суд комиссаром». Это было повышение по службе с одновременным переездом в другой город Тверской губернии. Спустя два года, согласно исповедной ведомости Богоявленской церкви г. Кашина, он уже служил на новом месте: «Кашинской Соляной пристав Губернский секретарь»⁷.

В 1803 г. получил чин титулярного советника.

В 1810 г. Василий Васильевич подал прошение об увольнении *«по заболеванию»*. 5 августа оно было удовлетворено. С тех пор он больше не служил, и в документах вплоть до 1820 г. писался: *«Бывый Кашинской Соляной пристав»*. Жил по-прежнему в г. Кашине, в семье рождались дети. Всего их оказалось семь человек (см. древо из 4–01), последним родился сын Василий.

Сведения о некоторых детях приведены в деле о дворянстве их отца. Старшие сыновья Александр, Дмитрий и Иван обучались в Московском университете. Первые два его успешно окончили и перешли на службу, имели чин коллежского регистратора. Александр потом оказался юнкером в Киевском гренадерском полку.

В 1806 г. состоялась покупка В. В. Чередеевым пустоши Языковой в Калязинском уезде за 750 руб. асс.⁸. В 1819 г. в этом имении было 16 крепостных крестьян. Обнаружен документ о приобретении в 1820 г. дома № 55 в Хомутовском пер. Яузской части Москвы за 2.500 руб. асс.⁹. Надо полагать, примерно тогда и состоялся переезд в белокаменную столицу.

В купленном доме супруги Чередеевы прожили более десяти лет. Первой ушла из жизни Анна Васильевна. Согласно записи в метрической книге, скончалась она в 1830 г. от чахотки в возрасте 59 лет¹⁰. Спустя два года умер Василий Васильевич, он прожил 67 лет. В метрической записи указана причина смерти: *«от рожжи»*¹¹. Похоронили обоих на Пятницком кладбище Москвы.

Незадолго до кончины В. В. Чередеев составил завещание. *«Тело мое Естли бог сподобит по христианскому долгу предать земле с прочими усопшими родственниками и где положили тело любезной и почтенной супруги моей Анны Васильевны»*¹². Расписал, куда передать святыне образа: *«Икону Спасителя в золотой резной ризе украшенной жемчугом, которою благословила меня перед своею кончиною мать моя»*, – в Крестовоздвиженскую церковь с. Телепнево. Туда же и икону 12 Праздников *«без ризы»*. Иверскую икону Богоматери и образ Спаса просил передать в храм с. Храброво в придел, *«который будет на могиле семейства Чередеевых»*. Храму *«Харитона Исповедника, что в Огородниках»* завещал 500 руб. Сыну Ивану, *«служащему в Бутырском Пехотном Полку Прапорщиком»*, была отписана дер. Языково в Калязинском уезде. Младшему сыну Василию отошел тот самый деревянный дом в Яузской части, который был приобретен при переезде в Москву. Был у В. В. Чередеева еще один дом в Басманной части Москвы. Его Василий Васильевич просил оценить, чтобы поделить поровну между пятью сыновьями (после продажи?).

Теперь хотелось бы поговорить о дворянстве. В купчей 1806 г. на имение в Калязинском уезде В. В. Чередеев записан дворянином в чине титулярного советника. Это оказалось самое раннее упоминание его как дворянина. Когда он стал им – с рождения или по службе (чину) – достоверных сведений нет. В архиве ГАТО хранится дело о дворянстве Чередеевых. В нем написано, что в 1819 г. Василий Васильевич подал прошение о причислении к дворянскому сословию своих детей, приложил все имеющиеся документы (патенты, свидетельства, аттестат, ПС, родословную роспись). Однако, как написано в решении, их оказалось недостаточно, потому что по чинам Василий Васильевич, как и его родитель Василий Тихонович, имели право лишь на личное дворянство без передачи этого права своему потомству. Следует еще отметить, что нигде не сказано о том, когда В. В. Чередеев стал личным дворянином. Сложилось впечатление, что такого формального решения о причислении его к благородному сословию и не было. Но это не мешало ему называться дворянином.

Родственник Иван Васильевич Чередеев

В завершение хотелось бы кратко рассказать об одном из сыновей В. В. Чередеева, которого звали Иваном (ему по завещанию была отписана дер. Языково). Он стал известным человеком, оставил добрую память о себе. О его жизни Л. Н. Константинов написал интересную статью *«Начальник портового города Ейск И. В. Чередеев»*. В ней рассказывается, как Иван Васильевич служил в армии, показал себя храбрым офицером, дослужился до звания генерал-майора. Был награжден семью орденами, среди них *«орден Св. Георгия 4-го класса»*. С 1853 по 1858 гг. находился на должности начальника (коменданта) строящегося г. Ейск на побережье Азовского моря. На его долю: *«выпали самые кровопролитные и жестокие годы Кавказской войны, а также Крымская война»*¹³. Неординарный, достойный был человек.

⁸ *«Рожжа – инфекционное воспаление кожи и подкожной клетчатки»* (интернет).

Дед Василий Васильевич Чередеев (второй)

Изо 4–02. В. В. Чередеев (второй)¹⁴.
Государственный музей
А. С. Пушкина, Москва.

У упомянутого офицера Ивана Васильевича был младший брат **Василий Васильевич Чередеев** (1808 – † 1871). Он оказался полным тезкой своего отца и дедом В. А. Маклакова. О нем и его семье пойдет речь далее.

Надо признаться, полное совпадение имени, отчества и фамилии с родителем порой приводило к путанице. Не сразу стало понятно, что это два разных человека – отец и сын. Да и позднее, когда все прояснилось, упоминание в некоторых документах оставляло вопрос: о ком конкретно шла речь? Во избежание путаницы будем далее именовать прадеда дергайковского помещика Василием Васильевичем (первым), а его сына Василием Васильевичем (вторым).

Удалось отыскать метрическую запись о рождении мальчика 20 октября 1808 в г. Кашине: «У Кашинского соляного пристава Титулярного советника Василия Васильева сына Чередеева жена его Анна Васильева родила сына Василья»¹⁵.

В ходе работы над книгой были обнаружены два формулярных списка В. В. Чередеева (второго). К сожалению, оба составлены рано (до 1838), о поздних годах службы информации в них нет.

В ФС сказано, что «окончил курс наук в Императорском Московском университете, получил аттестат на степень кандидата»¹⁶. В 1827 г. был определен в «штат гражданской Канцелярии Московского Военного Генерал-Губернатора». Через несколько лет его утвердили на должность «по-

мощника Секретаря». Служил В. В. Чередеев (второй) добросовестно, несколько раз поощрялся денежными премиями: «За отлично-ревностную службу». А вот сведений о награждении орденами нет.

В 1836 г. он стал коллежским асессором. Это был довольно высокий чин (8-й в Табели о рангах), который давал право на потомственное дворянство. Через год он подал соответствующее прошение в Московское дворянское собрание. Представил необходимые документы, включая свой ФС. Со ссылкой на статью закона и с формулировкой «по чинам получают потомственное дворянство»¹⁷ собрание приняло решение о внесении его фамилии в третью часть (служивого дворянства) родословной книги по Московской губернии. Таким образом, Василий Васильевич (второй) стал потомственным дворянином, в отличие от своего отца, который имел лишь личное дворянство.

После этого В. В. Чередеев продолжил службу. В 1840 г. в сенатской газете был напечатан указ о новом назначении: «Всемилостивейшие повелеваем быть за Обер-Прокурорским столом в Правительствующем Сенате»¹⁸. А в «Адрес-календаре» за 1842 г. указана уже другая должность – советника в Уголовной палате Московской губернии¹⁹. В 1846 г. в газете был напечатан еще один указ: «В награду отлично-усердной службы Советника Московской Палаты Уголовного Суда, Коллежского Советника Чередеева, и трудов по особому поручению, возложенному на него в Закавказском крае, засвидетельствованных Наместником Кавказским, Всемилостивейшие жалуем его в Статские Советники»²⁰. Это 5-й чин в Табели о рангах Российской империи.

В цитате приведены слова: «по особому поручению, возложенному на него в Закавказском крае». Нигде не расшифровано, что это было за поручение и где конкретно оно выполнялось. Вероятная подсказка имеется в воспоминаниях внука В. А. Маклакова: «Александра, моя родная бабушка, вышла замуж за чиновника дипломатического ведомства в Бухаре Василия Васильевича Чередеева». Так что, возможно, имелся в виду не Закавказский край, а Среднеазиатский. Неожиданные слова оказались на одном из сайтов: «Маклаков Василий Алексеевич, 1869–1957, внук бухарского еврея»²¹. Чтобы это значило, про какого деда-еврея здесь речь? У внука В. А. Маклакова было два деда – Василий Иванович Маклаков и Василий Васильевич Чередеев (второй). Очевидно, имеется в виду Чередеев, который действительно служил в Бухаре. Но чтобы он был евреем? Трудно сказать. В документах о такой национальности предков ничего не сказано.

Следующий указ, касающийся В. В. Чередеева (второго), был опубликован в 1848 г. Согласно ему, он назначался на должность обер-прокурора в 1-е отделение 6-го департамента Сената²². Высокая должность. Вот только находился он на ней недолго. Уже в следующем году по указу императора был уволен «согласно просьбе его, за разстроенным здоровьем»²³ (о характере заболевания не сказано). Как видим, Василий Васильевич, как и его отец, вынужден был прервать службу из-за проблем со здоровьем.

После отставки он прожил более двух десятилетий. Умер 19 мая 1871 г. в возрасте 62 лет «от водянки»²⁴. Похоронили его в с. Храброво Дмитровского уезда, где находилась Покровская церковь (к ее приходу относилось имение Ярцево, принадлежавшее Чередеевым).

Бабушка Александра Павловна Чередеева (урожд. Степанова)

Василий Васильевич (второй) был женат на **Александре Павловне Степановой** (1822 – † 1872), дочери дергайковского помещика Павла Федоровича Степанова, о котором рассказывалось в предыдущей главе. Поговорим теперь о ней.

Вначале приведем воспоминания внука В. А. Маклакова: «Эту свою родную бабушку, Александру Павловну, я помню гораздо меньше, чем ее сестер: она умерла раньше их. В моей памяти осталось только болезненное желтое лицо, которое у нее было незадолго до смерти, и ее похороны»²⁵.

Девочка Саша была вторым ребенком в семье Степановых (см. древо из 3–07), ее крещение состоялось 30 декабря 1822 накануне нового года, в Ильинской церкви, «что на Воронцове поле»²⁶.

Мать Елизавета Александровна умерла рано, когда девочке было всего 11 лет. После нее осталось наследство в нескольких губерниях. Опекуном над тремя несовершеннолетними дочерьми стал их отец Павел Федорович.

Точную дату венчания Александры с Василием Чередеевым установить не удалось. Можно лишь говорить о том, что свадьба состоялась после 1838 г., когда Василий в исповедке записан еще холостым, но до 1842 г., т.к. в указанном году в молодой семье родился первенец – девочка Мария.

Как могло состояться сватовство? Достоверных данных нет, но имеется догадка, предположение. В издании “Месяцеслова” за 1837 г. приведены фамилии чиновников, служивших в ведомстве Московского военного генерал-губернатора: «*Правитель Канцелярии: Д. Ст. Св. Павел Федор. Степанов [...] Помощники Секретарей: [...] Василий Вас. Чередеев*»²⁷. Как видим, будущие тесть и зять работали вместе, возможно, даже Василий находился в непосредственном подчинении у Павла Федоровича. Надо полагать, Чередеев понравился Степанову, и он решил отдать за него свою дочь. Молодая семья оказалась записана в тот же приход Христорождественской церкви в Палашах, в котором числился отец невесты (в исповедке их фамилии следуют друг за другом).

Александре Павловне достался родительский дом № 509 в Арбатской части Москвы.

Она на полтора года пережила своего супруга Василия Васильевича (второго). Согласно записи в метрической книге, А. П. Чередеева умерла осенью 1872 г. от рака. Всего пару месяцев не дожила до своего 50-летнего юбилея. Отпевание проводилось в Спасской церкви при глазной больнице Москвы, а похороны состоялись в с. Храброво Дмитровского уезда. Тело погребли у Покровской церкви «с северной стороны Никольского придела рядом с сыном младенцем Павлом»²⁸. Там же был похоронен муж. Так образовался семейный некрополь Чередеевых. Позднее здесь были похоронены и некоторые члены семьи Маклаковых.

Владения Чередеевых

Далее пойдет разговор о недвижимости. Сначала поговорим о том, какие владения были у Василия Васильевича Чередеева (первого).

Как уже отмечалось, в 1806 г. им была куплена пустошь Языково в Калязинском уезде. Также говорилось о покупке в 1820 г. дома № 55 в Яузской части. Был еще и другой дом в Басманной части Москвы (он упоминался в завещании). Обстоятельства его приобретения остались неизвестны.

Теперь поговорим о владениях Василия Васильевича (второго). Ему по наследству от отца перешел дом в Яузской части Москвы. Приобретал ли он сам недвижимость? Такие сведения не попадались. А вот крепостных людей покупал. В его ФС в графе «*благоприобретенные*» написано: «*Нижегородской губернии Ардатовского уезда 30 душ*».

В интернете можно найти сведения о том, что в 1859–1868 гг. владельцем дома в Старопименовском пер. Москвы был «*статский советник, обер-прокурор 1 отделения 6 департамента Пра-*

вительствующего Сената»²⁹ В. В. Чередеев. По всей видимости, это был тот самый дом, о котором писала дочь Лиза в своих воспоминаниях: «В Феврале [1858] купили свой дом и переехали в него»³⁰. Здесь стала жить семья Чередеевых, это подтверждает исповедная ведомость Пименовской церкви в Старых Воротниках. В указанном храме, который находился рядом с домом, произошло отпевание В. В. Чередеева (второго) в 1871 г.

Собственные владения были у супруги Александры Павловны Чередеевой. По дарственной записи отца Павла Федоровича в 1847 г. ей достался дом № 509 в Арбатской части 5 квартала³¹. По его же завещанию Александре перешли ряд поместий в Московской и Владимирской губерниях. Это случилось еще до реформы 1861 г., согласно которой крестьянам была предоставлена земля в личное пользование. Как ранее рассказывалось, в каждом селении (группе селений) организовывались сельские общества и оформлялись уставные грамоты. Владелица недвижимости Александра Павловна подписала на имя супруга доверенность, в которой просила его принять на себя хлопоты по оформлению документов: «Василий Васильевич! Состоит за мною недвижимое имение в губерниях: Московской Дмитровскаго уезда Сельцо **Ярцево**, дерев. Хилево и полу-село Спасское, Гари тож с дерев. Запрудною, Богородскаго уезда сельцо **Сабурово**, Подъягодное тож, и Владимирской губернии и уезда сельцо Нестерково, по которым [...] следует подать Уставные Грамоты. Почему я прошу Вас принять на себя подачу таковых от моего имени»³².

Сохранились архивные дела с уставными грамотами сельских обществ в подмосковных владениях А. П. Чередеевой. Из этих документов следует, что где-то крестьянам по положению не хватало земли, а где-то у них был излишек. В сц. Ярцево насчитывалось 49 ревизских душ, при норме 3,5 дес. им полагалось 171,5 дес.³³. В «полуселе» Гари и дер. Запрудная насчитывалось 175 крестьян, им полагалось 612,5 дес.³⁴. А суммарно они обрабатывали больше – 826 дес. Прежде за излишек земли крестьяне платили помещику оброк и исполняли повинности: охраняли господское имущество (дом и лес), выделяли подводы для перевозки материалов в Ярцево. Теперь же после отмены крепостного права они не хотели исполнять эти дополнительные обязанности, но и излишнюю землю не желали возвращать помещику. Однако вынуждены были подчиниться закону.

В сц. Сабурово следовало наделить землей 69 крестьян. В той местности норма была 3 дес. на крестьянина, итого на всех выходило 207 дес.³⁵. А реально они обрабатывали только 110 дес. Недостающая земля была выделена из помещичьего надела. В интернете нашелся такой любопытный материал: «Сабуровцы платили оброк в 6 рублей серебром с хозяйства (“с тягла”) и обрабатывали 12 десятин господской пашки, накашивая сена тысячи пудов и доставляя в Москву в дом Чегодаевых [Чередеевых] дрова и сено (8 подвод на тягло). По Уставной грамоте они получали дополнительно под усадьбы 1 десятину, 5 десятин под пашню и 91 луговых десятин для покоса. Интересно, что устанавливались и правила использования пруда – поддержка плотины, разрешение на водопой скота, иметь проруби для забора воды зимой, но запрещалась ловля рыбы»³⁶.

В архивном деле приведены сведения о продажах древесины, которая стоила дорого. Так, в 1860 г. в окрестностях Сабурово были проданы 85 дес. леса на дрова за 12.000 руб. Спустя пять лет «на сруб» пошли уже 303 дес. леса «из полу-села Спасское»³⁷, за них было получено 25.000 руб. сер.

К сказанному остается еще добавить общее с сестрой Марией имение Казариново. Помимо этого, Александре перешел долг на имя отца, по которому она должна была получить 30.000 руб. или же заложенное имение Дорофеево Судогодского уезда.

Как видим, по документам Александра Павловна была заметно богаче мужа. Но, думается, это было чистой формальностью. После получения родительского наследства она поручила мужу ведение дел в своих имениях.

В первой главе приводились слова В. А. Маклакова о предках, повторим их: «прадед П. Степанов и мой дед В. Чередеев были не только помещиками, но служилыми людьми и получали за эту службу содержание. Имения были для них не источником богатства, а его признаком и последствием. Сами имения были не латифундиями по размерам и доходности, а небольшими кусками земли в разных уездах Московской губернии, которые раньше носили характерное название “подмосковных”. Там были усадьбы, велось и хозяйство, что при даровом крестьянском труде было легко».

Как уже говорилось, в начале 1870-х гг. друг за другом ушли из жизни супруги Василий Васильевич (второй) и Александра Павловна Чередеевы. Других наследников, кроме дочери Елизаветы, у них не было, все владения перешли ей.

Мать Елизавета Васильевна Маклакова (урожд. Чередеева) и ее дети

Известно о рождении троих детей в семье Череевых. Первая девочка Мария прожила всего несколько лет. Недолго жил и мальчик Павел (рядом с ним потом была похоронена его мать Александра Павловна). Выжила только дочь Елизавета, которая в замужестве стала Маклаковой.

В отношении **Елизаветы Васильевны Маклаковой** (урожд. **Череевой**, 1846 – † 1881) повезло в том плане, что помимо обычных «сухих» архивных документов были найдены свидетельства о жизни. Это как ее собственные воспоминания и письма, так и воспоминания сына Василия.

Осенью 1858 г. Лиза, когда была еще девочкой, завела свой дневник. Правда, записи делала нерегулярно и недолго (около полугода). Ее детский дневник сохранился, отдельные цитаты из него уже приводились. Здесь даны другие выдержки из этого интересного документа:

«Я родилась 31 Октября [в] 1846-м году [согласно метрической записи – 1 ноября³⁹]. Помню себе с того времени как мне взяли мою первую гувернантку (мне было тогда 5 лет) Анну Михайловну Благоевскую, девушку 18 лет.

[...] в 3 ночи по полуночи на 19 Ноября 1856 году мой милый дедушка [Павел Федорович Степанов – Авт.] скончался. Я долго плакала [...] Тогда мне было 10 лет. Первое горе по прошествии первого десятка моей жизни. После 9-ти дней переехали мы в дом нашего деревенского соседа Ивана Марковича Недельского и провели там всю зиму, летом мы уехали в деревню. [...]

*К году дедушкиной кончины мы поехали в Москву и зажили городской жизнью. В Феврале купили свой дом и переехали в него. В конце Мая начали собираться в деревню [...] В Воскресенье мама встретила меня словами: “Лиза мы нынче едем в **Сабурово**”. [...] Сабурово деревня, доставшееся маме после кончины дедушки и в которой мы никогда не были [...] В 6 вечера выехали, а в одиннадцать приехали в Сабурово [...] Через три дня папа уехал в Петербург и мы остались в Сабурове.*

Какие чудные три недели провели мы там! [...] погода была превосходная все это время. Но в Сабурове, да что и говорить, маленький домик на углу большого, дикаго и тенистаго сада, огромный пруд соединенный с двумя маленькими и остров посреди его, прямо перед окнами дома. [...]

*Суббота, 6 сентября. Мы приехали в **Ярцево**, деревню в которой мы провели и зиму и лето в продолжении [нрзб] лет [...] На другой день к величайшему нашему удовольствию приехал папа [...] В Воскресенье было освящение теплаго придела в нашем приходском селе Храброве и мы были там, потом завтракали у священника, пили чай и шампанское и ели пирог. Потом обедали у нас священники, дьяконы и даже староста церковный, простой мужик. [...]*

19 [ноября, 1858]. Сегодняшний день в 11 часов утра 24 года назад [точнее 25 лет] скончалась моя бабушка Елизавета Александровна [Степанова], а в ночь на завтрашний день 2 года назад как скончался мой милый дедушка. Мама поехала в Донской монастырь, где они похоронены»⁴⁰.

Согласно метрической записи, 5 мая 1867 г. Елизавета вышла замуж за врача Алексея Николаевича Маклакова⁴¹, который был на девять лет старше (их совместная фотография приведена далее из 4–11). Вот что написал Василий о том, как состоялось сватовство родителей:

«Я от них часто слышал другие рассказы, например, о том, как отец сделал предложение матери. Он в доме ее родителей часто бывал, сначала как доктор, позднее как друг, но о своих личных планах молчал. И когда в разговоре с бабушкой он по какому-то поводу сделал на это

Изо 4–03. Е. В. Череева
(в замужестве Маклакова)³⁸,
фото А. Ф. Эйхенвальд, 1870-е гг.
Государственный музей
А. С. Пушкина, Москва.

очень отдаленный намек, который можно было понять даже вовсе не так, бабушка на него сразу накинулась: «Наконец-то, мой батюшка, давно пора!» Об этом они часто вспоминали со смехом. Можно было над этим только смеяться: брак вышел очень счастливым. Была ли в этих колебаниях отца простая застенчивость или его останавливало неравенство «положений» – мать была единственной дочерью богатых и важных родителей, а он, молодой врач, не имевший своего состояния, – или за этим скрывалось различие культурных и политических симпатий двух семей, я не знал и уже не узнаю»⁴².

Известно о восьмерых родившихся детях Елизаветы Васильевны. Все выжили, кроме последнего мальчика Вани (Иоанна), скончавшегося младенцем. О детях подробный разговор впереди, сейчас лишь приведем отрывки из доброго письма-напутствия, которое мать написала старшему сыну: «Спасибо тебе, милый Васюк, за твое письмецо, мы все с таким интересом перечитывали все подробности твоего экзамена и первого дня в гимназии [...] Пишу тебе на всякий случай, если ты не придешь сегодня к нам и мне не придется полюбоваться на тебя в мундирчике. Поздравляю тебя со вступлением в общественную жизнь [...] Старайся быть умен, милый Вася учись хорошенько, старайся лучше писать, и не давай себя наталкивать на шалости другим мальчишкам [...] Не забывай молиться Богу и старайся не опаздывать в гимназию и не забывай дома ни книг, ни тетрадей, чтобы не поучать единицы. Твоя мамаша»⁴³.

Василий с не меньшей теплотой вспоминал о своей матери Елизавете Васильевне:

«Мать была не только из зажиточной среды, но и культурной. В этой среде это было не редкость. Единственная дочь богатых родителей, она получила только домашнее воспитание. До конца жизни сохранила предубеждение против школы, боялась в ней дурных знакомств и влияний; в этом она уступила отцу только для сыновей, но оставила завет не отдавать никуда дочерей. Дома ее учили всему, что полагалось знать воспитанной барышне этого круга; она свободно говорила на трех языках (помимо русского), была ученицей знаменитого пианиста Фильда. [...]

Она умерла тридцати трех лет [точнее 34], имея восемь человек детей, из которых семеро остались живы. С ранней молодости она вся ушла в заботу о них, о хозяйстве, о поддержании отношений и положения в обществе. Ей некогда было продолжать учиться. Сама жизнь должна была ее развивать; но среда, в которой она выросла, родня, которой она была окружена, и положение ее, как матери большого семейства, оберегали ее от тех общественных увлечений, которые были свойственны 60-м годам; они ее не затронули. Она осталась тем, чем была в самые юные годы. Поскольку я могу по детским воспоминаниям судить о матери, она воспиталась на одной главной основе – религиозной. Глубокая и своеобразная религиозность проникала все ее мирозерцание, не оставляя места ни сомнениям, ни рассуждениям. [...] Вера в промысел Божий, который всем в наших земных делах управляет, была для нее не заповеданной и для верующих выгодной верой, а простой очевидностью. [...] Она порицала грех, как нарушение Божьей заповеди, но “грешников” не осуждала. В этом была не только религиозная заповедь, но и свойство характера. Я не знал в жизни более доброго человека, чем мать: она никогда не сердилась, всех всегда защищала»⁴⁴.

С большой болью Василий Алексеевич написал о кончине матушки:

«В Вербную субботу 1881 года мать, по обыкновению, повезла нас, детей, смотреть вербное гулянье на Красной площади. Она казалась совершенно здоровой. По возвращении мы стали просить, чтобы по случаю Страстной отменить уроки музыки. Она шутливо сказала: “Хорошо, я, может быть, вас и помилую”. Это были последние слова, что мы от нее услышали. На другое утро она не вышла из спальни. Приходили доктора, осматривали, что-то прописывали, но ей лучше не становилось. В понедельник с утра она была уже без сознания. [...] Ночью детей разбудили, повели с нею прощаться. Она была без памяти, вся в крови от пиявок. Отец брал ее руку и нас ею крестил. Надежды на выздоровление не оставалось. [...] Наступил день отпевания. Это была Страстная неделя. Гроб стоял вблизи Плащаницы. Масса народа. На отпевание приехал архиерей Амвросий, знаменитый духовный оратор, впоследствии он был архиепископом в Харькове».

Согласно записи в метрической книге Елизавета Васильевна умерла от тифа. Отпевание производилось в Москве, а тело перевезли в с. Храброво Дмитровского уезда, погребли на семейном некрополе Чередеевых. Позднее рядом был похоронен и муж Алексей Николаевич.

Прапрадед Иван Игнатьевич Маклаков

(герб рода не найден).

До сих пор в этой главе шла речь о родственниках по женской линии – Череевых (а ранее – о Степановых и Татариновых). Теперь настала пора поговорить о предках по мужской линии.

Несмотря на обилие публикаций о Маклаковых, почти нет сведений об их происхождении, и тому есть объяснение. Адвокат Василий Алексеевич как-то написал: *«Брат же мой Николай, большой любитель белой кости, утверждал мне, что наша фамилия Маклаков необычайно старинная и восходит до Бориса Годунова, когда она писалась Моклаков, а не Маклаков. Полезно, что еще до того как он стал министром, он предлагал мне поручить департаменту геральдики восстановить нашу родословную; но это стоило денег, а больше 5 копеек я на это тратить не соглашался»*⁴⁵. Упомянутый Николай Алексеевич Маклаков говорил, что нашел бумаги, по которым можно было восстановить родословную и переписаться в другую дворянскую книгу. Но ничего из этого не было сделано. Очевидно, братья не стремились к более престижному общественному статусу, не особо интересовались своими древними корнями.

Есть основания полагать, что прежде никто всерьез не занимался изучением родословной Маклаковых. Настоящее издание в какой-то мере призвано устранить этот пробел.

Маклаковы, как и некоторые другие дворянские роды, о которых говорилось в настоящей книге, не относились к знатым русским фамилиям. Это все были так называемые «служивые» дворяне, которые оказались причислены к дворянскому сословию благодаря продвижению по службе. В генеалогических справочниках о таких людях обычно мало писали (если только среди них не было выдающихся личностей). И если в роду не оказывалось любителей старины, которые собирали сведения о своих предках, то составить «глубокую» родословную достаточно сложно. Увы, среди Маклаковых не нашлось таких знатоков истории.

После тщательного изучения сотен архивных дел, книг, статей и публикаций в интернете удалось по некоторым ветвям рода добраться аж до 6-го поколения предков (Татариновы). Но по мужской ветви рода Маклаковых такой глубины достичь не удалось. И все же были установлены имена нескольких предков адвоката В. А. Маклакова. К ним теперь и перейдем.

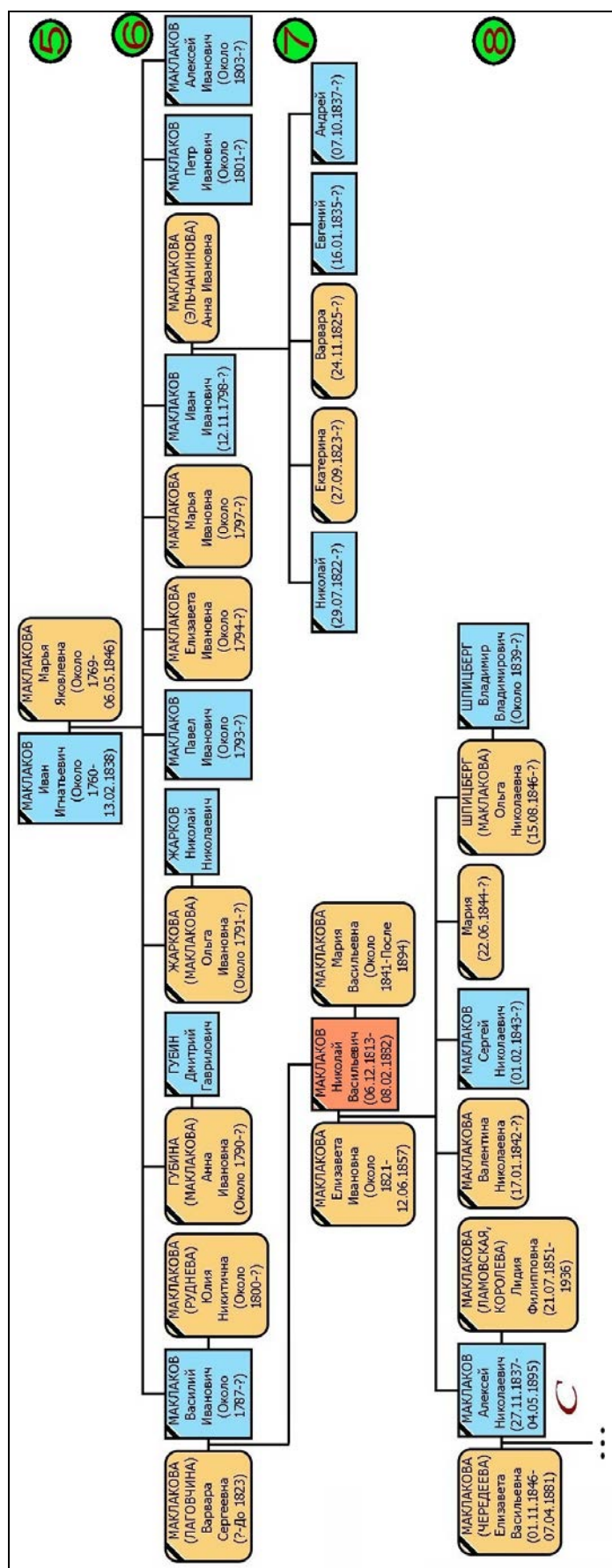
Сведения о службе Ивана Игнатьевича Маклакова

Имена некоторых предков удалось установить далеко не сразу. Василий Алексеевич, скорее всего, и не знал, как звали прадеда по отцовской линии (а иначе, думается, написал бы об этом в своих воспоминаниях). В ходе работы над книгой было установлено его имя – Василий Иванович Маклаков. Отталкиваясь от этого имени, были продолжены поиски в архивах. В результате удалось добраться до родителя Василия Ивановича, он же прапрадед дергайковского помещика. Его звали **Иван Игнатьевич Маклаков** (ок. 1760 – † 1838).

К счастью, в архиве РГИА сохранилось дело о дворянстве Маклаковых, в котором оказался формулярный список Ивана Игнатьевича. В нем написано о его происхождении: *«из солдатских детей»*, место рождения и имя родителя не указаны. Если это так, то получается, что не было никаких корней *«до Бориса Годунова»*, о которых говорилось выше?

На службу Иван Игнатьевич поступил в 1778 г. в Межевую канцелярию на самую низшую должность подканцеляриста⁴⁶. Спустя два года он перешел в Новгородскую межевую контору на место канцеляриста. В 1784 г. был определен в Верхний земский суд Петербурга, указан чин – провинциальный секретарь. В ФС расписаны последующие должности и чины И. И. Маклакова. В 1794 г. его перевели на службу в Главное почтовое управление, год спустя присвоили чин коллежского асессора. Далее служил секретарем у гофмаршала князя Ф. С. Борятинского, в последующем находился при обер-гофмаршале графе Н. П. Шереметьеве.

В эти годы Иван Игнатьевич проживал в столице империи. Это подтверждает довольно необычное объявление, обнаруженное в приложении к газете «Санктпетербургские ведомости» за 1791 г.: *«Продается четвероместная карета, ныняшняго манеру, зеленая с искрою, палевым бархатом обитая, сделанная лучшим мастером на заказ, мало употребляемая, и весьма за сходную цену. Желющие купить, могут об оной спросить верхняго Земскаго суда у Секретаря Ивана Маклакова в том самом суде в обыкновенное время, или в его квартире на новых местах в доме купца Григорья Коскицаго, состоящем лицом к парадному месту Измайловскаго полку»*⁴⁷.

Изо 4-04. Фрагмент древа рода предков Маклаковых
(без потомков).

В 1805 г. И. И. Маклаков «*по высочайшему повелению*» был переведен в 8-й департамент Правительствующего Сената¹. Как удалось установить – это ведомство находилось в Москве. Так состоялся переезд в белокаменную столицу. Проживание в Москве подтверждают исповедные ведомости.

В 1810 г. Ивана Игнатьевича наградили орденом св. Владимира 4-й ст. Спустя восемь лет был вручен орден св. Анны 2-го класса. Это были высокие награды, далеко не каждый чиновник их удостоивался. Были и продвижения по службе. В сенатской газете обнаружено такое объявление: *«Надворного Советника Маклакова, состоящего в сем чине [надворного советника] с 9 Июня 1803 года, в вознаграждение усердной службы, Всемилостивейше жалуем в Обер-Секретари Правительствующаго Сената»*⁴⁸.

Сохранилось свидетельство современников об Иване Игнатьевиче. В письме Г. Р. Державина к В. В. Капнисту есть строчка с упоминанием про «*обер-секретаря Маклакова, который по-истине недурной человек, и мне коротко, по бытности у меня под начальством, знаком*»⁴⁹. Тот же Державин в письмах, написанных Христофорову, просил доставлять деньги: «*в Петербург в мой дом г. коллежскому ассесору Ивану Игнатьевичу Маклакову*»⁵⁰.

В 1822 г., когда И. И. Маклакову шел седьмой десяток лет, было подано прошение об отставке. Оно было удовлетворено, об этом свидетельствует напечатанный в газете указ императора: «*Апреля 26 числа. Обер-Секретаря 8 Департамента Правительствующаго Сената Ивана Маклакова, увольняя, по прошению его, за старостию лет и слабостию здоровья от службы во-все, в награду сорока трех летняго безпорочнаго прехождения оной, ПОВЕЛЕВАЕМ производить ему в пенсион по смерть половину получаемаго им жалованья, то есть: по тысяче пяти сот [1500] рублей в год из Государственнаго Казначейства*»⁵¹.

После увольнения Иван Игнатьевич прожил еще долго, умер в 1838 г. в возрасте 79 лет. Как написано в метрической книге: «*От истощения сил*»⁵². Похороны состоялись на Лазаревском кладбище в Москве.

ⁱ Восьмой департамент Сената – это высший апелляционный суд по гражданским делам. Учрежден в 1805 г.

Семейное положение

В ФС приведены сведения о семье Ивана Игнатьевича Маклакова. Написано, что женат на протоиерейской дочери **Марии Яковлевне** (ок. 1769 – † 1846), девичья фамилия не указана. Жена была почти на десять лет младше мужа.

Семья Маклаковых оказалась многодетной. В исповедной ведомости 1808 г. показано девять детей⁵³ (их имена приведены в древе из 4–04). И что интересно – все они появились на свет до прибытия в Москву. Рождение детей в первопрестольном граде не зафиксировано, хотя Марии Яковлевне при переезде не было еще и 35 лет. Да и Иван Игнатьевич был далек до старости.

О детях в семье И. И. Маклакова информация особо не собиралась (кроме сына Василия). И все же об одном из них кое-что стало известно.

В архивном деле, в котором оказался ФС Ивана Игнатьевича, приведена информация о сыне Иване. Он был помощником *«Почтмейстера»*, просил причислить к дворянскому сословию своих детей. При этом ссылался на документы отца, которые давали право на потомственное дворянство. В деле сказано, что Иван Иванович женат на Анне Ивановне (урожд. Эльчаниновой). Очевидно, она была дворянкой, коль скоро имела имения в Ярославской губернии. Сообщалось о трех детях, а потом еще о двух, которых Иван Иванович хотел причислить к дворянскому сословию (все они показаны в древе).

После кончины Ивана Игнатьевича вдова Марья Яковлевна проживала в том же московском доме. Все дети разъехались, кроме Елизаветы, которая, очевидно, осталась девой. Вдова умерла в 1846 г. в возрасте 74 лет (по другим документам, ей было на три года больше). В метрической книге указана причина смерти: *«от водянки»*⁵⁴. Похоронили ее на том же Лазаревском кладбище, где и супруга.

Был ли Иван Игнатьевич Маклаков дворянином?

О прапрадеде сохранилось несколько документов. Но нигде не сказано, что он был дворянином. По рождению им точно не был, ибо сам написал о своем происхождении: *«из солдатских детей»*. А вот по службе Иван Игнатьевич вполне мог им стать как по присвоенным чином (в то время в благородное сословие причисляли служащих с 9-м чином, а у него был 6-й), так и по наградам (орден св. Владимира 4-й ст. давал такое право). Но воспользовался ли И. И. Маклаков этим правом – непонятно. По крайней мере, в Московскую родословную книгу дворянства он, по всей видимости, не был внесен (а иначе в архиве имелось бы его дело).

С другой стороны, в документе 1811 г. написано о дворовом человеке, приобретенном Иваном Игнатьевичем двумя годами ранее⁵⁵ (позднее у него уже имелось три дворовых человека). Да и само название исторического документа, откуда взяты эти сведения – *«Ревизские сказки 6-й ревизии по дворовым, принадлежащим помещикам»* – говорит само за себя. Помещиками в те времена могли быть только дворяне, и только они имели право покупать крепостных людей. Все это говорит (пусть и косвенно) о том, что И. И. Маклаков был дворянином. Правда, возможно, личным, без занесения фамилии в дворянскую родословную книгу.

Теперь насчет владения недвижимостью. Здесь такая ситуация. Учитывая солдатское происхождение, у Ивана Игнатьевича не могло быть родовых имений. Если и были владения, то только благоприобретенные. А таковые вполне могли быть, ибо его оклад был высоким (3.000 руб. в год в конце службы), можно было скопить денег на покупку небольшого поместья. Однако достоверных документов о земельных владениях не обнаружено.

Когда И. И. Маклаков переехал на службу в Москву (это случилось, по всей видимости, в 1805 г.), он снял жилье для своей многодетной семьи. Согласно исповедной ведомости, Маклаковы проживали в доме графа Н. П. Румянцева, который находился в приходе *«церкви Космы и Дамиана, что на Покровке»*. Восемь лет спустя в исповедке указан уже иной адрес – дом И. И. Барышникова. Ну а в 1822 г. семья Ивана Игнатьевича имела собственное жилье в приходе Всесвятской церкви у Красных ворот. В ревизской сказке 1834 г. отмечено, что дом Маклаковых находился в Басманной части 1-го квартала. В этом доме Иван Игнатьевич спустя четыре года умер.

Прадед Василий Иванович Маклаков и дворяне Лаговчины

При описании истории дворянских родов ситуация обычно такова: с каждым следующим поколением детей, внуков исторических материалов больше. Но, к сожалению, в отношении Василия Ивановича Маклакова оказалось иначе: о нем информации меньше, чем о его отце Иване Игнатьевиче. Не удалось найти ФС, и поэтому полных сведений о службе нет. Однако установлено, что Василий Иванович был дважды женат. Его первой супругой стала Варвара Сергеевна (урожд. Лаговчина). Это – прабабушка Василия Алексеевича Маклакова. С ее происхождения и начнем рассказ.

Дворяне Лаговчины

(герб рода не найден¹).

Дворянский род Лаговчиных (иногда писали Логовчины), хоть и считался старинным, но был малочисленным и к числу известных не относился, сведений о нем мало. В энциклопедическом словаре “Брокгауза и Ефрона” всего две строчки: «*Лаговчины – дворянский род. Предок их, Лагач Дмитриевич, был выходцем из Польши (1682). Род Л. внесен в VI ч. род. кн. [родословной книги] Тульской губ.*»⁵⁶. На сайте “Википедия” приведена такая информация: «*При подаче документов (28 марта 1687) для внесения рода в Бархатную книгу, была предоставлена родословная роспись Лаговчиных и подтверждающая жалованная грамота (1544) Ивана IV Грозного Михаилу и Суторме Даниловым детям Лаговчина на их поместье сельцо Радуцье с деревнями в Колоденском стане Тульского уезда (документы подтверждают более ранний выезд предков Лаговчиных)*».

Поколенная роспись рода приведена в дореволюционном генеалогическом справочнике Тульской губернии. Во второй ветви показан предок Дмитрий, в следующем поколении – тот самый выходец из Польши Лагач. В седьмом поколении оказался «*Иван Сем. [Семенович] прапорщ. Ж. [жена] Евдокия Дмитриевна*»⁵⁷. В восьмом – его сын Афанасий и в девятом – внук Сергей. Последние двое – это дед и отец Варвары, супруги Василия Ивановича Маклакова. По этим данным, а также по сведениям из других источников составлено родословное древо Лаговчиных.

Помощь в сборе информации оказала исследователь И. Фирсова. По ее данным, Сергей Афанасьевич Лаговчин был женат на Екатерине Ивановне (девичья фамилия осталась неизвестной). Она также подсказала, где искать дополнительную информацию.

Об **Афанасии Ивановиче Лаговчине** (дедушке Варвары Сергеевны) в интернете нашлась такая информация: начал службу в армии в 1730 г. со звания капрала⁵⁸. Через семь лет он – сержант. Потом, видимо, вышел в отставку. На той же страничке говорится, что имел имение Мокрые Голицы Ефремовского уезда Тульской губернии, в котором насчитывалось всего 10 душ.

Афанасий Иванович был женат. К сожалению, имя супруги осталось неизвестным. Зато в ходе поисковых работ удалось узнать о двух дочерях – Наталье и Татьяне, и сыне Сергее.

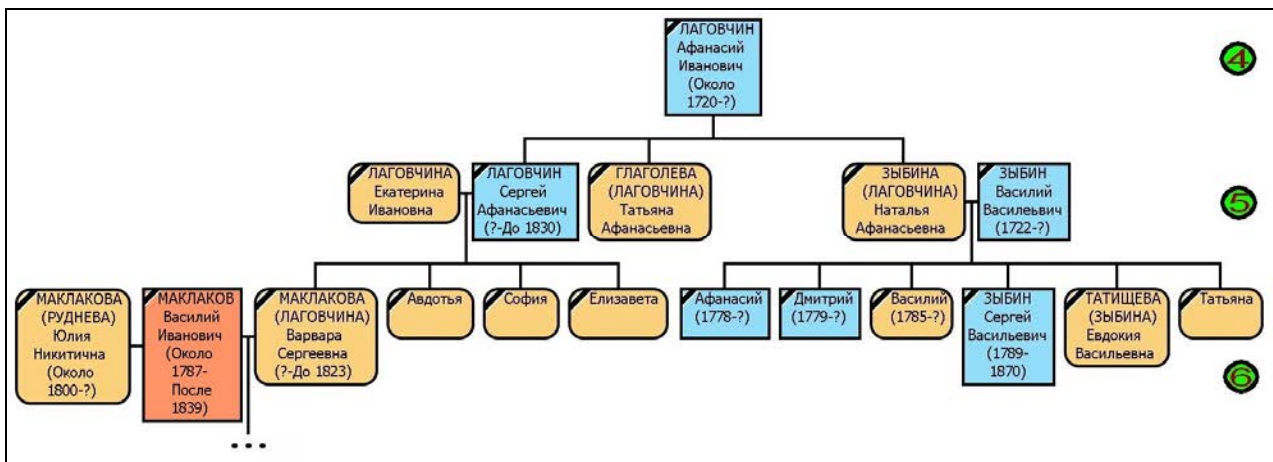
Имя дочери Татьяны упомянуто в деле, в котором ее брат Сергей просил провести с ней разграничение имения в Ефремовском уезде⁵⁹.

О Наталье стало известно из дела тульского архива ГАТО, составленного перед самой революцией. В этом деле оказались документы, представленные, по всей видимости, потомком указанной женщины. В них сказано, что Наталья Афанасьевна вышла замуж за Василия Васильевича Зыбина⁶⁰, который был офицером и дослужился до звания генерал-майора. У них родились дети (их имена приведены в древе рода из 4–05). Один из них, Сергей, оказался brave офицером, полковником кавалерии, героем войны 1812 г. У него были дети, внуки. О некоторых из них можно найти информацию в интернете⁶¹.

Перейдем к другой ветви рода, поговорим о **Сергее Афанасьевиче Лаговчине**. О нем в тульском архиве ГАТО сохранилось несколько дел. К сожалению, в них не оказалось формулярного списка Сергея (как, впрочем, и его отца тоже). Поэтому полных сведений о службе нет.

В одном из дел рассматривалось прошение секунд-майора Сергея Афанасьевича Лаговчина, поданное в Тульское дворянское депутатское собрание о причислении его к благородному сословию. Он приложил родословное древо, идущее от поляка Лагача, и копию грамоты, жалованной

¹ На сайте <https://gerbovnik.ru> говорится (со ссылкой на архивные дела РГИА), что в начале XIX в. Матвей Александрович Лаговчин (это дальний родственник наших Лаговчиных) подал прошение на изготовление герба рода. Какое решение было принято – осталось неизвестно, изображение герба найти не удалось.

Изо 4—05. Фрагмент родословного дерева предков Лаговчиных (без потомков).

его предкам Иваном Грозным. Собрание приняло положительное решение о занесении С. А. Лаговчина в 4-ю часть дворянской книги. Но Сергей Афанасьевич остался этим недоволен, хотел быть внесенным в 6-ю часть, более престижную. При этом ссылался на свою дальнюю родственницу Екатерину Лаговчину, которую занесли в указанную часть. В итоге его ходатайство было удовлетворено. 8 мая 1794 г. С. А. Лаговчину была выдана желанная грамота о дворянстве⁶².

В другом деле говорится, что имение Сухие и Мокрые Гольцы принадлежало деду Сергея — комиссару Ивану Семеновичу. Тот в 1736 г. купил у своего родственника Михаила Потаповича Лаговчина дер. «Моховую, Дубровки тож». Потом эти владения оказались у Сергея Афанасьевича. Об этом приведена информация в генеалогическом справочнике: «Сергей Афан. 1768 сек.-майор, родовое поместье в 300 д. [душ] в Черниг. у. [точнее в Чернском уезде] дер. Моховое».

Но не всегда раздел наследства проходил мирно и по согласию. В тульском архиве сохранилось несколько дел, в которых рассматриваются судебные тяжбы по земельным и финансовым вопросам между родственниками Лаговчиными. Были споры и с соседними помещиками. Так, в 1809 г. С. А. Лаговчин подал жалобу на князя А. М. Волконского за порубку леса на его земле с последующей продажей древесины купцам. Суд приговорил князя к уплате 18.000 руб.⁶³.

В 1822 г. в газете было напечатано объявление: «Ефремовской округи в сельце Мокрой Голлице продается пашенной земли 500 десятин, из коих лесу строевого до 50 десятин, с огумненным и крестьянским строением и двумя господскими домами, при коих два плодовых сада и два пруда с рыбою на колодезях. О цене узнать можно во всякое время Чернской округи в сельце Моховой Дубровке от самого хозяина Сергея Афанасьевича Лаговчина»⁶⁴. Эти слова говорят о том, что помещик проживал в своем имении, но, очевидно, собирался его продать целиком или часть.

В том же архиве ГАТО сохранилось интересное дело, которое показывает одно из увлечений Сергея Афанасьевича. В феврале 1822 г. городничий г. Черни рапортовал своему начальнику Тульскому гражданскому губернатору о том, что к нему обратился местный помещик, майор С. А. Лаговчин, с предложением открыть в уездном городе «*публичный театр*», как написано: «*во уважение желанию любителей благородных и прочих особ*»⁶⁵. Губернатор запросил разрешение у вышестоящего начальства, а именно у военного генерал-губернатора. Тот дал согласие. В ходе переписки выяснилось, что подходящего помещения для устройства театра в г. Черни нет, требовалось построить новое. Городничий предложил пустующий участок в городе. Далее власти запросили чертежи здания к постройке (план и фасад), они были представлены. Военный генерал-губернатор внес правки в проект деревянного строения, рекомендовал окрасить его для лучшего вида. Были заданы вопросы о плате за вход и о репертуаре. Последовал ответ, что помещик цену назвать не может, «*дабы не было убытков*». Был представлен список театральных постановок, которые предполагалось играть на сцене. Он включал несколько десятков названий опер, драм и комедий, среди них: «*Сивильский цырюльник*», «*Слуга двух господ*», «*Хитрая вдова*» и др.

Как следует из датировок бумаг в деле, решение вопроса о строительстве театра затянулось на полтора года. Причем задержка произошла не по вине властей, как, обычно, это происходило.

Когда спустя несколько месяцев губернские власти запросили городничего о текущем состоянии дел по театру, тот ответил, что Лаговчин «*по нездоровью*» приступить к постройке не может. В деле нет информации о том, чем вся эта история завершилась. В интернете написано, что театр в Черни был открыт только в 1918 г. Очевидно, Сергею Афанасьевичу не удалось реализовать задуманное. Почему – остается только гадать. То ли передумал, то ли действительно болезнь помешала, ведь он прожил недолго. Точную дату смерти не удалось установить, но в 1830 г. его супруга Екатерина Ивановна в одном из документов упомянула мужа как умершего.

Поговорим теперь о продолжении рода Лаговчиных.

Сколько было детей у Сергея Афанасьевича – вопрос остался открытым. Везде пишут только об одной дочери, Варваре, вышедшей замуж за В. И. Маклакова. У нее были дети, внуки, об этом поговорим позже. О том, что у Варвары имелись сестры, стало известно из переписки Маклаковых. Эта информация нашла подтверждение на сайте тульского архива. В электронном справочнике приведены данные об имении Чернского уезда «*Моховое, Дубровка тож*», которое, как уже говорилось, принадлежало Сергею Афанасьевичу. А потом оно оказалось записанным за Елизаветой, Софьей и Авдотьей. У всех троих указано одно отчество – Сергеевна – и общая фамилия Лаговчина. Очевидно, это были дочери Сергея Афанасьевича, им перешло родительское имение. Почему в списке наследников не оказалось Варвары – осталось непонятно.

Василий Иванович Маклаков и его жены

Перейдем теперь к мужу Варвары Сергеевны (урожд. Лаговчиной) – **Василию Ивановичу Маклакову**.

В который раз приходится сетовать на недостаток информации об очередном персонаже книги. Достоверных сведений о дате и месте рождения Василия нет. Его примерный год рождения (1787) рассчитан по исповедке, в которой он показан 20-летним⁶⁶. А появился на свет Василий, скорее всего, в Петербурге, где тогда в Верхнем земском суде служил его отец, Иван Игнатьевич. Осталось неизвестно, где В. И. Маклаков получил образование, где потом служил. Можно лишь утверждать, что наверняка состоял на какой-то службе, причем длительное время. Об этом свидетельствует его достаточно высокий чин титулярного советника (9-й в Табели о рангах), упомянутый в одном из документов.

Также остались неизвестными обстоятельства сватовства, дата и место венчания Василия Ивановича. Можно лишь говорить о том, что свадьба состоялась между 1811 и 1813 гг. Дело в том, что в 1811 г. имение Верховье Галицыⁱ Ефремовского уезда в документе было записано за помещицей **Варварой Сергеевной** под ее девичьей фамилией **Лаговчиной**. Это косвенно свидетельствует о том, что она еще не была замужем. А в декабре 1813 г. у нее в браке с Василием Ивановичем Маклаковым родился сын Николай. Были ли другие дети в семье – данных нетⁱⁱ.

Варвара Сергеевна, по всей видимости, прожила недолго. Это следует из информации, предоставленной И. Фирсовой. Она прислала копию метрической записи о втором браке Василия Ивановича Маклакова с вдовой Юлией Никитичной Рудневой⁶⁷. Венчание состоялось в 1823 г. в Туле. Одним из поручителей на свадьбе со стороны жениха был его брат Павел Иванович Маклаков.

Были ли собственные владения у второй жены, Юлии Никитичны, осталось неизвестно. Зато точно можно говорить о том, что первая супруга, Варвара Сергеевна, завещала свое имение Верховье Галицы сыну Николаю⁶⁸.

Вот, собственно, и все, что удалось узнать о жизни В. И. Маклакова и его близких родственниках. О датах кончины Василия Ивановича и его жен, а также о местах погребения, сведений нет.

ⁱ В разных документах по Ефремовскому уезду встречаются названия населенных пунктов Сухие и Мокрые Голицы, Верховье Галицы (Голицы), Большие Галицы. Было ли это одно селение или разные – не удалось установить.

ⁱⁱ По всей видимости, всю свою жизнь или большую ее часть В. И. Маклаков провел в Тульской губернии. К сожалению, в местном архиве ГАТО сохранилось мало метрических книг и исповедных ведомостей, за многие годы эти документы оказались утрачены. В справочных изданиях “Адрес-календаря” имя и фамилия Василия Ивановича Маклакова не встречается.

Дед Николай Васильевич Маклаков

В отношении следующего предка ситуация отраднее: информации о **Николае Васильевиче Маклакове** (1813 – † 1882), сыне Василия Ивановича, собрано больше.

Воспоминания внука о своем дедушке

Дергайковский помещик В. А. Маклаков в своих воспоминаниях немало строк посвятил своему дедушке:

«У нас не сохранилось отношений с отцовской родней. Из нее мы знали только родного деда Николая Васильевича, живописного старика с длинными белоснежными волосами, какими тогда изображали вернувшихся из ссылки декабристов. Человек очень способный, но легко увлекавшийся, он постоянно менял род занятий и потому не преуспел ни в одном. Начал врачом. Набрасывался в медицине на всякие новшества, даже на те, которые тогда принимали за шарлатанство, как, например, гипнотизм. Но медициной он занимался недолго. Помню его рассказы о его увлечении петушиными боями, для которых он выводил особую породу петухов; о попытках построить “perpetuum mobile”, об изобретении им “повозки для тяжестей”, которая выдержала будто бы публичные испытания и только по чьим-то интригам не была удостоена премии; кое-что я о нем узнавал не только по его собственным рассказам. После смерти отца в икатулке, где хранились письма деда к нему, я нашел письмо, где дед отцу сообщал, что изобрел в Монте-Карло “беспроигрышную систему игры”, вошел в компанию с неким графом Грабовским, чтобы “взорвать” вместе банк, и

убеждал отца собрать как можно больше денег и ехать к нему: “вернешься богатым”. [...]

Дед перешел тогда к другим занятиям, пристрастился к литературе, написал драму “Богдан Хмельницкий”, которая была поставлена в Малом театре на Императорской сцене. Из деревни он приезжал на ее постановку, ходил на репетиции, и сам помню, как он восхищался игравшей в его пьесе молодой, тогда никому еще не известной артисткой – Ермоловой. Еще позднее, уже на старости лет, он выучился английскому языку и стал переводить Шекспира. [...] Когда деду стало скучно в деревне, он стал все чаще ездить к близким соседям, графам Олсуфьевым, которые безвыездно жили в своем подмосковном имении Оболянове. Олсуфьевы были исключительно культурной, талантливой и литературной семьей; у них часто бывали Толстые, не исключая и самого Льва Николаевича; [...] Под конец дед жил там подолгу, там и скончался»⁷⁰.

К сказанному можно еще добавить слова того же внука о дедушке из другого источника: «выдумал безошибочную систему игры в Монте-Карло, по которой проиграл не только свое, но и чужое состояние [...] страшно увлекался женщинами, которых в его жизни играли роковую роль»⁷¹.

Сведения об учебе, службе и жизни Николая Васильевича Маклакова

Теперь перейдем к обзору собранных материалов о дедушке.

Метрическая запись о рождении и крещении Н. В. Маклакова не обнаружена. В энциклопедии “Истринская земля” приведена дата его появления на свет – 6 декабря 1813 г. (без ссылки на исторический источник), а в энциклопедии Брокгауза и Ефрона указан другой год – 1811. О месте рождения сказано в “Википедии”: «Родился в селе Моховое Чернского уезда Тульской губернии».

В архиве РГАЛИ хранится «Личное дело Маклакова Н. В.». В нем говорится, что он «из дворян», воспитанник Московского университета, выдержал экзамен на лекаря 1-го отделения и «отправлен был для практики в Московскую Марьяинскую больницу» 1 июня 1836 г.⁷²

Спустя четыре года Николай Васильевич был определен «городовым врачом» в г. Ефремов Тульской губернии. Думается, что выбор этого города для места службы не случаен, если вспомнить, что у матери, Варвары Сергеевны, было имение в Ефремовском уезде. Н. В. Маклаков хорошо

Изо 4–06. Н. В. Маклаков⁶⁹, 1868–1872, фото Д. А. Александров. Государственный музей А. С. Пушкина, Москва.

зарекомендовал себя на службе. Как написано в его аттестате: при проведении инспекции городской больницы генерал-майором Тишининым «за найденный в оной порядок и деятельность изъявлена ему благодарность»⁷³.

Около четырех лет Николай Васильевич трудился в Ефремове. Летом 1844 г. уволился со службы «для приобретения высшей ученой степени», стал слушать лекции в Московском университете. Во время учебы проживал в московском доме своего деда Ивана Игнатьевича, это подтверждает исповедная ведомость. Остались непонятны слова о приобретении «высшей ученой степени»: подразумевали ли они написание диссертации? Так или иначе, о защите диссертации Н. В. Маклаковым нигде не сказано и доктором медицины он нигде не назван.

Как написано в аттестате, в 1847 г. Николай Васильевич участвовал в борьбе с эпидемией «во временной холерной Хамовнической больнице, исполняя врачебныя обязанности с примерным усердием и неусыпною заботливостью». В следующем году был «Определен к Императорским Московским Театрам Медиком на своем содержании» (видимо, без оклада). Год спустя «произведен за выслугу лет в Титулярные Советники».

Были и поощрения. «В награду отлично-усердной службы Всемилостивейше пожалован из Кабинета Его Величества подарком по чину /бриллиантовым перстнем/».

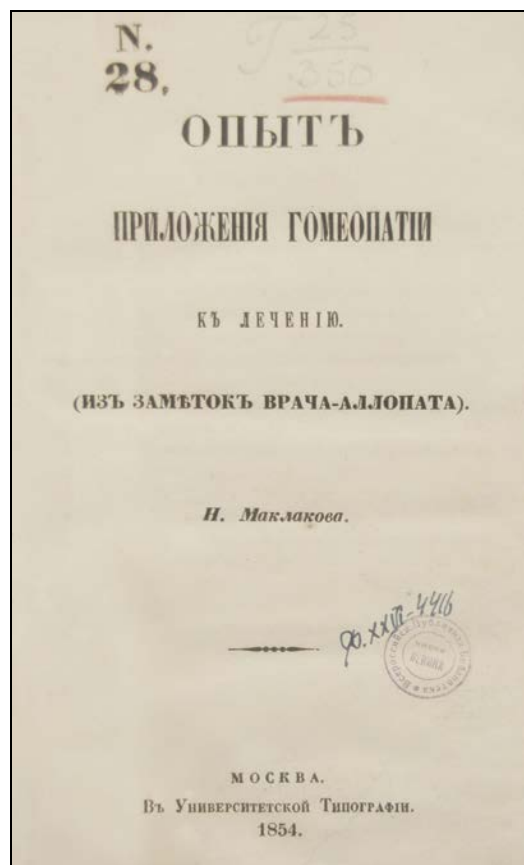
Шли годы, Николай Васильевич получал очередные классные чины. В его аттестате сказано, что «Во все время продолжения службы своей при Дирекции исполнял должность свою очень хорошо при похвальном поведении». Однако с присвоением чина коллежского асессора возникли сложности. От Н. В. Маклакова потребовали предоставить грамоту о причислении к дворянскому сословию. А он не мог этого сделать, ссылаясь на то, что документы сгорели в Туле во время большого пожара в 1833 г. Больше года длилась переписка между инстанциями, и в итоге дело завершилось так: «произведен в Коллежские Ассесоры как дворянин личный». Произошло это в феврале 1855 г.

После этого Н. В. Маклаков прослужил еще три года и вышел в отставку. О причине увольнения достоверных сведений нет, но есть предположение. В личном деле сказано, что в 1854 г., когда началась Крымская война, встал вопрос о призыве врача Николая Васильевича в армию. На это он заявил: «если бы продолжительная и уже до значительной степени развитая глазная болезнь, не лишила меня совершенно возможности даже приблизительно выполнять обязанности, не раздельно связанные с званием военного врача»⁷⁴. И предоставил медицинское заключение, в котором сказано, что он «близорукий от природы» и что у него «болезни в глубине глаза». Видимо, эта болезнь и стала причиной увольнения со службы.

Николай Васильевич вышел в отставку в 1858 г., когда ему было всего 45 лет. После этого прожил почти четверть века. Чем в это время занимался – рассказано в «Википедии»:

«В 1860-е годы сблизился с кругом любителей русской истории и древностей, участвовал в I-м Археологическом съезде в Москве в 1869. Николай Васильевич Маклаков серьёзно интересовался русской историей и фольклором, дружил с В. Ф. Одоевским, А. А. Майковым, М. П. Погодиным. [...] В журнале «Галатея» печатал стихи в 1839 и 1840. [...] Перевёл [...] предположительно «Юлий Цезарь» (обе – 1880), «Кориолан» (1881) и «Отелло» (1882). Издал «Письма о гомеопатии» (М., 1852), где показал себя последователем Ганемана. Автор книг о медицине, сказок и исторических драм».

В цитате приведены названия не всех трудов, написанных Н. В. Маклаковым. Вот какие его книжки обнаружены по каталогам центральных библиотек страны: «Об употреблении в оперативной медицине паров серно-

Изо 4–07. Обложка одной из книг
Н. В. Маклакова, 1854.

го эфира» (1847), «Об измерении магнитной полярности земного шара» (1851), «Опыт приложения гомеопатии к лечению: (Из заметок врача-аллопата)» (1854), «Чем избавляться от холеры» (1866), «О русской народной музыке» (1871). Названия книг свидетельствуют о разносторонних интересах и увлечениях Николая Васильевича.

Газетные публикации

О Н. В. Маклакове обнаружены две газетные публикации. Это оказались не традиционные объявления о купле-продаже имений или займе денег, а судебные разбирательства. Остановимся на них подробнее.

В 1867 г. в газете «Голос» в разделе «Судебная хроника» описывались события, проходившие в мировом суде Сретенской части Москвы. Николай Васильевич обвинял вылеченную им пациентку Переверзеву в том, что она не заплатила за его труды. И такой случай был далеко не единичный, это оказалась «больная» тема. Как писали, в русском обществе *«распространился обычай не уплачивать докторские визиты»*. Считалось, что медик должен быть бескорыстным, и больной платит ему по своему желанию и возможностям. При этом пациенты не принимали во внимание то, что врачам надо было на что-то жить, им требовалось повышать свои знания, содержать семьи, оплачивать жилье (если своего не было). А еще доктор *«должен подумать заранее и откладывать копейку на те черные дни, когда дряхлость сделает его неспособным служить обществу»*. Врачи, которые состояли на службе, получали оклад, как правило, невысокий. А у медиков без должности и того не было. Оплата врачебного труда не воспрещалась законом, еще Петр I повелел платить по 30 коп. за визит доктора. Но с тех пор прошло полтора века и такие деньги обесценились. Судя по всему, Николай Васильевич оказался первым, кто решил судебным порядком добиться справедливости.

Как написано в газете, судья, *«приняв в соображение: 1) что закон не воспрещает врачам получать за свои труды и высший гонорарий; 2) что мировой судья, кроме закона, может руководствоваться и обычаями, и 3) что состоятельными больными принято платить врачу за визит, по крайней мере, по три рубля, но что, при большом числе визитов, эта плата может быть несколько уменьшена – присудил обвиняемую к уплате доктору Маклакову по расчету 2 рублей за визит»*⁷⁵. После вынесения такого судебного решения вылеченная Переверзева согласилась заплатить врачу 150 руб. Но Николай Васильевич, надо отдать ему должное, поступил благородно. Решил не брать эти деньги, а передать их *«в пользу воскресенской школы на Остоженке»*.

Вторая заметка оказалась на иную тему, была напечатана в той же газете год спустя. Из нее стало известно, что Н. В. Маклаков для своего проживания *«нанимал в доме 2-жи Львовой квартиру с платою за каждые два месяца вперед»*⁷⁶. В мае решил съехать, *«нанял ломового извозчика и начал перевозить свое имущество»*. Но выполнить это помешали сторож и полицейский. При разбирательстве Маклаков обвинил Львову в том, что она их подговорила это сделать, заявив о долге за квартиру. Тогда как, по его мнению, расчет был произведен полностью. И это оказалось правдой. Однако суд не стал наказывать домовладелицу за несправедливые обвинения.

Как следует из приведенных заметок, во второй половине 1860-х гг. Н. В. Маклаков проживал в Москве, но своего дома не имел, снимал жилье.

Владения Николая Васильевича Маклакова

В 1839 г. в сенатской газете было напечатано объявление об иске, предъявленном В. И. Маклаковым и его сыном Николаем к кн. Е. Волконской за проданную ею *«купцам Веселову и Плотникову часть леса, принадлежащего им Маклаковым»*⁷⁷. В какой местности была срублена древесина – не сказано. Возможно, это было имение Верховье Галицы в Ефремовском уезде, которое перешло Николаю Васильевичу по наследству от матери Варвары Сергеевны (урожд. Лаговчиной). Факт владения данным помещьем подтверждает ревизская сказка 1834 г.

В 1845 г. Н. В. Маклаков продал В. А. Рукину за 9.000 руб. сер. свое тульское имение *«Верховье, Голицы тож»*, включая пустоши и крепостных (19 м.п. и 17 ж.п.)⁷⁸. Были ли у него другие владения? В аттестате написано: *«Недвижимаго имения за ним и женою нет»*. При этом пара дворовых людей, согласно ревизской сказке 1851 г., за ним все же числилась (очевидно, это была домашняя прислуга).

О дворянстве Николая Васильевича Маклакова

Любопытные сведения о принадлежности к дворянскому сословию обнаружены в аттестате Николая Васильевича. В нем заявлено о благородном происхождении. И это было правдой. Однако доказательств он представить не смог, т.к. дело о причислении к дворянскому сословию сгорело. Поэтому Н. В. Маклаков был произведен «как дворянин личный»⁷⁹ по своему чину коллежского асессора. Соответственно, его дети не считались дворянами.

Вот такая историческая несправедливость. Напомним, что еще в 1792 г. Тульское дворянское собрание сочло предоставленные Иваном Игнатьевичем (дедом Николая Васильевича) доказательства о дворянстве убедительными, и внесло род Маклаковых в 6-ю часть родословной книги. А потом в 1833 г. случился пожар в Туле, и многие документы оказались утрачены. Пострадавшей стороной стал Н. В. Маклаков. Хотя какая его вина была в случившейся беде?

Кончина Николая Васильевича

Н. В. Маклаков прожил 68 лет, был похоронен в с. Храброво Дмитровского уезда. Почему там, а не в Москве? Как уже говорилось (и будет не раз еще повторено), один из его сыновей, Алексей, женился на Елизавете Васильевне Чередеевой. В Дмитровском уезде находилось имение родителей супруги сц. Ярцево, и при приходской церкви в с. Храброво имелся семейный некрополь Чередеевых. Там и был похоронен Н. В. Маклаков.

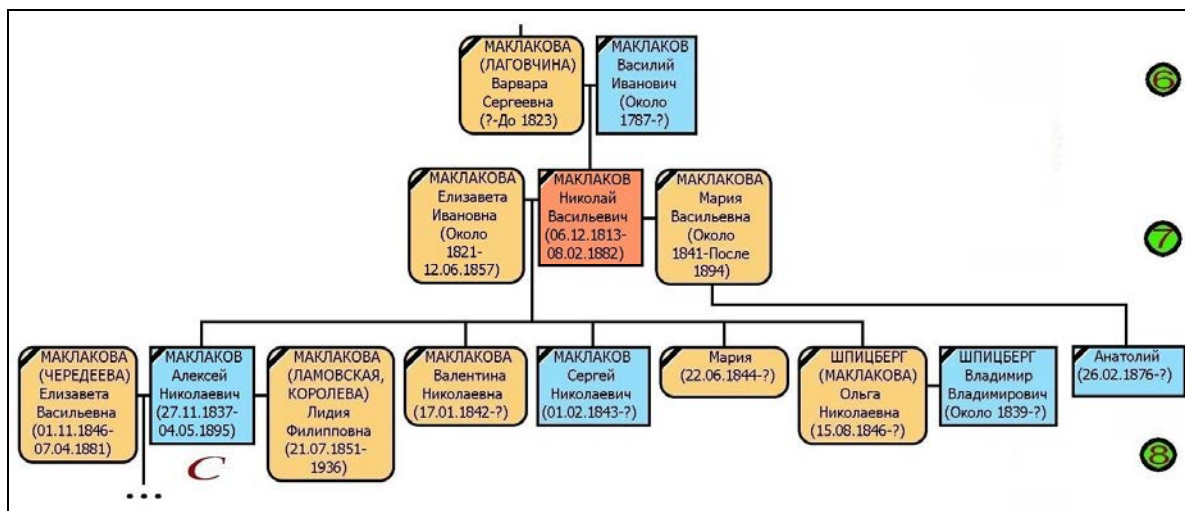
Жены и дети Николая Васильевича

По собранным данным, Николай Васильевич был дважды женат. Причем в обоих случаях метрические записи о бракосочетании не найдены. Поэтому остались неизвестными ни точные даты венчаний, ни девичьи фамилии жен. Соответственно, нельзя сказать, из какого рода они происходили. Установлены только имена и отчества жен – Елизавета Ивановна (первая супруга) и Мария Васильевна (вторая).

Первый брак был зарегистрирован не позднее начала 1837 г., т.к. уже в ноябре родился первенец, сын Алеша. Всего известно о рождении Елизаветой Ивановной пяти детей, в аттестате указаны их имена и даты рождения: «сыновей: Алексея, родившагося 1837 Ноября 27-го и Сергея, родившагося 1843 года Февраля 1-го; и дочерей: Валентину, родившуюся 1842 года Января 17-го; Марью, родившуюся 1844 Июня 22-го и Ольгу, родившуюся 1846 года Августа 24-го»⁸⁰. Пока обнаружена только одна метрическая запись о рождении ребенка, самого младшего в семье. В 1846 г. 15 августа⁸¹ (а не 24-го, как указано в аттестате) на свет появилась Оля, случилось это в Москве.

Удалось установить точную дату смерти первой супруги Елизаветы Ивановны. Согласно выписке из метрической книги с. Долгие Лески Ефремовского уезда, она умерла «от чахотки» 12 июня 1857 г., ей было всего 36 лет⁸².

Через какое-то время Николай Васильевич женился повторно. Имя второй супруги стало известно из записи в метрической книге о рождении мальчика Анатолия в 1876 г. Вот эта запись: «Живущая в доме Герасимова, жена лекаря, неизвестно куда отлучившагося Коллежского Ассессора Николая Васильевича Маклакова, Мария Васильева Маклакова родила по ея показанию незаконно»⁸³.

Изо 4–08. Фрагмент родословного древа Маклаковых: родители и дети Николая Васильевича.

Прямо скажем, обескураживающие слова. Автор должен признаться, с подобной формулировкой сталкивается впервые. Вообще-то, незаконнорожденных детей (т. е. рожденных вне брака) и в те времена появлялось на свет немало. Но вот такая запись в метрической книге прежде не попадалась. Как видим, женщина, находившаяся в браке, не стала скрывать факт незаконного рождения своего ребенка не от мужа. Очевидно, в семье Маклаковых не все было ладно. Это мягко сказано. Слова «*неизвестно куда отлучившагося*» говорят о том, что супруг Николай Васильевич не посчитал нужным сообщить жене о своем местонахождении. Разве такое могло быть в нормальной семье?

Вторая супруга пережила мужа. В одной из исповедок за 1894 г. была обнаружена запись: «*Вдова Коллежского Ассесора Мария Васильева Маклакова*»⁸⁴.

Сведения о судьбе детей Николая Васильевича удалось собрать такие. Рожденные по закону дети появлялись только в первом браке с Елизаветой Ивановной. Их оказалось пятеро.

В воспоминаниях внука В. А. Маклакова есть такие слова: «*Кроме отца [Алексея Николаевича – Авт.], у деда было трое детей: сын С.Н. и две дочери. Одна [Ольга] была замужем за железнодорожным чиновником; другая [Валентина], незамужняя, служила актрисой на выходных ролях в Малом театре. Дядя, **Сергей Николаевич**, был человек очень способный, великолепный стрелок и сильный шахматист. Никакой школы он не окончил, не имел ни определенных занятий, ни службы и жил в другом имении матери, как будто управляя хозяйством. Из всей этой семьи только отец получил высшее образование и сам создал себе положение*»⁸⁵.

Название имения, которым управлял С. Н. Маклаков, в цитате не указано, но его удалось установить. Это оказалось имение Рождествено в Московском уезде, его посещал Василий Алексеевич Маклаков в 1896 г.

К этим сведениям можно добавить следующее. В личном деле Н. В. Маклакова сказано, что он просил предоставить копию своего ФС «*для определения дочерей моих Валентину и Ольгу в Казенное Учебное Заведение*»⁸⁶ (наименование учебного заведения не указано). Можно предположить, что дочери образование получили. Об **Ольге** стало известно, что в 1868 г. она вышла замуж за прапорщика 3-го пехотного Нарвского полка Владимира Владимировича Шпицберга (по всей видимости, он впоследствии стал железнодорожным чиновником). О другой дочери на сайте труппы Малого театра Москвы приведена такая информация: «*Маклакова **Валентина Николаевна** – [актриса] с 1876 по 1898 г.*»⁸⁷. Нигде в документах не сказано о еще одной девочке, чье имя упомянуто в аттестате – **Мария**. Можно предположить, что она умерла в детстве.

1884 – 1895: Отец Алексей Николаевич Маклаков

Изо 4–09. А. Н. Маклаков, нач. 1870-х. Государственный музей Л. Н. Толстого.

Переходим теперь к старшему сыну Николая Васильевича, дергайковскому помещику **Алексею Николаевичу Маклакову** (“С”, 1837 – † 1895).

О нем оказалось довольно много информации. Его имя попало в энциклопедии, вышло несколько статей, в которых довольно подробно рассмотрена профессиональная деятельность. Алексей Николаевич по примеру отца стал медиком, но выбрал другую специализацию – врач глазных болезней. И преуспел в этом деле. Он стал крупным ученым офтальмологом, сделал несколько открытий, написал много научных трудов. Его имя и сегодня помнят в научных кругах.

«Российский гений офтальмологии»

Прежде чем начать рассказ о враче А. Н. Маклакове, хотелось бы привести несколько цитат из различных изданий, в том числе специализированных.

На одном из сайтов в интернете размещена заметка под звучным названием: «*Маклаков Алексей Николаевич. Российский гений офтальмологии*». В ней, в частности, говорится: «*Маклаков любил свое дело, любил офтальмологию.*»

Именно поэтому он воплотил в реальность свою мечту – создал Московский офтальмологический кружок, а затем стал его секретарем. [...] После себя он оставил огромное наследие, множество интересных открытий, которые повлияли на развитие офтальмологии в России и во всем мире. Он вел активнейшую преподавательскую практику, благодаря чему страна получала все большие и большие настоящих профессиональных офтальмологов, всячески способствовал развитию данной отрасли медицины»⁸⁸.

В “Большой медицинской энциклопедии” об Алексее Николаевиче помещен такой материал: «Наибольшую известность получили его работы по тонометрии глаза, к-рые проводились с помощью нового сконструированного им измерительного прибора – тонометра. Этот прибор – первое пригодное для применения в клин. условиях приспособление, позволяющее точно измерять внутриглазное давление, что значительно улучшило диагностику глаукомы и явилось ценным вкладом в изучение этой болезни. Тонометр А. Н. Маклакова широко применяется в клин. практике. А. Н. Маклаков первый использовал массаж в офтальмологии. Ему же принадлежит идея лечения воспалений глаза застойной гиперемией. Эта идея потом вылилась, как известно, в целое учение А. Бира о застойной гиперемии. [...] А. Н. Маклаков один из первых отечественных офтальмологов обратил серьезное внимание на проф. заболевания глаз»⁸⁹.

А вот мнение современного ученого Н. А. Емельяновой, опубликовавшей статью в медицинском журнале “Глаукома”: «Изучая действие света на орган зрения, Маклаков специально ездил в Коломну на вагоно- и машиностроительный заводы, где на себе проверил влияние электрического света и отметил тот вред, который может причинять резкое концентрированное действие лучистой энергии глазам рабочих при некоторых производственных процессах [...]. Маклаков один из первых в России в 1871 г. обратил внимание и занялся массовым исследованием глаз у детей, изучая статистику школьной близорукости»⁹⁰.

Важно отметить, что Алексей Николаевич, как говорил сын Василий, «сам создал себе положение», т.е. всего в жизни добился своими силами. Отец Алексея Николаевича, Николай Васильевич, также был медиком. Но, как говорится, «звезд с неба не хватал» и особой известности или богатства не нажил. А потом и вовсе бросил заниматься медициной. Влиятельных покровителей у Алексея Николаевича не было. Поэтому он мог рассчитывать только на свое усердие и талант, которые, несомненно, были. В. А. Маклаков позднее писал о своем отце: «Главным делом, которое занимало у него время, была медицина. Но он занимался ею не только с практической целью – лечить; она была для него одной из возможностей изучать жизнь и законы, которые ею управляют. Влекло его “естествознание” во всех его отраслях; он был активным членом многочисленных ученых обществ, старался следить за всем, что другие в естествознании делали. А когда была возможность заниматься им самому, даже в сферах, от медицины далеких, он это и делал»⁹¹.

В некрологе Алексея Николаевича перечислены научные организации, в работе которых он принимал участие: «был членом Общества русских Врачей (до 1870 г.), членом учредителем и одно время председателем Московского Хирургического Общества, членом Физико-Медицинского Общества, Медико-Филантропического, Психологического, Императорского Русского Общества Акклиматизации Животных и Растений, где был вице-президентом, президентом и затем почетным членом, принимая особенно деятельное участие в трудах отдела пчеловодства, был непременным членом Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии»⁹².

В цитате упомянуто пчеловодство. Об этом увлечении В. А. Маклаков вспоминал так:

«Отец раз побывал на Измайловской пасеке в Москве, заинтересовался жизнью пчел и завел их у себя в деревне¹. При постановке ульев один из них уронили, пчелы роем набросились на отца и укусили его. Помню его шею, как будто небритую щеку от торчащих в ней пчелиных жал, которые вынимали горстями. У отца так поднялась температура, что опасались за его жизнь. Он выздоровел, но зато получил на всю жизнь иммунитет против пчелиного яда. Он устроил в деревне настоящую пасеку и проводил на ней каждое утро. Поставил и в Москве на квартире стеклянный наблюдательный улей с летком на двор нашей больницы. Открыв дверку ящика, в котором улей был заключен, можно было наблюдать все, что в нем делалось. Следить в деревне за

¹ Осталось непонятно, о каком селении идет речь – Ярцево или Дергайково?

пасекой без помощника, когда отец четыре дня в неделю отсутствовал, было невозможно. Он хотел заинтересовать этим кого-нибудь из нас, детей, но мы пчел боялись»⁹³.

Как отмечали знающие люди, А. Н. Маклакова больше привлекало живое дело, лечебная практика: *«Что касается до научной деятельности, то вследствие своего подвижного характера Алексей Николаевич не был усидчивым научным работником, а потому и его научная деятельность носила характер отрывочности и незаконченности»*⁹⁴. И, несмотря на это, посмотрите, какое богатое наследие он оставил: *«Алексей Николаевич Маклаков – автор 73 печатных работ, из них 65 – по офтальмологии»*, некоторые из трудов переиздавались неоднократно. *«Его статистические материалы глазных болезней, рекомендации о лечении пациентов после извлечения катаракты, исследования прогрессирования близорукости у учеников сыграли огромную роль в развитии отечественной офтальмологии»*⁹⁵. Как писали еще до революции: *«Все эти работы по офтальмологии приобрели ему известность среди офтальмологов за границей; заграничные же поездки и личные отношения упрочили эту известность и дали ему друзей. И за границей проф. Маклакова едва ли более знали и ценили, чем у нас в России»*⁹⁶.

Разные изобретения были у Алексея Николаевича, о них рассказано в журнале “Глаукома”. Часть из них актуальна и сегодня. По мнению ряда современных специалистов: *«тонометр Маклакова остается самым широко применяемым прибором в диагностике глаукомы»*.

Перейдем теперь к жизни А. Н. Маклакова, к изложению сведений, которые удалось собрать.

Учеба Алексея Николаевича Маклакова в гимназии и университете

Метрическая запись о рождении Алеши не обнаружена. Но информация о дате появления на свет мальчика имеется в аттестате его отца – 27 ноября 1837 г.⁹⁷. Эта дата повторяется во многих изданиях, но нигде не указано место рождения. Это могла быть Москва (родитель годом ранее закончил учебу в университете) или какой-то иной населенный пункт.

Как уже отмечалось, примерно в 1844 г. отец Николай Васильевич с семьей переехал из Ефремова в Москву, Алексею к тому времени было семь лет. В 1849 г. он был принят на учебу в Первую Московскую гимназию. Сын Василий писал: *«Отец часто рассказывал про свои школьные годы. Тогда было грубое время: учеников могли сечь и без церемонии угощали подзатыльниками. Правда, зато зря не губили их жизни. Тогда родители могли за них заступиться, с ними считались»*⁹⁸.

Гимназический выпуск 1855 г. составил 26 учеников. Но только 15 из них, благодаря своей хорошей учебе, оказались *«с правом поступления в университет без экзамена»*. Среди них был Алексей Маклаков. Успешное обучение в гимназии подтверждает его аттестат, в котором по большинству предметов (Закон Божий, русский и французский языки, физика, история, география, естествознание, строевой устав) стоит оценка *«отлично»*. И лишь по некоторым другим предметам (латинский и немецкий языки, математика) поставлено *«хорошо»*⁹⁹. К поведению замечаний не было. По воспоминаниям все того же В. А. Маклакова:

*«После гимназии отец поступил на медицинский факультет. Хотел себя посвятить хирургии. Этому помешала случайность. На охоте на уток, в лодке, он за дуло потянул ружье на себя, зацепил за что-то курком, и заряд угодил ему в левую руку, разорвал сухожилие, и несколько пальцев левой руки перестали сгибаться. Для большой хирургии это было помехой. От этой специальности он должен был отказаться и перешел на офтальмологию, где для миниатюрных операций неисправность левой руки могла не мешать. Было и другое последствие того же неудачного выстрела: отец был очень музыкален и в молодости хорошо играл на скрипке; это стало невозможно без левой руки. Он скрипку заменил “фисгармонией”, где беглость пальцев была не нужна. Но офтальмологии он остался верен до смерти и умер профессором по этой кафедре»*¹⁰⁰.

Учеба в Императорском Московском университете на медицинском факультете продолжалась пять лет (1855–1860). Об этом времени в архиве сохранился такой документ: за труды *«по приготовлению анатомических препаратов»* в 1858 г. было предложено премировать студентов Гусева и Маклакова суммой в 100 руб.¹⁰¹. На долю Алексея из этих денег пришлось 45 руб.

Защита диссертации на степень доктора медицины

В 1860 г. Алексей Николаевич успешно окончил учебу в университете *«со степенью лекаря с отличием»*¹⁰². Считается, что он сразу стал работать в Московской глазной больнице, но исторические документы это не подтверждают. В архиве сохранились две копии его ФС. В обоих случаях

следующая запись после завершения учебы в университете датирована 1864 г., когда 15 октября Алексей Николаевич был утвержден лекарем на должность ординатора при Московской глазной больнице. Чем занимался молодой выпускник четыре года (1860–1864) – нигде не сказано. Может, и работал где-то, но неофициально. А, может, занимался повышением своей квалификации.

В 1864 г., одновременно с направлением в больницу, медицинский факультет обратился с прошением об оставлении А. Н. Маклакова при Московском университете на два года с годовым жалованием 400 руб. для подготовки к защите на степень доктора медицины¹⁰³ (что-то вроде сегодняшней аспирантуры). Это время не прошло даром, Алексей Николаевич с поставленной задачей справился. Он написал диссертацию под названием *«О травматическом воспалении сетчатой оболочки глаза»* и успешно защитил ее 10 июня 1866 г. Спустя пять дней произошло утверждение Маклакова в звании доктора медицины, был выдан соответствующий диплом.

Врачебная практика, преподавательская и общественная деятельность

Вскоре после защиты диссертации молодому врачу был присвоен чин коллежского асессора. В его характеристике отмечено, что состоит на действительной службе, отличается особым усердием при отличной нравственности.

В 1867 г. Алексей Николаевич женился на дворянке Елизавете Васильевне Чередеевой, о которой рассказывалось ранее.

Примерно в это же время А. Н. Маклаков был *«определен сверхштатным врачом при учрежденной Московским попечительством о бедных Комитетом Лечебницы»*¹⁰⁴ (надо полагать, без оклада). Спустя два года он был утвержден *«в должности Консультанта по глазным болезням при больнице для чернорабочих в Москве»*.

В 1871 г. Алексей Николаевич начал преподавательскую деятельность. Был утвержден приват-доцентом по глазным болезням на медицинском факультете Московского университета, где *«занимался со студентами V курса в глазной больнице, преподавая им главным образом офтальмоскопию и учение об аномалиях, рефракции и аккомодации»*¹⁰⁵.

Согласно ФС, в 1876 г. был *«назначен Консультантом по глазным болезням Московской городской больницы»*. Через год его определили консультантом при Старо-Екатерининском и Яузском отделениях больницы *«для чернорабочих в Москве»*. Помимо этого, он *«заведывал в 1877 – 78 году Ивановским Госпиталем Краснаго Креста»*.

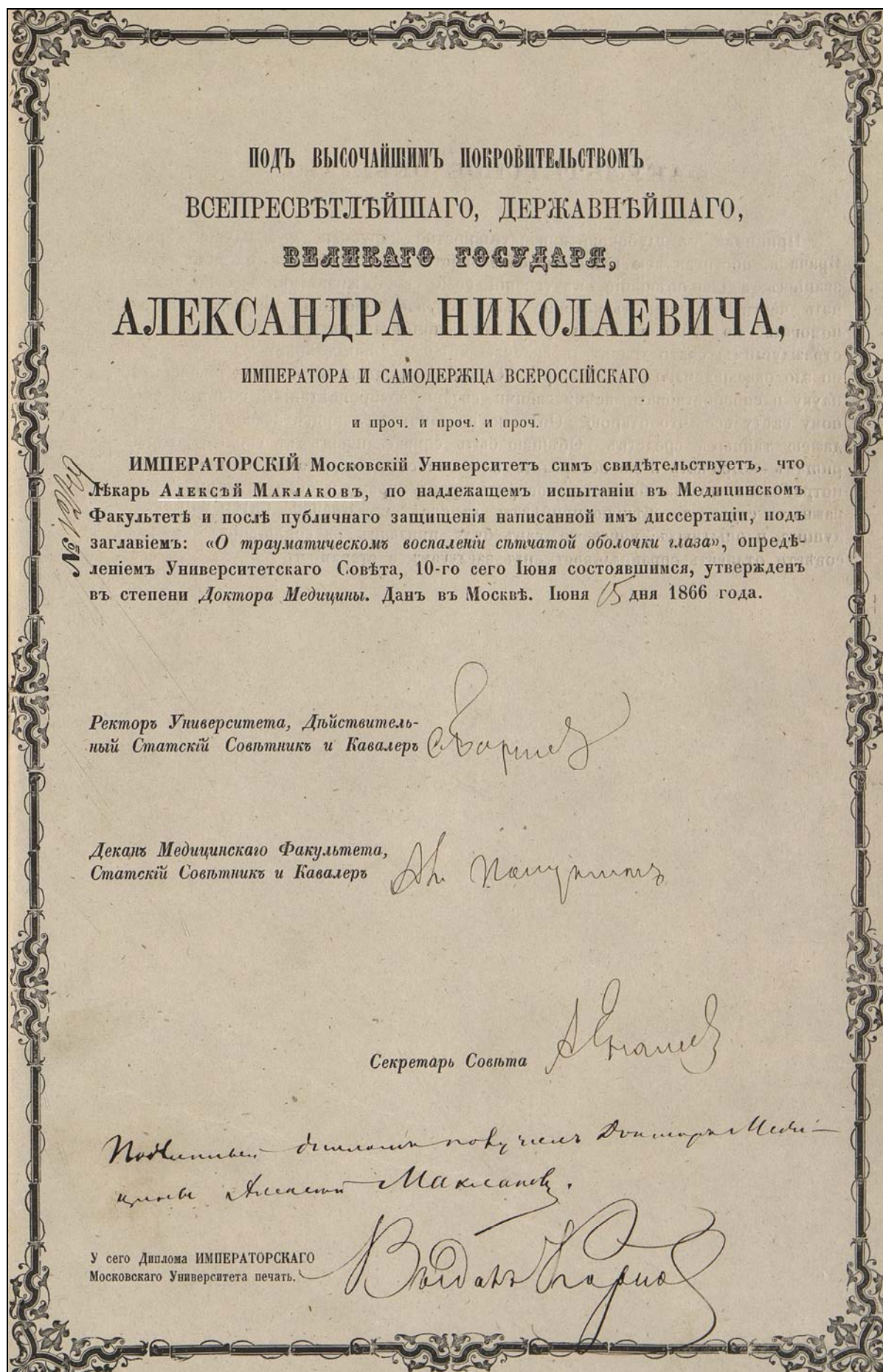
Основным местом работы А. Н. Маклакова была Московская глазная больница¹, где он четверть века находился на должности ординатора (главным врачом в это время был профессор Г. И. Браун). Семья Алексея Николаевича проживала в служебной квартире по адресу: *«Арбатская часть, 2 участок, в здании глазной больницы»*. По данным “Адрес-календаря Москвы” в указанном доме, помимо ординатора, проживали еще три семьи сотрудников больницы.

Помимо врачебной деятельности и преподавания, А. Н. Маклаков активно занимался общественными делами. Как написано в его некрологе: *«долгое время состоял гласным Губернского Земского Собрания [...] был гласным Городской думы в течение целых 15 лет (с 1877 по 1892 г.)»*¹⁰⁶, принимал участие в работе комиссии *«о водоснабжении и канализации Москвы, по освещению Москвы»*. В 1869 г. состоял членом комитета *«Московской медицинской вспомогательной кассы»*, а спустя семь лет был ее казначеем¹⁰⁷.

Как видим, нагрузка на А. Н. Маклакова легла большая и с годами только возрастала. Помимо чтения лекций студентам, он трудился консультантом в нескольких больницах (непонятно, как везде успевал). Трудно сказать, получал ли где-то деньги за свою работу (кроме преподавательской). По выслуге лет ему присваивали очередные классные чины. В 1878 г. Алексей Николаевич стал статским советником, а в конце жизни – действительным статским советником.

Труды Алексея Николаевича не прошли незамеченными. В 1871 г. ему был вручен первый орден св. Анны 3-й ст. Потом в 1873 – орден св. Станислава 2 ст., в 1876 – орден св. Анны 2-й ст., в 1880 – орден св. Владимира 3-й ст. Помимо этого, как написано в ФС, имел *«Высочайше установленный знак Краснаго Креста»*. О награждениях писали в газетах, вот пример одного из сообщений: *«По засвидетельствованию Начальства об отлично-усердной службе и особых трудах*

¹ Историческое здание больницы сохранилось и используется по профилю: в нем находится офтальмологический стационар больницы им. С. П. Боткина. Современный адрес: Мамоновский пер., дом № 7.

Изо 4–10. Диплом А. Н. Маклакова на степень доктора медицины¹⁰⁸, 1866. ЦГАМ.

ординатора Московской глазной больницы, консультанта по глазным болезням больницы черно-рабочих в Москве, доктора медицины, Надворного Советника Алексея Маклакова, Всемиловейшие пожалован он кавалером ИМПЕРАТОРСКАГО ордена Св. Анны 2-й степени»¹⁰⁹.

В 1890 г. А. Н. Маклаков был назначен на должность сверхштатного экстраординарного профессора Московского университета¹¹⁰.

К концу жизни он, как практикующий врач, неплохо зарабатывал. Был известным специалистом по глазным болезням и, надо полагать, недостатка в пациентах не испытывал. Как писал позднее его сын Николай, частная практика давала отцу около 7.000 руб. годового дохода¹¹¹.

В 1892 г. в жизни Алексея Николаевича произошло несколько важных событий. Он был утвержден штатным профессором университета. В городскую думу написал обращение, в котором отметил, что в виду большой загруженности не может исполнять обязанности консультанта в ряде больниц и просил освободить от этих должностей¹¹².

Указанное прошение он подал ввиду важности дела, во главе которого оказался:

«4 ноября 1892 г. при Московском университете на Девичьем поле была открыта глазная клиника, первым директором которой был назначен А.Н. Маклаков. Клиника глазных болезней занимала два этажа, была рассчитана на 34 кровати. Внизу размещалось женское отделение, сверху – мужское. Была операционная комната. Под амбулаторию клиники отводилось несколько комнат в нижнем отделении с особым входом с Погодинской улицы. В другом левом крыле помещались библиотека, лаборатория, кабинет профессора, ассистента, фотографическая и бактериологическая лаборатории. Много сил отдал Алексей Николаевич благоустройству клиники, стремясь создать в ней спокойную, как бы домашнюю, обстановку.

Прекрасно оборудованная А.Н. Маклаковым, использовавшим при этом свой многолетний опыт работы в глазной больнице, глазная клиника университета стала образцовой как по чистоте и удобствам для больных, так и по приспособленности для проведения научных работ. Глазная клиника медицинского факультета Московского университета являлась в то время лучшим европейским учреждением такого типа. Восхищенные отзывы многих западноевропейских офтальмологов, собравшихся на Международный конгресс в Москве в 1897 г., свидетельствуют о том, насколько крупным событием в масштабах мировой офтальмологической науки явилось создание этой клиники. Организованная Маклаковым глазная клиника существовала в течение почти ста лет. После создания Всесоюзного института глазных болезней АМН, в настоящее время НИИ глазных болезней РАМН, глазная клиника университета, взлелеянная Маклаковым, функционально влилась в работу нового Института.

Последние годы жизни Алексея Николаевича были творчески активными, он торопился жить и работать. По воспоминаниям современников, его нередко можно было видеть в клинике за работой в 10–11 часов ночи. Используя свой художественный талант, Маклаков написал много рисунков масляными красками и изготовил целую серию рисунков глаза на стекле для демонстрации студентам. Долгие годы, уже после смерти Маклакова, в клинике университета пользовались его рисунками на практических занятиях»¹¹³.

Кончина дергайковского помещика Алексея Николаевича Маклакова

В 1881 г. А. Н. Маклаков писал близким: *«Здоровье мое так плохо, как еще не было»¹¹⁴*. Увы, он не отличался крепким здоровьем. Всего три года был директором основанной им глазной клиники.

4 мая 1895 г. А. Н. Маклаков скончался. В метрической книге указана причина смерти: *«воспаление в мозгах»¹¹⁵*. По другим данным, (воспоминаниям старшего сына), он умер от сердечной болезни – эндокардита. Отпевание производилось в той самой Спасской церкви при глазной больнице, в которой 38 лет назад Алексей венчался с Елизаветой Чередеевой. А похоронили тело, как написано в метрической книге, в с. Храбово Дмитровского уезда, надо полагать, на семейном некрополе Чередеевых рядом с супругой, которая умерла на 14 лет раньше.

Каким человеком был Алексей Николаевич

Из приведенных выше цитат видно, каких больших профессиональных высот достиг А. Н. Маклаков к концу жизни. При этом никто покровительства ему не оказывал: *«Ни богатства, ни влиятельных родственников у него не было, он всего добился сам. В. А. скромно замечает, что “не может судить о положении, которое отец занимал в медицине и обществе”, но по дальнейшему*

его рассказу, как и по другим сохранившимся свидетельствам, Алексей Николаевич был в Москве “фигурой”, “персоной”, может быть и не из самых видных, однако все же заметной и всеми уважаемой. [...] Он был человеком средних взглядов, в меру либералом, в меру консерватором, безо всякой принципиальной предвзятости»¹¹⁶.

Сын Василий так вспоминал о своем отце:

«Он и был образчиком труженика. Всю жизнь работал без отдыха. Имел хорошую практику, у матери было состояние. Мог жить не утомляясь, но времени на отдых у него никогда не хватало. Он любил деревенскую жизнь, но, хотя наша семья подолгу оставалась в деревне, он мог приезжать к нам только на два дня в неделю и уезжал утром, чуть свет. В 1895 году перед смертью от эндокардита, который тогда не умели лечить, врачи предписали, если организм пересилит болезнь, безусловный и продолжительный отдых. В антрактах между пароксизмами он мечтал о таком отдыхе в нашей деревне, признавая, что всегда стремился к нему, и вспоминал, что за всю жизнь ни разу его не получил. Болезнь, которая кончилась смертью, оказалась его единственным отдыхом. [...]

Ему было только 57 лет, он был здоровой натурой. С детства не помню, чтобы он серьезно хворал, хотя на похоронах бабушки, где он хотел поддержать поскользнувшийся гроб, он надорвался, получил грыжу и должен был носить постоянный бандаж. Только последний год своей жизни он схватил какую-то инфекцию, покрывался фурункулами, которые, по тогдашнему обыкновению, торопились вскрывать. Потом заболел той неопределенной болезнью, которую тогда называли “инфлюэнцей”, а теперь зовут “гриппом”. Инфлюэнца перешла в воспаление легких, его насильно заставили лечь, и как будто все обошлось. По настоянию врачей он решил дать себе настоящий отдых и уехал на целое лето в деревню, чего ни разу не делал. Он строил планы, как проведет это лето, и был далек от мысли, что ему что-либо угрожает. Я вернулся в Ростов успокоенный. Но письма из Москвы опять стали тревожными. Температура у отца поднялась, подозревали гнойник, делали пробные проколы, но безуспешно. Наконец мне рекомендовали приехать.

Стало ясно, что положение резко ухудшилось. И когда врачи наконец определили болезнь, то одновременно установили, что средств для лечения ее в тогдашней медицине не было. У отца оказался септический стрептококковый эндокардит, то есть инфекционное воспаление внутренней оболочки сердца. Болезнь внешне выражалась в пароксизмах, которые повторялись все чаще, хотя в промежутках между ними отец считал, что он выздоровел, но новый пароксизм появлялся немедленно. Так до конца он не знал, что у него за болезнь, хотя несколько раз расспрашивал об этом моего брата, студента-медика. Один из таких пароксизмов кончился переходом в менингит, воспаление мозга, потом афазию, при которой он старался что-то сказать, но не мог»¹¹⁸.

Первый брак с Елизаветой Васильевной Чередеевой, дети

Хотелось бы поделиться таким наблюдением. На протяжении трех поколений по два брака было у прадеда, деда и отца дергайковского помещика. Читатель может заметить: а что тут удивительного, ныне такое встречается сплошь и рядом. Да, верно. Только надо иметь в виду, что в современной жизни повторные браки, как правило, происходят после разводов. Но с Маклаковыми было не так. Все трое стали вдовцами и только потом повторно женились.

Первой супругой Алексея Николаевича стала Елизавета Васильевна Чередеева, о которой расска-

Изо 4–11. «А. Н. Маклаков с невестой
Е. В. Чередеевой»¹¹⁷, конец 1860-х.

Государственный музей истории
российской литературы им. В. И. Даля.

зывалось в начале настоящей главы. Там же описывалась история о том, как состоялось знакомство и сватовство.

Венчание молодой пары состоялось 5 мая 1867 г. в Спасской церкви при глазной больнице, в которой Алексей Николаевич работал. Поручителями стали отец жениха и родители невесты. Жених А. Н. Маклаков был еще достаточно молод (29 лет), но определенную известность и вес в обществе уже имел. Он только что стал доктором медицины, имел чин коллежского асессора. А вот богатства, и недвижимости у него не было.

В молодой семье врача каждый год или два случалось прибавление: 1868 г. – родилась Елизавета, 1869 – Василий, 1871 – Николай, 1872 – Алексей, 1874 – Александра, 1876 – Ольга, 1877 – Мария, 1880 – Иоанн (см. древо из 6–01). Крещение большинства малышей производилось в той же больничной церкви, где венчались их родители¹¹⁹. Наверняка детей было бы больше, если бы в 1881 г. не умерла их мать от тифа. Из восьми родившихся детей все выжили, кроме последнего сына Вани, прожившего всего год. О каждом из братьев и сестер – подробный разговор впереди.

Знакомство Алексея Николаевича с известными людьми

Собранные документы показывают, что А. Н. Маклаков был знаком с известными в обществе людьми, которые в наше время считаются знаменитостями.

В первую очередь это **Лев Николаевич Толстой** и члены его семьи. Как могло состояться знакомство с писателем? Напрямую об этом нигде не сказано. Но если вспомнить цитату из воспоминаний В. А. Маклакова, где он писал о своем деде Николае Васильевиче, и рассказывал, как тот ездил в гости к Олсуфьевым, у которых *«часто бывали Толстые»*, то вот и возможный ответ. Т.е. знакомство могло произойти через отца. Но Алексей Николаевич и сам по роду своей деятельности мог познакомиться с Толстыми. Ведь он был известным офтальмологом, а проблемы с глазами у многих людей возникают, особенно с возрастом.

В августе 1885 г. Софья Андреевна Толстая писала мужу Льву Николаевичу, что ходила к А. Н. Маклакову, и тот сказал, что *«Правый глаз порядочно исковеркан»*¹²⁰. В богатом литературном наследии писателя оказались письма, в которых встречается имя Алексея Николаевича. Одно из них в 1890 г. написал собственноручно Лев Николаевич, в нем излагалась просьба: *«Уважаемый Алексей Николаевич. Мой друг Ив. Ив. Горбунов страдает глазами. Помогите ему, чем можете. Очень буду вам благодарен за ваше к нему внимание. Уважающий вас Лев Толстой»*¹²¹.

С Л. Н. Толстым и членами его семьи потом познакомилась дети Алексея Николаевича. На долгие годы завязалась, если не дружба, то тесное знакомство точно. Об этом еще поговорим.

Другая известная личность – это поэт **Афанасий Афанасьевич Фет**. Здесь, правда, нет прямых свидетельств о личном знакомстве. Но о существовании глазного врача Фет точно знал. Сохранилось несколько писем, написанных близким другом поэта, тоже поэтом Яковом Петровичем Полонским¹. В них неоднократно упоминалась фамилия врача Маклакова. Так, в 1890 г. он написал, что Алексей Николаевич помог его жене, у которой сильно болел глаз. А спустя два года весной Полонский сообщил Фету, что лето собирается провести в Подмосковье:

*«Будем обитать в 27 верстах от станц<ии> Крюково, недалеко значит от Москвы, и в 7 верстах от Нового Иерусалима. Некто Маклаков – глазной врач и жена его приглашают нас на свою пустую брошенную ими дачу, потому что они построили новую. Несомненно, что один проезд туда с семьей, и кухней, и прислугой будет стоить, быть может, дороже всякой нанятой усадьбы: – но нас подкупает то, что кругом не будет петербургских болот и что, вместо еловых, мы увидим липовые и дубовые рощи, – и мое здоровье и здоровье детей моих требует более сухого климата и более чистой воды... не такой желтой, какую пили мы весь прошлый год у Комарова. Сами Маклаковы будут жить от нас на расстоянии версты... или около»*¹²².

Слова *«в 7 верстах от Нового Иерусалима»* свидетельствуют в пользу Дергайково. Но следующее письмо Полонского Фету объясняет, что это соседнее имение Леоново (название сельца в текстах не встречается, но упоминание бывших владельцев Спасских говорит о нем). В письме написано: *«Если хочешь писать ко мне, – советую, – посылай письмо в Москву, на Тверскую ул. в*

¹ Рязанский дворянин Яков Петрович Полонский учился в Московском университете, где сблизился с А. А. Фетом. *«Полонский с раннего возраста страдал близорукостью. В последние годы жизни поэт стал постепенно терять зрение и в 1891–1892 годах вынужден был заняться лечением глаз»* (интернет).

Глазную лечебницу на имя доктора Алексея Николаевича Маклакова – для доставления Я.П. Полонскому. – Маклаков – каждую Субботу приезжает сюда, в свою соседнюю дачу, – или в свою семью, – и остается здесь до Вторника»¹²³.

Поездки Алексея Николаевича Маклакова за границу

Сведения о поездках в зарубежные страны кого-либо из предков Маклаковых или их родственников в исторических источниках не попадались. К концу XIX в. в России были проложены железные дороги и жизнь настолько изменилась, что теперь за пределы страны могли выезжать не только богатые дворяне и купцы, но и, как бы теперь сказали, «средний класс». В основном люди отправлялись за рубеж, чтобы поправить свое здоровье. Ну а некоторые просто мир поглядеть.

Из документов стало известно о нескольких поездках врача А. Н. Маклакова в европейские страны. В архивном деле сохранилось прошение о выдаче в 1887 г. заграничных паспортов Алексею Николаевичу, его второй жене и сыну Василию.

Поездки за границу также упоминались в переписке с родственниками. 4 декабря 1881 г. Алексей Николаевич сообщал Василию, что находится в Берлине, от которого ехать три ночи до Москвы. Написал, что скучает: «Скоро теперь, мои голубчики, обниму вас». И сетовал, что оставил в Париже (видимо, в отеле) купленные детям игрушки.

Дворянство Маклаковых

Ранее рассказывалось, что предки Маклаковых были дворянами. Прапрадед дергайковского помещика Иван Игнатьевич был занесен в Тульскую дворянскую родословную книгу. Дворянином был и прадед Василий Иванович. Со временем к причислению к дворянскому сословию стали относиться строже, требовали представить подтверждающие документы. Дед Николай Васильевич не смог доказать дворянское происхождение своих предков. И лишь благодаря полученному чину титулярного советника был причислен к благородному сословию, но только как личный дворянин. Поэтому дети Николая Васильевича, включая Алексея, официально не считались дворянами.

Выше говорилось, что в 1880 г. А. Н. Маклаков был награжден орденом св. Владимира 3-й ст., который давал право на потомственное дворянство. Спустя два года он обратился в Московское дворянское депутатское собрание с соответствующим прошением, которое было удовлетворено. Было принято решение о внесении Маклаковых в 3-ю часть родословной книги по Московской губернии¹²⁴. 30 марта 1884 г. Правительствующий сенат своим указом это решение утвердил. Так Маклаковы вновь обрели право на дворянство, причем потомственное. На рождавшихся детей Алексей Николаевич подавал прошения о причислении к благородному сословию.

Недвижимость, наследство Маклаковых

Теперь поговорим о владениях Маклаковых.

Напомним, что Николай Васильевич (отец Алексея и дед Василия) в 1845 г. продал свое тульское имение Верховье Гальцы. В последующие годы он жил в Москве на съемных квартирах, т.к. своего жилья у него не было. Николай Васильевич наследства в виде недвижимости своим детям не оставил. Это подтверждает ФС его сына А. Н. Маклакова, где в графе о родовых имениях написано: «нет».

Ситуация изменилась после женитьбы Алексея Николаевича на Елизавете Васильевне Чередеевой, дочери «богатых и важных родителей». Строго говоря, родители невесты Василий Васильевич и Александра Павловна Чередеевы особо богатыми помещиками считаться не могли, т.к. крупных земельных владений с тысячами крепостных у них не было. Но состоятельными землевладельцами их вполне можно было назвать.

В начале этой главы рассказывалось, что Череевым достались имения от родственников дворян Степановых и Татариновых. Потом эти владения перешли по наследству единственной дочери Череевых Елизавете. В одном из ФС А. Н. Маклакова приведен список владений жены: **Ярцево** в Дмитровском уезде (226 дес.), **Сабурово** в Богородском уезде (268 дес.); и два «оброчных» имения: **Нестерково** во Владимирском уезде и **Языково** в Калязинском уезде¹²⁵ (как написано в одном из дел, они не приносили иного дохода, кроме сельхозпродуктов, доставляемых в Москву). Помимо загородной недвижимости супруге также принадлежал благоприобретенный дом в Москве.

Имение Ярцево в первые годы (когда дети были маленькими) использовалось в семье Мак-

лаковых для летнего отдыха. Оно упоминается в воспоминаниях детства Василия Алексеевича:

*«Дед [Николай Васильевич Маклаков] жил тогда с нами в имении матери **Ярцево** Дмитровского уезда Московской губернии. Его почему-то захватила идея завести в нем на широких началах молочное хозяйство с сыроварением, которое должно было давать большие доходы. У отца не было ни охоты, ни умения извлекать барыши из хозяйства; но потому ли, что не хотел лишить своего отца удовольствия, или потому, что еще не предвидел, во что это его удовольствие обойдется, но он согласился попробовать. Я ребенком наблюдал этот опыт. Вероятно, так после 1861 года помещики проживали свои выкупные свидетельства. Был построен длинный скотный двор со специальной вентиляцией и с особенным помещением для каждой коровы; приобретен редкий породистый скот. Мы ходили смотреть, как мыли громадных голых свиней, которые отчаянно хрюкали, когда мыло им попадало в глаза. Были заведены машины, локомобиль, молотилка, веялка, которые постоянно ломались. Конечно, хозяйство никаких барышей не давало. За это дед обвинял какого-то Озмидова, который вместе с ним это дело затеял; позднее я слышал это имя, как известного сельскохозяйственного деятеля»¹²⁶.*

Как уже говорилось, Елизавета Васильевна Маклакова умерла в 1881 г. Остались семь ее несовершеннолетних детей (старшей Лизе исполнилось 13 лет, а младшей Маше не было и 4 лет). Им переходило наследство умершей матери. Оно включало четыре перечисленных загородных имения, а также дом № 13 в Дегтярном пер. Сретенской части Москвы, оцененный в 19.620 руб.¹²⁷. В документе упоминался еще один дом № 34/35 в Арбатской части, он был оценен в 42.000 руб. Было и личное имущество (драгоценности, платья и т.п.) на сумму 5.708 руб, ценные бумаги на 20.000 руб.

По всей видимости, Елизавета Васильевна завещание не оставила, не расписала, кому что-то должно отойти. В таких случаях наследство подлежало распределению между родственниками по закону. Как написано в том же архивном деле, мужу предназначалась 1/7 часть недвижимого имения и 1/4 часть движимого имущества. Каждой из дочерей (Елизавете, Александре, Ольге, Марии) полагалось по 1/14 части недвижимого имущества. Оставшееся имущество делилось в равных долях между сыновьями (Василием, Николаем, Алексеем). Но получить свои доли дети могли только после достижения совершеннолетия. А пока была назначена дворянская опека.

Дети Маклаковы опекуном выбрали своего отца. В 1888 г. был заключен предварительный договор о разделе имущества. Дом в Арбатской части № 34/35 должен был остаться у родителя и его детей Елизаветы и Василия. Малолетние Александра, Ольга и Мария должны были получить по 3.000 руб. наличными. А Николай и Алексей – по 8.000 руб. каждому.

Хотелось бы несколько слов сказать насчет упомянутого дома в Арбатской части Москвы. Как ранее рассказывалось, в 1830-х гг. в нем проживала семья П. Ф. Степанова. В конце 1840-х гг. Павел Федорович подарил этот дом своей дочери Александре, к тому времени уже бывшей замужем за В. В. Чередеевым. А потом указанное строение перешло по наследству единственной дочери Чередеевых Елизавете, в замужестве ставшей Маклаковой. Что стало с домом после смерти Елизаветы Васильевны – осталось неизвестно. В документах Маклаковых поздних лет дом в Арбатской части не упоминается. Вероятно, был продан. И на самом деле, у врача Алексея Николаевича была служебная квартира, которую предоставила глазная больница для проживания семьи. Стало быть, особой нужды в своем жилье не было. Вот и могли наследники продать родительский дом в Арбатской части.

Алексей Николаевич покупал недвижимость. В 1885 г. он приобрел «с публичного торга» два земельных участка «при с-це **Леоново**» Звенигородского уезда, которые прежде принадлежали наследникам помещиков Спасских¹²⁸. Первый участок размером в 70 дес. был куплен за 3.019 руб, а второй размером 150 дес. – за 14.000 руб. Это не были случайные приобретения. Ранее рассказывалось о с. **Дергайково**, которое принадлежало родственнице Марии Павловне Степановой. Она была одинокой женщиной и предложила семье племянника проживать в своем имении. Очевидно, Маклаковым Дергайково нравилось больше, чем собственные имения Ярцево и Сабурово. Надо полагать, поэтому Алексей Николаевич и приобрел землю около Леоново, находившуюся всего в версте от Дергайково. Тем самым земельные владения Маклаковых в Звенигородском уезде были расширены.

В отличие от Елизаветы Васильевны Алексей Николаевич оставил завещание, причем состав-

лял его дважды. Первый раз в 1881 г. (видимо, сразу после смерти жены). А второй раз шесть лет спустя. В завещании шла речь только об имуществе, которое было приобретено после смерти первой супруги. Купленное (благоприобретенное) имение при сд. Спасском (оно же Леоново) Алексей Николаевич завещал своей второй жене Лидии Филипповне, ей же предназначались ценные бумаги на 15.875 руб.¹²⁹. Другой приобретенный земельный участок с пустошами при Леоново должен был отойти старшему сыну Василию (позднее он оказался у другого сына Алексея).

Переход имения Дергайково Маклаковым

Настала пора поговорить о **Дергайково**. Но прежде напомним вкратце, о чем уже говорилось.

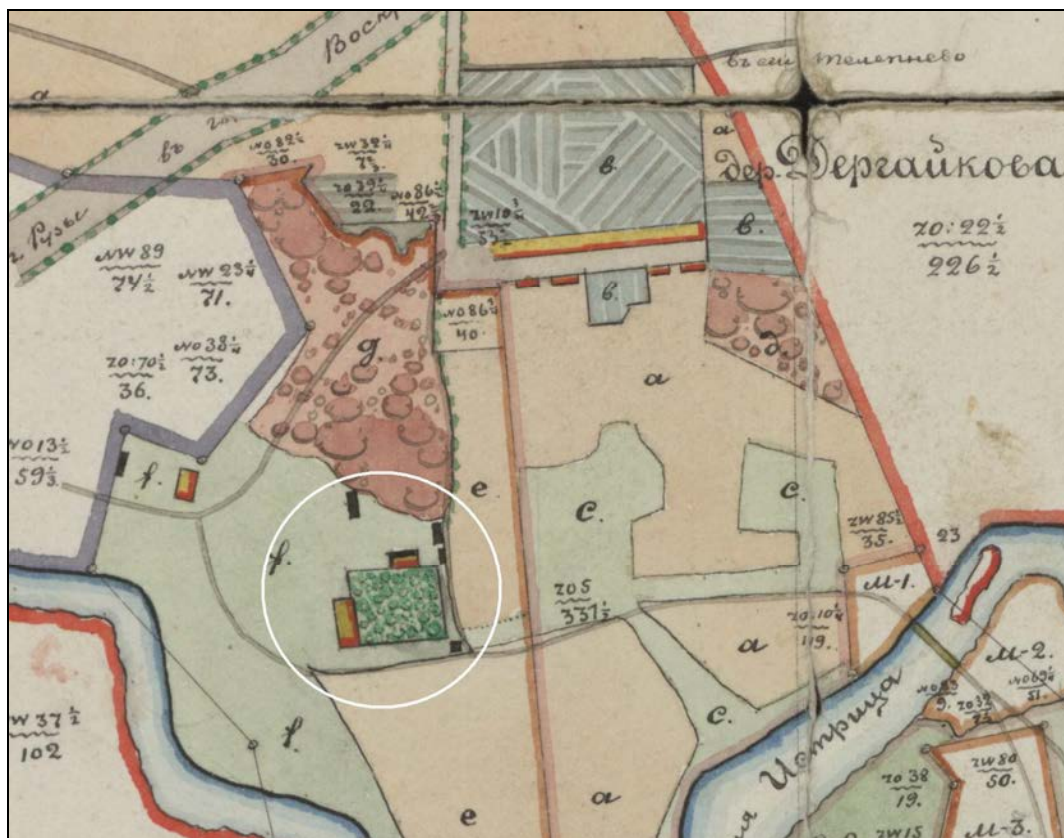
В середине XIX в. село принадлежало дворянину Павлу Федоровичу Степанову. Когда он умер в 1856 г., имение Дергайково (село с крестьянами и окрестной землей) перешло в качестве наследства его дочери Марии. На период ее владения имением пришла отмена крепостного права, крестьяне обрели свободу. Они вместе со своими семьями и домашним хозяйством перестали считаться помещичьей собственностью. Из владений помещиков крестьянам была выделена земля.

О проживании Степановых в Дергайково сведений немного. В имении была усадьба с господским домом. Помещица Мария Павловна иногда приезжала в свое загородное поместье. Но это случалось нечасто. Она была одинокая женщина, замуж не выходила. И в основном проживала в Москве в собственном доме. Как вспоминал ее внучатый племянник Василий Маклаков, хозяйственностью она не отличалась. Так что не стоит удивляться, что господские строения постепенно приходили в упадок.

Здесь показана вырезка из плана имения Дергайково, центр усадьбы обведен кружком.

Напомним, что у Марии Павловны Степановой было две сестры, обе вышли замуж. У Раисы Михайловой было много детей. А у Александры Чередеевой выжила только дочь Елизавета Васильевна, которая вышла замуж за врача Алексея Николаевича Маклакова. Мария Павловна среди всех своих племянников больше всего благоволила семье Елизаветы Васильевны.

В фонде Маклаковых в ОПИ ГИМ сохранился документ, в котором написано: «*Марья Павловна отдает (пока временно) это имение [Дергайково] нам. Она настаивает, чтобы мы стали там жить и с этой целью [должны] поправить на свой счет дом и службы*»¹³⁰. Маклаковы готовы были жить в Дергайково, но деньги в ремонт усадьбы вкладывать не спешили. Внучатый племянник

Изо 4–12. Помещичья усадьба **Дергайково**¹³¹, 1862. ОПИ ГИМ.

помещицы Василий Алексеевич рассуждал довольно цинично. Имение ему нравилось, но он знал, что оно и так должно перейти им по наследству. Он также знал, что у Марии Павловны были деньги. Вот и считал – пусть лучше она тратит личные средства на поправку имения.

Кто все-таки в итоге оплачивал расходы по ремонту усадебных построек в Дергайково – нигде не сказано. Но, думается, это все же были Маклаковы. В опубликованных воспоминаниях Василия Алексеевича есть такие слова: «в 1878 году тетка матери, М.П. Степанова, уговорила нас переехать в ее имение **Дергайково** Звенигородского уезда. Оно было замечательно живописно. Мы там поселились и оставались уже до революции. С переездом туда прекратилось хозяйство в **Ярцеве**»¹³².

Таким образом, еще за шесть лет до кончины Марии Павловны Степановой фактическим (но не юридическим) хозяином Дергайково стали Маклаковы. Несмотря на то, что у них были и другие подмосковные поместья, с этого времени отдыхать летом семья предпочитала в Дергайково. Это подтверждает приведенная выше цитата из письма Я. П. Полонского, в которой рассказывалось, как хозяин имения врач А. Н. Маклаков в конце рабочей недели в субботу приезжал из Москвы в Дергайково и потом рано утром, «чуть свет», во вторник отправлялся обратно на работу. А ведь тогда еще не была проложена ветка Виндавской железной дороги, и поездка в Москву была отнюдь не легкой. Сначала 27 верст на лошадях по грунтовой дороге до станции Крюково Николаевской железной дороги, а оттуда на поезде до Москвы. Многие отмечали плохое состояние грунтовой дороги до станции. Но, невзирая на это, Алексей Николаевич еженедельно в теплое время года отправлялся в такой дальний путь к своей семье. В усадьбе Дергайково все лето жили его дети, им там нравилось. Рядом была речка, лес и другие сельские прелести.

Мачеха Лидия Филипповна Маклакова

Напомним, что в 1881 г. А. Н. Маклаков овдовел. На руках осталось семеро детей от 4 до 12 лет. Алексей Николаевич был отнюдь не старым, ему было только 42 года. Через несколько лет он женился на женщине, которую давно знал, ее звали **Лидия Филипповна** (урожд. **Королева**, 1851 – † 1936). Настала пора поговорить о ней.

Вторую супругу без преувеличения можно отнести к творческой интеллигенции. В энциклопедии “Брокгауза и Ефрона” о ней приведены такие строчки: «Маклакова (Лидия Филипповна, урожденная Королева) – писательница, подписывается Л. Нелидова, Л. Н. и Л. Королевна. С 70-х годов сотрудничала в “Вестн. Европы”, где поместила ряд талантливых повестей и рассказов: “Полоса”, “Воробьиные ночи”, “Неожиданный случай”, “Лучше поздно, чем никогда” и др. Печатала также свои очерки в “Рус. Вед.” и “Книжках Недели”. Ей принадлежат еще “Воспоминания об И. С. Тургеневе” и ряд рассказов для детского чтения, из которых отдельно издана: “Девочка Лида. Рассказ для детей” (2-е изд., М., 1895)»¹³⁴.

К этому добавим слова из книги “Истринская земля”: «Ее талант был замечен Н. А. Некрасовым и И. С. Тургеневым. О ее повести “Полоса” поэт Я. П. Полонский писал в 1888 г. А. П. Чехову: “Тургенев и я, читая эту повесть, думали, что на Руси появился талант, который не уступает по своей силе таланту Диккенса. Затем у ней были другие рассказы, но уже гораздо слабее”»¹³⁵. Она также состояла в переписке со знаменитым русским писателем Ф. М. Достоевским (сохранились два письма Лидии Филипповны Федору Михайловичу)¹³⁶.

Ее имя оказалось связано с еще одним писателем, революционным демократом Василием

Изо 4–13. Л. Ф. Маклакова¹³³, сер. 1880-х (?) фото Опитц. Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля.

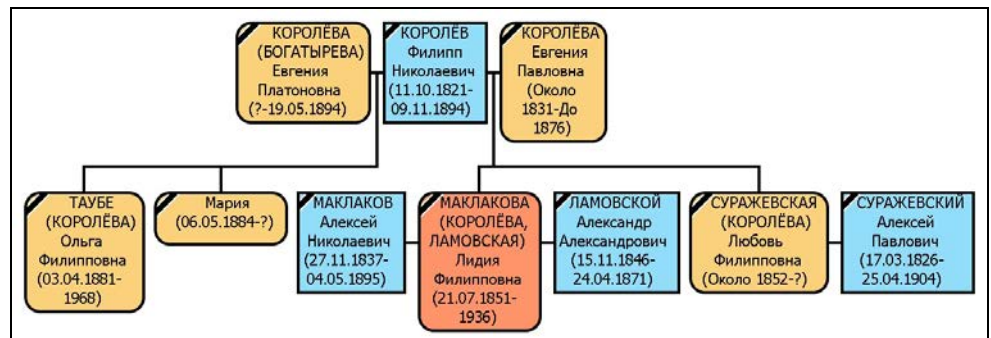
Алексеевичем Слепцовым, с которым она находилась в гражданском браке три года (1875–1878). «После смерти Слепцова Нелидова опубликовала несколько произведений, обративших на себя внимание Тургенева и Глеба Успенского. [...] Однако настоящего писателя из нее не получилось. Сентиментальность, стремление к украшательству, погоня за красивыми словами подменяли в ее произведениях правду жизни. Поэтому Тургенев вскоре резко отозвался о ее рассказах “Воробьиные ночи” и “Единственный случай”, несмотря на доброе отношение к их автору. [...] За всю свою долгую жизнь Нелидова так и не выработала собственного голоса»¹³⁷.

Происхождение Лидии Филипповны

Теперь поговорим о корнях второй жены. Отца звали Филипп Николаевич Королёв. Это был неординарный, талантливый человек. Он являлся сотрудником 82-томного энциклопедического словаря “Брокгауза и Ефрона”. В этом издании размещена статья о нем, вот выдержки из нее:

«Королев (Филипп Николаевич, 1821–94) – общественный деятель, более полувека трудившийся на педагогическом поприще. Уроженец Харьковской губ., сын крестьянина; окончил курс в харьковском университете в 1841 г. по отделению математических наук физико-математического факультета, со степенью кандидата, и поступил учителем физики и математики во вторую харьковскую гимназию, в которой пробыл до 1854 г. Затем К. держал экзамен на степень магистра чистой математики и в 1855 г., по защите диссертации, отправился в Белоруссию, где было открыто первое в России высшее сельско-хозяйственное учебное заведение [...] В 1858 К. переходит в Москву, где скоро занимает одно место за другим, но все на педагогическом поприще. [...] В 1870 г. К. становится во главе высшего сельско-хозяйственного заведения – петровской земледельческой акд., по указанию и желанию самих профессоров академии. [...] по переходе на службу в Петербург, избран председателем II (технического) отделения вольного экономического общества; в этой должности он работал неустанно в 15-ть лет, почти до самой кончины. Он был также членом многих не только ученых, но и благотворительных обществ»¹³⁸.

Филипп Николаевич был дважды женат. Дочь Лида родилась в Харькове в первом браке, ее матерью стала Евгения Павловна. Образование девочка получила во Второй московской гимназии. В советские годы о ней писали: «Живая и обаятельная женщина, интересная собеседница, она всегда находилась в центре внимания молодежи, посещавшей дом Королевых. В 1869 г. она вышла замуж за доцента Московского технического училища А. А. Ламовского, который вскоре застрелился (по-видимому, на почве психического расстройства). Родители Нелидовой [Королёвой] помогли ей уехать в Швейцарию»¹³⁹.

Изо 4–14. Фрагмент родословного дерева Королёвых.

Второй брак, совместная жизнь Маклаковых

Лидия Филипповна была почти на 14 лет младше Алексея Николаевича Маклакова. Где, когда и при каких обстоятельствах состоялось их знакомство – история умалчивает. Но переписка показывает, что они были знакомы давно, испытывали симпатию друг к другу. В 1877 г. (т.е. еще за 4 года до кончины первой супруги) Алексей Николаевич писал Лидии Филипповне: «мои дети, зачитаются вашей книгой [“Девочка Лида”] – я сам ее читал до 3 часов ночи»¹⁴⁰. В другом письме сообщил: «Мы еще так мало друг друга знаем [...] мне все сдается, что я Вас давным давно знаю».

А вот воспоминания пасынка Василия Алексеевича Маклакова: «Мачеха была другим человеком, чем наша семья. Была писательницей. Еще при жизни матери, когда мы не знали ее, нам подавали ее детскую книгу под псевдонимом Л. Нелидовой – “Девочка Лида”. Она нам, детям, очень понравилась; мы не знали, что нам впоследствии предстоит узнать ее автора близко. Ее рассказ “Полоса”, напечатанный в “Вестнике Европы” под инициалами “Л.Н.”, произвел сенсацию»¹⁴¹.

После кончины первой супруги А. Н. Маклаков второй раз женился далеко не сразу, отношения с Лидией Филипповной складывались непросто. В письмах она ему писала: *«всегда говорю себе: [...] я была права, когда не вышла за тебя замуж. [...] Я боюсь будущего с тобой»*¹⁴². Возможно, ее пугало, что некоторые дети Маклаковы были уже взрослыми. Как они примут мачеху?

Но каким-то образом они все же сумели договориться, свадьба состоялась в Москве в 1885 г.¹⁴³. Для обоих это был второй брак. Очевидно, он состоялся по любви. Хотя случались и кризисы в отношениях Алексея Николаевича и Лидии Филипповны, об этом говорят ее слова в письме: *«Брось меня. Я принесла и могу и могла принести только несчастье тебе и твоим [детям]»*. И все же представляется, что этот брак в целом был счастливым (рождения детей, правда, в нем не было). Об этом свидетельствуют слова в завещании А. Н. Маклакова, составленном в 1887 г.: *«я считаю нужным прежде всего выразить мою благодарность жене Лидии Филипповне за то счастье, которое она дала мне и за те заботы, которые она несла на себе вполне добросовестно по отношению к моим детям»*¹⁴⁴. Как уже говорилось, он завещал второй жене имение Леоново (Спасское) с пустошами, а также ценные бумаги.

Пока Алексей Николаевич был жив, Лидия Филипповна присматривала за его детьми. В письме как-то ему писала: *«Все благополучно. Коля был болен немного, но теперь уже несколько дней как ходит в гимназию; у Лели [Алексея] была лихорадка и тоже прошла. Маруся [Мария] один день провела в кровати из-за кашля [...] Оля [...] все толковала о каком-то мальчике Макарове [...] в которого влюблена»*. Супруг отвечал: *«Письмо Ваше перенесло меня домой, всех я увидел и почти успокоился за детей»*.

Василий Алексеевич вспоминал, что когда он в 1890 г. заболел, то на семейном совете решили, что стоит лечиться за границей. Ему тогда был 21 год, и Лидия Филипповна согласилась поехать вместе с ним в далекие края, тем более, что *«собиралась в Швейцарию погостить у своих близких друзей»*. А когда спустя четыре года тот же Василий закончил учебу в Московском университете и встал вопрос об отбытии воинской повинности, здесь вновь помогла Лидия Филипповна. Ее сестра была замужем за генералом А. П. Суражевским. В результате В. А. Маклаков был зачислен *«вольноопределяющимся»* в воинскую часть в Ростове Великом, которой командовал генерал. Служба в армии, по признанию Василия, оказалась совсем не обременительной (подробности в шестой главе).

Имение Леоново (Спасское)

О жизни Лидии Филипповны после смерти Алексея Николаевича сведения отрывочные. Сохранились ее письма, написанные детям Маклаковым с зарубежных курортов. В них писала, что ей больше нравится Россия: *«чем лучше Баденвейлер [в Германии] Дергайкова [...] я не могу понять»*.

В цитате упомянуто Дергайково. Здесь Лидия Филипповна бывала, когда был жив муж Алексей Николаевич. Ну и, наверное, какое-то время после его смерти. В книге «Истринская земля» говорится, что местные жители Дергайково запомнили добрую *«барыню Маклакову»*. Утверждается, что это была Лидия Филипповна, что она, мол, была последней владелицей этого имения. В шестой главе в материале о Марии Алексеевне Маклаковой это утверждение ставится под сомнение.

В ОПИ ГИМ сохранилась карта 1902 г., которая подписана так: *«План Части лесной дачи урочища Логинково, при сельце **Леоново**, площадью 14,90 десят. [...] владение вдовы Действительного Статского Советника Лидии Филипповны Маклаковой»*¹⁴⁵. В другом архивном деле, датированном 1913 г., указаны сведения для имения *«Леоново, Новинки и Стариково Лучинской волости»*¹⁴⁶. Приведен его размер 220 дес., доходность имения уездная 1100 руб. и губернская 880 руб. Но самое интересное – это хозяева указанной недвижимости. В списке владельцев упомянуты Лидия Филипповна и дети Алексея Николаевича: Елизавета, Ольга, Александра, Мария, Николай, Алексей, Василий Алексеевичи Маклаковы.

В первой главе приведены сведения о Леоново, говорилось со ссылкой на книгу «Истринская земля» о двух имениях. Одно было в дер. Леоново. А другое имение с усадьбой, оно именовалось **Спасское** и находилось неподалеку: *«в 500 м к западу от современной деревни и в 200 м от шоссе»* (к нему относилась пустошь Логиново). Эти имения помечены цифрами «4» и «5» на карте из 1–14.

С владельцами указанных имений полной ясности нет. По одним данным, имение Спасское в начале XX в., принадлежало Лидии Филипповне. А хозяином дер. Леоново был ее пасынок Алексей Алексеевич Маклаков. Однако обнаружено архивное дело 1914 г., в котором указано, что владель-

цем имения Спасское, находившемся в одной версте от Леоново, является упомянутый А. А. Маклаков¹⁴⁷. Получается, что Лидия Филипповна спустя какое-то время уступила (продала?) свое имение пасынку? Или же все же у нее осталась недвижимость?

Слишком много вопросов, запутанная история с этими имениями. Далеко не во всем удалось разобраться. Очевидно, со временем происходили изменения в списке владельцев недвижимости. Внятного, достоверного объяснения по земельным владениям Маклаковых найти не удалось.

Сохранилось заявление 1900 г. «В Звенигородскую Уездную Земскую Управу [от] Землевладелицы Лидии Филипповны Маклаковой». В нем написано:

«В виду проникших в печать слухов об ассигновании с лишком шести миллионов [рублей] на улучшение шоссейных путей в России решаюсь обратить внимание Земской управы на печальное положение местности, в которой живу семнадцать лет. За эти шестнадцать лет ни разу не была исправлена дорога подле имения, хотя эта дорога не проселочная, а большая, называемая Рузский большой тракт. На горе в деревне Леонове на этой же дороге не выдерживают не только рессорные, но даже и простые экипажи. Лошади надрываются и погибают. [...] Помещики, желая ехать, [вынуждены] просить позволения проехать через усадьбу. В деревне Леонове крестьянский скот стоит в дворах по брюхо в воде. Дети болеют. Взрослые заболевают от одной поездки на станцию (Крюково Николаевской жел. дор.), коя в двадцати восьми верстах. Несколько раз в году бывает время, когда доктор может проехать только верхом, несмотря на то, что никакия реки не отделяют имение Спасское от города Воскресенска»¹⁴⁸.

Отношения Лидии Филипповны с детьми мужа

Как складывались отношения мачехи с детьми Маклаковыми, которые ей были не родными? При жизни Алексея Николаевича все было нормально. И в первые годы после его смерти, по всей видимости, все так и оставалось. Младшие девочки Ольга и Мария настолько хорошо приняли Лидию Филипповну, что продолжали называть ее мамой.

Но потом возникли трения, споры по вопросу наследства Алексея Николаевича Маклакова. В одном из писем Лидия Филипповна обвиняла пасынка Василия, что он невыгодно собирался продать имение **Сабурово** вместе с землей – дешевле, чем стоил произрастававший там лес. Но не это было главной причиной конфликта. Как написано в архивном деле, в начале 1900-х гг. возник спор из-за желания Лидии Филипповны вырубить для продажи лес в пустоши Логиновой (иногда писали Логинково), находившейся в окрестностях **Дергайково**. К тому времени была проложена Виндавская железная дорога, которая проходила недалеко от имения, и цены на древесину заметно выросли. Вот Лидия Филипповна и захотела продать с выгодой хвойный лес на участке 14 дес. Удалось узнать подробности предполагаемой сделки. В одном из дел указано имя покупателя Юрия Геннадиевича Карпова, который готов был заплатить по 100 руб. за каждую десятину леса¹⁴⁹. В другом деле 1904 г. сказано, что власти позволяли вырубить в пустоши Логиново 550 деревьев (сосны и ели) толщиной «в трубе» (т.е. у корня) от 9 до 13 вершков¹⁵⁰. Это от 40 до 58 см в диаметре. Большие были деревья.

По завещанию указанная пустошь Логинова принадлежала вдове. Но было некое условие, из-за которого она не могла рубить лес без согласия детей Маклаковых. А сыновья Алексея Николаевича были против затеи мачехи, посчитали, что продавалась «самая ценная часть имения». Так и осталось непонятно – чем все закончилось. В любом случае можно уверенно говорить о том, что отношения с некоторыми детьми после этого случая оказались испорчены. Отношения стали, как писала Мария Алексеевна Маклакова, враждебными, особенно с мальчиками.

Сохранилось письмо Лидии Филипповны, адресованное старшему из детей Василию. Оно полно обвинений, горьких упреков в его адрес (письмо написано малоразборчивым почерком, многое не удалось прочитать). Но суть понятна: «Мой Вася! [...] Что ты делаешь с самим собой, со своей душой? [...] теряешь как бы свою живую совесть. Смерть папаши была для тебя роковой [...] Какой бы ни был исход материальной нашей с тобой борьбы, неужели ты не видишь твоих нравственных поражений? [...] ни за что на свете не пожелаю быть в твоём положении [...] Страшно за тебя. [...] Я расплачиваюсь в твоём лице за свою несправедливость, за ту исключительную любовь к тебе, которая возбуждала ревность и зависть в других детях»¹⁵¹. Жесткие обвинения в адрес пасынка. Насколько они справедливы? Трудно сказать, ответное послание не обнаружено.

В переписке братьев Николая и Василия Маклаковых приведены некоторые сведения о финансовом положении мачехи. Написано, что она хотела бы иметь годовой доход в 1200–1500 руб., а на

практике было так. Пасынок Василий платил ей ежегодно 360 руб. (за что именно – не сказано). Помимо этого, она получала часть пенсии умершего мужа Алексея Николаевича – 800 руб.¹⁵². Другой пасынок, Николай, писал, что мачеха обладает средствами в банке в размере 30.000 руб. (по другим данным, 20.000). Утверждал, что жить в своем имении **Спасском (Леоново)** она может «безбедно».

Добрые дела Лидии Филипповны

Лидия Филипповна Маклакова занималась добрыми делами, это подтверждают документы.

В 1887 г. в с. Телепнево было открыто народное училище для крестьянских детей. Оно находилось недалеко от Дергайково и Леоново. Его попечительницей стала, как написано в архивном деле, «*Л. Ф. Маклакова*»¹⁵³. Там же отмечено, что в 1890 г. она выделила на нужды училища 20 руб. Было ли это разовое пожертвование или ежегодное – осталось непонятно. Лидия Филипповна оставалась попечительницей этого училища, как минимум, до 1910 г. (возможно, и до революции).

В справочном издании г. Москвы за 1893 г. фамилия Л. Ф. Маклаковой упомянута в списке членов комитета «*Общество воспитательниц и учениц*»¹⁵⁴.

Когда в конце 1890-х гг. в г. Воскресенске было организовано благотворительное общество при земской лечебнице, Л. Ф. Маклакова вступила в него. В отчетах общества на протяжении ряда лет ее фамилия печаталась в списке «*действительных членов*», указывался ежегодный взнос – три рубля¹⁵⁵.

В одном из архивных дел обнаружено следующее сообщение: «*Комитет Московского общества содействия устройству общеобразовательных народных развлечений обратился с ходатайством о разрешения на устраиваемых сим обществом вечерах в 1904 – 1905 академическом году общедоступных утр и вечерах, а также и на народных гуляниях, в Сокольниках в Петровском парке летом 1904 года, [...] В списке этом значится Лидия Филипповна Маклакова*»¹⁵⁶.

Помимо этого, как написано в одной из статей, Л. Ф. Маклакова «*состояла членом Московского женского клуба, а во время мировой войны была сестрой милосердия в учрежденной в Москве при ее содействии Никольской общине*»¹⁵⁷. Некоторые подробности удалось найти в газете “Московский листок”, в которой 26 октября 1914 г. была напечатана заметка. В ней говорилось: «*Вчера вечером в Комиссаровском училище состоялось первое общее собрание создаваемой заново Никольской общины сестер милосердия. На собрании избран был попечительский совет*»¹⁵⁸. В списке избранных членов совета упомянута Л. Ф. Маклакова.

Последние годы жизни Лидии Филипповны

Что еще можно сказать о жизни второй жены? После смерти Алексея Николаевича она больше не выходила замуж. До революции проживала в Москве на Пречистенке в Штатном пер., снимала квартиру в доме № 3 Крамарова. В феврале 1915 г. ее квартира подверглась дерзкому нападению четырех вооруженных грабителей, об этом случае сообщали газеты. Бандиты обманным путем ворвались днем в дом, когда хозяйки не было, а находилась только служанка. Злоумышленники ее связали и стали рыскать по квартире в поиске ценных вещей. Их спугнула сестра служанки. Бандиты бросились бежать, прихватив с собой «*мелких золотых вещей на сумму около 300 руб.*»¹⁵⁹.

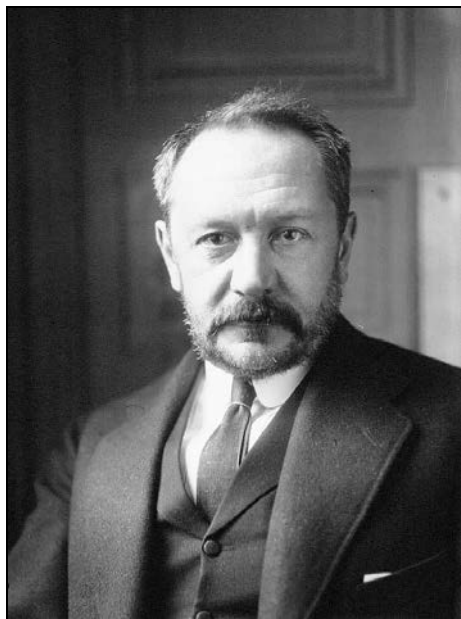
Полиция задержала злоумышленников, когда один из них пытался сдать в скупку украденные золотые часы. Грабителями оказались молодые люди от 19 до 21 года. Выяснилось, что наводчиком стал полотер, который за несколько дней до ограбления натирал полы в квартире Л. Ф. Маклаковой. В июне состоялся суд. Двоих преступников приговорили «*к смертной казни через повешение*», остальных – к ссылке на каторжные работы. Вот такие суровые тогда были законы.

О жизни Лидии Филипповны в советские годы кратко написано в одной из статей: «*После Октябрьской революции Нелидова одно время работала в Наркомпросе вместе с Н. К. Крупской; с первого дня возникновения Всероссийского союза писателей была членом его московского отделения. И, наконец, лишь после 1925 г. вернулась к роману “На малой земле” и закончила его в доме для престарелых ученых, в Москве или в Ленинграде, куда она была переведена в 1930 г.*»¹⁶⁰. Там она, по некоторым данным, и скончалась в 1936 г.

На этом рассказ о предках Маклаковых завершен.

Глава 5. Последний владелец Дергайково Василий Алексеевич Маклаков

Изо 5–01. В. А. Маклаков, 1917.

Переходим к рассказу о главном герое настоящей книги – адвокате, депутате Государственной думы II, III и IV созывов **Василии Алексеевиче Маклакове** (1869 – † 1957). Это был известный в России человек, вот некоторые высказывания о нем: *«В. А. Маклаков – личность совершенно уникальная. Само его имя покрывает блеском общественную и политическую культуру России»; «любимец Москвы и популярный адвокат»; «знаменитый адвокат, один из лидеров российского либерализма начала XX в.»; «Василий Алексеевич являлся одним из столпов российского освободительного, антисамодержавного движения»; «видный политический деятель, Член Государственной думы, российский адвокат, известный своим умением защищать обвиняемых в самых тяжёлых и запутанных преступлениях»; «Речи его отличались эрудицией, блестящим и совершенно особым ораторским искусством»; «Маклаков был адвокатом и, по единодушному признанию знатоков, адвокатом блестящим. Блестящ он был впрочем во всем, за что бы он ни брался».*

О народной любви к В. А. Маклакову свидетельствует такой эпизод. Когда началась Первая мировая война, адвокат не остался в стороне. Сам он не принимал участия в боевых действиях, но помогал фронту с первых месяцев войны, какое-то время находился в санитарном отряде Красного креста. Когда в октябре 1914 г. появилось сообщение о его гибели, народ стал активно это обсуждать, переживать. Но вскоре в газете было напечатано опровержение:

«Разнесся слух, что на передовых позициях “убили шрапнелью”, нашего милейшего адвоката, члена Г. Думы, чешского “сокола” и постоянного гостя московских купеческих гостиных В. А. Маклакова. – Васеньку Маклакова убили! — сказал мне вчера именно один богатый купчик. К счастью, известие оказалось ложным. Русския Ведомости “самым решительным образом” заявляют, что В. А. Маклаков жив и здоров, так как 16 числа ложное известие было напечатано в Голосе Москвы, а 17-го г. Маклаков посылал “из действующей армии” телеграмму в Русския Ведомости. Ну, слава Богу, коли так!»¹.

Слова в этой заметке наглядно свидетельствуют, какой любовью у некоторой части населения пользовался в то время Василий Алексеевич, один из ведущих членов думской фракции партии кадетов (Конституционных Демократов – КД). Данный факт его биографии прежде не был известен, о нем не сказано ни в одной из современных публикаций.

Рассказ о В. А. Маклакове хотелось бы начать с цитирования статьи В. М. Шевырина, опубликованной в начале 2000-х гг.:

«Непревзойденный адвокат, которого ходили слушать, как “ходили на Собинова и Шаляпина”, на весь мир прославившийся искусной защитой на процессе Бейлиса, лучший оратор II, III, IV Государственных дум, член ЦК Кадетской партии, один из ярких выразителей ее идеологии, по-

сол Временного правительства во Франции, самая замечательная и видная фигура в эмиграции, автор прекрасно написанных книг и множества статей и т.д. Даже в сравнении с П.Н. Милюковым, признанным лидером Кадетской партии, он во многом выигрывал: “В Маклакове, – писала член этой партии А.В. Тыркова-Вильямс, – было больше блеска, он был талантливее, обаятельнее. Его политический анализ был тоньше и своеобразнее”. И сам Милюков видел в нем выдающегося деятеля. По существу, именно так характеризовали Маклакова все его современники. Французский посол в России М. Палеолог, лично знавший Маклакова, Милюкова, М.М. Ковалевского и А.И. Шингарева, считал их “генеральным штабом и цветом либеральной партии”, людьми непогрешимой честности и высокой культуры. Для В.В. Шульгина Маклаков был “одним из светлых умов, какие я знал”. Абсолютно для всех, кто общался с Маклаковым, он был “человеком выдающегося ума”. Он обладал мощным и чрезвычайно точным умом, который “был ближе всего к уму Пушкина”. С.Ю. Витте, с которым он был на коротке, аттестовал Маклакова не в своей обычно желчной манере: “Совершенно порядочный человек и к тому же большого ума и таланта”.

Ум, красноречие, великодушие, благородство – эти и другие его черты, весь облик, личность Маклакова влекли к нему людей, оттого его и любили, а не только “ценили”. От него, как писал известный литератор Г. Адамович, встречавшийся с Маклаковым, “веяло человечностью, которой ничего не было чуждо”. И тем поразительнее, что жизнь Маклакова, его судьба, идеи до сих пор – “непрочитанная книга”. И до тех пор, пока Маклаков пребывает в густой исторической тени, мы гораздо больше заслуживаем тот упрек, который сделал своим домочадцам еще Лев Толстой. Его дочь, Т.Л. Толстая, в письме Маклакову 28 августа 1895 г. заметила: “Папа вас очень полюбил и вчера за обедом упрекал нас в том, что мы мало вас ценим”, хотя, как не раз повторяла Татьяна Львовна Маклакову, “вас у нас все очень любят”.

В исторической литературе Маклакова явно “не любили” по идеологическим соображениям. Ленин писал о нем: “Контрреволюционный буржуа...”, “первый из них”, “вождь капиталистов”, один из “главарей буржуазной контрреволюции”, слуга международного капитала. Но он по своему отдавал должное Маклакову: “Милюков и Маклаков, как все люди дела, превосходно понимающие смысл классовой борьбы, когда это их класса касается”. Он называл Маклакова “светилом” в кавычках и соловьем – без них, имея в виду ораторский талант Маклакова.

Понятно, что в советское время Маклакова “не изучали”. Но теперь интерес к нему проснулся и растет: переиздаются его мемуары, публикуется эпистолярное наследие (эмигрантского периода жизни), защищены две кандидатские диссертации о его общественно-политических взглядах, появляются статьи о нем. Но пока слабо изучены архивные материалы и его статьи в российской прессе. Между тем они дают возможность полнее показать процесс формирования его мировоззрения, его работу как юриста и как депутата Государственной думы, как лидера конституционно-демократической партии².

За истекшие четверть века с момента выхода указанной статьи, ситуация изменилась в лучшую сторону. Появилось несколько новых обстоятельных публикаций о В. А. Маклакове, были напечатаны некоторые его работы. Но везде в основном рассматривается его профессиональная и общественная деятельность как адвоката и депутата думы. Излагать все это детально в настоящей книге нет смысла, т.к. эта сторона жизни Василия Алексеевича, его политические взгляды довольно подробно изучены и описаны. Поэтому далее его адвокатская и депутатская деятельность рассматривается в самых общих чертах без подробностей. Упор будет сделан на личную биографию, отношения с родственниками, которые менее известны. Кто-то справедливо заметил: В. А. Маклаков был скрытным человеком. И это несмотря на то, что он издал большой том своих воспоминаний (в Приложении–3 приведены значительные выдержки из этой книги). В нем Василий Алексеевич довольно подробно написал о своем детстве и юности, «а о том, как жил позднее, чем увлекался, с кем встречался и дружил, как проводил свободное от дел время, обо всем этом он не счел нужным сообщить почти ничего»³. Так, например, мало кто знал, что он какое-то время был женат.

В дальнейшем изложении будет приведено много цитат из книги “Из воспоминаний” самого Василия Алексеевича. Эти сведения будут дополнены материалами из других источников (в основном архивных дел). Также будут изложены все материалы, которые удалось собрать о том, что связывало В. А. Маклакова с нашим краем, именем Дергайково.

Детство, учеба в университете

О родителях Василия подробно рассказывалось в предыдущей главе. Напомним, что мать звали Елизавета Васильевна (урожд. Чередеева), а отца – Алексей Николаевич Маклаков, он был врачом-офтальмологом. Родители обвенчались в мае 1867 г. в Спасской церкви при глазной больнице. Год спустя в семье родился первенец, девочка Лиза. А еще через год, 10 мая 1869, появился на свет мальчик, его назвали Васей. Крещение малыша состоялось в том же больничном храме, где венчались его родители⁵. Восприемниками стали родственники по линии матушки: Василий Васильевич Чередеев (дедушка малыша) и Мария Павловна Степанова (двоюродная бабушка). Крестная мать потом завещала свое имение Дергайково семье Маклаковых.

Детство Василия, домашнее воспитание

В предыдущей главе рассказывалось о добрых отношениях в семье Маклаковых, дети росли в теплой, домашней обстановке. Летом ребят вывозили в загородное имение Ярцево Дмитровского уезда. Сохранилось детское письмо Васи, отправленное оттуда. Оно предназначалось крестной матери М. П. Степановой, цитата из него приводилась в предыдущей главе.

Василий Алексеевич, рассказывая о своем детстве, отмечал, что воспитывался в интеллигентской, а не помещичьей среде. В книге воспоминаний написал:

«Желание матери как можно дольше детей учить и воспитывать дома, по-видимому, встречало со стороны отца возражения. У него были другие взгляды.

Он опасался для нас чересчур дамского, тепличного воспитания, хотел, чтобы мы возможно раньше узнавали настоящую жизнь и ее темные стороны. [...] Наша учительница, Надежда Ивановна, учила нас всем предметам: писать без ошибок, арифметике, географии, истории. Для истории у нас был какой-то альбом с историческими картинками, начиная с крещения Руси и кончая чтением Манифеста 1861 года. При этих картинках был объяснительный текст, благодаря им все запоминалось легко. Была у нас и специальная детская библиотека: в ней, между прочим, были два тома о Потемкине и Суворове. [...] Нас учили и музыке. Жила у нас постоянно гувернантка, и мы с ней научились свободно болтать по-французски. Позднее появилась и англичанка. Со смертью матери такое домашнее учение кончилось. Учили нас и немецкому, но немецких учителей мы не любили и плохо учились»⁶.

Учеба Василия в Пятой московской гимназии

Далее Василий писал: *«Вопреки желанию матери я еще при жизни ее был отдан в Московскую классическую 5-ю гимназию. Директором ее был В.П. Басов, сам убежденный латинист, переводчик с немецкого латинской грамматики Мазинга. Был сыном профессора хирургии, который знал лично отца. Я почему-то поступил в гимназию в середине учебного года, поэтому должен был для поступления сдавать особый экзамен»*. Испытания прошел успешно и был принят в гимназию.

Время поступления в гимназию не указано. В одном из архивных дел сказано, что учеба В. А. Маклакова в гимназии длилась восемь лет, и был еще один подготовительный класс. Зная время поступления в университет (1887), получается, что он поступил в гимназию в возрасте девяти лет в конце 1878 г. или в начале следующего года. Напомним, что как раз в это время Маклаковым была передана для проживания усадьба Дергайково, поначалу во временное пользование, а потом и навсегда.

Учеба в гимназии в памяти Василия оставила двойные чувства. С одной стороны, ему нрави-

Изо 5–02. Е. В. Маклакова с сыном Васей⁴,
1870. Государственный музей
А. С. Пушкина, Москва.

лось находиться в среде своих сверстников (в воспоминаниях приведены имена некоторых ребят), этого он был лишен при домашнем воспитании. А с другой стороны, не все порядки в гимназии, не все учителя нравились. Слишком много времени, по его мнению, уделялось зубрежке древних, отмирающих языков – латыни и греческого. Однако Василий был способным гимназистом, учеба давалась ему легко. Вот его слова: *«В гимназии моими успехами в науках могли быть довольны: я не был ленив, имел хорошую память, сами древние языки меня не отталкивали. Читать по-гречески я научился сам, без учителя, из одного любопытства. В моем аттестате зрелости было сказано даже, что я “с особенной любовью занимался изучением труднейших отделов грамматик древних языков” [...] Моя выпускная работа по латинскому языку была признана в округе лучшей. Начиная с 4-го класса у меня не было отметок ниже “пяти”. Словом, я учился отлично и, несмотря на это, едва попал в университет»*⁷.

Василий шел на золотую медаль, но сам испортил отношение к себе гимназического начальства и некоторых учителей. Это произошло из-за обычной детской шалости. На одном из уроков он оказался на задней парте, и по примеру некоторых озорных одноклассников стал мычать с закрытым ртом. Но делал так неумело и громко, что на это обратил внимание учитель. Василий, как честный мальчик, во всем сознался. Наказание было нестрогим: *«Директор сделал мне выговор»*. Это был, наверное, первый случай в жизни Василия, когда он открыто пошел против установленного порядка. Но далеко не последний. Как показывает его жизнь, В. А. Маклаков в молодые годы дисциплинированностью не отличался, порой конфликтовал с начальством, властями.

В другой раз директор заметил, как он перепрыгивал на лестнице через несколько ступеней. Замечание *«было внесено в кондуитный журнал»*. Но наказания не привели к исправлению, Василий продолжал озорничать. Как-то вырезал на парте слова: *«Нет ничего глупее докторского осмотра»*. Надпись заметили, он честно сознался, не стал отрицать своего авторства. Это было уже слишком. Поведение Маклакова рассматривалось на педагогическом совете, высказывалось даже мнение, что он поднял в гимназии *«знамя восстания»*. Решено было прибегнуть к суровым мерам: *«В наказание за надпись я был стерт с золотой доски, которая висела в каждом классе и где записывали “отличных учеников”»*.

В дальнейшем случился еще один эпизод, когда при сдаче экзамена директор заподозрил Маклакова в списывании (чего на самом деле не было). Василию грозило остаться на второй год. И это при его отличной учебе. Но он сам был во всем виноват, своим недисциплинированным поведением заработал дурную славу. В итоге наказание смягчили, но отправили на пересдачу экзаменов.

Маклаков успешно прошел выпускные испытания в гимназии. В его аттестате зрелости оказались отличные оценки по десяти предметам. Отмечено, что проявил любознательность, с особым интересом занимался изучением труднейших отделов грамматики древних языков⁸. Однако из-за своего дурного поведения золотую медаль не получил, только серебряную. И все же ему была выдана рекомендация к поступлению в Московский университет без вступительных экзаменов.

Учеба на физико-математическом факультете университета, поездка в Париж

По окончании учебы в гимназии родители подарили Василию трехнедельное путешествие по рекам Волге и Каме с посещением тагильских заводов на Урале. Эта поездка в какой-то мере определила, куда поступать: на естественное отделение физико-математического факультета.

С осени 1887 г. началась учеба в Московском университете. В своих воспоминаниях В. А. Маклаков немало места посвятил студенческим годам. Но о самом учебном процессе почти не писал, больше уделял внимание событиям студенческой жизни, описывал волнения среди студентов. Рассказал, как на одной из студенческих сходок его взяли под полицейский конвой, но не арестовали, а отвезли до дома и отпустили.

Летом 1889 г. на каникулах Василий первый раз отправился за границу. Его отец собрался в Париж на Всемирную выставку и решил захватить с собой старшего сына. В то время студенту выехать за пределы страны было непросто, нужно было обоснование, например, назначение врача. Отцу-медику не составило труда найти знакомого доктора, который выдал необходимую справку, и разрешение на выезд было получено. Сохранилось архивное дело, в котором имеется свидетельство о выдаче заграничного паспорта студенту 4-го семестра физмат факультета Московского университета В. А. Маклакову сроком до 14 сентября 1889 г.⁹.

Василию было всего 20 лет, когда он впервые оказался в Париже – в городе, в котором позднее многократно бывал и провел в эмиграции вторую половину своей жизни. Он называл Париж любимым городом, а проведенный там месяц в 1889 г. – *«счастливейшим временем»* своей жизни.

В воспоминаниях довольно много внимания уделено первой поездке в столицу Франции. Василий отметил Эйфелеву башню, которая *«производила потрясающее впечатление»*. Далее написал: *«Первое время в Париже моим гидом в нем был мой отец; мы целые дни проводили на выставке, а вечера в театрах. Он знакомил меня и со своими друзьями»*. Василий быстро сошелся с французскими студентами, проникся духом свободы. Проблем в общении не было, т.к. он свободно владел французским языком. В. А. Маклаков восхищался Парижской ассоциацией студентов: *«я увидел идеал для наших землячеств»*. Познакомился с идеями французского мыслителя, блестящего оратора, депутата и масона графа Мирабо, который был убежденным сторонником конституционной монархии, выступал за эволюционный, а не революционный путь развития. Как написано в воспоминаниях Василия Алексеевича: *«Моим героем этой эпохи стал поэтому Мирабо: не за его исключительный гений, но потому, что он хотел идти именно этим путем»*. За такие взгляды его в России стали называть *«русский Мирабо»*¹⁰.

Целый месяц Василий провел в Париже, отец вернулся в Россию раньше него. *«Я получил от ассоциации письменное полномочие поставить ее в контакт с русскими студенческими организациями»*. Были большие планы на дальнейшее международное сотрудничество, но им не суждено было сбыться. Более того, пошли и неприятности. Уже при пересечении российской границы часть материалов, которые он вез с собой из Парижа, таможенники изъяли. Но Василий не опустил руки, постарался реализовать в среде студентов те идеи, которыми заразился в Париже. Для начала ему посоветовали написать статью, что он и сделал. Написал фельетон *«Парижская студенческая ассоциация»* и отдал ее в “Русские ведомости”. При печати текст сократили почти вдвое, на что он резонно обиделся.

Отчисление из Московского университета

В марте 1890 г. в Московском университете происходили студенческие волнения. Власти арестовали почти 400 человек и поместили их в Бутырскую тюрьму, среди них оказался В. А. Маклаков. И хотя он не был зачинщиком, за решеткой провел пять дней. За участие в студенческой сходке суд приговорил Василия Алексеевича к исключению из университета, но с правом восстановления осенью.

Неприятности на этом не закончились. Как он писал: *«По возвращении из Парижа я на охоте купил в лавочке колбасы, которая оказалась несвежей, и отравился. Острый период отравления миновал, но я все слабел. Местное слишком энергичное лечение причиняло мне только вред, и врач дал обычный совет: переменить “обстановку” и на время уехать. А как раз в это время наша мачеха [Лидия Филипповна] собиралась в Швейцарию погостить у своих близких друзей»*¹¹.

За границей здоровье студента улучшилось, и вскоре он вернулся в Россию. Стал подумывать – на каком факультете университета восстановиться? К тому времени он разочаровался в естественных науках и выбирал между историческим и юридическим факультетами. Но вскоре пришла неприятная новость: по решению двух министерств ему было отказано в праве восстановления в университете. Как он сам говорил: *«Это был “волчий паспорт”»*.

Ситуация стала серьезной, к ее разрешению подключился отец, Алексей Николаевич. Он отправился в Петербург, заручившись поддержкой знакомого попечителя. Следом последовала еще одна неприятность: *«на другой же день после отъезда отца я был вызван в участок и мне было объявлено, что как политически “неблагонадежный” я отныне буду состоять под гласным надзором полиции»*. Однако в итоге все разрешилось благополучно. Ввиду поддержки попечителя в Министерстве народного просвещения не стали возражать против восстановления Василия Алексеевича в университете. Но для этого следовало выполнить одно условие. Попечитель потребовал от Маклакова: *«вы не должны участвовать ни в каких запрещенных организациях; это теперь вам надо оставить»*. Василий дал такое обещание и, как человек слова, его сдержал. Так он получил урок на всю жизнь, столкнувшись с *«бессмысленной жестокостью»* государственной власти.

Учеба на историко-филологическом факультете университета

В сентябре 1890 г. В. А. Маклаков подал в Московский университет заявление с просьбой о зачислении на историко-филологический факультет. Прощение было удовлетворено, начались занятия на первом курсе (в зачет не пошли два года учебы на физико-математическом факультете).

Четыре года продолжалось обучение в университете, на сей раз без скандалов. Василий, как и обещал, избегал запрещенных организаций, участвовал только в работе легальных органов. Был старостой курса, состоял председателем комиссии по концертам студентов, организовывал работу студенческого оркестра и хора. И при этом, как сам писал: *«стал серьезно заниматься наукой, нашел для этого и учителей, и товарищей»*.

В своих воспоминаниях В. А. Маклаков особо выделял талант преподавателя истории профессора В. О. Ключевского: *«Его лекции были заранее тщательно приготовлены, и он их из года в год повторял. Но даже те, кто знал их наизусть, ходили их слушать и наслаждаться, как слушают знакомую музыку в превосходном ее исполнении»*¹². Но в учебном процессе Маклаков больше общался с другим преподавателем университета: *«Всем, что мне дал исторический факультет, я обязан был П.Г. Виноградову. Он меня чуть не сделал историком»*. Дело обстояло так. Будучи студентом, Василий написал научный труд: *«Избрание жребием должностных лиц в Афинском государстве»*¹³. По мнению специалиста: *«Реферат Маклакова оказался настолько смелым, и вместе с тем настолько глубоко продуманным, что Виноградов принял его поправки к трудам двух авторитетнейших иностранных историков и внес их в свой курс»*¹⁴. Помимо этого, он подготовил раздел *«Завоевание Англии норманнами»* в *«Книгу для чтения по истории Средних веков»* под редакцией Виноградова (позднее труд Василия Алексеевича был выпущен отдельным изданием¹⁵).

В конце мая 1894 г. состоялись выпускные экзамены на историко-филологическом факультете Московского университета. Тема итогового сочинения В. А. Маклакова звучала так: *«Влияние за-висимого держания земли на гражданскую правоспособность на исходе Каролингского периода»*. Василий удачно прошел все итоговые испытания и был удостоен диплома первой степени. Как успешный выпускник: *«Был рекомендован к оставлению при университете для подготовки к профессорскому званию»*. Перед ним открывалась дверь к преподавательской и научной карьере. Но тут же она и захлопнулась: *«попечитель учебного округа не дал на это своего согласия»*. Н. П. Боголепов решительно заявил: *«Пока я попечителем, Маклакову кафедры не видать»*.

Изо 5—03. Вольноопределяющийся
В. А. Маклаков¹⁶, 1894—1895,
фото Д. Бутаев. ЦГАМ.

Отбытие воинской повинности,

смерть отца Алексея Николаевича Маклакова

Как вспоминал Василий, по завершении учебы в университете ему необходимо было: *«отбывать воинскую повинность. На отсрочку по образованию я прав больше не имел, раз при Университете я не был оставлен»*. Погружаться же целиком в армейскую жизнь он не хотел, не видел в этом своего будущего. Желал воинскую обязанность отбыть с минимальными усилиями и затратами времени. И такая возможность служить *«в хороших условиях»* появилась благодаря родственнику мачехи. У Лидии Филипповны имелась сестра Любовь, которая была замужем за офицером Алексеем Павловичем Суражевским. Тот был генералом, *«командовал 3-й гренадерской артиллерийской бригадой, которая стояла в Ростове (Ярославской губернии)»*. Суражевский *«не раз и раньше мне предлагал отбывать повинность у него на правах «вольноопределяющегося»»*.

Маклаков решил воспользоваться такой возможностью и уже в декабре 1894 г. отбыл в воинскую часть, расквартированную в Ростове Великом. Как написано в одной из книг: *«повинность он отбывал канониром на правах вольноопределяющегося 1-го разряда в 3-й батарее 3-й Гренадерской артиллерийской бригады»*¹⁷. По воспоминаниям самого Василия: *«Моя военная служба проходила для меня очень лег-*

ко. Я был “вольноопределяющийся” и поэтому жил не в казармах, а на частной квартире; генерал Суражевский, мой родственник по своей жене, в доме которого я столовался, был не только моим высшим начальством, но и первым лицом в этом городе. Никто потому меня не притеснял, у меня было больше, чем нужно, свободного времени»¹⁸.

За время службы в Ростове В. А. Маклаков несколько раз отлучался в Москву к отцу Алексею Николаевичу, который сильно болел. А в мае 1895 г. он умер. По воспоминаниям Василия: «Смерть отца явилась концом нашей прежней балованной жизни. До тех пор на нас не лежало заботы о ней». Как старший сын в семье, он чувствовал ответственность за своих братьев и сестер. Но еще не был свободен, армейская служба продолжалась.

Вскоре «Генерал Суражевский был сделан командиром 1-й бригады, которая стояла в Москве». Вслед за ним на новое место службы переехал и В. А. Маклаков. Летом военнотружущие отправились на учебные сборы в лагерь, который находился около с. Клементьево Рузского уезда¹⁹. 10 июля сборы завершились, и Василий Алексеевич стал готовиться к экзамену на воинский чин прапорщика. Осенью 1895 г. он успешно сдал экзамен и был уволен в запас. Но чин прапорщика запаса был присвоен не сразу, о причинах еще поговорим. Воинская специальность В. А. Маклакова оказалась связана с артиллерийскими войсками, в документах записана так: «Запасной младший фейверкер». Спустя два года он был вновь призван на военный сбор уже как прапорщик запаса и отправлен в тот же летний лагерь под Клементьево.

Сдача экзаменов экстерном на юридическом факультете университета

После увольнения из армии настала пора определяться с профессией. Василий Алексеевич и прежде об этом задумывался. Отказ в оставлении на университетской кафедре не сильно его огорчил, т.к. «Я в душе уже стал сознавать, что по натуре не был кабинетным ученым». Но чем тогда заниматься в жизни? «Давать уроки истории? Стать учителем гимназии? Маклаков был по природе человеком широкого размаха, притом уже избалованным успехами, уже втянувшимся в общественную деятельность, хотя бы и ограниченную студенческой средой, – чем могла бы его прельстить скромная педагогическая карьера?»²⁰. Василию Алексеевичу больше нравилось живое общение с людьми, он склонялся к выбору профессии адвоката. К этому времени в нем укоренилось понимание того, «что главным злом русской жизни являются безнаказанное господство в ней “произвола”, беззащитность человека против “усмотрения” власти, отсутствие правовых оснований для защиты себя. [...] Защита человека против “беззакония”, иначе защита самого “закона”, и была содержанием общественного служения – адвокатуры»²¹.

Но на пути к адвокатуре было препятствие: «Нужен был диплом об окончании курса в юридическом факультете». Василию же совсем не хотелось в третий раз начинать студенческую жизнь сначала, т.е. с первого курса университета. Этого можно было избежать: «К счастью, с разрешения министра народного просвещения можно было быть допущенным к государственным экзаменам сразу, экстерном». Маклаков выбрал этот непростой путь. Только времени на подготовку оставалось мало – чуть более полугода (а по факту вышло и того меньше). Для допуска к госэкзамену надо было сдать множество промежуточных экзаменов, которые сдают студенты за годы учебы. В таких трудных условиях выручили талант, хорошая память и исключительное трудолюбие. Чтобы никто не мешал, Маклаков снял для проживания комнату с питанием в Гнездиловском пер. «В моей комнате на видном месте был повешен плакат: “Гостей прошу более двух минут не сидеть”». Он настолько был поглощен в подготовку, что не заметил, как служанка месяцами готовила одно и то же меню.

Как потом вспоминал Василий Алексеевич: «сдачу их [экзаменов] в 1896 году я считаю главным спортивным достижением моей жизни». В своей книге он описал, как все происходило. Все сложилось удачно, экзамены успешно сданы. По окончании испытаний «в заседании Юридической Испытательной Комиссии 4-го мая 1896 года, удостоен диплома первой степени». В. А. Маклаков внес в кассу 20 руб. «на напечатание диплома, на вознаграждение экзаменаторов и другие расходы». После чего получил желанный диплом. Это был его второй университетский диплом.

Профессора оценили талант В. А. Маклакова и предложили остаться на кафедре при университете. Но он отказался, выбрал свой путь. Без промедления подал «прошение о зачислении меня в кандидаты на судебные должности, чтобы не потерять нескольких месяцев адвокатского стажа, и уехал в деревню для заслуженного отдыха». Название деревни не указано. Но наверняка это было Дергайково, в то время (1896 г.) данное имение было основным местом отдыха Маклаковых.

ДИПЛОМЪ

Предъявитель сего, Василій Алексѣевичъ Маклаковъ, вѣровсповѣданія православнаго, изъ потомственныхъ дворянъ, удостоенный въ 1895 г. Историко-Филологической Испытательной Коммиссіей при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ диплома 1-й степени, съ разрѣшенія Министра Народнаго Просвѣщенія, подвергался испытанію въ Юридической Испытательной Коммиссіи при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ, въ Мартѣ, въ Апрѣлѣ и въ Маѣ мѣсяцахъ 1896 года, при чемъ оказаль слѣдующіе успѣхи: по энциклопедіи права и исторіи философіи права *весьма удовлетворительно*, по исторіи римскаго права *весьма удовлетворительно*, по государственному праву *весьма удовлетворительно*, по политической экономіи и статистикѣ *весьма удовлетворительно*, по исторіи русскаго права *весьма удовлетворительно*, по римскому праву *весьма удовлетворительно*, по гражданскому праву *весьма удовлетворительно*, по гражданскому процессу *весьма удовлетворительно*, по уголовному праву *весьма удовлетворительно*, по уголовному процессу *весьма удовлетворительно*, по торговому праву и процессу *весьма удовлетворительно*, по церковному праву *весьма удовлетворительно*, по международному праву *весьма удовлетворительно*, по полицейскому праву *весьма удовлетворительно*, по финансовому праву *весьма удовлетворительно*, по письменному отвѣту изъ римскаго права *весьма удовлетворительно*.

По сему и на основаніи ст. 81 Общаго Устава ИМПЕРАТОРСКИХЪ Россійскихъ Университетовъ 23 Августа 1884 года, г. Маклаковъ, въ засѣданіи Юридической Испытательной Коммиссіи 4-го Мая 1896 года, удостоенъ диплома *первой степени*, со всѣми правами и преимуществами, поименованными въ ст. 92 Устава и въ V п. ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного въ 23 день Августа 1884 г. мѣнія Государственнаго Совѣта. Въ удостовѣреніе сего и данъ сей дипломъ г. Маклакову, за надлежащею подписью и съ приложеніемъ печати Управленія Московскаго Учебнаго Округа. Городъ Москва. *Одесса* 8 дня 1896 года

Испечитель Московскаго Учебнаго Округа *надт. Гавриловъ*

Предсѣдатель Юридической
Испытательной Коммиссіи *надт. Макашевъ*

Изо 5-04¹. Диплом юриста В. А. Маклакова²², 1896. ЦГАМ.

¹ Копии изо 5-03, 5-04, 5-06, 5-07 для книги предоставил исследователь Г. Н. Рыженко.

Под негласным надзором полиции

Напомним, что за участие в сходке студентов в 1890 г. Василий был арестован. Пять дней он провел в пересыльной тюрьме. В полиции его заподозрили в *«принадлежности к социально-революционной партии»*. Маклаков это обвинение отвергал, своей рукой написал: *«отрицаю всякую причастность к какой бы то ни было партии»*²³. Сыщики доказательств не нашли и отпустили студента. Но доверия у властей он лишился. Во время учебы на историческом факультете претензий со стороны властей к Василию Алексеевичу не было и, казалось бы, грехи молодости забыты. Но нет. Еще в 1890 г. *«Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в Москве при управлении Московского Обер-полицеймейстера»* (так называемое *«охранное отделение»* или *«охранка»*) завело на В. А. Маклакова дело. Это дело сохранилось в архиве ГАРФ, в нем за последующие годы накопилось свыше 400 (!) листов, большинство из которых с грифом *«секретно»* или *«Совершенно достоверно»*.

Несостоявшаяся прощальная вечеринка

По завершении учебы на историческом факультете, как уже говорилось, Василий Алексеевич отправился отбывать воинскую повинность. И тут он совершил ошибку, о которой и не подозревал, что она может обернуться такими негативными последствиями в будущем. Вот как В. А. Маклаков об этом написал в своих воспоминаниях:

*«Со мной лично в это время произошла маленькая, но характерная неприятность. Перед отъездом из Москвы, уступив просьбам товарищей, я согласился взять на свое имя устройство студенческой вечеринки. Это была обычная формальность, которая в данном случае имела хороший предлог, то есть мой отъезд на военную службу. И действительно, разрешение мне было сразу дано. На эту вечеринку я сам не ходил и даже не помню, не состоялась ли она уже после моего отъезда в Ростов. Как бы то ни было, на ней произошел какой-то конфликт с полицией, за который я был сделан ответственным как формальный устроитель вечера. Это и навлекло на меня новую кару. В Ростове я получил бумагу от московского генерал-губернатора, по которой мне на три года был запрещен въезд в Москву, считая со дня окончания мной военной службы»*²⁴.

В ходе работы над книгой выяснилось, что в приведенной цитате есть неточности. Во-первых, власти не дали разрешение на проведение студенческой вечеринки. А, во-вторых, Василий в качестве наказания был лишен права въезда в Москву на два года, а не на три, как написано. Что ж, такие неточности не удивительны, если принять во внимание, что книгу воспоминаний В. А. Маклаков писал десятилетия спустя, какие-то детали позабылись. Поэтому обратимся к первичным документам полиции, обнаруженным в деле ГАРФ. Им можно доверять. Начнем с устройства злосчастной вечеринки.

Осенью 1894 г. перед отбытием на службу в армию В. А. Маклаков подал на имя *«Московского Обер-полицеймейстера»* следующее прошение: *«Желя, по случаю отъезда из Москвы и поступления на военную службу в город Ростов, дать прощальный вечер с танцами моим знакомым, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство разрешить мне воспользоваться для указанной цели, на 26 сего Ноября, в Субботу, помещением, отдаваемым под балы и свадьбы, в доме Виноградова, на Якиманской улице»*²⁵. Казалось бы, невинная просьба, какой тут может быть повод для отказа? Отдано, как отмечено в деле, в полиции были *«получены агентурные указания, что на 26 число нынешняго месяца на Якиманке назначена вечеринка, устраиваемая Нижегородским землячеством»*. По всей видимости, эта организация, если и не была запрещена полицией, то находилась под особым наблюдением. Сыщики сочли, что поданное Маклаковым прошение о проведении вечеринки было лишь предлогом для проведения встречи землячества и отказали заявителю.

Однако вечером в указанный день около помещения, где намечалось проведение вечеринки, собралось до 400 молодых людей. Несмотря на объявление о запрете встречи, они до позднего вечера не желали расходиться. Как написано в докладе: *«Местный Пристав пытался убедить собравшихся разойтись, но был освистан. [...] молодежь протолпилась около дома до 11 ½ часов вечера, после чего тихо и без шума разошлась»*²⁶.

Установление полицейской слежки за Василием Маклаковым

Однако этим дело не закончилось. Департамент полиции Министерства внутренних дел (МВД) обратился на имя Московского «Обер-полицеймейстера» с ходатайством об установлении за В. А. Маклаковым «негласного надзора», т.е. скрытого наблюдения, слежки. В конце декабря 1894 г. было принято решение об установке полицейского надзора. Но в это время Василий Алексеевич уже находился в армии, и полиция не могла за ним следить. Как написано в деле, после окончания воинской службы на него был наложен запрет на посещение Москвы в течение двух лет.

Помимо упомянутого дела московской охранки в департаменте полиции было заведено свое дело на В. А. Маклакова. Оно также сохранилось в архиве ГАРФ. В указанных делах в основном листы наблюдения за определенными промежутки времени (информация в них во многом дублируется). Данные листки заполняли сыщики, проводившие слежку за Василием Алексеевичем.

Надо сразу сказать, что полицейские дела оказались ценным источником информации. В них оказалась вложена копия переписки В. А. Маклакова со знаменитым писателем Л. Н. Толстым и членами его семьи с пометками: «Выписка из полученного агентурным путем письма». Из материалов дела стали известны некоторые стороны жизни Василия Алексеевича. Например, как часто он приезжал в Дергайково и чем там занимался (в основном охотился), какие примерно имел заработки и т.д. Хотелось бы остановиться на отдельных документах полицейских дел.

В одном из отчетов сыщик написал о трудностях слежки: «Наблюдение вести небыло возможности, [Маклаков] всегда ездил на извозчиках на самых лучших, с квартиры выходил около 11 – 12 часов утра, возвращался более около 5 – 8 часов вечера»²⁷.

Знал ли Василий Алексеевич о том, что за ним следят? Несомненно, знал, хоть слежка и была «негласной». О двухлетнем запрете посещения Москвы ему было сообщено официально, и он расписался за то, что проинформирован. О «негласном надзоре» было доложено командиру ростовской воинской части, к которой был приписан В. А. Маклаков. Как уже говорилось – это был генерал А. П. Суражевский. Он был родственником Василия Алексеевича, и нет сомнения, что все ему рассказал.

В. А. Маклаков несколько раз ездил из Ростова в Москву, навещал больного отца. Надо отдать должное властям, что когда родитель умер, решено было снять запрет на посещение города. Московский генерал-губернатор отдал такое распоряжение: «В виду необходимости для Маклакова, по случаю смерти его отца, профессора Маклакова, в проживании в Москве для устройства семейных и имущественных дел, Я признал ныне возможным освободить его от вышесказанного ограничения [на проживание в городе]»²⁸. При этом слежка продолжалась.

Обращение Василия Алексеевича в полицию «с чистосердечным признанием»

Насколько установленный негласный надзор мешал жить В. А. Маклакову? Конечно, это было неприятно и иногда доставляло неудобства. Он попал в статус «политически неблагонадежных», а это было уже серьезно. Это было тяжелое клеймо на репутации, таких людей ограничивали в правах, некоторые профессии становились недоступны. Василий Алексеевич почувствовал неладное, когда по завершении армейской службы успешно сдал экзамен на чин прапорщика запаса, но соответствующего приказа не было. При этом все его товарищи, одновременно сдавшие экзамен, давно получили указанный чин. На неоднократные обращения по поводу задержки присвоения чина каждый раз в ответ получал что-то невнятное, явно тянули время. И тогда Василий Алексеевич решил обратиться напрямую к «Директору Департамента Полиции», как он сам написал, «с чистосердечным признанием». Это оказался неожиданный, можно сказать, покаянный документ. И, по всей видимости, ранее неизвестный. Поэтому хотелось бы на нем остановиться подробнее.

В обращении В. А. Маклаков отметил, что догадывается о своей «нелестной репутации», которая «к сожалению, мною заслужена». В годы студенчества «я грешил легкомыслием и задором, а не нравственной или политической испорченностью». Но все это относилось, по его словам, к «уже давно прожитому периоду моего студенчества». Сообщил, что не знает достоверно, за что был лишен права въезда в Москву на два года. Оставалось только догадываться.

Далее Василий Алексеевич в своем обращении написал: «Мне не объяснили причин кары, и в догадках своих я могу ошибаться. Но вспоминая все то, что я делал, я не нахожу в это время ничего предосудительного, кроме одного поступка. 26 ноября за 2 дня до моего отъезда на военную службу должна была состояться одна студенческая вечеринка. [...] Устроители вечеринки об-

ратились ко мне с просьбой взять эту вечеринку на мое имя и ответственность якобы по случаю моего отъезда на службу»²⁹. Маклаков сообщил, что не увидел в этом предложении ничего плохого или запрещенного. Таких вечеринок в Москве организовывалось много, и обычно проблем с властями не возникало. Добавил, что ему самому хотелось перед отъездом попрощаться с друзьями.

Как уже отмечалось, полиция заподозрила, что вечеринка устраивалась *«Нижегородским земледельчеством»* под благовидным предлогом. В. А. Маклаков, если верить написанному им объяснению, не знал об этом. А если так, то получается, что его подставили. Признавая свои прежние грехи молодости, Василий обещал их больше не повторять: *«Думаю, что этого легкого и несерьезного отношения во мне более нет. Мне 26 лет, и после смерти моего отца я остался в семье старшим. Все это налагает обязанности, заставляет более зрело смотреть на жизнь. Период студенческих мечтаний кончился, и он никогда не повторится»*. Доказать, что обещание это искреннее, он не мог, сам об этом написал. Попросил начальника полиции пересмотреть его дело, чтобы *«снять с меня все те запреты и ограничения»*. И добавил, что *«непроизводство в офицерский чин, будет тяготеть надо мною и тормозить мои начинания»*.

В ответе из полиции говорилось, что с их стороны нет никаких ограничений на производство в чин прапорщика, это *«зависит исключительно от усмотрения военного начальства»*. При этом ничего не было сказано по поводу других затронутых в обращении вопросов. Как удалось установить, звание прапорщика запаса Маклаков все же получил. А вот негласное наблюдение за ним не было отменено, слежка продолжилась. Правда, с годами полицейские отчеты становились все короче. То ли надзор стал не таким строгим, то ли сыщики стали халатнее относиться к своим обязанностям.

Продолжение негласной слежки за Василием Алексеевичем

Изучая многочисленные отчеты о слежке за В. А. Маклаковым, бросилось в глаза, что ни разу ничего подозрительного в его поведении замечено не было, если не считать встречи с людьми, которые также находились под негласным надзором. В листах наблюдения обычно писалось: *«Ни в чем предосудительном в политическом отношении замечен не был»* или *«на даче знакомства ни с кем не вел»*. Но, несмотря на это, слежка не прекращалась, сыщики вели наблюдение и писали отчеты.

Так продолжалось до 1907 г., когда Василий Алексеевич стал депутатом Государственной думы II созыва. Интересен ответ, который был дан в этом году на запрос Московского губернатора о политической благонадежности В. А. Маклакова по случаю его утверждения в должности попечителя Скрябинского начального училища. В бумаге из полиции говорилось, что Маклаков в 1890-х гг. *«обращал на себя внимание постоянными сношениями с учащеюся молодежью, принадлежавшей к различным тайным студенческим организациям»*, что в 1906 г. ездил в Париж *«для агитации против заключения Россией внешнего займа»*³⁰. После таких слов, казалось бы, очевидно: ни о какой политической благонадежности и речи быть не может. Однако в полиции предвидели возможные последствия: *«Маклаков может возбудить в Государственной Думе разные неуместные вопросы относительно распоряжений по данному делу Губернатора и Департамента Полиции»*.

Власти решили, что не стоит связываться с депутатом, который может выступить с трибуны думы на всю страну. В упомянутых полицейских делах не оказалось приказа о снятии негласного надзора с В. А. Маклакова. Возможно, его и не было. Однако, судя по тому, что в делах оказалась всего одна бумага, датированная позже 1907 г., вопрос о надзоре, видимо, был просто «спущен на тормозах».

Адвокатская деятельность

Вернемся по времени назад в 1896 г., когда Василий успешно сдал экстерном экзамены на юридическом факультете университета и получил диплом юриста. Путь к адвокатуре был открыт. Так в 27 лет началась профессиональная деятельность В. А. Маклакова как адвоката.

Василию Алексеевичу предстояло выбрать «патрона», к которому он пошел бы в помощники. В то время в Москве одним из самых известных адвокатов был Федор Никифорович Плевако. Маклаков был с ним знаком, отношения были хорошими. Маститый адвокат сам предложил пойти к нему в помощники и не предполагал возможного отказа. Однако Маклаков, несмотря на то, что высоко ценил профессионализм Плевако, послушался другого совета: *«Не иди к знаменитостям: им будет не до тебя и у них ты ничему не научишься. Не ходи и к неизвестному человеку: у него дел не найдешь. Иди к тому, кто еще не знаменит, но скоро им будет»*. В то время набирал вес адвокат Александр Робертович Ледницкий, к нему в помощники и пошел Василий Алексеевич.

Начало адвокатской деятельности, присяжный поверенный

Изо 5–05. Табличка на двери
квартиры В. А. Маклакова³¹. ГИМ.

Первым судебным делом, за которое взялся В. А. Маклаков, была защита по просьбе писателя Л. Н. Толстого одного калужского сектанта. Василий выбрал стратегию защиты и определил, что говорить в суде. Но сектант его подвел, на заседание не явился и в итоге был осужден. Так первый блин вышел комом. Но по совету Плевако Маклаков подал кассационную жалобу, и приговор суда был отменен. Он вынес уроки из своей первой, пусть и не совсем удачной, защиты. Было это в 1896 г. Тогда же Василий Алексеевич стал юрисконсультom Петербургского отделения Московского банка Рябушинских³². Спустя

пять лет он стал присяжным поверенным¹ и оставался им до революции.

Об адвокатской карьере В. А. Маклакова приведена справка на сайте “Википедии”:

«Позднее представлял интересы обвиняемых на ряде вероисповедных процессов, в том числе в деле “сектантов-бегунов”, обвинявшихся в ритуальном убийстве (подсудимые были оправданы), и в деле “павловских сектантов”, обвинявшихся в погроме православной церкви. Подсудимые по этому делу были приговорены к каторжным работам, заменённым впоследствии ссылкой на поселение с особым медицинским (психиатрическим) надзором. Неоднократно защищал подсудимых на политических процессах. Принадлежал к московскому кружку молодых адвокатов, который организовывал бесплатные юридические консультации для неимущего населения, бесплатные защиты на политических процессах. Защищал обвинявших по делам о забастовке на фабрике “Гусь” Нечаева-Мальцева (дело было прекращено, а обвиняемые освобождены), о беспорядках на фабрике Викулы Морозова в Москве (обвинение было переквалифицировано на более мягкое) и др. В 1906 году представлял интересы либерального дворянского деятеля М. А. Стаховича, обвинившего в клевете редактора монархического журнала “Гражданин” князя В. П. Меццерского. В 1907 году был одним из защитников на процессе депутатов I Государственной думы, обвинённых в подписании Выборгского воззвания (“Выборгский процесс”). Не будучи сторонником воззвания, которое считал слишком радикальным, сосредоточил внимание на чисто юридической стороне дела».

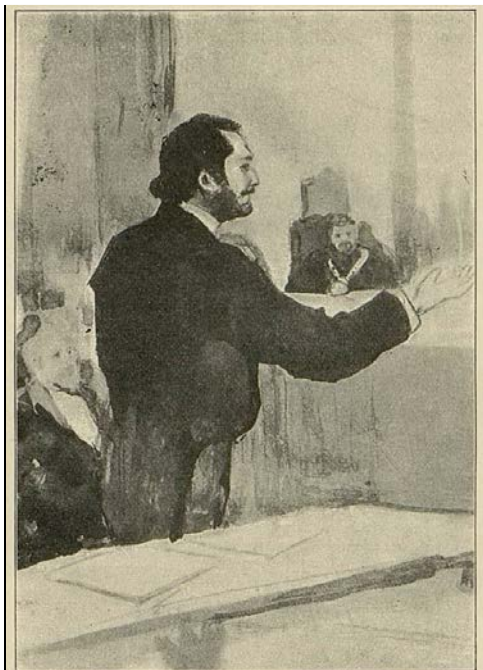
Зрелый адвокат Василий Алексеевич Маклаков

Со временем Василий Алексеевич набирался опыта и мастерства в адвокатском деле. Его защитными *«были и бунтующие крестьяне, и бастующие рабочие, и оппозиционные деятели, и даже духоборы, которых он защищал по просьбе Л.Н. Толстого. В свое время он защитил и видного большевика Л.Б. Красина, но симпатий к его социалистическим идеям не испытывал»³³.*

Успешные защиты в судах добавляли славы В. А. Маклакову. Он стал считаться одним из лучших адвокатов России. Вот что о нем написал историк В. М. Шевырин:

«Он вел немало вероисповедных, “общественных” и политических дел, полагая, что защищать, оставаясь в рамках закона и приличия, было возможно. И это ему удавалось великолепно. Подзащитные Маклакова высоко ставили его профессионализм, всегда верили в его “благородное и доброе сердце”. Его высочайшая профессиональная компетентность подтверждается и частым появлением его статей в “солидных” юридических изданиях, и его перепиской с выдающимися специалистами юридической науки и практики – С.А. Зарудным, В.Э. Вормсом и др. Нередко он был здесь и первопроходцем. Иногда даже Вормс вынужден был отвечать Маклакову, что вопросы, затронутые им, едва ли подвергались теоретической разработке. И старый учитель Маклакова, В.О. Ключевский, писал ему об одном деле: “Ваши указания приму за личные себе одолжения”. А П.А. Столыпин с трибуны Государственной думы говорил о Маклакове, что “трудно возразить тонкому юристу, талантливо отстаивающему доктрину” (речь шла о военно-полевых судах, которые критиковал Маклаков). Именно талантливая защита отличала все выступления Маклакова»³⁴.

¹ «Присяжный поверенный – адвокат в России при окружном суде или судебной палате» (интернет).

Въ залѣ суда: защ. В. А. Маклаковъ.
Съ рис. Е. С. Зарудной-Кавосъ.

Изо 5–06. Выступление В. Маклакова
на Выборгском процессе³⁵, 1908,
рис. Зарудной-Кавос.

Самым громким из судебных процессов с участием В. А. Маклакова считается «Дело Бейлиса» – 37-летнего еврея, обвиняемого в ритуальном убийстве 12-летнего украинского мальчика, ученика приготовительного класса Киево-Софийского духовного училища Андрея Ющинского. *«Труп ребенка обнаружили обескровленным, с 47 колотыми ранами. Было установлено, что мальчик замучен евреями с целью получения христианской крови для мацы (еврейской лепешки на праздник Песах). В ходе процесса на Маклакова с разных сторон оказывалось давление, ему приходили записки с угрозами: “Пока не поздно, бросьте это грязное дело”. Благодаря блестящей речи Василия Маклакова присяжные заседатели признали убийство нерелигиозным, а Менахема Бейлиса невиновным»*³⁶. Речь адвоката в Киевском окружном суде 25 октября 1913 г. была потом издана отдельным изданием³⁷.

Маклаков высказал в газете свое негативное мнение о роли Министерства юстиции в деле Бейлиса. По материалам этой публикации он был приговорен к трехмесячному заключению *«за распространение в печати заведомо ложных сведений»*. Избавила его от отсидки Февральская революция. Об этом написано в книге О. В. Будницкого: *«Маклаков выступал по большей части в процессах по уголовным и политическим делам; гражданские споры, составляющие, как правило, основную часть адвокатской практики, не были его коньком. Маклаков [...] никогда не имел постоянных клиентов; не любил он и кропотливой подготовительной работы, особенно собственной гражданской делам. Он был “одиночкой”, хотя и входил в различные адвокатские общества [...] Маклаков сам назвал себя как-то “гастролером” в гражданских делах»*³⁸.

Отношения с адвокатом Федором Никифоровичем Плевако

Со временем популярность В. А. Маклакова стала сравнима с признанным авторитетом адвокатуры Ф. Н. Плевако. Но это не мешало их дружбе. В одном из полицейских дел написано, что Плевако *«со всем своим семейством бывает у Маклаковых»*. Федор Никифорович иногда передавал Василию Алексеевичу ведение некоторых судебных дел. Со своей стороны, Маклаков как-то сопровождал Плевако в Ясную Поляну к Л. Н. Толстому, с которым был хорошо знаком. И такая встреча со знаменитым писателем оказалась не единственной. В переписке Толстых оказалась следующая строчка: *«Маклаков привел вечером Плевако, известного адвоката»*.

О хороших отношениях адвокатов свидетельствует и тот факт, что в 1906 г. они вместе побывали на приеме у Папы Римского в Ватикане. По воспоминаниям очевидца, когда понтифик вошел в приемную, *«все пали на колени, Маклаков остался стоять, хотел полиберальничать. Кардиналы ему махали, махали, чтоб опустился на колени – не устоял. [...] Плевако просто подал ему карточку, и папа подписал ее. Маклаков сделал так же»*³⁹.

Адвокатские гонорары Василия Алексеевича Маклакова

Следует отметить, что среди родственников Маклаковых Василий Алексеевич был наиболее состоятельным человеком. Об этом свидетельствует сохранившаяся семейная переписка. Он регулярно помогал финансово своей бывшей жене (об этом еще поговорим отдельно), а также мачехе Лидии Филипповне (ежегодная сумма 360 руб. уже упоминалась). Брат Николай также обращался в трудные дни за помощью. Василий помогал и сестре Ольге.

Основным источником доходов В. А. Маклакова была адвокатская деятельность. При этом поначалу его запросы об оплате труда были скромными. Иногда он и вовсе не брал денег с подзащитных. Так происходило, когда откликался на просьбы Л. Н. Толстого, так было и на некоторых политических процессах. В своих воспоминаниях Василий Алексеевич писал: *«Я всегда боялся спросить слишком много. Мой язык не поворачивался на крупную сумму»*. И объяснил, почему

поступал так. Говорил, что невольно сравнивал свой гонорар с заработками отца-офтальмолога, считая, что его труды несоразмерны с затратами родителя. Коллеги «по цеху» порой обижались: таким подходом он сбивал цены на адвокатские услуги.

В своей книге Маклаков привел такой пример. Как-то к нему обратился некий инженер с просьбой о защите в суде. Василий назначил цену 500 руб., согласно своему статусу помощника адвоката. В итоге же этот инженер выбрал себе другого адвоката за 5.000 руб., полагая, что раз Маклаков назначил такую низкую цену, то он «защитник более низкого сорта». Этот случай заставил пересмотреть практику назначения гонораров. Василий сам не называл цену за защиту, а «спрашивал, что сам клиент хочет дать». И если тот назначал, «на мой взгляд, слишком мало, я от дела вовсе и безусловно отказывался, так как не хотел торговаться. Это смущало и иногда обижало клиента»⁴⁰.

В делах о слежке приведены данные о том, какие, по мнению полиции, были доходы у В. А. Маклакова. Так в отчете за 1897 г. написано: «занимается адвокатурой, чем зарабатывает до 1.500 р. в год»⁴¹ (в то время он был помощником адвоката). В другом отчете три года спустя указана сумма до 2.500 руб. В 1901 г. написано о заработке до 3.000 руб. А через два года сумма возросла до 10.000 руб. К сожалению, подобные сведения за более поздние года не попадались.

В какой-то момент В. А. Маклаков стал жадным до денег. «Слава адвоката-робин-гуда за ним закрепилась ненадолго. Заслужив репутацию адвоката, всегда выигрывающего процесс, Маклаков брался за “провальные” дела богатых клиентов, которые щедро вознаграждали его услуги, например, как миллионер Тагиев, обвиняемый в истязании своей жены»⁴². Как написано на одном из сайтов, в мае 1911 г. на почве ревности к своей молодой жене Тагиев вместе со своими прислужниками в своем доме избил молодого инженера Бебутова. Сообщалось, что Василий Алексеевич согласился защищать Тагиева за немислимый гонорар в 100.000 руб. Как потом писали, этот факт «сильно уронил Маклакова в глазах либерального общества, в котором до того он пользовался большим авторитетом». В некоторых газетах стали печатать о нем фельетоны, карикатуры, шаржи. Один из рисунков приведен далее (см. изд. 5–15), другой на обороте обложке настоящей книги.

Депутат Государственной думы, общественный деятель

Создав себе не только имя, но и сколотив немалый капитал, В. А. Маклаков ушел в политику. На адвокатском поприще он зарекомендовал себя блестящим оратором, произносимые им речи оказывали влияние на судей, присяжных заседателей и публику. Те же самые качества ценились и в людях, занимавшихся политикой. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Василий Алексеевич стал депутатом Государственной думы, причем одним из самых известных в стране. Но произошло это не сразу, депутатом думы I созыва он не был.

От кружка “Беседы” до партии кадетов

По своим убеждениям В. А. Маклаков был противником самодержавия, но при этом отрицал террор и революционные погромы. Он был за эволюционный путь развития без потрясений, придерживался идей француза Мирабо. Как написано в “Большой Российской энциклопедии”: «В нач. 1900-х гг. вместе с Н. К. Муравьевым, П. Н. Маляновичем, Н. В. Тесленко и др. создал объединение “Молодая адвокатура”, члены которого вели защиту подсудимых в политич. процессах по всей России; после ряда громких процессов с его участием М. стал одним из самых популярных рос. адвокатов. В нач. 1900-х гг. участвовал в земском движении, секретарь кружка либеральных земцев “Беседа” (1904). Один из основателей (1905), член ЦК и Моск. к-та [комитета] (с 1906) Конституционно-демократической партии (КДП), лидер её правого крыла»⁴³.

«В августе 1904 г. начинается превращение преуспевающего адвоката в политика, поскольку в августе этого года Маклаков становится секретарем и архивариусом, затем – членом Бюро кружка “Беседа”, который координировал деятельность либеральной оппозиции. В ноябре 1904 г. на квартире Маклакова состоялось собрание присяжных поверенных, выдвинувшее требование введения в России конституции. В 1905 г. он являлся одним из лидеров Союза адвокатов, который входил в антиправительственный Союз союзов. В октябре 1905 г. Маклаков участвовал в подготовке Учредительного съезда Конституционно-демократической партии, а в январе 1906 г. на 2-м съезде Кадетской партии он был избран членом ее Центрального комитета и оставался им до 1917 г., будучи лидером правого крыла ЦК. Одновременно Маклаков являлся членом Московского городского комитета Кадетской партии и руководил партийной Школой ораторов»⁴⁴.

Депутат Государственной думы трех созывов

В 1907 г. по списку московского отделения партии кадетов В. А. Маклаков был избран в Государственную думу II созыва. Депутатская работа стала его второй и главной профессией, постепенно отодвинувшей на задний план адвокатуру. Позднее он переизбирался в думу III и IV созывов, все также от Москвы. Василий Алексеевич был активным депутатом. Так в думе III-го созыва он находился в составе четырех комиссий: «В редакционной. По запросам. По выработке наказа. В старообрядческой»⁴⁶.

Уже в самом начале депутатской деятельности проявился ораторский талант молодого депутата: «Маклаков только начинал свою парламентскую карьеру и сразу добился огромных успехов, сделался одним из “рупоров” не только кадетской партии, но и других общественных групп. Среди думских кадет он был человеком самым видным, возбуждавшим самые большие надежды»⁴⁷. После произнесенной 13 марта 1907 г. в думе речи о военно-полевых судах он стал знаменитым на всю страну. Некоторые его выступления становились образцом парламентского красноречия, неоднократно прерывалась бурными аплодисментами на заседаниях в думе. Хотелось бы привести две выдержки из публикаций о депутате:

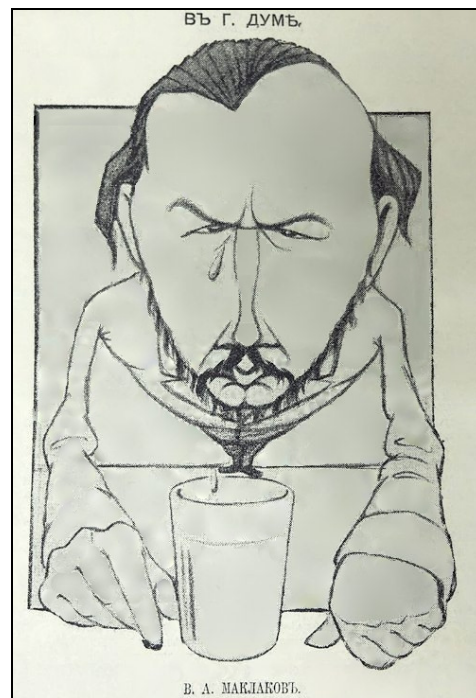
«Он заработал шутовское прозвище “черносотенного” кадета. Маклаков был сторонником сотрудничества с “исторической” властью; он весьма скептически относился к идее введения в России всеобщего избирательного права, учитывая неграмотность значительной части населения; расходился он с партийной программой и в аграрном вопросе, будучи противником принудительного отчуждения частновладельческих земель. В партии он был, по словам её лидера П.Н. Милюкова, при особом мнении. Тем не менее, партия поручала ему выступления по многим принципиальным вопросам; ораторский дар Маклакова был своеобразным “секретным оружием” кадетов. Идея, которой проникнута вся деятельность Маклакова, – внедрение законности в русскую жизнь»⁴⁸.

«“Заметил” Маклакова и Столыпин, пригласив его к себе для беседы. Во время нее премьер обронил многозначительно: “У нас есть общий язык”. Чтобы снизить накал прений в Думе, сделать ее более работоспособной, Маклаков занялся составлением “Наказа”, что потребовало нескольких лет кропотливой, трудоемкой работы. Этот труд и ныне вызывает изумление глубиной и четкостью “прорисовки” всех аспектов жизнедеятельности Думы [...] Задачу новой III Думы Маклаков видел в том, чтобы воспитывать общество в духе отказа от революционного пути. Отсюда и его “веховство”. Играя важную роль в событиях накануне февраля, он делал все от него зависящее, чтобы предотвратить, сдержать революцию. Он проповедовал мысль о том, что во время войны нельзя, опасно раскачивать государственный корабль»⁴⁹.

А вот что говорил сам Василий Алексеевич: «Я был в те времена одним из популярных митинговых ораторов. Не я сам напрашивался на выступления, меня посылал комитет по требованию партийных работников. Я выступал не только в Москве и Московской губернии, а почти по всей России. Вместе с А. Кизеветтером и Ф. Кокошкиным мы были самыми модными лекторами».

Масон Василий Алексеевич Маклаков

Кумир Маклакова, француз Мирабо, как ранее отмечалось, был масоном. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Василий Алексеевич стал членом тайных обществ. По данным сайта “Википедии”: «Вступил в 1905 году в парижскую ложу “Масонский авангард” Великого востока Франции. Затем состоял в российских ложах. В 1908 году был возведен в Париже в степень Рыцаря розы и креста (18 гр.) Древнего и принятого шотландского устава. В России был членом розенкрейцерского капитула (15–18 градус) “Астрей” (с 1908 года), членом-основателем и первым надзирателем московской ложи “Возрождение”, оратором

Изо 5–07. Шарж в газете на В. А. Маклакова⁴⁵, 1908 (?)

петербургской¹ ложи «Полярная звезда» Великого востока Франции». Его принадлежность к масонам подтверждает сохранившийся в ОПИ ГИМ пригласительный билет парижской ложи⁵⁰.

В. А. Маклаков оставался масоном и после революции. По данным все той же «Википедии»: *«Во время эмиграции во Франции был членом-основателем ложи «Свободная Россия», членом-основателем и оратором Державного капитула «Северная звезда». Был возведён в 33° ДПШУ. С 1948 года – почётный досточтимый мастер ложи «Северная звезда» Великого востока Франции»*. По некоторым данным, его арест гестаповцами, осуществленный в годы оккупации Франции, был связан с принадлежностью к либералам и масонам.

Общественная деятельность в Звенигородском уезде и других местах

Документы показывают, что В. А. Маклаков, помимо адвокатской и депутатской деятельности, занимался и другими делами, был членом нескольких общественных организаций.

В одном из архивных дел ОПИ ГИМ за 1906 г. обнаружен документ, в котором обсуждался вопрос о земских выборах в Звенигородском уезде. Приведены списки избирателей, в них имеются имена трех братьев Маклаковых: Василия (как владельца земли при сд. Дергайково), Николая и Алексея (как владельцев земли при сд. Леоново).

В том же архивном деле имеется другой документ, написанный рукой Василия Алексеевича в 1897–1899 гг. Из него следует, что он в эти годы состоял членом *«Московского отделения Общества для усиления средств С.Петербургского женского медицинского института»*⁵¹. В том же деле имеется сообщение от Звенигородской земской управы, датированное 1 декабря 1903 г., о единомасштабном избрании В. А. Маклакова *«попечителем Скрябинского начального училища»*.

Дер. Скрябино относилась к приходу Богородицерождественской церкви с. Александрово и находилась в пяти–шести верстах от Дергайково, можно сказать, недалеко от усадьбы, принадлежавшей В. А. Маклакову. Согласие на должность попечителя адвокат дал, движимый желанием оказать помощь народному образованию (в Дергайково своей школы не было, а в училище соседнего с. Телепнево попечителем состояла мачеха Л. Ф. Маклакова).

Скрябинское училище было маленьким. В 1905/06 учебном году в трех его отделениях (классах) обучалось всего 14 учеников. Звенигородский уездный училищный совет обратился к попечителю с просьбой принять участие в приеме экзаменов в этом училище, предлагалось выбрать удобный день в апреле или мае. В. А. Маклаков откликнулся на просьбу и экзаменовал учеников. В деле имеется его отзыв: *«Общее впечатление хорошее»*⁵². Приведены выставленные им оценки ученикам: *«хорошо»*, *«не дурно»*. Отмечалось, что при участии попечителя (очевидно, финансами) в том же году была окрашена крыша училища и посажены яблони.

Как долго Василий Алексеевич оставался попечителем Скрябинского училища? Достоверного ответа нет. Но, как уже говорилось, в деле о полицейской слежке в 1907 г. повторно ставился вопрос об утверждении Маклакова в должности попечителя указанного училища.

Обнаружена информация об участии адвоката в работе еще одной организации Звенигородского уезда – *«комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности»*. Интересна история, как он оказался причастен к работе этого комитета. В. А. Маклаков писал в своих воспоминаниях, *«что часто ездил в Звенигород на защиты как член кружка уголовных защитников, и потому меня там уже знали по имени»*. Приглашению на участие в работе комитета был обязан *«личному знакомству с нашим предводителем [дворянства] – графом П.С. Шереметевым»*. И хотя, по собственному признанию, мало что понимал в сельском хозяйстве, но на призыв откликнулся.

В книге Г. Адамовича об этом говорится подробнее: *«приглашение для Маклакова явилось неожиданностью. Он не имел к земским организациям отношения, – правда не потому, что у него не было нужного для этого ценза, а по оплошности: имя его, как землевладельца, не было внесено в земские списки и обнаружилось это лишь в 1906 году, когда Маклаков намеревался принять участие в земских выборах. Работа Звенигородского комитета по существу мало его интересовала,*

¹ «Российское масонство преследовало гуманистические и просветительские цели, больше внимания уделяло этическим вопросам. Фактически оно представляло собой более духовное сообщество людей, единых в стремлении способствовать процветанию своего отечества и просвещённости людей живущих в нём» («Википедия»). Первые масоны появились в России в 1731 г. Указом императора Александра I масонские ложи были закрыты в 1822 г. Возродились в 1905 г.

о сельскохозяйственной промышленности он имел представление самое общее, однако не желая быть на съезде только наблюдателем, он представил председателю особую “записку”, которая и была оглашена на ближайшем заседании»⁵⁴. В. А. Маклаков потом приезжал на заседания сельскохозяйственного комитета и даже иногда выступал.

Василий Алексеевич также состоял членом «благотворительного общества при Воскресенской земской лечебнице Звенигородского уезда». Это подтверждают отчеты указанного общества за несколько лет, в которых его фамилию можно найти в списке «действительных членов». В отчете за 1899–1900 гг. указан взнос пять рублей⁵⁵, потом его годовой взнос стал три рубля. В 1911 г. он по-прежнему состоял членом этой благотворительной организации. На сайте “Госкаталога”¹ обнаружено обращение в 1907 г. бывшего врача П. А. Архангельского к депутату Маклакову с призывом купить «билет на “вечер” в пользу Благотворительного Общ. при Воскресенской Земской лечебнице, членом коего Вы состоите»⁵⁶. Предлагались билеты (по сути, пожертвование) от одного до пяти руб.

И, наконец, последнее, что удалось обнаружить по данной теме. Летом 1908 г. Василий Алексеевич отправился в Сибирь для изучения Амурской области в связи с постройкой дороги. В том же году, «вероятно, в связи с событиями на Балканах, в частности, аннексией Австро-Венгрии Боснии и Герцеговины, Маклаков увлёкся славянским движением; его славянофильство и патриотизм в особенности выросли в период Первой мировой войны. Он даже отрастил бороду»⁵⁷ (вообще-то бороду Маклаков носил давно).

Поездки Василия Алексеевича Маклакова за границу

Ранее рассказывалось, как в 1889 г. Василий Алексеевич впервые с отцом ездил в Париж на всемирную выставку. После исключения из университета в 1890 г. он вновь поехал за границу. На сей раз отправился вместе с мачехой Лидией Филипповной для поправки здоровья.

С тех пор, если не ежегодно, то довольно часто он выезжал за рубеж. В те времена паспорта выдавали на короткий промежуток времени: на месяц или два, реже на год. По прошениям в архивном деле можно проследить, что Василий Алексеевич обращался за выдачей загранпаспорта в 1900, 1901, 1903, 1904, 1906 гг. Обычно он выезжал из страны поздно осенью или зимой. Посещал Францию, Швейцарию (лечился на курортах), Англию. В одном из сохранившихся паспортов стоит отметка о пребывании в Австрии.

Последние годы перед революцией, Первая мировая война

В. А. Маклаков вел активную общественную деятельность вплоть до революции. Обнаружен почетный билет, выписанный в 1912 г. на его фамилию организацией: «Московское О-во Взаимопомощи домашней прислуги»⁵⁸. Помимо этого, сохранилось удостоверение 1916 г. еще одной организации: «Общество для пособия нуждающимся студентам Императорского Московского Университета». Возможно, с этим как-то связано сообщение, напечатанное в газете тремя годами ранее. В нем говорилось, что некто Н. А. Шахов выделил в кассу указанного общества капитал в 30.000 руб. для учреждения пяти именных стипендий, одна из которых должна была носить фамилию В. А. Маклакова⁵⁹. Надо полагать, Василий Алексеевич поддерживал отношения с университетом, в котором когда-то учился, получил два диплома.

В еще одном архивном деле есть два удостоверения на имя Василия Алексеевича времен Первой мировой войны. В первом написано, что «член Государственной Думы уполномоченный Главного Комитета Всероссийского Земского союза Василий Алексеевич Маклаков состоит помощником заведующего 1-м врачебно-питательным отрядом Земского Союза». А второе – это «Удостоверение [...] Члену Комитета Всероссийского Земского Союза Комитета Юго-Западного фронта Василию Алексеевичу Маклакову на предмет следования в Штаб 8-й армии [...] г. Киев, 1915»⁶⁰.

Изо 5–08. В. А. Маклаков⁵³, 1898 (?),
фото С. А. Толстая.
Государственный музей Л. Н. Толстого.

¹ Ссылку на документ предоставила исследователь И. Белоусова.

В начале настоящей главы рассказывалось, как осенью 1914 г. в газете было опубликовано сообщение о гибели на фронте депутата В. А. Маклакова, которое всколыхнуло часть общества. И как оно было вскоре опровергнуто. В другой газетной публикации за тот же год говорилось про *«только что вернувшись В. А. Маклакова (к.-д.), который устраивал санитарный отряд всероссийского земства под шрапнельным огнем в Старом Месте, как, рассказано с его слов во вчерашнем номере „Русского Слова“»*⁶¹.

С августа 1915 г. Василий Алексеевич представлял Всероссийский земской союз помощи больным и раненым воинам в *«Особом совещании для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства»*⁶². Помимо этого он трудился в одном из передовых отрядов Красного Креста.

В 1915–1917 гг. входил в состав *«Прогрессивного блока»*. Это оппозиционное межфракционное объединение в Государственной думе требовало от власти либеральных реформ и *«правительства общественного доверия»*. Являясь убежденным противником массового народного восстания, Василий Алексеевич при этом не отвергал попытку государственного переворота сверху, полагая, что только так есть шансы *«снять с повестки дня революцию»*.

Изо 5–09. В. А. Маклаков.

Убийство Григория Распутина

Противостояние государственной власти В. А. Маклакова дошло до того, что в ноябре 1916 г. он, по собственному признанию, помогал В. М. Пуришкевичу и князю Ф. Ф. Юсупову в организации убийства Григория Распутина, получившего скандальную известность и имевшего большое влияние на царскую семью. В нем многие видели «германофила», приносящего зло России.

*«Профессиональный юрист давал участникам заговора консультации. И именно Маклаков, если верить его рассказу, настоял на том, чтобы убийство было совершено “патриотами”, а не наемниками, пообещав в этом случае “предостеречь от ненужных ошибок”. Он отклонил первоначальную идею вывезти труп Распутина в санитарном поезде Пуришкевича и оставить его в районе боевых действий, где никто не стал бы возиться с опознаванием убитого мужика. Между тем, подчеркивал Маклаков, смерть Распутина должна быть “поставлена вне всяких сомнений”, так как необходимо, чтобы Императрица твердо убедилась в смерти близкого ей человека. Кроме того, думский либерал дал совет убить Распутина бесиумным ударом, а затем переехать бездыханное тело автомобилем, дабы инсценировать несчастный случай. Именно у него взял для этой цели князь Юсупов “кистень с двумя свинцовыми шарами, на короткой гнущейся ручке”. От прямого участия в этой “акции” Маклакова спасло лишь заявление Пуришкевича, который, ссылаясь на мнение Великого князя Дмитрия Павловича, убедил его, что если среди убийц “патриотов” окажется кадет, “это даст всему предприятию превратное освещение”. “Я вовсе не отрицаю, своей прикосновенности к этому делу; если бы дошло до суда, я подлежал бы уголовной ответственности, как пособник”, – признавал сам Маклаков»*⁶³.

По другой версии, он передал соучастникам яд, которым были отравлены пирожные и вино, предназначавшиеся для Распутина. Ну а в конце жизни В. А. Маклакова появилась еще одна версия: *«он уже не скрывал, что вместо яда дал Юсупову порошок из двух облаков аспирина»*⁶⁴.

Разговор о деятельности Василия Алексеевича в революционном 1917 г. и его последующей жизни в эмиграции будет продолжен.

Статьи, книги Василия Алексеевича Маклакова

Фамилия адвоката и депутата Маклакова довольно часто мелькала в российских газетах начала XX в., в них печатались речи, произносимые им на заседаниях Государственной думы. Лучшие из думских речей публиковались в *«Отчетах фракции народной свободы»*. Также печатались его

наиболее яркие выступления на судебных заседаниях.

Помимо этого, Василий Алексеевич писал статьи. Сотрудничал с газетой “Русские ведомости”, журналами “Русская мысль”, “Вестник Европы”, “Московский еженедельник”.

Самой известной стала статья В. А. Маклакова *«Трагическое положение»*⁶⁵, которая была опубликована 27 сентября 1915 г. в газете “Русские ведомости”. Она вызвала широкий отклик в обществе. В кратком пересказе суть выглядит так: машина едет по горной дороге, в ней находятся близкие люди, мать. За рулем безумный шофер, *«который “править не может”, “ведёт к гибели вас и себя”, но “цепко ухватился за руль” и не пускает людей, “которые умеют править машиной”.* *Всё это происходит на узкой дороге над пропастью. Далее Маклаков задавался вопросом – как поступить: вырывать на скорости руль, рискуя подвергнуть смертельной опасности едущих в машине, или всё же ехать дальше, отложив такую попытку до более спокойной обстановки? Сам Маклаков был склонен к тому, что отложить счёты с властью до момента поражения внешнего врага»*⁶⁶. Под неумелым шофером подразумевался государь Николай II, а под матерью – Россия.

Уже находясь в эмиграции, В. А. Маклаков стал писать книги, вот названия некоторых его трудов: “Из прошлого” (1929), “Власть и общественность на закате старой России” (1936), “Первая Государственная Дума” (1939), “Вторая Государственная Дума”, “Из воспоминаний” (1954). Последняя из упомянутых книг неоднократно переиздавалась в наше время, много цитат из нее в настоящем издании. В Приложении–3 приведены выдержки из этой книги.

Жена Евгения Павловна Михайловская

Василий Алексеевич был скрытным человеком, когда это касалось его личной жизни. О том, что он был женат, мало кто знал. В большинстве публикаций вопрос о личной жизни либо вовсе не затрагивался, либо писали (как Н. Берберова), что он семьи не имел. Но это оказалось не так.

Короткая семейная жизнь, развод

По всей видимости, первым, кто сообщил, что у адвоката была жена, был С. В. Куликов:

*«В 1898–1900 гг. Маклаков был женат на оперной певице Евгении Павловне Михайловской. Судя по всему, она пошла на этот брак, чтобы узаконить свою дочку, которая при крещении получила фамилию “отца” (а может быть, и действительно отца). “Бог с тобой, я не могу тебя упрекать, – писала Михайловская Маклакову 27 июля 1898 г. – Меня только возмущает адская несправедливость – я так полюбила свою бедняжку! А ты? Ты исполнил обещание, ты дал ей ненадолго свое имя...”. Семейная жизнь у начинающего адвоката не сложилась: по прошению жены, обвинившей Маклакова в супружеской неверности, их брак был расторгнут решением московского епархиального начальства. Сенат 29 февраля 1900 г. утвердил это постановление с осуждением Маклакова “на всегдашнее безбрачие”, и впоследствии он более в официальный брак не вступал и детей не имел»*⁶⁷.

Несмотря на предпринятые усилия, к сожалению, не удалось найти метрической записи о браке Василия и Евгении, а также записи о рождении ребенка. И дело о разводе также осталось неизвестным. Автор приведенной цитаты Куликов сослался на дело ОПИ ГИМ. Указанное дело изучалось, но в нем не оказалось интересующих сведений. Однако сохранившаяся в том же архиве семейная переписка подтверждает, что брак был, а потом распался. Что родилась девочка, отцом которой был Маклаков. И что она, увы, рано умерла (у Куликова имя малышки не указано).

Письма Евгении Павловны Василию Алексеевичу

Печальную картину неизвестности скрасили письма, которые удалось найти в фонде Маклаковых в ОПИ ГИМ. И хоть в них о семейной жизни Василия Алексеевича написано мало, но по отдельным фразам можно примерно представить, как все происходило.

Познакомиться Василий и Евгения Михайловская могли где угодно, например, в театре, где она исполняла оперные партии (в одном из полицейских отчетов о В. А. Маклакове сказано: *«Часто посещает театры и концерты»*). Завязались отношения, в результате которых родилась вне брака девочка. С. В. Куликов написал осторожно насчет возможного отцовства Василия Алексеевича. Но сомневаться в этом не приходится после обнаружения слов Евгении Павловны в одном из писем, отправленных Василию Алексеевичу: *«Прощай. Если я тебя больше не увижу, то ты должен еще исполнить одну мою просьбу, прислать мне свою карточку, помнится ты мне*

я теперь не служу – где же мне взять деньги? [...] наделала долгов»⁷³. Как-то написала, что может потерять голос и тогда очутится в настоящей нужде.

Краткие сведения о Евгении Павловне Михайловской

Биографических сведений о жене адвоката обнаружено немного. Ее происхождение осталось неизвестным, Евгения могла и не быть дворянкой. Также не удалось найти ни одной совместной фотографии В. А. Маклакова с женой или дочерью. Довольно странный брак оказался.

Удалось отыскать некоторые сведения о Е. П. Михайловской. Она была оперной певицей, имела голос «*колотурное сопрано*». У нее не было постоянного места в театре, ездила на гастроли с разными труппами, заключая каждый раз новый краткосрочный контракт. В интернет-издании «Большая биографическая энциклопедия» приведены сведения о творческой биографии Е. П. Михайловской (уже после развода):

«Выступала на оперных сценах Киева (1902–03, 1908–09, 1911–12), Одессы (1904), Житомира (1904–05), Саратова (1905–06), Петербурга (1908, Новый летний т-р "Олимпия"), Москвы (1910–11, т-р "Эрмитаж"), Харькова, Казани. Партии: Антонида, Людмила ("Руслан и Людмила"), Горислава, Княгиня и Ольга ("Русалка" А. Даргомыжского), Ксения ("Борис Годунов"), Тамара ("Демон" А. Рубинштейна), Марфа ("Царская невеста"), Снегурочка, Волхова, Татьяна; Эльвира ("Дон Жуан"), Розина ("Севильский цирюльник" Дж. Россини), Маргарита ("Фауст"), Джульетта ("Ромео и Джульетта"), Инесса ("Африканка"), Мими ("Богема"), Джильда, Виолетта, Паж Оскар, Недда, Гретель, Паж Урбан, Лакме, Микаэла, Принцесса Евдоксия. Партнеры: К. Брун, Е. Ковелькова, А. Секар-Рожанский, Ф. Шаляпин, Ф. Эрнст. Пела п/у А. Асланова, Э. Энгеля»⁷⁴.

О судьбе певицы после 1917 г. никаких данных найти не удалось. Даты остались неизвестны даты ее жизни.

Писатель Лев Николаевич Толстой и его родственники

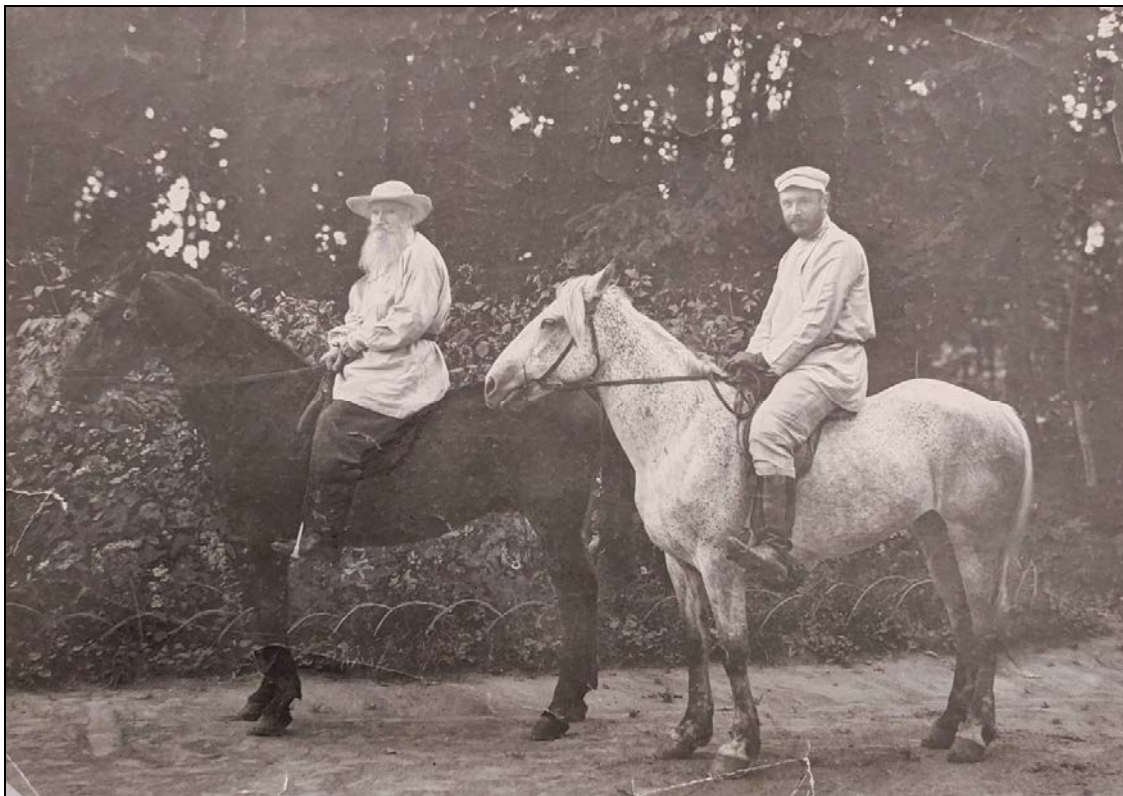
С юных лет Василий сталкивался с известными людьми. «Его мачеха, писательница Л. Нелидова, устраивала литературные вечера, где он часто встречался с А. П. Чеховым, М. Горьким, К. А. Тимирязевым и другими прогрессивными людьми России. Максим Горький говорил, что именно Маклаков послужил ему одним из прототипов главного героя романа "Жизнь Клима Самгина"»⁷⁵.

Когда В. А. Маклаков стал адвокатом, круг его знакомых расширился. Так, например, в 1906 г. о встрече с ним просил тот самый профессор университета В. О. Ключевский, у которого Василий еще студентом слушал лекции по истории. А когда Маклаков стал депутатом Государственной думы, контактов стало еще больше. Конечно, большей частью это были лишь знакомства. О более-менее тесных отношениях можно говорить в отношении трех знаменитостей – это писатели Л. Н. Толстой и А. П. Чехов, а также певец Ф. И. Шаляпин.

Из этих троих людей Василий Алексеевич был наиболее близко знаком с Львом Николаевичем Толстым. Как написано про Маклакова в одном из секретных донесений охранки: «Ведет оживленные сношения с графом Толстым». И действительно, как показывают собранные материалы, адвокат на протяжении длительного времени встречался с писателем довольно часто. Хотя говорить о дружбе, наверное, было бы преувеличением. Никто из них не говорил об отношениях, как о дружеских. Уж слишком большая была разница в возрасте – почти 40 лет, как у дедушки и внука.

Фамилия знаменитого писателя Толстого уже не раз упоминалась на страницах настоящей книги. В предыдущей главе рассказывалось, как Николай Васильевич Маклаков навещал своих соседей Олсуфьевых в имении Обольяново, у которых «часто бывали Толстые, не исключая и самого Льва Николаевича». Это дедушка адвоката. Отец, Алексей Николаевич, также поддерживал отношения с писателем. В той же главе приводилась цитата из письма, которое написал ему Л. Н. Толстой. Сохранились также два послания, отправленные женой писателя Софьей Андреевной главному врачу Алексею Николаевичу Маклакову.

Можно сказать, что Василий Алексеевич подхватил эстафету знакомства с Львом Николаевичем Толстым, начатую его дедом и продолженную отцом. Среди Маклаковых по числу встреч с членами семьи писателя с ним могла конкурировать лишь родная сестра Мария. Она, пожалуй, даже чаще ходила и ездила в гости к Толстым. Но, как представляется, отношения с самим писателем более тесными были, все же, у Василия.

Изо 5–11. Л. Н. Толстой и В. А. Маклаков в Ясной Поляне⁷⁶, 1909, фото Ф. Т. Протасевич. Государственный музей Л. Н. Толстого.

Начиная с 1891 г., В. А. Маклаков и Л. Н. Толстой стали регулярно встречаться и общаться, так продолжалось почти два десятилетия. Адвокат с огромным уважением относился к знаменитому писателю. Лев Николаевич оказал большое влияние на его мировоззрение. Василий Алексеевич одно время увлекался его учением, перенял ненависть к войне, неприятие революции и отрицание смертной казни. И хотя он позднее отошел от некоторых воззрений Толстого, отношения остались уважительными. Но это не была улица с односторонним движением. Льву Николаевичу интересен был умный студент, потом начинающий адвокат и популярный депутат Государственной думы. При этом, как отмечал Василий, *«он не пытался меня перевоспитывать; шутя называл меня “старинный молодой человек”, не объясняя, что хотел этим сказать»*.

Знакомство со знаменитым писателем, первые встречи

Теперь хотелось бы подробнее поговорить о контактах писателя и адвоката. Об их встречах сохранилось множество свидетельств: это воспоминания самого Василия Алексеевича, секретная переписка полиции, а также сохранившиеся письма и дневники членов семьи Толстых.

В одной из недавно изданных книг встретились такие слова о В. А. Маклакове: *«Он был товарищем сыновей Льва Толстого по гимназии. Его переписка с Александрой Львовной до конца его жизни очень тепла и дружественна. Он называл ее Сашей, она его – Василием Алексеевичем»*⁷⁷. Сообщение о совместной учебе, не подкрепленное ссылкой на первоисточник, представляется спорным. По имеющейся информации, среди детей писателя не было никого, кто бы учился в Пятой московской гимназии, где получил образование В. А. Маклаков. Да и он сам нигде не говорил о совместной учебе с детьми Толстых. Напротив, в своих воспоминаниях написал, когда и при каких обстоятельствах впервые увидел знаменитого писателя, как познакомился с ним.

Первый раз Василий увидел Льва Николаевича, когда был еще *«гимназистом 2-го класса»*, т.е. примерно в 1880 г. (ему в то время было 11 лет). Тогда *«по случаю дифтерита»* дети Маклаковы жили в семье московского губернатора В. С. Перфильева, который был другом отца. И вот в гости к хозяину как-то *«вошел господин в блузе и высоких смазных сапогах»*. Это был Л. Н. Толстой, дальний родственник жены Перфильева. Василий позднее сетовал, что *«обратил мало внимания на редкого гостя, а занимался больше собакой, которую он с собой приводил»*.

Следующая встреча произошла лет десять спустя. *«Позднее студентом я его неожиданно*

встретил на улице; он шел по Никитской, не узнать его сразу было нельзя. В маленькой круглой шапочке, с большой уже совершенно седой бородой, широкоплечий и еще мощный, он был точь-в-точь таким, каким его изображают его первые портреты в блузе в XII томе его сочинений. Я инстинктивно за ним пошел и не спускал с него глаз; забежал вперед, чтобы еще раз с ним познакомиться; завидовал тем, с кем он заговаривал. Подойти же к нему я тогда не решился и ограничился созерцанием издали»⁷⁸.

Это все были случаи, когда молодой человек видел знаменитого писателя, но не общался с ним. Лев Николаевич мог и не знать Василия, хоть с его отцом был знаком. Непосредственное знакомство состоялось позднее, об этом написано в воспоминаниях В. А. Маклакова: «В 1891 году мне пришлось с ним познакомиться, и это было началом близости с семейством Толстых. Поводом к этому был голод этого года». Василию Алексеевичу в это трудное время довелось организовывать большое дело: «идея заключалась в том, что помещики должны брать к себе крестьянских лошадей на зимнее прокормление, а весной возвращать их владельцам. Иначе лошадям угрожала голодная смерть. Маклакову удалось разместить у знакомых помещиков больше трехсот лошадей, и в воздаяние его заслуг и усердия друзья-толстовцы взяли его с собой ко Льву Николаевичу, когда тот приехал в Москву».⁷⁹ Благодаря этому случаю состоялось знакомство Василия Алексеевича с писателем: «Тогда я в первый раз его близко увидел и с ним говорил [...] Потом я стал бывать у Толстых очень часто, до самой смерти его. Это было для меня великой удачей»⁸⁰.

Как вспоминал В. А. Маклаков: «Я был еще студентом, когда он стал меня приглашать к нему заходить, чтобы вместе гулять по Москве. На некоторое время это превратилось в привычку. Мне было забавно наблюдать физиономии тех, кто неожиданно его узнавал, как это когда-то случилось со мной при моей первой встрече с ним на Никитской. Во время наших прогулок он только задавал мне вопросы о нашей студенческой жизни, и я подробно на них отвечал. Мне было лестно с ним разговаривать, хотя я не понимал, что в моих рассказах могло быть для него интересно?»⁸¹. Далее в воспоминаниях Василий Алексеевич предположил, для чего Лев Николаевич его подробно расспрашивал: «Я понял, почему мои рассказы были ему нужны во время наших прогулок: он мог их не слушать, но они ему думать мешали и его мозг мог отдыхать».

Встречи с Толстым в Москве, Ясной Поляне

После смерти отца А. Н. Маклакова, случившейся в 1895 г., осиротевшим детям пришлось искать новое жилье. Как написано в воспоминаниях старшего сына: «Съехав с казенной квартиры в Глазной больнице, мы с братом и сестрой поселились в собственной маленькой квартире на Зубовском бульваре, во дворе. Это было в двух шагах от Хамовнического переулка, где жили Толстые, и мы там постоянно бывали»⁸².

О посещениях Василием московской квартиры писателя говорится в нескольких письмах Льва Николаевича и Софьи Андреевны Толстых: «Сейчас пришел Вася Маклаков»⁸³ (28 февраля 1896); «Был Вася Маклаков» (4–5 сентября 1896); «Поблагодари Маклакова за присылку книг¹» (9 октября 1896); «вчера зашел Вася Маклаков на минутку» (15 октября 1896); «Потом пришел В. Маклаков, и мы с ним философствовали о счастье»⁸⁴ (21 апреля 1898).

В сентябре 1898 г. В. А. Маклаков сообщил Л. Н. Толстому, что ему передали пожертвование на помощь духовоборам 10.000 руб., спрашивал, что с этими деньгами делать? Через три дня писатель ответил из Ясной Поляны: «Очень порадовали меня, дорогой Василий Алексеевич, хорошим известием. Деньги переведите в Тульское отделение Междунар[одного] банка. Скажите Дунаеву. Кто жертвователь? Хотелось бы поблагодарить его. Книги я получил. Очень вам благодарен. Послал к вам клиентов. Мише дал бумажку, хорошо бы защитить и обличить завод. Любящий вас Л. Толстой»⁸⁵. Обращает на себя внимание фраза в конце: «Любящий вас Л. Толстой». Думается, эти теплые слова были искренними.

Переписку писателя и адвоката читала полиция. Копии посланий сохранились в документах московского отделения царской охранки с пометками: «Копия с полученного агентурным путем письма». В документе с грифом «Совершенно доверительно» дано указание: «принять меры к вы-

¹ Василий подбирал литературу, которую Л. Н. Толстой использовал в работе над романом «Воскресенье».

яснению лица, пожертвовавшего при посредстве Маклакова 10.000 рублей и о последующем почтить уведомлением»⁸⁶. Спустя полтора года последовал ответ: «лицо, предоставившее через посредство помещика присяжного поверенного Василия Алексеева Маклакова, в распоряжение графа Льва Николаевича Толстого 10.000 рублей выяснить до сего времени не представилось возможным». Видимо, имя жертвователя так и осталось тайной.

В последующие годы (вплоть до кончины писателя в 1910 г.) имя Василия Алексеевича регулярно встречается в переписке членов семьи Толстых. В конце жизни Лев Николаевич много времени проводил в своем имении Ясная Поляна, находившемся недалеко от Тулы. Туда регулярно приезжал В. А. Маклаков: «Со времени знакомства с Толстым я бывал у них очень часто, жил в Ясной Поляне; у Толстых я встречал не только его самого и все их семейство, но и многих знаменитых и интересных людей, которых я только там и мог встретить; припоминаю Б.Н. Чичерина, А.А. Фета, А.Ф. Кони, В.В. Стасова, Репина и многих других»⁸⁷.

Об одной своей поездке Василий потом вспоминал: «Однажды осенью я приехал в Ясную Поляну с ружьем и собакой: было время охоты на вальдшнепов. Толстой вспомнил старину и стал мне рассказывать, где и какие в его время бывали вальдшнепиные высыпки»⁸⁸. Упоминания о посещениях адвоката Ясной Поляны можно найти и в книге Д. П. Маковицкого, вот, например: «Л. Н. вошел к В. Маклакову, который спал. Не разбудил его. — Ты знаешь, как я отношусь ко сну, — сказал он Софье Андреевне, спросившей его, почему не разбудил Маклакова и не позвал его гулять»⁸⁹.

Поездки случались и по особым случаям. Так, в 1907 и 1909 гг. Василий Алексеевич приезжал в Ясную Поляну на дни рождения писателя, когда приглашали особо близких людей. Софья Андреевна написала в дневнике: «28 августа 1909. Рождение Льва Николаевича. Ему 81 год. Он бодр, ездил верхом с В. А. Маклаковым»⁹⁰. Эту прогулку на лошадях зафиксировала фотография из 5–11.

Ведение судебных дел по просьбе Толстого

Лев Николаевич ценил отношения с Василием Алексеевичем еще и потому, что тот был успешным адвокатом. О первом судебном деле, с которого в 1896 г. началась адвокатская практика В. А. Маклакова, уже говорилось ранее. Это была защита калужского сектанта по просьбе писателя. Толстой потом неоднократно обращался к адвокату с аналогичными просьбами о защите в суде своих друзей и последователей. Так, в 1902 г. он ходатайствовал за своего знакомого крестьянина Афанасия Агеева, который был «обвинен в богохульстве», спрашивал: «Что можно сделать?».

Другой раз обращался: «Милый Василий Алексеевич, Пожалуйста, пожалуйста, помогите моему милому молодому другу Фельтену. Научите, что ему делать и что мне делать, чтобы его выручить или хотя облегчить. Дружески жму вашу руку. Лев Толстой»⁹¹. В. А. Маклаков откликнулся на просьбу, защищал в суде Фельтена, которого обвиняли в хранении запрещенных сочинений Толстого. Обвиняемый потом рассказывал: «Защита была у меня, конечно, бесплатная. Маклаков выступал только по личной просьбе Толстого». Василию Алексеевичу своей защитой удалось добиться мягкого судебного приговора. Позднее, в 1910 г., подобные обвинения были выдвинуты против еще одного толстовца Молочникова из Новгорода. Его также защищал Маклаков.

Были и другие судебные дела. Так, Василий Алексеевич вспоминал, как «защищал крестьянку из Ясной Поляны, обвиненную в детоубийстве; дело слушалось в Крапивне».

Когда Маклаков стал депутатом, Толстой стал предлагать, какие, по его мнению, вопросы следовало обсудить в Государственной думе: крестьянский, земельный. В 1909 г. записал в дневнике: «Я позвал Мак[лакова] и говорил с ним о том, чтобы он поднял вопрос в Думе»⁹². Речь шла об освобождении земли «по системе Генри Джорджа».

Хотелось бы теперь остановиться на том, как Лев Николаевич оценивал Василия Алексеевича. В письме одному из своих знакомых он охарактеризовал Маклакова «как очень даровитого и хорошего молодого человека». Уже приводились слова дочери писателя Татьяны, которая писала Василию: «Папа вас очень полюбил и вчера за обедом упрекал нас в том, что мы мало вас ценим». Со временем мнение Л. Н. Толстого несколько изменилось: «Маклаков — больших умственных способностей, но нет у него разума, сердечного разума, который направляет на важные вопросы»⁹³. Или вот еще: «Маклаков — никакого убеждения не имеет; искусство говорить у него не связано с серьезными мыслями»⁹⁴. Но в целом Лев Николаевич положительно оценивал Василия Алексеевича. А иначе не поддерживал бы с ним тесные отношения столь длительное время вплоть до своей кончины.

В. А. Маклаков написал несколько мемуарных очерков и статей о великом писателе: “Л. Н. Толстой, как общественный деятель” (Москва, 1912); “Толстой и суд” (Москва, 1913), “Толстой и большевизм” (Париж, 1921); “О Льве Толстом: Две речи” (Париж, 1929).

В завершение этой темы хотелось бы еще сказать, что Василий Алексеевич поддерживал отношения не только с Львом Николаевичем, но и с членами его семьи. Информация по этому вопросу особо не собиралась. Можно лишь отметить, что в деле царской охранки имеется копия письма Василия дочери писателя Татьяне Львовне. А в другом документе охранки есть такие слова о В. А. Маклакове: *«Имеет знакомство с сыном литератора графа Льва Толстого, Ильей»*.

Писатель Антон Павлович Чехов и его родственники

Переходим к следующему знаменитому русскому писателю, с которым был знаком Василий Алексеевич Маклаков, – к Антону Павловичу Чехову. Здесь отношения не были столь длительными, как с Л. Н. Толстым. Но рассказать о них, несомненно, следует. К сожалению, совместного фотоснимка писателя и адвоката найти не удалось. Зато оказалась семейная фотография Чеховых. Василий Алексеевич поддерживал отношения с обоими супругами.

Знакомство с писателем

Когда и где состоялось знакомство адвоката с писателем? В статье В. Ермилова *«Маклаков о Чехове»*, опубликованной в одной из дореволюционных газет, написано: *«Маклаков часто встречался с Антоном Павловичем. Дергайково, имение нашего депутата, лежит всего в 10 верстах от Бабкина, где жил Антон Павлович. И им нетрудно было по-соседству и видаться, и сблизиться друг с другом»*⁹⁵ (ссылка на первоисточник информации в статье не приведена).

Тут надо разобраться. Да, имения Бабкино и Дергайково действительно находились недалеко друг от друга. Да, семья Чеховых отдыхала в Бабкино три лета подряд (1885–1887 гг.). Да, в Дергайково приезжала семья Маклаковых, начиная с 1878 г. по приглашению хозяйки имения М. П. Степановой. Все вроде сходится, никаких противоречий по датам не видно, Маклаковы могли посещать расположенное по соседству имение Бабкино. Но зачем?

Давайте сопоставим известные факты. Антон Павлович был старше Василия Алексеевича на девять лет. Он окончил Московский университет в 1884 г., тогда как Маклаков поступил в это учебное заведение лишь три года спустя. Так что пересечься там они не могли. Далее. В то время, когда семья Чеховых приезжала в Бабкино, Василий Маклаков был еще учеником гимназии, а Антон Павлович уже работал врачом. И какие у них могли быть общие интересы? Семьи Чеховых и Маклаковых не состояли в родстве. Так что утверждение В. Ермилова о встречах *«по-соседству»* представляется весьма спорным, историческими документами не подтвержденным. В. А. Маклаков в своих воспоминаниях написал так: *«В молодости Чехов работал в земской больнице около города Воскресенска и часто бывал в имении Бабкино, у Киселевых, в восьми верстах от имения, где мы жили потом»*. Ключевые слова здесь *«жили потом»*. Это говорит о том, что Маклаковы постоянно стали приезжать в Дергайково после того, как Чеховы расстались с Бабкино.

Впрочем, в той же статье В. Ермилова приводится и другая версия: *«Первое знакомство, впрочем, произошло в Москве. На одном из наших интеллигентских обедов, где председательствовал неизменный вдохновитель таких собраний, почтенный Д. Н. Доброхотов. Я сам помню этот вечер. Помню и молчаливого, но сердечно-приветливо улыбающегося Чехова. Помню и веселого, бурного, по-студенчески веселящегося Маклакова. Но настоящее знакомство с продолжительной беседой возникло у Маклакова с Чеховым в Ясной Поляне»*. Вот это больше похоже на правду.

Изо 5–12. А. П. Чехов с женой
О. Л. Книппер, 1901.

Приезд Чехова в Ясную Поляну

Эпизод со знакомством Чехова и Толстого описан в воспоминаниях Маклакова. Год там не указан, это могло произойти в августе 1895 г. Василий Алексеевич к встрече двух писателей имел прямое отношение:

«Мне пришлось быть свидетелем знакомства Толстого с Чеховым. Я его не забуду, хотя ничего особенного тогда не произошло. Толстой до знакомства с ним его очень ценил как писателя: не раз вслух читал разные рассказы его и не только свою любимую “Душечку”. Я был в Ясной Поляне, когда Чехов приехал с Толстым познакомиться; я Чехова знал еще раньше, хотя и очень поверхностно. Встречал его до поездки его на Сахалин [поездка совершена в 1890 г. – Авт.]. Это была эпоха той московской жизни его, которую он описал в рассказе “Три года”. [...]

Чехов должен был приехать в Ясную Поляну с утранным поездом. Толстой всегда утром писал и не принимал никого. От этого обыкновения он и на этот раз не хотел отступить. Вышел на минутку из кабинета, поздороваться с Чеховым, извинился, что будет занят до завтрака, и поручил мне показывать Чехову все, что в Ясной Поляне может быть для него интересно. Я его повсюду водил, показывал все достопримечательности: и флигель, где когда-то была Яснополянская школа, и знаменитый въезд с баинями, аллею к дому и даже ветку на дереве, на которой родился Толстой. Эта шутка принадлежала самому Толстому. В парке стоял раньше дом, где жили родители Толстого; на его месте теперь остались только деревья. В молодые годы Толстой восстановил местонахождение этого дома: по его расчетам спальня матери приходилась на месте какой-то ветки стоявшего дерева; отсюда он шутя выводил, что он именно на этой ветке родился. Чехов все эти подробности осматривал с сочувствием и вниманием. За столом во время завтрака шел общий разговор, и я мало помню, о чем Толстой с Чеховым говорили; запомнилось только, что, говоря о Сахалине, Толстой признался, что всегда считал Сибирь чудесной страной, по грандиозности природных ее проявлений, громадности гор, рек, лесов и животных. Чехов это подтвердил, и тогда Толстой его спросил с удивлением и даже упреком: “Что же этого вы не показали?” После завтрака они ушли в кабинет и я их разговора не слышал. Помню только, как Чехов потом смущенно качал головой и говорил: “Ну, человек”. А Толстой после его отъезда не раз повторял: “Какой приятный и милый”⁹⁶.

Об отношениях А. П. Чехова и В. А. Маклакова в последующие годы сведений немного. Судя по всему, встречи были редкие и случайные. Так, Антон Павлович в январе 1901 г. писал из Ниццы супруге Ольге Леонардовне: «Сегодня заходил ко мне москвич Маклаков. Что еще? А больше ничего»⁹⁷. А спустя два года он сообщал жене: «В Ялте ветер, прохладно, дождей нет, в саду установился рост. А после холода и ветра наступит знойная жара. Здесь Маклаков, Шехтель»⁹⁸.

Поиск недвижимости в Звенигородском уезде

В начале 1903 г., когда здоровье А. П. Чехова стало ухудшаться, он стал подумывать о приобретении жилья в местности, которую уже знал: «чувствую себя звенигородским помещиком». Планы у писателя были такие: «Февраль, март, апрель, сентябрь и октябрь я буду жить в Ялте, а остальное время под Москвой, смотря по настроению».

В мае писатель уже находился в Москве. В письме своей сестре Марии сообщал: «Здоровье мое в общем недурно, жаловаться не на что. Обедаю хорошо. Почти ежедневно бывает у меня Маклаков»⁹⁹. Василий Алексеевич приглашал Антона Павловича на отдых в свое имение Дергайково. Прельщал красотой здешних мест и еще, зная рыбацкие пристрастия Чехова, хорошей рыбалкой на речке Малой Истре. Писатель принял приглашение, отправился в конце мая. При этом написал брату: «Милый Иван, уезжаю в Воскресенск, в имение Маклакова. Буду жить там всё лето».

Но все пошло не по плану, Чехов быстро уехал из имения. Почему, что случилось? Сестре Марии сообщил: «Вчера я был в Дергайкове у Маклаковых. Здесь очень жарко, душно». А через несколько дней написал уже так: «У Маклаковых мне понравилось, хотя они нечистоплотны и собак у них очень много, река далеко и сад в варварском состоянии». А вот что по этому поводу говорил Василий Алексеевич: «Я пригласил его [Чехова] погостить к себе, в Дергайково. Он отправился вместе с Ольгой Леонардовной (Книппер). Приехал. Но гостить не оставался. Почему? Ясно объяснить не мог. Оказывается, – это уж мы потом, не скоро, узнали, – вся причина в том, что я тогда увлекался собаководством. У меня было пятнадцать псов. Антон Павлович испугался их,

оттого и уехал. Уехал молча, не сказав причины»¹⁰⁰.

Вскоре Чехов узнал, что неподалеку продается имение Киселево: «кусок земли между Морозовым и Маклаковым» (т.е. между селениями Покровское-Рубцово и Дергайково). Супруга Ольга Леонардовна осматривала имение, и оно ей понравилось. Поехал посмотреть и сам Антон Павлович. Отметил чудесный вид в Киселево и плохие дороги, а также то, что далековато до станции Новый Иерусалим – семь верстⁱ. В итоге отказался от покупки. В июне написал В. А. Маклакову: «Дорогой Василий Алексеевич, вот Вам мой отчет. Осматривал я имение в 20 десятин, что около Вас; здесь почти совсем нет воды, дороги ужасны. Осматривал я кое-что в самом Воскресенске; там мне понравился небольшой участок с домом у самой реки, но хозяева дерут нос, заломили цену ужасную. Ничего не приобрел в конце концов, даже надежды нет, что приобрету когда-нибудь, но все же чувствую себя звенигородским помещиком. Из Нары я поехал на лошадах, был в Звенигороде, был в Новом Иерусалиме и так утомился, что уже не хватило сил заехать к Вам. В середине июля буду свободнее, поедemте тогда удить рыбу. Крепко жму руку и желаю всяких благ. Ваш А. Чехов. Жена шлет поклон»¹⁰¹. На это послание Маклаков ответил так: «Я слышал, что Вы покупали имение Пономареваⁱⁱ, и удивился, так как там нет воды...».

Василий Алексеевич решил помочь Чехову с покупкой недвижимости в г. Воскресенске. В октябре 1903 г. жена писателя О. Л. Книппер писала: «Вчера был Маклаков, говорит, что с землей все улажено. Этот кусочек городу не нужен, а если когда-нибудь и будут претензии, то Маклаков берется выиграть без всякого сомнения. Если бы у меня были сейчас 4 000 – я бы купила без размышления»¹⁰².

Как видим, деньги были запрошены немалые. Но у А. П. Чехова был вариант поселиться в наших краях бесплатно. Владельцы соседнего имения Покровское-Рубцово Морозовы были по доброму настроены к писателю. Они готовили в своей усадьбе для него отдельный домик, рассчитывали, что приедет отдыхать следующим летом. Антону Павловичу там нравилось, он уже бывал в Рубцово: «Имение Саввы Тимофеевича Морозова было в 3 верстах от Маклаковского. Чехов приехал туда с Ольгой Леонардовной, и мы с ним первым делом принялись за удочки. Надо было видеть, как он радовался, чисто по-детски, когда страстные, мучительные его ожидания сбывались, наконец. Он так хотел вытащить головля! И, наконец, – ура! – тащит!.. Уехал счастливый, веселый, с видом победы»¹⁰³.

Кончина писателя, оформление наследства

Увы, добрые планы Морозовых сорвались. Ничто, вроде бы, не предвещало трагической развязки. В конце мая 1904 г. Чехов отправил из Москвы открытку: «Дорогой Василий Алексеевич, давно не видел Вас. Если будете проезжать мимо, то заходите хоть на минуточку. Сегодня я читал в Госдуме мобилизация в Москве и вспомнил о Вас. Крепко жму руку. Ваш А. Чехов»¹⁰⁴.

Но не прошло и двух месяцев, как великий писатель умер, было ему всего 44 года. Случилось это 2 июля 1904 г. на курорте в Германии. Гроб с телом привезли в Москву для погребения на Новодевичьем кладбище. В. А. Маклаков присутствовал на похоронах, об этом сказано в заметках другого писателя Максима Горького: «За гробом Чехова шагало человек сто, не более; очень памятливы два адвоката, оба в новых ботинках и пестрых галстуках – женихи. Идя сзади их, я слышал, что один, В.А. Маклаков, говорит об уме собак, другой, незнакомый, расхваливал удобства своей дачи и красоту пейзажа в окрестностях ее»¹⁰⁵.

Что на это сказать? Неприглядная история, явно не красящая В. А. Маклакова. В погребальной процессии говорить о постороннем, да еще так, что другие слышат... Невольно напрашивается предположение, что адвокат не особо горевал о преждевременной кончине писателя. Но, с другой стороны, – а все ли так было, как писал Горький? Он говорил, что похороны А. П. Чехова не были многочисленными (100 человек для известного писателя – это считай ничто). Однако сохранившиеся снимки похорон А. П. Чехова показывают обратную картину. Фотографии с погребальной процессией опубликованы в журнале «Искры» за 1904 г.¹⁰⁶. Они наглядно показывают, что на похороны знаменитого писателя пришло несколько сотен, а может и тысяч людей. Ну а если Горький в

ⁱ Хотя что такое 7 верст? До постройки Виндавской железной дороги люди ездили из Дергайково 27 верст до станции Крюково. И ничего.

ⁱⁱ В некоторых документах указана немного иная фамилия владельца имения Киселево – Пономаренко.

одном месте искажил факты, то можно ли верить другим его словам?

С кончиной Антона Павловича отношения Василия Алексеевича с Чеховыми не закончились. Вскоре встал вопрос о наследстве писателя. Антон Павлович еще в 1901 г. составил завещание. Согласно ему дом в Ялте (Аутке) был завещан сестре Марии, дом в Гурзуфе – жене Ольге. Братьям Михаилу, Александру, Ивану предназначалось по несколько тысяч рублей. Однако Антон Павлович совершил оплошность, не оформил должным образом завещание: не было подписей двух свидетелей. А, *«поскольку такие подписи отсутствовали, то оно оставалось просто частным обращением брата к сестре и не имело силы духовного завещания»*¹⁰⁷. При таком раскладе сестра Мария уже не могла претендовать на имущество Антона, оно переходило ее братьям. Однако те не хотели нарушать последнюю волю покойного. Но как исполнить эту волю, и чтоб все было по закону, они не знали и обратились за советом к В. А. Маклакову. Сначала написала Мария Павловна Чехова. Она просила адвоката о помощи, при этом отметила, что не может прибыть в Москву для решения дела о наследстве. Приглашала в гости в Ялту Василия Алексеевича и его сестру Марию Алексеевну.

В архиве ОПИ ГИМ сохранилось также письмо одного из братьев, отправленное Маклакову:

*«Милостивый Государь Василий Алексеевич. Простите, что не имея чести быть знакомым с Вами, я беру на себя смелость беспокоить Вас этим письмом. Я – Чехов, брат Антона Павловича – Михаил. Моя сестра Мария Павловна сообщила мне, что Вы были настолько любезны, что приняли на себя ведение дела по утверждению сестры в правах наследства после Антона Павловича. К сожалению, как сообщает сестра, завещание брата не может быть признано таковым за отсутствием подписей свидетелей и таким образом является уже вопрос о наследовании по закону. Законными наследниками, кроме матери и Ольги Леонардовны, являются мы – три брата: я, Иван и Александр. Но мы, братья, даже и мысли не допускаем о том, чтобы наследство Антона Павловича испытало иную судьбу, чем та, которая обозначена в завещании. Все должно принадлежать нашей сестре, как этого хотел брат Антон. Его воля для нас священна»*¹⁰⁸.

Далее события развивались таким образом: *«Адвокат Маклаков по просьбе Книппер взялся улаживать непосредственные дела ее мужа и предложил следующий ход: братья Чеховы, поименованные в письме, утверждают в наследстве, а затем передают сестре свои доли. Таким образом, движимая и недвижимая части не дробятся, не делятся. Сестра, получив от братьев необходимые документы, став единственной наследницей, затем сама выплачивает братьям суммы, названные в завещании»*¹⁰⁹. Все так и было сделано. Став по суду наследниками, братья Чеховы тут же отреклись от своих прав на имущество брата в пользу сестры. Так удалось добиться исполнения воли Антона Павловича и все сделать без нарушения закона.

У Василия Алексеевича были хорошие отношения с Ольгой Леонардовной Книппер-Чеховой. Недавно опубликованы воспоминания Зинаиды Григорьевны Морозовой, в которых она утверждала, что Маклаков ухаживал за Книппер¹¹⁰. Добрые отношения сохранились и после кончины писателя.

В архиве ОПИ ГИМ сохранились письма Ольги Леонардовны, написанные Василию Алексеевичу. Как известно, она была актрисой Художественного театра и выезжала с труппой на гастроли за границу. Из Германии отправляла письма Маклакову, спрашивала о новостях. Когда тот прислал ответ, она в сердцах написала: *«Как я была счастлива, если бы могла понять, т.е. разобрать каждое слово Вашего письма! Возможно ли иметь такой нелепый почерк!»*¹¹¹. Автор подтверждает справедливость замечания насчет почерка адвоката: он просто ужасный.

Певец Федор Иванович Шаляпин

О следующей знаменитости – певце Ф. И. Шаляпине – разговор будет намного короче. То ли отношения Маклакова с Шаляпиным не были столь глубокими, как с Чеховым и особенно с Толстым (в своих воспоминаниях Василий Алексеевич фамилию певца почему-то ни разу не упомянул), то ли документы сохранились не все или же их просто не удалось найти. Обнаруженные исторические свидетельства отрывочны и полной картины отношений адвоката и певца не дают.

В фонде Маклаковых в ОПИ ГИМ сохранились два коротеньких письма Федора Ивановича, отправленных Василию Алексеевичу. К сожалению, даты на них не проставлены.

Вот первое послание: *«Дорогой мой Василий Алексеевич! С прискорбием должен сказать тебе,*

Изо 5–13. Ф. И. Шаляпин, до 1930 г.

что болезнь моя совершенно измотала положение. И обещание мое участвовать в концерте сдержать мне нет сил. Доктора говорят, чтобы я пел не больше двух раз в неделю. [...] Пойми это и не сердись на человека, который тебя очень любит – это я Ф. Шаляпин»¹¹². Хотелось бы отметить, что Федор Иванович обращается к Василию Алексеевичу на «ты» и говорит о любви. Это свидетельствует об их достаточно близких отношениях.

А вот второе послание: «Милый Васинька! Клянусь я первым днем [уверял], что занят я, что не могу обедать вместе в Воскресенье. [...] я еще и нездоров, адский бронхит. Целую тебя [...] твой Ф. Шаляпин».

Известно также об одной записке певца, адресованной «другу В. А. Маклакову». Вот ее текст: «Милый Васинька! Выслушай, пожалуйста, моего друга [книгоиздателя] Константина Петровича Пятницкого и помоги ему словом и делом, если можешь, а я перед отъездом моим в Лондон целую тебя крепко. Твой Ф. Шаляпин»¹¹³.

Шаляпин в своей книге воспоминаний рассказывает об обеде, устроенном накануне большевистской революции 1917 г., на котором присутствовал Василий Алексеевич: «По наивности моей я еще надеялся, что революция обновит, укрепит и вознесет нашу родину, и горькой фразой откликнулся на мои слова Маклаков. Он вздохнул и многозначительно сказал: – Не будет ни одного человека, совершенно ни одного, кто бы избегнул в будущем страданий. Маклаков крепко пожал мне руку. Сердечно и грустно расстались мы. Я знал, что этот выдающийся русский человек, назначенный правительством России на первый по значению дипломатический пост, уезжает из родной страны тайком, как контрабандист»¹¹⁴.

Далее будет рассказано, как Василий Алексеевич был назначен Временным правительством России на должность посла во Францию. Прибыв в Париж в октябре 1917 г., он так и остался в этом городе до конца своих дней. Эмигрантом стал и знаменитый певец, он тоже жил в столице Франции. Маклаков и Шаляпин неоднократно виделись, общались, документы это подтверждают. Так в 1929 г. Фондаменский обращался к Маклакову с просьбой организовать встречу с Шаляпиным. В 1935 г. уже Маклаков писал Рудневу: «Позвонил тоже Шаляпину: он выздоровел, но в четверг выезжает. Не знаю, есть ли смысл его навестить до отъезда»¹¹⁵. В том же году, как писала Н. Н. Берберова, на именины Василия Алексеевича было приглашено семейство певца: «я встретила там, на его именинах, “сливки эмиграции”, включая семейство Шаляпина: Марию Валентиновну, его дочь от первого брака Стеллу, двух дочерей Федора Ивановича, и его самого»¹¹⁶.

Федор Иванович умер в Париже в апреле 1938 г. Буквально за пару месяцев до кончины он написал письмо Саблину, в котором есть такие слова: «Как-то на днях В.А. Маклаков рассказал мне о Ваших прискорбных ожиданиях и о работе по моему юбилею»¹¹⁷. Остается еще добавить, что душеприказчиком по завещанию Ф. И. Шаляпина во Франции был назначен В. А. Маклаков¹¹⁸.

Вот и все, что удалось собрать по отношениям адвоката и певца. Видно, что они поддерживали хорошие, можно даже сказать, дружеские отношения на протяжении нескольких десятилетий. Наверняка, были и совместные фотографии, но такие пока не попадались.

Дергайково и другая недвижимость, места жительства

Поговорим теперь о владениях, которые принадлежали Василию Алексеевичу, и об адресах, по которым он проживал в городах.

Переход именина Дергайково Маклаковым

Как уже неоднократно отмечалось, В. А. Маклаков был хозяином дергайковского именина и оставался им до прихода советской власти, которая отобрала земли у помещиков. Он оказался последним владельцем усадьбы Дергайково в ее истории. Когда именно Василий Алексеевич

стал хозяином недвижимости – достоверных сведений найти не удалось (в таблице, приведенной в начале второй главы, условно поставлен 1901 г.). Но кое-какие косвенные свидетельства имеются.

Для начала напомним вкратце историю предыдущих владельцев Дергайково.

С 1856 по 1884 гг. владелицей имения была дворянка Мария Павловна Степанова. У нее сложились добрые отношения с племянницей Елизаветой Васильевной Маклаковой (урожд. Чередеевой), а также с ее сыном Василием, у которого она была восприемницей при крещении. Вот как тот написал об этом в своих воспоминаниях: *«был ее крестником и до самой смерти ее должен был по субботам ходить к ней обедать»*. В 1878 г., как уже несколько раз отмечалось, М. П. Степанова предложила семье Маклаковых жить в дергайковском имении с условием восстановления усадебных построек. В 1881 г. умерла Елизавета Васильевна, а спустя три года скончалась Мария Павловна. Тете помимо имения **Дергайково** в Звенигородском уезде принадлежал дом в Москве. Эти владения после ее кончины перешли Маклаковым¹¹⁹.

Первые годы дергайковское имение оставалось общим владением членов семьи Маклаковых – отца и детей, включая Василия. Дети были еще несовершеннолетними, опекуном над ними был назначен их родитель Алексей Николаевич Маклаков. Он фактически распоряжался недвижимостью, перешедшей по наследству.

Сохранился документ, составленный в 1887 г., о продаже крестьянам за 15.000 руб. леса, растущего в окрестностях **Дергайково** на площади 80 дес.¹²⁰. Продавцом был записан А. Н. Маклаков и его сын Василий, которому в то время исполнилось 18 лет.

Алексей Николаевич умер в 1895 г. Старшие дети Маклаковы к этому времени стали уже взрослыми, но младшие еще оставались несовершеннолетними. Имения, перешедшие по наследству, считались общим владением всех наследников. И даже когда младшая Мария стала совершеннолетней, Дергайково по-прежнему оставалось общим достоянием Маклаковых (при этом в документах той поры оно почему-то по-прежнему числилось за давно умершей М. П. Степановой¹). Раздел наследства затянулся, родственники Маклаковы не могли договориться между собой. В предыдущей главе рассказывалось, что Алексей Николаевич Маклаков завещал своей второй жене Лидии Филипповне благоприобретенное имение Леоново (Спасское), а также ценные бумаги. Там же говорилось, какой спор, можно даже сказать, скандал возник у некоторых детей Маклаковых с мачехой. Та считала, что с ней поступают несправедливо, обвиняла Василия в неблагодарности и даже в грехе: *«что ты делаешь со своей душой?»*. Но и между собой дети Маклаковы также не могли долгое время договориться о справедливом разделе доставшегося имущества. Сохранилась переписка между братьями, в которой обсуждался этот вопрос. Алексей сообщал Василию: *«Я стараюсь сделать так [...] что-бы ты взял себе Дергайково, а между нами разошлись бы 2 других имения»*¹²¹. А Николай в 1906 г. писал Василию: *«ты владеешь Дергайково фактически и никто больше из нас не имеет ни денег, ни усадьбы»*¹²². Получается, что к этому времени Дергайково уже принадлежало Василию Алексеевичу, а договоренность по разделу остальных владений еще не была достигнута.

К сожалению, не удалось найти указ о вводе В. А. Маклакова во владение имением Дергайково. В архивном деле ОПИ ГИМ обнаружена доверенность, которую в 1907 г. он выдал некоему Шанцеру на получение в банке ссуды под залог Дергайково¹²³. Очевидно, что к этому времени он уже считался официальным владельцем имения, а иначе ни о какой ссуде и речи не могло идти. Более того, в том же деле есть квитанции «Северного страхового общества» на страхование строений в имении **Дергайково**. Квитанции эти оформлены на В. А. Маклакова. Самая ранняя из них датирована 1901 г. Его подпись под документом могла означать то, что Василий к этому времени уже числился владельцем Дергайково. Но мог и не быть им (имение по документам оставалось в общем пользовании Маклаковых), ему лишь было доверено внести деньги на

¹ В архивном деле (ЦГАМ. Ф.4. Оп.3. Д.543) приведены сведения о землевладельцах Звенигородского уезда за 1905 г. с указанием размера земли (по этим данным потом исчислялась величина налога). Ну так имение Леоново в указанном году числилось за А. Н. Маклаковым (л.195об), который умер в 1895 г., т.е. 10 лет назад! А имение **Дергайково** в указанном документе было записано за М. П. Степановой (л.204об), умершей еще в 1884 г., т.е. 21 год назад!!! Все это говорит о том, что наследники Маклаковы не занимались официальным оформлением недвижимости в свою собственность.

страхование имущества и получить квитанцию. Так или иначе, к 1906 г. Василий, как написано в письме брата Николая, уже точно был хозяином **Дергайково**. Резюмируем сказанное: В. А. Маклаков стал официальным владельцем Дергайково в начале XX в. Но точная дата, увы, пока осталась неизвестной.

Что происходило дальше? В 1912 г. затевался обмен землей с крестьянами, В. А. Маклаков вызывал землемера в свое имение для проведения работ. Но состоялся ли этот обмен – осталось непонятно. В одном из архивных дел за 1913 г. приведены сведения об имении Дергайково, его владельцем указан В. А. Маклаков. Размер земли 111 дес., доходность имения оценивалась: уездная в 556 руб., губернская – в 444 руб.¹²⁴. В 1916 г. Василий Алексеевич приобрел у штаб-капитана Н. Ф. Крушинского 61 дес. земли около с. Александрово (это недалеко от Дергайково).

Проживание дергайковского помещика Василия Маклакова в своем имении

Еще при жизни отца Василий, как и его братья и сестры, проводил теплое время года в Дергайково. Но произошло это не сразу. Как уже отмечалось, первоначально родители вывозили детей на летний отдых в свое имение Ярцево Дмитровского уезда. И только когда (в 1878 г.) М. П. Степанова сделала предложение своей племяннице Елизавете Васильевне о проживании в Дергайково, Маклаковы стали ездить туда. Василию тогда было 9 лет. Возможно, не сразу (усадебные постройки требовали ремонта), но через какое-то время **Дергайково** стало главным местом отдыха членов семьи. И хотя постоянным местом жительства В. А. Маклакова оставалась Москва, на верное, не будет ошибкой утверждение, что он ежегодно приезжал в Дергайково, причем по много раз.

Московско-Виндавская железная дорога (ныне Рижская ж-д), которая была проложена недалеко от Дергайково, была открыта только осенью 1901 г. А до этого дорога в Москву была очень непростой. Как написано в отчетах охраны, В. А. Маклакову приходилось рано-рано утром выезжать из имения, чтобы успеть на поезд в Москву. Предстояло на лошадях преодолеть 25 (по другим данным, 27) верст по плохой грунтовой дороге до станции Крюково Николаевской ж-д. Возвращался же он в Дергайково, согласно тем же отчетам, поздно вечером.

По документам полицейского охранного отделения можно проследить даты, когда В. А. Маклаков приезжал в имение, как долго там жил. В качестве примера приведем выдержки из листов наблюдения, которые в 1896 г. составил *«унтер-офицер Московского жандармского управления Евграф Дмитриев»* г. Воскресенска. В одном из отчетов отмечено, что 1 июля Василий Маклаков прибыл в **Дергайково** вместе с сестрой Александрой. 8-го числа он отправился на ярмарку в Нижний Новгород и вернулся 14-го. Стоит пометка: *«ничего не замечено»*. 22 июля в 4 утра (!) Василий Алексеевич отправился из Дергайково в Москву *«в собственный дом»*. Через три дня вернулся, приехал в имение в 10 часов вечера. Отмечено: *«вел себя хорошо»*¹²⁵. Всего за лето 1896 г. помещик, судя по отчетам, 10 раз приезжал в имение Дергайково.

Сохранились такие же отчеты полицейского охранного отделения за три последующих года. В одном из них сказано, что когда в мае 1897 г. В. А. Маклаков прибыл в имение, то спустя несколько дней к нему пришли местные крестьяне и поздравляли с приездом. В ответ он каждому из них выдал по бутылке пива и еще на всех три рубля денег. Всего в тот год Василий Алексеевич приезжал в Дергайково 6 раз, в 1898 – 8 раз, в 1899 – 3 раза. В отчетах отмечалось, что проживал в имении мало времени, большей частью находился в Москве.

Чем занимался В. А. Маклаков в **Дергайково**? В одном из полицейских отчетов отмечено, что ходил на охоту, а *«более ничего не замечено»*. То же самое написано и в ряде других листов наблюдения. Изредка были и иные записи. Так, в 1899 г. сыщик написал, что помещик ездил по своему имению, отдавал распоряжения. У него работали дергайковские крестьяне, косили сено *«за прогон скота»*, убирали хлеб *«по добровольному найму»*¹²⁶. А еще отмечено, как в воскресенье 1-го августа он ловил рыбу с местными крестьянами.

Подобных отчетов полицейского наблюдения за жизнью В. А. Маклакова в Дергайково после 1899 г. нет. По другим документам можно судить, что он стал ездить в имение реже. Думается, не потому, что разлюбил эти места, а просто свободного времени стало меньше. Его известность как успешного адвоката становилась все шире и все больше дел в судах он вел. А в 1907 г., когда Василий Алексеевич стал депутатом Государственной думы, загруженность еще больше возросла.

Увлечение охотой и собаками

Теперь хотелось бы поговорить об увлечениях В. А. Маклакова, как ныне говорят, хобби. Это охота и связанное с этим разведение собак, в первую очередь, охотничьих пород.

Напомним, что в 1903 г. он пригласил А. П. Чехова отдохнуть в своем имении Дергайково. Писатель приехал, но ему там не понравилось, и он не стал оставаться. Выяснилась причина: «собак у них очень много» (как говорил сам Василий, в то время у него в имении было 15 псов).

Собаки неоднократно упоминались в документах Маклаковых. Так, Мария Алексеевна писала хозяину имения брату

Василию: «собаки разорвали 3 овец, пришлось заплатить 12 р.»¹²⁸ (овцы, очевидно, были крестьянские). В следующей главе приведена фотография (изо 6–36), сделанная в имении Дергайково. В кадре сестра Мария, служанки и несколько собак. А здесь размещена другая фотография самого Василия Алексеевича с тремя собаками, сделанная также в дергайковском имении.

Любовь к собакам у Василия, очевидно, с детства. Ранее рассказывалось, как он, будучи еще мальчиком, впервые увидел Л. Н. Толстого. На знаменитого писателя он тогда не обратил внимания, а заинтересовался его собакой. Там же говорилось, что много лет спустя он специально приезжал в Ясную Поляну поохотиться на птиц вальдшнепов.

Охота была любимым развлечением Василия Алексеевича, когда он приезжал в Дергайково. В отчетах о слежке сыщики регулярно писали, что хозяин имения охотился «за дичнею [дичью]». На охоту ходил с охотничьими собаками.

О собаках сказано и в других документах. В архивном деле оказалась грамота с выставки, выданная Маклакову за собаку «сеттера-гордона “Флора”»¹²⁹. Сохранилось также детское письмо племянника Алексея (сына брата А. А. Маклакова), в котором он спрашивал дядю Васю, все ли собаки живы в Дергайково.

В 1916 г. в газетах печатались объявления о пропаже в Петрограде кобеля и самки ирландского сеттера. В. А. Маклаков гарантировал вознаграждение в случае возврата.

Адреса проживания Василия Маклакова в столицах

Напомним, пока был жив врач Алексей Николаевич Маклаков, его семья проживала в служебной квартире при глазной больнице. Адрес в документах указывали такой: Тверская ул., Мамонтовский пер., глазная больница. Здесь прошло детство Василия.

Судя по документам, он съехал с родительской квартиры еще при жизни отца. Так, в 1894 г. указан адрес проживания: «меблированные комнаты» в Гнездиловском пер. (здесь он готовился к экзаменам экстерном на юридическом факультете университета). Год спустя – «дом Мартыновой» (адрес не указан). В одной из бумаг В. А. Маклаков написал: «Жительство имею: Москва, Гранатный пер., дом Зерщикова»¹³⁰. Это все были съемные квартиры, подолгу он в них не жил.

Когда родитель в 1895 г. умер, осиротевшим детям пришлось освобождать жилое помещение. Ранее приводилась цитата из воспоминаний Василия: «Съехав с казенной квартиры в Глазной больнице, мы с братом и сестрой поселились в собственной маленькой квартире на Зубовском бульваре, во дворе».

Слова о «собственной маленькой квартире» поначалу озадачили. Звучит так, как будто это была личная собственность. Однако сведения о приобретении кем-либо из Маклаковых своего дома

Изо 5–14. «В. А. Маклаков с собаками»¹²⁷, нач. XX в. ОПИ ГИМ.

или квартиры в Москве не попадались. Разъяснение удалось найти в справочнике жителей города за 1898 г. В нем отмечено, что В. А. и А. А. Маклаковы жили в «доходном доме Владимирова» на Зубовском бульваре¹³¹. Там же проживала и сестра Мария, и, возможно, другая сестра Ольга. В одном из полицейских отчетов указан размер оплаты жилья – 45 руб. (очевидно, ежемесячно).

Василий Алексеевич жил в этом доме не более трех лет. В 1899 г. на конверте был указан иной адрес: «Москва, Пречистенка, дом Борщова». По данным интернета в столице находились два доходных дома Борщова: в Большом Афанасьевском пер. и в Филипповском пер. Оба расположены недалеко от ул. Пречистенка. В каком-то из этих домов и снимал жилье Василий Маклаков вместе с родственниками.

По указанному адресу он проживал около трех лет, а потом вновь сменил квартиру. В 1902 г. переехал в дом № 32 (по другим данным, № 106) на Новинском бульваре. Это был один из доходных домов (точнее, флигель) знаменитого адвоката Ф. Н. Плевако, который был его коллегой по профессии, чья фамилия неоднократно ранее упоминалась. В этом доме Василий Алексеевич жил вместе с сестрой Марией 15 лет, до самой революции (первые годы вместе с ними жила и сестра Ольга). Это подтверждают адресные справочники по Москве. В квартире Маклаковых имелся телефон, тогда они мало у кого были и стоили дорого.

С 1907 г., когда Василий Алексеевич стал депутатом Государственной думы, он много времени проводил в Петербурге. Поэтому решил снять в столице квартиру в доме № 4 на Тверской ул. За нее платил ежемесячно хозяину Г. Гайдману вначале 125 руб., потом 140 руб.¹³².

С этой квартирой связан один криминальный случай. Фамилия Маклакова часто упоминалась в газетах по различным судебным делам, в которых он выступал как адвокат, защитник. Но однажды о нем написали как о потерпевшей стороне. Оказывается, его столичная квартира в 1912 г. была обворована. В газете «Петербургский листок» об этом была напечатана заметка с подзаголовком: «Лакей обокрал депутата свыше чем на тысячу рублей». Вот выдержки из этой публикации:

«Депутат В. А. Маклаков, часто оставляя Петербург на несколько дней, доверял охрану имущества своему лакею, служившему у В. А. около года. Депутатским доверием однако долгое время злоупотреблял вор-лакей. Всякий раз, когда г. Маклаков отлучался из столицы, лакей шарил в ящиках, стараясь разыскать ценные вещи, принадлежавшие сестре депутата. Таких вещей вор-лакей унес не мало. Систематические кражи хранителя квартиры были раскрыты случайно. [...] Совершенно неожиданно к г. Маклакову является приказчик мясной лавки, где депутат закупал все время мясо, с угрозой подать на В. А. жалобу мировому судье о нежелании заплатить свыше двухсот руб., которых он будто бы должен. Тут только депутат понял, что в лице своего лакея он держал у себя вора. Лакей ежедневно получал деньги для уплаты расходов по хозяйству, которых обращал в свою пользу. В мясной-же он говорил, что В. А. Маклаков решил сразу уплатить по счетам перед своим отъездом. После обнаружения этой проделки г. Маклаков немедленно расчитал вора-лакея, при этом отказавшись от судебного преследования. [...] Общая сумма, на которую пострадал г. Маклаков, превышает тысячу р.»¹³⁴.

Непонятно, почему Василий Алексеевич Маклаков простил преступника. Ведь ущерб он нанес немалый.

Изо 5–15. Карикатура в газете на В. А. Маклакова¹³³, 1912.

Революция и эмиграция

Возвращаемся к рассказу о биографии Василия Алексеевича, прерванном на Первой мировой войне и убийстве Г. Распутина.

Последний год в России

Наступил 1917 г., в стране происходили бурные события, В. А. Маклаков не остался в стороне. Он писал статьи, выступал с речами, обличающими бездарное правительство, предчувствуя, к чему может привести народная смута. Был одним из немногих, понимавших, что в случае вооруженного восстания события пойдут не по тому сценарию, на который рассчитывали политики.

Февральскую революцию 1917 г. Маклаков принял. Вот как об этом вспоминала его племянница Наталья Алексеевна Пузыревская: *«Когда началась Февральская революция, дядя Вася бежал с красным бантом, но когда пришли большевики, он сказал: “Садитесь в поезд и уезжайте за границу”.* Он сел в поезд и уехал, а мы остались...»¹³⁵. Подробнее все описано в публикации С. В. Куликова:

*«С 28 февраля по 3 марта 1917 г. Маклаков – комиссар Временного комитета Государственной думы в Министерстве юстиции, вечером 3 марта он участвовал в составлении акта великого князя Михаила Александровича об отказе от восприятия верховной власти, переданной ему 2 марта Николаем II. Маклаков оказался востребованным революционной властью: с 8 марта он был председателем, с 20 марта – членом Юридического совещания при Временном правительстве, с 25 марта – членом Комиссии при Министерстве юстиции для восстановления основных положений Судебных уставов и согласования их с происшедшей переменой в государственном устройстве. Временный комитет Государственной думы 4 мая избрал Маклакова своим членом, Временное правительство назначило его 25 мая членом Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание, а 1 августа членом Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии (Всевыборы). На состоявшемся 6 августа собрании православных членов Временного комитета Государственной думы Маклакова избрали членом Поместного собора Русской православной церкви. В августе он становится членом Совета общественных деятелей и участвует в Государственном совещании, которое заседало в Москве. С 3 октября Маклаков еще и член Временного совета Российской республики (Предпарламента), однако в это время он доживал последние дни в России, поскольку в июле Временное правительство решило назначить его послом во Францию»*¹³⁶.

В это время в стране повсеместно происходили бунты, крестьяне жгли помещичьи усадьбы. Это не затронуло Дергайково. Вот как об этом написал В. А. Маклаков в своих воспоминаниях: *«Я не был сам сельским хозяином, хотя был с детства землевладельцем, доходов с имения не получал и никогда получать не стремился. Мое хозяйство было только тратой денег; но я жил по долгу в деревне, мог наблюдать жизнь крестьян, их нужды и пожелания и иметь с ними наилучшие отношения. Это случилось в 1917 году, когда из соседних крестьян никто нас не тронул»*¹³⁷.

Справедливости ради надо сказать, что есть и противоположное мнение. В воспоминаниях соседки по имению З. Г. Морозовой приведены такие слова о Маклаковых: *«их очень не любили окрестные крестьяне»*. Вот только вопрос: насколько можно верить этим словам? Дело в том, что в тексте воспоминаний допущено много неточностей, а иногда и грубых ошибок. Да и сам Василий Алексеевич как-то сказал прямо в глаза автору воспоминаний Зинаиде Григорьевне: *«Вы злая женщина»*. Короче – есть полные основания сомневаться в объективности воспоминаний Морозовой.

Посол во Франции

Вскоре после прихода к власти Временное правительство решило направить нового посла России во Францию. Лучшую кандидатуру, чем Василий Алексеевич, трудно было подыскать. Он хорошо знал страну и местных политиков, свободно владел французским языком. О назначении посла во Францию писали газеты. 12 сентября было напечатано, что накануне в Петроград приехал В. А. Маклаков. Новому послу *«из средств государственного казначейства»* было выдано 18.000 руб. на проезд к месту назначения во Францию¹³⁸.

Дата выезда В. А. Маклакова из страны держалась в тайне. Певец Ф. И. Шаляпин вспоминал: *«назначенный правительством России на первый по значению дипломатический пост, уезжает из родной страны тайком, как контрабандист. Правительство опасалось, что если об отъезде*

“империалиста” Маклакова на пост посла в Париже узнает революционная чернь, то она его также задержит на вокзале и не позволит ему уехать, как до этого задержала на Финляндском вокзале бывшего министра иностранных дел С. Д. Сазонова, назначенного российским послом в Лондон... Сазонов так и не поехал в Лондон. Маклаков использовал его печальный опыт и уехал инкогнито»¹⁴⁰.

Выезд из России состоялся 11 октября 1917 г. А «в Париж он прибыл 26 октября (8 ноября по новому стилю) и в тот же день отправился в Министерство иностранных дел вручать верительные грамоты. Министром был тогда Луи Барту; он сообщил Маклакову о случившемся накануне перевороте и о том, что министр иностранных дел Временного правительства М. И. Терещенко, подписавший грамоты посла, в тюрьме»¹⁴¹.

Авторитет Василия Алексеевича у кадетов был столь высок, что уже после отъезда из страны его заочно избрали от партии в Учредительное собрание России. Просуществовало Учредительное собрание менее суток: 5 января 1918 г. стало первым и последним днем его работы. Но еще раньше, 28 ноября, кадеты были объявлены большевиками «врагами народа», некоторых товарищей Маклакова по партии арестовали.

Без сомнения, останься Василий Алексеевич в стране, он также подвергся бы репрессиям, как, например, его брат Николай (о нем пойдет речь в следующей главе). 17 ноября 1917 г. Народный комиссар иностранных дел Советской России Л. Д. Троцкий снял В. А. Маклакова с должности посла во Франции и пригрозил суровыми карами в случае отказа. Однако тот не послушался. И хотя верительные грамоты не были вручены, Маклаков по факту был признан французским правительством послом России. Василию Алексеевичу удалось вместе с П. Б. Струве добиться официального признания французскими властями генерала П. Н. Врангеля.

На посту посла во Франции Василию Алексеевичу довелось дважды посетить территорию России, но только ту ее часть, которую занимала Белая армия. Произошло это в годы Гражданской войны и, понятное дело, ни Москвы, ни Дергайково он не видел. Осенью 1919 г. В. А. Маклаков ездил на Дон к Деникину, а в 1920 г. в Крым к Врангелю, где лично встретился с главнокомандующим Русской армии. Как позднее писал: «Я все сделал, что от меня зависело, чтобы в глазах французов превратить нашу Вандею в русскую контрреволюцию, которая вот-вот одолеет большевиков. Но я в это не верю...»¹⁴².

С первых дней пребывания во Франции Василий Алексеевич стал, как писали, «общепризнанным представителем интересов российского зарубежья, его защитником и ходатаем». В 1918–1920 гг. он являлся одним из руководителей дипломатии Белого движения. С 1922 г. председатель, затем почетный председатель Московского землячества в Париже. Был членом Комитета русских юристов за границей, членом совета Русского высшего технического института, членом общества друзей Русского народного университета. По данным “Википедии”: «В 1926 году Василий Алексеевич организовал переправку в США архивов Парижского бюро заграничной агентуры Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи с 1885 по 1917 годы. Эти документы хранятся в Институте Гувера Стэнфордского университета».

Жизнь в эмиграции после ухода с должности посла

После установления в 1924 г. дипломатических отношений между СССР и Францией, Маклаков был вынужден покинуть пост посла. Он освободил посольскую квартиру на ул. Гренелль и переехал в дом на улице Пэги, в двух шагах от бульвара Монпарнас, где прожил до конца своих дней. Как вспоминала одна из знакомых: «Там он поселился с сестрой, Марией Алексеевной, никогда не бывшей замужем и обожавшей брата, и старой прислугой-французенкой. [...] Он [В.А. Маклаков] постепенно терял слух, пользовался каким-то допотопным рожком, в который нужно было кричать. Я старалась, как могла, развлечь его, просила говорить о прошлом. И он говорил. Но он уже был далеко не тем, каким я его знала до войны, его мучили немощи, и глухота, и одиночество, и вероятно, предчувствие ареста...»¹⁴³.

Изо 5–16. В. А. Маклаков¹³⁹.

После ухода с должности посла В. А. Маклаков продолжил заниматься общественной деятельностью. В 1924 г. он возглавил Русский эмигрантский комитет во Франции (Центральный офис по делам русских беженцев). С 1937 г. – председатель комитета Франко-русского института. Одновременно участвовал почти во всех крупных культурных начинаниях эмигрантов в Париже.

Во время Второй мировой войны Франция была оккупирована немцами. В. А. Маклаков занимал антифашистскую позицию, желал поражения Гитлеру. Возглавил группу, ведущую антинацистскую пропаганду и оказывающую посильную помощь более активным борцам с врагом. В 1942 г. был арестован французским гестапо «как либерал и масон», пять месяцев провел в тюрьме.

В феврале 1945 г. Василий Алексеевич посетил советское посольство в Париже, полагая, что Сталин «переродился» в годы войны, что «режим после победы должен будет пойти на уступки». В марте того же года он был избран почетным председателем Объединения русской эмиграции для сближения со страной Советов. Но вскоре разочаровался в своих просоветских шагах, признал их ошибочными и решительно дистанцировался от любых контактов с советскими властями.

В послевоенные годы В. А. Маклаков отошел от активных дел, но продолжал трудиться по мере сил. Как писал Г. Адамович: «До последних своих дней он продолжал работу в эмигрантском “оффисе”, который давно уже превратился в учреждение, входящее в состав французской администрации. Дружеские уговоры оставить эту работу на него не действовали. Маклаков был болен, физически стал заметно “сдавать”»¹⁴⁴.

Сказывался возраст (в год победы над Германией Василию Алексеевичу исполнилось 76 лет), одолевали немощи. Как писала та самая его знакомая: «Я нашла его постаревшим, исхудавшим и совершенно глухим». Были и другие проблемы со здоровьем. Так, сестра Мария еще в России говорила, что у Василия диабет. Известно, что эта болезнь не вылечивается, а остается на всю жизнь.

В мае 1957 г. умерла сестра Мария Алексеевна Маклакова. Она всю жизнь находилась рядом, была ближайшим другом, помощницей, экономкой. Этот удар оказался для Василия Алексеевича тяжелейшим, наступило одиночество. Со смертью сестры он никак не мог свыкнуться, всего два месяца прожил после кончины сестры. Последние его дни протекали так: «Летом 1957 г. он приехал в Баден. Оттуда послал А. Тырковой-Вильямс письмо. В нем ничего не говорилось о том, что он предполагает делать в Швейцарии. Кончалось письмо печальной фразой: “Я совершенно один... Это ужасно”. Он умирал. Срочно вызвали племянника Юрия, сына Николая Алексеевича Маклакова, расстрелянного в далеком 1918 г. Как он рассказывал, Василий Алексеевич, чуть приподнявшись с постели, глазами показал на лежащее рядом Евангелие и с трудом произнес: “Вот...” И не договорил. Что он хотел сказать? Может быть, это: “Вот книга, которая умиротворяет и примиряет, примирит она, наконец, и братьев Маклаковых”...»¹⁴⁶.

К этому остается только добавить слова: «Умер Василий Алексеевич от гангрены ног 15 июля 1957 г. в швейцарском Бадене, где и был похоронен первоначально, позднее его прах перезахоронили на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа близ Парижа»¹⁴⁷.

Изо 5–17. Могила В. Маклакова на кладбище под Парижем¹⁴⁵, фото К. К. Семенов.

Каким человеком был Василий Алексеевич

В некоторых полицейских отчетах по наблюдению за В. А. Маклаковым приведены сведения о его внешности: «На голове черная косторовая котелком шляпа. [...] Роста среднего [...] поведения трезваго [...] Одевался очень Прилично. Волосы на голове коротко отстрижены. Бороду бреет. Росту выше среднего, лицо чисто. Брунет. [...] Блондин высокого роста с небольшой бородкой, глаза серые, нос немного курносый, волосы носит не длинные, под глазом шрам, хотя едва заметный. Одевается в обыкновенное платье. Часто посещает театры и концерты»¹⁴⁸. Что на это сказать? В глаза бросаются явные противоречия, как о росте, так и о цвете волос. Очевидно, бумаги заполняли разные люди, со своими субъективными взглядами. Но брюнет и блондин – это уж

слишком. Вряд ли Василий Алексеевич красил волосы, на всех фотографиях они имеют темный цвет.

В книге Д. П. Маковицкого дано такое описание адвоката: *«Маклаков, высокого роста, простого поведения, просто одетый, очень живо и интересно рассказывающий, около 40 лет. Вел себя по-домашнему, со всеми, как близкий друг»*.

Василию Алексеевичу не было чуждо чувство юмора. В 1917 г. в газете “День” было напечатано сообщение, в котором говорилось о внесении в думе на голосование предложения об исключении его *«на одно заседание за произнесение бранных слов»*. А дальше последовало: *«На трибуну подымается В. А. Маклаков, который ограничивается одной фразой. – Я покорнейше прошу голосовать за мое исключение. (Общий смех). Предложение об исключении В. А. Маклакова принимается»*¹⁴⁹.

Теперь о талантах. В переписке Толстых говорилось, как Лев Николаевич *«вечером играл в четыре руки с Васей Маклаковым вторую симфонию Гайдна»*. В другом письме сообщалось об игре Василия Алексеевича в шахматы. Напомним и об увлечении охотой. Все эти факты говорят о том, каким разносторонним человеком был Василий Алексеевич.

Один из современников, знакомый с адвокатом, В. Ледницкий, так вспоминал о нем:

*«Я восхищался его русской, слегка картавой, речью, его манерой держать себя, его свободными, быстрыми и однако же мягкими движениями, его черными глазами с их блеском и внимательным, испытывающим и вместе с тем всегда дружественным взглядом (В. А., слушая, точно ждал приятных, интересных сообщений, а когда говорил сам, постоянно следил за собеседником, как бы ожидая его согласия, ничуть, однако, не навязывая ему своих суждений и оценок). Нравились мне его усы, прикрывавшие слегка его губы, что придавало какой-то особый ласковый оттенок его улыбке – а улыбка вообще часто виднелась на его лице, светилась она особенно в этих его черных внимательных глазах. [...] Дело было в том, что В. А., одевавшийся всегда (и до конца жизни) просто, без всяких претензий на элегантность или на особый лад, в одном, однако, придерживался определенного стиля – стиля русского. К этому стилю принадлежала вот эта самая пресловутая шапочка. Это была круглая, довольно высокая, без козырька, шапка с двойным околышком, которую В. А. обычно быстро, nonшалантно [т.е. небрежно], кое-как сажал себе почти на затылок. Эта шапка была всегда на нем, и летом и зимой. Вместе с черной бородкой, которую он тогда носил, она придавала ему какой-то особенно русский вид – он напоминал своей наружностью русских людей XVI или XVII века»*¹⁵⁰.

А вот как высказывался другой современник Г. Адамович, также знавший адвоката: *«Маклаков был человеком прежде всего, и только затем политиком и адвокатом. [...] Василий Алексеевич был неотразимо очаровательным человеком и весь был полон противоречий. [...] Ум, проницательность, красноречие, великодушие, благородство, да, все это вместе, но не какая-либо одна черта в отдельности. Оттого к нему и тянуло людей, оттого его и любили, а не только “ценили”. От него веяло человечностью, которой ничто не было чуждо»*¹⁵¹. Говорят, он пользовался успехом у женщин.

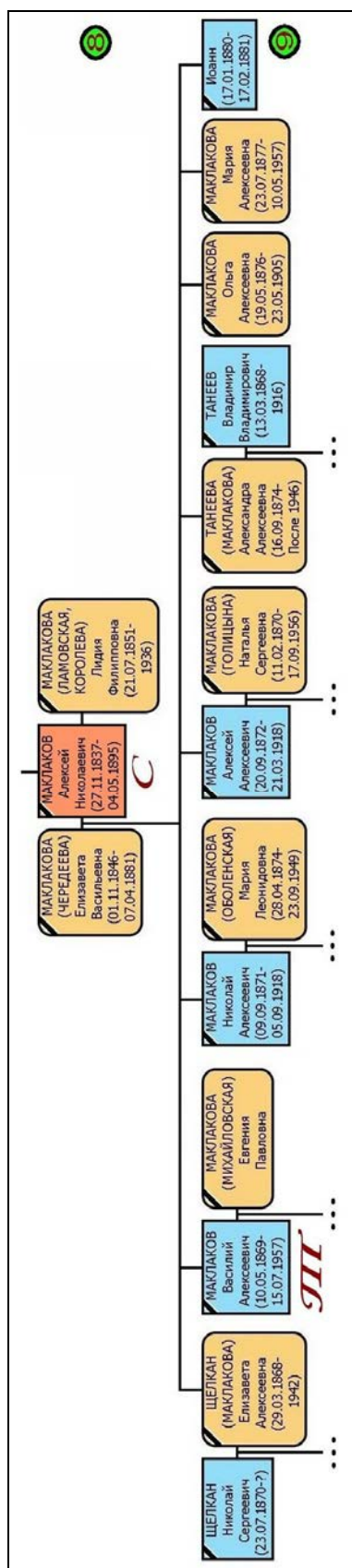
Тот же Адамович писал: *«Маклаков был человеком внутренне скромным, вполне свободным от всякой заносчивости или чванливости, но цену своим дарованиям он, конечно, знал. [...] В беседах с ближайшими друзьями Маклаков, — если порой заходила речь о его будущей биографии, — неизменно и настойчиво говорил: – Пожалуйста пусть только ничего не пишут о моей деятельности здесь, в эмиграции!»*. Он также *«наотрез отказывался широко отмечать свои юбилеи»*.

Вот еще интересное наблюдение того же автора касательно религиозности: *«Маклаков не был человеком верующим в обычном смысле этого слова, и во всяком случае сред и пятниц не соблюдал, а в церковь ходил только по необходимости, для панихид или молебнов. Но по-видимому с евангельской моралью были у него какие-то смутные, тайные счеты, была к ней тяга, вместо распространенного среди большинства общественных деятелей, будь то политики или юристы, безразличья к ней»*¹⁵². В связи с этим напомним, что последней книгой, к которой Василий Алексеевич обратился перед тем, как уйти из жизни, было Евангелие.

На этом рассказ о последнем дергайковском помещике завершен. Потомства В. А. Маклаков не оставил (по крайней мере, законнорожденного).

Глава 6. Братья и сестры Маклаковы

Изо 6–01. Древо: дети
А. Н. Маклакова.

Переходим теперь к братьям и сестрам Маклаковым. Напомним, что в семье офтальмолога Алексея Николаевича Маклакова родилось восемь детей: Елизавета, Василий, Николай, Алексей, Александра, Ольга, Мария, Иоанн (Иван).

До взрослых лет дожили семеро, рано умер последний родившийся мальчик Ваня. В. А. Маклаков вспоминал о нем: «Когда, уже приговоренный врачами, умирал от мозговой болезни наш младший брат, с ним делались судороги, и он тяжело метался. Мать сидела около него с крестом, в который были вделаны мощи, и во время припадков, чтобы их облегчить, осеняла его этим крестом. Она твердо верила, что этот жест ему помогает. А наутро, когда брат, окруженный цветами, уже лежал в своем гробике, она смотрела на него умиленно, но и с убеждением говорила сквозь слезы: “Сейчас он ангелочком летает около Бога. Ведь у него грехов еще не было”»¹. Из взрослых детей раньше всех скончалась Ольга, она прожила всего 29 лет.

Обо всех детях Маклаковых, кроме Василия, о котором подробно рассказывалось ранее, пойдет речь в настоящей главе. Сначала поговорим о братьях, а потом о сестрах в порядке появления их на свет.

Но вначале следует отметить, что все три брата Маклаковы оказались известными в стране личностями. Старший Василий стал адвокатом, потом депутатом Государственной думы. Он был популярным в стране человеком, об этом много уже говорилось. Средний брат Николай служил на высоких государственных должностях, был назначен губернатором, а потом стал министром внутренних дел в правительстве Российской империи. Перед революцией о нем газеты писали даже чаще, чем о старшем Василии. Ну а младший брат Алексей продолжил семейную традицию, стал врачом-офтальмологом, правда, не таким известным и авторитетным, как отец Алексей Николаевич.

Еще хотелось бы сказать, что все братья умели играть на музыкальных инструментах. Ранее рассказывалось, как старший Василий музицировал на фортепиано совместно с Л. Н. Толстым. Николай умел играть на виолончели. А младший Алексей, как и отец, играл на скрипке.

Из семи выживших детей Маклаковых четверо обзавелись своими семьями, имели детей. В их число не включен Василий, который хоть и был женат, но его брак оказался скоротечным и неудачным. Он быстро распался, а единственный ребенок умер. Две младшие сестры, Ольга и Мария, замуж не выходили.

Фотографий Маклаковых сохранилось довольно много в разных архивах и музеях, немало снимков опубликовано в статьях и книгах, есть изображения в интернете. Но среди сотен семейных фотоснимков почему-то не оказалось ни одного, на котором были изображены все братья и сестры Маклаковы. Нет и общей фотографии детей с родителями. Это довольно странно, если учесть, что семья была дружная и фотокарточки в то время уже не были такой уж редкостью. Сохранился фотоснимок, на котором четверо детей из семи выживших.

Изо 6–02. Слева направо: Алексей, Василий, Елизавета и Николай Маклаковы², ок. 1880 (?), фото Сокольникова. Государственный музей А. С. Пушкина, Москва.

Губернатор и министр Николай Алексеевич Маклаков и его семья

Начнем рассказ о родственниках со среднего брата Николая, он есть на приведенной фотографии детей. Обнаружена метрическая запись о его рождении 9 сентября 1871 г. в семье ординатора Алексея Николаевича Маклакова, крещение состоялось спустя пять дней в Спасской церкви при глазной больнице³.

Учеба Николая в гимназии и университете

Николай Алексеевич Маклаков (1871 – † 1918) до поры до времени шел по стопам своего брата Василия, который был на два года старше. Учился в той же Пятой московской гимназии, потом еще один подготовительный год для поступления в Московский университет. Итоговые оценки в аттестате зрелости оказались ниже, чем у старшего брата. В основном это четверки, но было и несколько троек. Можно сказать, что в учебе Николай «звезд с неба не хватал». Но вот к его поведению, в отличие от Василия, у учителей претензий не было, в аттестате отмечено: *«отличное»*.

В июле 1889 г. Николай был зачислен в Московский университет на историко-филологический факультет¹, учеба продолжалась четыре года. В противозаконных студенческих сходках он не участвовал и потому «следов» в истории за этот период времени не оставил. В его дипломе сказано, что в апреле и мае 1893 г. *«подвергался испытанию»* – сдаче выпускных экзаменов. Оценки оказались *«удовлетворительно»* и *«весьма удовлетворительно»*⁴. В итоге был выдан диплом первой степени. Н. А. Маклаков позднее о себе говорил: *«Я по образованию филолог-историк, в области юридических вопросов я всегда чувствовал себя слабым»*⁵.

¹ Напомним, что на том же факультете, но курсом младше учился брат Василий Маклаков.

Изо 6–03. Студент Н. А. Маклаков⁶, ок.1889, фото И. Дьяговченко. ЦГАМ.

Вскоре после окончания университета 30 июня 1893 г. Николай женился на Марии, дочери князя Леонида Дмитриевича Оболенского. О семейной жизни Н. А. Маклакова поговорим позднее, а сейчас остановимся на его службе.

Служба Николая Алексеевича в Москве, Суздале, Владимире

В архивах обнаружены две копии ФС Николая Алексеевича, составленных в разные годы. Помимо этого, в нескольких статьях приведены дополнительные сведения о его службе. По этим данным можно достаточно подробно проследить перемещения по служебной лестнице.

Служащим Н. А. Маклаков стал в феврале 1894 г., начал с небольшой должности в **Москве** в казенной палате: «сверхштатным чиновником особых поручений»⁷. Но уже через месяц был переведен на новое место в финансовом ведомстве: «назначен исправляющим должность Податного Инспектора¹ Суздальского участка Владимирской губернии с содержанием в 1.500 руб. в год».

Сохранились письма, отправленные Николаем из **Суздаля** своей младшей сестре Марии. В 1896 г. писал, что пробыл в Москве почти неделю, но за это время так и не удалось организовать встречу всех родственников Маклаковых. Сожалел, что сорвался летний отдых с семьей: «Нам очень и очень жаль, что наша совместная жизнь в **Дергайково** нам улыбнулась»⁸. Правда, спустя несколько лет семейный отдых в Дергайково все же состо-

ялся, за это он благодарил брата Василия.

Николай Алексеевич хорошо зарекомендовал себя в Суздале: «За время четырехлетней своей службы проявил отличнейшие способности, достойное поощрения трудолюбие и большой служебный такт»⁹. За небольшой срок он успел получить несколько наград: серебряную медаль на Александровской ленте, темно-бронзовую медаль и орден св. Станислава 3-й ст. (1898). Две последние награды были вручены за «особые труды при производстве 1-й всеобщей переписи» населения. Один из знавших Николая Алексеевича отзывался о нем так: «как податной инспектор, он был тактичен и выдержан».

В феврале 1898 г. Н. А. Маклаков «перемещен на таковую же должность во Владимирский участок¹¹ с сохранением получаемого низшаго содержания 1.500 руб.», в декабре был «утвержден в должности Податного Инспектора». В июле следующего года «за отлично усердную службу назначен высший оклад содержания 1.800 руб. в год». Примерно тогда же «за выслугу лет» ему был присвоен чин коллежского асессора.

Николай Алексеевич ценил помощь родственников, как-то написал сестре Марии: «Ваши с Васей отношения ко мне [нрзб] вообще замечательны»¹⁰. Или вот еще: «Милая Маруся. Благодарим тебя душенька, за твое поздравление и за милое отношение к нам; мы всегда о тебе вспоминаем с самым хорошим чувством». Так в жизни сложилось, что Николай, как и его сестры Александра и Ольга, длительное время с семьей жил вне Москвы. Поэтому он часто обращался к родне с различными просьбами (чаще всего о покупках). Как-то просил Марию организовать пересылку мебели во **Владимир**.

ⁱ «На податных инспекторов возлагались следующие обязанности: наблюдение за правильностью торговли; участие в генеральных проверках торговых заведений; определение ценности и доходности имуществ, подлежащих обложению в доход казны; наблюдение за поступлением сборов» (интернет).

ⁱⁱ В некоторых источниках утверждается, что Н. А. Маклаков служил податным инспектором не во Владимире, а в г. Юрьеве Владимирской губернии. Документального подтверждения этому не нашлось.

Служба Николая Алексеевича в Тамбове, Полтаве

В мае 1900 г., согласно формулярному списку, Н. А. Маклаков был назначен «на должность Начальника Отделения Тамбовской Казенной палаты». Это был уже третий город после Москвы. Вскоре был награжден орденом св. Анны 3-й ст. Последовало и повышение оклада до 2.400 руб.¹¹.

В это время Николай активно переписывался с сестрой Марией, проживавшей то в Москве, то в Дергайково. Сразу по приезде в **Тамбов** написал ей, что здесь много дел, а знакомых мало. Просил купить и выслать шитье, помочи, часы, перчатки, а также «*машинку для стрижки волос, стричь будем детей*»¹². В следующем году в одном из писем сообщил: «*Сегодня – эра для Тамбова: поет Шалапин. Сбор такой неслыханный*». И тут же выразил опасение: «*Только бы он не приехал к нам в пьяном виде, как это сделал в Нижнем Новгороде*».

Николай Алексеевич, по-прежнему хорошо характеризовался по службе, «*проявляя энергию и распорядительность*». В 1905 г. последовало награждение орденом св. Станислава 2-й ст. В газете писали: «*На таланты и работоспособность Н. А. Маклакова обратили внимание именно в Тамбове, где он быстро занял выдающееся место в тамошнем высшем и чиновном обществе. В Тамбове определились убеждения Н. А. Маклакова, он правый в лучшем смысле этого слова, правый, не отрицающий естественного поступательного движения народной жизни*»¹³.

Николай Алексеевич стремился к карьерному росту. Это хорошая черта характера, если она подкреплена должными деловыми качествами и достойными нравственными принципами. Н. А. Маклаков чувствовал, что способен на большее. Поэтому попросил знакомую Зинаиду Григорьевну Морозову¹ похлопотать за него перед министром финансов С. Ю. Витте, в чьем ведомстве трудился, о назначении на «*место председателя Казенной палаты*». Морозова, по ее собственному признанию, выполнить просьбу отказалась. Но, несмотря на это, Н. А. Маклаков добился желанной должности, правда, уже в другом губернском городе.

В марте 1906 г. состоялся его перевод на место управляющего Казенной палатой в **Полтаве**. К новой должности он отнесся со всей ответственностью. Обнаружено такое любопытное свидетельство: «*губернатор Н. П. Муратов, вспоминал, как Николай Алексеевич в бытность управляющим казённой палатой мог инкогнито прийти к своему подчинённому с проверкой, предварительно до неузнаваемости загримировавшись и записавшись к нему на приём*»¹⁴.

Три года спустя Полтава привлекла всероссийское внимание, став центром юбилейных торжеств в ходе празднования 200-летия победы в Полтавской битве. Николай Алексеевич был председателем комиссии по украшению города и блестяще справился со своими обязанностями. Это обстоятельство стало решающим при определении его дальнейшей судьбы.

Губернатор Черниговской губернии

В «Петербургской газете» описано, как далее развивались события: «*Полтавский губернатор князь Урусов (ныне сенатор), бывший другом И. А. Столыпина, тогда же обратил внимание председателя совета министров на выдающиеся административные способности Н. А. Маклакова. П. А. Столыпин собрал тщательные справки о Н. А. Маклакове и признал полезным привлечь его на службу по министерству внутренних дел. Из Полтавы будущий министр был переведен в **Чернигов** на пост губернатора, в 1910 году*»¹⁵. На самом деле назначение на должность губернатора состоялось раньше – в июне 1909 г. Примерно в это же время Н. А. Маклаков получил звание «*камергера двора Его Императорского Величества*».

За время пребывания на должности черниговского губернатора Николай Алексеевич добился определенных успехов в борьбе с голодом, «*ликвидировал банду, терроризировавшую население города и окрестностей, много сделал для благоустройства города*»¹⁶.

Но главное испытание было впереди. Н. А. Маклакову довелось организовать торжественную встречу государя Николая II, который в сентябре 1911 г. собирался посетить г. Чернигов, чтобы помолиться у мощей прославленного в его царствование св. Феодосия Угличского.

Маклаков с честью справился с организацией встречи государя. Как написали в «Петербургской газете»: «*Губернатор лично руководил организацией охраны и достиг того, что население легко могло видеть Монарха. После Высочайшего посещения Черниговский губернатор удостоился*

¹ Зинаида Григорьевна (урожд. Зими́на) была замужем за Саввой Тимофеевичем Морозовым, у которого было имение Покровское-Рубцово, находившееся в нескольких верстах от Дергайково.

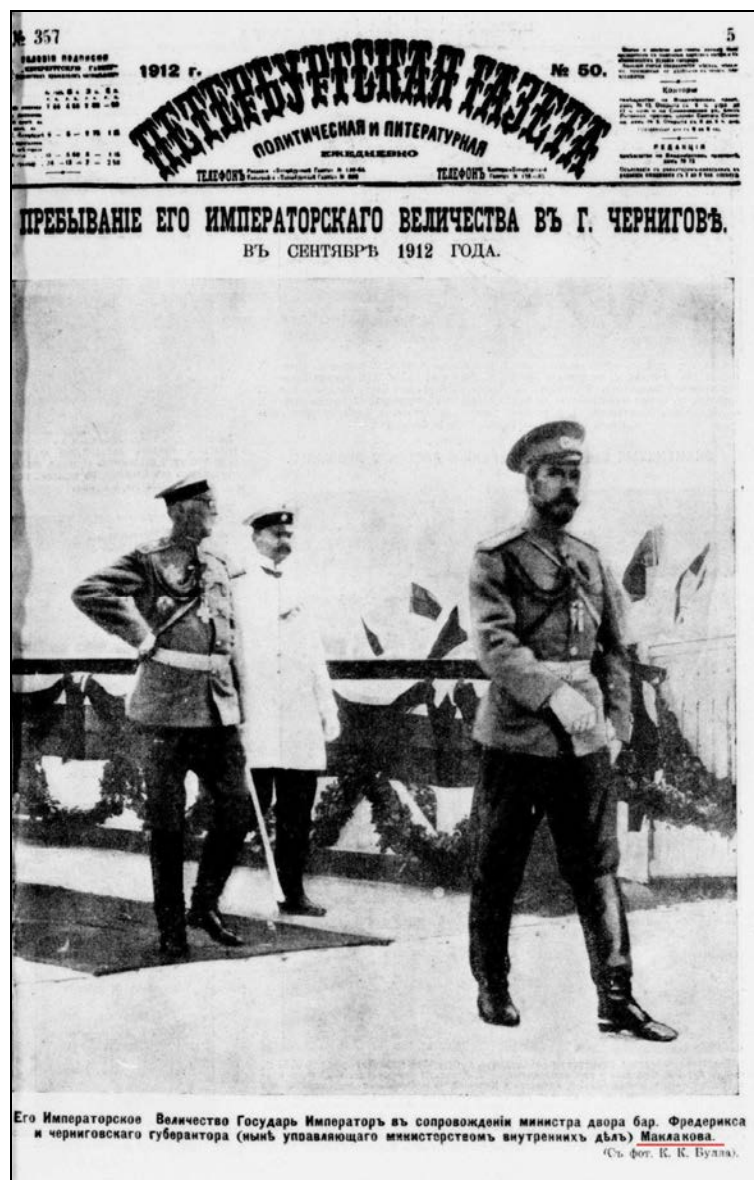
Высочайшей благодарности»¹⁸. В той же газете была напечатана фотография с императором на переднем плане, вдали (в белом мундире) черниговский губернатор.

Государь остался доволен организацией визита, обратил внимание на губернатора. Как потом говорили: «при дворе сейчас любимый губернатор — Маклаков».

Итоги пребывания Николая Алексеевича на посту губернатора в Чернигове оказались неоднозначными. Если верить газетам, многие положительно оценивали его деятельность, отмечали недюжинные административные способности. Но были и недовольные. Их мнение в итоге оказалось решающим, что привело к отстранению от должности. «Как отмечалось в прессе, в губернии Маклаков проявил большую активность в борьбе с казнокрадством и мордобоем, “и не без успеха”. Сообщалось также, что в Черниговской губернии губернатор смог добиться создания предвыборного блока правых, духовенства и националистов, что было трудной задачей. [...] единственной неудачей Маклакова стали его конфликтные отношения с губернским земством»¹⁹.

Причина конфликта состояла в том, что Николай Алексеевич был убежденным монархистом, придерживался правых взглядов, а в черниговском земстве преобладали либералы. Возник острый конфликт. В 1912 г. руководители земства направили в столицу делегацию с обвинением губернатора в оказании давления на избирателей на выборах в IV Государственную думу, требовали его отставки. Дело дошло до того, что забастовку объявили местные предводители дворянства. Учитывая сложившуюся непростую обстановку, император Николай II решил не обострять отношения и освободил Маклакова от должности черниговского губернатора. Но не оставил его в обиде, предложил занять более высокий пост министра. Так что отставку никак нельзя назвать поражением, губернаторство открыло путь в «большую» политику.

Большинство жителей Черниговской губернии были довольны работой Н. А. Маклакова и сожалели о его уходе. Это видно по тем трогательным проводам, которые были организованы при отъезде губернатора из Чернигова. Позднее вышло отдельное издание, посвященное этому событию. В нем отмечалось: «Недолго, всего 3 ½ года, пробыл Николай Алексеевич во главе Черниговской губернии, но и за это короткое время его светлая, богатоодаренная личность так рельефно обрисовалась в сознании населения Черниговской губернии, что различные слои его не могли остаться равнодушными к этой перемене в жизни своего Начальника. Те чувства глубокой симпатии, искреннего уважения и преданности, которые возбудил к себе в сердцах населения Черниговской губернии Н. А. Маклаков своей энергичной и неутомимой деятельностью по восстановлению в губернии мира и тишины и по приведению разных сторон ея жизни в нормальное русло»²⁰. Далее

Изо 6—04. Визит государя Николая II в г. Чернигов¹⁷, 1911, фото К. К. Булла.

о губернаторе говорилось: *«То верхом на коне, то в дорожном экипаже, не взирая на время года, Вы заглядываете в самые отдаленные уголки Черниговской губернии. Своей доступностью и простотой обращения Вы возстанавливаете доверие народа к действительной власти».*

Городская дума приветствовала Н. А. Маклакова *«особым адресом, заключенным в изящный бювар».* В нем были выражены *«чувства глубокой благодарности за неустанные труды по благоустройству Черниговского края и города Чернигова и за его заботы в деле приготовления города к достойной встрече Державнаго Вождя земли русской».* На проводах присутствовали представители различных организаций, учреждений. Дарили на память подарки, в основном иконы. Была депутация от еврейского населения, пришли представители местного детского приюта, общины милосердия, дома трудолюбия. Дворянское собрание устроило свои проводы. Как написано в газете, 21 декабря был устроен *«прощальный раут, на котором присутствовало свыше 300 человек, в том числе представители всех ведомств, учреждений и сословий. Провозглашенный тост за здоровье Государя Императора был покрыт кликами “ура” присутствовавших и гимном, исполненным военным оркестром»*²¹. Тепло прощались с губернатором представители духовенства. *«Глубоко религиозный и искренне верующий», «Ревностный христианин и преданный сын Святой Православной Церкви»* – так отзывались люди о Николае Алексеевиче.

Два дня продолжались в Чернигове проводы губернатора. Как писали: *«Камергер Маклаков объезжал, прощаясь, благотворительныя учреждения. Во всех учреждениях проводы носили самый сердечный характер»*²². Много людей, *«депутаций»* пришло попрощаться с Н. А. Маклаковым на железнодорожный вокзал: *«обычно грязный и неуютный, но в тот вечер совершенно преобразившийся».* По всем этим примерам видно, как многие люди любили своего губернатора, скорбели об его отъезде. В ответ на это *«Растроганный приветствием Николай Алексеевич отвечал тихо, сердечно и как то проникновенно, и каждое его слово было слышно отчетливо: “Я глубоко тронут вниманием и приветствием. Передайте мою сердечную благодарность Владыке”»*²³. Когда поезд с Маклаковым тронулся, раздались крики “Ура”.

Министр внутренних дел

В декабре 1912 г. Николай Алексеевич указом государя был назначен управляющим Министерством внутренних дел Российской империи. Это был очень ответственный пост, сфера деятельности МВД была намного шире, чем сейчас. Помимо традиционных полицейских функций по охране правопорядка и борьбе с преступностью, на министерство было возложено руководство местными органами власти, охрана мест лишения свободы, цензура в средствах массовой информации и книгоиздания, почта и телеграф, статистический комитет и многое другое.

За несколько недель до назначения Маклакова поползли слухи, в газетах приводили сведения о кандидате на должность министра. Писали, что *«Петербург ценит в новом министре внутренних дел его хорошую осведомленность в состоянии внутренней России. Он прекрасно изучил финансовую и экономическую жизнь провинции во время службы по министерству финансов, а административную опытность усовершенствовал во время управления Черниговской губернией»*²⁴. Сообщалось: *«Преобладает мнение, что Маклаков будет продолжать политику Столыпина, при чем первой задачей поставит реформу полиции».*

В одной из газет говорилось, что Маклаков станет *«самым молодым министром в кабинете. Ему недавно исполнилось 40 лет [на самом деле 41], но на вид он кажется еще моложе».* В “Петербургской газете” было напечатано интервью, которое дал брат Василий Алексеевич Маклаков:

«Слухи о назначении черниговскаго губернатора на пост министра внутренних дел по тем данным, которыми я располагаю, далеко не голословны, – сообщил нам московский депутат. – У брата несомненно сейчас есть шансы занять упомянутый пост. В сферах он сумел завоевать симпатии. Брат безусловно других политических взглядов, чем я. Говорить, что таковыя убеждения его были постоянными¹, я не буду. Сообразно духу времени он значительно эволюционировался. Брат мой, о котором идет речь, моложе меня на один год [на самом деле, более чем на два года – Авт.]. По окончании московскаго университета, брат занял место податнаго инспектора, сначала в Суздале, затем в Владимире. Впоследствии, он состоял начальником отделения там-

¹ Это не соответствует тому, что заявлял сам Николай о своих симпатиях в политике: *«Всегда правое. Я, как родился, всегда так смотрю».*

бовской казенной палаты. До назначения на губернаторский пост, брат был помощником управляющего полтавской казенной палаты. Когда он служил в полтавской казенной палате, покойный П. А. Столыпин предложил ему занять пост черниговского губернатора. Брат согласился.

Брат совсем недавно был в Петербурге. Министр внутренних дел А. А. Макаров предложил брату перейти на губернаторский пост в Нижегородскую губернию, освободившийся после избрания тамошнего губернатора г. Хвостова в члены Государственной Думы, но брат не согласился. Отклонив это предложение, брат уехал к себе в Чернигов. Я только что видел сына моего брата – воспитанника училища правоведения, беседовал с ним. Как и я, он ничего пока не слышал о назначении его отца министром внутренних дел. Но повторяю, что ничего невероятного в этом назначении нет. В сферах мне заметили, что я очень похож на моего брата. Но сходство это, может быть, имеется лишь в одном тембре голоса. Что касается деятельности моего брата на губернаторском посту, то вы можете судить о ней по тем протестам, которые были заявлены в думе по поводу черниговских выборов. Сейчас я уезжаю из Петербурга и проверить сегодня же правдивость слухов о новом назначении брата вряд-ли мне удастся»²⁵.

Для самого Николая Алексеевича, по его же словам, назначение на министерский пост было полной неожиданностью. Как он потом объяснял: «никаких намеков на возможность назначения тогда не было. Из некоторых, сказанных потом, в разное время, слов государя, я лично понял, что мысль о назначении возникла у государя во время посещения Чернигова [во время молитвы у раки святого Феодосия], когда я там был губернатором»²⁶.

В обществе ходили разные слухи, почему Николай Алексеевич был выдвинут на должность министра МВД. Большинство газет отмечали его заслуги на посту губернатора, успешную организацию встречи государя в Чернигове. Николай II все это видел, оценил и принял решение о переводе Маклакова в столицу.

Следует сказать, что назначение черниговского губернатора на должность министра происходило непросто, были противники. Некоторые не верили в организаторские способности Николая Алексеевича. Доходило дело до прямого очернения, как теперь говорят – «фейк ньюс». В народе ходил слух о том, как он добился расположения государя Николая II. Говорили, что он изображал перед царской семьей «прыжок влюбленной пантеры». Что «Маклаков попал в министры внутренних дел не вследствие своих государственных способностей, а исключительно благодаря своим лакейским способностям. Он умел царя и наследника занимать своими фокусами»²⁷. Полная чушь. Но кто-то, может, и верил. Не позавидуешь Н. А. Маклакову. Несомненно, он знал о выпадах против него.

По прибытии в **Петербург** новый министр сразу отправился в Царское Село на встречу с государем: «27 декабря Николай II написал в дневнике: “принял Маклакова на полчаса. Превосходное впечатление производит он своим правильным взглядом на вещи, своею честностью и откровенностью”. Для личного дневника Императора это была исключительная по своей развернутости характеристика. Личному благоволению со стороны Николая II не мешало даже негативное отношение Маклакова к Распутину»²⁸.

Для проживания в Петербурге Николаю Алексеевичу отвели квартиру, в которой прежде жил премьер-министр П. А. Столыпин, убитый в 1911 г. Адрес ее: ул. Фонтанка, дом № 16.

Подробный рассказ о деятельности Н. А. Маклакова на посту министра МВД не входит в планы настоящей книги, об этом уже немало написано (например, можно посоветовать почитать книгу историка Ф. А. Гайды – см. библиографию). Стоит лишь отметить, что ему досталось трудное время. Как уже говорилось, Николай Алексеевич твердо придерживался непопулярных в то время правых взглядов, был сторонником сохранения монархии. А в обществе все больше распространялись левые революционные настроения. Много недругов оказалось у нового министра.

По данным, приведенным в ФС, 21 февраля 1913 г. вышел императорский указ об утверждении Н. А. Маклакова министром внутренних дел (до этого он был исполняющим должность). В апреле последовало награждение высоким орденом святой Анны 1-й ст. А в мае был присвоен чин «Гофмейстера управляющего Двора его Величества», который соответствовал третьему классу в Табеле о рангах. В следующем году Николай Алексеевич был награжден иностранным монгольским орденом «Вачира 1-го класса 1-й степени» (за какие заслуги – не сказано).

Николай II ценил преданность и деловые качества нового министра, в близком окружении говорил: «Наконец я нашел человека, который понимает меня и с которым я могу работать». Это

Изо 6–05. Министр Н. А. Маклаков
в мундире камергера²⁹, 1913.

ренных дел и тут потерпел фиаско. Внесенный проект вызвал раздражение думских либералов, записавших Маклакова в реакционеры»³⁰.

Дополнительных врагов Николай Алексеевич нажил, когда раз за разом отвергал представляемые кандидатуры на пост градоначальника Москвы, «не лояльных, по его мнению, государю». Против Маклакова выступили также некоторые министры в правительстве.

Особое внимание Николай Алексеевич уделял законодательской работе, как пишут, он внес на рассмотрение законодательных учреждений свыше 150 законопроектов. Увы, многие из них так и остались проектами. Противодействие реформам, предлагаемым министром, росло. Некоторые требовали отстранения Маклакова и, в конце концов, он подал государю прошение об отставке. Но тот ее не принял, до поры до времени не шел на уступки либералам. Напротив, Николай II старался поддержать министра, в 1915 г. ввел его в состав Государственного совета. Это был пик государственной карьеры Николая Алексеевича. Но недолго он оставался на этой вершине.

Общественная деятельность Николая Алексеевича

Если посмотреть на места службы Н. А. Маклакова, то после Москвы, где он около месяца трудился «сверхштатным чиновником особых поручений», было еще шесть мест службы: Суздаль (1894 – 1898), Владимир (1898 – 1900), Тамбов (1900 – 1906), Полтава (1906 – 1909), Чернигов (1909 – 1912), Петербург (1912 – 1915). Каждое следующее назначение было продвижением по службе. И везде Николай Алексеевич успешно справлялся с возложенными на него обязанностями, при этом не ограничивался лишь служебной деятельностью.

По данным из книг, на Владимирской земле податный инспектор Н. А. Маклаков занимался общественной и научной работой: «В 1898 г. – член комиссии по применению Положения о государственном промысловом налоге. С 1898 г. действительный и пожизненный член Владимирской губернской ученой архивной комиссии [ВУАК]. В 1899 г. во Владимире было издано его историческое исследование: “Из истории Владимирского дворянства”. В 1900 г., в Трудах Владимирской губернской ученой архивной комиссии, была напечатана его статья: “Из истории Суздальского Спасо-Ефимьева монастыря”»³¹. «Как член ВУАК Николай Алексеевич принял участие в праздновании во Владимире в 1899 г. 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина. Он выступил с речью на торжественном акте 26 мая в зале Дворянского собрания, а позже составил описание “Пушкинские дни в г. Владимире”, которое ВУАК издала отдельной брошюрой»³².

Перейдя на работу в Тамбов, Н. А. Маклаков вошел в состав губернской ученой архивной ко-

свидетельствует об остром кадровом голоде на преданных людей в окружении государя, что и стало одной из причин скорого краха империи.

Н. А. Маклаков начал ужесточать контроль за работой своего ведомства. Потребовал от непосредственных подчиненных все важные доклады представлять непосредственно ему. Как написано в статье А. Степанова и Р. Илющенко:

«Маклаков активно включился в работу, проводя линию на укрепление власти, но скоро убедился в несовершенстве законов. В июле 1913 года он внес на утверждение правительства законопроект о печати, предлагая вернуть подобие цензуры, существовавшей до октября 1905-го, [...] Однако такой вариант закона не прошел ни в полевеющей Думе, ни в либеральном по сути правительстве. Первая атака, предпринятая Маклаковым на надвигающуюся революцию, провалилась. Заручившись поддержкой государя, в октябре 1913 года Маклаков предпринял операцию против Думы как рассадника, по его мнению, антигосударственных идей. Он внес проект, ограничивавший участие этого органа в законотворчестве совещательными функциями. Увы. Министр внут-

миссии, участвовал в разработке ее устава. Согласно записи в ФС в 1902 г. он был *«Высочайше утвержден 25 июля 1902 г. в звании Директора Тамбовского губернского попечительного о тюрьмах комитета, с назначением Почетным Попечителем Александровского Нарышкинского приюта для арестантских детей»*³³. В том же документе отмечено: *«обществом изучения Олонечкой губернии 28 апреля 1913 г. избран почетным членом. Утвержден в звании почетного члена Черниговского отделения Красного Креста. [...] Избран почетным членом Тульской губернской ученой архивной комиссии»*. В 1914 г.: *«назначен пожизненным почетным членом Черниговского губернского попечительства детских приютов ведомства учреждений Императрицы Марии»*.

Вот сколько общественных должностей занимал Н. А. Маклаков помимо основного места службы. За свои труды он получил юбилейный знак 50-летия земских учреждений, а также знак Красного Креста.

Отставка Николая Алексеевича с поста министра МВД, жизнь до 1917 г.

Со временем Н. А. Маклакову становилось все труднее исполнять обязанности министра. Неудачи на германском фронте в 1915 г. усилили протестные настроения в России, все больше голосов раздавалось с требованием отставки министра внутренних дел, как в Государственной думе и в столичных кругах, так и в газетных публикациях. Большое давление оказывалось на государя.

Н. А. Маклаков все это видел, понимал. В феврале 1915 г. он отправил Николаю II письмо, в котором изложил свое понимание сложившейся ситуации, и какой видел выход из нее:

*«Тяжко приходилось мне на моем страдном служебном пути, где окружало меня столько недоброжелательства, но неизменно я был окрылен доверием вашим. Теперь богу угодно было лишить меня этой единственной всемогущей силы, без которой нельзя работать так, как повелевает совесть. [...] ваше доверие ко мне теперь подорвано открыто и ясно перед всеми [...] Ваше величество, без доверия царского работать нельзя. Без веры в светлое счастье вашего августейшего сына нельзя жить, да и не за кого умирать. Смирненно склоняю перед вами, государь, свою повинную голову, и прошу вас, не гневайтесь на меня за дерзость этого письма. Простите меня великодушно, дозвоьте обратиться к вам с покорнейшею и горячей просьбой отпустить меня с моего поста. [...] Для вас, государь, буду жить, так как люблю свою родину искренно, и славу ее вижу лишь в вашем счастье и величии. Но, государь, служить, не веря в успех своего дела, человеку, видящему в службе не личное благополучие, а высокий долг перед богом, вами и родной землей, нельзя. Это не отвечает ни моим взглядам, ни моим убеждениям, ни моей совести, которая всегда была чиста перед вами и такой останется»*³⁴.

Николай II на прошение министра об отставке ответил следующим образом: *«Друг мой Николай Алексеевич. Четыре дня я раздумывал о вашей просьбе. Вы поступили честно и благородно, как всегда, но поступили поспешно. Оставайтесь на занимаемом вами месте, на котором вы мне нужны и любы. Дай вам бог здоровья, сил, энергии на дальнейшую службу. Христос воскрес. Ваши доброжелатель Николай»*.

Н. А. Маклаков смиренно принял решение государя и продолжил службу на министерском посту: *«Раз у меня есть доверие вашего величества, сердцу моему нечего смущаться»*. Но это продолжалось недолго, всего несколько месяцев. Давление, критика министра все усиливалась. *«В либеральной прессе начинается травля министра. К дружному хору голосов вдруг подключается тогдашний главнокомандующий великий князь Николай Николаевич – масон и один из участников генеральского заговора»*³⁵. Маклаков подал новое прошение об отставке. Как он потом говорил: *«в течение двух с половиной лет, что я был у власти, я три раза просил государя меня уволить»*.

На этот раз Николай II уступил давлению либералов и отправил в отставку четырех наиболее одиозных для оппозиции министров, в их числе был и Н. А. Маклаков. В статье Степанова и Илющенко говорится: *«О своем непростом решении царь, пытаясь смягчить ситуацию, сообщил Маклакову лично, что не принято было по этикету. А тот от неожиданности... заплакал. Это не были слезы обиды. Позднее он так объяснял свое состояние в письме: “Мне прямо жаль до слез государя, жаль наследника, жаль то историческое сокровище, которое мы расточаем. Придет время – это поймут, но будет поздно...”»*³⁶. Вскоре он получил «медаль за мобилизацию, она была с синенькой ленточкой, государь в конверт сам вложил и написал: “примите от меня”».

Официальная причина ухода с министерского поста, которая была озвучена, указана медицинская: по состоянию ухудшившегося здоровья. В газете “Московские ведомости” был напечатан

указ, подписанный государем 5 июня 1915 г. В нем были такие слова, адресованные министру: *«Многочисленные и сложные вопросы, возникшие в связи с событиями последнего времени, требовали от вас особо напряженных трудов, которые, к сожалению, настолько отозвались на состоянии вашего здоровья, что вынудили вас ходатайствовать об увольнении от должности Министра Внутренних Дел. Снисходя на эту просьбу, Я вместе с тем, считаю справедливым за неутомимое и отменно ревностное исполнение возложенных на вас важных обязанностей изъяснить вам искреннюю Мою признательность. Пребываю к вам неизменно благосклонный. На подписи Собственной Его Императорского Величества рукою написано “и благодарный НИКОЛАЙ”»*³⁷.

Н. А. Маклаков решительно отказался от церемонии проводов в Министерстве и решил лишь сфотографироваться вместе с сотрудниками. На одном из сайтов приведена такая информация: *«После отставки он получил 20 тыс. руб. на устройство квартиры и “оклад содержания, по званию члена Государственного Совета, в размере 18 тыс. руб. в год”»*³⁸.

Газеты по-разному отнеслись к отставке Маклакова. “Московские ведомости” опубликовали статью в поддержку бывшего министра. Но были и противоположные мнения и публикации, таких оказалось большинство. Некоторые считали министра неврастеником. А начальник Петроградского охранного отделения сказал, что *«Маклаков был человек весьма поверхностный, недостаточно вдумчивый, решавший большие государственные вопросы, как говорится, с плеча»*³⁹.

Была и откровенная грязь. В газете “День” говорилось: *«С гадливостью и сожалением выслушала бы Россия Н. А. Маклакова, вымаливающего прощение за преступления свои пред страной, кающегося в великой своей вине. Быть может, она простила бы бывшему министру грехи его, потому что есть обстоятельства, смягчающие вину его: бездарность, ограниченность и мальчишеское легкомыслие его»*⁴⁰. И это напечатано в газете, в которой четыре года назад было столько хвалебных материалов в адрес черниговского губернатора. Тогда многие люди с восторгом отзывались о Н. А. Маклакове, его организаторских способностях. Прошло несколько лет, и о том же человеке написали: *«бездарность, ограниченность»*. Можно ли верить в объективность таких публикаций? Но удивляться этому негативу не приходится, если вспомнить обстановку в стране в то время. Накал страстей, разделение общества по политическим взглядам приближались к пределу, который в итоге обернулся революцией, Гражданской войной и кровавыми репрессиями с обеих сторон.

После Н. А. Маклакова министром внутренних дел был назначен князь Н. Б. Щербатов, он находился на посту недолго. Потом сменилось еще три министра, должность стала проходной. Не находилось кандидатуры, равной Николаю Алексеевичу.

Выйдя в отставку, бывший министр уехал в свое имение **Ярцево** в Дмитровском уезде. При этом не отошел от политической деятельности, до конца дней выступал в защиту монархии. После увольнения Маклаков остался членом Государственного совета при императоре, вошел в состав его финансовой комиссии. В ноябре 1915 г. участвовал в Петроградском совещании монархистов. Николай Алексеевич позднее об этом времени говорил: *«налетом приезжал в Петроград. Я здесь очень мало бывал и обыкновенно получал повестки и приглашения в деревню»*.

В статье Г. З. Иоффе, опубликованной в историческом вестнике, о бывшем министре написано: *«Его авторитет и влияние в них были столь значительны, что ему предлагали возглавить Временный совет монархических съездов, а в случае революционных выступлений – даже диктаторство!»*⁴¹. На это предложение он ответил категорическим отказом. Далее в той же публикации сказано: *«В конце 1916 – начале 1917 гг. у Николая Маклакова появилась новая обязанность: фактически он стал негласным советником Николая II. Он писал длинные письма лично императору, убеждая его не колебаться в проведении твердого правого курса, не допускать никаких разногласий в правительстве»*. Н. А. Маклаков предлагал разогнать Государственную думу, предупреждал о больших бедах, если не принять *«крутые меры»*. Увы, его предсказания сбылись.

Были и личные аудиенции с императором. По воспоминаниям Николая Алексеевича таких встреч после отставки было три. 1 января 1917 г. он был удостоен высокой государственной награды – ордена св. Владимира 2-й ст. Это была последняя награда. Но успел ли он ее получить, учитывая происходившие в стране бурные события, большой вопрос.

Оставались считанные дни самодержавия. *«В начале февраля 1917 года [Маклаков] был вызван в Петроград для составления манифеста о роспуске Думы, рассматривался Николаем II в качестве диктатора с неограниченными полномочиями»*⁴². После начала массовых волнений Ни-

колай Алексеевич настойчиво советовал ввести в Петрограде военное положение. Но правительство под предлогом отсутствия государя в столице не решилось на такую непопулярную меру. *«Поздним вечером 26 февраля, когда в Петрограде уже начался военный мятеж, Маклаков вместе с членами Государственного совета А. Ф. Треповым и А. А. Ширинским-Шихматовым приехал на заседание Совета министров с призывом принять решительные меры против думской агитации. Всё было тщетно»*⁴³. Последний шанс попытаться спасти монархию был упущен.

Арест Николая Алексеевича, содержание под стражей, казнь

27-го (по другим данным, 28-го) февраля 1917 г. бывший министр был арестован. О тех событиях в статье С. В. Фомина написано: *«Нас вели по Шпалерной улице, – рассказывал впоследствии Н. А. Маклаков Н. Д. Тальбергу. – Вокруг рычала озверевшая толпа, посылавшая нам ругательства, иногда ударявшая и подталкивавшая нас при полном равнодушии конвойных. Какой-то детина вскочил ко мне на спину и сдавливал ногами. Моя давно сломанная и постоянно напоминавшая о себе нога сильно болела... Кто-то ударил меня по голове; я упал»*⁴⁴. И далее сказано: *«Согласно официальной информации, ранение Н. А. Маклаков получил в результате "удара одного из солдат в виду оказанного им сопротивления конвоирам на пути следования к Таврическому Дворцу"»*.

Бывший министр был арестован не большевиками (они пришли к власти лишь в октябре), а заговорщиками еще до отречения Николая II. Депутат Государственной думы Василий Алексеевич Маклаков, который был тесно связан с Временным правительством, хлопотал за освобождение своего брата, но безуспешно: *«Его ходатайство перед Керенским закончилось ничем. Последний был непреклонен. Арестованных выпустили лишь в ночь с 30 на 31 марта»*. Приведенные сведения из статьи С. В. Фомина не согласуются с данными из других источников, согласно которым арестованных не освобождали, они находились в заключении в Петропавловской крепости.

Н. А. Маклаков трижды (1 мая, 14 и 21 июня 1917 г.) допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства. Протоколы допросов опубликовала советская власть⁴⁵.

При сборе сведений об аресте, нахождении под стражей Н. А. Маклакова обнаружен любопытный факт. Оказывается, в составе указанной Чрезвычайной комиссии *«в должности редактора»* находился известный революционный поэт **Александр Блок**. Сохранились его письма матери, в одном из которых (15 июня 1917 г.) написано: *«Эти дни у меня было несколько интересных разговоров и интересный допрос Маклакова (и неинтересный – Штюмера)»*⁴⁶.

Н. А. Маклаков оказался одним из немногих арестованных, которые имели мужество на допросах не отречься от своих идеалов. Он прямо заявил следователю: *«Я буду совсем откровенен. Я всегда имел монархический образ мыслей и очень убежденно исповедовал его»*.

В статье Иоффе говорится: *«11 октября, за две недели до большевистского переворота, Маклакова по болезни перевели в частную больницу доктора Консевича [точнее – Коносевича]. Здесь он, считаясь арестованным, тем не менее пользовался почти полной свободой: дал врачам честное слово, что даже уходя в город по своим делам, в обязательном порядке каждый раз будет возвращаться в больницу. И возвращался. Доктор И. Манухин, который лечил бывших царских министров в Петропавловской крепости, в своих воспоминаниях пишет, что он и некоторые другие настойчиво советовали Маклакову уйти из больницы и скрыться. Сделать это было нетрудно. Но Николай Алексеевич дал честное слово и не мог нарушить его»*⁴⁷.

Здесь хотелось бы прервать цитирование статьи, чтобы привести дополнительную информацию. В архиве ГАРФ обнаружены два дела, в которых говорится о болезни, тяжелом состоянии Николая Алексеевича, когда он находился под арестом. Бывший министр содержался в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, его здоровье ухудшалось. В первом деле приведены свидетельства осмотра арестованного Н. А. Маклакова, который проводил доктор И. Манухин, вот выдержки из него:

«На коже головы в области затылочного выступа имеется рубец, приблизительно в 1 сантиметр длиной, оставшийся после ранения, нанесенного прикладом ружья в марте с.г. [...] размеры сердца увеличены [...] печень выступает на 2 пальца из под ребер, [...] болезненна при ощупывании, [...] очень болевые приступы, отдающие в паховую область и в правую ногу, эта боль с каждым месяцем прогрессивно усиливалась и сейчас особенно мучает свидетелеваемого, заставляя его проводить большую часть дня в постеле. Кроме того жалуется на сердцебиения, которые иногда сопровождаются дурнотой, на холодные поты, [...] на шум в голове, на ослабление памяти за

время заключения и на плохой сон. [...] При посещениях я неоднократно наблюдал в последнее время слезы на глазах свидетельствуемого при обычных расспросах о состоянии здоровья»⁴⁸.

Родственники, навещавшие Николая Алексеевича, знали о его недугах. Жена Мария Леонидовна и брат Василий Алексеевич Маклаковы ходатайствовали в Чрезвычайную следственную комиссию об освобождении арестованного, готовы были взять его на поруки. В деле имеется бумага, в которой записано: «выдано настоящее удостоверение Марии Леонидовне Маклаковой в том, что муж ее Николай Алексеевич Маклаков в виду его тяжелой болезни, отдан ей на поручительство в сумме ста тысяч [100.000] рублей и подлежит освобождению под ее расписку». Внизу проставлена дата: «3 ноября 1917 г.».

Однако есть сомнения, что бывший министр был освобожден из заключения. Согласно другому делу ГАРФ еще в октябре 1917 г. он был переведен в находившуюся в Петрограде частную лечебницу А. Г. Коносевиича и содержался там в отдельной палате под стражей. В феврале 1918 г. врач этой клиники сообщил в комиссию, что состояние арестованного ухудшилось «вследствие возрастающей слабости сердца, болей в области почек и позвоночника, и общего упадка сил»⁴⁹. Просил дозволения перевести Маклакова для лечения в другое больничное помещение. Сообщил, что в той палате находятся другие больные, и в ней наличие стражи недопустимо. В бумаге написано: «лечебница принимает на себя полную ответственность за Н. А. Маклакова». Комиссия разрешила перевод арестованного.

Продолжим прерванное цитирование статьи Г. З. Иоффе:

«Летом 1918 г. Маклакова и других арестованных перевели в Москву. Здесь тоже поначалу мало что изменилось. Из новой клиники Маклаков уходил свободно, заверив администрацию, что явится в обещанный им час. И не было случая, чтобы он нарушил данное слово. [...] В августе бывший прокурор Московской судебный палаты Н.Н. Чебышев предупредил Маклакова о том, что он располагает данными о его предстоящем заключении в тюрьму. Покинув больницу, Маклаков все же вскоре вернулся: не хотел подводить медицинский персонал. А предупреждение Чебышева оказалось правильным. 30 августа 1918 г. в Петрограде Ф. Каплан ранила Ленина. В тот же день Л. Канегисер убил председателя Петроградской ЧК М.С. Урицкого. В ответ на это 2 сентября возглавляемый Я.М. Свердловым ВЦИК объявил красный террор. Первыми под него попали заложники – ранее арестованные епископ Ефрем (Кузнецов), протоиерей И.И. Восторгов, бывший директор Департамента полиции С.П. Белецкий и трое бывших царских министров: И.И. Щегловитов, А.Н. Хвостов и Н.А. Маклаков. Их расстреляли на Братском кладбище в Петровском парке. Большевицские газеты писали: “Это только цветочки – ягодки впереди”»⁵⁰.

5 сентября 1918 г. вместе с Н. А. Маклаковым были расстреляны еще около 80 заложников. «Свидетель преступления передавал, что палачи “высказывали глубокое удивление о. Иоанну Восторгову и Николаю Алексеевичу Маклакову, поразивших их своим хладнокровием пред страшною, ожидавшею их участью”»⁵¹. Похоронили расстрелянных на Братском кладбище воинов Первой мировой войны, находившемся неподалеку (в районе нынешнего м. Сокол).

Уже в наше время на этом кладбище была установлена Памятная плита со списком погребенных тел. А к столетию казни в 2018 г. поблизости от Петровского парка, где состоялась казнь заложников, на территории Благовещенской церкви (в районе м. Динамо) был установлен Памятный камень. На обоих памятниках имеется фамилия убиенного министра Маклакова.

Изо 6—06. Памятный камень на территории Благовещенской церкви в Петровском парке Москвы, 2018, фото Г. Н. Лескова.

Каким человеком был Николай Алексеевич

Хотелось бы теперь поговорить о самом Николае Алексеевиче.

Описание его внешности в самых общих чертах приведено в документе врача Манухина, когда тот осматривал арестованного: *«роста выше среднего, правильного телосложения»*. Сохранилось немало фотографий Н. А. Маклакова, некоторые из них приведены в настоящей книге (из 6–02, 6–03, 6–04, 6–05, 6–10). Бросается в глаза характерная деталь, когда стал взрослым – шикарные усы.

Старший брат Василий Маклаков отмечал, что, по мнению некоторых, Николай был похож на него. И сам же прокомментировал: *«сходство это, может быть, имеется лишь в одном тембре голоса»*. И действительно, сравнение фотоснимков показывает, что братья были разными. Сходство, если и было, то не во внешности. Говорили, что Николай *«обладает таким-же блестящим даром слова, как и его старший брат-депутат»*.

Все дети Маклаковы росли вместе, в одной семье. Но как-то так сложилось, что у старшего и среднего брата политические взгляды оказались диаметрально противоположными: *«До сих пор нет внятного объяснения тайны старших братьев Маклаковых. Василий и Николай, которых разделяло всего два с небольшим года, стали полными политическими антагонистами. Василий был активным участником антимонархического заговора – Николай был одним из самых активных защитников монархии. Василий был масоном – Николай боролся с тайными обществами в России. Василий защищал М. Бейлиса на процессе по расследованию ритуального убийства в Киеве мальчика Андрея Ющинского – Николай в это время был министром внутренних дел и пытался добиться справедливости в этом громком деле. Василий высокомерно именовал своего брата “государственным младенцем”. Как могли вырасти в одной семье почти ровесники со столь разными идейными установками, – загадка...»*⁵². К сказанному можно еще добавить, что Василий был активным депутатом Государственной думы, а министр Николай стремился закрыть этот орган власти.

Как видим, причин для личной вражды было предостаточно, особенно в 1910-е годы, когда в стране нарастали революционные настроения, когда братья приобрели значительный вес в обществе и находились, образно говоря, по разные стороны баррикад. Однако кардинальные различия в политических взглядах, похоже, не сказывались на отношениях Василия и Николая. По крайней мере, прямых исторических свидетельств о конфликтах между ними не обнаружено. За одним исключением, но не прямым, а косвенным. Когда Василий Алексеевич умирал, то обратил внимание на Евангелие. Г. Э. Иоффе в своей статье написал: *«Вот книга, которая умиротворяет и примиряет, примирит она, наконец, и братьев Маклаковых...»*. Что хотел этим сказать автор – осталось непонятно. Возможно, он говорил о примирении взглядов. Думается, что до откровенной вражды между братьями дело не дошло. Напомним, что когда Николай был арестован, то Василий обращался к главе новой власти Керенскому с просьбой о его освобождении. Увы, безрезультатно.

Практически все современники отмечали исключительную порядочность, благородство, честность Николая Алексеевича. О нем писали: *«смелый борец, истый рыцарь чести и правды»*. П. Г. Курлов, хорошо знавший Н. А. Маклакова по совместной службе, сказал, что знакомство с ним оставило впечатление как о чистом и прекрасном человеке.

Ранее рассказывалось, что находившегося под арестом бывшего министра отпускали в город под обещание вернуться (тогда такое было возможно). Некоторые *«настойчиво советовали Маклакову уйти из больницы и скрыться»*. Но он всегда вовремя возвращался в свою лечебную палату. Вернулся и тогда, когда получил предупреждение о возможном аресте. Надо знать Николая Алексеевича, его принципы. Он не мог поступить иначе, ибо дал честное слово и не мог нарушить его.

Когда Н. А. Маклаков был уволен с должности министра, газета “Московские ведомости” опубликовала статью в поддержку, в которой отмечены его труды на благо государства:

«Николай Алексеевич Маклаков всегда при всех обстоятельствах был и остается самым собою, человеком с ярко выраженной физиономией, с определенным складом убеждений несокрушимой с гранитной цельности. Он принес с собою в Совет Министров свою горячую молодую веру. Он не жил, он горел; его работа – это было вечное кипение, постоянный порыв. Кто подходил к нему, тот подпадал под обаяние его чарующей искренности. Необычайная смелость, готовность, когда требует дело, идти против течения, неуклонная решимость на подвиг, на самопожертвование – вот что в нем, особенно бросалось в глаза. Но наряду с этим он проявлял удивительную чуткость, редкое умение разбираться в людях и в обстоятельствах, высшую государст-

венную мудрость, руководившую им в его работе. Единственно чего у него не было, но что особенно чтит бюрократический Петроград, – это способности подлаживанья и приспособленья. [...] Честность убеждений, честность чувств, честность действий были его настоящими спутниками. Твердый и смелый борец, истый рыцарь чести и правды – вот что представляет собой Н. А. Маклаков. Нечего говорить, как нуждается в таких людях Россия»⁵³.

Николай Алексеевич был убежденным сторонником монархии, готовым отдать жизнь за царя. Тот же Курлов писал: «истый монархист по убеждениям, искренно и горячо был предан Государю Императору и готов был действительно положить все силы на служение своему Монарху и родине. [...] Близкое знакомство с Н. А. Маклаковым оставило во мне впечатление как о чистом и прекрасном человеке»⁵⁴. Все эти качества Николая Алексеевича видел и ценил государь Николай II. Вот что он написал на прошении министра об отставке: «Вы поступили честно и благородно».

Н. А. Маклаков, как уже говорилось, был «глубоко религиозный и искренне верующий» человек. Это видно и по тем трогательным проводам, которые ему устроили в Чернигове. Сколько икон тогда подарили уезжающему губернатору разные организации, люди – со счета сбиться можно (около десяти, если не больше).

Помимо всех этих качеств, Николай Алексеевич был еще и музыкальным человеком. В Государственном историческом музее сохранилась фотография, где он играет на виолончели⁵⁵.

Отношения с семьей писателя Льва Николаевича Толстого

В предыдущей главе подробно рассказывалось об отношениях Василия Алексеевича Маклакова со знаменитым писателем Львом Николаевичем Толстым и членами его семьи. Сохранились исторические свидетельства (правда, не столь многочисленные), что Н. А. Маклаков также поддерживал отношения с этими людьми. Можно предположить, что старший брат (а может, и отец) ввел его в круг знакомых великого писателя и его семьи.

Самое раннее обнаруженное свидетельство о связи Николая Алексеевича с семейством Толстых относится к 1893 г. В сентябре Софья Андреевна писала мужу Льву Николаевичу: «Сегодня был Коля Маклаков. Такой он миленький, маленький в пиджачке»⁵⁶. Николаю в это время было 22 года, он завершил учебу в университете, но еще не начал служить. И только что женился, его супругой стала Мария Леонидовна Оболенская, внучатая племянница Л. Н. Толстого.

В последующие годы супруги Маклаковы неоднократно навещали семью Льва Николаевича. Об этом свидетельствуют исторические документы – дневники и письма жены писателя Софьи Андреевны Толстой. Имя Николая Алексеевича встречается и в письмах Льва Николаевича (1902, 1904). Н. А. Маклаков как-то писал: «В Ясной [Поляне] провели время очень приятно»⁵⁷.

Родственники по линии жены дворяне Оболенские и Толстые

Поговорим теперь о супруге Николая Алексеевича Маклакова, Марии Леонидовне (урожд. Оболенской). Традиционно начнем с происхождения.

Князья Оболенские

«Щит имеет две части, верхнюю просторную и нижнюю малую, в которой изображены в серебряном поле две птицы, держащие во рту по одной стреле, а в лапах золотые шары. В верхней части, разрезанной перпендикулярною чертою, в правом красном поле ангел в сребротканой одежде, держащий в правой руке серебряный меч, а в левой золотой щит. В левом золотом поле черный одноглавый орел в золотой на голове Короне с простертыми крыльями, имеющий в лапе позолоченный крест. Щит покрыт мантиею и шапкою, принадлежащими Княжескому достоинству»⁵⁸.

Изо 6–07. Герб рода князей Оболенских.

Родителями супруги Марии были представители дворянских родов: князь Леонид Дмитриевич Оболенский и графиня Елизавета Валериановна (урожд. Толстая). Два древнейших и знатнейших рода России. Начнем с предков по мужской линии.

Информацию о роде Оболенских нетрудно найти в интернете и в книгах. Ограничимся краткой справкой. Г. А. Власьев до революции писал:

«Род князей Оболенских представляет одну из самых замечательных отраслей потомства Рюрика. В XV и XVI столетиях ни один род не выставил, сравнительно с ним, столько заметных деятелей, как на административном, так и, в особенности, на военном поприщах. Представители его не в малой мере способствовали Вел. Кн. Василию Васильевичу Темному, победить крамолу Шемяки, и тем спасти для России такую крупную царственную личность, как Иоанн III Васильевич, который, как и сын его В. К. Василий Иоаннович, не мало обязаны были трудам и подвигам князей Оболенских, в окончательном объединении и устройении Московского государства. Точно также и в княжение Иоанна IV Грозного мы видим массу замечательных военных деятелей из рода князей Оболенских, до тех пор пока бич этого Государя не коснулся самых лучших его членов, и не заслуженными гонениями и казнями не уничтожил большинства их»⁵⁹.

Разговор о князе Леониде Дмитриевиче Оболенском и его семье будет продолжен далее.

Графы Толстые

«Щит, разделенный на шесть частей двумя линиями перпендикулярно и одной горизонтально, имеет посередине малый щиток голубого цвета, в котором изображены: золотая сабля и серебряная стрела, продетые остроконечиями крестообразно сквозь кольцо малого золотого ключа и над стрелой с правой стороны видно серебряное крыло распростертое. В первой части в золотом поле половина орла. Во второй части в серебряном поле голубого цвета крест Св. Апостола Андрея. В третьей части в горностаевом поле золотой маршальский жезл перпендикулярно поставленный. В четвертой части в шахматном поле, составленном из серебра и красного цвета, княжеская корона, наложенная на поверхность поставленного столба зеленого цвета. [...]»⁶⁰.

Изо 6–08. Герб рода графов Толстых.

Теперь поговорим о предках Марии Леонидовны по женской линии. Ее мама, Елизавета Валериановна, была из рода графов Толстых.

В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона приведена такая информация: *«Толстые – графский и дворянский род, происходящий, по сказаниям старинных родословцев, от мужа честна Индриса, выехавшего "из немец, из Цесарские земли" в Чернигов, в 1353 г., с двумя сыновьями и дружиною из трех тысяч человек; он крестился, получил имя Леонтия и был родоначальником нескольких дворянских фамилий. Его правнук Андрей Харитонович, переселившийся из Чернигова в Москву и получивший от вел. кн. Василия Темного прозвище Толстого, был родоначальником Т.»⁶¹.* Там же написано, что один из его потомков, Петр Андреевич Толстой, в 1724 г. был указом императора Петра I возведен в графское достоинство. Так все его потомки стали графами.

Бабушка монахиня Мария (Толстая)

Один из праправнуков упомянутого Петра Андреевича, граф Николай Ильич Толстой, был женат на княжне Марии Николаевне (урожд. Волконской), к которой по наследству перешло имение Ясная Поляна в Тульской губернии. В их семье родились четыре сына: Николай, Сергей, Дмитрий и Лев, ставший впоследствии знаменитым писателем, а также дочь Мария (см. древо рода из 6–09). Дочь оказалась полной тезкой своей матери, о ней и пойдет далее речь.

Мария Николаевна Толстая рано осиротела: мать умерла, когда ей едва исполнилось полгода, а отца лишилась в возрасте семи лет. Воспитывалась Маша у тетюшек в православных традициях. Эти тетюшки и посватали Валериана Петровича Толстого, настояли на брачном союзе, дабы, как написано в одной из статей, поскорее сбить с рук молодую воспитанницу, отличавшуюся

строптивным характером. Жених был ее троюродным братом, а по линии матери Марии Федоровны Майковой принадлежал к роду, к которому относился святой Нил Сорский.

После свадьбы Толстые поселились в имении мужа в сд. Покровском Чернского уезда Тульской губернии. В их семье родились два мальчика Петр и Николай и две девочки Варвара и Елизавета. Одна из дочерей, Елизавета Валериановна (будущая теща Николая Алексеевича Маклакова), написала подробные воспоминания о жизни своей матери и близких родственников. Это оказался ценный, интересный источник, он далее будет неоднократно цитироваться.

Жизни Марии Николаевны Толстой посвящено несколько книг и статей. В одной из публикаций сказано: «Мария Николаевна была обаятельной и прекрасной собеседницей, чудно играла на скрипке и фортепьяно»⁶². В сд. Покровское часто приезжал писатель **Иван Сергеевич Тургенев**, его поместье Спасское-Лутовиново находилось неподалеку. У него и хозяйки имения Марии возникла взаимная симпатия. Как писал И. С. Тургенев: «Она мне очень понравилась [...] я едва ли не влюбился»⁶³. По данным «Википедии»: «У Тургенева была легавая собака Булька, которая очень нравилась Толстой, и Иван Сергеевич подарил ей такую же, названную Бубулькой. Иван Сергеевич посвятил Марии Николаевне повесть “Фауст”, где она выведена под именем Верочки». Сохранилось 16 писем писателя к Марии Николаевне и ее мужу, с которым его связывало увлечение охотой.

По сведениям из источников, брак Марии Николаевны оказался неудачным. Муж Валериан Петрович поведением был совсем не похож на своего предка святого, «вел очень безнравственную жизнь и изменял жене, когда только представлялся случай»⁶⁴. М. Н. Толстая, узнав об изменах супруга, не захотела с этим мириться, заявила: «Я не желаю быть старшей султаншей в вашем гареме». Оставив мужа, она забрала с собой трех малых детей (к тому времени первенец Петр уже умер) и поселилась в имении Пирогово Крапивенского уезда, которое досталось ей по наследству.

Через несколько лет у Марии Николаевны возникли проблемы со здоровьем, и она отправилась на лечение за границу. На курорте познакомилась со шведским морским офицером виконтом Гектором де-Кленом. Вместе с ним уехала в Алжир, где провела три счастливых зимы. У них родилась девочка Елена. Это был ребенок, рожденный вне брака. В 1864 г. М. Н. Толстая вернулась в Россию, стала жить в Пирогово. Спустя год умер Валериан Петрович, с которым она так и не развелась. От него осталось имение Покровское, туда Мария Николаевна переехала с детьми.

Прошли годы, в начале 1870-х вышли замуж дочери Елизавета (за Л. Д. Оболенского) и Варвара (за Н. М. Нагорнова). Через несколько лет женился сын Николай, но вскоре заболел тифом и умер.

«После смерти сына Мария Николаевна совсем отошла от светской жизни». Она все чаще стала задумываться о монашеской жизни. Как писала ее дочь Елизавета Валериановна: «Начиная с 1888 г., дорога матери окончательно определилась: она уже совершенно порвала с прежней жизнью. Решившись отдаться духовной жизни, она искала наставника и руководителя»⁶⁵. Мария поехала в Оптину пустынь, где старец Амвросий благословил ее на жительство в Казанской женской общине в Шамордино. Так вдова стала жить в общине, которая позднее стала монастырем. Родные не одобряли ее выбор, но в то же время они не могли не отметить, как Мария Николаевна внешне изменилась в лучшую сторону: стала спокойной, радостной. Уже после смерти старца Амвросия состоялось ее пострижение в монахини, имя было оставлено прежнее – Мария. Она жила в домике, который находился недалеко от Троицкого храма на территории монастыря.

Монахиня вела переписку с родными, ее дети неоднократно приезжали в Шамордино. Посещал обитель и ее брат писатель Лев Николаевич Толстой. Марии разрешалось иногда посещать родных, она с радостью гостила в Ясной Поляне. Е. В. Оболенская вспоминала про отношения матери с братом Львом: «Они всегда любили друг друга, и в молодости она была ближе с ним, чем с дядей Сергеем Николаевичем. За последние же 20–25 лет, когда цель жизни обоих была в приближении к богу, хотя и разными путями, они стали еще нежнее относиться друг к другу, еще больше понимать друг друга. В одном письме к ней Лев Николаевич подписывается: “твой брат и по крови и по духу – не отвергай меня”. И тут же: “Очень люблю тебя”».

Осенью 1910 г. состоялось последнее свидание брата и сестры. К этому времени кризис в семье писателя достиг такой степени, что он не захотел больше оставаться с родными. В ночь на 28 октября Лев Николаевич тайно покинул Ясную Поляну и отправился в Оптину пустынь. Как пишут, он хотел встретиться со старцем, но эта встреча не состоялась, и писатель тогда отправился к сестре в Шамордино, женский монастырь находился неподалеку в 12 верстах. Мария уговорила

брата остаться, чтобы назавтра повидать старцев. Но Лев, опасаясь встречи с родными, рано утром покинул Шамордино, оставив сестре и племяннице такую записку: *«Милые друзья Машенька и Лизанька. Не удивляйтесь и не осудите нас – меня за то, что мы уезжаем, не простившись хорошенько с вами. Не могу выразить вам обоим, особенно тебе, голубушка Машенька, моей благодарности за твою любовь и участие в моем испытании. Я не помню, чтобы, всегда любя тебя, испытывал к тебе такую нежность, какую я чувствовал эти дни и с какой уезжаю»*⁶⁶. Как известно, через несколько дней знаменитый писатель в дороге заболел и вскоре умер, а спустя полтора года умерла и его сестра, монахиня Мария. За день до кончины ее постригли в схиму.

Мать Елизавета Валериановна и отец Леонид Дмитриевич Оболенские

Елизавета Валериановна Толстая была младшей дочерью Марии Николаевны, о которой шел разговор выше. Она оставила воспоминания о своем детстве и взрослой жизни.

Лиза вышла замуж против желания матери. Вот что она написала о своем муже **Леониде Дмитриевиче Оболенском**: он *«привлекал меня своей безыскусственностью, своей простотой и мягкостью в обращении со всеми. Его все любили, а брат мой очень сошелся с ним»*⁶⁷.

Венчание состоялось 18 января 1871 г. в Москве в Успенской церкви на Вражке. В брачных документах указан возраст жениха и невесты: 26 и 19 лет⁶⁸. Написано, что Л. Д. Оболенский имеет дозволение на брак от начальства, служит младшим помощником надзирателя 2 округа Тульского акцизного управления, имеет чин коллежского регистратора.

О супруге удалось собрать такие сведения. Как пишут, в родословном древе Леонид Дмитриевич находился в 30-м поколении от Рюрика. Неоднократно виделся с писателем Л. Н. Толстым и послужил ему первым прототипом Стивы Облонского в романе «Анна Каренина». Согласно справочным изданиям Москвы, Л. Д. Оболенский служил помощником казначея в городской управе (в 1876 и 1883), потом стал казначеем управы (1888)⁶⁹. Как писала жена: *«Жили мы зиму в Москве; лето я проводила с детьми в деревне»*.

Леонид Дмитриевич скончался в возрасте 44 лет. Супруга Елизавета Валериановна о нем вспоминала: *«В 1880 г. у моего мужа появились первые признаки грудной жабы. Доктора послали его за границу; поехал он неохотно, не очень веря в лечение, которое действительно не принесло ему никакой пользы. Припадки все учащались и делались все жесточе. 5 февраля 1888 г. ночью он скончался внезапно в постели после очень незначительного припадка. Вероятно, сердце было уже очень ослаблено»*. Согласно метрической записи, смерть наступила *«От аневризмы»*, похороны состоялись на Ваганьковском кладбище⁷⁰.

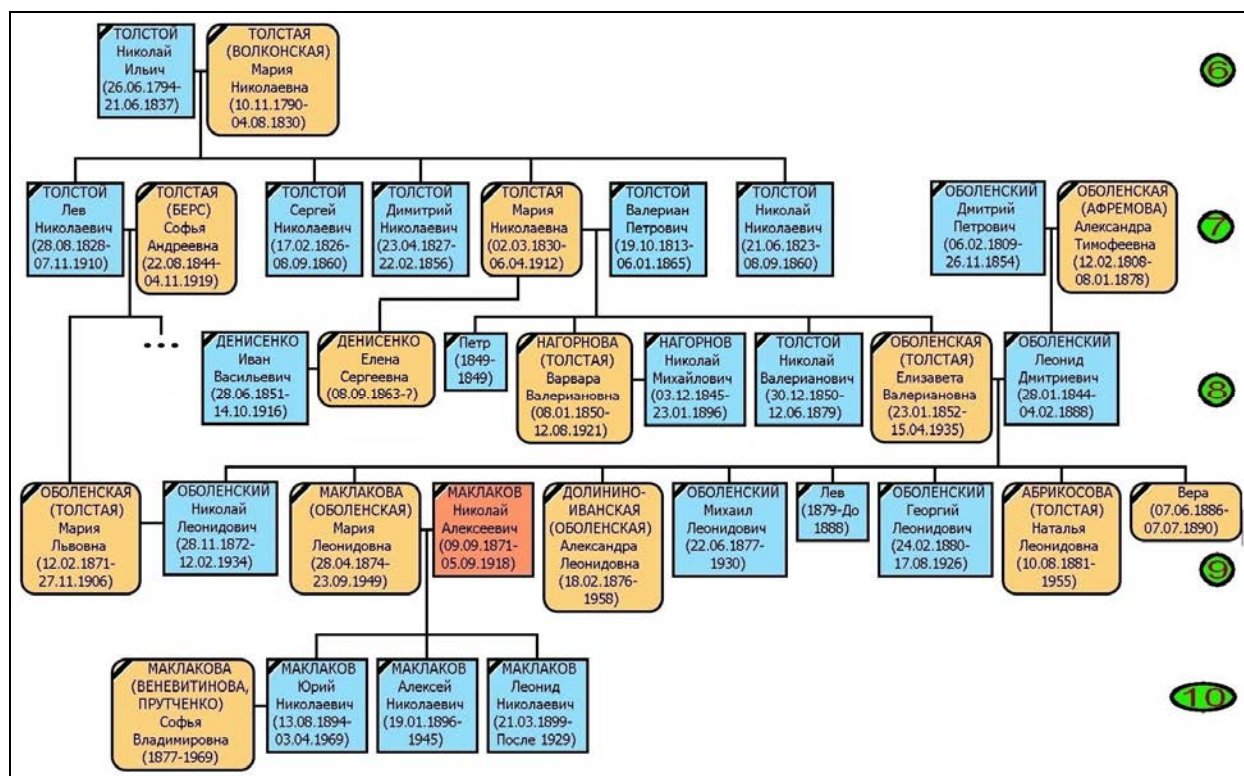
Так Елизавета Валериановна овдовела. Супруг Леонид Дмитриевич не оставил значительного наследства. Вдова обратилась в опекунский совет с просьбой возместить затраты на похороны мужа 200 руб.⁷¹ Но и эту не столь уж значительную сумму она не могла получить более шести лет. Елизавете Валериановне пришлось трудно с оравой маленьких детей от 2 до 14 лет, помочь взялся дядя граф Л. Н. Толстой.

По собранным сведениям, в семье Леонида и Елизаветы Оболенских родилось восемь детей (их имена и даты рождения показаны в древе из 6–09). Двое из них (Лев и Вера) умерли в раннем детстве. *«В письмах Е. В. Оболенской упоминаются и другие ее дочери: Александра Леонидовна (р. 1876 г.), бывшая с 1895 г. замужем за Иваном Михайловичем Долинино-Иванским, и Наталья Леонидовна (р. 1881 г.), замужем с 1905 г. за Хрисанфом Николаевичем Абрикосовым»*⁷². Стоит также отметить сына Николая Леонидовича Оболенского, который был женат на Марии Львовне Толстой, дочери писателя. Через этот брак роды Оболенских и Толстых породнились еще раз.

Мария Леонидовна, супруга Николая Алексеевича Маклакова

Теперь перейдем к **Марии Леонидовне Оболенской** (1874 – † 1949), старшей дочери Елизаветы Валериановны Оболенской и жене Николая Алексеевича Маклакова.

Маша родилась 28 апреля 1874 г.⁷³ Имя Мария оказалось популярным в роду: так звали бабушку (Мария Николаевна Толстая) и прабабушку (Мария Николаевна Толстая, урожд. Волконская). Как написано в пояснениях к переписке: *«М. Л. Маклакова была старшей и, повидимому, любимой дочерью Е. В. Оболенской, о чем свидетельствует большое количество (335) сохранившихся писем к ней ее матери за 1888–1910 гг., находящихся в Гослитмузее»*⁷⁴. В воспоминаниях Елизаветы Валериановны есть такие слова о Марии: *«Моя старшая 13-летняя девочка, катаясь летом верхом,*

Изо 6—09. Фрагмент родословного дерева Толстых, Оболенских.

упала с лошади и зашибла себе бедренный сустав; ушиб оказался серьезным, ей грозил коксит. Она целый месяц пролежала с вытяжным аппаратом, и ей долгое время запрещено было бегать»⁷⁵.

Весной 1893 г. Мария Леонидовна сдавала экзамены на звание домашней учительницы по математике. Где она получила необходимую подготовку – не сказано. Зато можно достоверно утверждать, что испытания прошла успешно, и 25 мая получила желанное свидетельство⁷⁶. А спустя месяц, 30 июня, Мария Леонидовна вышла замуж за Николая Алексеевича Маклакова⁷⁷.

Осталось тайной, когда и где состоялось знакомство с будущим мужем. Это могло произойти в доме двоюродного дедушки Марии Л. Н. Толстого, где собиралось много молодежи. Оболенские и Маклаковы были дружны с Толстыми, члены семей достаточно часто ходили в гости в московский дом писателя, ездили в имение Ясная Поляна. Там молодые люди и могли познакомиться.

В архиве ГАРФ удалось найти письма Марии, написанные Николаю Маклакову, когда они еще не были обвенчаны. По этим посланиям видно, насколько сильно она полюбила своего будущего супруга. Вот что написала Николаю в 1892 г.: «Чаще повторяйте себе, что на будущую зиму Вы будете моим женихом; на будущую весну Вы будете мой муж. Я буду принадлежать Вам совсем, я буду жить Вашей жизнью, я всегда буду около Вас; буду только думать о том, чтобы дать Вам все счастье, которое от меня зависит. Первый раз пишу так определенно и ясно»⁷⁸. В другой раз написала: «одного и желаю, потерять скорее эту свободу, скорее принадлежать Вам одному». Чувства были взаимные, об этом говорят следующие слова Николая: «Ваша любовь приносит мне громадное счастье [...] а люблю я Вас очень, больше, чем Вы меня любите». В Приложении–5 есть две фотографии молодой семейной пары (изо П5–04, П5–05).

Все говорит о том, что брак состоялся по любви. Возникает естественный вопрос: а зачем молодые люди так долго ждали, если сильно любили друг друга? Достоверного ответа в документах нет, можно лишь строить предположения. Николай был еще студентом и, видимо, хотел завершить учебу в университете, прежде чем обзаводиться своей семьей. Да и Мария готовилась к сдаче экзамена на звание домашней учительницы.

На работу Н. А. Маклаков вышел спустя почти восемь месяцев после свадьбы. Как уже отмечалось, первое место его службы оказалось в Москве. Но спустя уже три недели он получил назначение на «должность податного инспектора Суздальского участка». Так весной 1894 г. молодая семья отправилась в г. Суздаль Владимирской губернии. Здесь родились два сына. К этому времени относятся слова в одном из писем Софьи Андреевны Толстой: «Пришли ко мне обедать

[...] *Маша Маклакова с мужем (такие миленькие, молодые, влюбленные друг в друга и радостные)*»⁷⁹. О любви супругов свидетельствуют письма Марии, которые с теплотой и нежностью она писала Николаю, когда тот по каким-либо причинам находился далеко.

Начиная с 1912 г. в газетах стало упоминаться имя Марии Леонидовны Маклаковой. Ранее рассказывалось, какие трогательные проводы были устроены губернатору Черниговской губернии. В одной из газет было напечатано: *«В приюте ведомства учреждений Императрицы Марии воспитанницы приюта поднесли Н. А. Маклакову и его супруге иконы»*⁸⁰. А в специально изданной книжечке, посвященной проводам губернатора, говорится, что городская дума вынесла *«глубокую благодарность Ея Высочайшему Императорскому Величеству Марии Леонидовне за ее плодотворные труды по развитию в Чернигове благотворительных учреждений»*⁸¹.

В 1914 г., когда началась Первая мировая война, М. Л. Маклакова стала помогать фронту. Уже через несколько месяцев после начала боевых действий в Петрограде было организовано благотворительное общество, во главе которого стала Мария Леонидовна. За ее подписью на имя императрицы была отправлена телеграмма, в которой сообщалось, что при ортопедическом институте открыт лазарет на *«50 офицерских кроватей»*, оборудованный *«за счет добровольных отчислений от жалования чиновников Министерства Внутренних Дел»*.

Вскоре в газете «Московские ведомости» был напечатан текст ответной телеграммы:

*«5 сентября [1914]. Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Феодоровна осчастливила председательницу временного комитета по призрению семей призванных на военную службу служащих в центральных и местных учреждениях Министерства Внутренних Дел супругу министра внутренних дел М. Л. Маклакову нижеследующей телеграммой: Петроград. Министерство Внутренних Дел. Марии Леонидовне Маклаковой. Сердечно обрадована открытием лазарета при ортопедическом институте и благодарна всем участвующим за выраженные Мне чувства. Тронута единодушием, проявленным в Нашем общем святом деле. АЛЕКСАНДРА»*⁸².

Сведения о размерах пожертвований на устройство лазарета приведены в другой газете «Речь». Было напечатано, что самая крупная сумма 5.000 руб. поступила от Л. А. Манташева. Среди множества жертвователей оказалась и фамилия Н. А. Маклакова, он внес 500 руб.⁸³.

Спустя несколько дней в третьей газете сообщалось об освящении помещения, на нижнем этаже которого *«помещается склад и мастерская белья для армии, лично руководимая супругой министра внутренних дел М. Л. Маклаковой; в верхнем этаже расположен лазарет, в котором 20 коек предназначаются для нижних чинов и 5 коек для офицеров»*⁸⁴.

В июне 1915 г. была напечатана такая заметка: *«Высочайшая награда. С соизволения Государя Императора, Ея Императорскому Величеству Государыне Императрице Марии Феодоровне благоугодно было 16 мая сего года Всемилостивейше пожаловать супруге гофмейстера Высочайшаго Двора М. Л. Маклаковой знак отличия Краснаго Креста 1-й степени»*⁸⁵.

В Приложении-5 есть фотография М. Л. Маклаковой этого периода времени (изо П5-09).

В дальнейшем фамилия М. Л. Маклаковой перестала встречаться в газетах. Надо полагать, это связано с тем, что супруг был уволен с должности министра и стал жить в Ярцево. Очевидно, что за ним в подмосковное имение последовала и жена. Как уже говорилось, в самом начале февральской революции 1917 г. Николай Алексеевич Маклаков был арестован. Он находился то в тюрьмах, то в больницах. Мария Леонидовна готова была внести 100.000 руб., чтобы ее больного мужа отпустили на поруки. Но это не помогло, в сентябре 1918 г. бывший министр был расстрелян большевиками. Можно представить, какое горе пережила супруга.

Упоминание о М. Л. Маклаковой было обнаружено в воспоминаниях бывшего тюремного инспектора Краинского, с которым она была знакома по Чернигову. В книге описаны события, происходившие в болгарской Варне в 1919–1920 гг.:

«В одно из первых наших посещений церкви я обратил внимание на сестру милосердия, стоявшую в глубине храма, в темном углу перед иконой Божьей Матери. [...] Я тотчас узнал Марию Леонидовну Маклакову, жену бывшего черниговского губернатора, а затем министра внутренних дел, Николая Алексеевича Маклакова, расстрелянного большевиками в Москве 20 октября 1917 года [на самом деле 5 сентября 1918 г. – Авт.]. Когда я целовал руку Марии Леонидовне, я уже чувствовал, что она рыдала. Мы виделись последний раз в С.-Петербурге в конце 1916 года. Николай Алексеевич был тогда уже не у дела. Мы много беседовали в тот вечер о надвигающейся револю-

ции, и бывший министр с удивительной определенностью предсказал все то, что случилось в 1917 году. Мария Леонидовна не могла говорить. Она спросила меня только о моей дочери, а я в свою очередь спросил, где ее сыновья. Они были в Добровольческой армии и, по-видимому, находились теперь в плену у поляков с отрядом генерала Бредова. Мария Леонидовна просила меня зайти к ней в Никольскую общину при Державной болгарской больнице, где она состояла сестрой милосердия. С терпением, свойственным только женщине, Маклакова героически переносила выпавшие на ее долю страдания. Она лишилась после расстрела мужа всего. О сыновьях она уже давно не имела никаких сведений и не знает, живы ли они»⁸⁶.

О дальнейшей судьбе жены бывшего министра достоверных сведений нет. В нескольких источниках указана дата кончины 23 сентября 1949 г. А вот где она умерла? На сайте “Хронос” написано, что в Бельгии⁸⁷ (источник информации не указан). Если это так, то она непременно должна была встретиться с сыном Юрием, который также эмигрировал (о нем еще поговорим).

Недвижимость Николая Алексеевича и Марии Леонидовны Маклаковых

В различных документах упоминаются два имения Маклаковых. Это сд. Ярцево в Дмитровском уезде Московской губернии и сд. Покровское в Чернском уезде Тульской губернии. Первое было владением Николая Алексеевича, а второе – его жены Марии Леонидовны. Возможно, было и третье имение. В энциклопедии “Истринская земля” утверждается, что в 1906 г. Н. А. Маклакову принадлежали 42 дес. земли при сд. **Леоново**⁸⁸, находившемся рядом с сд. Дергайково Звенигородского уезда. Так ли было на самом деле – сказать трудно, т.к. в других источниках эта информация подтверждения не нашла. Возможно, это была доля Николая Алексеевича в коллективном владении Маклаковых до разделения наследства. А потом он от этой доли отказался и передал (продал?) ее родственникам. Подчеркнем – это всего лишь версия.

Поговорим теперь подробнее об имении Н. А. Маклакова, которое ему точно принадлежало.

В четвертой главе рассказывалось о том, что сд. **Ярцево**, находившееся в приходе Покровской церкви с. Храброво, в середине XIX в. принадлежало Павлу Федоровичу Степанову, прадедушке Николая Алексеевича. После смерти помещика оно оказалось у его дочери Александры. Далее имение перешло дочери Александры Павловны, Елизавете Васильевне, которая вышла замуж за врача Алексея Николаевича Маклакова. Судя по письмам, семья Маклаковых выезжала на летний отдых в имение Ярцево. Наверняка у Николая сохранились воспоминания детства об этих поездках.

Каков был размер земельного владения? В книге В. С. Кусова приводятся сведения об имении Ярцево по состоянию на 1770 г. Оно, помимо самого сельца, включало дер. Хилева⁸⁹. Указаны размер земли 206 дес. и число крепостных душ. В первом селении было 26 крестьян, а во втором – 11.

В архиве ЦГАМ обнаружено дело о выделении ярцевским крестьянам земельного надела в рамках реформы 1861 г. К тому времени в имении насчитывалось 49 ревизских душ, им предполагалось отвести 171,5 дес. земли⁹⁰. В архивных делах 1880-х гг. приведены сведения о размере имения Ярцево – 226 дес. Оно в то время принадлежало врачу Алексею Николаевичу Маклакову. В другом источнике указан размер 228 дес., приведена оценка доходности имения – 277 руб.⁹¹.

После смерти родителей Маклаковых почти все владения достались их детям, за исключением части благоприобретенной недвижимости, отошедшей мачехе Лидии Филипповне. В архиве ОПИ ГИМ хранятся письма Николая, отправленные брату Василию. В одном из посланий написано, что посещал Ярцево в 1896 г. (тогда еще служил в Суздале). В письмах начала 1900-х гг. приведены различные оценки стоимости имения: от 12.000 до 16.000 руб. Николай писал, что «если бы удалось продать **Ярцево** за 20.000 р., то наши доли сравнялись бы». Но продажа не состоялась, и через некоторое время имение Ярцево оказалось у Николая Алексеевича.

После отставки с поста министра в 1915 г. он, как уже говорилось, уехал в свое подмосковное имение. Там жил два года, занимался сельским хозяйством. Как сам говорил: «ушел в деревню, в навоз, в семена, в коров». После революции имение советской властью было отобрано не сразу. Это следует из информации, приведенной в энциклопедии “Истринская земля”, в которой сказано, что летом в 1918 г. в Ярцево жила Елизавета Валериановна Оболенская, мать Марии.

Теперь хотелось бы поговорить об имении Марии Леонидовны Маклаковой. Ей досталось от матери сд. **Покровское** в Чернском уезде Тульской губернии, которое находилось в 80 (по другим данным, в 89) верстах от Ясной Поляны. В нем было 230 дес. земли. На сайте музея писателя Л. Н. Толстого приведена такая информация: «Покровское, расположенное на левом берегу речки Сне-

жедь, в 10 км к западу от Черни, было одним из родовых имений разветвленного рода Толстых и в конце XVIII века принадлежало двоюродному дяде писателя П. И. Толстому. За его сына Валериана Петровича в 1847 году вышла замуж сестра писателя Мария Николаевна Толстая. С этого времени возникает тесная связь самого писателя и его семьи с Покровским. Лев Николаевич много раз посещал Покровское, оставался здесь на несколько дней, работая над своими произведениями. [...] Впоследствии в Покровском жила дочь Марии Николаевны Елизавета Валерьяновна Оболенская. Некоторое время провела в Покровском и дочь писателя Мария Львовна, вышедшая замуж за сына Е. В. Оболенской Николая Леонидовича»⁹².

В архивном деле ГАРФ хранятся письма Марии Леонидовны, отправленные супругу из Покровского в конце 1890-х гг., когда она выезжала с детьми на летний отдых в свое имение. В письмах супруга Николая Алексеевича также неоднократно упоминалось Покровское. Так, например, одно из его писем в 1905 г. было отправлено из этого имения.

О судьбе бывшего владения Маклаковых приведена информация на том же сайте музея: «От большого имения до сегодняшних дней в усадьбе Покровское сохранился лишь небольшой дом, в котором жила Мария Николаевна Толстая. После революции в доме размещался клуб, а затем Покровская школа. В 1960-е годы здание было выкуплено одним из жителей Покровского, а в 2001 году приобретено музеем-усадьбой «Ясная Поляна»».

Дети Николая Алексеевича и Марии Леонидовны Маклаковых

Поговорим теперь о детях. Обнаружены копии метрических записей о рождении трех сыновей в семье Николая Алексеевича и Марии Леонидовны – Юрия, Алексея и Леонида¹ (см. древо из 6–09).

Сохранились групповые фотографии Маклаковых, на двух из них семья в полном составе. На снимок, хранящийся в музее Л. Н. Толстого в Ясной Поляне⁹³, разрешение на публикацию получить не удалось. А вот другой музей такое разрешение дал. На приводимой фотографии пять членов семьи Н. А. Маклакова и еще одна женщина (стоит слева). В подписи к снимку она названа «гувернанткой». Думается, это ошибка. Женщина с черным галстуком похожа на женщину на фотографии из 6–36, где показана Мария Маклакова, родная сестра Николая. Это она и есть.

Вскоре после прибытия в г. Суздаль в семье Маклаковых родился первенец Юрий (1894), в метрической книге он записан как Георгий. Восприемниками при крещении были дедушка А. Н. Маклаков и бабушка Е. В. Оболенская. Спустя полтора года родился еще один сын Алексей (1896). Его восприемниками записаны дядя Н. Л. Оболенский и тетя Е. А. Маклакова. Ну а третий сын появился на свет во Владимире. Это был Леонид (1899), домашние его звали Додик.

Дети упоминаются в письмах их родителей. Так, в конце 1895 г. Мария Леонидовна писала сестре мужа, Марии Алексеевне: «Юрочка нас очень радует: здоровый, веселый мальчик, начал ходить один»⁹⁵. В

Из 6–10. Н. А. и М. Л. Маклаковы с детьми⁹⁴, нач. 1900-х.
Государственный музей Л. Н. Толстого в Москве.

¹ На генеалогическом сайте geni.com приведены сведения о четвертом сыне Дмитрие без ссылки на источник информации. Достоверность этой информации вызывает большое сомнение, т.к. она не наша подтверждения ни в одном историческом документе.

другом письме Николай Алексеевич сообщал, что ждут второго ребенка: *«Мне более всего хочется возродить маленького Алексея Николаевича и будет так мило, тем более, что папа будет крестить»*. Мечта сбылась наполовину: родился мальчик, его назвали Алешей. А вот его тезка, дедушка Алексей Николаевич, на крестинах не был (восприемником записан дядя).

Когда дети немного подросли, то сами стали писать письма. Вот текст одного из посланий, написанного маленьким Алешей В. А. Маклакову: *«Милый дядя Вася, мы очень благодарим тебя и тётю Марусю за поезд, который вы нам прислали. Он всем очень нравится. Только собака Снежок на него бросается [...] В Полтаве вот уже 4 дня очень сильно морозит [...] Как здоровье тёти Маруси, что делается в Дергайкове? Часто ли ты там бываешь и все ли собаки живы?»*⁹⁶.

Что известно о судьбе братьев Маклаковых? В 1917 г. отец детей сказал следующее: *«Один сын мой пошел туда [на фронт] вольноопределяющимся, другой уходит, третий на войне»*⁹⁷. Как видим, все сыновья Николая Алексеевича служили в русской армии во время Первой мировой войны.

Старшим среди братьев был **Юрий** Николаевич Маклаков. О нем приведены сведения на сайте “Википедии”: *«В Первой мировой войне служил офицером Кабардинского конного полка. В Гражданской войне участвовал в Белом движении в составе Добровольческой армии и ВСЮР [вооруженные силы юга России], воинское звание ротмистр. Переехал во Францию, жил в Париже и Лилле. Преподавал русскую литературу и русский язык в Католическом университете Парижа, при котором вместе с Иваном Пузына основывает Русский институт. Получил звание заслуженного профессора Лилльского католического университета по кафедре русской словесности, где проработал более 30 лет, занимался исследованием творчества Ф.М. Достоевского. В 1927 году под влиянием иеромонаха и сотрудника Нунциатуры Александра Евреинова перешёл в католичество византийского обряда, был одним из организаторов прихода Святой Троицы русских католиков в Париже. Известен, как участник Русского апостолат. Награждён папским орденом Святого Григория Великого. Похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа»*.

Имя Юрия упоминалось в предыдущей главе, когда рассказывалось, как в 1957 г. уходил из жизни его дядя В. А. Маклаков: *«Он умирал. Срочно вызвали племянника Юрия, сына Николая Алексеевича Маклакова, расстрелянного в далеком 1918 г.»*. В интернете обнаружена информация о том, что Юрий Николаевич был женат на Софье Владимировне (урожд. Веневитиновой)⁹⁸. Это был ее второй брак, прежде она была замужем за С. М. Прутченко. Были ли дети в этой семье – сведений нет.

Среднего брата звали **Алексей** Маклаков. На одном из сайтов о нем говорится: *«Алексей Николаевич (19.2.1896 – 1945) воспитанник Училища правоведения (курса не окончил), корнет 17-го драгунского Нижегородского полка, участник Белого движения в составе ВСЮР, пропал без вести»*⁹⁹. Довольно странная запись. Если он пропал без вести во время Гражданской войны, то как тогда быть с указанным в цитате годом смерти 1945?

О младшем брате там же говорится: *«Леонид Николаевич (21.3.1899 – пс [после] 1929) учащийся Александровского лицея, вольноопределяющийся, участник Белого движения в составе ВСЮР и Русской армии барона Врангеля, служил [в] Иностранном легионе в Африке, судьба неизвестна»*.

Как видим, о судьбе двух братьев достоверных сведений нет. Таким образом, вопрос о продолжении рода по ветви Николая Алексеевича Маклакова остался открытым.

Аферист Алексей Александрович Маклаков

На этом рассказ о Н. А. Маклакове и его семье завершен. Но прежде чем идти дальше, хотелось бы сказать об еще одном известном человеке с такими же именем и фамилией – однофамильце Николае Александровиче Маклакове, жившем в то же время. Это был преступник, талантливый проходимец, аферист. Он не был родственником наших Маклаковых (по крайней мере, близкого родства точно не было). Но, пользуясь совпадением фамилии, выдавал себя за члена их семьи и обманным путем выманивал у доверчивых людей деньги. Если кому интересно – в Приложении–4 можно почитать подробнее об этом человеке, его проделках.

Офтальмолог Алексей Алексеевич Маклаков и его семья

Переходим теперь к младшему брату Василия.

Алексей Алексеевич Маклаков (1872 – † 1918) имел такое же имя, как у отца, и пошел по его стопам – стал врачом-офтальмологом. Он также был известным человеком в обществе, хотя о нем говорили и писали меньше, чем о старших братьях Маклаковых. Можно сказать, находился в их тени. Изображение Алеши в юном возрасте есть на приведенной ранее групповой фотографии детей из 6–02.

Учеба Алексея в гимназии и университете

Первые годы жизни проходили также, как у братьев.

Родился Алеша на следующий год после Коли, 20 сентября 1872 г. Крестили его там же – в Спасском храме при глазной больнице¹⁰¹. Образование получал в той же Пятой московской гимназии. Сохранилось письмо Алеши своему отцу, когда он перешел в 4-й класс. Сын писал, что у него оценки 4 и 5, кроме латыни – 3 балла¹⁰². К концу обучения в гимназии стал учиться хуже: по всем предметам одни тройки. Но это не помешало Алексею продолжить учебу. В 1890 г. он подал прошение о зачислении в Московский университет на медицинский факультет, и был принят. Обучение продолжалось пять лет. В его дипломе приведены итоговые баллы по разным предметам от «удовлетворительно» до «*весьма удовлетворительно*». 15 октября 1895 г. Маклаков был «*удостоен степени лекаря с отличием*»¹⁰³.

Изо 6–11. Студент А. А. Маклаков¹⁰⁰, ок. 1890, фото Ф. Опитц. ЦГАМ.

Врачебная деятельность Алексея Алексеевича в Москве и других городах

Когда Алеша заканчивал учебу в университете, умер отец Алексей Николаевич. Осиротевшим детям Маклаковым пришлось освобождать казенное жилье при глазной больнице. Как уже говорилось, старший из братьев Василий Алексеевич снял квартиру в доме Владимирова на Зубовском бульваре. В том же доме, по данным адрес-календаря за 1898 г., проживал и Алексей¹⁰⁴. К тому времени он уже работал врачом, но был еще холост.

Сохранился ФС Алексея Алексеевича, по нему можно проследить трудовую биографию.

В марте 1896 г. он был «*утвержден в должности сверхштатного ординатора при глазной клинике Московского Университета на три года, без содержания*»¹⁰⁵. Слова «сверхштатного» и «без содержания», очевидно, подразумевают, что зарплату не платили. На что тогда жил молодой человек?

Ответ нашелся в переписке с родными. В июне 1895 г. Алексей отправил письмо брату Василию из г. Кудымкар Соликамского уезда Пермской губернии (ныне центр Коми-Пермяцкого округа). Это была командировка на окраину Российской империи: «*Попал я в страшную глушь в типичнейшую провинцию, где [...] становые [приставы] услужливы и поданы [преданы?] до глупости*»¹⁰⁶. И далее писал: «*Народ до крайности грязный и не очень цивилизованный*». Что жалование обещали всего 125 руб. в месяц, но там все дешево, останется 100 руб. Что работы много, больных надо принимать 6 раз в неделю. Сожалел, что вместо целого лета будет только две недели отдыха в Дергайково.

В октябре 1896 г. А. А. Маклаков согласно ФС был «*назначен штатным врачом-консультантом лечебницы имени Князя В. А. Долгорукова при Комитете "Христианская помощь" в Москве Российского Общества Красного Креста*». В мае следующего года его перевели на штатную должность ординатора при глазной больнице. В 1899 г. был определен на сверхштатную должность ассистента при той же больнице, тогда же получил чин коллежского асессора.

Поездка в Пермскую губернию А. А. Маклакова оказалась далеко не единственной. Так, в 1897 г. он писал старшему брату из с. Знаменское Юхновского уезда Смоленской губернии. Подписался заведующим глазным отделением и добавил: «*мой отряд состоящий только из меня одного*». Здесь также было много работы: «*принято более 200 больных и сделано 3 операции*»¹⁰⁷. Писал, что некоторые больные приходили на прием, преодолевая сотню верст и больше.

Очевидно, что в Российской империи остро не хватало врачей, офтальмологов направляли в больницы вглубь страны. Сколько раз, куда и когда ездил Алексей Алексеевич лечить глаза людей – полной картины нет. Некоторые из командировок упомянуты в письмах родным (к сожалению, большая часть посланий не датирована). Так, Алексей писал из **Пятигорска**: *«Красиво очень. Еще не начал прием, т.к. пока не приготовил себе ни лекарств, ни вывески. [...] Квартира у меня чудесная, с двумя очень большими комнатами с балконом [...] вдали хребет с Эльбрусом»*¹⁰⁸.

Несколько писем родным были написаны некоего из **«Посада»**. Что там он делал – в письмах не сказано. Скорее всего, занимался тем же: лечил местных жителей от глазных болезней.

Еще одно письмо отправлено из **Ярославля**. В нем говорилось: *«Нахожусь здесь вот уже почти 3 суток. [...] Прошел по главному отделению [...] страшно разочарован, когда нашел только 13 коечных больных, причем среди них ни одного годного для операции [...] На следующий день [...] принимал больных»*. Этой командировкой А. А. Маклаков остался недоволен: *«Глупо, все-таки что я ездил в Ярославль. Теперь наука из Москвы никуда не уезжать»*.

В 1902 г. Алексей женился. Супругой стала княгиня Наталия¹ Сергеевна Голицына (о ней разговор пойдет позже). Следует сказать, что женой могла оказаться другая девушка. В одном из писем, отправленных сестре Марии в конце 1890-х гг., Алексей написал такие слова: *«Вернулся в Москву и узнал очень неприятную новость, которая страшно поранила. Я узнал, что девушка, которую я в мыслях для себя [считал] возможной женой, вышла 13 мая замуж»*¹⁰⁹. Имя девушки указано не было.

Защита докторской диссертации, профессор университета, награды

Не так давно в ведомственном журнале “Вестник офтальмологии” была опубликована статья А. С. Саркисова, посвященная 150-летию со дня рождения А. А. Маклакова. Когда речь идет о научной деятельности ученых или медиков, то лучше полагаться на мнение специалистов:

*«Формирование А.А. Маклакова как врача-специалиста проходило при непосредственном участии проф. А.А. Крюкова, который в 1895 г. после смерти А.Н. Маклакова [отца Алексея Алексеевича], возглавил глазную клинику. Направляя становление своего ученика, Крюков ходатайствовал о его назначении в 1899 г. сверхштатным ассистентом клиники. Под руководством А.А. Крюкова А.А. Маклаков приступил к работе и в сентябре 1903 г. успешно защитил докторскую диссертацию на тему “Изменения диоптрических элементов глаза при различных степенях аккомодации”. Следует отметить, что актуальность работы была особенно острой и значимой, потому что ученые разных стран выдвигали “диаметрально противоположные” теории и воззрения в отношении сложного механизма аккомодации. Это трудоемкое исследование требовало консультаций специалистов других отраслей науки, и А.А. Маклаков с благодарностью воспринимал рекомендации профессора-математика Б.К. Млодзеевского. Работа получила признание, а одно из положений диссертации, утверждающее зависимость изменений хрусталика в момент аккомодации от его анатомических особенностей, позднее было подтверждено другими исследователями и стало известно в Европе как закон Маклакова»*¹¹⁰.

В архиве ЦГАМ удалось найти дополнительные сведения об успешной защите диссертации. В журнале заседаний медицинского факультета Московского университета отмечено, что на возражения оппонентов диссертант отвечал удовлетворительно. 3 октября 1903 г. состоялось утверждение решения о присуждении степени доктора медицины. И уже 10 декабря того же года молодой ученый был, как написано в ФС, был *«принят в число приват-доцентов Московского Университета по кафедре глазных болезней для преподавания необязательного практического курса Способов исследования глаза и операций на глазу»*. Далее в статье А. С. Саркисова говорится:

«Научные интересы Маклакова отличались широтой, как свидетельствовал один из ближайших его сотрудников В.П. Одинцов, однако прежде всего они были связаны с исследованиями оптических свойств и патологоанатомических изменений органа зрения. Перу А.А. Маклакова принадлежат оригинальные работы по изучению изменений органа зрения при лейкемии, огнестрельных повреждениях орбиты и зрительного нерва, травматического энтофтальма, применения солнечных лучей в офтальмологии. [...] В 1904 г., получив одобрение профессора А.А. Крюкова, А.А. Маклаков обратился к руководству медицинского факультета с просьбой расширить программу, включив в нее

¹ Правила русского языка допускают написание имени Наталья и Наталия. В документах супруги врача преобладает второй вариант.

Изо 6–12. А. А. Маклаков¹¹¹,
1911, фото Шерер, Набгольц.

“Систематический курс болезней наружных частей глаза”».

Так продолжалось несколько лет, авторитет А. А. Маклакова как практикующего ученого-офтальмолога все возрастал. В декабре 1908 г. в Московском университете было объявлено о конкурсе на замещение вакантной кафедры офтальмологии с клиникой. Алексей Алексеевич подал соответствующее заявление. Всего было подано 9 заявлений, среди них от двух профессоров других университетов (один из них, правда, вскоре умер). 10 января 1910 г. специальная комиссия рассмотрела все кандидатуры, их научные труды, и по итогам голосования победителем был объявлен А. А. Маклаков¹¹². Однако министр просвещения с таким решением не согласился, заступился за проигравшего профессора Головина и внес предложение обсудить кандидатуры еще раз. Совет Московского университета на это не пошел, единогласно присоединился к мнению факультета, и Алексей Алексеевич был утвержден на должность экстраординарного профессора.

Это оказался не единственный случай, когда у Маклакова оказались противники, оппоненты. В одном из дел ОПИ ГИМ была вложена газетная вырезка, озаглавленная «Сенсационный документ» (к сожалению, название газеты оказалось отрезано, известен только год публикации – 1915-й). В указанной статье говорится про доктора «М., сверхштатного профессора нашего университета». По контексту понятно, что это А. А. Маклаков. Написано, что он никогда не имел склонности к научной работе, был удален «от Сеченова за неспособность». И что «Все время у него уходит на розыск частной практики: зимой в Москве, летом на Кавказе»¹¹³.

Что на это сказать? Из текста публикации видно, что на медицинском факультете были две конфликтующие между собой группы ученых. Оппонентам Алексея Алексеевича не понравилось, что он был назначен сверхштатным профессором университета. Но насколько объективны приведенные в статье негативные высказывания в его адрес?

Справедливости ради следует сказать, что упомянутая публикация оказалась единственной критикой проф. А. А. Маклакова, других выступлений против него не обнаружено. Напротив, в статье А. С. Саркисова рассказано о достижениях Алексея Алексеевича:

«После утверждения в должности экстраординарного профессора “кафедры офтальмологии с клиникой” А.А. Маклаков приступил к чтению полного курса глазных болезней. Вот как характеризует его качества преподавателя В.П. Одинцов: “Лекции А.А. отличались ясностью и простотой изложения. Не гонясь за широким изложением новейших приобретений офтальмологии, А.А. старался дать слушателям возможно больше практически важного материала, старался научить их правильно подходить к больному, правильно оценивать клинические явления и стать на правильный терапевтический путь. Смотря так на задачи своей педагогической деятельности, А.А. ограничивал изложение только практически важным, и если потому его лекции не отличались блеском и заманчивостью изложения, то зато слушатели уходили с них со знаниями, существенно необходимыми для практического врача”. [...] отношение А.А. к окружающим отличалось большим благородством и гуманностью и привлекало к нему симпатии всех, кто хотя бы ненадолго соприкасался с ним”»¹¹⁴.

В той же публикации говорится об общественной деятельности А.А. Маклакова: «В 1911 г. он был избран председателем Московского общества глазных врачей, редактировал офтальмологический раздел “Ежегодника русской медицинской печати”. Он также возглавлял организационный комитет по проведению в 1913 г. Первого съезда русских глазных врачей и работу по созданию в 1918 г. Высшей медицинской школы в Москве». В 1912 г. он «был командирован с ученой целью за границу, на летнее вакационное [свободное] время».

Труды А. А. Маклакова, как следует из его ФС, неоднократно поощрялись. 1 января 1905 г. он был награжден орденом св. Станислава 3-й ст. Потом были ордена св. Станислава 2-й ст. (1908), св. Анны 2-й ст. (1911), св. Владимира 4-й ст. (1913). Награждение последним орденом сопровождалось словами: «за заслуги по Ведомству Императрицы Марии». Так были отмечены его труды с 1905 г.

«врачем-консультантом по глазным болезням при Московских учебно-воспитательных заведениях Ведомства Императрицы Марии». Одновременно по выслуге лет следовали присвоения очередных классных чинов. В 1911 г. Алексей Алексеевич стал статским советником.

О том, что он добросовестно исполнял обязанности врача, свидетельствует такой эпизод. В 1915 г., когда шла Первая мировая война, комендант одного из госпиталей обвинил *«профессора Маклакова в задержании нижних чинов в госпитале глазной клинике Московского университета без надобностей»*¹¹⁵. Дело в том, что Алексей Алексеевич воспротивился преждевременной выписке из госпиталя больных и раненных воинов, считая их не до конца выздоровевшими. С этим был не согласен комендант. Производилось разбирательство, проверяющие стали на сторону врача.

Кончина Алексея Алексеевича Маклакова

Профессор умер 21 марта 1918 г. в расцвете сил, ему было всего 45 лет. В газете «Речь» было напечатано такое сообщение: *«Внезапно скончался известный профессор окулист А. А. Маклаков. Вчера по дороге домой с лекции профессор почувствовал себя нехорошо и через несколько минут скончался»*¹¹⁶. Писали, что умер от приступа стенокардии. Похороны состоялись на кладбище Скорбященского монастыря (некрополь утрачен).

Напомним, ранее говорилось, что в сентябре того же года был расстрелян Николай Алексеевич Маклаков. Так в течение полугода ушли из жизни два брата Маклаковых, остался только Василий (не считая сестер). Но тот был уже в эмиграции и не присутствовал на похоронах братьев и даже не смог побывать на их могилах.

Отношения с семьей писателя Толстого и композитором Танеевым

Ранее довольно подробно рассказывалось о знакомстве отдельных членов семьи Маклаковых с семейством **Льва Николаевича Толстого**. Не стал исключением и Алексей Алексеевич. Самое раннее упоминание о встрече относится к маю 1894 г., когда Софья Андреевна Толстая писала из Москвы: *«Приходил Алексей Маклаков, завтракал у нас, гулял»*. В августе того же года Лев Николаевич в письме детям, отправленном из Ясной Поляны, между прочим сообщил: *«Живет у нас еще Маклаков, тихо, лечит»*¹¹⁷ (в это время он был еще студентом университета). Имя Алексея Алексеевича неоднократно упоминалось в переписке членов семьи Толстых в течение ряда последующих лет. Сообщалось, как вместе играли в карты («винт») и шахматы (1896, 1897). Или вот еще: *«Алексей Маклаков придет играть со мной со скрипкой»* (1896). В 1903 г. супруга писателя Софья Андреевна Толстая собиралась обратиться к врачу-офтальмологу за помощью: *«Маклакову глаза показать, которые очень воспалились опять»*¹¹⁸. Алексей Алексеевич в письме сестре Марии написал: *«Бросил Посад и хочу приехать в Ясную на денек, посмотреть глаза у Софьи Андреевны»*¹¹⁹.

Сохранился фотоснимок, на котором Алексей с сестрой Марией и другими гостями в Ясной

Изо 6—13. А. А. Маклаков в Ясной Поляне (в центре)¹²⁰, 1900. Государственный музей Л. Н. Толстого.

Поляне у Толстых. В подписи перечислены лица, которые попали в кадр. «Слева направо: Л.Л. Толстой с сыном Львом, Д.Ф. Толстая с детской коляской, С.А. Толстая с внуком Андрюшей, А.А. Маклаков, М.А. Маклакова, О.К. Толстая, А.Л. Толстая. На траве: М.К. Дутерихс, С.Н. Толстая с сыном Мишей, А.Л. Толстой».

У Алексея была сестра Александра, которая вышла замуж за Владимира Танеева. Об этой семье подробный разговор пойдет далее. Сейчас лишь отметим, что дядю супруга звали **Сергей Иванович Танеев**. Это был известный композитор. В феврале 1896 г. он написал в дневнике: «Катался на коньках у Толстых [в Москве]. Были Маклаковы брат и сестра (Ал[ексей] Ал[ексеевич])»¹²¹. Композитор любил играть в шахматы. В своем дневнике неоднократно отмечал, сколько партий сыграл с А. А. Маклаковым, сколько выиграл и проиграл. Как-то написал, что Алексей Алексеевич аккомпанировал ему на скрипке. А в декабре 1900 г. в дневнике была сделана такая запись: «Вечером играли в шахматы в четверную игру у Маклаковых. Перед началом игр я сочинил пьесу D-dur для скрипки по просьбе Алекс. Алексеевича»¹²². С. И. Танеев также обращался к А. А. Маклакову с просьбами о лечении глазных болезней у близких людей.

Из приведенных цитат видно, сколькими разнообразными талантами обладал Алексей Алексеевич: игра в шахматы, на скрипке (напомним, что отец Алексей Николаевич также играл на скрипке). А еще он был (и это главное) хорошим врачом-офтальмологом.

Родственники по линии жены дворяне Голицыны и Обресковы

Поговорим теперь о супруге Алексея Алексеевича Маклакова Наталии Сергеевне (урожд. Голицыной). Начнем, как обычно, с происхождения.

Князя Голицыны

«Щит разделен горизонтально на две равные части. В верхней в красном поле изображен герб Литовский, то есть: скачущий на белой лошади воин с поднятым вверх мечем. В нижней части означены: в правом серебряном поле герб Новгородский, малинового цвета стул, на коем положены крестообразно державный жезл и длинный Крест; над стулом тройной подсвечник с горящими свечами, по сторонам стула два черные Медведя, стоящие на задних лапах, в левом голубом поле серебряный крест, имеющий в середине черного двуглавого Орла. Щит покрыт мантией и шапкою принадлежащими Княжескому достоинству»¹²³.

Изо 6–14. Герб рода князей Голицыных.

Предки Наталии по мужской линии были представителями знатнейшего княжеского рода России Голицыных, крайне многочисленного. В энциклопедии “Брокгауза и Ефрона” о нем написано: «княжеский род, происходящий от в. кн. [Великого князя] литовского Гедимина, сын которого Наримунд, в крещении Глеб († 1348), был князем новгородским, ладожским, ореховецким и пр. Его внук Патрикей Александрович, князь звенигородский (на Волыни), с 1408 г. поступил в литовск. подданство. Внуки последнего носили фамилию кн. Патрикеевых, а один из правнуков, боярин-князь Иван Васильевич Булгак, имел сына Михаила Ивановича, прозванного “Голица” [...], который и был родоначальником фамилии Г. В 5-м поколении от родоначальника род князей Г. разделился на четыре ветви, из которых три существуют донине. Из рода этого было 22 боярина, 3 окольничих, 2 кравчих. По родословию князей Г. (см. “Род князей Голицыных”, соч. кн. Н. Н. Голицына, СПб., 1892, т. I) в 1891 г. было в живых 90 лиц мужского пола, 49 княгинь и 87 княжен Голицыных»¹²⁴.

Дедушка и бабушка Голицыны

Деда Наталии по мужской линии звали **Владимир Сергеевич Голицын**, он относился к 18-му колену рода, считая от литовского князя Гедимина. Это была известная личность, о нем в “Википедии” приведены такие сведения:

«тайный советник, генерал-майор, участник Наполеоновских войн и Кавказских походов; знако-

мый Пушкина и Лермонтова, известный меломан и музыкант. [...] Начал службу в Министерстве коммерции и в 1810 году был пожалован в камер-юнкеры. С началом Отечественной войны поступил корнетом в 3-й Уланский казачий полк; был произведён в поручики. Участвовал в сражениях при Лютцене, Бауцене, Рейхенбахе, Лейпциге; за бой под Мангеймом получил орден Св. Георгия 4-й ст. и произведён в штабс-ротмистры, после чего был переведён в лейб-гвардии Конно-егерский полк. При взятии Парижа Голицын был тяжело ранен пулей в щиколотку правой ноги, и рана эта никогда не закрывалась. 29 января 1817 года Голицын был пожалован флигель-адъютантом императора Александра I, в следующем году произведён в капитаны, [...] в 1843 году произведён в генерал-майоры и назначен командиром центра Кавказской линии [...] В 1849 году князь Голицын вследствие размолвки с М. С. Воронцовым вышел в отставку тайным советником и поселился в Москве в своём доме у Бутырской заставы, в бывшей городской усадьбе Вадковских [...] В Москве он стал почётным и старейшим членом Английского клуба. В 1855 году во время Крымской войны 62-летний князь Голицын опять поступил на военную службу и командовал московским ополчением. Умер Владимир Сергеевич 19 января 1861 года в Москве и был похоронен в родовой усыпальнице на Миусском кладбище».

Владимир Сергеевич был знаком с молодым офицером, поэтом Михаилом Юрьевичем Лермонтовым. Как написано на том же сайте, относился к нему «со вниманием и уважением. Будучи в 1839–1842 годах командующим кавалерией на левом фланге Кавказской линии в отряде П. Х. Граббе, Голицын, высоко оценил участие Лермонтова в осенней экспедиции 1840 года в Малую Чечню, [...] представлял Лермонтова к награждению золотой саблей с надписью “За храбрость”».

Князь Владимир Сергеевич был женат на помещице **Прасковье Николаевне Матюниной**, дочери надворного советника Николая Федоровича Матюнина. Это бабушка Наталии. В семье Голицыных родилось семь детей: Надежда, Сергей, Александр, Владимир, Александра и два Дмитрия, оба умерли в детстве (в приводимом далее древе из 6–20 из детей показан только Сергей).

Дворяне Обресковы

«Щит разделен на четыре части, из коих в первой в красном поле золотой Полумесяц рогами обращенный в левую сторону. Во второй части в голубом поле шестиугольная золотая Звезда. В третьей части в черном поле изображены золотые Ясли. В четвертой части в золотом поле Рука из Облак выходящая с Мечем. Щит увенчан обыкновенным Дворянским Шлемом с Дворянскою на нем Короною и с тремя Страусовыми перьями. Намет на щите голубой и красной, подложенный золотом. Щит держат с правой стороны Воин в латах, имеющий в руке Копье, а с левой Татарин держащий в руке Лук, а за плечами Колчан»¹²⁵.

Изо 6–15. Герб рода дворян Обресковых.

Один из сыновей князя Владимира Сергеевича Сергей Владимирович Голицын женился на **Наталье Николаевне Обресковой**. Это отец и мать Наталии Сергеевны. Наталья Николаевна была дочерью Николая Михайловича Обрескова и Натальи Федоровны (урожд. Ивановой). Это дедушка и бабушка по женской линии.

По данным сайта “Гербовник”: «Род Обресковых происходит от выехавшего в Россию из Польши предка называвшегося Обриски. Потомки сего Обриски, прозванные Обресковы, многие Российскому Престолу служили Наместниками, Стольниками, Воеводами, Стряпчими и в иных знатных чинах, и жалованы были от Государей в 7103/1595 и других годах поместьями, чинами и разными почестями и знаками Монарших милостей. Все сие доказывается копиями с жалованных на поместья Грамот, справками Архива Коллегии иностранных дел, разрядного Архива и родословною Обресковых. [...] старинный дворянский род, прослеживаемый по источникам до XVI века. Род Обресковых внесен в VI часть Дворянских родословных книг Симбирской, Московской, Новгородской и Тульской губерний»¹²⁶.

Дедушка Николай Михайлович Обресков

Николай Михайлович Обресков «прославился» в свое время громким скандалом. Вот как это описано в рассказе Н. А. Волковой:

«Н.М. Обресков родился в Петербурге, его отцом был сенатор Михаил Алексеевич Обресков, а матерью – Екатерина Александровна Талызина, дочь екатерининского вельможи А.Ф. Талызина. После окончания Пажеского корпуса в 1819 году он поступил корнетом в лейб-кирасирский её Величества полк, из которого через два года был переведён в Арзамасский конно-егерский полк. В 1826 году за “постыдный офицерскому званию поступок” – кражу драгоценностей у жены воронежского губернатора Николая Ивановича Кривцова, Елизаветы Фёдоровны, урождённой Вадковской, поручик Николай Михайлович Обресков был судим, лишён дворянского звания и разжалован в рядовые. Н.М. Обресков участвовал в Русско-турецкой войне, за личное мужество на поле боя был награждён Георгиевским крестом – высшей наградой для солдат; в 1833 году получил “высочайшее прощение” и был уволен с чином коллежского регистратора»¹²⁷.

Возлюбленная поэта Михаила Юрьевича Лермонтова – загадочная Н. Ф. И.

Об этом скандале узнал и рассказал уже в советское время известный писатель и литературовед, мастер художественного рассказа Ираклий Луарсабович Андроников, когда пытался разгадать тайну четырех десятков стихов, написанных молодым поэтом **Михаилом Юрьевичем Лермонтовым** и посвященных возлюбленной «Н. Ф. И.». Никто не мог разгадать полное имя этой девушки¹. Удалось это сделать И. Л. Андроникову, когда он в Москве в 1924 г. познакомился с Наталией Сергеевной Маклаковой, к тому времени уже ставшей вдовой. Она-то и рассказала, что под инициалами Н. Ф. И. скрывается имя ее бабушки **Наталии Фёдоровны Ивановой**. По мотивам данной истории, поисков разгадки инициалов, Андроников написал увлекательный рассказ: «Загадка Н.Ф.И. и другие тайны русской литературы».

Этой интересной историей занимаются и современные исследователи. Н. А. Волкова в своем рассказе пишет: «В 1830 году в Москве шестнадцатилетний Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841) познакомился с красавицей Наталией Фёдоровной Ивановой. С 1830 по 1831 год влюблённый поэт посвятил девушке целый цикл стихотворений, скрывая её под инициалами Н.Ф.И. Наталия Фёдоровна отвечала поэту взаимностью, но в первых числах июня 1831 года Михаил Юрьевич узнал, что она его больше не любит. [...] Через несколько лет [точная дата не установлена] неожиданно для всех Наталия Фёдоровна вышла замуж за Николая Михайловича Обрескова».

Изо 6–16. М. Ю. Лермонтов, 1837, автопортрет.

Изо 6–17. Н. Ф. Иванова, 1834, худ. М. А. Кашинцев.

Изо 6–18. Н. М. Обресков, 1833–1835, худ. В. Бинеман.

¹ В 1914 г. издатель В. В. Каллаш высказал предположение, что таинственная Н. Ф. И. – это дочь писателя и переводчика драматических произведений Федора Федоровича Иванова (о нем есть статья в “Википедии”). Но доказательств тогда не нашлось.

И. Л. Андроников задался вопросом: *«Что побудило ее выйти замуж за этого опозоренного человека, для которого навсегда были закрыты все пути служебного и общественного преуспевания? Любовь? Или, может быть, она знала, что Обресков взял на себя чужую вину? Или потому, что он был состоятельным человеком? Этого мы никогда не узнаем»*¹²⁸.

Некоторые исследователи считают, что на выбор Наталии могли повлиять родители. Уж больно молод был Лермонтов. Вот и посоветовали дочери выходить замуж за богатого жениха, пусть и с подмоченной репутацией. На генеалогическом сайте была высказана такая версия: *«А все дело было в том, что в Наталью был влюблен Николай Обресков, человек с запятнанным прошлым, лишенный дворянского звания, но твердо знавший о том чего хочет от жизни. При этом обладал приятной внешностью и большим самомнением. Вероятнее всего, именно его решительность покорила Наталью, и она выбрала его. А юный Лермонтов остался страдать в одиночестве, долгое время не имея сил забыть ее»*¹²⁹.

Как далее развивались события, написано в рассказе Волковой: *«Вскоре после свадьбы Обресковы поселились в Курске, где Николай Михайлович служил в канцелярии курского губернатора, позже они жили в Харькове. В 1846 году Н.М. Обрескову было возвращено право потомственного дворянства, в 1857 году он получил чин надворного советника; незадолго до смерти, наступившей в Боровичах, служил предводителем дворянства Демянского уезда Новгородской губернии»*.

Наталия Федоровна Обрескова (урожд. Иванова) – та самая загадочная «Н. Ф. И.», – умерла в 1875 г., похоронена на Ваганьковском кладбище. Захоронение сохранилось.

Как видим, с именем великого русского поэта оказались связаны два предка Наталии Сергеевны Маклаковой: дедушка по мужской линии, который служил с М. Ю. Лермонтовым, и бабушка по женской линии, в которую поэт был влюблен и посвятил ей свои стихи.

Родители Голицыны

Теперь поговорим об отце Наталии – князе **Сергее Владимировиче Голицыне**. Ковровский краевед Н. В. Фролов о нем написал статью, она опубликована в местной газете и в интернете:

«Мало кто знает, что полтора века назад в пределах нынешнего Вязниковского района жил и творил один из сильнейших шахматистов Москвы и всей России Сергей Владимирович Голицын. А его постоянным партнером был другой мастер старинной игры на черно-белых полях Лев Николаевич Толстой!»

Старший сын героя наполеоновских и кавказских войн князя Владимира Сергеевича Голицына от брака с Прасковьей Николаевной Матюниной князь Сергей появился на свет 8 апреля 1823 года и в детские годы был знаком с А. С. Пушкиным, с которым дружил его отец. Серж Голицын обладал разносторонними способностями, отлично играл в шахматы, играл на фортепиано и скрипке, писал рассказы и стихи. А вот к военной службе душа у него не лежала, и в отличие от отца он карьеры не сделал. Однако во время Крымской войны в 1853 году 30-летний князь добровольцем поступил на военную службу, участвовал в обороне Севастополя в 1854–1855 гг. и зарекомендовал себя храбрым офицером. После заключения мира он был награжден несколькими медалями и чином капитана. В осажденном Севастополе князь близко познакомился с графом Львом Николаевичем Толстым, будущим знаменитым писателем, служившим там подпоручиком артиллерии. Это фронтовое знакомство переросло в многолетнюю дружбу. В перерывах между боями князь и граф продолжали баталии – на шахматной доске. [...] Однажды Толстой, Голицын, Урусов и другие офицеры устроили целый турнир. К игре боевые командиры относились очень серьезно. И когда французы и англичане, осаждавшие Севастополь, начинали обстрел, то шахматисты продолжали обдумывать очередной ход, не обращая внимания на ядра и пули»¹³⁰.

С. В. Голицын обладал писательским талантом. Как написано в той же статье: *«Его исторический роман “Царский изгнанник” неоднократно издавался как в царской России, так и в наши дни. В этом масштабном произведении отражена эпоха Петра Великого и его ближайших преемников»*. Были и другие произведения. Кроме того, князь получил известность и как музыкальный критик. Разносторонний был человек.

Публикация Фролова завершается так: *«В браке с Натальей Николаевной Обресковой князь Сергей Владимирович Голицын прожил всего девять лет. Он скончался 17 февраля 1879 года в Одессе в 55-летнем возрасте. Его молодая жена пережила его на 45 лет и скончалась 22 июля 1924 года в уже советской Москве. У них родилось четверо детей: сын и три дочери»*.

Сын Голицыных Владимир умер в детстве. Дочери Наталия, Кристина (Христина) и Александра дожили до взрослых лет, все вышли замуж. Об одной из них в статье Волковой приведены такие сведения: «*княгиня Александра Сергеевна Голицына (1877–1970), в 1901 году вышла замуж за Сергея Викторовича Спечинского (1877–1963), ротмистра лейб-гвардии Конного полка, который после смерти отца, генерал-майора Виктора Александровича Спечинского (1844–1902), стал одним из владельцев усадьбы Чашниково. [...] Спечинские славились разведением первоклассных лошадей, которых поставляли даже к царскому двору. [...] У Сергея Викторовича Спечинского и его жены Александры Сергеевны было трое сыновей*» (в древе из 6–20 потомки не показаны).

Наталия Сергеевна, супруга Алексея Алексеевича Маклакова

Далее пойдет разговор о Наталии, дочери Сергея Владимировича и Наталии Николаевны Голицыных. **Наталия Сергеевна Голицына** (1870 – † 1956) стала женой Алексея Алексеевича Маклакова.

Знакомство Алексея и Наталии могло состояться у графов Толстых (в который уже раз об этом говорится в настоящей книге). Молодые Маклаковы были частыми гостями в семье писателя. А отец Наталии, Сергей Владимирович Голицын, дружил с Львом Николаевичем еще со времен Крымской войны, много партий они провели вместе за шахматным столом.

Свадьба состоялась 24 апреля 1902 г. Жениху было 29 лет, а невесте исполнилось 32 года. В интернете говорится о трех родившихся в семье Маклаковых детях: Наталии (1904), Елизавете (1907) и Сергее (1913). По записи в метрической книге было установлено имя четвертого ребенка, он появился на свет в 1910 г., его называли Владимиром¹³². О судьбе этого мальчика данных нет, возможно, умер в детстве.

В рассказе И. Л. Андроникова говорится, что после революции Н. С. Маклакова проживала по адресу: Zubovskiy bul., dom № 12, квартира № 1. Вот как состоялось их знакомство: «*Маленький деревянный домик, вход со двора, несколько ступенек и дверь. Я постучал. Открывает дверь женщина: немолодая, совершенно седая, высокая, с несколько преувеличенным выражением собственного достоинства на лице. – Вам кого? – Простите, – говорю, – можно видеть Наталию Сергеевну Маклакову? – Да, это я. А что вам угодно?*»¹³³.

Очень мало Андроников написал о Маклаковой. Понятно, это не было целью его рассказа. Рассказал, как искал машину, чтобы перевезти сундук с домашними вещами Наталии Сергеевны, который хранился у соседей ее сестры Кристины недалеко от с. Перхушково по Белорусской дороге.

Наталия Сергеевна намного пережила супруга Алексея Алексеевича Маклакова, скоропостижно скончавшегося в 1918 г. Она умерла в 1956 г. и была похоронена на Ваганьковском кладбище Москвы. Удалось отыскать ее захоронение. Сейчас там установлена современная могильная плита, на ней перечислены имена и фамилии следующих родственников Наталии Сергеевны: «*Дубровин Алексей Владимирович 1933 – 2003 [внук] / Скаржинский Дмитрий Дмитриевич 1929 – 2008 / Маклаковы / Наталия Алексеевна 1904 – 1996 [дочь] / Наталия Сергеевна 1875 – 1956 / Сергей Алексеевич 1913 – 1935 [сын]*». Видно, что за могилами ухаживают, лежат свежие цветы. Очевидно, это означает, что есть живые потомки.

Дети Алексея Алексеевича и Наталии Сергеевны Маклаковых

Хотелось бы поделиться информацией о детях в семье врача, которую удалось собрать.

О старшей дочери в статье Волковой сказано: «*До революции **Наталия** Алексеевна или Туся, как ее звали в то время родные и знакомые, часто гостила в Чашниково*». На сайте, озаглавленном «Народный архив», приведена такая информация: «*Н.А. Маклакова долгие годы работала в диспетчерской службе перевозки больных Московской скорой помощи, регистратором в одной из*

Изо 6–19. Н. С. Голицына¹³¹, 1892 (?)
Государственный музей
А. С. Пушкина, Москва.

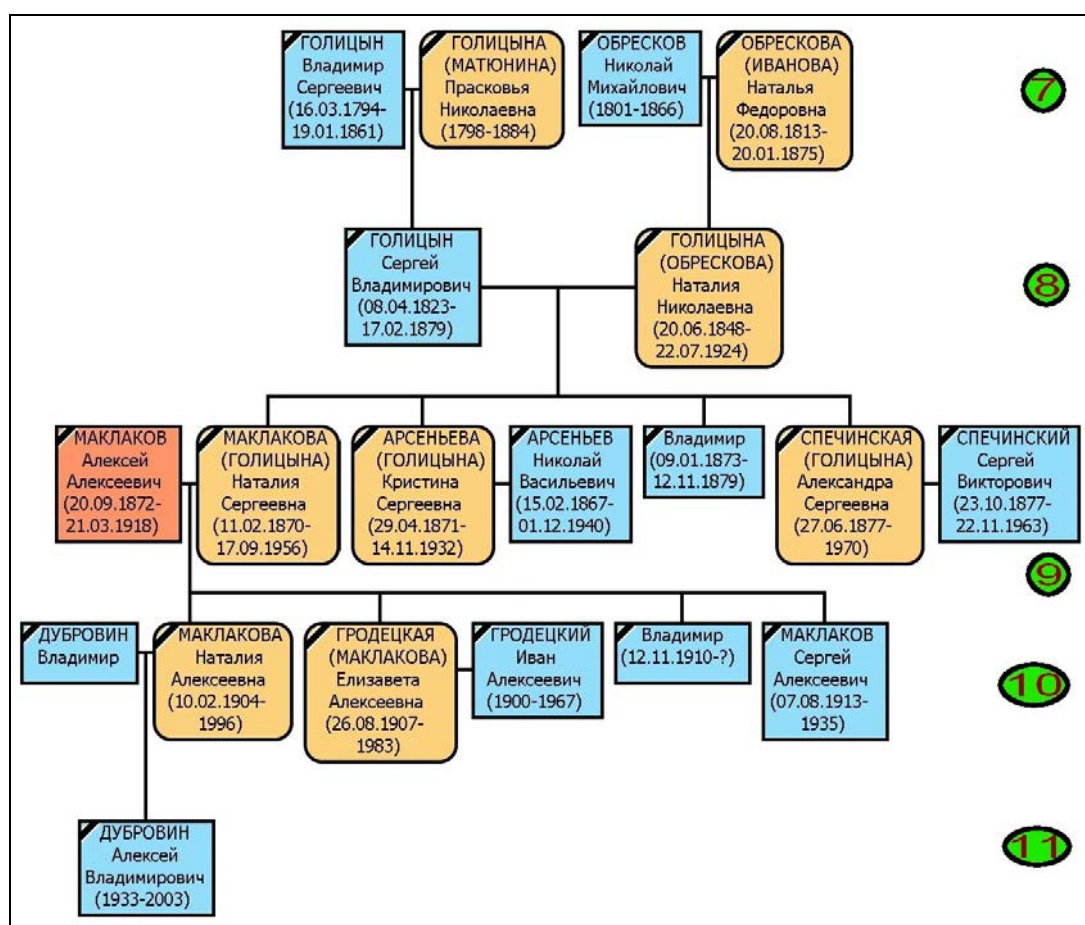
московских поликлиник. Награждена медалями «За оборону Москвы» и «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны»¹³⁴. По данным сайта РФФ Наталия вышла замуж за Владимира Дубровина (фамилию при этом, видимо, не меняла). На Ваганьковском кладбище на могильной плите рядом с именем Наталии Алексеевны выбито: «Дубровин Алексей Владимирович 1933 – 2003». По всей видимости, это ее сын. Были ли другие дети – установить не удалось.

Возможно, Наталия Алексеевна была еще раз замужем. Это следует из слов, приведенных в энциклопедии «Истринская земля»: «Дочь одного из братьев Маклаковых, Наталья Алексеевна Пузыревская, в 1990-е гг. в разговоре с писателем Г. П. Калужным вспоминала, что в 1918 г. летом она жила в имении дяди Николая Алексеевича – Ярцеве с его тещей Елизаветой Валериановной Оболенской»¹³⁵. Сразу скажем, что подтверждение о втором браке пока найти не удалось.

О другой дочери **Елизавете** Алексеевне в генеалогическом справочнике попала такая информация: «Иван Алексеевич Гродецкий («Вангр»). Окончил Поливановскую гимназию, художник, 3-й муж Елизаветы Алексеевны Маклаковой»¹³⁶. Получается, Елизавета трижды была замужем. В московском музее А. С. Пушкина нашлось упоминание о первых двух мужьях: Сорокоумов и С. С. Ланской (в древе они не показаны). Чем Елизавета Алексеевна занималась в жизни – осталось неизвестно. Также нет сведений и о том, были ли у нее дети. Умерла Е. А. Гродецкая (в некоторых документах фамилия написана Городецкая) в 1983 г., похоронена на том же участке Ваганьковского кладбища, где и сестра Наталия. Современный памятник супругам Гродецким установлен рядом с памятником Маклаковым.

О сыне **Сергее** Алексеевиче Маклакове никаких сведений найти не удалось. Его имя выбито на памятнике Маклаковых, указан год смерти 1935. Стало быть, прожил всего 22 года.

Это, что называется, официальные данные о детях, подтвержденные документально. Но есть данные о том, что в семье Маклаковых могло быть больше детей. В 1980-х в Париже вышло многотомное издание генеалога Жака Феррана, в котором приведено много фотографий дворян. В нем оказались две фотографии Наталии Сергеевны со своими детьми. На одном из снимков молодая

Изо 6–20. Фрагмент родословного древа Голицыных, Обресковых.

женщина с маленькой девочкой на руках, подпись такая: «*Маклакова, урожденная Голицына, княжна, Наталья Сергеевна (1875 – 1955) с дочерью Маклаковой Марией Алексеевной*»¹³⁷. Получается, что в семье была еще одна девочка? Но почему о Марии нигде нет сведений? Странно. А может в подписи под снимком допущена ошибка? Этого исключать нельзя.

На другом снимке из того же французского издания людей больше: «*Голицын Лев Сергеевич (1845–1915), князь; Голицына Наталья Сергеевна, в браке Маклакова (1875–1956), Маклаков Дмитрий (1916–1991), Маклакова Наталья Алексеевна (1904–1996), Маклакова Елизавета Алексеевна (1907–1983)*»¹³⁸. В этой подписи оказалось ранее неизвестное имя – **Дмитрий**. С ним удалось разобраться, когда в метрической книге была обнаружена такая запись: «*1905 года Февраля 10-го дня в доме Горожанкина, по Большой Ордынке, к квартире доктора медицины Алексея Алексеевича Маклакова был подкинут младенец мужеска пола с запиской "некрещен". Означенного младенца, названного в Св. Крещении Дмитрием, пожелали взять на воспитание потомственный дворянин доктор медицины Алексей Алексеевич Маклаков и законная жена его Наталия Сергеевна*»¹³⁹. Получается, Дима был не родным ребенком, а как говорят в народе, подкидышем. Кровные родители мальчика остались неизвестны. Упомянутая фотография подтверждает, что семья Маклаковых взяла мальчика на воспитание, на изображении ему лет 5 или 6 примерно. Все сходится, кроме указанной в подписи даты рождения. Год 1916 указан ошибочно, правильно 1905.

Недвижимость Алексея Алексеевича и Наталии Сергеевны Маклаковых

В четвертой главе рассказывалось о наследстве, которое оставил врач А. Н. Маклаков своим детям и второй жене. Судя по всему, самым ценным считалось имение Дергайково. Туда приезжали родственники Маклаковы. Регулярно навещался и Алексей Алексеевич, об этом свидетельствуют его слова в письмах: «*постараюсь прибыть в Дергайково к 1-му августу, с тем чтобы прожить целый месяц. Мы с Васей уже пригласили туда всякого народу, и наше житье будет превеселое*»¹⁴⁰. Сестру Марию как-то попросил: «*Захвати в Дергайково какие-нибудь брюки, живет. [...] Прямо из Москвы хочу проехать к вам на велосипеде*». Увы, год на большинстве посланий не проставлен. Очевидно, что все письма были написаны, когда Алексей еще не женился.

Ранее рассказывалось, как долго наследники Маклаковы делили родительское наследство «по справедливости». Вот что Алексей писал Василию: «*Дергайково не стоит дороже 25 тыс. Затем в моем прошлом письме был приведен расчет наших долей и выходило, что твоя и Марусина доля по 12,5 тыс.руб. А наши по 11,5 тыс.руб. Но если бы Ярцево удалось продать за 20 тыс.руб., то наши доли сравнялись бы. [...] Я стараюсь сделать так [...] что-бы ты взял себе Дергайково, а между нами разошлись бы 2 других имения*»¹⁴¹.

Так в итоге и вышло: Дергайково осталось за старшим из братьев, Василием Алексеевичем. А Алексею, по данным энциклопедии «Истринская земля», досталось находившееся неподалеку имение **Леоново** (215 дес.). Это подтверждает архивное дело 1914 г., в котором А. А. Маклаков указан единственным владельцем имения Спасское, находившегося в одной версте от дер. Леоново¹⁴². К нему были приписаны 10 дворов, в которых проживало 47 человек.

Будем считать, что с недвижимостью А. А. Маклакова более-менее разобрались, хотя некоторые вопросы остались. А было ли свое имение у супруги Наталии Сергеевны? К сожалению, и тут полной ясности нет. С одной стороны, в ФС Алексея Алексеевича Маклакова, составленном в 1914 г., написано, что ни у него, ни у жены родовых или благоприобретенных имений нет. Но это не так. Как только что было установлено, у А. А. Маклакова имелось имение Спасское (Леоново). Почему в ФС об этом не сказано – непонятно. Такая же ситуация и с владением супруги. В письмах Алексея упоминается имение **Якшино** в Подольском уезде. В фондах музея Л. Н. Толстого хранится фотоснимок с подписью: «*Наталья (Алексеевна) Маклакова с няней Елизаветой Ивановной. 1906. Имение Якшино Московской губ.*»¹⁴³. На другом сайте говорится, что в с. Якшино Подольского уезда было «*Земское училище, помещичья усадьба Маклаковой*»¹⁴⁴. Далее приведены сведения о пожаре, случившемся в 1913 г. в подольском имении профессора Маклакова. Получается, что все-таки было свое имение у Наталии Сергеевны? Так или иначе, это владение нравилось Алексею Алексеевичу меньше, об этом свидетельствуют его слова в письме: «*Летом поеду в Спасское. Хотя мне очень хорошо в Якшине, но Спасское лучше, все там знакомо*».

Это еще не все. В другом письме упомянуто «*Астраханское имение Наташи*»¹⁴⁵. С ним была проблема. В письме, отправленном Алексеем в 1908 г., оказались такие слова: «*Астраханское име-*

ние на днях будет объявлено к продаже за неуплату %». И далее написано: «мои денежные дела пришли в такое плачевное состояние», что пришлось просить у брата Василия деньги в долг.

В архивном деле сохранилось прошение, поданное А. А. Маклаковым в 1915 г. В нем он спрашивал разрешение на получение дара своим детям от князя Льва Сергеевича Голицына (того самого, который на общем фотоснимке во французском издании). Дальний родственник¹ хотел подарить земли в имении "Новый свет" в Таврической губернии Феодосийского уезда¹⁴⁶. Дочери Елизавете Алексеевне предназначался участок в 9 дес., а сыну Сергею – 7 дес. Осталось непонятно, были ли реализованы эти планы. В любом случае, дети Маклаковы, если и были крымскими помещиками, то недолго. Через несколько лет советская власть все земли национализировала.

Алексей Алексеевич жил и трудился в основном в Москве, отлучался только в командировки и на отдых в загородное имение. Однако своего дома в городе у него не было, приходилось снимать жилье. Ранее рассказывалось, что после смерти отца детям Маклаковым пришлось освобождать казенную квартиру при глазной больнице. Как вспоминал Василий: «мы с братом и сестрой поселились в собственной маленькой квартире на Zubовском бульваре». И хотя имена родственников в цитате не указаны, из других документов стало понятно, что речь об Алексее и Марии.

В 1902 г. состоялся переезд в доходный дом на Новинском бульваре. Сохранилось письмо А. А. Маклакова, в котором он описывал новое жилье: «Если мы переедем в дом Плевако, то у каждого из нас будет по 2 комнаты. У Васи две рядом, у меня [...] через коридор. [...] С мыслию о переезде примирился охотно»¹⁴⁷. В 1905 г., согласно записи в метрической книге, семья врача жила в доме Горожанкина на Большой Ордынке. А по данным справочника Москвы в 1916 г. А. А. Маклаков проживал в Штатном пер. Интересно, что в советское время вдова Наталия Сергеевна Маклакова, как писал И. Л. Андроников, жила в доме № 12 на Zubовском бул. – на той же улице, где Алексей Алексеевич снимал жилье в конце 1890-х.

Различные происшествия

В завершение разговора о враче Алексее Алексеевиче Маклакове хотелось бы привести несколько публикаций, в которых сообщалось о случившихся с ним происшествиях.

В 1913 г. в газете "Московские ведомости" была напечатана такая заметка:

*«22 июля в 5-ти верстах от имения дворянина – профессора Императорского Московского Университета А. А. Маклакова, на его ферме, вблизи деревни Новая Дарына, Лучинской волости, Звенигородского уезда, из запертой висаячим замком лесной тесовой сторожки, занимаемой пастухом имения, были похищены одноствольное ружье, переделанное из винтовки Бердана, стоящее 10 руб., и часы-будильник, стоящие 2 рубля. По желанию гостящего в имении министра внутренних дел Н. А. Маклакова из Москвы была вызвана собака-ищейка. Министр хотел видеть работу полицейской собаки. По распоряжению исполняющего обязанности Московского градоначальника полковника В. Ф. Модль на место кражи прибыл начальник Московской конной стражи ротмистр [...] Киларский с собакою "Стрелка". В присутствии министра "Стрелка" была пущена от места кражи. Но в виду того, что на месте воры не оставили никаких предметов, собака не могла ориентироваться, и пробежав некоторое расстояние по лесу, потеряла след. На место кражи выезжали Звенигородский исправник И. И. Рубцов и пристав Следов. Производятся дальнейшие розыски похищенного»*¹⁴⁸.

Были ли в итоге найдены преступники и ворованные вещи – осталось неизвестно.

В том же году и в той же газете, но немного раньше, была напечатана другая заметка, в ней говорилось: «В ночь на 25 февраля в Подольском уезде, в имении профессора Московского университета А. А. Маклакова, пожаром уничтожен дом с надворными постройками. Убыток простирается свыше 20.000 р.; причина пожара не выяснена»¹⁴⁹. Как ранее говорилось, в Подольском уезде у Маклаковых находилось имение Якшино. Только оно было собственностью не Алексея Алексеевича, как написано в заметке, а его супруги Наталии Сергеевны.

Примерно в те же годы произошел еще один трагический случай. Мария Алексеевна Маклакова писала брату Василию: «Алешу обокрала горничная на 1.500 р.». Подробности не сообщала.

¹ У Льва Сергеевича и Наталии Сергеевны был общий предок – прадедушка Сергей Федорович Голицын. Лев Сергеевич основоположник виноделия в Крыму и промышленного производства игристых вин в Абрау-Дюрсо, основатель усадьбы Новый Свет в Крыму около пос. Судак.

Елизавета Алексеевна Щелкан и ее семья

Изо 6–21. Е. А. Маклакова¹⁵⁰,
1880-е, фото М. Конарский.
Государственный музей
А. С. Пушкина, Москва.

Переходим теперь к сестрам Маклаковым, которых было четверо. Рассказ начнем с **Елизаветы Алексеевны Щелкан** (урожд. **Маклаковой**, 1868 – † 1942), которая была первенцем в семье Алексея Николаевича и Елизаветы Васильевны. Ее изображение есть на групповой фотокарточке детей Маклаковых из 6–02.

Юные годы Лизы

Лиза родилась на следующий год после свадьбы родителей – 29 марта 1868 г. Восприемниками при крещении были записаны дедушка Николай Васильевич Маклаков и бабушка Александра Павловна Чередеева¹⁵¹. Елизавета, по воспоминаниям брата Василия, училась в классической гимназии С. Н. Фишера. В юбилейном издании этой гимназии отмечено, что в 1888 г. Е. Маклакова окончила полный курс с золотой медалью и потом один год работала учительницей «*приготовительного класса*»¹⁵².

О юных годах девушки сведений мало. Зимой она жила и училась в Москве, летом отдыхала вместе с братьями и сестрами в имениях родителей в Ярцево и Дергайково. Сохранилась запись о том, что ее двоюродная бабушка Мария Павловна Степанова завещала Елизавете икону.

Несостоявшаяся свадьба Елизаветы с Иваном Алексеевичем Каблуковым

Елизавета Алексеевна вышла замуж в 28 лет. В то время о таких невестах говорили: «засиделась в девках». Но это не значит, что у нее не было женихов раньше. По крайней мере, один претендент на руку и сердце точно был – Иван Алексеевич Каблуков, будущий светило советской науки в области физической химии, академик. Это был давний знакомый семьи Маклаковых, его имя встречается в воспоминаниях Василия Алексеевича: «*К нам летом был приглашен репетитором, чтобы меня готовить к гимназии, студент, только что получивший медаль за сочинение по органической химии, И.А. Каблуков. Он заинтересовался пчелами, стал отцу помогать и с тех пор каждое лето проводил у нас на положении близкого и верного друга семьи*»¹⁵³. Каблуков частенько появлялся в доме Маклаковых, видел юную Елизавету, она ему нравилась. Но та категорически отвергала его ухаживания. В советские годы издана книга, в которой описаны события тех дней:

«Летом 1888 года Каблуков собрался в гости к Маклаковым в деревню Дергайково. О цели визита записал в своей книжке так: “Нельзя ли в Духов день сделать предложение Е. А. М., нужно только не раньше, чем приготовивши курс Зоохимии. (Вот глупость, из-за таких пустяков останавливаться)”. Примечательная запись! Даже в своем тайном дневнике он стесняется назвать полностью имя своей избранницы – дочери Маклакова Елизаветы Алексеевны.

*В Дергайково Каблуков ездил – это известно совершенно точно. Но предложение, думаете, сделал? Елизавета Алексеевна, словно догадываясь о намерениях гостя, держалась с ним неприступно, высокомерно – что за народ эти девушки! Каблуков расстроился да так и уехал ни с чем. Собирался с духом еще полгода – потом написал письмо: “Сколько раз я собирался высказать Вам то, что хочу сказать теперь, но стоило мне увидеть Вас, и решимость моя пропадала от того, что Вы всем своим видом показывали, что разговор со мной не только не доставляет Вам никакого удовольствия, но просто неприятен ... и все-таки и обращаюсь к Вам с мольбой, Будьте моей женой”. Черновик этого письма сохранился по сей день, но было ли оно отправлено, никто не знает. Может, и было, но ответа Иван Алексеевич не получил. До конца дней он остался холостяком, невольно выполнил старинный завет: наука требует монашеского служения»*¹⁵⁴.

Вот так Елизавета отвергла молодого перспективного ученого, и, как показывает ее дальнейшая жизнь, возможно, лишилась своего семейного счастья.

Выход замуж за Николая Сергеевича Щелкан, семейная жизнь

Где и когда Елизавета познакомилась со своим будущим мужем – прямого ответа нет. Но оказалось, будущий супруг Николай Щелкан учился в Пятой московской гимназии, где в тоже время обучались и братья Маклаковы. Так что знакомство могло быть с детства. Эта свадьба оказалась неожиданной для родственников. Брат Николай писал сестре Марии: *«Лизина помолвка и предстоящая свадьба обрадовала меня не сказано. Николай Сергеевич всегда был для меня человеком крайне симпатичным [...] Никто из нас ничего не подозревал, да и в голову никому из нас не приходило, что Лиза могла выйти замуж. От души желаю им всякого благополучия»*¹⁵⁵.

Бракосочетание состоялось 6 мая 1896 г. в московской Знаменской церкви, *«что близ Девичьяго поля»*¹⁵⁶. На свадьбе собралась вся родня Маклаковых. Поручителями со стороны невесты были ее братья Василий и Алексей. Присутствовал и третий брат, Николай Алексеевич, со своей семьей, он потом писал: *«Лизина свадьба и на нас произвела хорошее впечатление и со всеми с вами чувствовалась дружеская близость»*.

Разговор о муже, его происхождении отложим на потом, а сейчас поговорим о том, как протекала жизнь Елизаветы после замужества.

Поначалу все было нормально, жизнь шла своим чередом. Вскоре после свадьбы, в марте 1897 г., родился первенец, мальчик Коля. И уже в мае молодая мама вместе с малышом отправилась в **Дергайково**. Это подтверждает полицейский отчет по наблюдению за В. А. Маклаковым. То же самое повторилось и два года спустя: Елизавета летом жила в Дергайково, к ней несколько раз приезжал супруг.

Согласно справочному изданию Москвы за 1900 г. Елизавета Алексеевна трудилась преподавательницей в *«Училище Общества попечения о Бедных и Безприютных Детях»*¹⁵⁷. Три года спустя состояла секретарем *«О-ва Вспомоществования Воспитанницам Женской Классической Гимназии С. Н. Фишер»*¹⁵⁸ (того самого учебного заведения, которое когда-то окончила). Прошло еще два года, и она уже член правления этого благотворительного общества.

Семья Щелкан упоминается в дневниках родственника композитора С. И. Танеева. В феврале 1900 г. он писал: *«У подъезда встретили подъехавшего Н.С. Щелкана с сыном [Колей] и мал[енькой] собакою. Его жену [Елизавету Алексеевну] вчера укусила бешенная собака»*¹⁵⁹. В мае того же года, находясь в Клину, композитор записал следующее: *«Были у Елиз. Алексеевны Щелкан на даче»* (имеется ввиду дача в усадьбе Танеевых в Демьяново, куда Елизавета с детьми приехала погостить к сестре Александре). Спустя год С. И. Танеев вновь пишет о пребывании Е. А. Щелкан в Демьяново. В 1904 г. записал в дневнике следующее: *«Встретился с Елиз. Ал. Щелкан. Ее муж Ник[олай] Серг[еевич] находится в таком месте, где происходит сражение»*¹⁶⁰.

Развод с мужем, жизнь Елизаветы в последующие годы

До 1910 г., если верить исповедным ведомостям, супруги Щелкан жили вместе. А потом у них случился разлад, по крайней мере, он стал явным. В воспоминаниях зоолога Огнева нашлось такое объяснение: *«Николай Сергеевич имел какой-то совершенно исключительный успех у женского пола и много терпел по этой линии от своей строгой, резкой по характеру супруги Елизаветы Алексеевны (урождённой Маклаковой)»*¹⁶¹. В 1909 г. у почетной гражданки Е. И. Погребовой вне брака родилась девочка, которую позднее Николай Сергеевич признал своей дочерью (об этом еще поговорим). Можно предположить, что когда жена узнала об изменах, супруги разошлись, стали жить раздельно. Развод оформили уже при советской власти, после чего бывший муж женился на Погребовой. А Елизавета Алексеевна, судя по всему, второй раз замуж не выходила. Николай Сергеевич зла на свою бывшую супругу не держал, своим знакомым говорил, что она святая.

В советские годы Е. А. Щелкан жила вместе со своей старшей дочерью Елизаветой и ее детьми (своими внуками). О ней есть несколько строк в воспоминаниях зятя В. А. Попова: *«Елизавета Алексеевна (Баба) была учительницей, занималась с детьми и давала уроки. Они жили в Хамовниках, в двухэтажном доме на углу улицы Льва Толстого и Божениновского переулка. На втором этаже этого дома, который, по рассказам Бабы, видел Наполеона, у них до революции была квартира, которую впоследствии “уплотнили” и она стала коммунальной, а им оставили две комнаты, где жили Баба, Елизавета Николаевна с дочерью и сыном»*¹⁶².

Умерла Е. А. Щелкан в 1942 г., похоронили ее на Ваганьковском кладбище. Могила сохранилась, на ней установлен простой металлический крест, который местами уже проржавел.

Дети Елизаветы Алексеевны Щелкан

В семье Елизаветы Алексеевны и Николая Сергеевича выросло трое детей (см. древо из 6–22).

Как уже говорилось, первенцем в семье стал мальчик Коля, домашние его звали Кокой. Родился он в 1897 г. в Москве, крещение производилось в *«Благовещенской церкви на Бережках»*. Восприемниками записаны его дядя Алексей Алексеевич Маклаков и бабушка Елизавета Львовна Щелкан. В 1917 г. **Николай** Николаевич Щелкан собирался поступать в Московский университет¹⁶³. В воспоминаниях В. А. Попова о нем сказано, что он был офицером, пропал без вести во время Гражданской войны. Отец Николай Сергеевич о судьбе сына высказался более определенно: *«погиб в добровольческой армии»*.

Младшую дочь звали **Екатерина** Николаевна. Согласно выписке из метрической книги, родилась она в 1902 г.¹⁶⁴. Последний раз ее имя встретилось вместе с членами семьи в исповедной ведомости 1917 г. В воспоминаниях А. Н. Голицыной приведены слова Н. С. Щелкана о дочери: *«умерла от тифа на юге, где она была сестрой милосердия»*¹⁶⁵. Как видим, двое детей из трех сгинули в лихолетье Гражданской войны.

Старшая дочь родилась в 1899 г., ей дали такое же имя, как у матери. **Елизавета** Николаевна, по ее собственным словам, в 1917 г. закончила частную женскую гимназию Фишер в Москве. 1 апреля 1919 г. она устроилась на работу в “Центротекстиль” на должность делопроизводителя. Работала хорошо, претензий у начальства не было. Но через несколько месяцев кто-то написал в ВЧК два анонимных доноса, в которых сообщалось, что Е. Н. Щелкан – враг советской власти, ведет контрреволюционную пропаганду и занимается саботажем. 4 сентября следователь вызвал Елизавету на допрос. Та отрицала выдвинутые против нее обвинения.

Эти сведения обнаружены в следственном деле, которое сохранилось в архиве ГАРФ. В нем говорится, что был произведен обыск на рабочем месте Елизаветы Николаевны Щелкан, но ничего компрометирующего найдено не было¹⁶⁶. Следователь, который вел дело, не стал ее арестовывать, однако счел нужным установить особое наблюдение.

Е. Н. Щелкан была дважды замужем. Первого супруга звали Борис Сергеевич Клочков. *«Вскоре после рождения сына [Николая] Клочкины расторгли свой брак»*¹⁶⁷ – это слова из воспоминаний Вячеслава Алексеевича Попова, двоюродного брата Б. С. Клочкова. В них он сообщил, что в 1926 г. устроил на работу *«вычислителем»* Елизавету Николаевну. И далее: *«Мы поженились, но не регистрировались»*. После этого ее фамилия стала Попова-Щелкан (иногда писали наоборот: Щелкан-Попова).

В 1930 г. на Елизавету Николаевну вновь обратила внимание милиция. На сей раз, она была арестована. Причиной ареста стало то, что она *«была любимой племянницей Василия Алексеевича Маклакова, который в революцию эмигрировал во Францию и жил в Париже»*. Елизавета Николаевна переписывалась с дядей Василием и тетей Марией Маклаковыми. Эта переписка вышла ей «боком»: следственные органы заподозрили заговор против советской власти. Как написано на сайте “Заклейменные властью”, 25 декабря 1930 г. Е. Н. Щелкан-Попова была арестована и *«Через одиннадцать дней переведена в Бутырскую тюрьму, обвинялась уже как “активная участница в нелегальной организации помощи бывшим людям и белоэмигрантам”»*¹⁶⁸.

В книге воспоминаний мужа В. А. Попова написано, что родные долгое время не знали о судьбе Елизаветы Николаевны. Знающие люди посоветовали передать посылку на ее имя в Бутырскую тюрьму. Посылку приняли. А это означало, что она находится в тюрьме. Так стало известно об аресте. Супруг Вячеслав Алексеевич обратился за помощью в *«политический Красный Крест»*, который возглавляла Екатерина Павловна Пешкова (жена пролетарского писателя Максима Горького). Е. Н. Щелкан приговорили по статье 58 ч.10 на три года *«вольной»* ссылки. Отбывать наказание отправили в Котлас. Как написано на том же сайте, благодаря хлопотам правозащитницы Пешковой заключенная Елизавета Николаевна была *«освобождена из ссылки досрочно, получила паспорт и была прописана в Москве»*. Но жизненные испытания на этом не закончились. По воспоминаниям мужа: *«негласное преследование жены продолжалось всю ее последующую недолгую жизнь. Ее не раз принимали на работу, но вскоре же увольняли. В результате она умерла от рака желудка в 1955 году»*¹⁶⁹. Похоронили Елизавету Николаевну рядом с матерью на Ваганьковском кладбище. Захоронение сохранилось, на нем установлена каменная плита, на которой выбиты имена супругов Поповых-Щелкан и их детей.

В обоих браках Елизаветы Николаевны рождались дети. В семье с Б. С. Ключковым появились на свет дочь Екатерина (домашние ее звали Муся) и сын Николай (Чижик). В браке с В. А. Поповым родились близнецы. Сын Алеша прожил всего полгода, а дочь Зоя – 70 лет.

Поиск в Яндексе выявил несколько людей с редкой двойной фамилией Попов-Щелкан: Сергей Алексеевич, Илья Сергеевич, Екатерина Сергеевна, Руслан. С одним из них удалось связаться, он подтвердил родство с Елизаветой Николаевной, однако не захотел делиться подробностями о роде. Но и этой информации оказалось достаточно для понимания, что ветвь рода Маклаковых по линии Елизаветы Алексеевны продолжается.

Муж Николай Сергеевич и его родственники дворяне Щелканы и Дювернуа

Возвращаемся к мужу Елизаветы Алексеевны, Николаю Сергеевичу Щелкану. Начнем с его происхождения. Мать Николая звали Елизавета Львовна (урожд. Дювернуа).

Род Дювернуа

Отцом Елизаветы Львовны был выходец из Франции **Лев Карлович Дювернуа**. Это дедушка Н. С. Щелкана по материнской линии. О его дворянстве достоверные сведения не попадались¹.

Недавно в Санкт-Петербурге состоялась очередная конференция “Выходцы из Франции и их российские потомки”, на ней с докладом «Новое о россиянах – носителях фамилии Дювернуа (Дю-Вернуа)» выступил И. В. Сахаров. Он сообщил, что Лев Дю-Вернуа родился в 1812 г. в Монбельяре, в Москве был учителем французского языка, российское подданство получил в 1832 г. (по другим данным – в 1837), имел чин титулярного советника¹⁷⁰.

Лев Карлович был женат на **Марии Дмитриевне** (девичья фамилия осталась неизвестной). Это бабушка Н. С. Щелкана по материнской линии. В семье Дювернуа была дочь Елизавета и сыновья Николай, Александр, Лев (по данным “Московского некрополя” были и другие рано умершие дети – см. родословное древо из 6–22). Мальчики учились в Четвертой московской гимназии – там же, где обучался и Сергей Васильевич Щелкан¹⁷¹. Так, что семьи Дювернуа и Щелкан, скорее всего, были знакомы задолго до свадьбы. По информации, предоставленной Г. Н. Рыженко, один из сыновей, Николай Львович Дювернуа, стал профессором Петербургского университета.

Дворяне Щелканы

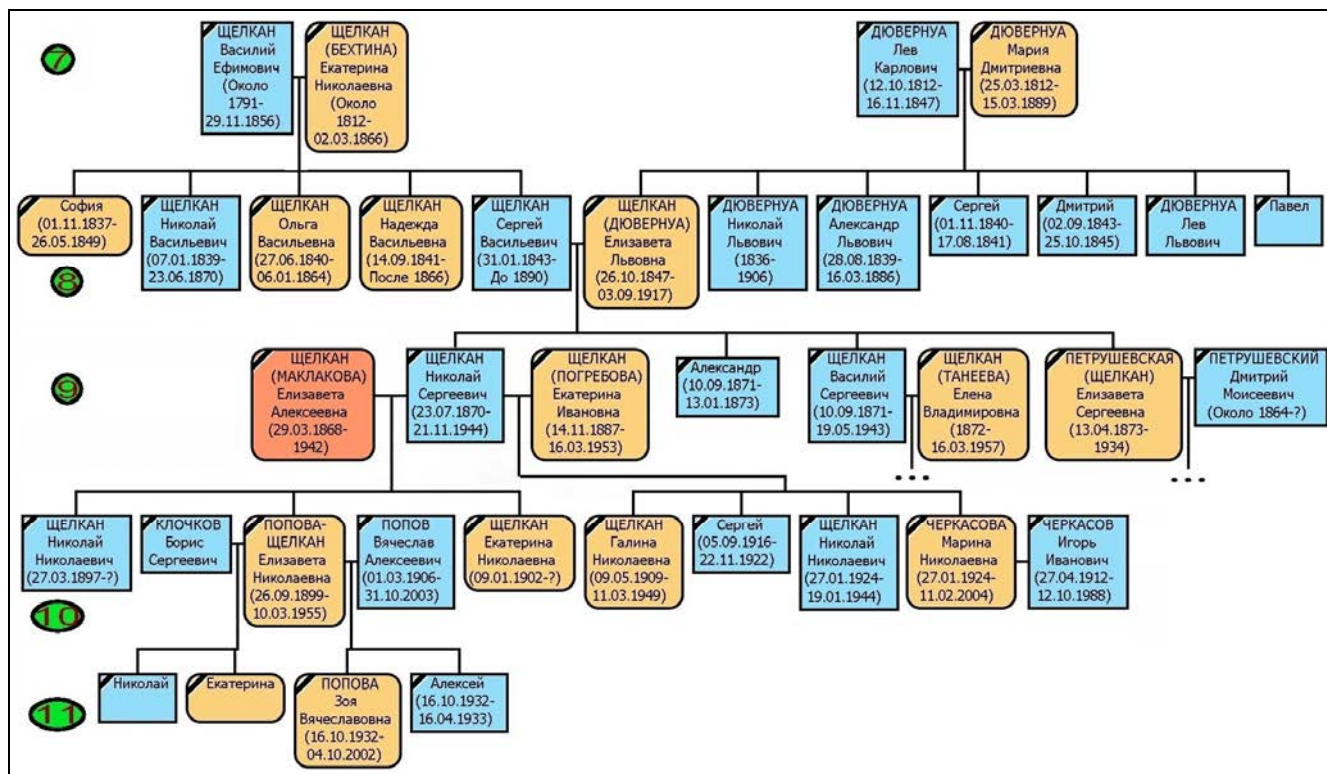
(герб рода не найден)

В отличие от Дювернуа, Щелканы точно были дворянами. Но их род не относился к знатым или известным, хотя и был достаточно древним. В общедоступных источниках информация о роде крайне скудна. В энциклопедии “Брокгауза и Ефрона” всего пара строк: «Щелканы – старинный русский дворянский род, восходящий к половине XVII в. и записанный в VI ч. род. кн. Смоленской губ. Есть еще несколько дворянских родов Щ. более позднего происхождения»¹⁷².

Своего герба у рода, по всей видимости, не было. Вот что ответил по этому поводу исследователь Дмитрий Павлович Шпиленко: «Щелканы не заявляли официально о своем гербе при утверждении в дворянском достоинстве. Однако в польский период какой-то гербовой печаткой они пользоваться были должны. Этого требовал Литовский статут при заключении или свидетельствовании любой сделки. В русский период такой печаткой пользоваться уже было не обязательно и мне пока не попалось ни одной печати кого-то из Щелканов, ни с гербом, ни даже с инициалами под дворянской короной. Это не значит, что кто-то из них не завел себе герб или не пользовался старым – просто мне пока это не попалось в документах. А официально утвержденного высочайшей властью и тем более внесенного в Общий Гербовник герба дворян Щелканов не существует. В архивном деле так и записано: “Герба не представлено”».

Д. П. Шпиленко – специалист по генеалогии. В одном из своих трудов по смоленским дворянам он опубликовал сведения о роде Щелканов и привел их поколенную роспись. Эта роспись начинается словами: «Щелканы принадлежат к фамилиям “коренной” Смоленской шляхты».

¹ На генеалогическом форуме “ВГД” написано, что Лев Карлович Дювернуа – «Барон, кандидат наук». Первоисточник не указан. Эти данные не нашли подтверждения в других источниках.

Изо 6–22. Фрагмент родословного древа Щелканов, Дювернуа.

Основателем рода (1-е колено) записан: «*1. Моисей. Шляхтичⁱ. За верность во время осады Смоленска Шейным и в Московский поход, привилеенⁱⁱ короля Владислава IV, данным в лагере на Богдановой околице 19 ноября 1633 г., получил подтверждение своих прав на часть пуст. Ковалева, 6 волок, в Долгомостском ст., которые он держал согласно листам королевского ревизора и мерничего*»¹⁷³.

Муж Елизаветы Алексеевны, Николай Сергеевич, внесен в 9-е поколение рода. Здесь приводится фрагмент древа рода Щелканов, которое «сверху» ограничено дедушками и бабушками, а «внизу» – детьми и внуками Н. С. Щелкана. Сведения о годах жизни некоторых членов рода уточнены по историческим источникам и датам жизни на могильных памятниках.

Дедушка и бабушка Щелканы

Начнем с дедушки по отцовской линии, которого звали **Василий Ефимович Щелкан**.

В книге Д. П. Шпиленко о нем приведена обширная историческая справка, которая начинается так: «*Из дворян Смоленской губ. На 1812 г. ему показано 21 год, за отцом его 52 души [...]. Из 1-го кадетского корпуса выпущен во 2-ю артиллерийскую бригаду подпоручиком 19 декабря 1809 г., из оной в 6-ю конную роту 10 дек. 1812 г., за отличие в авангардных делах произведён в поручика 14 августа 1813. Всемилоостившие пожалован за отличие в сражениях при Бауцене орденом Св. Анны 4 ст. 23 декабря 1813 г., при д. Фершампенуаз Св. Владимира 4 ст. с бантом 28 мая 1814 г.*»¹⁷⁴.

Как видим, В. Е. Щелкан участвовал в битвах с войсками Наполеона как в России, так и за границей, последняя из них случилась в 1814 г. под Парижем. За свою доблесть был дважды награжден орденами. После окончания войны продолжил службу в армии. В январе 1825 г. вышел в отставку «за болезнью» с чином майора.

Через несколько месяцев Василий Ефимович устроился на гражданскую службу. Согласно ФС, был «*определен в дорожную Комиссию по Московской Губернии для надзора за успешным производством дорожных работ*»¹⁷⁵. Видимо, где-то в это время (а может, и раньше) состоялся переезд на жительство в Москву и награждение «*знаком отличия безпорочной службы на Влади-*

ⁱ В интернете встречаются такие определения: «*Шляхтич – это польский воин-дворянин*», «*Шляхта – это обобщенное название представителей польской аристократии*».

ⁱⁱ «*Привилей – законодательный акт в Королевстве Польском (с XII века) и Великом княжестве Литовском (с конца XIV века), представляющий собой жалованную грамоту, дававшуюся монархом отдельным лицам, сословиям*» (интернет).

мирской ленте за XX лет». В августе 1830 г. В. Е. Щелкан перешел на другое место: «в Московский Коммерческий Суд Присяжным Приставом».

В этом суде он служил четверть века почти до самой смерти. Служил хорошо: в 1839 г. «за усердную службу объявлена ему Щелкану признательность Начальства». В справочнике 1855 г. показан в той же должности, жил в собственном доме на Пречистенке в Хрущевском пер.¹⁷⁶.

В 1836 г. Василий Ефимович женился на **Екатерине Николаевне** (урожд. **Бехтиной**)¹⁷⁷. Это бабушка Николая Сергеевича. В семье Щелканов родились пять детей: София, Николай, Ольга, Надежда и Сергей (даты жизни приведены в древе из 6–22). Все они перечислены в исповедной ведомости «Спасо-божedomской близ Пречистенки церкви» за 1848 г.¹⁷⁸.

Василий Ефимович, судя по всему, был богатым человеком. В газете за 1835 г. было напечатано объявление о том, что он дал в долг одному саратовскому помещику под залог недвижимого имущества 500.000 (!) руб. асс.¹⁷⁹. Это огромная по тем временам сумма, невольно закрадывается сомнение – нет ли здесь ошибки? Непонятно, откуда такие деньги взялись у присяжного пристава. По данным Шпиленко, в 1842 г. у Василия Ефимовича было «родовое имение, не разделённое с братьями» в сд. Козлово Ельнинского уезда Смоленской губернии, в нем было всего 15 душ. Данные о других владениях не попадались.

В 1844 г. В. Е. Щелкан хлопотал о внесении своего имени в родословную книгу дворян Московской губернии. Это казалось несложным и чисто формальным делом, т.к. его предки числились в дворянской книге Смоленской губернии. Но возникли сложности, т.к. не оказалось копии метрической записи о его рождении. Эта бумага была необходима, чтобы подтвердить свою принадлежность роду. Был сделан запрос в Смоленск, и через некоторое время пришел ответ. В нем сказано, что запись о рождении Василия Ефимовича не обнаружена после просмотра метрических книг за ряд лет. Но зато его имя было упомянуто в исповедных росписях церкви с. Ляхова Смоленского уезда. Была также найдена запись о венчании его родителей. В метрической книге с. Ляхова за 1789 г. написано, что 1 октября отставной прапорщик Ефим Степанович Щелканов женился на «поруческой дочери» Прасковье Федоровне Глинковой¹⁷⁷. Нашлись также свидетели, подтвердившие, что Василий действительно сын своих родителей дворян. В итоге все разрешилось успешно, и его фамилия была внесена в родословную книгу дворян Московской губернии.

По данным справочника о некрополях, В. Е. Щелкан умер в 1856 на 65-м году жизни, погребен на Ваганьковском кладбище Москвы¹⁸⁰. Жена пережила его на десять лет, похоронена рядом. Их захоронений найти не удалось, видимо, утрачены.

Родители Щелканы

Идем дальше. Младший сын Василия Ефимовича, **Сергей Васильевич Щелкан**, – это отец нашего Николая. Сергей родился 31 января 1843 г., крещение состоялось 1 февраля в Покровской церкви, «что в Левшине»¹⁸¹. Как написано в юбилейном издании Четвертой московской гимназии, он окончил это учебное заведение в 1859 г.¹⁸², поступил в Московский университет. По информации, предоставленной исследователем Г. Н. Рыженко, Сергей учился на юридическом факультете четыре года, успешно его окончил и получил «Степень кандидата юридических наук».

Обнаружен «Аттестат» Сергея Васильевича, в котором приведены сведения из его ФС. Там сказано, что «По окончании курса наук» был принят на службу в 1863 г. «младшим помощником» в 7-й департамент Правительствующего сената. Через год уже «старший помощник». Согласно справочника Москвы за 1866 г. С. В. Щелкан служил секретарем в 7-м департаменте Министерства юстиции, проживал в Неопалимовском пер. в доме Варженевского¹⁸³. В том же году был переведен на должность «товарища прокурора Калужского окружного суда». Получал годовое жалование 1000 руб. Помимо этого, были «квартирные» деньги – 500 руб. и столько же «столовых»¹⁸⁴. Итого две тысячи руб. Неплохие деньги для молодого 23-летнего чиновника.

Спустя два года Сергей Васильевич подал прошение об увольнении «по домашним обстоятельствам». Без дела находился недолго, вскоре стал мировым судьей одного из участков Богородского уезда Московской губернии. Затем он – «присяжный поверенный в Москве». В справочнике указан адрес проживания: «на Арб., в Колошин. пер., д. Григорьева». Через несколько лет С. В. Щелкан уже жил в доме Пороховщикова на том же Арбате. В дальнейшее время неоднократно менял адреса жительства, это все были съемные квартиры.

В 1866 г. умерла мать, Елизавета Николаевна (отец умер еще раньше). Детям Николаю, Надежде и Сергею перешло по наследству имение в составе дер. Благовещенье, Загорново, Караваево в Богородском уезде Московской губернии¹⁸⁵.

Сергей Васильевич Щелкан и Елизавета Львовна Дювернуа сочетались браком 10 октября 1869 г., венчание состоялось в Николо-Песковской церкви на Арбате¹⁸⁶. По данным метрических книг, в семье родилось, как минимум, четверо детей: Николай, Елизавета, близнецы Василий и Александр¹⁸⁷ (см. древо из 6–22).

Прежде чем перейти к рассказу о старшем Николае, хотелось поделиться такой информацией: *«Государь Император, в 3 день сего августа [1886 г.], Высочайше повелеть соизволил: детей Присяжного Поверенного Округа Московской Судебной Палаты Сергея Щелкана, Николая, 15 лет, Василия, 14 лет, и Елизавету, 13 лет, предоставить на исключительное попечение и воспитание их матери, Елизаветы Щелкан, с устранением отца их от всякого в это вмешательства и с воспрещением ему когда либо требовать детей к себе»*¹⁸⁸. Прямо скажем, неожиданная информация. Что же такого натворил отец детей, Сергей Васильевич, коль скоро появился такой строгий указ государя? Увы, несмотря на предпринятые усилия, разгадать эту загадку не удалось.

Дата смерти и место погребения С. В. Щелкана остались неизвестными. В 1890 г. его супруга Елизавета Львовна названа вдовой. По данным метрической книги, она умерла 3 сентября 1917 г., похоронена на Ваганьковском кладбище¹⁸⁹. По идее, ее могила должна быть на том же семейном некрополе, где похоронены родители Дювернуа и дочь Елизавета. Однако при осмотре захоронений родственников ее фамилию на памятниках найти не удалось.

Николай Сергеевич, супруг Елизаветы Алексеевны Маклаковой

Изо 6–23. Н. С. Щелкан¹⁹⁰, 1897,
фото Ф. Опитц.
Музей С. И. Танеева в Дюткове.

Переходим теперь к рассказу о **Николае Сергеевиче Щелкане** (1870 – † 1944), сыне Сергея Васильевича и муже Елизаветы Алексеевны Маклаковой.

Родился Коля спустя девять месяцев после венчания родителей, 23 июля 1870 г., крещение состоялось в *«Николо-песковской, на Арбате, церкви»*¹⁹¹. Учился мальчик в Пятой московской гимназии на протяжении семи лет, потом был еще один дополнительный год для подготовки в университет. В аттестате зрелости большинство оценок оказалось 3 балла, 4 лишь по математике и французскому языку и 5 по немецкому языку.

С такими оценками Николай в 1890 г. был принят на первый курс медицинского факультета Московского университета. При поступлении мать, вдова Елизавета Львовна, подала прошение об освобождении его (а также детей Василия и Елизаветы) от платы за учение. Это ходатайство поддержал предводитель губернского дворянства, отметив, что *«она г. Щелкан состояния бедного и к уплате денег за обучение названных детей ея никаких средств не имеет»*¹⁹². Николай Сергеевич успешно учился в университете, получал оценки по разным предметам от 3 до 5 баллов.

Важные события в жизни Н. С. Щелкана произошли в 1896 г. Весной была успешно завершена учеба в университете, сданы все экзамены. 6 мая, как уже говорилось, он женился на Елизавете Алексеевне Маклаковой, которая была на два года старше. 16 октября Николай был удостоен степени лекаря и вскоре после этого отправился отбывать воинскую повинность. Согласно ФС, 21 сентября 1897 г. был определен на службу в лейб-гвардии Санкт-Петербургский полк на должность младшего врача. Спустя год был переведен на такую же должность *«в 181-й пехотный резервный Остроленский полк»*¹⁹³.

В январе 1899 г. Николай Сергеевич был уволен в *«запас чиновников Военно-медицинского ведомства»*, а в декабре назначен на должность сверхштатного ассистента *«Без содержания»* в Мо-

сковский университет на кафедру хирургической патологии. Щелкан не пошел в науку, не стал готовить и защищать диссертацию, вместо этого занялся врачебной практикой. Как отмечено в ФС, в августе 1905 г. ему был присвоен чин надворного советника. Спустя два года *«перемещен на должность сверхштатного ассистента факультетской хирургической клиники»*.

В воспоминаниях зятя В. А. Попова говорится, что Н. С. Щелкан до революции имел *«свою больницу в Москве, на Остоженке»*¹⁹⁴. Это спорное утверждение, историческими источниками не подтверждено. Николай Сергеевич, как практикующий врач, вполне мог иметь свой кабинет для приема больных, несколько помощников. Но чтобы целую больницу... Сомнительно.

У семьи Щелкана не было своего дома в Москве, жили на съемных квартирах. Согласно справочнику Москвы, в 1902 г. семья проживала в Хамовниках в доме мещанки Поповой на Хамовническом валу (дом № 12, кв. 1) в приходе Знаменской церкви *«близ Девичьего поля»*. В 1910 г. жили в доме Прибытковой в том же приходе. Потом, как уже говорилось, супруги разъехались. По данным Д. П. Шпиленко, в 1912 г. Николай Сергеевич проживал в доме Эшлимана в Большом Афанасьевском пер. В 1917 г. его адрес был такой: ул. Остоженка, дом № 40.

В 1911 г. в газете «Сенатские ведомости» было напечатано следующее объявление: *«По ведомству Императорского Человеколюбивого Общества. Назначается: Сверхштатный Ассистент факультетской хирургической клиники Императорского Московского Университета, Лекарь, Надворный Советник Щелкан – Председателем Комитета для управления делами Барбашевского Богаделенного Дома, в селе Яковлеве, Александровского уезда, Владимирской губернии, с 19 Января, с оставлением его в занимаемой им должности»*¹⁹⁵. Яковлево довольно далеко от Москвы. Почему Николай Сергеевич был туда назначен? Достоверного ответа найти не удалось.

Когда началась Первая мировая война, Н. С. Щелкан был мобилизован как врач-хирург. По непроверенным данным, он был отправлен *«в Лефортовский госпиталь им. Петра Великого»*, заведовал офицерским отделением. На одном из сайтов фамилия Щелкан упомянута в составе лазарета *«Добровольного санитарного отряда Гродненской крепости РОКК»*¹⁹⁶ (Российское Общество Красного Креста). Где-то в это время был сделан фотоснимок, приведенный в Приложении-5 (изо П5–10).

С приходом к власти большевиков Н. С. Щелкан не эмигрировал, продолжил заниматься врачебной деятельностью. По словам дочери Елизаветы, он дважды был арестован в 1919 г. Первый раз весной, когда сбежали два офицера, за которых он поручился перед властями. За это Революционный трибунал его арестовал, но через пару дней отпустил¹⁹⁷. Другой раз врача арестовали, по всей видимости, в августе. Арест производил Пречистенский комиссариат, Щелкана препроводили на Лубянку. Однако в тот же день он был отпущен без допроса. Причина ареста осталась неизвестной.

Умер Николай Сергеевич Щелкан 11 ноября 1944 г., похоронен на Новодевичьем кладбище. Захоронение сохранилось.

Лечение известных людей

Было бы ошибкой назвать Н. С. Щелкана выдающимся врачом. Он не был известным медиком, ученым или профессором, как Алексей Николаевич Маклаков или Алексей Алексеевич Маклаков. Николай Сергеевич был практикующим врачом, возможно, лучше многих в своей профессии, коль скоро к нему обращались за помощью известные люди. Рассмотрим эти случаи подробнее.

1). Композитор Сергей Иванович Танеев (изо 6–33).

Н. С. Щелкан и С. И. Танеев оказались связаны родственными узами через сестер Маклаковых. Николай Сергеевич в 1896 г. женился на Елизавете Алексеевне Маклаковой. А спустя два года сестра Елизаветы, Александра, вышла замуж за Владимира Владимировича Танеева, племянника Сергея Ивановича. На этой свадьбе присутствовал Н. С. Щелкан вместе с женой. Тогда-то и могло состояться его знакомство с С. И. Танеевым. Позднее они встречались неоднократно, это зафиксировано в дневнике, который вел композитор.

В конце 1899 г. Сергей Иванович сломал ногу, ее лечением занимался Николай Сергеевич. Композитор в своем дневнике записал: *«потом [приходил] Н.С. Щелкан, перевязавший мне ногу и советовавший спокойно лежать и не вставать»*¹⁹⁸. Прошло несколько недель, и в дневнике появилась новая запись: *«Н.С. Щелкан, осмотревший мою ногу и нашедший ее в хорошем состоянии»*. А в мае 1900 г., когда нога уже выздоровела, С. И. Танеев отправился в дом Л. Н. Толстого, с

которым был хорошо знаком, и захватил с собой Н. С. Щелкана.

О каких-либо особых отношениях Николая Сергеевича с семьей писателя Л. Н. Толстого документов не найдено. А вот с С. И. Танеевым он встречался часто, причем визиты друг другу наносили попеременно, и регулярно играли в шахматы, оба были любителями этой игры. Все это говорит о том, что у них были, если не дружеские, то хорошие приятельские отношения точно.

2). Композитор Александр Николаевич Скрябин.

В отличие от Танеева, с другим известным русским композитором Александром Николаевичем Скрябиным у Николая Сергеевича таких близких отношений, по всей видимости, не было. Пока обнаружен только один случай обращения композитора за медицинской помощью. Это когда А. Н. Скрябин был уже серьезно болен и Н. С. Щелкан вместе с другими врачами пытался спасти его. Увы, безуспешно. Удалось установить хронологию событий, как все происходило.

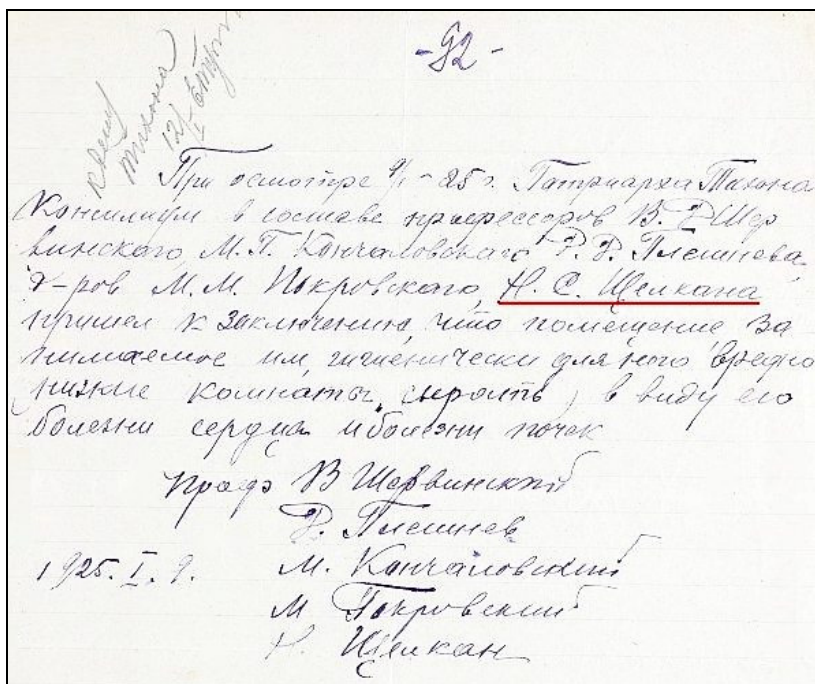
К преждевременной кончине композитора (ему было всего 43 года) привел пустяковый случай. Возвращаясь из Петербурга в Москву, «в вагоне неосторожно сорвал на лице маленький фурункул, куда, очевидно, попала инфекция»¹⁹⁹. Через некоторое время дома Александр Николаевич почувствовал себя нездоровым и лег в постель. Болезнь развивалась, температура угрожающе поднималась. Вызвали докторов В. В. Богородского, Н. С. Щелкана, проф. Спизарного. Как потом писали в газете: «Два раза сделаны были разрезы, сначала маленький, потом большой. Но температура не падала. Гнойное воспаление распространилось все шире на лицо. В воскресенье вечером был приглашен на консилиум проф. А. В. Мартынов. Положение было признано тяжелым, но не безнадежным. Сделали еще один разрез»²⁰⁰. На некоторое время больной почувствовал облегчение, «но затем появились признаки гнойного отравления крови. Терапевт проф. Д. Д. Плетнев констатировал гнойный плеврит. Часы больного были сочтены». Утром 14 апреля 1915 г. композитор умер. Медицинское заключение о болезни и смерти Скрябина составил и подписал Н. С. Щелкан.

3). Патриарх Тихон.

Патриарх Тихон (в миру Василий Иванович Белавин) находился под строгим надзором советской власти. Проводились регулярные утомительные допросы. В 1923 г. Первосвященителя заключили на Лубянку. После освобождения его поместили в здание на территории Донского монастыря. Через некоторое время здоровье Тихона ухудшилось, обратились к медикам.

В январе 1925 г. было составлено медицинское заключение врачей о непригодности занимаемого помещения в монастыре для проживания патриарха. Это подтверждает выписка из следственного дела: «При осмотре 9/1–25 г. Патриарха Тихона консилиум в составе профессоров В. Д. Шервинского, М. П. Кончаловского, Д. Д. Плешнева, д[окто]ров М. М. Покровского, Н. С. Щелкана пришел к заключению, что помещение, занимаемое им, гигиенически для него вредно (низкие комнаты, сырость) ввиду его болезни сердца и болезни почек»²⁰¹. Однако составленная бумага не привела к положительному результату, все осталось по-прежнему.

В советские годы были опубликованы воспоминания очевидца: «Патриарх не был очень старым, ему исполнилось 60 лет, но жизнь в постоянной тревоге, под домашним арестом в монастыре, и, в особенности, толпы посетителей, отказывать которым в приеме он не хотел, тяжело отзывались на его болезни. Кроме давнего хронического воспаления почек и общего склероза, у него

Изо 6–24. Лист из следственного дела патриарха Тихона, 1925.

появились припадки грудной жабы, особенно, после убийства келейника»²⁰². Требовалась срочная госпитализация. Обращались в ряд московских клиник, но когда там узнавали, о каком пациенте идет речь, то следовал отказ из-за боязни последующего закрытия.

О госпитализации удалось договориться с частной клиникой доктора Алексея Ильича Бакунина на Остоженке. Там патриарха приняли и очень заботливо за ним ухаживали. Доктор потом рассказал корреспонденту газеты: «Патриарх Тихон поступил в нашу лечебницу 13 января 1925 г. с хроническим воспалением почек и перерождением мышцы сердца. [...] Лечили Тихона проф. Кончаловский и доктор Покровский. На консультациях бывал проф. Плетнев. Кроме того ежедневно посещал больного доктор Щелкан»²⁰³.

Николай Сергеевич жил недалеко от больницы Бакунина, он оказался свидетелем кончины патриарха. Как потом писали, Тихон умер у него на руках. Вот как все происходило.

Вечером 7 апреля 1925 г. патриарх позвонил келейнику и попросил позвать доктора. По воспоминаниям священника: «Сейчас же было послано за доктором Щелканом, а до его прибытия пришли врачи лечебницы. Пришедший Щелкан стал на колени у постели Святейшего, взял Его за руку и спросил: “Ну как Ваше здоровье, как вы себя чувствуете?” Святейший не ответил. Щелкан держал руку Святейшего, замирающий пульс говорил ему, что здесь совершается таинство смерти. Он обвел глазами присутствующих врачей в знак того, что жизнь угасает, — надежда на благополучный исход иссякла»²⁰⁴.

Воспоминания о Николае Сергеевиче Щелкане

В завершение рассказа хотелось бы привести слова людей, знавших врача.

По последней цитате видно, с каким почтением Николай Сергеевич относился к патриарху Тихону: «стал на колени у постели Святейшего». А ведь прежде он был неверующим человеком. О том, что послужило толчком прихода к вере, написано в воспоминаниях княгини Александры Николаевны Голицыной. Вот что она написала о Н. С. Щелкане, которого хорошо знала:

«Он ходил за умиравшей от рака больной, госпожой Ветчинной, жившей в доме Варгина на Поварской площади. Тогда он работал в клинике на Девичьем поле. Раз он пошел навестить больную и, подходя к площади, увидел море народу, заполнившего подъезд до самой входной двери. Когда он спросил о причине такого скопления людей, то оказалось, что у его больной находился **о. Иоанн Кронштадтский**, которой он служит молебен, а толпа ожидает его благословения. Первым его движением было уйти, настолько ненужным и бесполезным ему это показалось, но потом почему-то он остался, поднялся по лестнице и затерялся в толпе в прихожей, прижавшись к стене, чтобы быть подальше от о. Иоанна, когда тот пойдет. Вскоре священник появился и стал медленно продвигаться к выходу, окруженный молодыми людьми, подходившими под его благословение. Щелкан отодвинулся еще дальше, чтобы остаться незамеченным, думая, как бы проскользнуть к больной за спиной о. Иоанна. Тот же повернулся и, вместо того чтобы идти к выходу, стал двигаться в его сторону, не прекращая благословения. Оказавшись в двух шагах от священника, Щелкан вдруг понял, что тот нарочно идет к нему, но по-прежнему старался отодвинуться, чтобы не мешать другим, но рука о. Иоанна уже легла на его плечо, и он услышал ласковый голос батюшки: “Благословение старика не может повредить. Теперь ты не веришь, но придет час, и ты поверишь”. Он ласково заглянул ему в глаза, благословил и пошел дальше. Щелкан невольно поцеловал благословлявшую руку и ему показалось, что Святой отец читает в его душе. Он прошел к больной, думая найти ее утомленной, но она радостно встретила его и объяснила, что написала о. Иоанну и просила к ней приехать и причастить, что тот и сделал. Щелкану она не хотела говорить об этом, зная его отношение к таким вещам. Он поведал ей о своей встрече с о. Иоанном. Когда я встретила перед нашим отъездом из Совдепии с Щелканом, то передо мной был глубоко верующий человек»²⁰⁵.

Как видим, на путь веры в Бога Николая Сергеевича направил о. Иоанн Кронштадтский, ныне прославленный в лике святых.

Вот что написано о докторе в воспоминаниях зоолога Огнёва (оба увлекались охотой): «Николай Сергеевич Щелкан был человеком в полном смысле обаятельным, весёлым, энергичным, по-детски всем увлекающимся. Его нельзя было назвать красивым, но статный, сильный, отличный спортсмен, он располагал к себе с первого взгляда своим открытым весёлым лицом, каким-то

специфически чарующим обращением и прирождённым тонким джентльменством. Это был человек на редкость благородный, душевный и отзывчивый. При таких качествах Николай Сергеевич имел какой-то совершенно исключительный успех у женского пола и много терпел по этой линии от своей строгой, резкой по характеру супруги Елизаветы Алексеевны (урождённой Маклаковой), дочери известного профессора Алексея Николаевича Маклакова. Николай Сергеевич обо всём говорил с какой-то особенной экспрессией и увлечением, служила ли темой его любимая охота, или хирургия, или наука и искусство. [...] Самый говор Николая Сергеевича был оригинален, он произносил обычное “е” как “э обратное”, и в этой своеобразной речи был свой особый “шарм”»²⁰⁶.

Вторая жена Екатерина Ивановна Погребова

Ранее рассказывалось, что у Николая Сергеевича в браке с Елизаветой Алексеевной Маклаковой родилось трое детей. После 1910 г. (а может и раньше) супруги перестали жить вместе, в 1920 г. официально оформили развод (об этом стоит отметка в метрической книге²⁰⁷).

Причиной, как уже говорилось, очевидно, стали измены мужа. Как уже говорилось, в 1909 г. у дочери «Потомственного Почетного Гражданина» Екатерины Ивановны Погребовой родилась внебрачная дочь Галина. В 1922 г. отцом девочки официально был признан Николай Сергеевич. В метрической записи о рождении Галины позднее была сделана приписка, в которой сказано, что Н. С. Щелкан вступил «в брак с гр-кой [гражданкой] Екатериной Ивановой Погребовой с присвоением ребенку отчества “Николаевна”»²⁰⁸. Надо полагать, Галина была его дочерью.

Откуда родом была вторая супруга? В метрической книге отмечено, что паспорт Е. И. Погребовой был выдан в г. Кашине Тверской губернии. В нескольких источниках сказано, что была дочерью «Кашинского городского головы». И это все, других данных о второй супруге нет.

В 1916 г. у Е. И. Погребовой вне брака родился еще один ребенок – сын Сергей. И хотя сведения о его усыновлении не обнаружены, отцом мальчика был Н. С. Щелкан. Об этом сказано в воспоминаниях Голицыной, в которых есть такие слова: «женился на своей прежней пациентке, от которой у него дочь десяти лет и сын пяти. Я стала его расспрашивать о них. Он сказал, что мать детей была чахоточной и он ее лечил, а потом с ней сошелся. Он сказал, что она была неверующей до случая с их мальчиком. А произошло следующее: как-то вечером мальчик играл на полу возле большого шкафа; вдруг ему что-то понадобилось из вещей в шкафу, который стоял, вероятно, не очень крепко, и не успели родители ахнуть, как мальчик стоял на нижней полке, отчего шкаф качнулся и тяжело упал на ребенка, который громко закричал. Когда они подняли шкаф, то ребенок оказался цел, только сильно испугался. Щелкан тотчас всего мальчика осмотрел и не нашел даже царапины. После этого мать его сказала: “Как тут не поверить в милость Божью?”»²⁰⁹.

Позднее уже в официальном браке у Николая Сергеевича и Екатерины Ивановны, как написано в книге Шпиленко, родилась двойня – Николай и Марина (третья двойня в роду Щелканов).

О судьбе детей от второго брака Н. С. Щелкана известно следующее. Первым ушел из жизни сын Сережа, он прожил всего пять лет. В книге А. Н. Голицыной написано, что он заболел менингитом. Николай Сергеевич видел в этом свою вину: «Не надо было оставлять их [детей] так долго в деревне!».

О других детях сведения приведены в книге Д. П. Шпиленко. О старшей дочери Галине говорится, что она была второй скрипкой в оркестре Большого театра. На генеалогическом сайте РРФ утверждается, что ее мужем был режиссер Малого театра Гладков²¹⁰. Вероятно, речь идет о Михаиле Николаевиче Гладкове, актере Малого театра в 1935–1948 гг. Режиссером он стал в 1957 г., т.е. уже после кончины Галины Николаевны, которая ушла из жизни в 1949 г.

По данным Д. П. Шпиленко, сын Николай «Погиб на фронте под Москвой, похоронен в д. Уткино Московской обл.». На сайте “Память народа” приведены такие данные: красноармеец Щелкан Николай Николаевич, призван из Ленинского района г. Москвы, погиб «19.1.1944»²¹¹.

Его сестра-близнец Марина преподавала английский язык в МХТИ, была замужем за Игорем Ивановичем Черкасовым. Муж был инженером-полковником ВВС, доктором технических наук, профессором, заведующим кафедрой в МИИТ, одним из первых исследовал грунт луны.

На Новодевичьем кладбище рядом с Николаем Сергеевичем похоронена его вторая жена Екатерина Ивановна и их дети Сергей и Галина. Скромные надгробные плиты на могилах сохранились. Но по тому, как все кругом заросло травой, видно, что никто за захоронениями не ухаживает.

Александра Алексеевна Танеева и ее семья

Изо 6–25. А. А. Танеева²¹².
Музей С. И. Танеева в Дюткове.

Переходим к следующей сестре дергайковского помещика Василия Маклакова – **Александре Алексеевне Танеевой** (урожд. **Маклаковой**, 1874 – † 1947).

Саша родилась 16 сентября 1874 г. в имении **Ярцево** Дмитровского уезда, крещение состоялось в приходской Покровской церкви с. Храброво²¹³ (кроме нее и сестры Марии остальные дети в семье Маклаковых появлялись на свет в Москве). Одним из восприемников был дядя родившейся девочки Сергей Николаевич Маклаков. В Приложении–5 есть ее фотография в детстве (изо П5–01).

Сведений о жизни Александры до замужества почти нет, где она обучалась – нигде не сказано¹. Скорее всего, было только домашнее образование. Сохранилось ее детское письмо, которое она отправила отцу Алексею Николаевичу Маклакову: *«Милый папа! Я уже тебе писала один раз [...] Напиши мне пожалуйста отдельно. Я здорова. Целую тебя»*. И подпись: *«Саша Маклакова»*²¹⁴. Александра упоминалась в завещании отца, ей предназначалось, как и другим сестрам, 3.000 руб. А по завещанию двоюродной бабушки М. П. Степановой ей перешли *«Золотые вещи из сундука»*.

По листам отчетов полицейского наблюдения за В. А. Маклаковым, его сестра Александра жила летом в **Дергайково** в 1896 и 1897 гг., когда была еще девицей.

Выход замуж за Владимира Владимировича Танеева, семейная жизнь

В апреле 1898 г. Александра Алексеевна Маклакова вышла замуж за дворянина, прапорщика запаса Владимира Владимировича Танеева, который был старше ее почти на семь лет²¹⁵. Каким образом состоялось сватовство – прямо об этом нигде не сказано. Но возможные ответы имеются. Отец жениха Владимир Иванович Танеев был знаком с отцом невесты врачом, Алексеем Николаевичем Маклаковым. Об этом написал в своих воспоминаниях Василий Алексеевич Маклаков. Был и еще один вариант знакомства. Как далее будет показано, семейство Танеевых породнилось с семьей Щелканов. А, как мы уже знаем, в 1896 г. Маклаковы и Щелканы стали родственниками. Молодежь любит собираться вместе. На какой-то встрече и могло состояться знакомство Александры и Владимира.

Интересные воспоминания о свадьбе оставил дядя жениха, композитор С. И. Танеев. Он сделал такую запись в своем дневнике:

*«пошли к Танеевым, вместе с Володией пошли в церковь на Девичьем поле. [...] Долго ждали невесту, батюшка старенький, очень симпатичный. Никол[ай] Сергеевич Щелкан с женой, Ник. Алексеевич Маклаков, старушка Валентина Ник. Маклакова, актриса, нянюшка Маклаковых были в церкви. Церковь новая, чистая. Венчали долго. После поехали (я с Вас[илием] Алекс[еевичем]) к Танеевым обедать. Влад[имир] Ив[анович], которого я поздравил, отвел меня в маленькую комнату и жаловался на неблагодарность Володи, который должен был взять жену крупную и белокурую для поддержания и совершенствования расы (для этой цели Вл. Ив. давал ему читать разные книги), а женился на маленького роста женщине. За обедом чувствовалось некоторое недоумение по поводу того, что за Маклаковых не было предложено тоста. Молодые поехали на вокзал ([чтобы отправиться в] Демьяново), я вышел с Маклаковыми, встретил Софью Андреевну [Толстую]. С Елизаветой Алексеевной [Щелкан] я прошел по Пречистенке»*²¹⁶.

Жить Александра Алексеевна стала у мужа в Обуховом пер. в доме № 7. В нем в это время

¹ Напомним, что старшая сестра Елизавета Маклакова обучалась в частной гимназии Фишер. В списках учениц этой гимназии других сестер Маклаковых найти не удалось.

проживал свекор Владимир Иванович Танеев со своей семьей (этот дом родственники называли «Обухово»). А летом всем семейством переезжали в подмосковное имение Демьяново близ г. Клин. В большой усадьбе Танеевых собирались молодые люди, устраивали спектакли, было весело. На афише спектаклей в списке артистов можно увидеть фамилию Танеевых: А. А. — Александра Алексеевна (урожд. Маклакова), В. В. — муж Владимир Владимирович, В. И. — свекор Владимир Иванович. В представлении также принимала участие М. А. Маклакова (Мария, сестра Александры Алексеевны).

На следующий год после свадьбы, в октябре 1899, в молодой семье Танеевых родился первенец, мальчик Вова²¹⁸ (см. фото из П5–12 в Приложении–5). Домашние его звали Вава или Володя маленький, чтобы отличить от родителя, которого именовали Володя большой. Спустя полтора года появился на свет Сережа²¹⁹, родственники его называли Зязя.

Александра Алексеевна тесно общалась с братьями и сестрами Маклаковыми. Не только приглашала их к себе, но и сама с детьми ездила в гости к родственникам. Это подтверждает переписка, которая сохранилась в ОПИ ГИМ. Наиболее теплые отношения, по всей видимости, были с младшей сестрой Марией. Буквально через несколько недель после свадьбы Александра пригласила ее приехать в Демьяново:

*«хотя бы на один день. Советую тебе воспользоваться этим, сейчас очень хорошо, мы покатаемся верхом и тебе будет очень весело»*²²⁰. Когда Александра с детьми находились в Демьяново, она иногда просила сестру совершить покупки в Москве для нужд семьи, например, икру, семгу, конфеты и др. В 1900 г. писала: *«пришли с Еришовым для Крошечки [сына Володи — Авт.] чашку фарфоровую, я хочу начать его прикармливать, а то уже очень большой мальчик. Купи небольшую и покрасивее»*.

В 1905 г. Александра обращалась к Марии: *«мы с детьми приедем в Дергайково, если вы нас пригласите на май и начало июня»*. В августе 1911 г. ей же сообщила: *«Бог даст [...] приедем в Дергайково на целых два месяца»*. Год спустя Мария Маклакова писала из имения брату Василию: *«Приехала Саша с детьми, очень милы мальчики, из Демьянова привели им пони-лошадку, [...] мальчики ездят с утра до вечера»*. Регулярные поездки в Дергайково свидетельствуют, что там Александре и ее детям нравилось. Об этом говорят такие слова в ее письме: *«Дети постоянно мечтают о Дергайково»*.

В 1906 г. Александра написала сестре о трагедии, которая могла случиться с детьми: *«А ты знаешь я была близка к тому что-бы расшибить себе голову об стену. Оба мои мальчика были на волосок от смерти, особенно Вава. 18 ноября Зязя захворал, 20-го выяснился дифтерит в довольно серьезной форме, с осложнением в носоглотке, и безумным кровотечением из носа. Когда он*

СЕЛО ТАНЬЕВО-ДЕМЬЯНОВО.

СПЕКТАКЛЬ

16/28 августа 1898.

СТАРЫЙ ДРУГЪ, ЛУЧШЕ НОВЫХЪ ДВУХЪ.

Комедія Островскаго.

ЛИЦА:

Гаврила Прохорычъ Васютинъ, чиновникъ . . .	В. И. Танѣвъ.
Анфиса Карповна, жена его	Е. Л. Сытина.
Прохоръ Гаврилычъ, сынъ ихъ	П. В. Танѣвъ.
Татьяна Никоновна, мѣщанка	Н. А. Горбунова.
Оленька, ея дочь, портниха	А. А. Танѣва.
Пульхерія Андревна Гущина, чиновница . . .	М. А. Маклакова.
Вавила Осипычъ Густомѣсовъ, купецъ . . .	В. В. Танѣвъ.
Проситель	М. И. Чайковскій.
Орестъ, лакей	С. В. Танѣвъ.

КОТОРАЯ ИЗЪ ДВУХЪ?

Комедія въ стихахъ.

ЛИЦА:

Аркадій Ѳеодоровичъ Смѣловскій	В. И. Танѣвъ.
Наталя Павловна Кривская, вдова	М. А. Маклакова.
Наталя Павловна Кривская, замужняя дама .	З. П. Иванова.
Лиза, горничная	Н. П. Иванова.

Начало въ 8¹/₂ часовъ.

Печатать дозволено. 10 августа 1898 г. Клинскій Исправникъ **Берсъ.**

БЫСОЧ. УТВ Т-ВО СКОРОПЕЧ А. А. ЛЕВЕНСОНЪ. МОСКВА.

Изо 6–26. Афиша спектаклей в Демьяново²¹⁷, 1898.
Музей С. И. Танеева в Дютькове.

поправился немножко и встал на ноги, слег Вава но от страшного крупа настоящего. Доктор велел немедленно ехать с ним в больницу, где ему сделали трахеотомию. Через несколько часов было-бы уже поздно. 6 суток врачи не ручались на него»²²¹. К счастью, все обошлось.

О жизни Александры Алексеевны после революции сведений, к сожалению, нет. В поколенной росписи Танеевых (об этом источнике речь пойдет ниже) приведен год ее смерти – 1947, место погребения не обозначено. В музее им. Л. Н. Толстого хранится фотография А. А. Танеевой в пожилом возрасте (см. изо П5–06), указано место съемки и год: Чехословакия, 1930. Получается, что она эмигрировала и жила за границей? Достоверного ответа на этот вопрос, увы, пока нет.

Дети Александры Алексеевны Танеевой

Поговорим теперь о детях Танеевых. Прямо скажем, информации о них не густо. О сыне **Сергее** известно, что он учился в училище или гимназии (про учебу написано в одном из писем его матери). О дальнейшей его судьбе информация отсутствует. По информации из поколенной росписи, другой сын, **Владимир**, жил в Мукачево, умер в 1974 г. Там же показано, что у него было три ребенка (см. древо рода изо 6–29). Были ли у них свои семьи, потомки – не сказано.

По данным ковровских краеведов Н. В. и Э. В. Фроловых, у Танеевых был и третий сын – **Александр**. Родился он в 1916 г. в г. Коврове Владимирской губернии, «беспартийный, формовщик чугунолитейного цеха Ковровского экскаваторного завода, призван в РККА (июль 1941), погиб на фронте»²²². В интернете нашлась информация о том, что Александр Владимирович Танеев умер от ран в 1942 г., похоронен в дер. Хотицы Калининской (ныне Тверской) области. У него было два ребенка (см. древо рода). Все хорошо, но смущает то, что в других источниках о наличии сына Александра у В. В. Танеева ничего не сказано. Возможно, этот Александр был просто однофамильцем или кем-то из дальних родственников. Так что с ним не все ясно.

Таким образом, вопрос о продолжении рода по линии Александры Алексеевны Танеевой (урожд. Маклаковой) остался открытым.

Муж Владимир Владимирович и его родственники дворяне Танеевы

Если посмотреть на древо, то можно заметить, что имя Владимир было популярно в роду Танеевых. В четырех поколениях подряд в семьях Танеевых рождались мальчики Володи, причем трое были полными тезками Владимиры Владимировичи. Так звали супруга Александры Алексеевны, ее сына и внука. Далее разговор пойдет о первом из них – муже **Владимире Владимировиче Танееве** (1868 – † ?).

Владимир Владимирович, супруг Александры Алексеевны Маклаковой

По данным из нескольких источников, будущий супруг Александры Алексеевны родился 13 марта 1868 г. А вот место рождения нигде не указано, его удалось установить из архивного дела о поступлении в университет. Там написано, что Володя родился в Петербурге, где в то время его отец, Владимир Иванович Танеев, служил присяжным поверенным. Крещение состоялось в Симеоновской церкви на Моховой ул., восприемницей была записана бабушка Варвара Павловна Танеева²²⁴. За крепкое здоровье мальчика называли богатырем. Позднее у него появились два брата – Сергей и Павел, – и две сестры – Александра и Елена.

По сведениям из того же архивного дела, Володя начал учиться в частной гимназии Поливанова, потом перешел в Первую московскую гимназию. В учебе не блистал, в аттестате одни тройки, за исключением четверок по закону Божьему и французскому языку. Но этого оказалось достаточно, чтобы поступить в 1890 г. на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Весной 1895 г. Владимир завершил учебу, прошел все «испытания» и получил диплом первой степени. Эти сведения до-

Изо 6–27. В. В. Танеев²²³, 1910-е (?).
Музей С. И. Танеева в Дютькове.

полняют воспоминания брата Павла Владимировича Танеева: «*мой брат в университете на втором курсе начал слушать лекции К. А. Тимирязева¹ по физиологии растений и заниматься на специальном практикуме по этому предмету. Талантливое, красочное изложение предмета и глубокое содержание живо интересовали моего брата и он решил специализироваться у Климента Аркадьевича по физиологии растений*»²²⁵.

По окончании учебы в университете В. В. Танеев отбывал воинскую повинность «*в 4-м Гренадерском Несвижском полку*»²²⁶, было это в 1895–1896 гг. По увольнении стал прапорщиком запаса.

Композитор Сергей Иванович Танеев довольно часто упоминал племянника Владимира в своем дневнике. Так, в 1898 г. им была сделана запись: «*Зашел к Володе в Обух[овский] пер[еулок]. Жена его понравилась*»²²⁷. Спустя пару лет композитор писал, что Владимир принес ему деньги. Это были деньги за продажу леса в имении Крутово Владимирской губернии. Через некоторое время он вновь получил от него деньги, на сей раз за проданную землю.

В 1901 г. Владимир Владимирович подал прошение о желании учиться в Московском сельскохозяйственном институте²²⁸ (ныне Тимирязевская академия). Надо полагать, зачисление в студенты состоялось, и он успешно окончил это учебное заведение. Так В. В. Танеев стал ботаником.

Очевидно, что выбор профессии произошел под влиянием профессора **Климента Аркадьевича Тимирязева**, чьи лекции Владимир Владимирович слушал в университете. Но не только там он имел возможность общаться с профессором, они также виделись в усадьбе отца – Демьяново. С начала XX в. К. А. Тимирязев каждое лето приезжал в Демьяново, снимал дачу у В. И. Танеева, организовал там лабораторию. Несомненно, когда Володя приезжал в гости к отцу, он виделся и с профессором, общался с ним.

По окончании института В. В. Танеев был направлен в Херсон. Судя по письму свояченицы Марии Маклаковой, в феврале 1905 г. он ездил в этот город, чтобы познакомиться с будущим местом работы на должности преподавателя местного сельскохозяйственного училища. Владимир Владимирович остался доволен предоставляемой квартирой, а также директором указанного училища.

По воспоминаниям П. В. Танеева: «*В 1905 году, когда мой старший брат Владимир Владимирович был преподавателем Херсонского сельскохозяйственного училища и летом проводил каникулярное время у отца, к нам приехали ученики выпускного класса этого училища (14 человек) с преподавателем математики Кирьяковым. Климент Аркадьевич [Тимирязев] любезно предложил брату В<ладимиру> В<ладимировичу> прочитать лекцию для этих учеников о связи агрономии с физиологией растений*».

В январе 1906 г. в Херсон в гости к сестре Александре Танеевой ездила сестра Мария Маклакова. В письме брату Василию она описала, как все происходило: «*Вчера вечером я была уже в Херсоне, Саша выехала ко мне на встречу, радовалась ужасно. [...] Мы с Сашей не ссоримся, хотя она страшная революционерка. Ей одной очень трудно приходится с деньгами и она безумно экономна и расчетлива. Совсем ее не узнаешь. Дети – сорванцы ужасные, грязны, оборваны до последней степени, но очень приятны. Твой крестник [старший сын Владимир – Авт.] стал было учиться, но когда все вокруг забастовали, он решил тоже бастовать и прекратил уроки*»²²⁹.

Летом 1907 г. Александра Алексеевна ездила с детьми в Бердянск на Азовское море. Об этом написано в дневнике композитора С. И. Танеева, который был в том же городе в это же время. Родственники ходили друг к другу в гости, вместе отдыхали.

В 1910 г. Александра сообщила сестре Марии, что «*Володю переводят в Казань*». Куда именно – не написала. Это удалось установить. В 1915 г. была напечатана небольшая книжка с названием «Казанское сельскохозяйственное училище». На ее обложке написано: «*Составил директор училища В.В. Танеев*». К сожалению, в самой книжке Владимир Владимирович не привел сведений о себе и семье (это, в общем-то, понятно, издание посвящено училищу). Указан лишь годовой оклад директора, т.е. его собственный – 3.200 руб.²³⁰.

Сохранилось несколько фотографий В. В. Танеева. На одной из них (изо 6–27) он в мундире, очевидно, учительском или директорском (другое фото изо П5–13 в Приложении–5). На груди видны

¹ «Климент Аркадьевич Тимирязев – крупный русский ученый-естествоиспытатель, специалист по физиологии растений, исследователь фотосинтеза, популяризатор и историк науки, заслуженный профессор Московского университета, член-корреспондент Петербургской академии наук» (интернет).

два знака об окончании сельхозинститута (вверху) и Московского университета (внизу). Видно, какой статный был мужчина, одна борода чего стоит. Описание внешности Владимира Владимировича оставил художник В. А. Васнецов: «*Был он большого роста, крепкого сложения, носил окладистую бороду и очень походил на Александра III*»²³¹.

В интернете можно найти сведения (без ссылки на первоисточник) о том, что во время Первой мировой войны В. В. Танеев пошел добровольцем на фронт и погиб в 1916 г. Довольно странное решение для директора училища. Несколько иная версия высказана в воспоминаниях В. А. Маклакова: «*погиб во время отступления белых войск через Сибирь на Восток*». Здесь речь уже о Гражданской войне. Эта версия выглядит более правдоподобной, если принять во внимание, что в 1918 г. Казань была занята белогвардейцами. Вместе с ними при отступлении мог вполне отправиться и директор Казанского сельхозучилища.

Как видим, версии по обстоятельствам и времени гибели В. В. Танеева отличаются, но сходятся в том, что муж Александры Алексеевны погиб во время войны.

Род дворян Танеевых

«*Щит разделен перпендикулярно на три части, из коих в первой в голубом поле изображена выходящая из облака в золотых латах рука с саблею. Во второй в золотом поле Минерва со щитом и с копьем. В третьей части в красном поле крестообразно положены золотые лук, сабля и золотая стрела, остроконечиями к левым углам обращенные. Щит увенчан дворянскими шлемом и короною, на поверхности которой видны два черные орлиные крыла и между их три страусовых пера. Намет на щите красного и голубого цвета, подложенный золотом. Щит держат два: с правой стороны лев, а с левой воин с открытой головою в Польской одежде, вооруженный саблею и в руке держит золотой лук*»²³².

Изо 6–28. Герб рода дворян Танеевых.

Разговор о супруге Александры Алексеевны был бы неполным, если не поговорить о его происхождении, о роде Танеевых.

В наше время вышла книга «Вокруг Танеевых», в которой говорится, что это был старинный дворянский род, корни которого уходят в XV столетие. В тексте проведена поколенная роспись рода, включающая 140 персон, отдельные сведения из нее уже приводились в настоящей книге. Среди представителей рода были бояре, воеводы, стряпчие, стольники, которые за достойную службу награждались поместьями. Имелось несколько предводителей губернских и уездных собраний дворянства, много офицеров, включая генералов и бригадиров. Представители рода Танеевых внесены в шестую часть дворянских родословных книг ряда губерний.

О предках Танеевых оказалось довольно много информации. Владимир Иванович Танеев (отец Владимира Владимировича) оставил большую рукопись «*Детство. Юность. Мысли о будущем*», которая в советское время была издана в виде отдельной книги. В серии «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ) вышла книга Н. Д. Бажанова, посвященная композитору Сергею Ивановичу Танееву. В ней имеются сведения и о роде. Есть и другие издания, посвященные этому музыканту. Помимо этого, опубликовано несколько статей и книжек, среди которых в первую очередь стоит отметить материалы ковровских краеведов Н. В. и Э. В. Фроловых.

А уже в наше время ученый П. М. Морозов защитил кандидатскую диссертацию на тему: «*Владимир Иванович Танеев: жизнь и деятельность*». В этом труде отмечены общие черты, свойственные представителям рода: «*необыкновенная чистоплотность, страсть к музыке и поэзии, а также любовь к лошадям. Кроме того, почти всем Танеевым была присуща болезнь ног*»²³³.

Представители этого рода, жившие в начале XX в., не знали своих предков дальше прадеда. В родословной Танеевых разбирались современные исследователи. В книге Фроловых основателем рода (1-е поколение) назван Василий Танеев²³⁴. А в 11-м колене показан Илья Михайлович. Владимир Иванович Танеев о нем писал в рукописи: «*Дед мой, Илья Михайлович Танеев был богатый по-*

мещик. Ему принадлежала, между прочим, в Арзамасском уезде Нижегородской губернии часть большого села Кобылина, в котором было несколько помещиков. Он служил в гвардии, дослужился до бригадира, вышел в отставку и поселился в Кобылине. [...] Насколько он был добродушен и мягок, настолько его жена, бабушка Александра Михайловна была энергична, строга и сурова. У них было четырнадцать человек детей: пять сыновей и девять дочерей. [...] Каждый из четырнадцати наследников получил очень немного»²³⁵. Одного из сыновей звали Иван. О нем и пойдет далее речь.

Дедушка Иван Ильич Танеев

Иван Ильич Танеев – это дедушка Владимира Владимировича Танеева, мужа Александры Алексеевны Маклаковой. О нем довольно много материала в рукописи его сына Владимира Ивановича, начиная с детства. Так написано, что Илья Михайлович отвез своего сына Ивана, которому было в то время 11 или 12 лет, «в Петербург учиться и поместил в Петропавловское училище. Но через три дня он взял его оттуда. Ему стало жаль мальчика. В училище пороли ежеминутно за каждую безделицу. Скамейка, на которой секли учеников, постоянно стояла в классе. Особый солдат состоял при заведении, чтобы сечь воспитанников. Беспременно гувернер или учитель посылали за ним. Сечение называлось полировкой».

Отец отвез сына в другой пансион, потом в следующий. В 13 лет Иван поступил на службу, но спустя несколько лет оставил ее, пожелал продолжить образование. Стал учиться в Демидовском училище, находившемся в Ярославле. А в 1818 г. И. И. Танеев поступил в Московский университет. Его считали одним из лучших студентов. Спустя три года он стал «кандидатом по отделению словесных наук». После этого Иван Ильич стал готовиться на степень магистра и одновременно продолжил обучение на медицинском факультете университета. В книге ЖЗЛ утверждается, что И. И. Танеев учился и на третьем факультете университета – математическом. На самом деле, по мнению Е. В. Фетисовой, – на факультете нравственных и политических наук.

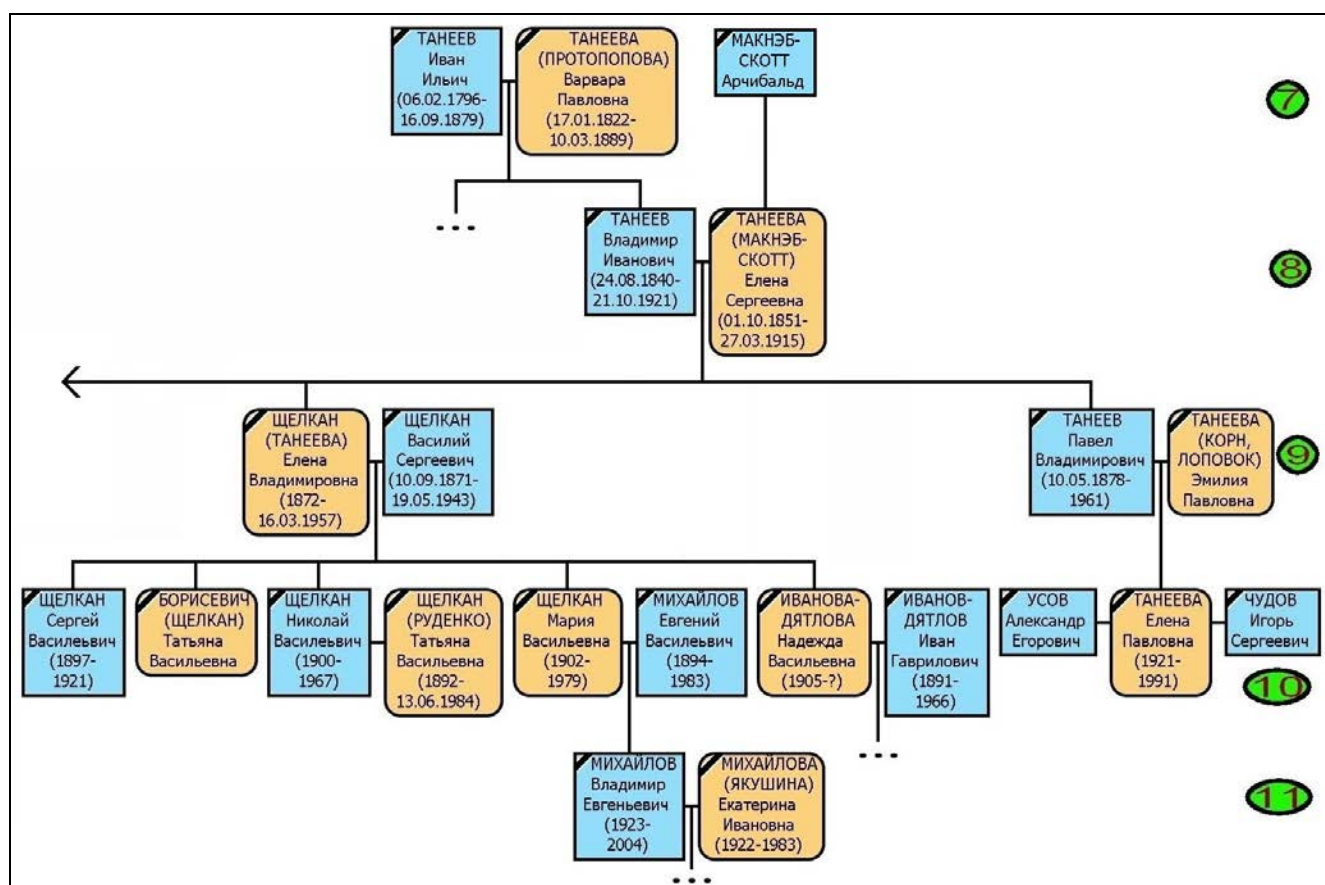
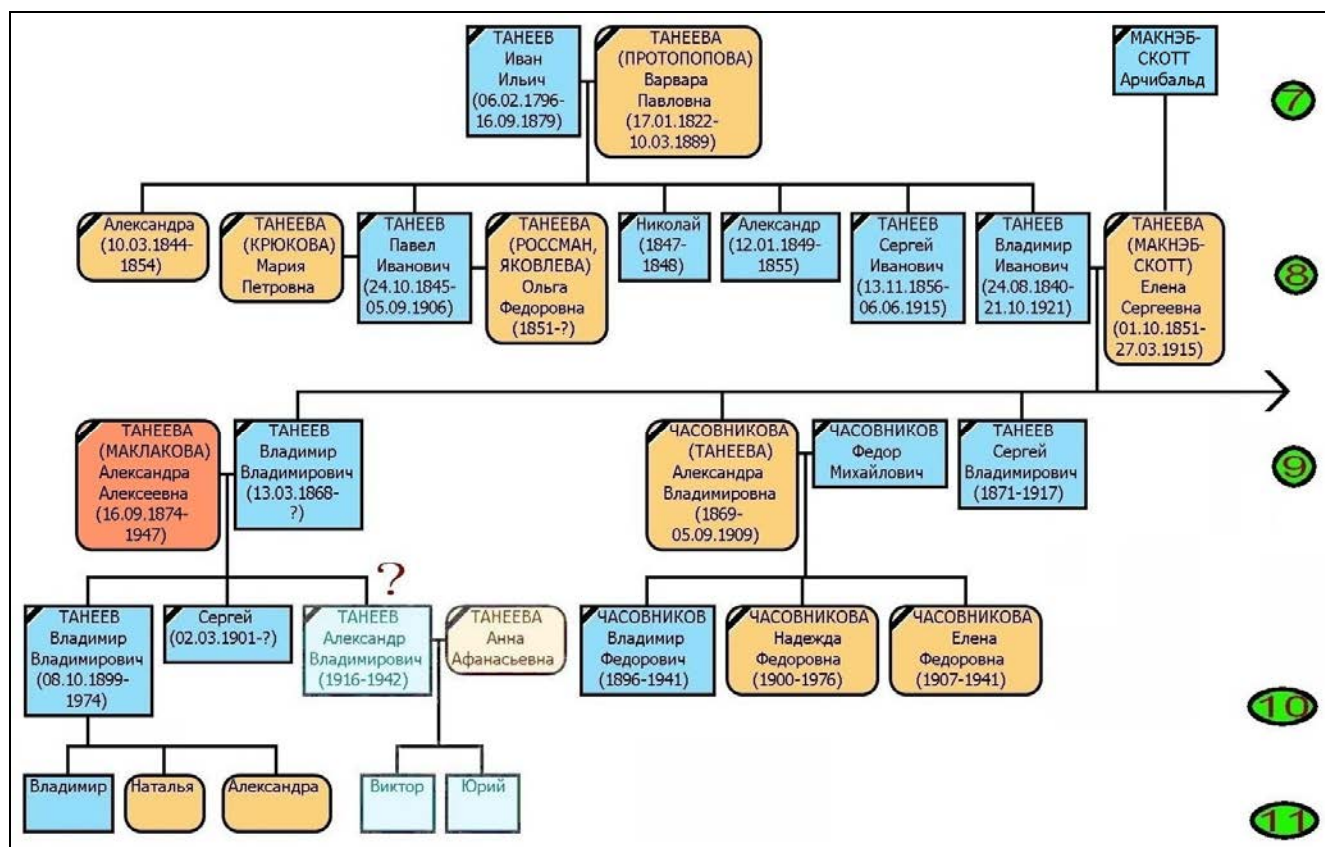
В 1827 г. в жизни Ивана Ильича произошли важные события: 27 апреля он получил «звание магистра словесных наук», а 8 июня – звание «лекаря первого отделения». Как написано в рукописи В. И. Танеева: «Когда отец кончал курс в университете, профессора обоих факультетов пророчили ему блестящую будущность». Но Иван Ильич выбрал другой путь: «поступил на службу в дирекцию постройки шоссе от Москвы до Твери». Спустя два года дирекция закрылась, и он вышел в отставку. Через некоторое время вновь поступил на службу «в Московском почтамте по цензурной части». Здесь прослужил шесть лет.

1839 оказался еще одним знаковым годом в жизни И. И. Танеева: «он получил во Владимире место советника палаты государственных имуществ». Пospособствовал этому назначению влиятельный родственник Александр Сергеевич Танеев, действительный тайный советник, статс-секретарь, сенатор, член Государственного совета. По приезду в г. Владимир Иван Ильич вскоре женился на **Варваре Павловне** (это бабушка Владимира Владимировича). Она была единственной дочерью в небогатой семье Марфы Антоновны и Павла Андреевича Протопопова, служившего повыхчиком (делопроизводителем), потом секретарем во Владимирской консистории²³⁶. Невеста оказалась на четверть века (!) моложе жениха.

23 года Иван Ильич Танеев трудился в палате государственных имуществ: «был советником, но и начальником хозяйственного отделения». Дослужился до чина статского советника, был награжден орденом св. Станислава 2-й ст.

В г. Владимире в семье Танеевых родились шестеро детей (их имена и года жизни показаны в древе рода из 6–29). В 1854–1855 гг. семью постигло большое горе. В Петербурге от кори умерла единственная дочь Александра, которая воспитывалась в Смольном институте. В том же городе находился и сын Владимир, он тоже заболел корью, но выжил. А во Владимире болела почти вся семья Танеевых, сын Александр скончался от скарлатины. С учетом того, что еще раньше младенцем умер сын Николай, в семье остались три мальчика: Владимир, Павел и Сергей. Они все дожили до взрослых лет. Здесь приводятся фрагменты родословного древа, составленного по материалам поколенной росписи из книги Фроловых, и дополненного сведениями из архивных источников и данными, полученными от потомка Елены Владимировны Фетисовой.

Семья Танеевых жила во Владимире в своем доме на дальнем конце Дворянской ул. Это был дом Варвары Павловны, он ей достался по наследству. По воспоминаниям сына Владимира: «Дом был большой, просторный, пожалуй, даже уютный. Но в жилых комнатах в любое время года

Изо 6–29, 6–30. Фрагменты древа Танеевых (левая и правая части).

стояла невыносимая духота. Во всем доме отсутствовали форточки. Иван Ильич, хотя и медик, почитал свежий воздух враждебной человеку стихией и всеми средствами старался обезопасить себя и близких от ее пагубного воздействия. Даже на кормилицу, когда среди лета выносили в сад младенца, напяливали лисий салон»²³⁷.

Иван Ильич Танеев был неординарным человеком. У него отмечали две страсти: постоянная тяга к учению и к музицированию, несмотря на отсутствие музыкального слуха. Он старался привить любовь к музыке своим детям. В отношении младшего сына Сергея это удалось, он стал композитором. А вот со старшим сыном Владимиром все вышло иначе. Тот вспоминал, как отец в детстве мучил его музыкальными уроками и в итоге «внушил мне к музыке отвращение».

Владимир Иванович вспоминал об отце: «был среднего роста, плотный, моложавый, настоящий сангвиник. Он был добродушен, вспыльчив, весел, любезен, разговорчив, ловок, неугомонный танцор, очень приятен в обществе и большой чудак. Учиться, постоянно учиться, и при том без всякой системы, без всякого толку, было его страстью [...] выходил из себя из-за пустяков, но гнев его проходил очень быстро. Зла он никогда не помнил, никогда никому не мстил. [...] В один год он лишился двоих детей, постарел, поседел, но не опустился, не упал духом»²³⁸.

Об увлечении Ивана Ильича музыкой старший сын написал так: «преобладающей его страстью была всегда страсть к музыке. [...] С семилетнего возраста он неугомонно учился играть на фортепьяно, на скрипке, на гитаре, на флейте? И постоянно жалел, что его поздно начали учить музыке. Музыка отнимала у него все время, свободное от службы и от карт. В доме была постоянная музыка». И далее: «про него нельзя было сказать, что он играет. Он делал что-то совсем другое. Он издавал дикие бессвязные звуки. [...] и все-таки он оставил о себе во Владимире память, как о замечательном музыканте».

Было и другое увлечение: «отец так же страстно любил поэзию. Он написал множество стихотворений: од, идиллий, романсов, посланий, басен, эпиграмм, эпитафий, надписей, экспромтов, мадригалов, несколько трагедий, комедий». Вот название книжки, изданной им в 1819 г.: «Свободные минуты, или Собрание мелких стихотворений Ивана Танеева»²³⁹. Как написано в книге ЖЗЛ: «За стихотворные сочинения Иван Ильич Танеев был избран в члены Общества любителей российской словесности»²⁴⁰. А вот сын Владимир Иванович невысоко оценивал таланты родителя: «Он писал плохие стихи, которые восхищали его знакомых и особенно его самого».

В 1865 г. (по другим данным в 1866) Танеевы переехали в Москву, купили дом № 7 в Обуховом¹ пер. Как написано в диссертации Морозова, это был дом матери Варвары Павловны, который она приобрела на средства от продажи своего дома во Владимире. У супруга Ивана Ильича были и собственные владения: «191 душа в Ковровском и Меленковском уездах Владимирской губернии, 125 душ в селе Цыкуль и деревне Новая, Бараново тож, Меленковского уезда (1850)»²⁴¹.

Супруги Танеевы, Иван Ильич и Варвара Павловна, умерли в Москве, похоронены на кладбище Донского монастыря, могилы их сохранились.

Дядя Павел Иванович Танеев

Как уже отмечалось, в семье Ивана Ильича выросло трое сыновей.

О среднем сыне Павле Ивановиче Танееве на одном из сайтов размещена следующая информация: «После окончания Владимирской губернской гимназии в 1863 году служил чиновником Государственного управления коннозаводства, избирался почетным мировым судьей по Владимирскому уезду, работал присяжным поверенными и присяжным стряпчим (адвокатом), член Юридического общества при Петербургском университете. Параллельно занимался коммерцией, занимал пост директора Невской писчебумажной фабрики»²⁴².

На другом сайте написано, что П. И. Танеев писал рассказы (в основном охотничьи) под псевдонимом «Нетаев». Уже после смерти под его авторством вышла книга: «Екатерина Николаевна Васильева и Московский театр конца 60-х годов»²⁴³.

В интернете нашлись и такие сведения: «С юношеских лет Павел Иванович любил театр, со старшим братом Владимиром ставил спектакли в беседке родного дома в городе Владимире, приглашая к участию в них владимирскую молодежь. Потом он интересовался репертуаром и по-

¹ Здание сохранилось, в путеводителях его именуют «Дом М.Ф. Тюриной – Танеевых». Современный адрес: Чистый пер., дом № 7, стр. 1. Ныне здесь находится детская музыкальная школа им. С. И. Танеева.

стоянно посещал Малый театр в Москве, Мариинский и Александринский театры в Петербурге, был знаком с А. Н. Островским. Павел Иванович обладал литературным дарованием и писал статьи и эссе о театральных актерах, спектаклях и др. Круг его общения был широк, теплые отношения связывали его всегда с братьями и племянниками, он очень помогал Сергею Ивановичу при постановке его оперы «Орестея» в Мариинском театре»²⁴⁴.

По информации, полученной от потомка Е. В. Фетисовой, Павел Иванович был дважды женат. Первую жену звали Ольга Федоровна (урожд. Россман), а вторую – Мария Петровна (урожд. Крюкова). О детях сведений нет. П. И. Танеев жил в Петербурге и умер там же в 1906 г. в чине действительного статского советника.

Отец Владимир Иванович Танеев и мать Елена Сергеевна

О двух других сыновьях Ивана Ильича – старшем Владимире и младшем Сергее – напротив, материала оказалось много, о каждом поговорим отдельно. Но сначала хотелось бы привести цитату из воспоминаний поэта Андрея Белого:

*«Помнится мне, ребенку, маленький танеевский особняк в Обуховом переулке: долгое время в нем жили два брата: композитор, Сергей Иванович, и адвокат, Владимир Иванович. Вынося за скобку общую чудачливость, по-разному проявляемую, они были полной противоположностью друг другу: худой, бледный, русский, мрачный, злопамятный Владимир Иванович и полный, розовый, почти чернобородый, незлобивый и рассеянный весельчак Сергей Иванович, ушедший в музыку, которую брат ненавидел: не мог выносить. Брату Сергею надо было играть на рояли: но от звуков рояли брату Владимиру делалось дурно; [...] Совершенно ясно: “братцы” должны были разъехаться; рознь их шла по всему фронту; например: Сергей Иванович, друг дома Толстых, почитатель Льва Николаевича; Владимир Иванович питал к Толстому совершенно исключительную ненависть»*²⁴⁵.

К сказанному о различиях можно еще добавить, что Сергей Иванович остался холостым, а Владимир Иванович был женат, имел пять детей. Поэтому совершенно естественно, что родительский дом покинул одинокий Сергей, оставив жилье многочисленной семье брата.

Теперь перейдем к рассказу о **Владимире Ивановиче Танееве**. Это был известный общественный деятель, видный юрист, философ и социолог. Вот как о нем писали в советское время: *«выдающийся представитель русской революционно-демократической мысли. Он был идейно близок Белинскому, Герцену, Чернышевскому, Добролюбову, Писареву, Салтыкову-Щедрину. С последним Танеев был лично знаком. В дружеских отношениях он находился с К. А. Тимирязевым»*²⁴⁶.

Володя оказался первенцем в семье Ивана Ильича и Варвары Павловны Танеевых. Он родился на следующий год после свадьбы родителей, случилось это 24 августа 1840 г. Родился слабым, его всячески оберегали, даже летом одевали в теплую одежду. Сам он о том времени вспоминал с неприязнью: *«Раннее мое детство было непривлекательно. Оно не представляет почти никаких светлых воспоминаний. Так же непривлекателен, как мое детство, был и наш дом. В нем было вначале мрачно, темно, тесно, даже грязно. Ужасная, невыносимая духота. Дом был заставлен мебелью. Мебель старая, огромная, тяжелая, нескладная, двадцатых годов. Стены были выкрашены желтой больничной краской и имели печальный, тоскливый вид»*²⁴⁷.

Владимир оказался успешен в учебе, чтению начал учиться с трех лет. Благодаря хорошей памяти он с детства помнил целые главы «Евгения Онегина». *«К семи годам он уже совсем легко, как взрослый, читал по-русски, говорил по-французски, по-немецки и по-латыни»*. А вот музыку, как уже говорилось, невзлюбил на всю жизнь. Как написано в диссертации Морозова, Владимир Иванович называл всех музыкантов идиотами, а брата Сергея – *«суций идиот»*. Как отметила Е. В. Фетисова, у В. И. Танеева было специфическое чувство юмора. На самом деле он посещал концерты, как в России, так и во время своих зарубежных поездок. Это подтверждают дневниковые записи С. И. и В. И. Танеевых.

К 13 годам *«он уже столько знал, что мог бы, занявшись еще один год, поступать в университет, куда он очень стремился»*. Однако отец по совету влиятельного родственника С. А. Танеева отдал его в училище правоведения, находившееся в Петербурге. Девять лет он там учился и по окончании устроился на службу в Министерство юстиции. Но начальник оказался настолько суров, что Владимир Иванович, проработав всего две недели, подал в отставку. Последующие несколько лет жил тем, что давал уроки. Изучил историю Французской революции и преподавал ее в морском кадетском училище.

С 1866 г. В. И. Танеев начал заниматься адвокатской деятельностью. Как писал его сын Павел: *«В Петербурге его знали, как человека высокообразованного, красноречивого адвоката, хорошо знающего законы, чрезвычайно смелого, который критиковал существующие порядки царского строя и порядки в новых судах. Он быстро выдвинулся, скоро был выбран в совет петербургских присяжных поверенных»*²⁴⁸.

В феврале 1867 г. Владимир Иванович женился на Элен (в России **Елене Сергеевне**), урожд. **Макнэб-Скотт** (McNab-Scott), которая была намного его младше. Она была дочерью судового механика Арчибальда Макнэба, который приехал строить Николаевскую железную дорогу¹. Это был выходец из Шотландии, дальний родственник писателя В. Скотта. Спустя год в семье Танеевых родился первенец, мальчик Володя – тот самый, который впоследствии станет мужем Александры Алексеевны Маклаковой.

В 1872 г. Владимир Иванович переехал в Москву, вошел в Московский совет присяжных поверенных. А спустя пять лет стал председателем этого совета. О нем писали: *«Специализировался в основном на гражданских делах, рассматривая вопросы наследования. Пользовался огромным уважением среди так называемой молодой адвокатуры»*. В начале 1890-х гг. завершил активную адвокатскую деятельность.

В. И. Танеев был человеком большой культуры и широкого кругозора, придерживался левых, утопических взглядов. Основатель коммунистического движения Карл Маркс называл Владимира Ивановича *«преданным другом освобождения народа»*. Он прислал фотографию с дарственной надписью: *«На память господину Танееву. Лондон 23 декабря 1871 года. Карл Маркс»*²⁴⁹.

Вокруг В. И. Танеева всегда было много людей. Вот что написано об этом в интернет-энциклопедии: *«С 1875 г. домашние собрания небольшого кружка друзей Танеева переросли в ежемесячные т. н. академические обеды в ресторане “Эрмитаж”. Постоянными участниками “обедов” в разное время были К. А. Тимирязев, позднее их стали посещать химики И. А. Каблуков и В. Ф. Лугинин, [...] физики А. Г. Столетов и П. Н. Лебедев; медики С. С. Корсаков, В. П. Сербский, И. М. Сеченов; деятели искусства П. И. Чайковский, С. И. Танеев, А. М. Васнецов, А. И. Сумбатов-Южин, Б. Б. Корсов, М. Н. Ермолова; писатели И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин»*²⁵⁰. На этих собраниях Владимир Иванович высказывал свободолобивые мысли. Однако ему все сходило с рук, и под надзором полиции он не состоял. Чем объяснить – неизвестно. При этом, как писал поэт А. Белый: *«в абсолютной честности Танеева не сомневался никто»*.

В 1883 г. Владимир Иванович на доходы от адвокатской деятельности приобрел усадьбу Демьяново Клинского уезда и тут же занялся ее перестройкой. С самого начала попытался наладить добрые отношения с местными крестьянами. Закрыв в имении сандаловый завод, от которого затоплялись общественные луга и уничтожались покосы. Кроме того, *«дал крестьянам для выпаса скота безвозмездно 40 десятин земли и налоги за эту землю уплачивал сам»*.

Когда в Клину в 1885 г. случился страшный пожар, в результате которого выгорел почти весь город, Танеевы *«организовали доставку хлеба, овощей и молока для наиболее бедной части населения. Каждый день в Демьяново выпекался хлеб в таком количестве, какое могли дать две имевшиеся печи, загружали продовольствие на полки, отвозили в город и раздавали бесплатно беднейшему населению, пострадавшему от пожара»*²⁵¹.

В усадьбу Демьяново приезжало много гостей. Среди них родственники Танеевы, Маклаковы, Щелканы, были друзья и знакомые люди. Владимир Иванович сдавал свободные помещения (флигели) под дачи. С 1900 г. в усадьбу ежегодно в летнее время приезжал профессор Московского университета Климент Тимирязев, который устроил здесь свою лабораторию. Часто отдыхал художник Аполлинарий Васнецов (брат художника Виктора Васнецова). Бывали и другие знаменитости.

Если говорить о недвижимости, то помимо усадьбы Демьяново и дома в Москве, у Владимира Ивановича совместно с братом Сергеем имелось родовое имение, которое досталось им в 1879 г. после кончины отца. Это были 227 дес. земли при с. Крутово в 8 верстах от с. Марининоⁱⁱ Ковровского уезда Владимирской губернии²⁵². По рассказам старожилов села, в начале XX столетия В. И. Танеев неоднократно посещал марининскую родовую усадьбу.

ⁱ По данным Е. В. Фетисовой, основная его работа в России была в Обществе пароходства по Волге.

ⁱⁱ Сейчас в с. Маринино Ковровского района в бывшем усадебном доме открыт музей-усадьба Танеевых.

Главной страстью Владимира Ивановича было собирание книг. Начало было положено еще в детстве, затем во время учебы в училище правоведения. Во Франции и Германии были куплены 150 томов. Почти все свободные средства он тратил на приобретение книжных новинок. Василий Алексеевич Маклаков вспоминал, что благодаря книгам состоялось его знакомство с Владимиром Ивановичем: *«он предложил мне составить каталог для части его библиотеки. Исключительной по ценности и интересу»*²⁵³. Через какое-то время коллекция насчитывала уже 20.000 томов. Понадобилось отдельное помещение для библиотеки. В. И. Танеев затеял перестройку главного дома в усадьбе, сам же с семьей перебрался *«в боковую дачу»*. Как написано в одной из публикаций: *«жил в новом доме не более двух с половиною месяцев в году, прочие девять с половиною месяцев ютятся кое-как, в двух комнатных кабинетах; зимой в библиотеке даже нельзя было работать в теплой одежде; такой там стоял сырой холод»*²⁵⁴.

Теперь хотелось бы поговорить о том, каким человеком был Владимир Иванович Танеев.

Поэт Андрей Белый, который был с ним знаком, в своей книге написал: *«Выше среднего роста, скорее худой, с бледноватым, бессонным лицом, обрамленным узкою, русою бородою, с мягчайшею шапкою русых волос, с лбом покатым, сбегаящим в монументальный, весьма перепудренный нос сизо-синий, с опущенными серыми, пронизывающими мимолетом глазами, в лицо не глядящими, все подмечающими, вовсе не франтоватый (от безукоризненности “стиля” костюма), он тихо входил, будто вкрадываясь»*²⁵⁵. О Владимире Ивановиче говорили: *«сторонник античной красоты и физкультуры», «помешан на чистоте»*.

А вот как писал о нем М. В. Сабашников: *«С внешности сухой и язвительный, он представлял прямую противоположность своему добродушному сырому брату [Сергею]. Он считался великим острословом, и меткие его словечки и замечания повторялись и ходили по Москве. Особенно любил он говорить парадоксы. Он произносил их всегда неожиданно и с неподражаемой простотой, как вещи само собою понятные, вызывая у присутствующих одновременно и взрывы смеха и негодующие возражения»*²⁵⁶.

В. И. Танеев совершал неординарные поступки. В диссертации Морозова описан такой случай. Когда сыну Павлу *«было еще три года, он пожелал залезть в пруд и чуть не утонул. Гувернантка с опасностью для своей жизни его вытащила. Владимир Иванович рассчитал гувернантку. – Мой сын свободен, – объяснил он, – раз он хочет утонуть, вы не имеете права ему препятствовать»*²⁵⁷. Дикий случай с точки здравого смысла. Даже и не верится, что такое могло произойти. Как сообщила Фетисова, Владимир Иванович придерживался системы свободного воспитания детей.

По словам А. Белого, Владимир Иванович был ярким атеистом. Причем *«не просто безбожником, но и хулителем, проклинателем бога, высказывая истины, от которых чуть ли не падали в обморок»*. А ведь семья его родителей И. И. и В. П. Танеевых была очень набожной. Как написано в той же диссертации, Володя в детстве каждый вечер молился, но смысла молитв не понимал. Это было что-то *«вроде необходимого ритуала, нарушение которого грозило бедами»*. В вере *«он видел лишь насажденный русским обществом обычай»*.

Последние годы жизни Владимира Ивановича оказались крайне тяжелыми для него. Он жил очень скромно, капитала не имел, а доход от имения был невелик. В 1909–1917 гг. скончались жена Елена Сергеевна, дочь Александра и сын Сергей.

В. И. Танеев всей душой принял Октябрьскую революцию, но встретил ее тяжело больным стариком. Сказывался возраст – 77 лет. После прихода к власти большевиков он пригласил в Демьяново представителей местного волостного совета и сообщил им, что передает новой власти большинство помещений усадьбы. *«Только небольшой флигель и территория вокруг него были оставлены в пользование хозяину и его семье»*.

Большую ценность представляла библиотека Владимира Ивановича. *«В 1918 г. нарком просвещения А. В. Луначарский получил сведения о библиотеке Танеева и поручил М. Н. Покровскому выкупить её за 100 тыс. руб. Однако Танеев отказался от денег, передав библиотеку в феврале 1919 г. советскому правительству без всякой оплаты. Она была перевезена в Москву, в Социалистическую академию. На основании постановления Совета народных комиссаров РСФСР от 25 марта 1919 г. В. И. Ленин выдал 26 апреля 1919 г. Танееву охранную грамоту»*²⁵⁸. Грамоту получил сын Павел Владимирович и передал ее отцу. По его воспоминаниям: *«Владимир Иванович был чрезвычайно доволен грамотой, подписанной Владимиром Ильичом Лениным»*.

Тот же сын позднее писал, что как-то приехал к отцу и застал следующую картину: *«он был болен, лежал в постели и совсем не мог подняться. Я перевез его в маленькую двухэтажную дачу, в которой он всегда жил зимой»*²⁶⁰. Когда Павел Владимирович женился, то привез жену в Демьяново, чтобы та ухаживала за его отцом. *«Первой заботой ее было обеспечить старику свет. Она доставала керосин и приспособила лампу, которой он мог пользоваться»*.

По воспоминаниям В. А. Васнецова, когда В. И. Танеев лишился библиотеки, то сразу *«постарел, сгорбился, стал молчалив и смотрел на все потухшим, безразличным взором. Жил в маленькой дачке со своей верной внучкой Леночкой Часовниковой, очень нуждался, видимо голодал. [...] Владимир Иванович был тогда уже совсем слаб, плохо видел и слышал, к жизни относился совсем безучастно»*²⁶¹.

О последних днях жизни В. И. Танеева сохранились такие свидетельства. По словам поэта А. Белого, он умер *«в маленькой коморке, в большой нищете»*. В диссертации Морозова написано: *«В 1921 г. во время одной из прогулок он заблудился, стер себе ноги и вернулся домой совершенно разбитым. Началась болезнь»*. П. В. Танеев так описал уход отца: *«В начале 1921 г. Владимир Иванович чувствовал уже большую слабость, но все же понемногу ходил гулять. Когда я приехал 20 октября он спросил меня, буду ли завтра я его мыть? Это были его последние слова. После этого он заснул и в ночь с 20 на 21 октября умер»*²⁶².

Похоронили Владимира Ивановича на кладбище близ Покровской церкви в Демьянове (ныне в черте г. Клин). Могила сохранилась, за ней ухаживают. Рядом установлены таблички с именами жены Елены Сергеевны, брата Павла, невестки Эмилии, детей Павла, Сергея и Александры.

Имя Владимира Ивановича Танеева в наши дни не забыто, его память увековечена. Как написано в *«Большой российской энциклопедии»*: *«В 1940 г. по постановлению Совета народных комиссаров РСФСР отмечалось 100-летие со дня рождения Танеева. В честь В. И. Танеева названы улица и проезд в Клину»*. В Москве Малый Власьевский пер. в 1960 г. был переименован в ул. Танеева в честь братьев Владимира и Сергея (в 1994 г. переулку вернули прежнее название).

Дети Владимира Ивановича Танеева

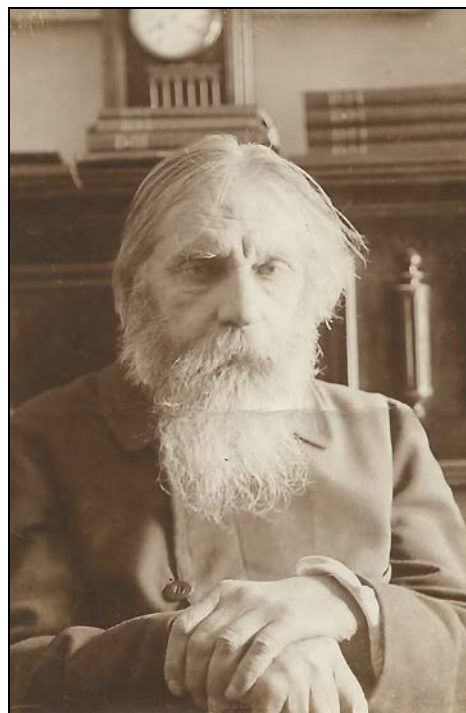
У Владимира Ивановича и Елены Сергеевны родилось пятеро детей: сыновья Владимир, Сергей и Павел¹, дочери Александра и Елена (см. древо из 6–29, 6–30). Все дожили до взрослых лет. Сохранилась фотография из 6–32 (другой снимок из П5–11 в Приложении–5), на которой отец (сидит слева) с тремя сыновьями: Сергеем (сидит справа), Павлом (стоит справа) и Владимиром (стоит слева).

О старшем Владимире (муже Александры Алексеевны Маклаковой) уже подробно поговорили. А сейчас хотелось бы рассказать о других детях Владимира Ивановича Танеева.

Дочь **Елена** (домашние звали ее Лилиша) вышла замуж за Василия Сергеевича Щелкана. Знакомая нам фамилия. Напомним, что Елизавета Алексеевна Маклакова (сестра Александры) была замужем за Николаем Сергеевичем Щелканом. Василий и Николай были родными братьями.

Елена Владимировна Щелкан оказалась прабабушкой ныне живущей Елены Владимировны Фетисовой. Правнучка сообщила, что у Лилиши родились два сына: Сергей и Николай, и три дочери: Татьяна, Мария и Надежда (см. древо из 6–30). По ее словам, род продолжается по линии дочерей Надежды Васильевны Ивановой-Дятловой и по линии Марии Васильевны Михайловой. Это означает, что есть живые потомки Владимира Ивановича Танеева (ныне живущие продолжатели рода в древе не показаны).

Еще одна дочь В. И. Танеева, **Александра**, вышла замуж за Федора Михайловича Часовникова.

Изо 6–31. В. И. Танеев²⁵⁹, 1918.
Музей С. И. Танеева в Дютюкове.

¹ Интересное совпадение. У Ивана Ильича Танеева было три выживших сына: Владимир, Павел и Сергей. И у его сына Владимира Ивановича тоже было три сына. И их звали также!

Это был хороший знакомый В. А. Маклакова. Оба были присяжными заседателями, оба состояли под негласным наблюдением полиции (фамилия Ф. М. Часовникова несколько раз встретилась в полицейских отчетах). В семье Часовниковых выросли сын Владимир, дочери Надежда и Елена. Ранее рассказывалось, как одна из дочерей, Елена Федоровна Часовникова, ухаживала в Демьяново за своим дедушкой Владимиром Ивановичем Танеевым.

Имя сына **Павла** Владимировича также уже упоминалось. У него на руках, можно сказать, умер отец Владимир Иванович. После учебы в гимназии поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. В книге Л. В. Копенкиной о нем написано следующее: «За активное участие в студенческой политической сходке в феврале 1902 г. был заключен в тюрьму на три месяца и исключен из университета на один год»²⁶⁴. Владимир Иванович не стал писать государю прошение о помиловании сына. Но, несмотря на это, спустя какое-то время Павел вновь стал студентом университета. После его окончания он продолжил учебу в Московском сельскохозяйственном институте (тем самым повторил путь своего старшего брата Владимира). Спустя три года получил диплом ученого агронома первого разряда.

В 1910 г. Павел Владимирович был принят на работу помощником заведующего Торфяной частью Министерства земледелия. Через несколько лет его отправили в заграничную командировку для изучения торфяного дела. Еще до революции с его участием был организован «Могилевский торфяной район», а в 1918 г. — «Киевский торфяной район». Как написано в той же книге: «В начале 1919 г. [П. В. Танеев] был избран в президиум Московской торфяной академии по секции торфяных залежей. [...] С 1920 г. был профессором кафедры торфяного дела Московской горной академии, профессором Московского лесотехнического института [...] С 1949 г. работал на кафедре торфяных месторождений в Московском торфяном институте». По теме торфяных разработок П. В. Танеев написал несколько научных трудов. Он также оставил воспоминания о своем отце, о дяде-композиторе и об ученом К. А. Тимирязеве.

Павел Владимирович в 1920 г. женился на Эмилии Павловне (урожд. Лоповок). В семье родилась дочь Елена, которая жила долго и умерла уже в наше время. Она была дважды замужем (см. древо из 6–30), о детях информации нет.

Еще один сын Владимира Ивановича Танеева, **Сергей**, по данным интернета, был лесником¹ в Клинском уезде и умер в 1917 г. Сведения о том, был ли он женат, имел ли детей, не попадались.

Изо 6–32. В. И. Танеев с сыновьями²⁶³, 1897 (1900?), фото Дьяговченко. Музей С. И. Танеева в Дюткове.

¹ Хотелось бы поделиться таким наблюдением. Несколько представителей рода Танеевых по своей профессии оказались связаны с землей, лесом. Это Владимир Владимирович (муж Александры Маклаковой), его братья Павел и Сергей. О тяге Танеевых к земле писал В. А. Васнецов: «Внучатое поколение со своими матерями все летнее время всегда жило в Демьянове. И мальчики и девочки принимали самое деятельное участие в полевых работах: косье и уборке сена, жатве, молотье и т. д. Они не гнушались любой работой». В связи с этим стоит напомнить, что все дети Танеевы принадлежали к дворянскому сословию.

Дядя композитор Сергей Иванович Танеев

Самым известным среди родственников Владимира Владимировича Танеева был дядя – брат его отца, **Сергей Иванович Танеев**. Это один из крупнейших композиторов конца XIX – начала XX вв. Как пишут, он наследовал традиции М. И. Глинки, П. И. Чайковского, И. С. Баха, Л. ван Бетховена, В. А. Моцарта. В его творчестве преобладала инструментальная и хоровая музыка: симфонии, струнные квартеты, фортепьянный квартет, трио для разных составов, квинтеты, концертная сюита для скрипки с оркестром. Признанными вершинами считаются две кантаты: “Иоанн Дамаскин” и “По прочтении псалма”.

О С. И. Танееве написано несколько книг и статей, в интернете размещено множество публикаций. Нет смысла рассказывать подробно, остановимся кратко на основных эпизодах его биографии.

Родился Сережа 11 ноября 1856 г. в г. Владимире, с пяти лет стал учиться игре на фортепьяно. После переезда в Москву поступил вольнослушателем в только что открывшуюся консерваторию. Но это далось непросто. На прослушивании основатель и директор консерватории Н. Г. Рубинштейн и композитор П. И. Чайковский сразу увидели музыкальный талант мальчика. Однако ему было только девять полных лет, а по уставу в консерваторию принимали с 14 лет. Вот и оформили его вольным слушателем. Лишь спустя три года мальчик стал «действительным учеником».

Так началось обучение Сергея Ивановича в Московской консерватории. *«Петру Ильичу Чайковскому, очень нравилось в ученике “бодрое, здоровое, оптимистическое отношение к задачам жизни”. [...] Они годами дружили и переписывались. Танеев писал Чайковскому: “Играю аккуратно 5–6 часов в день..., приходится повторять какой-нибудь пассаж из листовой пьесы по двадцать раз, чтобы сообщить ему элегантность и легкость, требуемые от фортепианного виртуоза”»*²⁶⁵. Как пианист, Танеев не знал себе равных. Когда играл с листа, страницы ему надо было переворачивать задолго до наступления последнего такта.

В 1871 г. неожиданно возникла проблема. Иван Ильич Танеев твердо вознамерился забрать из консерватории своего пятнадцатилетнего отпрыска вопреки его желанию. Родитель хотел, чтобы Сергей получил не одностороннее музыкальное образование, а имел возможность подготовиться и поступить в Московский университет на более прозаичную специальность. По просьбе Чайковского в семейный конфликт вмешался директор консерватории Николай Григорьевич Рубинштейн. Он был большим начальником в высоком чине и сумел убедить отца не забирать талантливую сына.

В 1875 г. С. И. Танеев окончил консерваторию как пианист по классу Н. Г. Рубинштейна и как композитор по классу П. И. Чайковского. При этом он получил золотую медаль, первый из учеников. В первые годы он много гастролировал и давал концерты. Вскоре вернулся в родные стены Московской консерватории как преподаватель: его пригласили вести классы гармонии, инструментовки и фортепиано. Он оказался прирожденным педагогом. В 25 лет Сергей Иванович стал профессором консерватории, а спустя четыре года – ее директором. Хлопотная это была должность, к ней Танеев не стремился, ибо она мало оставляла времени для творчества. Поэтому в 1889 г. он ушел с директорского поста, но оставался преподавателем еще 16 лет.

В возрасте 52 лет С. И. Танеев признался: *«Когда я был очень молод, я составил себе расписание того, что я должен сделать до пятидесяти лет, — и все, что я наметил себе, я сделал. Так как я рассчитываю прожить сто лет, то я занят теперь тем, что составляю себе расписание на вторые пятьдесят»*²⁶⁶. Увы, не суждено ему было прожить еще полвека, его жизненный путь оказался намного короче.

У Сергея Ивановича было много учеников, ставших известными людьми в музыкальном мире. Среди них С. В. Рахманинов, А. Н. Скрябин, А. Д. Кастальский. Танеев выступал в поддержку молодого композитора Сергея Прокофьева.

Сергей Иванович входил в круг близких знакомых писателя Льва Николаевича Толстого, который его очень ценил: *«восхищаясь эрудицией композитора, говорил о нём, что это редкий человек с которым о чём не говори, он всё знает. Танеев был очень дружен с Львом Толстым, и часто навещая писателя в Ясной Поляне, любил играть с ним в шахматы на произведение: если проигрывал композитор, то он играл на рояле, а если терпел поражение литератор – то читал своё сочинение»*²⁶⁷. Как написано в книге ЖЗЛ: *«Первая запись в дневнике Толстого о Танееве –*

от 19 апр. 1889 г. [...] Сергей Иванович сделался нередким гостем у Толстого в Хамовниках, равно желанным за шахматным и чайным столом, в дружеской беседе и за фортепьяно». Два лета (1895 и 1896) композитор прожил в Ясной Поляне, помогал музыкальному воспитанию детей писателя, сочинял романсы для дочери Татьяны Львовны.

В интернете распространена версия, как отношения Толстого и Танеева разладились. А причина была в том, что Сергей Иванович своим талантом произвел столь сильное впечатление на супругу писателя Софью Андреевну, что у той «вспыхнули чувства к композитору, о которых он не подозревал»²⁶⁸. Лев Николаевич Толстой заметил эту перемену в жене и стал ее ревновать. И в итоге, как пишут, «от дома Сергею Ивановичу отказал». Это сильное преувеличение. Отношения их, если и охладели, но не были прерваны. Они продолжались долгие годы, об этом свидетельствуют как письма семейства Толстых, так и дневник композитора. Так, в записях за 1898 г. отмечено, что Сергей Иванович был в московском доме писателя в Хамовниках, потом вместе с членами его семьи отправился в ложу консерватории. В 1902 г. он вновь ходил в гости к Толстым. По свидетельству сына писателя, Сергея Львовича, Сергей Иванович несколько раз приезжал в Ясную Поляну вплоть до 1908 г. В книге Маковицкого рассказывается, как в декабре 1909 г. «Софья Андреевна [Толстая] говорила про Танеева, что он желал и обещал приехать, но не приехал, потому что на дорогу денег у него нет, каких-нибудь 15–20 рублей. Пенсии не просит, хотя право на нее имеет. Живет в деревне в избушке, а 83-летняя няня его с прислугой в Москве: он ее содержит. Уроков не дает, чтобы не мешали ему заниматься композицией. У него плохое фортепиано. Ученики и почитатели поднесли ему новое; он не принял, потому что слишком дорогой подарок. Концерты дает очень редко»²⁶⁹.

Сергей Иванович поддерживал отношения с родственниками, о которых шла речь в настоящей книге. Так, неоднократно встречался с Маклаковыми, они ходили друг к другу в гости. С Алексеем Алексеевичем Маклаковым, как уже рассказывалось, он часто играл в шахматы, его брат Василий помогал вести дела в суде. Сергей Иванович сочинял музыкальные произведения по просьбе Маклаковых: для Алексея – пьесу для скрипки, а для Марии – романс на стихи Ф. И. Тютчева «О, не тревожь меня укорой справедливой...». В 1900 г. он «у Юргенсона выбрал рояль для Маклаковых». Вот только покупка эта не состоялась, Мария Маклакова позднее дала отбой: «раздумали покупать рояль». Доктор Николай Сергеевич Щелкан также был частым гостем у Сергея Ивановича. Он не только лечил композитора, но и был постоянным партнером по игре в шахматы.

С. И. Танеев не женился, и у него не было детей. Всю жизнь прожил со своей няней Пелагеей Васильевной Чижовой, которая стала для него другом, советчиком и хозяйкой в доме. И очень горевал, когда она ушла из жизни.

Но все это не означает, что Сергей Иванович был равнодушен к женщинам. По крайней мере, один раз он настолько влюбился, что подумывал жениться. Об этом почему-то мало пишут в книгах о композиторе, хотя все это было подробно описано еще в советские годы музыковедом Г. С. Бернандтом. С. И. Танеев полюбил **пианистку Марию Карловну** (урожд. **Кинд**), которая была замужем за художником Альбертом Бенуа. Бернандт писал, что этот брак не был счастливым и потом распался. «Еще в 1886 году встретившись с Танеевым, М. К. Кинд готова была соединить с ним свою судьбу. Но хотя Альберт Николаевич давал согласие на развод, ее брак с Танеевым расстроился»²⁷⁰. В книге приводится текст откровенного письма Сергея Ивановича, в котором он объяснял Марии Карловне, что они слишком разные люди, что их союз вряд ли станет счастливым, и он ни за что не хотел бы, чтобы она бросила своих детей ради него.

Сергей Иванович любил Москву, в ней прожил почти всю свою сознательную жизнь. Его отъезды из города, после того как он стал преподавать в консерватории, были довольно редкими и сравнительно недолгими. Это были главным образом концертные гастроли и поездки на Кавказ. С именем композитора связаны несколько московских адресов, два из них сохранились до наших дней. Первый – это родительский дом № 7 в Обуховом пер., о котором ранее рассказывалось. Как написано у Е. В. Фетисовой: «В этом доме жили три поколения семьи Танеевых: родители композитора, он сам и старший брат [Владимир Иванович] с женой и пятью детьми. Приезжал из Петербурга погостить и средний брат композитора [Павел Иванович]. Здесь прошли годы учебы сначала в Первой московской гимназии и одновременно в только что

Изо 6–33. Композитор С. И. Танеев.

Власьевский пер., дом № 2/18, стр. 3. Здесь композитор прожил одиннадцать лет до своей кончины.

Хотелось бы теперь поговорить о том, каким человеком был Сергей Иванович Танеев.

В интернете в одной из статей приведены такие слова: «Человек душевной чистоты, неподдельной доброты, большой сердечности, чуткости, деликатности и удивительной скромности – такими добродетельными качествами наделяли современники Сергея Ивановича Танеева – видного композитора, блестящего пианиста, крупнейшего учёного музыковеда и пророждённого педагога, настоящего профессионала своего дела»²⁷². А вот еще одно мнение:

«Имя Танеева – композитора, пианиста, ученого, педагога пользовалось огромным авторитетом, однако вряд ли можно было найти человека, который был бы так прост в обращении, так сердечно и искренно относился к людям. Кто бы не приходил к нему – великий музыкант или простой смертный, человек убежденный сединой или юноша – каждый встречал к себе глубокое уважение. Особенно бережно относился Танеев к начинающим композиторам, к тем, чье дарование не было выявлено. [...] Танеев был бессеребряником. Главным источником дохода его являлась педагогическая работа и музыкальное творчество. Кое-что давали концертные выступления, но их число было незначительно. Имел Танеев и частных учеников, однако денег за обучение он с них не брал, говоря, что плата мешает строгому отбору учеников, вводит учителя в соблазн взять в ученики бездарность»²⁷³.

Петр Ильич Чайковский отзывался о своем ученике так: «Человек безупречной нравственной чистоты и превосходный музыкант. [...] Не знаю никого, кто бы в моем мнении в сердечном отношении стоял выше Танеева»²⁷⁴.

Многие отмечали (включая Чайковского) кристальную честность Сергея Ивановича. «Питая отвращение ко всяческой лжи, он, например, никогда не разрешал оберегавшей его нянюшке говорить “дома нет”, когда будучи в самом деле дома, по той или другой причине не хотел никого принимать, а приказывал всегда говорить правду: “С. И. дома, но не принимает”, и никому в голову не могло прийти обидеться на него за это»²⁷⁵.

По свидетельству современников, С. И. Танеев любил шутки. На сайте “Большая Российская энциклопедия” приведена статья на эту тему, вот выдержки из нее: «Первое, что поразило меня, был его смех – громкий и как бы “икающий”, в себя... Этот характерный смех Сергея Ивановича хорошо знала музыкальная Москва. Тем более что он любил смеяться и смеялся часто”, – вспоминал ученик С. И. Танеева Л. Л. Сабанев. [...] По прошествии многих лет,

открывшихся классах консерватории, а затем только в консерватории. Далее последовали годы преподавательской работы в консерватории и деятельности на посту ее директора»²⁷¹.

Ранее рассказывалось, что братья Танеевы во многих вопросах были антагонистами. Можно представить, как порой трудно было им уживаться под одной крышей. У Владимира была большая семья, а Сергей, напротив, был одинок, с ним жила только его няня. Очевидно, лучшим вариантом для всех было разъехаться. Вполне естественным выглядит то, что младший брат согласился покинуть родительский дом. Как написано в книге ЖЗЛ: «На семейном совете решено было подыскать для Сергея Ивановича небольшую квартиру поуютней. Вскоре и нашлась такая совсем неподалеку – в Сивцевом Вражке в доме Нартов». Но там он жил недолго. В 1904 г. переехал вместе с няней в другой дом неподалеку, его современный адрес: Малый

вновь вспоминая образ своего учителя, Рахманинов говорил: “Какой это был удивительный человек! Как он умел смеяться! Звонко, как счастливый ребенок!”»²⁷⁶.

Сергей Иванович был атеистом, но не таким ярким и агрессивным, как брат Владимир. При этом, как отметила Е. В. Фетисова, он являлся членом Наблюдательного Совета при Синодальном училище и членом совета Общества любителей церковного пения в Москве, а также автором “Всенощной”.

Композитор не часто ездил в имение брата в Демьяново, то ли потому, что слишком расходился с ним во взглядах, то ли потому, что там трудно было уединиться. С. И. Танеев любил тишину, покой, это помогало его творчеству. По этой причине он предпочитал ездить в Черниговский скит Сергиева Посада, ему там нравилось. Но со временем в скиту стало много посетителей, и он стал искать другое место для уединения. И нашел его – это была дер. **Дютьково** Звенигородского уезда, которая находилась рядом с Саввино-Сторожевским монастырем. Здесь он нашел то, что искал.

*«В свой первый приезд в мае 1908 года Сергей Иванович от железнодорожной станции Голицыно до Дютькова прошел пешком более двадцати верст. Красивый звенигородский лес, уютная деревушка с утопающими в садах деревенскими домиками, удивительная тишина, напоенный ароматами трав воздух сразу покорили его. Танеев влюбляется в эти места и изъявляет желание найти здесь дачу для себя. В доме местной жительницы А. К. Голицыной Танеев снял четыре комнатки и террасу. В самой большой комнате – столовой – поместили рояль, привезенный из Москвы. [...] В живописной, почти сказочной деревушке Дютьково – ландшафтном шедевре Подмосковья, Вячеслав Александрович [Булычёв] снимал дачу несколько лет. Булычёв уступил ему свою дачу, переселившись в свежесрубленную избу неподалёку. Поселившись в Дютькове, Танеев испытывает новый творческий подъём»*²⁷⁷.

Сергей Иванович полюбил это подмосковное место и приезжал сюда не только летом, но и в другие времена года. Здесь он провел последние дни своей жизни. Вот хроника событий:

*«14 апреля 1915 года умирает его гениальный ученик А. Н. Скрябин. Танеев несмотря на холодную сырую погоду явился на похороны легко одетым. Результатом явилась сильная простуда, давшая сердечное осложнение. Весь май месяц Сергей Иванович чувствовал себя очень слабым. В начале июня по настоятельному требованию врача и большому желанию самого Сергея Ивановича его перевезли в деревню Дютьково. Однако улучшение не наступило. “Сердце у меня ослабло и притом настолько значительно, что я с постели не встаю, — писал Сергей Иванович 5 июня 1915 года своему близкому другу А. И. Масловой. — ...Ем очень мало. Никакими работами не занимаюсь... Жар понемногу усиливается”. За три часа до кончины Сергей Иванович сам записал свою температуру. Он умер в полном сознании 6 июня 1915 года в 12 часов дня. Крестьяне деревни Дютьково, очень любившие Сергея Ивановича, принесли множество полевых цветов и выразили желание нести гроб до железнодорожной станции. Хоронили Танеева в Москве, в Донском монастыре. Тысячные толпы стояли на улицах, по которым проходила траурная процессия»*²⁷⁸.

Вот так, можно сказать, по нелепости, ушли из жизни подряд два великих русских композитора, отнюдь не старых. Панихида в день похорон С. И. Танеева была отслужена в церкви Иоанна Предтечи в Староконюшенном пер. Был снят небольшой документальный киноролик о похоронах композитора, его можно посмотреть²⁷⁹. В 1939 г. по инициативе Московской консерватории останки Сергея Ивановича перезахоронили на Новодевичьем кладбище. Могила сохранилась.

В нашей стране память композитора С. И. Танеева увековечена в названиях улиц нескольких городов, в наименованиях музыкальных учебных заведений, библиотек, концертных залов. В его память проводятся музыкальные фестивали и конкурсы.

В 1962 г. по инициативе П. Ф. Колесова в Дютьково был открыт народный музей Танеева, Чехова и Левитана. Он находился в доме, в котором до революции снимал дачу В. А. Булычёв, ученик Танеева. Вскоре после смерти основателя в 1980 г. музей прекратил свое существование. И заново был открыт десять лет спустя уже как музей Сергея Ивановича Танеева. Ныне он доступен для посещения. В нем собрана уникальная коллекция вещей, принадлежавших композитору.

Ольга Алексеевна Маклакова

Теперь поговорим о самой загадочной сестре Маклаковых – **Ольге Алексеевне** (1876 – † 1905). Почему загадочной? Потому что среди всех родственников сведений о ней меньше всего. А мало потому, что прожила она всего 29 лет. Семей не обзавелась и детей не оставила. Поделимся той небогатой информацией об этой девушке, которую удалось собрать.

Оля появилась на свет одной из последних в семье Маклаковых, случилось это 19 мая 1876 г.²⁸⁰. После нее родились девочка Маша (о ней пойдет разговор далее) и мальчик Иоанн (Ваня), который прожил чуть больше года. Крещение Оли состоялось в Спасской церкви при глазной больнице. Восприемницей записана тетя Валентина Николаевна Маклакова.

Детство Оли прошло там же, где и у других детей Маклаковых. Зимой семья жила в Москве, а летом почти все выезжали в загородное имение. В первые годы летний отдых проводили в усадьбе Ярцево Дмитровского уезда, а потом ее заменила усадьба Дергайково Звенигородского уезда. Об Ольге также нет сведений, где и когда она получила образование. Но грамоте точно обучилась, а иначе и быть не могло, она же была дворянкой. Написанные ее рукой письма это подтверждают. Сохранилось детское послание дочери отцу, вот выдержки из него: *«Милый папа! Я здорова, и пожалуйста не беспокойся [...] Выздоравливай скорей [...] Прощай милой папа»*²⁸¹. В конце письма подпись: *«Оля Маклакова»*.

Василий Алексеевич Маклаков в своих воспоминаниях писал о *«выдающихся литературных способностях»* сестры Ольги и одновременно отмечал ее неспособность к точным наукам: *«до неправдоподобия непонятлива к математике»*. Типичный гуманитарий. Брат также выделял в ней сострадание к несчастным людям. Надо полагать, это и определило род ее занятий в будущем – сестра милосердия, помощь больным и раненым людям.

Оля рано лишилась матери: Елизавета Васильевна умерла, когда дочери не было и пяти лет. Так что девочка, может, и не запомнила свою родную мать. Напомним, что став вдовцом, отец детей Алексей Николаевич женился во второй раз, супругой стала Лидия Филипповна. Она помогала с воспитанием детей, наладила с ними контакт, по крайней мере, с младшими точно. Это подтверждают сохранившиеся теплые письма Ольги и Марии, в которых они называли мачеху мамой.

У Ольги Алексеевны с юных лет были проблемы со здоровьем, это видно по переписке родственников. Мария как-то написала, что у сестры случились *«припадки с рвотой»*. Когда Ольга лежала в больнице в Петербурге (осталось непонятно, почему она оказалась там, а не в московской лечебнице), Мария специально приехала и навещала сестру, регулярно о своих визитах писала братьям. Так, в письме Василию сообщила: *«Я застала Ольгу в сознании, она узнала меня и повидимому обрадовалась моему приезду. Она очень слаба, у нея страшно сильный жар»*²⁸². В другом письме написала о понесенных затратах: дорога *«во 2-м классе, [...] Ольгины долги за белье, [...] Больничные расходы, доктору за 2 визита на Ольгину квартиру»* – всего 33 руб. Сообщила о долге за обеды больной 25 руб. Нет сомнения, что брат Василий возмещал все расходы. В одном из писем другого брата Алексея, который был врачом, написано: *«Твои письма Маруся, возмущают меня до глубины души [...] ты находишься в Питере для того, чтобы следить за болезнью Оли и давать нам точные и аккуратные сведения, а ты вместо этого пишешь такую ерунду [...] я до сих пор не могу себе составить мало мальски определенного представления о том, насколько тяжело она больна»*²⁸³.

Так и осталось непонятно, чем болела Ольга Алексеевна Маклакова, в письмах подробно не сообщались. Но в конце концов она поправилась. Мария позднее писала, что сестра приезжала в **Дергайково**. Надо сказать, что Ольге должна была отойти часть родительского наследства. Как уже говорилось, отец завещал своим дочерям по 3.000 руб. Судя по переписке родственников, ей должно было отойти еще какое-то имущество. Но, по всей видимости, свою часть наследства она так и не получила, т.к. вопрос с разделом имущества затянулся. Из слов брата, что в Спасском (Леоново) после кончины Ольги осталось много ее вещей (книг, туалет, зеркало и др.), следует, что в указанном имении она проживала.

В Москве Ольга Алексеевна жила на Новинском бульваре в доме Плевако вместе с братом Василием и сестрой Марией.

В интернете обнаружено письмо О. А. Маклаковой, написанное в 1903 г. актрисе МХТ М. Ф. Андреевой:

«Глубокоуважаемая, милая Мария Федоровна! Я совсем больна сегодня, и мысли у меня ужасно спутанны, а слова говорят совсем не так, как мне хочется. Но я не могу не сказать Вам, как глубоко Вы тронули меня вчера Вашей игрой в “Одинокх”. Я вижу эту пьесу в шестой раз, и каждый раз Вы, именно Вы, приводите меня в глубокое умиление. [...] Качалов, по-моему, тоже играет превосходно, гораздо лучше Мейерхольда, и у Вас с ним выходит все удивительно правдиво, жизненно, и прямо невозможно смотреть на это без слез. Я совсем больна сегодня от силы впечатления и лежу дома, так надорвались нервы. Благодарю Вас горячо за это художественное наслаждение, за это чувство удовлетворения, которое я сейчас переживаю. Благодарю Вас за то, что Вы своей игрой разбудили во мне много мыслей, много разных хороших струн, которые если хоть на один только вечер проснутся, то и то оставляют всегда след в душе»²⁸⁴.

Сохранились годовые отчеты благотворительного общества при Воскресенской земской лечебнице (город находился в 9–10 верстах от Дергайково). В отчете 1898 г. в списке «Действительные члены» имеется запись о взносах: «О. А. Маклакова 3 [руб.]»²⁸⁵. Аналогичные записи встречаются в других отчетах до самой смерти Ольги Алексеевны.

По данным издания о некрополях, О. А. Маклакова умерла 23 мая 1905 г., в нем она записана как «сестра милосердия»²⁸⁷. Похороны состоялись в Скорбященском монастыре Москвы.

Подробностей кончины Ольги родственники поначалу не знали. Брат Николай восклицал: «не могу прийти в себя, что это такое? От чего? Разве она болела? Бедная, бедная девочка. Жила для других и на этом кончила»²⁸⁸. В другом письме его жена Мария Леонидовна написала: «Весть о смерти Ольги поразила меня страшно. [...] 28-го читаю в газете, что в Харбине скончалась О.А. Маклакова». Город Харбин находится на Дальнем Востоке, в то время там шла война с японцами. В воспоминаниях В. А. Маклакова о сестре написано так: «умершая сестрой милосердия на Японской войне». Очевидно, Ольга уехала помогать лечению раненных воинов. Ну а что с ней там случилось – умерла от болезни или, может, оказалась в зоне боевых действий и погибла – осталось тайной.

«Жила для других и на этом кончила». Эти слова Николая Маклакова в отношении сестры подтвердил брат Василий: «имела в жизни непреодолимую слабость ко всем несчастным»²⁸⁹. Сострадание к людям, очевидно, было ключевой чертой характера Ольги Алексеевны.

В отличие от других братьев и сестер Маклаковых, для каждого из которых имеется по несколько фотокарточек (а для некоторых, как Василий или Николай, счет идет на десятки снимков), для Ольги удалось найти только одно индивидуальное изображение (есть еще коллективный фотоснимок). На фотографии она одета как сестра милосердия.

Вот и весь, собственно, рассказ об Ольге Маклаковой. Она, безусловно, заслуживает более подробного повествования. Но где взять о ней информацию?

Изо 6–34. О. А. Маклакова²⁸⁶, 1900–1905, фото Р. Бродовский. Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля.

Мария Алексеевна Маклакова

Маша оказалась самой младшей среди выживших детей Маклаковых. Она появилась на свет 23 июля 1877 г., очевидно, в имении **Ярцево**, т.к. ее крещение состоялась в Покровской церкви с. Храброво Дмитровского уезда²⁹⁰. В отношении Марии можно повторить все то же самое, что говорилось про ее сестер: родитель А. Н. Маклаков завещал 3.000 руб, а тетка М. П. Степанова завещала *«Золотые вещи из сундука»*.

Черты характера Марии Алексеевны

Мария Алексеевна была знакома с писателем Львом Николаевичем Толстым, дружила с членами его семьи. На этих отношениях остановимся чуть позже. А сейчас лишь отметим, что еще при жизни писателя (а тем более после его смерти) собирались сведения о нем и о людях, его окружавших. И в это окружение, бесспорно, входила М. А. Маклакова. На сайте “Слово Толстого” собрано огромное количество документов о писателе. В них оказались десятки (!) упоминаний имени Марии Алексеевны. По этим документам можно составить некоторое представление о ее личности.

М. А. Маклакова была умной, талантливой женщиной. Некоторые отмечали ее «острый язычок». Жена писателя С. А. Толстая как-то писала: *«Вечером пришла Маруся Маклакова, умная, живая»*. Она освоила такую непростую карточную игру, как *«винт»*, играла в нее в компании с Львом Николаевичем и его родственниками. Из дневников и писем Софьи Андреевны стало известно, что Мария брала уроки пения, потом выступала в кругу знакомых и родственников. Нет, артисткой она не стала. Но тот факт, что пела романсы в семье Толстых, причем неоднократно, говорит о том, что певческие способности у нее были. О выступлениях Марии Алексеевны в Ясной Поляне писал в своих книгах Д. П. Маковицкий, вот пример одной из таких записей: *«С 9 до половины 11-го концерт. М. А. Маклакова пропела около 20 песен французских и других, около 14 – под аккомпанемент Л. Н., шесть – Леонида Семенова»*²⁹¹.

Хотелось бы в приведенной цитате обратить внимание на следующее. Первое. Марии аккомпанировал, причем 14 раз сам **Лев Николаевич Толстой**! Второе. Некоторые песни она пела на французском языке. Знание этого языка не удивительно для дворян того времени. Но оказывается, Мария изучила еще один язык – польский. Причем настолько хорошо, что Маковицкий писал, что она давала в Ясной Поляне уроки польского языка. Вот только осталось загадкой: а зачем она стала учить этот язык? Ведь поляков в роду, кажется, не было. И была ли она сама в Польше – вопрос.

Судя по весу (58 кг), М. А. Маклакова не была крупной женщиной. И здоровьем, по всей видимости, не отличалась. Об этом свидетельствуют ее довольно частые поездки на заграничные курорты на лечение. Обнаружено письмо сестры Александры, в котором она обращалась к Марии: *«получила от Васи письмо, милая Маруся, в кот. он предлагает мне отвезти тебя за-границу. Конечно, я сделаю это очень охотно, но неужели тебе так плохо? Ты верно опять простудилась?»*. Сохранилось множество писем Марии, отправленных в разные годы из французских и швейцарских курортных городов: Париж, Ницца, Виши, Женева. В них иногда она писала о лечении (по всей видимости, у нее были проблемы с легкими). Но жить за границей Марии не нравилось, больше привлекала наша Родина. Как-то писала с курорта: *«Здесь воздух чудесный, очень красиво, но мне так надоела заграница, что и смотреть ни на что не хочется. Я теперь почти уже здорова, но еще блюду диету»*²⁹².

Дева до старости лет

Мария, по имеющимся сведениям, не выходила замуж и не имела детей. Как тогда говорили, осталась девицей, старой девой. Но это не означает, что она принципиально избегала мужчин или была какой-то дурнушкой (ее фотографии говорят об обратном – см. изд. 6–10, 6–35, 6–36, П5–14).

В одном из дел ОПИ ГИМ в папке писем М. А. Маклаковой сохранилось письмо женщины без подписи и датировки, в котором – объяснение в любви к малознакомому мужчине – Александру Владимировичу Выборни¹. В письме написано: *«Если вы вспомните земское собрание, то конечно догадаетесь, кто пишет Вам. Знаю, что делаю и глупо, и неприлично, глупо, и безцельно [...] я и сама прежде никак не думала, что можно так безумно влюбиться в человека, которого видела*

¹ По сведениям из интернета А. В. Выборни в разные годы был членом Серпуховской уездной земской управы и членом Московской Губернской Земской управы.

только издали [...] 13-го влюбилась без памяти после вашей улыбки»²⁹³. Правда, остались некоторые сомнения – а действительно ли это письмо написала Мария Алексеевна? Дело в том, что почерк письма не похож на ее почерк. Чем вся эта история закончилась – осталось тайной.

В 1898 г. Софья Андреевна Толстая писала: «Сегодня наша Таня [дочь писателя] и Маруся Маклакова пересматривали фотографии разных мужчин и переговаривались, за кого бы они пошли замуж. Когда дошли до портрета Льва Николаевича – обе закричали: “Ни за что, ни за что!”»²⁹⁴. Д. П. Маковицкий в своей книге описал такую сцену, произошедшую в Ясной Поляне: «За обедом очень шумно. Дразнили М. А. Маклакову Дмовским. Л. Н. [Лев Николаевич] спросил ее, когда выйдет замуж. Ответила, что она не выйдет»²⁹⁵. Прямо скажем, бестактная вышла сцена. А в 1906 г. уже сама Мария в шуточной форме писала брату из Херсона, где находилась в гостях у сестры Александры Танеевой: «Я флертую и так, Васенька, но не с армейским офицером, а прямо с губернатором [...]. Я перезнакомилась со всем Херсонским мондом [обществом] и пленила на первом обеде губер.» Женщина есть женщина.

Что на все это сказать? Очевидно, жизнь Марии так сложилась, что рядом не оказалось достойного мужчины, который сделал бы ей предложение, и она захотела бы за него выйти замуж.

М. А. Маклакова, как и подавляющее число женщин ее круга, нигде не работала. А, не имея семьи, у нее и не было многих домашних забот. Однако, думается, Мария от безделья и скуки не страдала, находила себе занятия по интересам, многим помогала. Она была активной женщиной, у нее имелась масса знакомых, это видно по адресатам ее писем. Занималась самообразованием (научилась петь, изучила польский язык), играла в любительских спектаклях (см. изд. 6–26).

Отношения Марии Алексеевны с близкими родственниками

В архиве ОПИ ГИМ сохранилась переписка Марии с родными братьями и сестрами, это сотни (если не тысячи) писем. По ним видно, с какой любовью родственники относились друг к другу. К Марии близкие обращались: Маруся, Маруська. Выше говорилось, как сестра Ольга тяжело заболела, находилась в больнице. К ней в Петербург специально приехала Мария, чтобы быть рядом, помогать лечению, оплачивать все больничные расходы.

По прочтении множества писем сложилось впечатление, что М. А. Маклакова была центром всех родственных отношений. Она часто писала братьям и сестрам. Ей отвечали, делились новостями, обращались с разными вопросами, просьбами. Когда часть родни разъехалась, ее периодически стали просить купить нужные вещи и потом их переслать. Близкие приглашали Марию приезжать в гости. И она ездила, но не так часто, как те хотели, что порой приводило к обидам. По письмам видно, что Мария бывала в гостях в Тамбове у брата Николая Маклакова, в Херсоне у сестры Елизаветы Щелкан, в Демьяново у сестры Александры Танеевой. С. А. Толстая писала Марии в 1899 г.: «Я рада, что вы поехали в Демьяново, к сестре Саши, которую вы любите, и вообще к Танеевым, где вам было так весело в прошлом году».

Сестра Ольга была в хороших отношениях с мачехой Лидией Филипповной. Тоже самое можно сказать и об отношениях Марии с мачехой, вот строчки из ее письма: «Крепко целую тебя милая мама и еще раз от души благодарю тебя за хорошее отношение ко мне, за которое я постараюсь отплатить еще лучшим. Твоя Маруся». Но когда пришла пора делить родительское наследство, тут начались трения. В предыдущей главе рассказывалось, как Василий не согласился с предложением мачехи о рубке леса на продажу в имении Леоново. Его поддержали и некоторые другие родственники. В результате отношения с мачехой оказались испорчены. Марию очень печалила такая ситуация. В 1898 г. она писала Лидии Филипповне: «Милая мама. Наши отношения уже давно мне были мучительны и теперь я решила написать тебе, чтобы сказать вот что: я думаю, что твои отношения с моими братьями и сестрами не могут помешать нашему объяснению и кончить все недоразумения, возникшее между нами. [...] прошу теперь оставить старые счета [...] говорю только за себя [...] я живу с братьями, с людьми, с которыми у тебя враждебные отношения»²⁹⁶.

Мария со всеми старалась ладить. И все-таки особо стоит выделить старшего брата Василия, с которым она была особенно дружна. Ранее рассказывалось, что когда в 1895 г. умер отец Алексей Николаевич Маклаков, его осиротевшим детям (Марии в то время было 18 лет) пришлось освободить казенную квартиру при глазной больнице. Как писал Василий в своих воспоминаниях, он

снял несколько комнат в доходном доме на Зубовском бульваре совместно с братом Алексеем, сестрой Марией (и, наверное, с сестрой Ольгой). Алексей через какое-то время женился и съехал, стал жить отдельно. А Василий и Мария всю свою жизнь надолго не расставались, если не считать поездки каждого за границу, да отлучки брата по адвокатским и депутатским делам и пребывание Марии в Дергайково.

Младшая сестра обожала старшего брата, это видно по ее словам в письмах. Как-то, будучи за границей, сетовала: *«Милый Васечка [...] что это значит, что ты совсем бросил писать?»*. Через некоторое время написала: *«как мне тебя жалко, как это глупо и как обидно, что ты сидишь в Москве»*. В другой раз: *«Ради Христа будь осмотрителен и не рискуй зря»*.

Сестра вела хозяйство брата, ведала делами по загородному имению **Дергайково**. Василий же оплачивал все расходы, он хорошо зарабатывал как адвокат. Думается, оба были довольны сложившимися отношениями. Так продолжалось десятилетиями, а точнее, всю жизнь.

Отношения с семьей писателя Льва Николаевича Толстого

В настоящей книге неоднократно говорилось об отношениях братьев и сестер Маклаковых с графом Львом Николаевичем Толстым и членами его семьи. Настала очередь Марии Алексеевны.

Как показывают письма, М. А. Маклакова часто ходила в гости в дом Толстых в Хамовниках. И регулярно ездила в Ясную Поляну, иногда по несколько раз в год. Бывала там чаще, чем брат Василий, который был занят адвокатскими и депутатскими делами. Это подтверждают ее письма: *«Я сейчас в Дергайкове, но на недельку сбегая в Ясную до переезда на новую квартиру»*²⁹⁷. Потом писала: *«Я очень потолстела и как всегда в Ясной здорово объелась»*. Или вот еще: *«я получила письмо накануне отъезда из Ясной, где пробыла неделю»*.

Сохранился замечательный групповой снимок, сделанный в Ясной Поляне. В левой части кадра Мария Маклакова и супруги Толстые.

Пишут, что Мария дружила с дочерью писателя Татьяной Сухотиной-Толстой, они вместе ходили на дворянские балы. М. А. Маклакова много общалась и с женой Льва Николаевича Софьей Андреевной. И это несмотря на большую разницу в возрасте – 33 года.

Изо 6–35. Слева М. А. Маклакова, Л. Н. и С. А. Толстые и другие гости в Ясной Поляне²⁹⁸, 1900.

Особенно они сблизились после тяжелой болезни С. А. Толстой, случившейся в 1899 г. настолько тяжелой, что больная говорила, что собирается умереть. Лев Николаевич был очень встревожен. Софья Андреевна записала в своем дневнике: «28 февраля я заболела инфлюэнцей, слегла в постель и пролежала восемь дней. Болезнь осложнилась воспалением верхушки левого легкого. [...] У меня был очень сильный жар, и я задыхалась. [...] Маруся Маклакова ловко, решительно и самоотверженно ходила за мной и ночевала две ночи»²⁹⁹.

Софья Андреевна оценила такую преданность, искренне благодарила свою юную подругу. После этого ее привязанность стала еще сильнее: «Милая Маруся, я очень всегда рада вашим письмам и вестей от вас. С тех пор, как мы так сжились, у меня о вас материнское беспокойство, мне за вас и страшно, и обидно, если кто вам делает больно»³⁰⁰.

В письмах графиня нередко писала о недомоганиях, болезнях супруга Л. Н. Толстого, очень переживала за него. Не могла оставить его одного надолго без присмотра. Как-то Мария сообщила брату Василию: «Софья Андреевна уезжает сегодня на несколько дней к Масловым и Илье, и уезжая просит меня сторожить Льва Николаевича и поручила все ключи»³⁰¹. Все эти примеры показывают, насколько С. А. Толстая любила М. А. Маклакову, доверяла ей. Приглашала ее в свою ложу в театре.

Мария отвечала взаимностью, приглашала графиню в гости, когда та была в Москве. Композитор С. И. Танеев писал, что как-то обедал у М. А. Маклаковой. И там застал Софью Андреевну с дочерью Татьяной.

Мария Алексеевна нередко выполняла поручения Л. Н. Толстого. Так, в 1907 г. по его просьбе она отправилась в Москву и Петербург, чтобы разузнать «про Общество Герцена». Два года спустя Лев Николаевич решил заступиться за одного осужденного. Ради этого «М. А. Маклакова ездила к [тульскому] губернатору Кобеко хлопотать, чтобы Гусеву позволили ехать не по этапу, а по железной дороге прямо, на свои средства. Губернатор исполнил»³⁰². В другой раз Л. Н. Толстой обратился к Марии с просьбой отвезти его статью в редакцию газеты «Русские ведомости».

Известно, что в конце жизни писателя в его семье росло недопонимание, случались скандалы. Так сложилось, что Мария Алексеевна оказалась в гуще одного из них. Вот что она писала брату в 1909 г.: «Милый Вася, пишу тебе из Ясной, где идет такой ужас, что трудно сказать. У С. А. [Софьи Андреевны] настоящая истерия, она и хотела травиться морфием и броситься под поезд и т.д. Рыдает, бранит Л. Н. [Льва Николаевича], говорит, что он зверь, который загрызет ее словом очень трудно. Я страшно поражена всем, она кричит [...] почти сошла с ума. Все эти истерические припадки вызваны были желанием Л. Н. поехать на съезд мира в Стокгольм. С. А. не хочет, чтобы он ехал один, а сама говорит, что не может ехать с ним, так как больна»³⁰³. В тот раз все обошлось: «Л. Н. ходил к ней, оба плакали».

Мария Алексеевна в Дергайково

Возвращаемся в наши края. Напомним, что спустя несколько лет после кончины Алексея Николаевича Маклакова фактическим владельцем имения Дергайково стал его сын Василий. Он любил это загородное имение, приезжал в него отдохнуть, поохотиться, порыбачить. Вот только времени на отдых было не так много, учитывая его занятость (адвокат, депутат Государственной думы). Поэтому на сестру Марию легли основные заботы по ведению хозяйственной деятельности в Дергайково, организации различных работ (ремонт и строительство в усадьбе, организация сенокоса, заготовка дров и т.п.). Брату оставалось только передавать сестре необходимые денежные средства и высказывать свои пожелания.

О хозяйственных делах в Дергайково свидетельствуют письма, отправленные Марией Алексеевной в разные годы из имения. В 1900 г. она составила смету материалов и ремонтных работ в усадебном доме, планировала: «сделать 2 печи, чтобы каждая спальная имела печь, которая выходила бы в большую комнату, топка из большой. Обе печи – голландки»³⁰⁴. Нашла в г. Воскресенске опытного мастера печника «Лукияныча», с которым договорилась об оплате его труда 20 руб. «на наших харчах» (т.е. с кормлением). Тот приезжал в Дергайково, осмотрел усадебный дом и посоветовал вместо двух печей поставить в центре одну, за тепло в доме поручился. Сказал, что потребуется 500 штук больших красных кирпичей, которые можно купить «на Воскресен. заводе Березкина». Добавил, что понадобится еще 275 изразцов по 5 коп. за штуку. Мария просила брата прислать денег.

Ремонт в дергайковской усадьбе продолжался много лет, это видно по письмам Марии. Она постоянно информировала брата Василия о ходе работ: «крышу я не позволяю еще красить [...]. [...] каждый день дождь поливает [...] Лестница строится, крышу очистили». Потом написала: «В **Дергайково** все будет готово к твоему приезду». В другой раз сообщила: «Без тебя я только ограничусь срубом пристройки, краской и чинкой крыши [...] балкон ветхий оставлю до весны. [...] Я еду на днях в Ясную, ремонт кончила, крыши выкрашены и на конюшне и на доме. [...] Осенью я перемену сруб колодца. [...] для будущего года останутся оба балкона, твой и оба верхних открытых и лестница большая [...] от северной стороны дома – дом безупречен. [...] Ремонт идет вперед, уже прослоили и красят железо на твоём балконе, разобрали всю избу [...] Зделала чудесный фундамент каменный. Приготовила лес для скот. двора». В 1910 г. писала, что ремонт «идет туго», ссуды все еще нет. Просила захватить денег в Дергайково 1000–2000 руб., чтобы заплатить за «лесной материал».

Судя по письмам Марии Алексеевны, было много и других забот в имении: «Федор тоже просит денег на рассаду, [...] Разлив реки был такой сильный, что реку завалило берегами около старой купальни [...] Вбили 12 свай, на днях вобьют и остальные, вода чудесная и купаться хорошо около **Дергайково**, очень там глубоко. [...] Я забыла тебе сказать, что у нас кончается овес»³⁰⁵. Далее сообщала: «Я купила 20 п. [пудов] овса и клевера [...] посеяла все. [...] решила не ехать в Ясную, а нужно обратно в **Дергайково** [...] Сегодня все скосили, но не убрали. [...] Трава оказалась много хуже прошлогодней и я очень рада, что не решилась косить сама. Сена конечно не хватит и я куплю, чтобы было довольно». В 1915 г. Мария писала брату: «Сено все убрали – стог пуд на 200. [...] Я только что вернулась из **Дергайково**, куда ездила смотреть ледоход. [...] Плотина устояла и вода держится».

После прочтения этих строк может показаться: ну какой тут отдых, когда столько забот, переживаний. Но, как уже говорилось, Марии нравилось жить в усадьбе, об этом говорят слова в ее письмах: «очень хорошо в **Дергайково**», «была в **Дергайково**, чудесно». Она часто сюда приезжала.

В предыдущей главе рассказывалось об увлечении Василия Алексеевича Маклакова охотой. Ради этого в имении был устроен большой собачий двор, на котором жили, по словам самого хозяина, до полутора десятка охотничьих собак (а в иные годы, может, и больше). В энциклопедии «Истринская земля» об этом написано так: «У барыни Маклаковой был большой двор, где держали охотничьих собак, господа приезжали охотиться в близлежащих лесах, но зимой усадьба была нежилрой, только летом сюда приезжали и сама барыня, и ее родственники»³⁰⁶.

В 1903 г. Мария писала брату: «Вася, твое письмо пришло поздно, Илья собаку купил [...] я не могла отказать, так что собака у нас. Все охотники, которых я спрашивала сказали мне, что она должна быть великоленна в поле».

Животные доставляли массу хлопот хозяевам. Как-то раз Мария писала брату: «собаки разорвали 3 овец, пришлось заплатить 12 р.». Очевидно, пострадал скот крестьян, и пришлось компенсировать им потери. Через некоторое время она же написала: «у нас несчастье: пропала белая Пума, я очень боюсь, что ее убили, уж очень она таскала кур». Неужели речь про большую дикую кошку из Америки? В другом письме была упомянута Филька, которая (который?) «съел еще телянка, я не знаю, что с ним делать, одно отчаяние. Куплю большую цепь и пуцу его ходить по канату. Теленка он загрыз сорвавшись с цепи»³⁰⁷. Что это за зверь, который напал на теленка? Неужели та самая пума или какой-то другой крупный хищник? Мария Алексеевна опасалась, что Филька может загрызть людей.

В музее композитора С. И. Танеева сохранилась фотография, где на заднем плане виден угол дома с крыльцом, на котором стоят женщины с передниками, очевидно, прислуга. А на переднем плане присевшая женщина гладит собаку (всего в кадре их пять штук). Это хозяйка Мария Алексеевна Маклакова. В подписи к фотоснимку не сказано, что это за местность. Однако работник музея Т. Л. Жирнова считает, что снимок сделан в Дергайково. Похоже, это действительно так. Если сравнить указанный фотоснимок с фотографией усадебного дома, приведенной в первой главе (изо 1–06), то можно отметить схожесть деталей постройки: форма ставней, водосточные трубы, обивка дома и крыши.

Изо 6–36. М. А. Маклакова (присела) с собаками в **Дергайково**³⁰⁸.
Музей С. И. Танеева в Дютюкове.

Когда уже завершалась работа над данным текстом, вышла книга воспоминаний Зинаиды Григорьевны Морозовой. В ней несколько раз упомянуты Маклаковы, которые были соседями владельцев морозовского имения в с. Покровское-Рубцово. Вот выдержка из этой книги:

«Я помню, когда мы сидели у Маклакова в имении их мачехи [по всей видимости, это Спасское – Авт.], а усадьба Василия Алексеевича [Дергайково] была верстах в трех, по скверной дороге, то сестра Василия Алексеевича Мария Алексеевна увидела в своей усадьбе дымок и вдруг пришла в страшное волнение и закричала: “Нас подожгли (их очень не любили окрестные крестьяне), дайте Вашу коляску, и я поеду посмотреть, что у нас”. – “Нет, – говорю, – я не дам, я очень люблю своих лошадей, и по Вашей скверной дороге им и так чуть не испортили ноги... и к тому же Вы стоите за перемену режима... то и падайте одной из первых жертв...”»³⁰⁹.

Жесткие слова, трудно их комментировать. Для З. Г. Морозовой лошади оказались дороже возможной большой беды у соседей. Пожара, по всей видимости, не было (ни в одном источнике о нем не сказано). Но ведь в тот момент это не было очевидно. Непонятно, какие вообще могли быть нормальные отношения между соседями после слов пожелания гибели: *«падайте одной из первых жертв»*. В предыдущей главе обсуждались и другие слова из приведенной цитаты: *«их очень не любили окрестные крестьяне»*. Высказывалось сомнение в их достоверности.

Оставшиеся вопросы

Теперь хотелось бы рассказать о двух источниках информации, по которым остались вопросы.

Первый источник. Д. П. Маковицкий в своей книге привел разговор, состоявшийся в Ясной Поляне в 1905 г.: *«М. А. Маклакова рассказала, что ее отец построил церковь и, пополам с земством, школу; сперва две-три зимы она сама учила, теперь есть учительница. [...] Мария Алексеевна учит не с голоса, а тоже по нотам – литературным»³¹⁰.*

Тут возникает сразу несколько вопросов. Отца Марии Алексеевны звали Алексей Николаевич Маклаков, о нем шел подробный разговор в четвертой главе. И там не говорилось о постройке им

какой-либо церкви и школы, таких данных нет. Далее. Про саму Марию Алексеевну в цитате сказано, что она учит молодежь церковному пению. К сожалению, не указано, где именно. Трудно поверить, что М. А. Маклакова сказала неправду. Не таким человеком она представляется. Что-то в приведенной цитате из книги Маковицкого не так, загадка осталась. Может автор имел ввиду кого-то другого?

Второй источник. В энциклопедии “Истринская земля” приведен ценный материал об истории Дергайково:

«Маклаковы – мужчины местным жителям почему-то не запомнились. Видимо, они бывали тут лишь на охоте. Но остались самые теплые воспоминания о барыне, взятые нами из сочинений учеников Костровской средней школы: “При деревне Дергайково на живописном месте был расположен двухэтажный дом барыни Маклаковой. Барыня, как вспоминают жители, была очень доброй, приезжала на лето, а зимой жила в Москве. [...] Жители окрестных деревень в революцию приходили ее провожать и, как рассказывают, многие плакали. Она вышла к народу, поклонилась, перекрестилась, посмотрела в последний раз на свой дом и уехала. Большие никаких сведений о ней нет”. “Барыня Маклакова”, о которой идет речь, по всей вероятности, Л. Ф. Маклакова (21.07.1851–1936), мачеха владельца усадьбы В. А. Маклакова»³¹¹.

Здесь хотелось бы прокомментировать следующее.

Первое – «двухэтажный дом». По всем историческим данным, господский дом в усадьбе Дергайково был одноэтажным, но на нем имелся мезонин. Его вполне некоторые люди могли принять за второй этаж.

Второе – о барыне Маклаковой. Авторы энциклопедии предположили, что это была мачеха, Лидия Филипповна. Думается, это ошибка. Понятно, откуда такая версия взялась: Л. Ф. Маклакова проживала в соседнем имении Спасское (с.с. Леоново), находившемся в одной версте от Дергайково, и, кроме того, была попечительницей земской школы в соседнем селе Телепнево. Она могла бывать и в усадьбе Дергайково, но, думается, нечасто. Как уже говорилось, с хозяином имения, ее пасынком Василием Маклаковым, у нее были сложные отношения. Местные жители, скорее всего, имели в виду другую женщину – Марию Алексеевну Маклакову. Она регулярно приезжала в Дергайково, много здесь проводила времени, была фактической хозяйкой имения, отдавала распоряжения по хозяйству. Потому местные жители и запомнили ее. Вот только имя ее со временем забылось, в памяти осталась только фамилия Маклакова. В пользу Марии говорит и то, что перед отъездом во Францию она могла приехать в Дергайково, чтобы забрать вещи и попрощаться с людьми. Тогда как Лидия Филипповна никуда не уезжала из страны, и прощаться ей не было нужды.

Жизнь Марии Алексеевны в эмиграции

В предыдущей главе рассказывалось, как в 1917 г. незадолго до большевистского переворота Временное правительство назначило Василия Алексеевича Маклакова послом России во Францию. Вполне логично, что с ним в дальнейшее путешествие отправилась и Мария, ведь предполагалась длительная командировка. А вышло так, что Франция стала их местом обитания на последующие десятилетия. В эмиграции Мария Алексеевна вела активную деятельность, вот как об этом говорится в одной из публикаций в интернете:

«В начале 1920 года были созданы курсы для подготовки русской молодёжи к экзаменам на аттестат зрелости. Их организатором был гимназический учитель С.Г. Попич. Занятия проходили в здании российского посольства на улице Гренель, на квартире бывшего посла Временного правительства в Париже В.А. Маклакова. После первого выпуска, который состоялся летом того же года, было объявлено об открытии в Париже русской средней школы. Набор учеников начался в сентябре. Деятельное участие в организации школы приняло Общество помощи детям беженцев из России, и лично его председатель М.А. Маклакова (сестра посла). Первым директором школы стал В.П. Недачин, до революции возглавлявший Медведниковскую гимназию. Русская гимназия в Париже была основана в 1920 г. и просуществовала до 1961 г. Сестрой российского посла в Париже М. А. Маклаковой было основано Общество просвещения беженцев из России, в ведении которого и состояла гимназия. Гимназия была учреждена при российском посольстве по почину русских педагогов и при содействии М.А. Маклаковой, которая являлась председателем Комитета временной помощи русским во Франции»³¹².

На другом сайте приведена такая информация о М. А. Маклаковой: «Участвовала в работе многих общественных и благотворительных организаций. В годы Второй мировой основала Об-во помощи бедным русским»³¹³.

Сохранились свидетельства эмигрантов, в которых упоминаются Маклаковы. Первая цитата из воспоминаний Н. Берберовой: «В 1924 г. Маклаков переехал из посольства на собственную квартиру, где прожил до конца своей жизни, на улице Пэги, в двух шагах от бульвара Монпарнас. Там он поселился с сестрой, Марией Алексеевной, никогда не бывшей замужем и обожавшей брата, и старой прислугой-французенкой. [...] К Марии Алексеевне я потом заходила несколько раз, она стала сухонькой и прозрачной, и брала у меня домашнее варенье из черной смородины, которое он [брат] любил, для передач»³¹⁴.

Другая цитата из воспоминаний протоиерея Бориса Старка: «Перед войной, в 1937–1939 годах, мы три лета проводили в детском лагере, в 15 км от Компьенья, в 100 км от Парижа на север, в местечке Эленкур-Сент-Маргерит [...] Кроме того, в этой же деревушке у частных людей на лето селились отдельные русские, как сказали бы теперь “дикие”, а также имела свой маленький домик видная представительница старой Москвы – Мария Алексеевна Маклакова. Старая девушка, очень энергичная, деятельная, с очень острым язычком. Москвичи ее побаивались и называли “ла вьерж фоль”, т. е. “сумасшедшая девственница”. Один ее брат – Николай – был одним из последних министров внутренних дел, а второй – Василий Алексеевич – послом Временного правительства в Париже. Он был одинок, и сестра жила с ним и вела его хозяйство, а на лето уезжала в свой домик в Эленкур-Сент-Маргерит»³¹⁵.

Кончина Марии Алексеевны Маклаковой

Мария и Василий Маклаковы всю жизнь прожили вместе. Вместе росли в родительском доме, потом жили на съемных квартирах в Москве. Брату принадлежало имение Дергайково, в котором чаще и дольше бывала Мария, вела там дела по хозяйству. Им повезло, что успели уехать из России до прихода к власти большевиков. В Париже они также жили вместе, сначала в посольской квартире, потом снимали жилье. Так прошла вся жизнь, оба состарились, оба остались бездетны. Брат и сестра держались друг за друга.

В 1957 г. М. А. Маклакова серьезно заболела. Сказывался возраст – ей шел уже 80-й год. Один из знакомых В. Ледницкий писал: «В 1957 году я Марью Алексеевну уже не видел. Когда я навестил В. А. [Василия Алексеевича] в апреле, она была в больнице, и В. А. волновался по поводу того, как и где ее лучше всего устроить – они с сестрой в этом не сходились. [...] Проблема заключалась в том, что М. А. хотела вернуться домой, а В. А. считал, что для нее лучше и удобнее остаться в госпитале до полного выздоровления»³¹⁶.

Василий Алексеевич остро переживал болезнь сестры: «Жизнь как будто бы шла еще нормально, заботы, связанные с болезнью М. А., создавали какую-то иллюзию активности, укрепляли в нем, повидимому, чувство, что их тридцатилетняя совместная жизнь всё еще продолжается». В статье Иоффе сказано: «К Маклакову подступало одиночество. Оно пришло, когда скончалась его сестра Мария Алексеевна, долгие годы бывшая для него другом, помощницей, экономкой. Этот удар был для Василия Алексеевича тяжелейшим»³¹⁷.

Мария Алексеевна Маклакова умерла 10 мая 1957 г. Похоронили ее на кладбище, где хоронили многих русских эмигрантов – Сент-Женевьев-де-Буа близ Парижа. Брат Василий скончался через два с небольшим месяца. Несомненно, на столь скорый его уход повлияла смерть близкого человека. Как уже говорилось, В. А. Маклакова первоначально похоронили в швейцарском г. Баден. Но потом прах перенесли на тоже эмигрантское кладбище под Парижем. И хотя нет исторических подтверждений о нахождении могил брата и сестры рядом, практически нет сомнений, что так оно и есть.

Вот и все о Маклаковых.

Заключение

Дергайково в годы советской власти

Изо 7–01. «Деревня **Дергайково** Истринского района»¹, 1956, фото Б. В. Лукьянов.

Материал об истории Дергайково в советские годы особо не собирался, поэтому сведения краткие. Следует отметить, что населенный пункт после революции стали именовать деревней.

Как только что говорилось, хозяева дергайковской усадьбы Василий и Мария Маклаковы в начале октября 1917 г. уехали из России. В конце месяца власть в стране захватили большевики. Вскоре по принятому декрету о земле помещичьи владения были национализированы. В каком виде усадьба перешла к новой власти – сведений нет. Можно лишь сказать, что информация о погроме или пожаре помещичьих строений в Дергайково не встречалась. Напротив, из приведенной далее цитаты советского времени следует, что усадебные постройки уцелели.

В энциклопедии «Истринская земля» приведена такая информация: «В 1924 г. жители д. **Дергайково** Тепленевского сельсовета Лучинской волости (47 мужчин и 49 женщин) обитали в 17 хозяйствах, имели 61,5 десятины земли (в том числе пашни – 40,5, покоса – 17, выгона – не было), 18 лошадей и 26 коров. В 2 хозяйствах работали сапожники, в 1 – столяры. В имении находилась детская трудовая колония им. Ленина, основанная в 1920 г. (51 воспитанник). По переписи 1926 г., помимо деревни, значилось бывшее имение Маклакова, Тепленевского сельсовета, 15 мужчин, 17 женщин. В бывшем имении находилась крестьянская школа»².

В том же издании приведены выдержки из сочинений учеников местной Костровской средней школы: «От барского дома до самой речки была посажена красивая еловая аллея, с другой стороны до реки тянулись липовая аллея, березовая аллея (кое-где деревья сохранились). И холм, на котором стоял барский дом, тоже сохранился. Там, где была усадьба барыни, позже открыли детский дом для детей-сирот, потом был интернат для учащихся сельскохозяйственной школы колхозной молодежи (ШКМ). Дом сгорел перед войной, а кирпичное подсобное помещение сохранилось, в нем в войну жила семья Горячевых (ныне жители д. **Дергайково**), под строением был прекрасный погреб, еще в 1950–1960-е гг. хранили квашеную капусту в этом погребе (колхозную, а затем совхозную). Строение было растащено, погреб тоже сломали. Теперь осталась яма».

Во время войны в 1941 г. Дергайково находилось под оккупацией немцев около трех недель. Освобождать занятую врагом землю довелось 131-му стрелковому полку под командованием Н. Г.

Докучаева. Развернулись кровопролитные бои. Как потом писали очевидцы событий: «Пройдя по освобожденным населенным пунктам, мы увидели, сколь велики были потери фашистов. Например, по дороге на **Дергайково** и в самой деревне валялось множество трупов вражеских солдат и офицеров. Здесь же валялись разбитые орудия, автомашины и другая боевая техника врага»³.

По данным той же энциклопедии: «В послевоенное время деревня входила в колхоз «1 Мая». По сведениям на 1 января 1968 г., в **Дергайкове** проживал 71 человек. Сейчас деревня относится к АО «Костровский». В 1989 г. деревню населяли 23 человека, в 1999 г. **Дергайково** насчитывало 7 хозяйств и 17 постоянных жителей, среди них – старожилы супруги Родины, Василий Александрович и Зинаида Арсентьевна (84 и 82 лет). На 1 января 2003 г. в **Дергайкове** числилось 22 постоянных жителя».

По данным «Википедии» на начало 2016 г. население **Дергайково** составляло 47 человек.

Дергайковская усадьба – что от нее осталось

Сразу следует сказать, что, по всей видимости, ничего из усадебных построек в **Дергайково** не уцелело. Хотя, возможно, остатки фундаментов каких-то бывших строений еще можно найти. Местная жительница Валентина Викторовна Лаврикова любезно согласилась показать место, где находился усадебный дом. Мы пошли от последнего дома на западной окраине дер. **Дергайково** по тропинке, идущей на юг. Кое-где шли по мощеной булыжником дороге. Вокруг росли высокие деревья: сосны, ели, липы. Видно было, что они посажены в ряд. Вероятно, это остатки той самой аллеи в дергайковской усадьбе, деревья которой были посажены еще до революции. Метров через 150 впереди показался заметный уклон, тропинка стала спускаться вниз.

С правой стороны в этом месте оказалась небольшая поляна (метров 20 или 30 в диаметре), она была окружена деревьями. Валентина Викторовна сказала, что тут и находился господский дом. Что ж, это похоже на правду. С этого места открывался замечательный вид в южном направлении на долину речки Малая Истра. Обзор, правда, был неполный, мешали растущие на склоне деревья. Среди них можно было разглядеть старые ели, лиственницы, некоторые из них засохли. Но 120–150 лет назад, думается, ничто не мешало с этого места любоваться просторами. Хорошее место было выбрано для барской усадьбы. На поляне росла высокая трава, она не позволила проверить, остались ли остатки фундамента дома хозяев имения.

Изо 7–02. Остатки мощеной дороги в **Дергайково**, 2025.

Изо 7–03. Старая лиственница на аллее, 2025.

Изо 7–04. **Дергайково.** Вид с усадебного пригорка в южном направлении. Слева остатки аллеи. Вдали на горизонте виден лес, перед ним протекает речка Малая Истра, 2025.

Вместо послесловия

Вот и закончен рассказ об имении Дергайково и его последнем владельце – адвокате и депутате Государственной думы нескольких созывов Василии Алексеевиче Маклакове и его родственниках.

На самом деле, в книге разговор шел не только и не столько об этом человеке. Описана история дергайковского имения, а также всех его владельцев на протяжении нескольких веков. Таких помещиков вместе с депутатом оказалось 17 человек.

Это седьмая книга автора, подобные издания в научном мире называют монографиями. И действительно, согласно определению данного слова, все работы автора в целом отвечают предъявляемым требованиям, достаточно посмотреть на библиографию в конце книги (редко где столько много ссылок встречается). Но есть одно исключение. Научные работы обычно пишут ученые «сухим», «академическим» языком с обилием специализированных терминов, понятных специалистам, но не широкому кругу читателей. Автор же, хоть и имеет ученую степень, старался писать свои книги простым, доступным для неподготовленного читателя языком. Ну а как и что из этого вышло, судить читателям.

Настоящая книга отличается от предыдущих книг большим объемом материала о помещичьих родах. Если раньше автор ограничивался приведением сведений о родителях, братьях и сестрах, а также приводил информацию о потомках, то на этот раз захотелось рассказать о дедушках и бабушках, а иногда и о более дальних предках. Отсюда получились такие разветвленные древа у некоторых дворянских родов. Через дальних предков хотелось показать, какие корни имели дергайковские помещики, в каких условиях и среде они воспитывались.

Еще хотелось бы отметить, что далеко не все приведенные в настоящей книге сведения прежде где-то публиковались. Немало находок было сделано в архивах, о которых прежде никто не знал (из наших современников). Так что прочитавшие настоящую книгу узнают много такого, что не ведомо даже специалистам.

Приложение

1. Справка о дореволюционной России

Меры длины, площади, веса, объема

1 пуд = 40 фунтов = 16,38 кг; 1 фунт = 96 золотников = 409,5 г; 1 золотник = 4,26 г.

1 верста = 500 саженей = 1066,8 м; 1 сажень = 3 аршина = 2,13 м.

1 аршин = 16 вершков = 71,1 см; 1 вершок = 4,45 см.

1 десятина = 2.400 квадратных (кв.) саженей = 2 чети = 1,09 гектара.

1 квадратная сажень = 9 квадратных аршин = 4,55 кв.м. Когда при указании размера площади писали, например, «137 саженей», то это следует понимать, как 137 квадратных саженей (кв.саж.).

1 кубическая сажень (куб) = 9,71 куб.м.

1 четверть (мера объема сыпучих тел) = 209,9 л.

В прежние времена на Руси существовала так называемая трехполосная система землепользования: одно поле (осенью) засевалось озимыми культурами, другое (весной) – яровыми, а еще одно оставалось под паром (незасеянным). Размеры двух последних полей были схожи с первым: «а в дву потому же», то есть два других примерно такие же. Это означает, что для определения суммарной площади всей земли надо умножить площадь одного поля на три.

О стоимости денег

1 деньга = половина копейки; 1 алтын = 3 копейки; гривна имеет несколько значений, одно из них 10 копеек.

Вопрос о соотношении старых и современных денег непростой, существенно зависит от года. Несмотря на обилие публикаций, достоверных сведений о курсах пересчета в разные периоды времени найти не удалось. В конце XVIII столетия стоимость 1 серебряного рубля соответствовала около 5.000 рублей нынешних. Примерно тогда же, помимо монет, появились бумажные деньги, так называемые ассигнации (асс.). Они не пользовались доверием у населения и ценились ниже. Так, в 1840-х гг. официальный курс пересчета составлял: 1 руб. сер. = 3,5 руб. асс. Тогда же ассигнации стали обменивать на кредитные банковские билеты, стоимость которых приравнивалась к серебряным монетам. С 1849 г. деньги в России стали едиными. Стоимость одного рубля начала XX в. равнялась примерно 1.500 современных рублей.

Оклады чиновников и служащих до революции были годовые. Например, начинающий учитель земской школы (без стажа) в конце XIX в. получал 200 рублей в год, потом стало 240. Это приблизительно соответствовало нынешним 30–36 тыс.руб. в месяц.

Населенные пункты до революции

Где-то, начиная с XVII столетия на Руси, всякое поселение в сельской местности, независимо от числа жителей, как правило, называлось **селом**, если в нем была приходская православная церковь, или **деревней** – если храма не было. **Сельцо** (сц.) от деревни отличалось наличием усадьбы помещика. В советские времена при выборе термина для поселений использовался принцип, основанный на числе постоянно проживающих жителей. Небольшие населенные пункты стали именоваться деревнями. Автор в своих книгах придерживается старого подхода.

Заштатный город – населенный пункт, пользовавшийся правами города, но не являвшийся административным центром уезда. По указу императрицы Екатерины II в 1781 г. село Вознесенское, находившееся близ Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, было преобразовано в г. **Воскресенск** с образованием одноименного уезда. По восшествии на престол Павел I в 1796 г. издал новый указ, по которому Воскресенский уезд расформировали, а город был переведен в разряд заштатных. Таким Воскресенск оставался все XIX столетие вплоть до революции.

Служители Церкви

Пономарь, дьячок (прежде писали «*дьячек*»). С конца 1880-х гг. вместо них в составе причта стал **псаломщик** (ныне чтец, алтарник). Это все служители, не возведенные в степень священства. В их обязанности входило: вносить в алтарь просфоры, вино, воду, зажигать и гасить свечи, готовить и подавать иерею кадильницу, убирать храм, топить в нем печь. Кроме того, они отвечали за пение на клиросе и чтение молитв. Те из них, которые были искусны в духовном пении и чтении

церковных текстов, а также достаточно хорошо знали церковный устав, удостаивались «*посвящения в стихарь*», т.е. права ношения специального богослужебного облачения.

Дьякон (прежде писали «*диакон*») – служитель первой, низшей степени священства. Не имеет права совершать богослужения самостоятельно. Основная обязанность дьякона заключается в помощи священнику при совершении таинств. Часто на этой должности оказывались люди с красивым, громким голосом.

Священник, иерей, пресвитер (ранее **поп**) – служитель второй степени священства, имеющий право совершать богослужения и 6 из 7 христианских таинств: покаяние (исповедь), евхаристия (причащение), крещение, миропомазание, брак (венчание) и елеосвящение (соборование).

Пономари, дьячки и псаломщики назывались еще **церковнослужителями**, а священники и дьяконы – **священнослужителями**. Все вместе составляли клир или причт церкви.

Церковный староста. Впервые должность упомянута в указах Петра I. Первоначально обязанность старосты состояла в приобретении и продаже свечей и хранении церковной кассы. Затем он стал ведать ремонтом храма, сбором пожертвований и соблюдением порядка. На эту должность избирали мирянина, пользующегося доверием прихожан и причта. Приветствовалось, если староста был состоятельным человеком, готовым жертвовать личные средства на нужды храма. А вот обязательное знание грамоты не требовалось, достаточно было умения считать деньги. Церковного старосту избирали на общем сходе прихода каждые три года, одного и того же прихожанина могли переизбирать многократно. Избранных старост утверждали в должности в местной епархии.

Некоторые вышедшие из употребления слова

«**Болярин**» – синоним слова боярин. В XIX в., когда в России бояр уже не было, такое обращение сохранялось преимущественно в церковном употреблении в отношении покойных дворян.

«**Восприемник**» – в просторечии крестный отец и крестная мать. Так называли лиц, которые при крещении младенцев и больных, лишенных дара речи, давали за них крещальные обеты и произносили Символ веры.

Слова «*построенная клетцки церковь*» означают, что она устроена на основе клетки, основанием служил сруб на четыре угла. Имела перекрытие на два ската подобно избе, реже на четыре ската.

«**Понял за себя**» – эти слова в метрической книге означают «взял в жены».

«**Поручитель**» – по-нашему свидетель или шафер, который своей подписью подтверждал акт бракосочетания в метрической книге. Поручители (как правило, несколько) были со стороны жениха и со стороны невесты. Они принимали участие в обручении и венчании, во время обхода жениха и невесты вокруг аналоя держали венцы над их головами.

Послужной список (ПС) или формулярный список (ФС) был основным документом для лиц, которые состояли на военной или гражданской службе в Российской империи. В него вносились сведения о прохождении службы, наградах, отпусках, участии в походах, семейном положении и недвижимости, находящейся во владении. ПС и ФС можно считать аналогом анкеты по учету кадров и трудовой книжки.

«**Ревизские души**» — это мужчины (без различия возраста), которые платили подати (налоги) в Российской империи. Каждая ревизская душа считалась в наличии даже после смерти вплоть до следующей переписи (ревизии). Существовали с 1718 г. по 1887 г.

Временнообязанные крестьяне

По реформе февраля 1861 г. крепостное право было отменено, все помещичьи и казенные крестьяне Российской империи, а также члены их семей получили личную свободу. Центральным вопросом реформы был вопрос о земле. Закон подчеркивал право собственности помещиков «*на всю землю в имении*», включая «*крестьянскую надельную*» землю. Крестьяне объявлялись лишь пользователями этой надельной земли и были обязаны выполнять установленные повинности – барщину или оброк. Крестьян после реформы стали называть «**временнообязанными**», т.е. обязанными помещикам за использование их земли.

Крестьяне одного помещика составляли сельское общество. Отношения между сельскими обществами и помещиками регулировались «*уставными грамотами*», в которых устанавливалось количество предоставляемой земли и размер повинностей. В Московской губернии по реформе в большинстве уездов размер предоставляемого надела каждому крестьянину был равен 3 дес. 1200 кв. саж. (т.е. 3,5 дес.).

Позднее было установлено, что крестьяне в течение 49 лет должны выкупить свои земельные наделы. Для этой цели государство выделяло крестьянским обществам ссуду под 6% годовых. После выплаты всей суммы крестьяне из категории временнообязанных переходили в собственники земли.

3 ноября 1905 г. Николай II подписал манифест об отмене выкупных платежей за землю.

Родословные дворянские книги

В 1785 г. по указу Екатерины II в каждой губернии было предписано вести специальные книги, куда вписывались дворянские роды данной губернии. Всего было введено шесть категорий родословных книг, в них записывались:

1-я – лица, пожалованные в дворянское достоинство императорским дипломом, гербом и печатью.

2-я – «роды военного дворянства». По указу Петра I все обер-офицеры получали патенты на дворянство. В 1845 г. военный чин, дающий право на потомственное дворянство, был повышен до майора. В 1856 г. – до полковника.

3-я – так называемое «служивое дворянство» (иногда писали: «служилое дворянство»). Самая массовая часть дворянства. Право на причисление к дворянскому сословию приобреталось на гражданской службе по получении соответствующего чина или при награждении определенным орденом (например, св. Владимира 4 ст.). Согласно Табели о рангах 1722 г. все государственные служащие первых восьми классов (начиная с коллежского асессора и выше) имели право на потомственное дворянство. Позднее это правило ужесточилось. По манифесту 1845 г. право на потомственное дворянство получали чиновники пятого класса и выше. С 1856 г. необходим был чин четвертого класса (действительного статского советника). За причисление к дворянскому достоинству взималась плата.

4-я – все иностранцы, приехавшие в Россию, которые были у себя на родине дворянами.

5-я – роды, имеющие «или княжеское, или графское, или баронское, или иное» достоинство.

6-я – древние благородные роды, так называемые «столбовые» дворяне, «коих доказательства дворянского достоинства за сто лет и выше восходят».

Дворянин должен был записаться в родословную книгу той губернии, где имел недвижимость и постоянно проживал. Те дворяне, у кого были имения в разных местах, могли записываться в родословные книги тех губерний, где желали участвовать в выборах.

Лица, записанные в родословную книгу любой из шести категорий, были потомственными дворянами, они передавали дворянское достоинство своим детям. Помимо этого, было еще личное дворянство, оно было введено в 1714 г. Личное дворянство предоставлялось только тем, кто его заслужил, и по наследству не передавалось. Такие дворяне в родословные книги не вносились. Первоначально личное дворянство присваивалось всем классным чинам Табели о рангах. По манифесту 1845 г. право на него получали все обер-офицерские чины в армии, а на гражданской службе – чиновники 6 – 9 классов (титулярные советники и выше).

В 1845 г. было введено звание почетного гражданина, которое присваивалось детям личных дворян, детям священно- и церковнослужителей, а также чиновникам, начиная с 14 класса. Почетное гражданство также было потомственным и личным.

Табель о рангах Российской империи (фрагмент)

Класс.	Гражданский чин.	Равный армейский и морской чин.
2	Действительный тайный советник.	Генерал от кавалерии, адмирал.
3	Тайный советник.	Генерал-лейтенант, вице-адмирал.
4	Действительный статский советник.	Генерал-майор, контр-адмирал.
5	Статский советник.	Бригадир.
6	Коллежский советник.	Полковник, генерал-адъютант, капитан 1-го ранга.
7	Надворный советник.	Подполковник, капитан 2-го ранга.
8	Коллежский асессор.	Майор, капитан 3-го ранга.
9	Титулярный советник.	Капитан, ротмистр.
10	Коллежский секретарь.	Штабс-капитан, штабс-ротмистр, мичман.
12	Губернский секретарь.	Поручик, унтер-лейтенант, мичман.
13	Провинциальный секретарь.	Подпоручик.
14	Коллежский регистратор.	Корнет, прапорщик.

2. Мария Гамильтон – любовница Петра I и денщика Ивана Орлова

Семевский М.И. Фрейлина Гамильтон (исторический очерк) //Отечественные записки, 1860, т.132, № 9 (сентябрь), с. 239–310; публикуется с сокращениями¹.

Гемильтон, или Гамильтон (Hamilton), принадлежит к числу древнейших и именитейших родов датских и шотландских, разделяющихся на множество отраслей. [...] Гамильтон, в качестве ближней прислужницы Екатерины [жены Петра I], явилась не ранее 1713 года. В 1715 году она уже сама имела двух горничных и пользовалась расположением царя и царицы. [...]

Петр скоро заметил красавицу Гамильтон [...] Марья Даниловна Гамильтон пользовалась значением при дворе, имела много нарядов, дорогих вещей, нескольких горничных, из которых впоследствии важную роль играют в ее жизни Катерина Терновская, да Варвара Дмитриева. Марью Даниловну ласкали, вслед за государем и государыней, придворные; ей делали значительные подарки. [...]

Первая беременность ее относится к 1715 году. [...] Между-тем, Петр уже охладел к Марии; фрейлина была для него не более, как предмет временной проходящей любви [...] Оставляемая Петром, Гамильтон обратила внимание на одного из его деньщиков, на Ивана Орлова...

Они [государевы денщики] поступали из дворян, большею частью незнатного происхождения (деньщикам петровским в настоящее время соответствуют флигель-адъютанты). Число деньщиков было неопределенно, доходило иногда до двенадцати; им поручались самые разнообразные, нередко первой важности дела: как, например: разведывание о поступках генерал-губернаторов, губернаторов, военных начальников, и проч. На деньщиках лежали обязанности: разведывать, доносить, производить следствие, нередко исполнять роль палача: по царскому велению, нещадно исправлять провинившагося дубиной. Такая разносторонняя деятельность требовала особых способностей и, разумеется, прежде всего силы, ловкости, бойкости... Деньщики выполняли и лакейскую службу при столе государя, его выездах, и т. п. Кроме их, для ежедневной службы при государе было несколько гайдуков; они обыкновенно становились по очереди при выездах государя и государыни сзади экипажа. Деньщики были обыкновенно записаны и числились на службе в одном из полков гвардии и, по прошествии нескольких лет, государь возводил их в высокие чины, давал отличные места, поручал ведать государственными делами. [...]

На одного из этих-то царских любимцев, Ивана Михайловича Орлова, обратила внимание Марья Даниловна Гамильтон; она пленила деньщика и, в свою очередь, пленилась его красотой. Это был молодой человек, он не успел еще ничем проявить себя на службе и имя его редко встречается в современных документах. Впервые упоминается о нем в бумагах 1709 года. [...] Орлов сделался ее любовником. [...]

Пока, Гамильтон все-еще имела значение, могла гордиться расположением своих господ; наконец в Иване Орлове любила грубаго, необразованнаго, полудикаго, но страстнаго любовника. Судьба не разлучала их, и 27 января 1716 года, в свите государя и государыни, они отправились за границу. [...] Но невесело было Марье Даниловне Гамильтон. Она не могла поладить с грубым и ревнивым Орловым, который, при каждом веселом часе, то-есть после каждой попойки, а пил он часто, по обязанности царскаго приближеннаго – оскорблял любовницу упреками, бранью, нередко поносил ее самыми пошлыми ругательствами. Между-тем Гамильтон любила его искренно. Страсть к царскому деньщику была так велика, что, не имея возможности давать ему подарки и удовлетворять настойчивым просьбам о деньгах, она, как сама впоследствии признавалась: «будучи при государыне царице Екатерине Алексеевне, вещи и золотые (червонцы) крада, а что чего порознь не упомянуть... а золотых червонных у ней, государыни, царицы, украла же, а сколько, не упомянет; и из тех червонцев деньщику Ивану Орлову дала она триста червонных, будучи в Копенгагене [...]

Марья Даниловна, подобно Екатерине Алексеевне, должна была употребить все способности своего женскаго ума и влюбленнаго сердца, чтоб удерживать непостояннаго Ивана Орлова от поступков ветренных. Она ревновала его к Авдотье Чернышевой, дарила его государыниными деньгами, одаривала собственными вещами — и все-таки возникали ссоры. Любовники зачастую вздорили. [...]

Гамильтон была в это время беременна в третий раз, притом в последнем периоде [...] «Когда, в Ревеле (писал он потом при допросах), я у нея (Гамильтон) щупал и ее спрашивал: что, не брюхата ль ты? и она сказала: «нет». И я ее опять спросил, и она сказала: «от тебя б я не потаила». А для чего брюхо туго? спросил я потом. Да ведь ты ведаешь, отвечала Марья, что я нездорова. Брюхо у меня туго от запору». [...] Марья Даниловна с ужасом ждала рокового часа, и злополучный ребенок, плод страстной любви, уже заранее, во чреве матери, был обречен на смерть. [...]

Деньщик его величества, Иван Михайлович Орлов – так повествует И. И. Неплюев – узнал об одном тайном сходбище, разведал о людях, составлявших общество, и вечером подал государю обстоятельную записку, донос, на заговорщиков. Великий государь, прочитав донос, тщательно уложил его в карман; он был занят другими делами; карман подпоролся и бумага попала между сукном и подкладкой. [...]

Между-тем, по обыкновению своему, государь проснулся очень-рано и захотел с свежей головой просмотреть донос; не найдя в кармане, заключил, что он украден, и закипел гневом. Приказано позвать Орлова, который раздевал его; Орлова не нашли. Государь еще более разсердился; повелел непременно отыскать гуляку-деньщика. Долго не находили гуляку, и гнев господина достиг высшей степени... Наконец, гонцы открыли Орлова. Не подозревая настоящей причины царского гнева, деньщик подумал, что, вероятно, государь узнал о любовной его связи с камер-фрейлиною Гамильтоновою, любимницею ея (?) величества.

С этою мыслью трепетавший любовник вошел к государю. Тот был в ярости. Еще более испугавшись, Орлов пал на колени: «Виноват, государь, взмолился деньщик, люблю Марьюшку!» (так звали при дворе фрейлину). Петр увидел из мольбы, что Орлов не вор бумаги, а кстати и она была найдена деньщиком Пospelовым в подкладке сюртука.

Между-тем признание заинтересовало господина, и он уже с покойным видом стал спрашивать: – Давно ль ты ее любишь? – Третий год. – Бывала ли она беременна? – Бывала. – Следовательно и рожала? – Рожала, но мертвых. [...]

К несчастью для любовницы, не задолго пред допросом, при очищении нечистот, найден был мертвый младенец, обернутый в дворцовой салфетке; тогда не могли отыскать матери младенца. Из ответов деньщика царь увидел, что убийца ребенка не кто другой, как фрейлина Гамильтонова. Ее зовут к царю. Петр при любовнике спрашивает любовницу. Та заперлась и стала клясться, что невинна. Ее, однако, уличили в связи с Орловым, после чего заставили сознаться, что она низвела таким-образом уже двух младенцев.

«Знал ли об этих убийствах Орлов?» вновь спрашивает государь. – Нет, отвечает фрейлина: – Орлов не знал. Петр не поверил невинности деньщика, велел его отвести в крепость, а над фрейлиною, убийцею нераскаянною (?), повелел нарядить уголовный суд» [...]

«Одна из фрейлин императрицы (?) Екатерины I-й, именем Гамильтон, вела распутную жизнь и два раза тайно освобождалась от беременности. Она так умела сбывать с рук младенцев своих, живых или мертвых, что при дворе нисколько ее в том не подозревали; но в третий раз преступление не удалось. Умерщвленный младенец был найден и все обстоятельства привели Гамильтон в подозрение. По царскому приказу, она была заключена в тюрьму, где и должна была признаться не только в этом, но и в двух прежних убийствах». [...]

Как же открылось преступление Гамильтон, как началось роковое для нея следствие. Ответа на эти вопросы поищем в подлинном деле: «о девке Гамонтовой». Из него мы видим, что Орлов был далеко неверен Марье Даниловне; в последнее время, забывая ее, часто хаживал к генерал-майорше Чернышевой (Авдотья-бой-баба). Эти частые визиты деньщика к генеральше сильно огорчали фрейлину: она сердилась, просила любовника прекратить свои посещения к Авдотье.

[...] служанка Катерина рассказала, как, месяц спустя после прихода из Revela, Марья Гамонтова родила над судном, как задушила ребенка собственными руками, наконец, как поручила при ней конюху Семенову выбросить в кухню тело дитяти. [...] Это страшное признание, без всякого сомнения, было вызвано у Марьи не столько уликой служанки, сколько угрозой следователю предать ее пытке.

Фрейлина призналась; казалось бы, и достаточно; но нет, для любознательных Петра Андреевича и Ивана Ивановича мало сего признания. – «Ведал ли об убийстве дитяти любовник твой,

Иван Орлов?» Та отвечает: «не ведал». Следователи не верят; так или иначе, дело не может обойтись без пытки, и вот секретарь в застенке пишет: «Того ж числа, девка Марья с виски сказала: что младенца задавила она, а Ивану Орлову о том, что брюхата, сказывала и что бросила младенца мертвого, и сказала, что он ушибся; а о том, что задавила, не сказывала».

«А Иван Орлов приведен в застенки, и на очной ставке с Марьею, сказал: что он с девкою Марьею жил блудно и что она младенца родила и бросила мертвого, о том он от нее не слышал, и она ему не сказывала, а он-де ей говаривал: когда родит, чтоб она ему о том сказала. А триста червонных она ему дала и сказала, что ее, а не государыни-царицы». [...]

«Дано ей (фрейлине двора ея величества) пять ударов». Скажи она одно против него слово, и этот любовник был бы вздернут на дыбу: кнут, да огонь пошли бы в дело.

А с розыску сказала: «блудно-де жила с Иваном Орловым и брюхата была трижды; двух ребенков она вытравила лекарствами, которые брала от лекаря государева двора» и т. д. Показания эти нам уже известны: Марья Даниловна, повинившись в том, что вытравила двух и третьего ребенка придавила, все-таки не взводила на любовника обвинения, будто бы он ведал об убийстве; «а у государыни царицы, заключала настоящий ответ фрейлина, червонцы и вещи крала, а сколько чего покрала, и то все у меня вынуто, а Иван Орлов о том не ведал же».

Таким-образом, она совершенно выгораживала его из ответа, Следователям не могло это нравиться: по их обязанности, они долгом считали вымучить что-нибудь новое; «девке Гамонтовой (фрейлине двора ея величества) дано (вторично) пять ударов».

На сколько молчалива была Гамильтон, на столько был говорлив вполне-оробевший любовник. В день второй пытки фрейлины он написал длинное письмо, которое, за неимением более-существенных фактов, наполнил обстоятельным рассказом о том, как и где в Голландии был он пьян, бранился с Марьею, называл ее б.....ю; [...] Из этого письма видно, как малодушен был Орлов. В виду любовницы, сносившей мужественно не одне угрозы, но и кнут, он, в безпамятстве от страха, лгал, как увидим ниже, на нее, оговаривал и других лиц.

[...] по «Уложению» царя Алексея, и по петровским законам, Гамильтон должна была быть казнена смертью. Приговор состоялся в четверг, 27 ноября 1718 года.

В тот день, по словам современного документа: «великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всея великия и малыя, и белыя России самодержец, будучи в канцелярии Тайных Розыскных дел, слушав вышеписанного дела и выписки, указал, по имянному своему великаго государя указу: девку Марью Гамонтову, что она с Иваном Орловым жила блудно и была от того брюхата трижды и двух ребенков лекарствами из себя вытравила, а третьего удавила и отбросила, за такое ее душегубство, также она же у царицы государыни Екатерины Алексеевны крала алмазные вещи и золотые: (червонцы) в чем она с двух розысков повинилась, казнить смертью.

«А бабе Катерине, которая о последнем ея ребенке, как она Марья родила и удавила, видела и, по ее прошению, того ребенка с мужем своим мертвого отбросила, а о том не доносила, в чем учинилась с нею сообщница, вместо смертной казни учинить жестокое наказание: бить кнутом и сослать на прядильный двор на год.

«А Ивана Орлова свободить, понеже он о том, что девка Марья Гамонтова была от него брюхата и вышеписанное душегубство детем своим чинила, и как она алмазные вещи и золотые крала не ведал — о чем она, девка, с розыску показала имянно.

«Подписали: Петр Толстой. От лейб-гвардии майор Ушаков. Григорий Скорняков-Писарев.

«И по вышеписанному его великаго государя именному указу, Иван Орлов из-за аресту свободен того же числа. С подписанием приговора фрейлину Гамильтон заковали в железно.

[...] государыня употребила для ея спасения все усилия; к своей просьбе она присоединила просьбы разных доверенных лиц государя; но все это ни к чему не повело. [...]

В субботу, 14 марта 1719 г., погода была ветряная, утро туманное. Лишь-только стало разсветать, на Троицкой Площади, близ крепости, собралась толпа народа, уже привыкшаго к казням. [...] Привели из крепости осужденных. Марья Даниловна до последнего мгновения ждала прощения. Догадываясь, что государь будет при казни, она оделась в белое, шелковое платье с черными лентами, без-сомнения, в надежде, что красота ея, хотя уже поблекшая от пыток и заточения, произведет однако впечатление на монарха... Она ошиблась. Впрочем, государь был ласков, по-крайней-мере, не осыпал ее упреками. [...]

Трепетала от ужаса фрейлина, молила о пощаде. Петр, так рассказывал Штелину Фоециус, придворный столяр, очевидец события, простился с нею, поцеловал и сказал: «без нарушения божественных и государственных законов, не могу я спасти тебя от смерти. И так прими казнь, и верь, что Бог простит тебя в грехах твоих, помолись только ему с раскаяньем и верою».

Она упала на колени с жаркой мольбой. Государь что-то шепнул на ухо палачу; присутствовавшие думали, что он изрек всемилостивейшее прощение, но ошиблись; царь отвернулся, сверкнул топор, и голова скатилась на помост. Он исполнил данное прежде обещание: тело красавицы не было осквернено прикосновением катских рук.

Великий Петр, повествуют иноземные писатели, поднял голову и почтил ее поцелуем. Так-как он считал себя сведущим в анатомии, то при этом случае долгом почел показать и объяснить присутствующим различные жилы на голове; поцеловал ее в другой раз, затем бросил на землю, перекрестился и уехал с места казни. [...]

Что касается до Ивана Орлова, то он был освобожден еще 27 ноября 1718 года.

По этому поводу И. И. Неплюев рассказывал следующее: «Несмотря на все уверения Орлова в том, что он не ведал о детоубийствах, Петр все еще сомневался и целый год держал его в тюрьме. Наконец, бывши на одной ассамблее, приказал привести заключенного деньщика. Снова убеждал его, что если он ведал об убийстве, то покался бы чистосердечно, «потому (говорил государь) согрешить есть дело человеческое, а не признаваться в грехе есть дело дьявольское. Покайся и я тебя прощу!»

Орлов продолжал говорить, что он невинен, и клятвами подтверждал уверения. «Ну, ежели ты и виновен, возразил Петр, то как нет точных тому доказательств, да судит тебя Бог, а я должен наконец положиться на твои клятвы».

Орлова, по воле монарха, одели в новый гвардейский мундир, и выбрали ему отросшую в тюрьме бороду. Жалуя его поручиком гвардии, Петр сказал: «страх подпасть под неправосудие в том сомнительном деле, принудил меня заключить тебя на год, яко виновника несчастию любовницы твоей, и ты сам должен признать наказание сие справедливым; оно послужит и тебе, и другим наставлением храниться от подобных поползновений». [...]

В каком полку был Иван Орлов, и был ли он в гвардии после дела с Гамильтон, также неизвестно; впрочем, в списках преображенского полка офицеров, представленных в 1722 году на рассмотрение Петра, для назначения из них судей по делу Шафирова, значится какой-то Иван Орлов. [...]

Забрав на сохранение драгоценные вещи из небольшого скарба Фрейлины, великий Петр, если верить Гельбигу, приказал конфисковать и сохранить самое драгоценное, что имела Марья Даниловна: ея красивую голову. Голова эта положена была в спирт и отдана в академию наук, где ее хранили в особой комнате, с 1724 года, вместе с головою каммергера Монса. Воля монарха была исполнена с величайшей точностью. За головами был большой уход до восшествия на престол Екатерины I; когда же увидели, что императрица забыла о бывшем любимце своем, отрубленную голову которого, после казни в течение нескольких дней, видела пред собой, то и смотрителя в академии забыли их.

Спустя шестьдесят лет о них вспомнили. Это было в 1780 годах. Княгиня Е. Р. Дашкова, в качестве президента академии, пересматривала счета и нашла, что чрезвычайно-много выходит спирту. Между-прочим, она заметила, что он отпускается на две головы, хранимые в подвале, в особом сундуке, ключ от которого вверен особому сторожу; но он не знал чьи головы находились под его охраной.

Долго рылись в архиве академии; наконец нашли имена владельцев голов это были: двора императрицы Екатерины I фрейлина Марья Даниловна Гамильтон и каммергер Вилим Иванович Монс. Княгиня Дашкова донесла о находке императрице Екатерине II. Головы принесли во дворец, рассматривали и все удивлялись сохранившимся следам их прежней красоты. Когда любопытство было удовлетворено, головы, по приказу императрицы, закопали в погребу».

3. Орывки из воспоминаний Василия Алексеевича Маклакова

Маклаков В. А. Из воспоминаний / Вступ. сл., сост.: П. В. Крашенинников. – М.: 2016, с.17–257; публикуется с сокращениями².

Изо ПЗ-01. В. А. Маклаков.

Глава I

[...] Дед моей матери был важный (штатский) генерал Павел Степанов; его я никогда не видел и только смутно помню висевший у нас на стене его фамильный портрет. Его жена была рожденная Татаринова; по семейным преданиям, она была в каком-то родстве с известной Татариновой эпохи Александра I. У П. Степанова было три дочери: Александра, Марья и Раиса. Александра, моя родная бабушка, вышла замуж за чиновника дипломатического ведомства в Бухаре Василия Васильевича Чередеева. Мать была их единственной дочерью. Эту свою родную бабушку, Александру Павловну, я помню гораздо меньше, чем ее сестер: она умерла раньше их. В моей памяти осталось только болезненное желтое лицо, которое у нее было незадолго до смерти, и ее похороны. Ее сестер, Раису и Марью, помню гораздо лучше. Раиса вышла замуж за офицера Егора Александровича Михайлова, который служил в Хиве при Кауфмане; в мое время он был отставным полковником с совершенно лысой головой, членом Английского клуба, где проводил каждый вечер за картами; у него и Раисы было очень много детей, чуть ли не восемнадцать человек, и, хотя все были от одних и тех же родителей, часть их по отчеству звалась Дмитриевичами, а часть Егоровичами. Нам что-то по этому поводу объясняли, но очень невразумительное. Все их дети где-то служили. Мать их, Раиса, была столь же богата, как и ее сестры, но ее состояние не удержалось, и дети должны были сами зарабатывать на жизнь.

Третья сестра, Марья, осталась незамужней; была пережитком старой эпохи. Жила в собственном доме в Москве, около Каретного Ряда. При доме была очень большая незастроенная площадь земли: двор, сад и огород. В умелых руках имущество это могло бы представить большую ценность. Но владелица из него дохода не только не получала, но и не старалась извлечь. Этого мало. Большой кусок своей земли она подарила соседней церкви, со словесным условием его не застраивать. Условие было нарушено: церковь сначала построила там большой доходный дом, с окнами прямо в окна дома дарительницы, потом закрыла проезд через подаренную землю, и дарительнице пришлось к себе проезжать обходным путем через другой переулок, что владение обесценивало. Для самой М.П. Степановой это было неважно. Она никуда не выезжала; жила в бельэтаже, верхний этаж сдавала знакомым, а нижний этаж, подвал, был складом фамильного добра, ненужных вещей, которые некуда было девать. При ее доме были сараи и конюшни; по привычке она держала кучера и лошадей, которые ей вовсе не были нужны. Я был ее крестником и до самой смерти ее должен был по субботам ходить к ней обедать. Она вставала с постели в 5 часов пополудни и только тогда делала выход в столовую. Была окружена какими-то старушками,

которые по ночам составляли ей компанию (она ложилась под утро), играли с ней в карты или читали ей религиозные книги. Два раза в год, в день ее рождения и на именины, у нее были приемы. Собиралась родня, племянники и внучата, за которыми она посылала свой экипаж; бывало несколько старых знакомых (из них помню профессора Ф.И. Буслаева). Садились за длинный стол, пили шампанское за здоровье ее; за столом служили наемные официанты; вообще все было как у людей. Только в эти дни своеобразный склад жизни ее нарушался.

[...] Но прадед П. Степанов и мой дед В. Чередеев были не только помещиками, но служилыми людьми и получали за эту службу содержание. Имена были для них не источником богатства, а его признаком и последствием. Сами имена были не латифундиями по размерам и доходности, а небольшими кусками земли в разных уездах Московской губернии, которые раньше носили характерное название «подмосковных». Там были усадьбы, велось и хозяйство, что при даровом крестьянском труде было легко. [...]

Мать была не только из зажиточной среды, но и культурной. В этой среде это было не редкость. Единственная дочь богатых родителей, она получила только домашнее воспитание. До конца жизни сохранила предубеждение против школы, боялась в ней дурных знакомств и влияний; в этом она уступила отцу только для сыновей, но оставила завет не отдавать никуда дочерей. Дома ее учили всему, что полагалось знать воспитанной барышне этого круга; она свободно говорила на трех языках (помимо русского), была ученицей знаменитого пианиста Фильда. В ее книжном шкафу были все русские и много иностранных классиков, которых и нам постепенно давали читать. Но на этом уровне она и остановилась.

Иначе быть не могло. Она умерла тридцати трех лет, имея восемь человек детей, из которых семеро остались живы. С ранней молодости она вся ушла в заботу о них, о хозяйстве, о поддержании отношений и положения в обществе. Ей некогда было продолжать учиться. Сама жизнь должна была ее развивать; но среда, в которой она выросла, родня, которой она была окружена, и положение ее, как матери большого семейства, оберегали ее от тех общественных увлечений, которые были свойственны 60-м годам; они ее не затронули. Она осталась тем, чем была в самые юные годы. Поскольку я могу по детским воспоминаниям судить о матери, она воспиталась на одной главной основе – религиозной. Глубокая и своеобразная религиозность проникала все ее мирозерцание, не оставляя места ни сомнениям, ни рассуждениям. Однажды, уже после смерти ее, моя крестная мать, М.П. Степанова, расспрашивала меня, аккуратно ли я хожу в церковь, соблюдаю ли посты и все предписания церкви. При этих расспросах она привела мне суждение какого-то их старшего родственника, чтобы «укрепить меня в вере». Он будто бы говорил: «Если Бога нет и все, чему религия учит, – ошибка, для верующих людей от этого хуже не будет; но зато, если это правда, как за это им будет хорошо! Поэтому лучше уже верить». Такое утилитарное соображение было бы цинизмом, если бы оно не было так детски наивно. Ничего подобного не могло быть у матери. Вера в промысел Божий, который всем в наших земных делах управляет, была для нее не заповеданной и для верующих выгодной верой, а простой очевидностью. Однажды я спросил у нее: «Почему в наше время нет больше святых?» Она удивилась вопросу: «Почему ты так думаешь? Святых и сейчас очень много. Посмотри на нашу Наталью Семеновну». Это была сморщенная старушка, которая издавна жила в нашем доме на положении среднем между членом семьи и прислугой. Я не верил: «Почему она святая? Что она для этого сделала?» Мать пояснила, что ничего особенного для этого делать не нужно. Поступки, угодные Богу, для людей часто только по неразумию их незаметны. [...]

Другой раз я ее спрашивал: «Почему не бывает больше чудес?» Она опять недоумевала: «С чего это ты взял? Чудеса происходят на каждом шагу, только люди их не замечают и объясняют по-своему». Сама она верила им, как реальности. Нас, детей, часто возила к Спасителю, на Остоженке, где в домовой церкви была икона, считавшаяся чудотворной. По преданию, слепой мальчик на стене нарисовал углем образ Спасителя и никто не смог этого угля стереть. Бывая в этой церкви, я всегда напрасно искал следов того первоначального угля. Но мать была уверена, что здесь было настоящее чудо. Другой более близкий пример. Когда, уже приговоренный врачами, умирал от мозговой болезни наш младший брат, с ним делались судороги, и он тяжело метался. Мать сидела около него с крестом, в который были вделаны мощи, и во время припадков, чтобы их облегчить, осеняла его этим крестом. Она твердо верила, что этот жест ему помогает.

А наутро, когда брат, окруженный цветами, уже лежал в своем гробике, она смотрела на него умиленно, но и с убеждением говорила сквозь слезы: «Сейчас он ангелочком летает около Бога. Ведь у него грехов еще не было».

Я допрашивал дальше: «Почему же мы, верующие люди, не можем, по словам Писания, двигать горами?» Она объясняла: «Потому что у нас вера слаба и мы хотим сделать чудо, только чтобы этим в себе укрепить эту веру». Это уже «маловерие» и «искушение» Бога; это грех. Так у нее на все был ответ из той же веры, которая была для нее «очевидностью». Она старалась и нам именно ее передать; такая вера была понятнее нашей детской душе, чем хитроумные «определения» Бога из Филаретова катехизиса, который нас заставляли зубрить в 3-м классе гимназии. Чтобы эту веру в нас поддерживать, она не только водила нас в церковь и заставляла читать молитвы, она старалась переносить нас в насыщенную живой верой атмосферу. Так, одной из книг, которые мы с ней читали вместе, были «Катакомбы» Евгении Тур, рассказы из эпохи Диоклетиановых гонений на христиан. Жена нашего уездного предводителя А.Н. Бахметева занималась литературой и издавала книги под общим заглавием «Душеполезное чтение». Одну из таких книг, «Жития святых», мать с нами постоянно читала. В них открывался тот особенный мир, которого мы не умели разглядеть, мир, где страдали и умирали за веру.

[...] Она порицала грех, как нарушение Божьей заповеди, но «грешников» не осуждала. В этом была не только религиозная заповедь, но и свойство характера. Я не знал в жизни более доброго человека, чем мать: она никогда не сердилась, всех всегда защищала. Таково то воспитание, которое она старалась нам передать. Она пустила в душе какие-то ростки, которые жизнь рассеяла уже потом.

В Вербную субботу 1881 года мать, по обыкновению, повезла нас, детей, смотреть вербное гулянье на Красной площади. Она казалась совершенно здоровой. По возвращении мы стали просить, чтобы по случаю Страстной отменить уроки музыки. Она шутливо сказала: «Хорошо, я, может быть, вас и помиую». Это были последние слова, что мы от нее услышали.

На другое утро она не вышла из спальни. Приходили доктора, осматривали, что-то прописывали, но ей лучше не становилось. В понедельник с утра она была уже без сознания. Ее перенесли из спальни в самую большую комнату нашей квартиры. Несли уже, как труп, вместе с кроватью. Вечером приехал Г.А. Захарьин, которого ждали, как чудо-творца, и он определенного ничего не сказал. Ночью детей разбудили, повели с нею прощаться. Она была без памяти, вся в крови от пиявок. Отец брал ее руку и нас ею крестил. Надежды на выздоровление не оставалось. Мы со старшей сестрой решили попробовать последнее средство. Поехали молиться той чудотворной иконе Спасителя на Остоженке, куда мать нас часто возила. Я опять стал искать следов чудесного угля и их опять не нашел под массой образов и украшений. Мы вернулись домой. Матери не сделалось лучше. А потом скоро отец вышел к нам сообщить: «Дети, мамаша скончалась».

Я стал себя спрашивать: почему молитвы перед чудотворной иконой не помогли? Заключил, что у меня не было достаточно веры; если бы она была, я не стал бы еще раз искать следов настоящего угля. Но так как вера двигает горами, то при вере я смогу и мертвую воскресить. Я пробрался ночью в комнату, где стоял ее гроб; монашенка около него читала молитвы. Не помню, вернее, не знаю, что я пытался там сделать; знаю только, что меня унесли без чувств. И я тогда решил про себя: публично, на торжественном отпевании я ее воскрешу. Если я решусь это сделать в такой обстановке, то это докажет, что я имею достаточно веры. Наступил день отпевания. Это была Страстная неделя. Гроб стоял вблизи Плащаницы. Масса народа. На отпевание приехал архиерей Амвросий, знаменитый духовный оратор, впоследствии он был архиепископом в Харькове и, говорят, стал отъявленным черносотенцем. Он был знаком с отцом еще до своего монашества и бывал в нашей семье. Я выжидал подходящий момент, чтобы свое намерение – воскресить мать – привести в исполнение. Среди моих колебаний неожиданно начал говорить епископ Амвросий. [...] Что-то он специально нам говорил, к чему-то призывал всех бывших в церкви, но я помню одно, как из его глаз по щекам катились слезы. Мне стало стыдно или страшно производить опыт своей способности творить чудеса у этого гроба. Я этой попытки не сделал, но потом долго себя упрекал за свое доказанное и тотчас наказанное маловерие. Эти похороны были последним впечатлением, которое у меня связано с матерью. Мне было тогда одиннадцать с половиною лет.

Если мать была тепличным растением культурной помещичьей среды, то отец представлял другую ее разновидность, но вышел он из нее же. Мой брат, когда был на государственной службе, нашел бумаги, по которым можно было восстановить нашу родословную и даже быть переписанным в какую-то другую дворянскую книгу.

У нас не сохранилось отношений с отцовской родней. Из нее мы знали только родного деда Николая Васильевича, живописного старика с длинными белоснежными волосами, какими тогда изображали вернувшихся из ссылки декабристов. Человек очень способный, но легко увлекавшийся, он постоянно менял род занятий и потому не преуспел ни в одном. Начал врачом. Набрасывался в медицине на всякие новшества, даже на те, которые тогда принимали за шарлатанство, как, например, гипнотизм. Но медициной он занимался недолго. Помню его рассказы о его увлечении петушиными боями, для которых он выводил особую породу петухов; о попытках построить «reperitum mobile», об изобретении им «повозки для тяжестей», которая выдержала будто бы публичные испытания и только по чьим-то интригам не была удостоена премии; кое-что я о нем узнавал не только по его собственным рассказам. После смерти отца в шкапулке, где хранились письма деда к нему, я нашел письмо, где дед отцу сообщал, что изобрел в Монте-Карло «беспригрышную систему игры», вошел в компанию с неким графом Грабовским, чтобы «взорвать» вместе банк, и убеждал отца собрать как можно больше денег и ехать к нему: «вернешься богатым». Уже своими глазами я видел другое, более невинное его увлечение. Дед жил тогда с нами в имении матери Ярцеве Дмитровского уезда Московской губернии. Его почему-то захватила идея завести в нем на широких началах молочное хозяйство с сыроварением, которое должно было давать большие доходы. У отца не было ни охоты, ни умения извлекать барыши из хозяйства; но потому ли, что не хотел лишить своего отца удовольствия, или потому, что еще не предвидел, во что это его удовольствие обойдется, но он согласился попробовать. Я ребенком наблюдал этот опыт. Вероятно, так после 1861 года помещики проживали свои выкупные свидетельства. Был построен длинный скотный двор со специальной вентиляцией и с особым помещением для каждой коровы; приобретен редкий породистый скот. Мы ходили смотреть, как мыли громадных голых свиней, которые отчаянно хрюкали, когда мыло им попадало в глаза. Были заведены машины, локомобиль, молотилка, веялка, которые постоянно ломались. Конечно, хозяйство никаких барышей не давало. За это дед обвинял какого-то Озмидова, который вместе с ним это дело затеял; позднее я слышал это имя, как известного сельскохозяйственного деятеля. К счастью, в 1878 году тетка матери, М.П. Степанова, уговорила нас переехать в ее имение **Дергайково** Звенигородского уезда. Оно было замечательно живописно. Мы там поселились и оставались уже до революции. С переездом туда прекратилось хозяйство в Ярцеве. Дед перешел тогда к другим занятиям, пристрастился к литературе, написал драму «Богдан Хмельницкий», которая была поставлена в Малом театре на Императорской сцене. Из деревни он приезжал на ее постановку, ходил на репетиции, и сам помню, как он восхищался игравшей в его пьесе молодой, тогда никому еще не известной артисткой – Ермоловой. Еще позднее, уже на старости лет, он выучился английскому языку и стал переводить Шекспира.

Когда деду стало скучно в деревне, он стал все чаще ездить к близким соседям, графам Олсуфьевым, которые безвыездно жили в своем подмосковном имении Оболянове. Олсуфьевы были исключительно культурной, талантливой и литературной семьей; у них часто бывали Толстые, не исключая и самого Льва Николаевича; к этой семье Олсуфьевых принадлежал молодой их сын, известный позднее как политический деятель, Д.А. Олсуфьев, член Государственного совета по выборам от Саратовской губернии. Под конец дед жил там подолгу, там и скончался.

Таков был дед, поскольку я его помню. Была у него вторая жена, с которой он не то развелся, не то разошелся. К нам она заходила не редко. Если в то время случайно бывал у нас дед, она из другой комнаты на него смотрела украдкой. Если, приезжая, он узнавал, что она у нас, он не входил. Кроме отца, у деда было трое детей: сын С.Н. и две дочери. Одна была замужем за железнодорожным чиновником; другая, незамужняя, служила актрисой на выходных ролях в Малом театре. Дядя, Сергей Николаевич, был человек очень способный, великолепный стрелок и сильный шахматист. Никакой школы он не окончил, не имел ни определенных занятий, ни службы и жил в другом имении матери, как будто управляя хозяйством. Из всей этой семьи только отец получил высшее образование и сам создал себе положение.

Он учился в 1-й Московской гимназии. Когда через тридцать лет я стал гимназистом, у меня был тот же надзиратель, глубокий старик Л.И. Ауновский, который в этой же должности служил при отце. Времена с тех пор изменились. Отец часто рассказывал про свои школьные годы. Тогда было грубое время: учеников могли сечь и без церемонии угощали подзатыльниками. Правда, зато зря не губили их жизни. Тогда родители могли за них заступиться, с ними считались. В классической же Толстовской гимназии моего времени было иначе. С учениками была внешняя вежливость: ни к одному мальчику не обращались на «ты». Но было беспощадное равнодушие к их судьбе со стороны государственной власти, которая без причин ученика могла навсегда погубить. После гимназии отец поступил на медицинский факультет. Хотел себя посвятить хирургии. Этому помешала случайность. На охоте на уток, в лодке, он за дуло потянул ружье на себя, зацепил за что-то курком, и заряд угодил ему в левую руку, разорвал сухожилие, и несколько пальцев левой руки перестали сгибаться. Для большой хирургии это было помехой. От этой специальности он должен был отказаться и перешел на офтальмологию, где для миниатюрных операций неисправность левой руки могла не мешать. Было и другое последствие того же неудачного выстрела: отец был очень музыкален и в молодости хорошо играл на скрипке; это стало невозможно без левой руки. Он скрипку заменил «фисгармонией», где беглость пальцев была не нужна. Но офтальмологии он остался верен до смерти и умер профессором по этой кафедре.

Не могу судить о положении, которое отец занимал в медицине и в обществе. В одном сам могу быть свидетелем. Свое положение он получил ни по протекции, ни по наследству готовым: сам его создал, был «self made man». Для этого надо было много работать. Он и был образчиком труженика. Всю жизнь работал без отдыха. Имел хорошую практику, у матери было состояние. Мог жить не утомляясь, но времени на отдых у него никогда не хватало. Он любил деревенскую жизнь, но, хотя наша семья подолгу оставалась в деревне, он мог приезжать к нам только на два дня в неделю и уезжал утром, чуть свет. В 1895 году перед смертью от эндокардита, который тогда не умели лечить, врачи предписали, если организм пересилит болезнь, безусловный и продолжительный отдых. В антрактах между пароксизмами он мечтал о таком отдыхе в нашей деревне, признавая, что всегда стремился к нему, и вспоминал, что за всю жизнь ни разу его не получил. Болезнь, которая кончилась смертью, оказалась его единственным отдыхом.

Главным делом, которое отнимало у него время, была медицина. Но он занимался ею не только с практической целью — лечить; она была для него одной из возможностей изучать жизнь и законы, которые ею управляют. Влекло его «естествознание» во всех его отраслях; он был активным членом многочисленных ученых обществ, старался следить за всем, что другие в естествознании делали. А когда была возможность заниматься им самому, даже в сферах, от медицины далеких, он это и делал. Как пример припоминаю его увлечение пчелами.

Отец раз побывал на Измайловской пасеке в Москве, заинтересовался жизнью пчел и завел их у себя в деревне. При постановке ульев один из них уронили, пчелы роем набросились на отца и кусали его. Помню его шею, как будто небритую щеку от торчащих в ней пчелиных жал, которые вынимали горстями. У отца так поднялась температура, что опасались за его жизнь. Он выздоровел, но зато получил на всю жизнь иммунитет против пчелиного яда. Он устроил в деревне настоящую пасеку и проводил на ней каждое утро. Поставил и в Москве на квартире стеклянный наблюдательный улей с летком на двор нашей больницы. Открыв дверку ящика, в котором улей был заключен, можно было наблюдать все, что в нем делалось. Следить в деревне за пасекой без помощника, когда отец четыре дня в неделю отсутствовал, было невозможно. Он хотел заинтересовать этим кого-нибудь из нас, детей, но мы пчел боялись. [...]

Так наша семья вышла из двух разных классов: помещичьего со стороны матери и интеллигенции со стороны отца. В начале между ними не было «антагонизма»: у них был общий корень. У отца едва ли могла быть та детская «вера», которой была полна моя мать, но я помню, что он в церковь ходил, говел, хотя и всегда отдельно от нас, от детей. Однажды, уже после смерти матери, я как-то рассказал, что товарищ мой по гимназии меня принял «просвещать» по части религии и поучал, что мир не создан в семь дней, а начался с появления раскаленного шара. Отец с каким-то опасением слушал и поинтересовался, что я на это ответил. Когда я сказал, что спросил, откуда этот шар появился, он пришел в восторг: «Вот и правильно. Ну, и вышел дурак, и не сможет на это ответить».

[...] как отец сделал предложение матери. Он в доме ее родителей часто бывал, сначала как доктор, позднее как друг, но о своих личных планах молчал. И когда в разговоре с бабушкой он по какому-то поводу сделал на это очень отдаленный намек, который можно было понять даже вовсе не так, бабушка на него сразу накинулась: «Наконец-то, мой батюшка, давно пора!» Об этом они часто вспоминали со смехом. Можно было над этим только смеяться: брак вышел очень счастливым. Была ли в этих колебаниях отца простая застенчивость или его останавливало неравенство «положений» – мать была единственной дочерью богатых и важных родителей, а он, молодой врач, не имевший своего состояния, – или за этим скрывалось различие культурных и политических симпатий двух семей, я не знал и уже не узнаю. [...]

Глава 2

Желание матери как можно дольше детей учить и воспитывать дома, по-видимому, встречало со стороны отца возражения. У него были другие взгляды. Он опасался для нас чересчур дамского, тепличного воспитания; хотел, чтобы мы возможно раньше узнавали настоящую жизнь и ее темные стороны. Он любил нас поддразнивать, друг с другом стравливать; смеялся над внешними проявлениями ласки, называя их «телячьими нежностями». Помню, как мать ему не раз говорила при нас, что он о таком воспитании потом сам пожалеет.

Вероятно, потому, что мать все же не теряла надежды как можно более продолжать обучение дома, меня там учили тому, что для поступления в гимназию не требовалось. Наша учительница, Надежда Ивановна, учила нас всем предметам: писать без ошибок, арифметике, географии, истории. Для истории у нас был какой-то альбом с историческими картинками, начиная с крещения Руси и кончая чтением Манифеста 1861 года. При этих картинках был объяснительный текст; благодаря им все запоминалось легко. Была у нас и специальная детская библиотека: в ней, между прочим, были два тома о Потемкине и Суворове. Не помню их автора, но вспомнил о них потому, что когда их у нас увидел однажды В.К. Истомин, будущий всесильный правитель канцелярии при великом князе Сергее Александровиче, он сказал, что всюду их разыскивал для своих детей, но нигде не смог достать. Одна из пациенток отца, графиня Толстая, вдова известного друга Гоголя, подарившая свой большой дом на Садовой под приют для престарелых священников, каждую Пасху и Рождество присылала в подарок нам, детям, книги. Помню среди них всего Купера и Вальтера Скотта, в детских изданиях. Позднее она предоставляла нам самим выбор книг по вкусу и их нам дарила. Так появился у нас весь Жюль Верн и много других книг.

Нас учили и музыке. Жила у нас постоянно гувернантка, и мы с ней научились свободно болтать по-французски. Позднее появилась и англичанка. Со смертью матери такое домашнее учение кончилось. Учили нас и немецкому, но немецких учителей мы не любили и плохо учились. Не могу не припомнить по этому поводу, как курьез, что однажды, но недолго, нашим немецким учителем побывал и гостивший у нас П.В. Шумахер. [...]

Вопреки желанию матери, я еще при жизни ее был отдан в Московскую классическую 5-ю гимназию. Директором ее был В.П. Басов, сам убежденный латинист, переводчик с немецкого латинской грамматики Мазинга. Был сыном профессора хирургии, который знал лично отца. Я почему-то поступил в гимназию в середине учебного года, поэтому должен был для поступления сдавать особый экзамен. Отец, который присутствовал на этом экзамене в кабинете директора, рассказывал матери о пристрастном ко мне отношении учителей на экзамене, объясняя его недовольством за сделанное для меня исключение. Лично я этого не ощутил.

Я был тогда рад, что был отдан в гимназию и не рос до университета в условиях домашнего воспитания. Конечно, оно при хороших учителях может дать гораздо больше, чем общая школа. В то время это и не было трудно. Но у школы есть одно преимущество: школьные сверстники, постоянное общение с ними. Домашнее воспитание замыкает ребенка в определенном кругу; соответственно ему подбирают и учителей. Для ребенка надолго закрыты другие впечатления жизни. Домашний круг его может быть очень высок, состоять из настоящей элиты. Но детям, когда они вырастут, придется жить вне этого круга, с другими людьми. В высшей школе и жизни они все равно с ними встретятся. [...]

В гимназии моими успехами в науках могли быть довольны: я не был ленив, имел хорошую память, сами древние языки меня не отталкивали. Читать по-гречески я научился сам, без учителя, из одного любопытства. В моем аттестате зрелости было сказано даже, что я «с особенной

любовью занимался изучением труднейших отделов грамматик древних языков». Это оптический обман. В помощь моим одноклассникам, я по их просьбе часто занимал учителей разговорами о грамматических тонкостях, которые черпал из других учебников. На это уходило время, и товарищи были избавлены от расспросов и дурных отметок. Любви у меня к этому не было, но, конечно, чтобы это исполнять, было необходимо больше, чем обыкновенное, знакомство с грамматикой. Моя выпускная работа по латинскому языку была признана в округе лучшей. Начиная с 4-го класса у меня не было отметок ниже «пяти». Словом, я учился отлично и, несмотря на это, едва попал в университет. Трудно поверить этому, если не рассказать все, что было, как это, может быть, ни скучно читать и ни совестно мне вспоминать, настолько все это мелко. [...]

Однажды, по какой-то причине, нам давали латинский урок не в нашем классе, где у каждого было свое место. Я поэтому случайно очутился в том углу, который, по семинарским традициям, называли «Камчаткой». Там развлекались не так, как было принято на первых скамьях, где я обыкновенно сидел. Мой новый сосед для забавы начал мычать с закрытым ртом. Нам нравилось, что учитель мечет в нашу сторону свирепые взоры, но никого не может поймать. Это мне показалось забавным, и я в этом участие принял. По неопытности к таким упражнениям вместо мычания и неясного гула я взвизгнул так громко, что учитель это разобрал и строго спросил: «Кто это сделал?» Мне кругом говорили: «Молчи». Учитель подошел к нашей скамье и снова спросил: «Кто это сделал?» Опять все молчали. Нас оставили после уроков и принялись снова опрашивать, грозя наказать весь класс, если виновный себя не назовет. Это превысило мою осведомленность в гимназической этике, и я сказал: «Это я». Учитель поглядел с удивлением, как будто не веря; потом класс был отпущен, а меня позвали к директору. Я повторил мое признание, но не умел объяснить, почему я это сделал. Я сам этого не понимал. Мне это казалось тогда совершенно невинной шалостью. Ввиду того что это случилось со мной в первый раз и так неожиданно, на это посмотрели легко. Директор сделал мне выговор, признав, что, если бы это ему про меня сказал не наш классный наставник, он бы не поверил, что я был на это способен. Все на этот раз ограничилось выговором. Но через некоторое время я опять провинился. Когда наш класс выходил после уроков, я с входной лестницы спрыгнул, перескочив через несколько ступенек. На беду, директор проходил мимо и это увидел. Он велел мне вернуться назад. Я до такой степени не чувствовал за собой ни тени вины, что спросил: «За что?» — «А вот за то, чтобы в другой раз не сигали». Тогда я самого этого слова не знал, а вины в этом не понимаю и сейчас. Очевидно, это тоже не подходило к типу первых учеников. На этот раз я за свой скачок понес наказание, которое было внесено в кондуитный журнал. Но и это не было серьезным проступком, пока не разыгралась история, которая мою судьбу в гимназии определила.

У нас время от времени происходила церемония, носящая название «докторский осмотр». [...] Осмотр происходил в чужом помещении; я стал рассматривать записи и рисунки, вырезанные на партах, и от нечего делать вырезал пряжкой от ранца слова: «Нет ничего глупее докторского осмотра». [...] Я опять тотчас признался: вину в порче стола я не мог отрицать. [...] В наказание за надпись я был стерт с золотой доски, которая висела в каждом классе и где записывали «отличных учеников», то есть тех, кто две пересадки подряд числился в первом разряде. Стерли с доски меня, но мои соседи по местам, которые мы получили при пересадке, порядковые места свои сохранили, так что только мое место среди них осталось пустым. На эту доску ходили смотреть, как на курьез, и для меня вышла только реклама. Когда к нам перевели другого учителя по логике, А.Н. Гилярова, который позднее был профессором Киевского университета, и прежний учитель нас ему представлял, я слышал, как он спросил вполголоса: «А какой здесь Маклаков?» Я стал известностью благодаря необычной комбинации отличных успехов и того дурного поведения, которое директор аттестовал как «восстание». Этот инцидент определил мою дальнейшую карьеру в гимназии.

Отсутствие мое на золотой доске меня не огорчало; оно могло даже мне льстить, как оригинальность; я интересовался другим: получу ли я, как всегда, при переходе в следующий класс награду, то есть книги? Я раньше уже получил Курциуса, «Историю Греции», Пушкина и Шиллера в подлиннике. До ближайшего экзамена было достаточно времени, чтобы наложенное на меня наказание было погашено сроком, но произошло новое событие.

Предстояли экзамены в 6-м классе, то есть письменные и устные. На письменные экзамены

по латыни нас в чужом классе рассадили по-своему. Я оказался в первом ряду, но выдвинутым немного вперед; считая это ошибкой, я свой стол поставил на обычное место; но явился директор и велел мой стол поставить по-прежнему впереди и отдельным. Перед окончанием экзамена, когда должны были отбирать наши работы, я хотел одно слово проверить и, повернувшись к ближайшему соседу Голяшину, спросил, как он его написал. Директор в это время проходил по коридору, это заметил в окно, вошел в класс и велел мне собрать бумаги и уходить. Быть прогнанным с экзамена значило быть оставленным на второй год. Свою работу я экзаменатору сдал, но, догнав в коридоре директора, спросил, должен ли я приходить на остальные экзамены. Он долго молча на меня с грустью смотрел и ответил: «Приходите, если хотите, но я ничего вам обещать не могу». Я остальные экзамены сдал.

Перед заседанием Педагогического совета, когда решалась судьба всех экзаменовавшихся, один из наших добрых учителей Н.Н. Хмелев, позднее гласный земской управы и мой товарищ по кадетской партии, мне сказал в успокоение: «Мы вас отстоим». Потом я узнал, что директор настаивал, чтобы я был оставлен на второй год, но что учителя за меня заступились и что решение по моему делу вынесено было компромиссное: экзамены признать недействительными, но позволить мне держать их еще раз, уже осенью. [...]

Конечно, о переводной награде в этих условиях не могло быть и речи. Экзамены я держал уже после того, как награды были присуждены; я их держал как бы вновь поступающим. Это покончило и аномалию пустого места на золотой доске. Я не помню, в каком порядке это устроили; был ли мне сдан балл по поведению, и я был переведен во второй разряд учеников, или остался в первом разряде, но со специальным лишением меня права на золотую доску.

[...] В 1887 году были выпускные экзамены. Они происходили, как всегда, в торжественной обстановке. Тема присылалась из округа в запечатанном конверте. Работы учеников туда же посылались, и округ давал заключение об уровне знаний во всех гимназиях. Эти заключения потом где-то печатались. И лучшая работа по «латинскому языку» оказалась моей. В отчете округа было написано, что она не только относительно лучшая, но безусловно отличная. [...]

Казалось, что мне больше ничего не угрожает и поступление в Университет обеспечено. Но оказалось, что это не так. По успехам отметки у меня были отличные, но если бы и по поведению я от гимназии получил полный балл, я должен был бы получить и золотую медаль. Но если бы полного балла по поведению я не получил, то в Университет бы не был допущен. О золотой медали для меня директор не хотел даже слышать. Но не пустить меня в Университет при прочих отметках, при известной округу отличной латинской работе и аттестации гимназии о «любви к древним грамматикам» было скандалом. Главной обязанностью гимназии было все же учить и испытывать знания, а не дрессировать поведение. Но по-видимому, классическая гимназия во время реакции 80-х годов имела другое задание – «формировать новую породу людей», то есть то, что теперь откровенно делают в Советской России. Требованиям же для этой породы я не удовлетворял. Выхода из противоречия не было. Кончилось опять компромиссом. Полный балл по поведению мне поставили, но медали не дали. Что было еще нелепее, ее без всякого основания заменили серебряной. Я не знаю, чему я таким исходом обязан. Заступились ли за меня учителя, или директор, который был очень нездоров и умер через несколько недель, не имел уже прежней энергии, чтобы настаивать. Прибавлю, что через несколько лет новый инспектор студентов С.В. Добров конфиденциально мне показал отношение, которое было направлено в Университет нашей гимназией. Не знаю, была ли посылка таких отношений нормой или была применена только ко мне, но в нем излагалось, что мои успехи в науках внушили мне опасное самомнение и я стал воображать, что общие правила для меня не обязательны. Не знаю и того, имел ли этот психологический экскурс целью мне повредить или, напротив, помочь. Как бы то ни было, с гимназией тогда было покончено. [...]

Глава 7

[...] знакомство с Л. Толстым.

Гимназистом 2-го класса я с братьями по случаю дифтерита в семье был помещен на житье к другу отца, московскому губернатору В.С. Перфильеву (прототипу Стивы Облонского); его жена, Прасковья Фёдоровна, была дочь знаменитого «американца», графа Толстого (увековеченного Грибоедовым), дальнего родственника Льва Николаевича. Раз в их гостиную вошел господин

в блузе и высоких смазных сапогах; уже после его ухода я узнал, что это был Л.Н. Толстой; его «Детство. Отрочество» я уже читал и поэтому очень жалел, что обратил мало внимания на редкого гостя, а занимался больше собакой, которую он с собой приводил. Помню облик его, большую, окладистую, еще не поседевшую бороду, словом, таким, каким его изображают портреты, где он снимался в городском еще платье. На вопрос о его странном наряде Прасковья Федоровна объяснила, что Л. Толстой оригинал, вечно юродствует, что сейчас он вздумал подражать простому народу; при этом добавила, что для такого гениального писателя все прощительно, но что мы, дети, не должны с него обезьянничать. Этим впечатлением ограничилась наша первая встреча.

Позднее студентом я его неожиданно встретил на улице; он шел по Никитской, не узнать его сразу было нельзя. В маленькой круглой шапочке, с большой уже совершенно седой бородой, широкоплечий и еще мощный, он был точь-в-точь таким, каким его изображают его первые портреты в блузе в XII томе его сочинений. Я инстинктивно за ним пошел и не спускал с него глаз; забежал вперед, чтобы еще раз с ним повстречаться; завидовал тем, с кем он заговаривал. Подойти же к нему я тогда не решился и ограничился созерцанием издали.

Мне позднее пришлось на других проверять впечатление, которое я при встрече с ним испытывал. Не все забыли, как в 90-х годах Толстой появился на Московском съезде натуралистов и какую это сенсацию вызвало. Я был в курсе того, как это вышло. Накануне с моим другом Цингером, студентом, как и я сам, мы были в Хамовниках. Цингер рассказал Толстому, что на другой день на съезде его отец, математик-профессор, будет делать доклад против Дарвина. Толстой не любил дарвинизма и заинтересовался докладом. Нам пришла мысль провести Толстого на съезд. Мы по наивности думали, что будет возможно это устроить так, чтобы об этом никто не узнал. Толстой согласился; мы с Цингером дождались его у входа и провели по особенной лестнице в музыкантскую комнату. Он пришел, когда заседание уже было в разгаре. Кроме нескольких случайных лиц никто прихода его не заметил. Его посадили за колонну, откуда никто его видеть не мог. Но уже через несколько минут весть о его присутствии разнеслась по собранию; я пошел в главную залу, и навстречу бежали взволнованные люди, спрашивая, где же Толстой. Как мы ни уверяли, что его здесь нет, никто не верил. В большой зале Цингер читал свой доклад, но его никто уже не слушал. Все шептались, приподымались с мест, кого-то искали глазами, потом срывались со стульев и уходили. Стало ясно, что продолжать заседание так невозможно. Президиум предположил, что если Толстой покажется публике, займет место за почетным столом, все успокоится. Я издали видел эти переговоры с Толстым, видел, как члены президиума куда-то спускались, кого-то упрасивали и, наконец, победили: Толстой вышел из-за колонны и сел за столом. Тут все было кончено. Публика повскакала со своих мест, махала платками, аплодировала и кричала. Никто о докладе не думал. Пришлось идти дальше. Толстого упростили встать и раскланяться с публикой. Доклад кое-как был дочитан, и Толстой исчез. Я догнал его на Волхонке; когда я к нему подошел, он, обыкновенно столь деликатный и никому не показывавший неудовольствия, сказал мне с досадой: «Это вы все подстроили с Цингером».

В 1891 году мне пришлось с ним познакомиться, и это было началом близости с семейством Толстых. Поводом к этому был голод этого года. [...] В одном из воззваний своих Толстой рекомендовал вниманию публики совет, поданный, по его выражению, одним «калужским жителем». Этот житель был Владимиров, выведенный позднее Боборыкиным в его романе «Василий Тёркин» как новый тип деятеля. Владимиров советовал помещикам брать на зиму к себе крестьянских лошадей, которые иначе подошли бы с голода, а после зимы возвращать их владельцам. Толстому этот способ помощи особенно нравился потому, что каждый крестьянин будет чувствовать, что о нем вдали кто-то заботится и оттуда ему помогает. Толстовцы привлекли к этому делу меня, и мне благодаря знакомствам и случаю удалось разместить более трехсот лошадей на этих началах. Этому я и оказался обязан личным знакомством с Толстым. После его приезда в Москву толстовцы пришли ему рассказать, что они делали, и меня как своего сотрудника с собой к нему привезли.

Тогда я в первый раз его близко увидел и с ним говорил. Он, между прочим, прочел своим гостям какую-то статью, сидя за тем самым столом с решеткой, который изображен на картине Крамского. Все это казалось так естественно и просто, что я должен был заставлять себя по-

нимать свое счастье и осмысливать, где я сижу. Жена Л.Н. Софья Андреевна из кабинета, где были все «темные», позвала нас в общую столовую. Потом я стал бывать у Толстых очень часто, до самой смерти его. Это было для меня великой удачей. Литературные произведения Толстого знает весь мир, религиозные знают не все, обыкновенно только частями, и их не всегда верно понимают. Знать же живого Толстого, испытывать на себе его обаяние было дано очень немногим. Это было тем большей удачей, что при личном общении с ним он оказывался совсем не похожим на то, что можно было от него ожидать.

[...] Однажды осенью я приехал в Ясную Поляну с ружьем и собакой: было время охоты на вальдшнепов. Толстой вспомнил старину и стал мне рассказывать, где и какие в его время бывали вальдшнепиные высыпки. В это время проходил мимо В. Чертков и, услышав, о чем мы говорим, шутливо упрекнул Льва Николаевича, что он «сам не воюет, а в военном совете участвует». Толстой прекратил разговор, а когда я после охоты хотел ему рассказать, что и где я нашел, просил об этом не говорить. После этого я ружья с собой больше не привозил. [...]

Мне пришлось быть свидетелем знакомства Толстого с Чеховым. Я его не забуду, хотя ничего особенного тогда не произошло. Толстой до знакомства с ним его очень ценил как писателя: не раз вслух читал разные рассказы его и не только свою любимую «Душечку». Я был в Ясной Поляне, когда Чехов приехал с Толстым познакомиться; я Чехова знал еще раньше, хотя и очень поверхностно. Встречал его до поездки его на Сахалин.

[...] В молодости Чехов работал в земской больнице около города Воскресенска и часто бывал в имении Бабкино, у Киселевых, в восьми верстах от имения, где мы жили потом. Чехов изобразил Киселева в рассказе «Налим» и вывел как тип в «Вишневом саду» в лице Гаева. Вот роль и заслуга писателей: Киселева давно все забыли, а Гаева будут долго помнить как тип, а жизнь самого Киселева и его похождения были не менее красочны, чем Гаева. Но Чехову фотографии не были нужны: действительность только давала толчок его творчеству. Чехов должен был приехать в Ясную Поляну с утренним поездом. Толстой всегда утром писал и не принимал никого. От этого обыкновенно он и на этот раз не хотел отступить. Вышел на минутку из кабинета, поздороваться с Чеховым, извинился, что будет занят до завтрака, и поручил мне показывать Чехову все, что в Ясной Поляне может быть для него интересно. Я его повсюду водил, показывал все достопримечательности: и флигель, где когда-то была Яснополянская школа, и знаменитый въезд с баинями, аллею к дому и даже ветку на дереве, на которой родился Толстой. Эта шутка принадлежала самому Толстому. В парке стоял раньше дом, где жили родители Толстого, на его месте теперь остались только деревья. В молодые годы Толстой восстановил местонахождение этого дома: по его расчетам, спальня матери приходилась на месте какой-то ветки стоявшего дерева; отсюда он шутя выводил, что он именно на этой ветке родился. Чехов все эти подробности осматривал с сочувствием и вниманием. За столом во время завтрака шел общий разговор, и я мало помню, о чем Толстой с Чеховым говорили; запомнилось только, что, говоря о Сахалине, Толстой признался, что всегда считал Сибирь чудесной страной, по грандиозности природных ее проявлений, громадности гор, рек, лесов и животных. Чехов это подтвердил, и тогда Толстой его спросил с удивлением и даже упреком: «Что же этого вы не показали?» После завтрака они ушли в кабинет, и я их разговора не слышал. Помню только, как Чехов потом смущенно качал головой и говорил: «Ну, человек». А Толстой после его отъезда не раз повторял: «Какой приятный и милый». Этому впечатлению удивляться было нельзя. Толстой про людей любил повторять чье-то изречение: «Всякий человек есть дробь, где числитель то, что он стоит, а знаменатель то, что он о себе думает». И как ни велик был числитель у Чехова, его скромность и даже застенчивость этот числитель во много раз увеличивали. [...]

Мне теперь трудно самому себе дать отчет, в чем среди многочисленных и противоречивых влияний на мою жизнь сказалось личное знакомство с Толстым. Он не пытался меня перевоспитывать; шутя называл меня «старинный молодой человек», не объясняя, что хотел этим сказать. Я был еще студентом, когда он стал меня приглашать к нему заходить, чтобы вместе гулять по Москве. На некоторое время это превратилось в привычку. Мне было забавно наблюдать физиономии тех, кто неожиданно его узнавал, как это когда-то случилось со мной при моей первой встрече с ним на Никитской. Во время наших прогулок он только задавал мне вопросы о нашей студенческой жизни, и я подробно на них отвечал. Мне было лестно с ним разговаривать, хотя я не понимал, что в моих рассказах могло быть для него интересно? Позднее я это понял:

дело оказалось проще, чем можно было подумать. Когда в моду вошли велосипеды, Толстой, несмотря на свои годы, любил ездить на них. Я его как-то спросил в Ясной Поляне: зачем он берет велосипед, а не едет верхом? Он мне тогда объяснил, что ему бывает нужен некоторый полный умственный отдых; если он ходит пешком или едет верхом, это думать ему не мешает и его мозг не отдыхает. Если же он едет на велосипеде, то должен следить за дорогой, за камнями, колеями и ямками; тогда он не думает. Я понял, почему мои рассказы были ему нужны во время наших прогулок: он мог их не слушать, но они ему думать мешали и его мозг мог отдыхать.

Со времени знакомства с Толстым я бывал у них очень часто, жила в Ясной Поляне; у Толстых я встречал не только его самого и все их семейство, но и многих знаменитых и интересных людей, которых я только там и мог встретить; припоминаю Б.Н. Чичерина, А.А. Фета, А.Ф. Кони, В.В. Стасова, Репина и многих других. Эти встречи могли быть интересны, но были слишком поверхностны, чтобы оставлять впечатление. [...]

Глава 9

Запрет, наложенный на меня Боголеповым, по своим последствиям был гораздо серьезнее, чем считал Виноградов. Пусть ученая дорога оставалась передо мной открыта, пусть к магистерскому экзамену я мог начать сейчас же готовиться, мог без разрешения Боголепова написать диссертацию и получить ученую степень. Я в душе уже стал сознавать, что по натуре не был кабинетным ученым. [...] Запрет Боголепова одно немедленное последствие уже имел. Я должен был сейчас же отбывать воинскую повинность. На отсрочку по образованию я прав больше не имел, раз при Университете я не был оставлен. Но отбывать воинскую повинность я мог в хороших условиях, только если с этим не медлить.

Beau frere моей мачехи, муж ее сестры, генерал Суражеский, командовал 3-й гренадерской артиллерийской бригадой, которая стояла в Ростове (Ярославской губернии); он не раз и раньше мне предлагал отбывать повинность у него на правах «вольноопределяющегося». Свободная вакансия у него еще сохранилась. Эта комбинация представляла много удобств, и я не откладывая подал об этом прошение. В Ростове я мог бы иметь и достаточно свободного времени, чтобы одновременно заниматься наукой. В декабре я уехал туда. [...]

Со мной лично в это время произошла маленькая, но характерная неприятность. Перед отъездом из Москвы, уступив просьбам товарищей, я согласился взять на свое имя устройство студенческой вечеринки. Это была обычная формальность, которая в данном случае имела хороший предлог, то есть мой отъезд на военную службу. И действительно, разрешение мне было сразу дано. На эту вечеринку я сам не ходил и даже не помню, не состоялась ли она уже после моего отъезда в Ростов. Как бы то ни было, на ней произошел какой-то конфликт с полицией, за который я был сделан ответственным как формальный устроитель вечера. Это и навлекло на меня новую кару. В Ростове я получил бумагу от московского генерал-губернатора, по которой мне на три года был запрещен въезд в Москву, считая со дня окончания мной военной службы. Такая странная формулировка показывала, что, пока я на службе, я защищен от чисто полицейских вмешательств; сам великий князь, когда он действовал не как командующий военным округом, а как генерал-губернатор, не мог мной распоряжаться, пока я солдат. Одновременно с этим я был подвергнут надзору полиции, но полиция только сообщила об этом моему военному начальству, сама же осуществлять надо мной надзор не имела права. Я посмотрелся потом на много подобных курьезов, дотоле мне неизвестных, но характерных. Однако не хочу о них сейчас говорить. Моя военная служба проходила для меня очень легко. Я был «вольноопределяющийся» и поэтому жил не в казармах, а на частной квартире; генерал Суражеский, мой родственник по своей жене, в доме которого я столовался, был не только моим высшим начальством, но и первым лицом в этом городе. Никто потому меня не притеснял, у меня было больше, чем нужно, свободного времени. К магистерскому экзамену я мог исподволь подготавливаться, а военная служба, давая на это досуг, могла быть этим даже полезна. Но все такие расчеты были расстроены главным для меня событием этого года – болезнью и смертью отца.

Ему было только 57 лет, он был здоровой натурой. С детства не помню, чтобы он серьезно хворал, хотя на похоронах бабушки, где он хотел поддержать поскользнувшийся гроб, он надорвался, получил грыжу и должен был носить постоянный бандаж. Только последний год своей

жизни он схватил какую-то инфекцию, покрывался фурункулами, которые, по тогдашнему обыкновению, торопились вскрывать. Потом заболел той неопределенной болезнью, которую тогда называли «инфлюэнцей», а теперь зовут «гриппом». Инфлюэнца перешла в воспаление легких, его насильно заставили лечь, и как будто все обошлось. По настоянию врачей он решил дать себе настоящий отдых и уехал на целое лето в деревню, чего ни разу не делал. Он строил планы, как проведет это лето, и был далек от мысли, что ему что-либо угрожает. Я вернулся в Ростов успокоенный. Но письма из Москвы опять стали тревожными. Температура у отца поднялась, подозревали гнойник, делали пробные проколы, но безуспешно. Наконец мне рекомендовали приехать. Стало ясно, что положение резко ухудшилось. И когда врачи наконец определили болезнь, то одновременно установили, что средств для лечения ее в тогдашней медицине не было. У отца оказался септический стрептококковый эндокардит, то есть инфекционное воспаление внутренней оболочки сердца. Болезнь внешне выражалась в пароксизмах, которые повторялись все чаще, хотя в промежутках между ними отец считал, что он выздоровел, но новый пароксизм появлялся немедленно. Так до конца он не знал, что у него за болезнь, хотя несколько раз расспрашивал об этом моего брата, студента-медика. Один из таких пароксизмов кончился переходом в менингит, воспаление мозга, потом афазию, при которой он старался что-то сказать, но не мог.

Вечером 4 мая 1895 года он умер, не приходя в сознание. Смерть отца явилась концом нашей прежней балованной жизни. До тех пор на нас не лежало заботы о ней. Мы жили в казенной квартире, в Глазной больнице, в которой все мы родились, и не задавались вопросом, чем мы живем. Знали, что отец хорошо зарабатывал, что после матери и бабушки М.П. Степановой остались дома и имения. Сколько все это давало, какие средства жизни были у нас, мы не спрашивали. Обо всем этом узнать пришлось впервые только теперь. К этому времени мои младшие братья были уже на ногах. Один брат был уже женат и состоял на государственной службе по Министерству финансов; другой брат шел по дороге отца как окулист, и место в отцовской Глазной клинике было ему обеспечено. Только я, старший, все еще только к чему-то готовился и размышлял, чем заниматься. Так продолжать было больше нельзя. Нельзя было всю свою жизнь подавать только «надежды» да сдавать успешно «экзамены», что сделалось как бы моей специальностью. У меня еще было время подумать, но надо было решать. Пока же нашей семье предстояло одно: съезжать с казенной квартиры, где мы все родились и провели всю свою жизнь; мне же, кроме того, – окончить военную службу, отбыть лагерный сбор и, как бы в насмешку над судьбой, сдать еще один очередной экзамен на прапорщика запаса.

На квартире нам позволили остаться до осени. Генерал Суражевский был сделан командиром 1-й бригады, которая стояла в Москве. Я сдал экзамен на прапорщика и осенью уже мог располагать собой по своему усмотрению. С меня сняли запрет жить в Москве. К этому времени я принял решение, что с собой делать: я решил жизнь свою переменить и посвятить себя адвокату.

Глава 12

[...] В заключение этой части рассказа я хочу сказать несколько слов о своем участии в работах Звенигородского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Оно было моим единственным активным действием этой эпохи, а не только наблюдением со стороны; оно и впервые столкнуло меня со средой далеких от политики обывателей, с которыми позднее мне приходилось иметь много дела как члену партии на партийных собраниях. Но тогда я подошел к этой задаче без всякой предвзятости.

Я не был сам сельским хозяином, хотя был с детства землевладельцем, доходов с имения не получал и никогда получать не стремился. Мое хозяйство было только тратой денег; но я жил подолгу в деревне, мог наблюдать жизнь крестьян, их нужды и пожелания и иметь с ними наилучшие отношения. Это сказало в 1917 году, когда из соседних крестьян никто нас не тронул. [...]

4. Аферист Николай Александрович Маклаков

Минникова Г. Артист-аферист // Все загадки мира, 2020, № 6, с.28, 29.³.

Жертвами международного афериста Николая Маклакова становились люди самого разного социального положения. Он действовал активно, широко и очень изобретательно, благодаря чему в начале XX века его имя и фото частенько мелькали в прессе. Но это нисколько не мешало Маклакову дурачить почтеннейшую публику — на его счету было более 200 преступлений.

Говорящая фамилия

В 1879 году в семье генерал-лейтенанта Александра Маклакова появился сын, которого назвали Николаем. Он получил хорошее образование в Военно-юридической академии, где овладел несколькими языками и приобрел прекрасные манеры. Но вот незадача: делать карьеру адвоката ему совсем не хотелось — слишком долго и хлопотно. Да и вообще Николай считал юриспруденцию скучным занятием. Его душа жаждала праздника. И тогда он решил стать актером. Вскоре очень кстати Николай познакомился с антрепренером Евгением Шубиным, который, оценив внешние данные, манеры и образование Маклакова, решил, что тот быстро освоит актерское ремесло, и пригласил его в свою гастролирующую труппу. Но Шубину пришлось пожалеть о своей доброте. Актер-недоучка только одно делал хорошо: кутил в ресторанах и опустошал прилавки дорогих магазинов, а счета получал антрепренер.

Чтобы заполучить больший вес в обществе, Николай, выступая на подмостках, выдавал себя за сына своего покойного однофамильца, известного офтальмолога Алексея Маклакова некогда лечившего царскую семью. Сетую на безденежье, он просил деньги у провинциальной знати, и та ему их ссужала.

Неудивительно, что Шубин поспешил избавиться от нахлебника. Но Маклаков не пропал: в 1905 году его приняли в труппу популярного тогда театра «Фарс» с хорошим жалованьем в 400 рублей. И он продолжил гастролировать. Тут, опять-таки очень кстати для Маклакова, у него обнаружился еще один известный однофамилец под которого тоже можно было клянчить деньги, — Василий Маклаков присяжный поверенный. Николай назывался его именем и, ссылаясь на дорожные издержки, просил займы у чиновников. А будучи в Воронеже, он и вовсе отправился в суд вместо своего тезки в качестве адвоката, и даже выиграл процесс! Конец афере положил случай. Однажды два Маклаковых столкнулись в гостинице. Василий то ли не желая огласки, то ли проникшись симпатией к своему тезке, не стал обращаться в полицию. Более того, он расплатился за афериста и даже дал ему займы большую сумму. А Николай, верный себе, исчез наутро вместе с деньгами, которые и не думал возвращать.

Дорогая редакция

Мелкие аферы не приносили стоящих барышей. И начиная с 1906 года Николай взялся играть по-крупному. Первым серьезным делом мошенника стал сбор денег на издание театральной энциклопедии. Он распустил слухи, будто известная семья купцов Бахрушиных вложила в его предприятие 200 000 рублей. Заинтересовались, по словам Маклакова, и иностранные меценаты... Авторитет Бахрушиных был таков, что люди охотно начали жертвовать деньги на «энциклопедию».

На вырученные средства аферист снял квартиру, обставил ее дорогой мебелью, повесил табличку: «Редакция» — и занялся набором сотрудников. С каждого из них, в зависимости от должности, он брал деньги, якобы в счет будущей прибыли. В общей сложности он набрал 13 человек, которые выложили ему от 130 до 1 000 рублей залога. Этих людей совершенно сбива с толку роскошная обстановка редакции. Они же не могли знать, что всю эту мебель, ковры, скульптуры и зеркала Маклаков взял в кредит, в том числе и у самого Фаберже. А хозяева магазинов, в свою очередь, даже мысли не допустили, что такой шикарный господин не сможет оплатить покупки, на деле же большая часть «приобретенных» вещей тут же переправлялась в ломбард, а деньги доставались мошеннику.

Этот сценарий Маклаков использовал еще раз — и тоже весьма успешно, создав контору по экспорту муки, у которой «товар покупает вся Европа». Нанимая сотрудников, он брал с каждого залог 500 рублей. Приобретал мебель и другие предметы, даже часы у Павла Буре, и переправлял в ломбард.

Заграничное турне

После всего, что он успел натворить, Маклакову оставалось бежать из России. И он уехал в Париж, где стал выдавать себя за еще одного однофамильца — политического деятеля. Потом он был сотрудником Министерства финансов, затем — Министерства иностранных дел. Это было не сложно, учитывая его знание иностранных языков. К тому же Николаю удалось раздобыть визитку французского премьер-министра Жоржа Клемансо, которую он удачно использовал в своих аферах.

Тогда же в Париже он познакомился с еще одним виртуозным мошенником — корнетом Савиным. Однажды Савин под именем маркиза Тулуз-Лотрека и Маклаков в качестве брата российского депутата пришли в русское посольство, якобы по поручению благотворительного общества, на нужды которого они просили 3 000 франков. И они их получили! Правда, обман вскоре раскрылся. Аферистам пришлось бежать в Швейцарию, где в 1909 году Маклакова задержали за то, что он покинул гостиницу, не заплатив за постой, и определили в местную тюрьму.

Юрист в законе

Отбыв несколько месяцев в швейцарской тюрьме, Маклаков подал прошение о переводе на родину. И вскоре его переправили в Петербург, в следственный изолятор «Кресты». Там он очень быстро завоевал авторитет у заключенных и администрации, оказывая им юридические услуги и, кстати, неплохо на этом зарабатывая. Маклакова признавали даже закоренелые сидельцы и хотели избрать его старостой, но он взял самоотвод. Развлекался же он тем, что писал любовные письма парижским дамам, разыгрывая из себя жертву правосудия, осужденную по политическим мотивам. Дамы охотно оказывали ему денежную поддержку. После 2 лет, проведенных в «Крестах», Николая выпустили под подписку о невыезде.

Но после этого он был еще дважды осужден — в 1913 и 1914 годах — и в конце концов выслан из Петербурга. Маклаков отправился в Италию, где чувствовал себя как рыба в воде. Но для жизни в этой стране тоже нужны были деньги. Он отправился к российскому консулу Александру Фитингоф-Шелю в качестве князя Георгия Багратион-Мухранского, сына легендарного генерала. В беседе он вскользь с сожалением упомянул, что в воскресный день нет возможности получить деньги в банке, а ему срочно нужны 200 000 лир! И доверчивый консул предложил ссудить ему 100 000 лир до завтра. «Князь», взяв деньги, испарился без следа.

В 1916 году мошенник вернулся на родину. Из дома он выходил, только тщательно загримировавшись, но занятия своего не бросал. Выманил у придворного архитектора Юлия Бенуа 1 400 рублей на корм лошадей, у архитектора Павла Сюзора 200 рублей на нужды приютских детей. А Николай Рерих дал ему 1 100 рублей для художников-инвалидов.

После Октябрьской революции Маклаков уехал в Италию. Очередной его тезка — Николай Алексеевич — имел неосторожность в 1912–1915 годах служить российским министром внутренних дел, и наш Николай Александрович справедливо рассудил, что большевики запросто могут их перепутать да и поставить его к стенке...

В Италии он писал мемуары. А умер в полном одиночестве и нищете.

Урок для Кавальери

В 1906 году на гастроли в Петербург приехала известная итальянская певица Лина Кавальери. Маклаков смог добиться встречи с ней, представившись братом Сиднея Соннино — премьер-министра Италии. Благо по-итальянски он говорил безупречно. За время короткой беседы Николай успел очаровать Кавальери. Прощаясь, он попросил у нее автограф, для чего протянул ей листок дорогой бумаги со словами, что такой ценный подарок он повесит в рамочке на стену.

А спустя пару дней Лина получила записку от одного влиятельного чиновника, в которой он сообщал певице, что с большой радостью передал ей через господина Соннино 10.000 рублей. Выяснилось, что Маклаков написал от лица певицы просьбу о деньгах — аккуратно над ее росписью. Лина была настолько потрясена, что с тех пор никогда больше не раздавала автографов.

5. Фотографии из музеев

Несколько музеев Москвы и Московской области любезно предоставили фотографии из своих фондов для публикации в настоящем издании. Часть из них использована в тексте книги, другая часть приводится здесь.

Государственный музей Л. Н. Толстого, Москва

Изо П5–01. Александра Алексеевна Маклакова⁴, 1876, фото В. С. Досекин.

Изо П5–02. Василий Алексеевич Маклаков⁵, 1876, фото В. С. Досекин.

Изо П5–03. Елизавета Алексеевна Маклакова (в браке Щелкан)⁶, кон. 1880-х, фото И. Курбатов.

Изо П5–04. М. Л. Маклакова, урожд. Оболенская, с мужем Н. А. Маклаковым⁷, кон. 1890-х.

Изо П5–05. М. Л. Маклакова, урожд. Оболенская, с мужем Н. А. Маклаковым⁸, нач. 1900-х.

Изо П5–06. Александра Алексеевна Танеева⁹, 1930.

Государственный музей А. С. Пушкина, Москва

Изо П5–07. Раиса Павловна Михайлова с ребенком¹⁰, 1863-1867, фото П. Л. Цикен.

Изо П5–08. Алексей Алексеевич Маклаков¹¹, 1910, фото Ф. И. Опитц.

Изо П5–09. Мария Леонидовна Оболенская, в браке Маклакова¹², до 1917.

Изо П5–10. Николай Сергеевич Щелкан¹³, до 1917.

Музей С. И. Танеева в Дютькове

Изо П5–11. В. И. Танеев с сыновьями Сергеем, Павлом, Владимиром¹⁴, 1897, фото К. Фишер.

Изо П5–12. Владимир Владимирович Танеев с сыном Вавой¹⁵, 1900, фото К. Фишер.

Изо П5–13. Владимир Владимирович Танеев¹⁶, фото Тиле и Опитц.

Изо П5–14. Мария Алексеевна Маклакова¹⁷, 1901, фото бывш. Тиле.

Список источников и литературы

К введению:

1. Носиков С.П. История храмов села Никулино – М.: 2019, 202 с.
2. Носиков С.П. История села Филатово, Рождественского погоста и Савино – М.: 2020, 294 с.
3. Носиков С.П. История сельца Глебово и Казанской церкви – М.: 2021, 334 с.
4. Носиков С.П. История села Брыково и Богоявленской церкви – М.: 2024, 424 с.
5. Носиков С.П. История Ивановской суконной фабрики Цуриковых и Успенской церкви – М.: 2023, 656 с.
6. Носиков С.П. Борис Алексеевич Брусилов – последний владелец усадьбы Глебово – Истра: 2018, 104 с.
7. Носиков С.П. Настоятель Вознесенской церкви заштатного города Воскресенска Сергей Холмогоров // Восемь Воскресенские чтения [...] – Истра: 2025, с.150-169.
8. ГХМАК КП 3760. Чашников Иван Диомидович (1888-1971). Дергайково (Под Москвой). Этюд; URL: gskatalog.ru/portal/#/collections?id=12222360

К главе 1:

1. Исторический атлас Московской губернии: Доработанное репринтное издание [...] 1860 года – СПб.: 2010, с.56.
2. Истринская земля. Энциклопедия сел и деревень. – М.: 2004, с.445.
3. Вагнер Б. Б. Карта рассказывает. Природа и история, имена и судьбы в географических названиях Подмосквья – М.: 2014, с.171.
4. Максимова Т.В. Звенигородский уезд населенные пункты. Т.1. Север, 2025; URL: disk.yandex.ru/SjDABhdJM-KVZg
5. Писцовые книги Московского государства. Ч.1. Писцовые книги XVI века. Отделение 1. Местности губерний Московской, Владимирской и Костромской. – СПб.: 1872, с.117.
6. Кусов В.С. Земли Московской губернии в XVIII веке. Карты уездов. Описания землевладений – М.: 2004, с.159, 160.
7. ЦГАМ. Ф.369. Оп.10. Д.12. Л.2.
8. РГАДА. Ф.1354. Оп.250. Д.Д-8с. Л.1.
9. ЦГАМ. Ф.17. Оп.41. Д.60. Л.121а.
10. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.79. Л.75об.
11. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.201. Л.156.
12. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.325. Л.306об, 307.
13. Материалы по истории крестьянской промышленности. Т.2. Текстильная промышленность Московской губернии в XVIII и начале XIX в. – М.: 1950, с.360.
14. ЦГАМ. Ф.743. Оп.1. Д.233. Л.87.
15. Приходы церквей Звенигородского и Рузского уездов в XIX-XX веках; URL: istra-ltc.ru/publication/prihody-zvenigorodskogo.htm
16. Списки населенных мест по сведениям 1859 года. Т.24. Московская губерния. – СПб.: с.119.
17. ЦГАМ. Ф.199. Оп.2. Д.896. Л.19об.
18. ЦГАМ. Ф.1371. Оп.1. Д.80. Л.68.
19. ЦГАМ. Ф.66. Оп.3. Д.1110. Л.1.
20. Там же. Л.6об.
21. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.178. Л.226.
22. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.2053. Л.272.
23. ЦГАМ. Ф.369. Оп.10. Д.12. Л.2.
24. Маклаков В.А. Из воспоминаний/Вступ.сл., сост.: П.В. Крашенинников. – М.: 2016, с.18, 19.
25. Объявлении о купчих к № 50 Санкт-петербургских ведомостей, 1787, с.14.
26. ЦГАМ. Ф.50. Оп.1. Д.362. Л.249об.

27. ЦГАМ. Ф.743. Оп.3. Д.200. Л.5.
28. ЦГАМ. Ф.17. Оп.56. Д.149. Л.19об.
29. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.2. Л.73, 75.
30. ЦГАМ. Ф.17. Оп.43. Д.32. Л.241об.
31. ЦГАМ. Ф.17. Оп.57. Д.143. Л.102.
32. ЦГАМ. Ф.4. Оп.3. Д.552. Л.126об.
33. МЧ/ОФ-4089. Фотография дачи В.А. Маклакова. Дом с террасой. На крыльце слева: Ольга Леонардовна, на перилах М.Т. Дроздова; URL: gskatalog.ru/portal/#/collections?id=29173872
34. ЦГАМ. Ф.743. Оп.3. Д.73. Л.22.
35. ЦГАМ. Ф.50. Оп.1. Д.304. Л.244.
36. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.38. Л.64.
37. РГАДА. Ф.1354. Оп.250. Д.Д-8с. Л.1.
38. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.2. Л.30–33.
39. Там же. Л.76об.
40. Там же. Л.76.
41. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.42. Л.77.
42. Санктпетербургская ведомости, 1842, № 181, с.791.
43. МОКМ КП-11708/2. Чехов С.М. Дергайково. Кедры в усадьбе Маклаков; URL: gskatalog.ru/portal/#/collections?id=6255435
44. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.1614. Л.255.
45. ЦГАМ. Ф.17. Оп.85. Д.10. Л.93.
46. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.42. Л.110.
47. ЦГАМ. Ф.17. Оп.71. Д.139. Л.292об, 293.
48. Юбилейное историческое и художественное издание в память 300-летия царствования державного дома Романовых – М.: 1913, с.[459].
49. Частное строительство в Москве и Подмосквье: первая четверть XVIII в. Записи. Т.1 – М.: 2004, с.343, 344.
50. ЦГАМ. Ф.743. Оп.1. Д.386. Л.1.
51. ЦГАМ. Ф.743. Оп.1. Д.470. Л.2.
52. Носиков С.П. История Ивановской ... с.72.
53. ЦГАМ. Ф.210. Оп.1. Д.269. Л.56об.
54. Там же. Л.88.
55. Тихо на реке Малая Истра // Истринская стройка, 1940, № 135, с.2.
56. Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). – М.: 2016, с.74.
57. ЦГАМ. Ф.142. Оп.23. Д.1345. Л.185.
58. ЦГАМО. Ф.660. Оп.1. Д.314. Л.77.
59. Остатки плотины на Малой Истре; URL: pastvu.com/p/468989
60. Тихо на реке Малая Истра // Истринская стройка, 1940, № 135, с.2.
61. Учетная карточка [церкви Воздвижения Креста Господня с. Теплево]; URL: <http://www.istra-ltc.ru/template/telepnevo.htm>
62. Мамаев С., Носиков С., Малкин П. Крестовоздвиженская церковь в селе Теплево // Духовная Нива, 2013, № 6, с.6, 7.
63. РГВИА. Ф.386. Оп.1. Д.3657. Л.38, 52.
64. Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы о церквях и селах XVI-XVIII столетий. Вып. 3. Загородская десятина. – М.: 1886, с.30.
65. Носиков С.П., Мамаев С.Ю., Малкин П.В. Сборник статей по материалам газеты Истринского благочиния "Духовная Нива" (2012–2014 годы). Вып.1 – Истра: 2014, с.37.
66. Виноградов Н.П. Материалы для истории церквей Московской епархии в эпоху Отечественной войны 1812 года. Вып. 2 [...] – М., 1913, с.6, 7.
67. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.527. Л.1.
68. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2336. Л.35об, 36.
69. ЦГАМ. Ф.203. Оп.759. Д.177. Л.10.
70. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.1536. Л.2.
71. ИИМК. Ф.Р-III. Д.3552. Л.106–90б.
72. Истринская земля. ... с.482.
73. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.422. Л.308, 308об.
74. РГВИА. Ф.799. Оп.33. Д.889. Л.30.
75. ЦГАМ. Ф.1371. Оп.1. Д.80. Л.59.
76. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.403. Л.103.
77. ЦГАМО. Ф.66. Оп.18. Д.4. Л.128.
78. ЦГАМО. Ф.66. Оп.18. Д.295. Л.54.
79. ЦГАМО. Ф.4570. Оп.1. Д.221. Л.39.
80. Освящение поклонных крестов // Духовная Нива, 2014, № 5, с.2.
81. Истринская земля. ... с.453.
82. Кусов В. С. Земли. ... с.166, 167.
83. ЦГАМ. Ф.203. Оп.761. Д.505. Л.3.
84. Приходы церквей ...
85. РГВИА. Ф.386. Оп.1. Д.3657. Л.52 (6-6).
86. Истринская земля. ... с.311, 312.
87. ЦГАМ. Ф.66. Оп.3. Д.2774. Л.2–4.
88. Истринская земля. ... с.314.
89. ЦГАМ. Ф.66. Оп.3. Д.2774. Л.2–4.
90. Истринская земля. ... с.304, 305.
91. Запрещения на недвижимые имущества, 1835, № 14, с.908.
92. ЦГАМ. Ф.66. Оп.3. Д.2774. Л.2–4.
93. Селения прихода церкви Казанской Богоматери – Сабурово, Корякино, Костюнино; URL: <https://www.bogorodsk-noginsk.ru/articles/seleniya-prihoda-cerkvi-kazanskoy-bogomateri-saburovo-koryakino-kostyunino.html>

К главе 2:

1. Истринская земля. ... с.445.
2. Русский биографический словарь / изд. А.А. Половцова. Т.8 – СПб.: 1897, с.1.
3. Герб рода Плещеевых; URL: gerbovnik.ru/arms/44
4. Истринская земля. ... с.445.
5. Носиков С.П. ... Филатово ... с.138–139.
6. Шабавев Л.Е. Родословные росписи, поданные в палату родословных дел в конце XVII в. // Российская генеалогия: научный альманах. Вып. 5 – М.: 2019, с.209.
7. Плещеевы; URL: www.rqfond.ru/find/?fame=Плещеев&name=&otch=&fame_id=731
8. Истринская земля. ... с.526, 568, 731.
9. Плещеевы; URL: forum.svr.ru/topic/7849-плещеевы/
10. Москва. Актовые книги XVIII столетия. Т.1 – М.: 1892, с.119.
11. Максимова Т.В. Звенигородский ...
12. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.79. Л.75об.
13. РГАДА. Ф.1455. Оп.6. Д.627.
14. Дневник Белосельских-Строгоновых // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. Вып. 14 – М.: 2005, с.73.
15. ЦГАМ. Ф.4. Оп.12. Д.36. Л.6.
16. Купцов И.В. Род князей Белосельских и Белосельских-Белозерских // Гороховские чтения: материалы 4-й региональной музейной конференции – Челябинск: 2013, с.429.
17. Герб рода князей Белосельских; URL: gerbovnik.ru/arms/13.html
18. Большаков В. Прошлое села Мордовское (Ивановская область); URL: vk.com/wall-204973157_1216
19. Герб Орловых (потомство легендарного «мужа честна Льва»); URL: gerbovnik.ru/arms/6684.html

20. ЦГАМ. Ф.4. Оп.12. Д.130. Л.25.
21. Русский биографический словарь / изд. А.А. Половцова. Т.12 – СПб.: 1905, с.319.
22. Орлов К.О. **Орловы и Италия**. «Вечный элемент русской души» – СПб.: 2019, с.130.
23. Орлов К.О. **Орловы. Село Спасское** на Раковке Новосильского уезда ... // Тульские усадьбы. Времена и нравы. – Тула: 2019, с.361.
24. Орловы и Италия. ... с.107.
25. НИОР РГБ. Ф.219. К.1. Д.16. Л.1.
26. 08/19.06.1716, пт. П. в Пирмонте; URL: spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/230298974
27. 19.04.1721, ср. П. в Риге; URL: spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/243295472
28. **Семевский М.И. Фрейлина** Гамильтон (исторический очерк) // Отечественные записки, 1860, т.132, № 9 (сентябрь), с.253.
29. Гамильтон, Мария Даниловна; URL: ru.wikipedia.org/wiki/Гамильтон,_Мария_Даниловна
30. Загадка в историческом тумане. Часть 3; URL: krisandr.livejournal.com/197709.html
31. Семевский М.И. Фрейлина ... с.298.
32. ЕИХМ КП 3773. Картина «Казнь в присутствии Петра I», Нач. 20 в.; URL: gostatalog.ru/portal/#/collections?id=37680940
33. Павел Сведомский. «Мария Гамильтон перед казнью», 1904; URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Файл:Mary_Hamilton_awaiting_execution._painting_by_Pavel_Svedomskiy.jpg
34. Орловы. Село Спасское ... с.366, 367.
35. НИОР РГБ. Ф.219. К.1. Д.16. Л.1об.
36. Орловы и Италия. ... с.131.
37. Рубцов Д.А. Клинский уезд по документам XV – XVIII веков – Клин: 2009, с.46.
38. Большаков В. ...
39. Орловы и Италия. ... с.153.
40. Сборник статей, посвященных Л.М. Савелову. – М.: 1915, с.36.
41. **Зеленская Г.М.**, Святославский А.В. **Некрополь** Нового Иерусалима. – М.: 2006, с.372.
42. Герб рода Нащокиных; URL: gerbovnik.ru/arms/372.html
43. ЦГАМ. Ф.4. Оп.12. Д.36. Л.14об.
44. Истринская земля. ... с.445.
45. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.167. Л.821об.
46. ЦГАМ. Ф.4. Оп.12. Д.36. Л.6об.
47. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.325. Л.306об.
48. 25.06.1722, пн. День коронации П. П. в Астрахани; URL: spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/246787974
49. Трошин А.К. Иван Евстафьевич Власов. Воевода-рудознатец XVII в. – М.: 1963, 48 с.
50. Портрет Ивана Власова работы Григория Адольского (1695 год); URL: ru.wikipedia.org/wiki/Файл:Grigoriy_Adolsky_-_voevoda_Vlasov.jpg
51. Сибирский краевед; URL: m.ok.ru/group/70000002209350/topic/155810028661574?_dp=y
52. Общий морской список Ч.1: От основания флота до кончины Петра Великого. – СПб.: 1885, с.83.
53. Арзамасский уезд в фондах РГАДА; URL: forum.vgd.ru/2340/95028/110.htm?a=stdforum_view
54. Герб рода Васильчиковых; URL: gerbovnik.ru/arms/623.html
55. Кедров Н.И. Крестовоздвиженский монастырь, ныне приходская церковь Воздвижения Креста Господня в Москве на Воздвиженке; URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Kedrov/krestovozdvizhenskiy-monastyr-nyne-prihodskaja-tserkov-vozdvizhenija-kresta-gospodnja-v-moskve-na-vozdvizhenke/
56. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. Часть вторая. – СПб.: 1855, с.95.
57. Попов Б. Глава 13. Васильчиковы и Толстые; URL: proza.ru/2008/01/04/560
58. Храм Николая Чудотворца с. Подъячево; URL: rg-blogo.ru/templates/podyachevo/
59. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.643. Л.221.
60. Модзалевский. Примечания – Пушкин. Письма, 1831–1833. Часть 26; URL: as-pushkin.net/pushkin/pisma/modzalevskij/1831-1833-26.htm
61. Герб рода Нащокиных; URL: gerbovnik.ru/arms/314.html
62. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.367. Л.310.
63. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том XXА (40) – СПб.: 1897, с.777.
64. Знаменитые династии России. Вып. 275. Нащокины, 2019, с.18.
65. Нащокинский домик. Памятка для посетителей – Л.: 1957, с.3.
66. Нащокины; URL: ru.ruwiki.ru/wiki/Нащокины
67. Истринская земля. ... с.555.
68. ЦГАМ. Ф.4. Оп.12. Д.36. Л.5.
69. Зеленская Г.М., ... Некрополь ... с.179.
70. Носиков С.П. ... Ивановской ... с.10, 11.
71. Фамилия Нащокин; URL: rosgenea.ru/familya/naschokin/page_3
72. Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. Т.2 – СПб.: 1895, с.23–27.
73. ЦГАМ. Ф.203. Оп.746. Д.217. Л.1
74. Месяцослов с росписью чиновных особ [...] – СПб.: 1777, с.229, 230.
75. Месяцослов с росписью чиновных особ [...] – СПб.: 1780, с.239, 240.
76. Носиков С.П. ... Ивановской ... с.10–13.
77. Покровское-Рубцово. Историко-краеведческий сборник. Изд. 2-е, доп. – М.: 2010, с.4.
78. Истринская земля. ... с.556.
79. Кусов В.С. Земли ... с.155, 165, 167, 174.
80. Нащокин Николай Михайлович; URL: adelwiki.dhi-moskau.de/index.php/Нащокин_Николай_Михайлович
81. План двора прапорщика Николая Михайлова сына Нащокина; URL: gostatalog.ru/portal/#/collections?id=33937091
82. Кусов В.С. Земли ... с.159, 160.
83. Истринская земля. ... с.446.
84. ЦГАМ. Ф.204. Оп.2. Д.7. Л.60об.
85. Желябужский, Никита Михайлович; URL: ru.wikipedia.org/wiki/Желябужский,_Никита_Михайлович
86. Александров А.Т. Москва и москвичи. Часть II. Москвичи. Том Ж; URL: proza.ru/2023/01/20/476
87. Нарышкины; URL: old.bigenc.ru/domestic_history/text/2250357
88. Зеленская Г.М., ... Некрополь ... с.178–180, 351, 352.
89. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.1519. Л.59.
90. Объявлении о купчих к № 50 Санктпетербургских ведомостей, 1787, с.14
91. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том XX (39) – СПб.: 1897, с.21.
92. Герб рода Мосоловых; URL: gerbovnik.ru/arms/505.html
93. Мосоловы и их крепостные; URL: forum.svr.ru/topic/2381-мосоловы-и-их-крепостные/
94. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.75. Л.270об.
95. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.22. Л.23об.
96. Герб рода Конищевых; URL: gerbovnik.ru/arms/1442.html
97. Конищевы: древо рода; URL: rgfond.ru/rod/209885
98. Красота и сила Дубового, и много разных тем; URL: m.ok.ru/group/58949578194997/topic/69533590377781?_dp=y
99. Месяцослов с росписью чиновных особ ... – СПб.: 1778, с.307.
100. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.539. Л.349.
101. Объявлении о купчих к № 84 Санктпетербургских ведомостей, 1791, с.2.
102. ЦГАМ. Ф.50. Оп.1. Д.304. Л.244.
103. Герб рода Мясоедовых; URL: gerbovnik.ru/arms/1105.html
104. ЦГАМ. Ф.4. Оп.14. Д.1282. Л.4.
105. ЦГАМ. Ф.98. Оп.1. Д.145. Л.341об.
107. Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: // Российская генеалогия: научный альманах. Вып. 8 – М.: 2020, с.319–321.
108. 12 колено сводной росписи рода Мясоедовых 126–197; URL: famhist.ru/famhist/mjsosedovi/00007ecd.htm
109. Список похороненных в некрополе Донского монастыря; URL: ru.wikipedia.org/wiki/Список_похороненных_в_некрополе_Донского_монастыря
110. ЦГАМ. Ф.49. Оп.3. Д.2419. Л.99.
111. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.807. Л.147об.
112. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.115. Л.18об.
113. ЦГАМ. Ф.2125. Оп.1. Д.772. Л.6об.
114. Карабанов П.Ф. Фрейлины Русского двора в XVIII и XIX столетиях // Русская старина. 1871. Т.4 – СПб.: 1871, с.403.
115. ЦГАМ. Ф.49. Оп.3. Д.2419. Л.46.
116. ЦГАМ. Ф.32. Оп.3. Д.2520. Л.1.
117. ЦГАМ. Ф.32. Оп.4. Д.4733. Л.1.
118. ЦГАМ. Ф.32. Оп.3. Д.7870. Л.15.
119. ЦГАМ. Ф.54. Оп.1. Д.2488. Л.1об, 2.
120. ЦГАМ. Ф.32. Оп.11. Д.519. Л.1.
121. ЦГАМ. Ф.32. Оп.11. Д.9847. Л.1об.
122. ЦГАМ. Ф.50. Оп.1. Д.335. Л.172об.
123. Помещики 1812 года: Осеевская волость Богородского уезда; URL: trojza.blogspot.com/2012/04/1812_06.html
124. ЦГАМ. Ф.50. Оп.6. Д.5271. Л.1.
125. Мария Александровна Мясоедова (ур. Измайлова) и Николай Ефимович Мясоедов; URL: savebykovo.ru/myasoedovy
126. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.779. Л.1358об.
127. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.866А. Л.1149.
128. ЦГАМ. Ф.16. Оп.6. Д.6434. Л.1, 1об.
129. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.2058. Л.456об.
130. ЦГАМ. Ф.203. Оп.206. Д.69. Л.2.
131. ЦГАМ. Ф.421. Оп.1. Д.5335. Л.46об.
132. Тверские епархиальные ведомости, 1897, № 150ф, с.528.
133. Храм Архистратига Михаила (Кутепова); URL: [azbyka.ru/palommik/Храм_Архистратига_Михаила_\(Кутепова\)](http://azbyka.ru/palommik/Храм_Архистратига_Михаила_(Кутепова))
134. ЦГАМ. Ф.51. Оп.18. Д.136. Л.189.
135. ЦГАМ. Ф.51. Оп.18. Д.299. Л.114.
136. Лицеисты – друзья и одноклассники А.С. Пушкина. Павел Николаевич Мясоедов [...]; URL: kazanocheka.livejournal.com/1118965.html
137. Руденская М.П. Они учились с Пушкиным. – Л.: 1976, с.264–265.
138. Справочник метрических записей архивов СПб. Новая редакция; URL: forum.vgd.ru/post/3866/145769/112.htm?a=stdforum_view&q=

К главе 3:

1. Объявлении о купчих к № 44 Санктпетербургских ведомостей, 1797, с.2.
2. ЦГАМ. Ф.50. Оп.1. Д.362. Л.248.
3. Герб рода Татариновых; URL: gerbovnik.ru/arms/342.html
4. ЦГАМ. Ф.32. Оп.19. Д.421. Л.85.
5. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.119. Л.193об.
6. ЦГАМ. Ф.32. Оп.19. Д.466. Л.44.
7. ЦГАМ. Ф.397. Оп.1. Д.3. Л.46об.
8. ЦГАМ. Ф.51. Оп.18. Д.28. Л.41об.
9. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.269. Л.10об.
10. ЦГАМ. Ф.51. Оп.18. Д.28. Л.41.
11. Книги капитальные и приходные Московского Купеческого Общества за 1746–1777 г. – М.: 1910, с.461.
12. Краткий очерк истории нотариата; URL: <http://notarymuseum.spb.ru/kratkiy-ocherk-istorii-notariata>
13. ЦГАМ. Ф.32. Оп.3. Д.1909. Л.1.
14. Романюк С.К. Патриаршие пруды – М.: 2016, с.98.
15. ЦГАМ. Ф.32. Оп.17. Д.11016. Л.1.
16. Москва: Архитектурный путеводитель – М.: 1997, с.386.
17. Города феодальной России – М.: 1966, с.500.
18. Книги капитальные ... за 1746–1777 г. – М.: 1910, с.345.
19. ЦГАМ. Ф.51. Оп.8. Д.938. Л.63.
20. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.123. Л.84.
21. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.507. Л.256об.
22. ЦГАМ. Ф.4. Оп.8. Д.1358. Л.5.
23. Там же. Л.1.
24. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.97. Л.167об.
25. ЦГАМ. Ф.4. Оп.8. Д.1358. Л.8.
26. ЦГАМ. Ф.51. Оп.18. Д.22. Л.288об.
27. Книги капитальные ... за 1746–1777 г. – М.: 1910, с.289.
28. Книги капитальные ... за 1784–1787 г. – М.: 1911, с.131.
29. Книги капитальные ... за 1795–1797 г. – М.: 1913, с.94.
30. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.766. Л.273.
31. ЦГАМ. Ф.2126. Оп.3. Д.19. Л.5.
32. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.929. Л.422об.
33. ЦГАМ. Ф.4. Оп.8. Д.1358. Л.126.
34. ЦГАМ. Ф.2124. Оп.1. Д.2124. Л.29об.
35. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.180. Л.75об.
36. ЦГАМ. Ф.421. Оп.1. Д.5344. Л.8об.
37. ЦГАМ. Ф.203. Оп.643. Д.344 т.11. Л.155об, 156.
38. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2156. Л.27об.
39. ЦГАМ. Ф.2124. Оп.1. Д.2568, Л.199об.
40. РГИА Ф.1350. Оп.312. Д.108. Л.215, 215об, 251, 251об, 325, 301об.
41. ЦГАМ. Ф.98. Оп.1. Д.145. Л.2.
42. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.178. Л.61.
43. Средневековые исторические источники Востока и Запада; URL: vostlit.info/Texts/Dokumenty/Reisen/XIX/1800-1820/issl_russ_tich_ok_XIX/121-140/123.phtml
44. ЦГАМ. Ф.50. Оп.6. Д.4660. Л.2.
45. Запрещения на недвижимыя имения, 1840, № 4, с.296.
46. ЦГАМ. Ф.98. Оп.1. Д.145. Л.2.
47. ЦГАМ. Ф.743. Оп.3. Д.200. Л.4об.
48. Санктпетербургская Сенатская объявления о запрещениях на недвижимыя имения, 1844, № 9, с.213.
49. Санктпетербургская Сенатская объявления о запрещениях на недвижимыя имения, 1845, № 50, с.1305.
50. ЦГАМ. Ф.4. Оп.8. Д.1358. Л.47об–48.
51. Руммель В.В. Модзалевские (Модзолеевские, Модзалевские) – СПб.: 1902, с.9.
52. ЦГАМ. Ф.50. Оп.7. Д.2256. Л.2об.
53. Санктпетербургская Сенатская объявления о запрещениях на недвижимыя имения, 1847, № 31, с.1463.
54. ЦГАМ. Ф.743. Оп.3. Д.200. Л.2.
55. Санктпетербургская Сенатская Объявления о запрещениях на недвижимыя имения, 1844, № 88, с.2199.
56. ЦГАМ. Ф.743. Оп.3. Д.200. Л.2.
57. ЦГАМ. Ф.32. Оп.19. Д.421. Л.159.
58. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.1943. Л.159.
59. Указатель Москвы: Показывающий по азбучному порядку [...] Ч.2 – М.: 1793, с.321.
60. ЦГАМ. Ф.51. Оп.8. Д.938. Л.63.
61. Алфавитные Списки Всех Частей Столичного Города Москвы Домам и Землям (1818) – М.: с.29 [с.471].
62. Адрес-календарь жителей Москвы / сост. К. Нистромом – М.: 1848, с.412.
63. Большой Каретный переулок. Во дворе усадьбы Татариновых; URL: pastvu.com/p/35690
64. Многоэтажки по реновации вместо исторических усадеб ... URL: msk1.ru/text/realty/2024/02/10/73211984/
65. Герб рода Степановых; URL: gerbovnik.ru/arms/518.html
66. ЦГАМ. Ф.4. Оп.11. Д.3236. Л.1.
67. ГАВО. Ф.И-29. Оп.139. Д.211. Л.1.
68. Там же. Л.9об.
69. Там же. Л.14.
70. Маклаков В.А. Из воспоминаний ... с.17, 18.
71. ЦГАМ. Ф.16. Оп.222. Д.441. Л.1об.
72. Там же. Л.3об.
73. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.232. Л.203об, 204.
74. Высшие чины Российской империи: биографический словарь. Т.4 – М.: 2019, с.161.
75. Истринская земля. ... с.305.
76. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.178. Л.14.
77. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.179. Л.44.
78. Объявления, к Санктпетербургским ведомостям, 1830, № 39, с.3.
79. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.1222. Л.218.
80. Объявления к Санктпетербургским ведомостям, 1835, № 5, с.10.
81. Санктпетербургская Сенатская объявления, 1837, № 105, с.8125.
82. Санктпетербургская Сенатская Объявления, 1847, № 7, с.38.
83. Санктпетербургская Сенатская Объявления, 1852, № 49, с.36.
84. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.178. Л.87.
85. ЦГАМ. Ф.743. Оп.3. Д.200. Л.2–4об.
86. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.180. Л.2.
87. ЦГАМ. Ф.4. Оп.11. Д.3236. Л.21.
88. ЦГАМ. Ф.4. Оп.1. Д.3473. Л.43.
89. Носиков С.П. ... Сборник статей ... с.38.
90. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.180. Л.12.
91. Маклаков В.А. Из воспоминаний ... с.17, 18.
92. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.180. Л.97, 113об.
93. ЦГАМ. Ф.203. Оп.771. Д.65. Л.390об.
94. Повестка от приставов Звенигородского уезда о неоплате долга Марией Павловной Степановой. 1899 год; URL: goskatalog.ru/portal/#/collections?id=25848043
95. ЦГАМ. Ф.2125. Оп.1. Д.1641. Л.244об.
96. ЦГАМ. Ф.97. Оп.2. Д.520. Л.6–7.
97. Маклаков В.А. Из воспоминаний ... с.17.
98. Голос. Газета политическая и литературная, 1868, № 212, с.3.
99. Московский некрополь. Т.2 – СПб.: 1908, с.272.

К главе 4:

1. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.180. Л.142–143об.
2. Матисон А.В. Духовенство Тверской епархии XVIII – начала XX веков. Вып.1 – СПб.: 2002, с.88–125.
3. ГАТО. Ф.465. Оп.1. Д.4549. Л.3.
4. ГАТО. Ф.160. Оп.1. Д.17697. Л.625об.
5. РГИА. Ф.1349. Оп.6. Д.549. Л.98об.
6. ГАТО. Ф.160. Оп.1–62. Д.16999. Л.122.
7. ГАТО. Ф.160. Оп.1–62. Д.17655. Л.19об.
8. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.179. Л.1.
9. ЦГАМ. Ф.32. Оп.10. Д.2826. Л.1.
10. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.284. Л.639.
11. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.296. Л.58об.
12. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.179. Л.11об.
13. Константинов Л.Н. Начальник портового города Ейск И. В. Чередеев; URL: proza.ru/2017/10/15/1539
14. ГМП КП-21950/1426. Череев Василий Васильевич; URL: goskatalog.ru/portal/#/collections?id=51902641
15. ГАТО. Ф.160. Оп.1. Д.14264. Л.64.
16. ЦГАМ. Ф.16. Оп.222. Д.366. Л.1об.
17. ЦГАМ. Ф.4. Оп.10. Д.2401. Л.9об.
18. Санктпетербургская Сенатская Ведомости, 1840, № 73, с.288.
19. Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1842. Ч. 2 – СПб.: с.11, 12.
20. Санктпетербургская Сенатская Ведомости, 1846, № 14, с.123.
21. История русского народа в XX веке; URL: history.wikireading.ru/110904
22. Санктпетербургская Сенатская Ведомости, 1848, № 53, с.829.
23. Санктпетербургская Сенатская Ведомости, 1849, № 102, с.1095.
24. ГИМ 76004/4102. Свидетельство о смерти Череева В.В.; URL: goskatalog.ru/portal/#/collections?id=38380144
25. Маклаков В.А. Из воспоминаний ... с.17.
26. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.236. Л.89об.
27. Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1837. Ч. 2 – СПб.: с.14, 15.
28. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.517. Л.91об, 91.
29. Старолиповский пер., дом № 12. Начало. Ч.15; URL: stapelia2784.livejournal.com/152711.html
30. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.180. Л.2об.
31. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.178. Л.39.
32. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.179. Л.7.
33. ЦГАМ. Ф.66. Оп.3. Д.784. Л.2.
34. ЦГАМ. Ф.66. Оп.3. Д.799. Л.1об, 2об.
35. ЦГАМ. Ф.66. Оп.3. Д.139. Л.1об.
36. Селения прихода церкви Казанской ...
37. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.179. Л.9.
38. ГМП КП-21950/1200. Череева, в бр. Маклакова Елизавета Васильевна; URL: goskatalog.ru/portal/#/collections?id=56036609
39. ЦГАМ. Ф.2124. Оп.1. Д.2739. Л.25об.
40. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.180. Л.1–60.
41. ЦГАМ. Ф.203. Оп.776. Д.966. Л.32об–34.
42. Маклаков В.А. Из воспоминаний ... с.30, 31.
43. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.37. Л.103–104об.
44. Маклаков В.А. Из воспоминаний ... с.19–23.
45. ГАРФ. Ф.Р-5881. Оп.1. Д.34. Л.1об.
46. РГИА Ф.1343. Оп.25. Д.478. Л.4об.
47. Объявлении к № 73 Санктпетбургских ведомостей, 1791, с.1327.
48. Санктпетербургская сенатская ведомости, 1812, № 2, с.13.
49. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т.6 – СПб.: 1871, с.300.
50. Там же, с.118.

51. Санктпетербургские сенатские ведомости, 1822, № 21, с.237.
52. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.330. Л.995об.
53. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.819. Л.192об.
54. ЦГАМ. Ф.2124. Оп.1. Д.2511. Л.218об.
55. ЦГАМ. Ф.51. Оп.8. Д.31. Л.970.
56. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том XVII (33) – СПб.: 1896, с.229.
57. Дворянское сословие Тульской губернии. Т.3: Родословие. Ч.6 – М.: 1909, с.306.
58. Лаговчин Афанасий Иванович; URL: adelwiki.mws-osteuroopa.org/index.php/Лаговчин_Афанасий_Иванович
59. ГАТО. Ф.51. Оп.1. Т.1. Д.581. Л.1.
60. ГАТО. Ф.2. Оп.1. Д.114. Л.28.
61. Василий Васильевич Зыбин; URL: hrono.ru/biograf/bio_z/zybinvava.php
62. ГАТО. Ф.39. Оп.2. Д.1267. Л.35.
63. ГАТО. Ф.51. Оп.5. Т.2. Д.5584. Л.10.
64. Московские ведомости, 1822, № 60, с.1863.
65. ГАТО. Ф.90. Оп.1. Т.1. Д.1120. Л.1.
66. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.2045. Л.415.
67. ГАТО. Ф.256. Оп.1. Д.2821. Л.37.
68. ГАТО. Ф.370. Оп.1 Д.12. Л.159.
69. ГМП КП-15053/8570. Маклаков Николай Васильевич; URL: guskatalog.ru/portal/#/collections?id=53608256
70. Маклаков В.А. Из воспоминаний ... с.24–26.
71. ГАРФ. Ф.Р-5881. Оп.1. Д.34. Л.1, 1об.
72. РГАЛИ. Ф.659. Оп.4. Д.2492. Л.5.
73. ЦГАМ. Ф.418. Оп.24. Д.308. Л.4.
74. РГАЛИ. Ф.659. Оп.4. Д.2492. Л.42.
75. Судебная хроника // Голос, 1867, № 162, с.4.
76. Голос, 1868, № 281, с.2.
77. Санктпетербургские сенатские объявления, 1839, № 33, с.5.
78. Санктпетербургские сенатские объявления, 1845, № 29, с.30.
79. ЦГАМ. Ф.418. Оп.24. Д.308. Л.5.
80. Там же. Л.4об.
81. ЦГАМ. Ф.2124. Оп.1. Д.2739. Л.22об.
82. РГАЛИ. Ф.659. Оп.4. Д.2492. Л.74.
83. ЦГАМ. Ф.203. Оп.776. Д.965. Л.52об.
84. ЦГАМ. Ф.2124. Оп.1. Д.32. Л.496об.
85. Маклаков В.А. Из воспоминаний ... с.26.
86. РГАЛИ. Ф.659. Оп.4. Д.2492. Л.49.
87. ТРУППА МАЛОГО ТЕАТРА – 1824 – 1917; URL: www.maly.ru/pages?name=truppa_17
88. Маклаков Алексей Николаевич. Российский гений офтальмологии; URL: http://pkmbic.com/?page_id=3810
89. Большая медицинская энциклопедия. Т.13 – М.: 1980, с.363.
90. Емельянова Н.А. А.Н. Маклаков – изобретатель, учёный, врач. // Глаукома, 2002, № 2, с.54.
91. Маклаков В.А. Из воспоминаний ... с.27, 28.
92. Крюков А. Алексей Николаевич Маклаков (некролог) // Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского Московского университета 12 января 1896 год. – М.: 1896, с.317.
93. Маклаков В.А. Из воспоминаний ... с.28.
94. Крюков А. ... (некролог) ... с.316.
95. Офтальмолог Маклаков Алексей Николаевич; URL: mosglaz.ru/vracham-ophtalmologam/znamenitye-ophtalmologi/item/1423-maklakov-aleksey-nikolaevich.html
96. Вестник офтальмологии, 1896, т.13, с.291.
97. ЦГАМ. Ф.418. Оп.24. Д.308. Л.4об.
98. Маклаков В.А. Из воспоминаний ... с.26, 27.
99. ЦГАМ. Ф.418. Оп.24. Д.308. Л.2, 2об.
100. Маклаков В.А. Из воспоминаний ... с.27.
101. ЦГАМ. Ф.418. Оп.27. Д.757. Л.1об, 2.
102. Крюков А. ... (некролог) ... с.315.
103. ЦГАМ. Ф.418. Оп.33. Д.55. Л.16.
104. ЦГАМ. Ф.418. Оп.40. Д.35. Л.12об, 13.
105. Крюков А. ... (некролог) ... с.315.
106. Там же, с.317.
107. Адрес-календарь разных учреждений г. Москвы на 1876 год – М.: с.701.
108. ЦГАМ. Ф.418. Оп.35. Д.18. Л.58.
109. Сенатские ведомости, 1876, № 33, с.3
110. ЦГАМ. Ф.418. Оп.59. Д.578. Л.1.
111. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.39. Л.171об.
112. ЦГАМ. Ф.179. Оп.50. Д.3297. Л.2.
113. Емельянова Н.А. ... с.52, 53.
114. РГАЛИ. Ф.331. Оп.1. Д.184. Л.5.
115. ЦГАМ. Ф.2124. Оп.2. Д.231. Л.21об.
116. Адамович Г. Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек – Париж: 1959, с.17, 18.
117. ГЛМ КП 50950/2057. А.Н. Маклаков с невестой Е.В. Чередыевой; URL: guskatalog.ru/portal/#/collections?id=33334233
118. Маклаков В.А. Из воспоминаний ... с.27, 173, 174.
119. ЦГАМ. Ф.203. Оп.776. Д.966. Л.32об, 33об.
120. Толстая С.А. Письма к Л.Н. Толстому – М.: Л.: 1936, с.324.
121. Толстой Л.Н. ПСС в 90 тт. Т.90 – М.: 1958, с.276.
122. А.А. Фет и его литературное окружение. Кн.1 – М.: 2008, с.967, 968.
123. Там же, с.973.
124. ЦГАМ. Ф.4. Оп.10. Д.1265. Л.16об.
125. Там же. Л.2об.
126. Маклаков В.А. Из воспоминаний ... с.25.
127. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.2. Л.12об.
128. ЦГАМ. Ф.184. Оп.9. Д.449. Л.145, 146.
129. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.2. Л.21.
130. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.154. Л.92.
131. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.2. Л.30–33.
132. Маклаков В.А. Из воспоминаний ... с.25.
133. ГЛМ КП 50948/745. Лидия Филипповна Маклакова (псевдоним Нелидова); URL: guskatalog.ru/portal/#/collections?id=29954241
134. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Доп. Том II (3) – СПб.: 1906, с.126.
135. Истринская земля. ... с.448.
136. Панюкова Т.В. Фактические источники при исследовании биографии Ф.М. Достоевского: от документа – к факту и интерпретации // Достоевский и мировая культура, 2020, № 4 (12), с.178.
137. Евстигнеева Л.А. Роман Л.Ф. Нелидовой "На малой земле", как источник для биографии Слепцова // Литературное наследство, 1963, т.71, с.496, 498.
138. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том XVI (31) – СПб.: 1895, с.312, 313.
139. Евстигнеева Л.А. ... с.495.
140. РГАЛИ. Ф.331. Оп.1. Д.183. Л.1.
141. Маклаков В.А. Из воспоминаний ... с.101.
142. РГАЛИ. Ф.331. Оп.1. Д.38. Л.34, 42.
143. ЦГАМ. Ф.203. Оп.768. Д.72. Л.439об.
144. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.2. Л.21.
145. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.2. Л.36.
146. ЦГАМ. Ф.4. Оп.3. Д.552. Л.118об.
147. ЦГАМ. Ф.199. Оп.2. Д.897. Л.46, 46об.
148. РГАЛИ. Ф.331. Оп.1. Д.357. Л.1, 1об.
149. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.38. Л.121.
150. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.2. Л.36.
151. РГАЛИ. Ф.331. Оп.1. Д.39. Л.10об–14об.
152. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.161. Л.2.
153. ЦГАМ. Ф.17. Оп.73. Д.59. Л.99об.
154. Алфавитный указатель адресов лиц, помещенных во втором отделе Адрес-Календаря... – М.: 1893, с.228.
155. Отчет благотворительного общества при Воскресенской земской лечебнице Звенигородского уезда за 1898/99 г. Год третий. – М.: 1899, с.26.
156. ГАРФ. Ф.63. Оп.42. Д.43. Л.364.
157. Евстигнеева Л.А. ... с.501.
158. Возобновленная община // Московский листок, 1914, № 247, с.8
159. Московская хроника // Московские ведомости, 1915, № 45, с.3.
160. Евстигнеева Л.А. ... с.501.

К главе 5:

1. Московские ведомости, 1914, № 243, с.4.
2. Шевыкин В.М. Василий Алексеевич Маклаков // Россия и современный мир, 2001, № 3, с.150, 151.
3. Адамович Г. ... с.235.
4. ГМП КП-15053/8579. Маклакова, ур. Чередыева Елизавета Васильевна (1848–1881) и сын Василий Алексеевич Маклаков; URL: guskatalog.ru/portal/#/collections?id=53608388
5. ЦГАМ. Ф.203. Оп.776. Д.966. Л.5об.
6. Маклаков В.А. Из воспоминаний ... с.33.
7. Там же, с.43.
8. ЦГАМ. Ф.418. Оп.301. Д.442. Л.5.
9. ЦГАМ. Ф.16. Оп.235. Д.3017. Л.38.
10. Иванов А.А. "Русский Мирабо" Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957); URL: ruskline.ru/history/2016/11/29/russkij_mirabo/
11. Маклаков В.А. Из воспоминаний ... с.101.
12. Там же, с.153, 154.
13. Исследования по греческой истории. 1. Избрание жребием в Афинском государстве. В. Маклакова ... – М.: 1894, с.1–92.
14. Адамович Г. ... с.37.
15. Маклаков В.А. Завоевание Англии норманнами – М.: 1898, 46 с.
16. ЦГАМ. Ф.418. Оп.301. Д.442. Л.38.
17. Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России: воспоминания современника / вступительная статья С. В. Куликова; – М.: 2023, с.7.
18. Маклаков В.А. Из воспоминаний ... с.173.
19. ГАРФ. Ф.63. Оп.42. Д.43. Л.140.
20. Адамович Г. ... с.39.
21. Маклаков В.А. Из воспоминаний ... с.175.
22. ЦГАМ. Ф.418. Оп.77. Д.1971. Л.11.
23. ГАРФ. Ф.63. Оп.42. Д.43. Л.9.
24. Маклаков В.А. Из воспоминаний ... с.173.
25. ГАРФ. Ф.102. Оп.92. Д.853. Л.4.
26. Там же. Л.4об.
27. ГАРФ. Ф.63. Оп.42. Д.43. Л.248об.
28. ГАРФ. Ф.102. Оп.92. Д.853. Л.13.
29. Там же. Л.24.
30. Там же. Л.45.
31. ГИМ 76004/2. Табличка дверная "Присяжный поверенный Василий Алексеевич Маклаков"; URL: guskatalog.ru/portal/#/collections?id=3953907
32. Маклаков Василий Алексеевич; URL: rusgrave.tnweb.ru/person?&pr_id=354
33. 150 лет со дня рождения В.А. Маклакова; URL: www.domrz.ru/press/memo_dates/150_let_so_dnya_rozhdeniya_v_a_maklakova/
34. Шевыкин В.М. ... с.153, 154.
35. Выборгский процесс – СПб.: 1908, с.120–121.
36. Николай Маклаков. Авантюрист по призванию; URL: tatianis.ucoz.ru/publ/nikolaj_maklakov_avantjurist_po_prizvaniju/35-1-0-107

37. Маклаков В.А. Убийство А. Ющинского. Речь в Киевском Окружном Суде 25 октября 1913 г. – СПб.: 1914, 87 с.
38. Будницкий О.В. Другая Россия. Исследования по истории русской эмиграции – М.: 2021, с.68.
39. Маковицкий Д.П. У Толстого. "Яснополянские записки". Кн.2 – М.: 1979, с.44.
40. Маклаков В.А. Из воспоминаний ... с.230.
41. ГАРФ. Ф.102. Оп.92. Д.853. Л.63.
42. Николай Маклаков. Авантюрист ...
43. Большая Российская энциклопедия. Т.18 – М.: 2011, с.549.
44. Маклаков В.А. Власть ... с.8.
45. Иванов А.А. "Русский Мирабо" ...
46. III Государственная дума (Сессия 1-я). Отчет Фракции народной свободы – СПб.: 1908, с.42.
47. Адамович Г. ... с.171.
48. Пэнэжко О. Город Истра, Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь и храмы Истринского района. Часть 1 – Владимир: 2009, с.225.
49. Шевыкин В.М. ... с.155, 156.
50. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.1. Л.16.
51. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.141. Л.37.
52. Там же. Л.96.
53. ГМТ КП-11331/12. Толстая Софья Андреевна. В.А. Маклаков; URL: goskatalog.ru/portal/#/collections?id=22258291
54. Адамович Г. ... с.133.
55. Отчет благотворительного ... Год четвертый. – М., 1900, с.21.
56. ГИМ 76004/381. Письмо П. Архангельского к В.А. Маклакову, 1907; URL: goskatalog.ru/portal/#/collections?id=24041844
57. Пэнэжко О. ... с.226.
58. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.1. Л.39, 40.
59. Московские ведомости, 1913, № 10, с.3.
60. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.141. Л.152, 153.
61. Газета "Речь", 1914, № 296, с.1.
62. Маклаков В.А. Власть ... с.8, 9.
63. Иванов А.А. "Русский Мирабо" ...
64. Берберова Н.Н. Люди и логи. Русские масоны XX столетия – М.: 1997, с.313.
65. Маклаков В.А. Трагическое положение // Русские ведомости, 1915, № 221, с.2.
66. Маклаков, Василий Алексеевич; URL: [ru.wikipedia.org/wiki/Маклаков, Василий Алексеевич](http://ru.wikipedia.org/wiki/Маклаков,_Василий_Алексеевич)
67. Маклаков В.А. Власть ... с.7, 8.
68. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.45. Л.81.
69. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.45. Л.75.
70. Там же. Л.75.
71. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.46. Л.1.
72. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.46. Л.47.
73. Там же. Л.84.
74. Михайловская, Евгения Павловна; URL: dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/84234/Михаилова
75. Звягинцев А.Г. Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957); URL: biography.wikireading.ru/144813
76. ГМТ КП-23116/27. Л.Н. Толстой и В.А. Маклаков верхами около дома в Ясной Поляне, 1909; URL: goskatalog.ru/portal/#/collections?id=13283542
77. Берберова Н.Н. ... с.299.
78. Маклаков В.А. Из воспоминаний ... с.133.
79. Адамович Г. ... с.82.
80. Маклаков В.А. Из воспоминаний ... с.136.
81. Там же, с.145, 146.
82. Там же, с.187.
83. Толстая С.А. Письма к Л.Н. Толстому – М., Л.: 1936, с.641.
84. Толстая С.А. Дневники в двух томах. Т.1 – М.: 1978, с.378.
85. Толстой Л.Н. ПСС в 90 тт. Т.71 – М.: 1954, с.453.
86. ГАРФ. Ф.63. Оп.42. Д.43. Л.256.
87. Маклаков В.А. Из воспоминаний ... с.146.
88. Там же, с.138.
89. Маковицкий Д.П. У Толстого. ... Кн.2 – М.: 1979, с.517.
90. Толстая С.А. Дневники в двух томах. Т.2 – М.: 1978, с.292.
91. Толстой Л.Н. ПСС в 90 тт. Т.80 – М.: 1955, с.164.
92. Толстой Л.Н. ПСС в 90 тт. Т.57 – М.: 1952, с.126.
93. Маковицкий Д.П. У Толстого. ... Кн.2 – М.: 1979, с.435.
94. Там же, с.570.
95. Ермилов В. Маклаков о Чехове // газета "Раннее утро", 1909, № 201, с.1.
96. Маклаков В.А. Из воспоминаний ... с.140, 141.
97. Чехов А.П. ПСС в 30 тт. Т.9 – М.: 1980, с.173.
98. Чехов А.П. ПСС в 30 тт. Т.11 – М.: 1982, с.192.
99. Чехов А.П. ПСС в 30 тт. Т.11 – М.: 1982, с.214.
100. Ермилов В. ... с.2.
101. Чехов А.П. ПСС в 30 тт. Т.11 – М.: 1982, с.226, 227.
102. Переписка А.П. Чехова и О.Л. Книппер. Т.2 – М.: 2004, с.251.
103. Ермилов В. ... с.2.
104. Чехов А.П. ПСС в 30 тт. Т.12 – М.: 1983, с.106.
105. Горький М. Собрание сочинений в 30 томах. Т.5 – М.: 1949, с.4302.
106. Журнал "Искры", 1904, № 28, с.219.
107. Головачёва А.Г. "Охрана лично заведующей Музеем" // "Приют русской литературы": сборник статей ... – Симферополь: 2014, с.14.
108. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.69. Л.5, 5об.
109. Кузичева А.П. Чеховы: биография семьи – М.: 2004, с.309.
110. Морозова З.Г. Воспоминания. – М.: 2025, с.48.
111. Из архива В.А. Маклакова // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып.5 – М.: 1994, с.429.
112. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.72. Л.1, 2.
113. Прополянис Г.Э. Ф.И. Шаляпин и К.П. Пятницкий: к истории взаимоотношений // Литературный факт, 2023, № 4, с.83.
114. Воспоминания / Федор Шаляпин – М.: 2000, с.386, 387.
115. Будницкий О.В. «Я совершенно признаю, что продолжать совместную работу нам будет трудно»: В.А. Маклаков // Современные записки (Париж, 1920–1940). Т.4 – М.: 2014. с.158, 182.
116. Берберова Н.Н. ... с.128.
117. Федор Шаляпин. "Золотое дно" "Белых пятен" // Моя газета, 1995, № 50.
118. Котляров Ю.Ф. Летопись жизни и творчества Ф.И. Шаляпина: в 2 книгах, Кн.2 – М.: 1989, с.322.
119. ГАРФ. Ф.Р-5881. Оп.1. Д.34. Л.2об.
120. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.2. Л.40.
121. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.37. Л.66, 66об.
122. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.39. Л.153.
123. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.2. Л.85.
124. ЦГАМ. Ф.4. Оп.3. Д.552. Л.118об.
125. ГАРФ. Ф.58. Оп.8. Д.153. Л.9.
126. ГАРФ. Ф.58. Оп.8. Д.362. Л.6об.
127. ГИМ 76004/3277. Фотография Маклакова В.А. с собаками; URL: URL:goskatalog.ru/portal/#/collections?id=60059294
128. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.41. Л.2.
129. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.2. Л.110.
130. ГАРФ. Ф.102. Оп.92. Д.853. Л.25.
131. Общий алфавит жителей гор. Москвы – М.: 1898, с.151.
132. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.2. Л.135, 141.
133. Довольный и недовольные // Петербургская газета, 1912, № 167, с.3.
134. В.А. Маклакова обворовали. // Петербургская газета, 1912, № 165, с.4.
135. Истринская земля. ... с.447.
136. Маклаков В.А. Власть ... с.9.
137. Маклаков В.А. Из воспоминаний ... с.257.
138. В последнюю минуту // Армия и флот свободной России, 1917, № 240, с.3.
139. Адамович Г. ... с.234–235.
140. Шаляпин Ф. Воспоминания – М.: 2000, с.387.
141. Будницкий О.В. Другая Россия. ... с.98.
142. 150 лет со дня рождения В.А. Маклакова; URL: www.domrz.ru/press/memo_dates/150_let_so_dnya_rozhdeniya_v_a_maklakova/
143. Берберова Н.Н. ... с.301, 302.
144. Адамович Г. ... с.231.
145. Василий Алексеевич Маклаков; URL: http://www.russiangrave.ru/person?prs_id=354
146. Иоффе Г.З. Братья Маклаковы // Новый исторический вестник, 2012, № 1, с.80.
147. Маклаков В.А. Власть ... с.11.
148. ГАРФ. Ф.63. Оп.42. Д.43. Л.72об, 219, 231, 275.
149. Речь А.И. Коновалова // Газета "День", 1917, № 48, с.3.
150. Ледницкий. Вокруг Маклакова // Новый журнал, 1959, № 56, с.226.
151. Адамович Г. ... с.10, 11.
152. Там же, с.74.

К главе 6:

1. Маклаков В.А. Из воспоминаний ... с.21.
2. ГМТ КП-15053/8585. Маклаковы Алексей, Василий, Елизавета и Николай Алексеевичи; URL: goskatalog.ru/portal/#/collections?id=53608431
3. ЦГАМ. Ф.203. Оп.776. Д.966. Л.10об.
4. ЦГАМ. Ф.418 Оп.303 Д.452. Л.20.
5. Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Т.3 – Л.: 1925, с.104.
6. ЦГАМ. Ф.418. Оп.303. Д.452. Л.22.
7. ЦГАМ. Ф.4. Оп.10. Д.1265. Л.24об.
8. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.161. Л.53.
9. Арескин А.А. Владимирская ученая архивная комиссия: неизвестные деятели. Николай Алексеевич Маклаков // Межрегиональная научно-практическая конференция "Архивное дело. От истоков к современности" – Владимир: 2024, с.47.
10. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.161. Л.42.
11. Там же. Л.26об.
12. Там же. Л.17.
13. Маклаков – управляющий министр. внутр. дел // Петербургская газета, 1912, № 347, с.3.
14. Гайда Ф.А. Пламенный реакционер Николай Маклаков // журнал "Родина", 2012, № 7, с.112.
15. Маклаков – управляющий ...
16. Иоффе Г.З. ... с.69.

17. Петербургская газета, 1912, № 357, с.5.
18. Маклаков – управляющий ...
19. Гайда Ф.А. Власть ... с.227.
20. Савинский С. Проводы Черниговом г. Управляющего Министерством Внутренних Дел бывшего Черниговского Губернатора, Н. А. Маклакова – Чернигов: 1913, с.1.
21. К отъезду Маклакова // Газета “День”, 1912, № 81, с.2.
22. К отъезду Маклакова // Газета “День”, 1912, № 79, с.1.
23. Савинский С. ... с.20.
24. Маклаков – управляющий ...
25. Беседа с В.А. Маклаковым // Петербургская газета, 1912, № 344, с.3
26. Падение царского режима: ... Т.3 – Л.: 1925, с.85.
27. Симанович А.С. Распутин и евреи: воспоминания лич. секретаря Григория Распутина – М.: 2005, с.106.
28. Гайда Ф.А. Власть ... с.226.
29. Юбилейное ... 300-летия ... [с.168]
30. Степанов А., Илющенко Р. Мягкий человек твердых убеждений; URL: topwar.ru/100427-myakkiy-chelovek-tverdyh-ubezhdeniy.html
31. Пэнэжко О. ... с.215.
32. Арескин А.А. ... с.45.
33. ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.687. Л.4об.
34. Падение царского режима: ... Т.5 – М.: 1926, с.201, 202.
35. Степанов А., Илющенко Р. ...
36. Там же.
37. Высочайший рескрипт // Русский инвалид, 1915, № 124, с.3.
38. Николай Алексеевич Маклаков; URL: hrono.ru/biograf/bio_m/maklakov_na.php
39. Гайда Ф.А. Пламенный ... с.112, 113.
40. Неполная чаша // Газета “День”, 1916, № 328, с.3.
41. Иоффе Г.З. ... с.72.
42. Маклаков, Николай Алексеевич; URL: ru.wikipedia.org/wiki/Маклаков,_Николай_Алексеевич
43. Гайда Ф.А. Пламенный ... с.115.
44. Фомин С. В. Великая? Безкровная? Русская? Часть 3; URL: ruskline.ru/monitoring_smi/2007/03/05/velikaya-bezkrovnaya-russkaya-chast-3/
45. Падение царского режима: ... Т.3 – Л.: 1925, с.84; Т.5 – М.: 1926, с.190, 286.
46. Блок А.А. Собрание сочинений. Т.8 – М., Л.: с.501.
47. Иоффе Г.З. ... с.73.
48. ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.75. Л.18, 18об.
49. ГАРФ. Ф.Р336. Оп.1. Д.226. Л.1.
50. Иоффе Г.З. ... с.73, 74.
51. Николай Алексеевич Маклаков; URL: www.hrono.ru/biograf/bio_m/maklakov_na.php
52. Степанов А.Д. Николай Алексеевич Маклаков: «С этой верой мы будем бороться и с этой верой мы умрем»; URL: ruskline.ru/analitika/2015/10/05/nikolaj_alekseevich-maklakov-s-etoy-veroj-my-budem-borotsya-i-s-etoy-veroj-my-umrem
53. По уходу Н.А. Маклакова // Московския ведомости, 1915, № 130, с.1.
54. Курлов П.Г. Гибель императорской России – М.: 2021, с.231.
55. ГИМ 98226/52. Портрет Николая Алексеевича Маклакова за игрой на виолончели; URL: goskatalog.ru/portal/#/collections?id=42483880
56. Толстая С.А. Письма к Л.Н. Толстому – М., Л.: 1936, с.575.
57. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.161. Л.7об.
58. Герб рода князей Оболенских; URL: gerbovnik.ru/arms/153.html
59. Власьев Г.А. Потомство Рюрика: материалы для составления родословий. Т.1. Князья Черниговские. Часть 2-я – СПб.: 1906, с.367.
60. Герб рода графов Толстых; URL: gerbovnik.ru/arms/162.html
61. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Том XXXIII (65) – СПб.: 1901, с.461, 462.
62. Комарова Т.В. В скорбях мира нам спастись. Жизнеописание схимонахини Марии (Толстой) – Шамордино: 2018, с.15.
63. Лунькова О. Сестра Льва // журнал “Фома”, 2016, № 11, с.58, 59.
64. Там же с.59.
65. Оболенская Е.В. Моя мать и Лев Николаевич; URL: feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/lq2/lq23279.htm
66. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 тт. Т.20 – М.: 1984, с.756.
67. Оболенская Е.В. Моя мать ...
68. ЦГАМ. Ф.2124. Оп.3. Д.197. Л.2, 2об.
69. Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1876 год: Год 5-й. – М.: с.286; Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1888 год: Год 17-й – М.: с.140.
70. ЦГАМ. Ф.203. Оп.776. Д.604. Л.160об.
71. ЦГАМ. Ф.49. Оп.1. Д.612. Л.83.
72. Письма Е.В. Оболенской к М.Л. Маклаковой // Летописи. Кн.12 – М.: 1948, с.126.
73. ЦГАМ. Ф.203. Оп.750. Д.34. Л.429об.
74. Письма Е.В. Оболенской ... с.125.
75. Оболенская Е.В. Моя мать ...
76. ЦГАМ. Ф.459. Оп.10. Д.9048. Л.15.
77. ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.687. Л.3.
78. ГАРФ. Ф.724. Оп.1. Д.13. Л.6об.
79. Толстая С.А. Письма к Л.Н. Толстому – М., Л.: 1936, с.663.
80. Завтра новый министр Н.А. Маклаков выезжает из Чернигова // Петербургская газета, 1912, № 350, с.13.
81. Савинский С. ... с.2.
82. Высочайшая телеграмма. // Московския ведомости, 1914, № 207, с.3.
83. Речь, 1914, № 249, с.4.
84. Русский инвалид, 1914, № 198, с.2.
85. Высочайшая награда. // День, 1915, № 157, с.4.
86. Краинский Д.В. Записки тюремного инспектора – М.: 2016, с.372, 373.
87. Николай Алексеевич Маклаков; URL: www.hrono.ru/biograf/bio_m/maklakov_na.php
88. Истринская земля. ... с.446.
89. Кусов В.С. Земли ... с.223.
90. ЦГАМ. Ф.66. Оп.3. Д.784. Л.2.
91. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.2. Л.95.
92. Покровское; URL: ypmuseum.ru/filials/pokrovskoe?attempt=1
93. Бровкин Х. Семья Маклаковых. Фотография; URL: goskatalog.ru/portal/#/collections?id=11727872
94. ГИМ КП-21805/112. М.Л. и Н.А. Маклаковы с сыновьями и гувернанткой; URL: goskatalog.ru/portal/#/collections?id=32326025
95. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.161. Л.50.
96. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.37. Л.85.
97. Падение царского режима: ... Т.3 – Л.: 1925, с.99.
98. Тайна Эмилии Ивановны Боровской – Веневитиновой; URL: dzen.ru/a/YoUOBwhVvGtqb5gb
99. Николай Алексеевич Маклаков; URL: www.hrono.ru/biograf/bio_m/maklakov_na.php
100. ЦГАМ. Ф.418. Оп.304. Д.446. Л.21.
101. ЦГАМ. Ф.203. Оп.776. Д.966. Л.11об.
102. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.154. Л.77, 77об.
103. ЦГАМ. Ф.418. Оп.304. Д.446. Л.12.
104. Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1898 год – М.: с.151.
105. ЦГАМ. Ф.4. Оп.10. Д.1265. Л.41об.
106. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.37. Л.8, 8об.
107. Там же. Л.14.
108. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.157. Л.19, 19об.
109. Там же. Л.45об.
110. Саркисов А.С. Алексей Алексеевич Маклаков (19.09.1872 – 21.03.1918) // Вестник офтальмологии, 2024, т.140, № 4, с.111.
111. Медицинский факультет Императорского Московского университета – М.: 1911, с.[25]
112. ЦГАМ. Ф.459. Оп.2. Д.6778. Л.1об.
113. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.37. Л.84.
114. Саркисов А.С. ... с.111, 112.
115. ЦГАМ. Ф.459. Оп.11. Д.204. Л.1
116. Кончина проф. Маклакова. // Речь, 1918, № 55, с.3.
117. Толстой Л.Н. ПСС в 90 тт. Т.67 – М.: 1955, с.186.
118. ГИМ КП-19637/9. С.А. Толстая в группе с родными и знакомыми. 1900 г. Ясная Поляна; URL: tolstoy-iss.kamisccloud.ru/entity/OBJECT/157900
119. Толстая С.А. Письма к Л.Н. Толстому – М., Л.: 1936, с.745.
120. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.157. Л.39.
121. Танеев С.И. Дневники. Книга первая 1894–1898 – М.: 1981, с.143.
122. Танеев С.И. Дневники. Книга вторая 1899–1902 – М.: 1982, с.217.
123. Герб рода князей Голицыных; URL: gerbovnik.ru/arms/2.html
124. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Том IX (17) – СПб.: 1893, с.46.
125. Герб рода князей Обресковых; URL: gerbovnik.ru/arms/345.html
126. Там же.
127. Волкова Н.А. Внучка загадочной Натали; URL: proza.ru/2021/03/20/1938
128. Андроников И.Л. Собрание сочинений. Т.1 – М.: 1980, с.43.
129. Загадка Н.Ф.И. – новые данные. По следам знаменитого рассказа Ираклия Андроникова; URL: forum.vgd.ru/4092/149569/10.htm?a=stdforum_view&o=
130. Фролов Н.В. Вязниковский шахматист – боевой товарищ Льва Толстого; URL: 33mayak.ru/2024/07/16/88066
131. ГИМ КП-15053/3538. Голицына, в бр. Маклакова Наталья Сергеевна (1875–1956); URL: goskatalog.ru/portal/#/collections?id=51899533
132. ЦГАМ. Ф.203. Оп.782. Д.452. Л.746об.
133. Андроников И.Л. ... с.37, 38.
134. Маклакова Н.А.; URL: <http://infedorov.ru/na-na/abcna/vmaklak.html>
135. Истринская земля. ... с.447.
136. Родионов А.В., Флоренская О.А.. «Знать формулу своей сложнейшей крови»: Леонид Лихачев – генеалог и поэт // Известия Русского генеалогического общества. Вып.27 – СПб.: 2014, с.141.
137. ГИМ КП-15053/7747. Маклакова, урожденная Голицына, княжна, Наталья Сергеевна (1875 – 1955) с дочерью Маклаковой Марией Алексеевной; URL: goskatalog.ru/portal/#/collections?id=36880879
138. ГИМ КП-15053/3479. Голицын Лев Сергеевич (1845 – 1915), князь; Голицына Наталья Сергеевна, [...]; URL: goskatalog.ru/portal/#/collections?id=58859110
139. ЦГАМ. Ф.2121. Оп.2. Д.74. Л.25об.
140. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.157. Л.4об.

141. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.37. Л.66, 66об.
142. ЦГАМ. Ф.199. Оп.2. Д.897. Л.46, 46об.
143. ГМТ КП-23776/24. Наталья (Алексеевна) Маклакова с няней: URL: gostatalog.ru/portal/#/collections?id=22257451
144. Памятная книжка Московской губернии на 1912 год – М.: с.389.
145. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.37. Л.47.
146. ЦГАМ. Ф.49. Оп.3. Д.2176. Л.12.
147. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.157. Л.46об.
148. Звенигород. Кража в имении профессора А.А. Маклакова. // Московские ведомости, 1913, № 172, с.2.
149. Московские ведомости, 1913, № 47, с.3.
150. ГМП КП-15053/8578. Маклакова, в бр. Щелкан Елизавета Алексеевна (1868–1942); URL: gostatalog.ru/portal/#/collections?id=53608286
151. ЦГАМ. Ф.203. Оп.776. Д.966. Л.3об.
152. Владимирский И.М. Историческая записка о сорокалетию женской классической гимназии С.Н. Фишер – М.: 1912, с.86, 94.
153. Маклаков В.А. Из воспоминаний ... с.28.
154. Полищук В.Р. Теорема Каблукова – М.: 1983, с.53, 54.
155. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.161. Л.2.
156. ЦГАМ. Ф.203. Оп.776. Д.435. Л.99об.
157. Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1900 год – М.: с.669.
158. Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1903 год – М.: с.1173.
159. Танеев С.И. Дневники. Книга вторая 1899–1902 – М.: 1982, с.167.
160. Танеев С.И. Дневники. Книга третья 1903–1909 – М.: 1985, с.177.
161. Крюкова Е.П. Воспоминания С.И. Огнёва «Как я сделался зоологом» // Историко-биологические исследования, 2022, т.14, № 4, с.136.
162. Вильерс О.В. Воспоминания русской бабушки. Попов В. Пятигорская трагедия. – М.: 2005, с.267.
163. ЦГАМ. Ф.418. Оп.331. Д.3475. Л.1.
164. ЦГАМ. Ф.4. Оп.14. Д.2132. Л.25.
165. Голицына А.Н. Когда с вами Бог – М.: 2017, с.321.
166. ГАРФ. Ф.10035. Оп.1. Д.П-34859. Л.5.
167. Вильерс О.В. ... Попов В. ... с.267.
168. Щелкан-Попова Елизавета Николаевна; URL: pkk.memo.ru/page2/KNIGA/Sch_kn.html
169. Вильерс О.В. ... Попов В. ... с.273.
170. Выходцы из Франции и их российские потомки. Двадцать шестая ежегодная русско-французская научная конференция; URL: nlr.ru/nlr_pro/dep/artupload/pro/article/RA5183/NA79228.pdf
171. Соколов Д.А. Пятидесятилетие Московской 4-й гимназии (1849–1899 гг.). – М.: 1899, с.242, 244.
172. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том XL (79) – СПб.: 1904, с.57.
173. Шпиленко Д.П. Материалы к родословию смоленского дворянства. Вып.2 – М.: 2009, с.478.
174. Там же, с.489.
175. ЦГАМ. Ф.4. Оп.14. Д.2131. Л.4об.
176. Книга адресов жителей Москвы, составлена [...] К. Нистремом [...] 1855. Ч. 1: Книга чиновников служащих. – М.: с.66.
177. ЦГАМ. Ф.4. Оп.14. Д.2131. Л.12, 22.
178. ЦГАМ. Ф.2125. Оп.1. Д.1796. Л.290.
179. Санктпетербургская Сенатская объявления о запрещениях на недвижимыя имения, 1835, № 45, с.3331.
180. Московский некрополь. Т.3 – СПб.: 1908, с.374.
181. ЦГАМ. Ф.4. Оп.14. Д.2132. Л.5.
182. Соколов Д.А. ... с.246.
183. Московская памятная книжка на 1866 год по официальным сведениям и документам. Часть 1 – М.: с.89.
184. ЦГАМ. Ф.418. Оп.304. Д.850. Л.6.
185. ЦГАМ. Ф.487. Оп.1. Д.6. Л.3.
186. ЦГАМ. Ф.4. Оп.14. Д.2132. Л.20.
187. ЦГАМ. Ф.203. Оп.776. Д.745. 441об.
188. ЦГАМ. Ф.16. Оп.76. Д.322. Л.1.
189. ЦГАМ. Ф.2125. Оп.2. Д.55. Л.358об.
190. ДМТ ОФ 4363. Опитц Ф. Николай Сергеевич Щелкан. г. Москва. 1897 г.; URL: gostatalog.ru/portal/#/collections?id=30190460
191. ЦГАМ. Ф.418. Оп.304. Д.850. Л.4.
192. Там же. Л.9.
193. ЦГАМ. Ф.4. Оп.14. Д.2132. Л.26об.
194. Вильерс О.В. ... Попов В. ... с.267.
195. По ведомству Императорского Человеколюбивого Общества // Сенатские ведомости, 1911, № 51, с.349.
196. Лазарет Добровольного санитарного отряда Гродненской крепости РОКК; URL: fortressgrodno.by/index.php?id=127
197. ГАРФ. Ф.10035. Оп.1. Д.П-34859. Л.2.
198. Танеев С.И. Дневники. Книга вторая 1899–1902 – М.: 1982, с.123.
199. Летопись жизни и творчества А.Н. Скрябина – М.: 1985, с.239.
200. А.Н. Скрябин // День, 1915, № 102, с.2.
201. Крестный путь Патриарха Тихона. 9 января 1925 г. (н. ст.) / 27 декабря (ст. ст.) 1924 г.; URL: svtikhon.ru/calendar/09-01-1925/
202. Последние дни Патриарха Тихона. Воспом. врача; URL: proza.ru/2017/03/18/414
203. Болезнь и смерть Тихона // Вечерняя Москва, 1925, № 91, с.2.
204. Похороны святителя Тихона Московского. Часть первая; URL: prihozhani.msdm.ru/home/pochitat/o-tserkvi/409-pokhorony-svyatitelya-tikhona-moskovskogo
205. Голицына А.Н. ... с.303, 304.
206. Крюкова Е.П. ... с.136.
207. ЦГАМ. Ф.203. Оп.776. Д.435. Л.100.
208. ЦГАМ. Ф.2125. Оп.2. Д.40. Л.140.
209. Голицына А.Н. ... с.321.
210. Галина Николаевна Щелкан; URL: rgfond.ru/rod/207653?open=/person/207668
211. Щелкан Николай Николаевич; URL: pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_zahoronenie261120591/
212. ДМТ ОФ 5138/2. А.А. Маклакова – жена В.В. Танеева; URL: gostatalog.ru/portal/#/collections?id=32155116
213. ЦГАМ. Ф.4. Оп.10. Д.1265. Л.12.
214. РГАЛИ. Ф.331. Оп.1. Д.341. Л.1.
215. ЦГАМ. Ф.203. Оп.776. Д.590. Л.5об, 6.
216. Танеев С.И. Дневники. Книга первая 1894–1898 – М.: 1981, Л.207.
217. ДМТ ОФ 6153/10. Карточка-афиша спектаклей “Старый друг лучше новых двух” и “Которая из двух?”; URL: gostatalog.ru/portal/#/collections?id=12396706
218. ЦГАМ. Ф.2125. Оп.2. Д.109. Л.392об.
219. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.2469. Л.215об.
220. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.167. Л.13.
221. ГИМ 76004/1431. Письмо Александры Алексеевны Танеевой (урожденной Маклаковой) сестре Марии Алексеевне Маклаковой семейно-бытового характера; URL: gostatalog.ru/portal/#/collections?id=36815194
222. Фролов Н.В., Фролова Э.В. Вокруг Танеевых. Генеалогия их ближайших родственников и окружения. – Ковров: 2008, с.19.
223. ДМТ ОФ 5049. В.В. Танеев – племянник С.И. Танеева, г. Казань; URL: gostatalog.ru/portal/#/collections?id=20119579
224. ЦГАМ. Ф.418. Оп.304. Д.731. Л.4.
225. Танеев П.В. Воспоминание о Клименте Аркадьевиче Тимирязеве // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917) – М.: 1989, с.518, 519.
226. Фролов Н.В., Фролова Э.В. ... с.18.
227. Танеев С.И. Дневники. Книга первая 1894–1898 – М.: 1981, с.270.
228. ЦГАМ. Ф.418. Оп.304. Д.731. Л.20.
229. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.40. Л.140, 144об, 145.
230. Танеев В.В. Казанское сельскохозяйственное училище / Сост. дир. уч-ща В.В. Танеев. – Петрозаводск: 1915, с.59.
231. Васнецов В.А. Страницы прошлого: Воспоминания о художниках братьях Васнецовых – Л.: 1976, с.67.
232. Герб рода Танеевых; URL: gerbovnik.ru/arms/1049.html
233. Морозов П.М. Владимир Иванович Танеев: жизнь и деятельность: диссертация на степень кандидата исторических наук: 07.00.02 – Саратов: 2011, с.20.
234. Фролов Н.В., Фролова Э.В. ... с.5.
235. Танеев В.И. Детство. Юность. Мысли о будущем – М.: 1959, с.50.
236. Морозов П.М. ... диссертация ... с.21.
237. Бажанов Н.Д. Танеев. ЖЗЛ. Вып.10 (498) – М.: 1971, с.19.
238. Танеев В.И. Детство. ... с.63, 64.
239. Танеев И.И. Свободные минуты, или Собрание мелких стихотворений Ивана Танеева. – М.: 1819, 22 с.
240. Бажанов Н.Д. ... ЖЗЛ. ... с.18.
241. Фролов Н.В., Фролова Э.В. ... с.14.
242. Семья талантов: Братья Танеевы – юрист и композитор; URL: dzen.ru/a/Y1ZOXCs3i0y-m9ND
243. Танеев П.И. Екатерина Николаевна Васильева и Московский театр конца 60 годов. – СПб.: 1905, 24 с.
244. В музее С.И. Танеева в Дюлькове – новая выставка; URL: vk.com/wall-125708039_449
245. Белый А. На рубеже двух столетий – М.: 1989, с.158, 159.
246. Танеев В.И. Детство. ... с.3.
247. Там же, с.113.
248. Там же, с.699.
249. Бажанов Н.Д. ... ЖЗЛ. ... с.15.
250. Танеев Владимир Иванович / Морозов П.М.; URL: bigenc.ru/c/taneev-vladimir-ivanovich-440c74
251. Танеев В.И. Детство. ... с.701.
252. Фролов Н.В., Фролова Э.В. ... с.16.
253. Маклаков В.А. Из воспоминаний ... с.71.
254. Белый А. ... с.157.
255. Там же, с.161.
256. Сабашников М.В. Записки. Письма – М.: 2011, с.76.
257. Морозов П.М. ... диссертация ... с.59.
258. Танеев Владимир Иванович ...
259. ДМТ ОФ 6850. Владимир Иванович Танеев сидит, положив руки на палку. Демьяново (?), 1918; URL: gostatalog.ru/portal/#/collections?id=38705824
260. Танеев В.И. Детство. ... с.703.
261. Васнецов В.А. Страницы прошлого. Воспоминания о художниках братьях Васнецовых – Л.: 1976, с.75, 76.

262. Танеев В.И. Детство. ... с.706.
263. ДМТ ОФ 495. В.И. Танеев с сыновьями – Владимиром, Павлом, Сергеем, 1897 (?) г.; URL: goskatalog.ru/portal/#/collections?id=27306321
264. Копенкина Л.В. Выдающиеся деятели торфяного дела: монография – Тверь: 2019, с.61.
265. «Зажжённый им светильник»; URL: rgsai.ru/biblioteka/novosti/zazhzhennyy-im-svetilnik/
266. Там же.
267. Там же.
268. Фетисова Е.В. С.И. Танеев и семья Л.Н. Толстого; URL: bigenc.ru/c/s-i-taneev-i-sem-ia-l-n-tolstogo-59fec0
269. Маковицкий Д.П. У Толстого. ... Кн.4 – М.: 1979, с.144, 145.
270. Бернандт Г. С.И. Танеев, 2-е изд. – М.: 1983, с.212.
271. Фетисова Е. Род Танеевых и памятные адреса С.И.Танеева в Москве. Перспектива создания московского музея композитора; URL: taneevlibrary.ru/pages/taneev/articles/rod-taneeva.html
272. «Зажжённый им светильник» ...
273. Очерки по истории русской музыки конца XIX – начала XX века – М.: Л.: 1965, с.95, 98.
274. «Зажжённый им светильник» ...
275. Бернандт Г. ... с.216.
276. Танеев смеётся; URL: bigenc.ru/c/sergei-ivanovich-smeiotsia-aa433e
277. «Зажжённый им светильник» ...
278. Очерки по истории ... с.116.
279. Похороны композитора С.И. Танеева в Донском монастыре; URL: rutube.ru/video/94128ca8f02b6776dd5acf37ddd9d7bf/
280. ЦГАМ. Ф.203. Оп.776. Д.966. Л.150б.
281. РГАЛИ. Ф.331. Оп.1. Д.341. Л.2.
282. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.42. Л.179.
283. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.157. Л.10.
284. О.А. Маклакова – М.Ф. Андреевой (17 декабря 1903, Москва); URL: <http://andreeva.newgod.su/archive/1894-1905/22-3-o-a-maklakova-m-f-andreevoy/>
285. Отчет благотворительного ... Год третий. – М.: 1899, с.26.
286. ГЛМ КП 50950/2080. О.А. Маклакова; URL: goskatalog.ru/portal/#/collections?id=32338836
287. Московский некрополь. Т.2 – СПб: 1908, с.213.
288. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.161. Л.40об.
289. Маклаков В.А. Из воспоминаний ... с.70.
290. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.570. Л.175об.
291. Маковицкий Д.П. У Толстого. ... Кн.3 – М.: 1979, с.61.
292. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.41. Л.20.
293. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.155. Л.78, 79.
294. Толстая С.А. Дневники в двух томах. Т.1 – М.: 1978, с.341.
295. Маковицкий Д.П. У Толстого. ... Кн.4 – М.: 1979, с.26.
296. РГАЛИ. Ф.331. Оп.1. Д.197. Л.26–27об.
297. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.41. Л.38, 64.
298. Из жизни Л.Н. Толстого. Снимки работы исключительно гр. С.А. Толстой. – М.: [л.165].
299. Толстая С.А. Дневники в двух томах. Т.1 – М.: 1978, с.449.
300. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.169. Л.25.
301. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.42. Л.211.
302. Маковицкий Д.П. У Толстого. ... Кн.4 – М.: 1979, с.32.
303. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.41. Л.60, 60об.
304. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.40. Л.56об.
305. Там же. Л.24, 25, 57, 137.
306. Истринская земля. ... с.447.
307. ОПИ ГИМ. Ф.31. Д.41. Л.5.
308. ДМТ ОФ 529. М.А. Маклакова с собаками. Дергайково Звенигородского уезда; URL: goskatalog.ru/portal/#/collections?id=14690295
309. Морозова З.Г. Воспоминания ... с.51.
310. Маковицкий Д.П. У Толстого. ... Кн.1 – М.: 1979, с.246.
311. Истринская земля. ... с.447, 448.
312. Русская гимназия в Париже: гимназисты – брат и сестра – дети русских белоэмигрантов, Париж 1920–1921гг.; URL: meshok.net/item/278602945
313. Писательницы России (материалы для биобиблиографического словаря). Составитель Ю.А. Горбунов; URL: book.uraic.ru/elib/authors/gorbunov/sl-12.htm
314. Берберова Н. ... с.301, 302.
315. Старк Б. По страницам Синодика // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. Т.5 – М.: 1994, с.575, 576.
316. Ледницкий В. Вокруг Маклакова // Новый журнал, 1959, № 56, с.247.
317. Иоффе Г.З. ... с.80.

К заключению:

1. Деревня Дергайково Истринского района; URL: pastvu.com/p/2261610
2. Истринская земля. ... с.448.
3. Самсонов А.М. Провал гитлеровского наступления на Москву: 25 лет разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. – М.: 1966, с.158.

К приложению:

1. Семевский М.И. Фрейлина ... с. 239–310.
2. Маклаков В. А. Из воспоминаний ... с.17–257.
3. Минникова Г. Артист-аферист // Все загадки мира, 2020, № 6, с.28, 29.
4. ГМТ КП-23776/33. Александра Алексеевна Маклакова (в замуж. Танеева), 1876; URL: goskatalog.ru/portal/#/collections?id=22257505
5. ГМТ КП-23776/31. Василий Алексеевич Маклаков. 1876; URL: goskatalog.ru/portal/#/collections?id=22257485
6. ГМТ КП-23776/20. Елизавета Алексеевна Маклакова (в замуж. Щелкан), фото И. Ф. Курбатов, конец 1880-х; URL: goskatalog.ru/portal/#/collections?id=22257489
7. ГМТ КП-21805/26. М.Л. Маклакова, рожд. Оболенская с мужем Н.А. Маклаковым, конец 1890-х; URL: goskatalog.ru/portal/#/collections?id=32325793
8. ГМТ КП-21805/41. М.Л. Маклакова, рожд. Оболенская с мужем Н.А. Маклаковым, начало 1900-х; URL: goskatalog.ru/portal/#/collections?id=32325870
9. ГМТ КП-23776/41. Александра Алексеевна Танеева (рожд. Маклакова), 1930; URL: goskatalog.ru/portal/#/collections?id=22257479
10. ГМП КП-15053/8740. Михайлова Раиса Павловна с ребёнком, фото Цикен Порфирий Лукич, 1863-1867; URL: goskatalog.ru/portal/#/collections?id=40731693
11. ГМП КП-15053/8563. Маклаков Алексей Алексеевич, фото Опитц Франц Иосифович, 1910; URL: goskatalog.ru/portal/#/collections?id=53608270
12. ГМП КП-15053/9390. Оболенская, княжна, в браке Маклакова, Мария Леонидовна, до 1917; URL: goskatalog.ru/portal/#/collections?id=42400688
13. ГМП КП-21951/617. Щелкан Николай Сергеевич, до 1917; URL: goskatalog.ru/portal/#/collections?id=46182792
14. ДМТ ОФ 504. В.И. Танеев с сыновьями Сергеем, Павлом, Владимиром, фото К. Фишер, 1897; URL: goskatalog.ru/portal/#/collections?id=20119742
15. ДМТ ОФ 5041/2. Племянник С.И. Танеева В.В. Танеев с сыном Владимиром (Вавой), фото К. Фишер, 1900; URL: goskatalog.ru/portal/#/collections?id=20119382
16. ДМТ ОФ 512. Владимир Владимирович Танеев – сын В.И. Танеева, фото Тиле и Опитц; URL: goskatalog.ru/portal/#/collections?id=14683413
17. ДМТ ОФ 528. Мария Алексеевна Маклакова, фото бывш.Тиле, 1901; URL: goskatalog.ru/portal/#/collections?id=14690259

Примечание.

Итого 987 ссылки.

Актуальность интернет-ссылок проверена 23 сентября 2025 г.

Список принятых сокращений

авт.	– автор.	о.	– отец (священник).
арш.	– аршин.	об.	– оборот листа.
асс.	– ассигнации.	ок.	– около.
в.	– век.	ПСС	– полное собрание сочинений.
вол.	– волость.	ПС, ФС	– послужной (формулярный) список.
г.	– год, город, господин (от контекста).	р., руб.	– рубль.
губ.	– губерния.	с.	– страница, село (от контекста).
ГЭС, ТЭС	– гидро- и теплоэлектростанция.	с., саж.	– сажень.
д., Д.	– дом, дело	сц.	– сельцо.
д., дер.	– деревня.	св.	– святой.
д., дес.	– десятина.	см.	– сантиметр, смотри (от контекста).
дв.	– двор.	СПб.	– Санкт-Петербург.
др.	– другое.	ст.	– степень (ордена), стан, статский (в зависимости от контекста).
ж-д	– железная дорога.	стр.	– строение.
ж.п.	– женский пол.	тыс.	– тысяч.
изо	– изображение.	т.	– том.
им.	– имени.	у., уе.	– уезд.
к., коп.	– копейка.	УБД	– Утраченный Божий Дом (краеведческий проект, сайт).
кв.саж.	– квадратная сажень.	ул.	– улица.
кн.	– князь.	урожд.	– урожденная.
л.	– лист.	Ф., Оп., Д.	– фонд, опись, дело.
м, М.	– метр, Москва.	ФИО	– фамилия, имя, отчество.
м.п.	– мужской пол.	худ.	– художник.
МВД	– Министерство внутренних дел.	GPS	– Global Positioning System (англ.), система глобального позиционирования.
МДК	– Московская духовная консистория.	URL	– Uniform Resource Locator (англ.), адрес страницы в интернете.
нач.	– начало.	sic	– так было написано (лат.)
нрзб	– не разборчиво (не разборчивое слово в рукописном тексте).		

Список архивов

ГАВО	– Государ. архив Владимирской области.
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации, Москва.
ГАТО	– Государственные архивы Тамбовской, Тверской и Тульской областей.
ГИМ, ОПИ ГИМ	– Государственный исторический музей, отдел письменных источников.
ГМП	– Государственный музей А. С. Пушкина, Москва.
ГМТ	– Государственный музей Л. Н. Толстого, Москва.
ГМИРЛИ, ГМЛ	– Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля, Москва.
ДМТ	– Музей С.И. Танеева в Дюлькове.

и музеев

РГБ, НИОР РГБ	– Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва.
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов, Москва.
РГАЛИ	– Российский государственный архив литературы и искусства, Москва.
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив, Москва.
РГИА	– Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург.
ЦГАМ	– Главархив Москвы. ГБУ «ЦГА Москвы» (прежде назывался ЦИАМ).
ЦГАМО	– Центральный государственный архив Московской области, Москва.

Об авторе

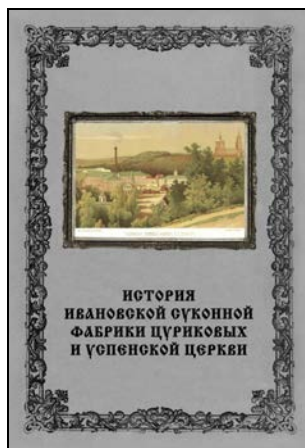
Сергей Павлович Носиков – выпускник Московского авиационного института 1979 г. (радиофакультет), кандидат технических наук. В настоящее время пенсионер, житель г. Истра Московской области. В 2022 г. было присвоено звание “Почетный гражданин городского округа Истра”.

Один из основателей проекта УБД “Утраченный Божий Дом”, автор ряда книг краеведческой и историко-церковной тематики. Тексты книг можно бесплатно скачать с сайта УБД www.istra-ltc.ru, они также доступны для

свободного чтения онлайн на сайте библиотеки РГБ www.rsl.ru и Истринской библиотеки им. А. П. Чехова istrabibl.ru. На этих ресурсах будет размещена и данная книга.

Контакты: тел. 8–916–616–95–51, почта nspnsp@mail.ru. Обложки последних книг автора:

Носиков Сергей Павлович
Адвокат Василий Маклаков и другие владельцы селца Дергайково
(по материалам архивных исследований)
– М.: ООО "Сам Полиграфист", 2025, 266 с.

Верстка: С. П. Носиков.
Оформление обложки: С. Ю. Мамаев.

Заказ № 56865. Подписано в печать 25.09.2025 г.
Формат 210x297 мм. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Тираж 60 экз.

Отпечатано в типографии «OneBook.ru». ООО «Сам Полиграфист».
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5, «Технополис Москва».
www.onebook.ru

Описание смежных земель

- От **А** до **В** Поля сына Леонова $\text{Г}^{\text{на}}$ Протасовой
- **В** - **С** Поля сына Леонова $\text{Г}^{\text{на}}$ Губина
- **С** - **Д** Сина Телупнева Государственных крестьян.
- **Д** - **Е** Деревни Кисильвой $\text{Г}^{\text{на}}$ Сидорова
- **Е** - **Ф** Плотины Щуровой $\text{Г}^{\text{на}}$ Букиной, Сипягиной и Наускина
- **Ф** - **С** Плотины Барышевой $\text{Г}^{\text{на}}$ Нарышкина.

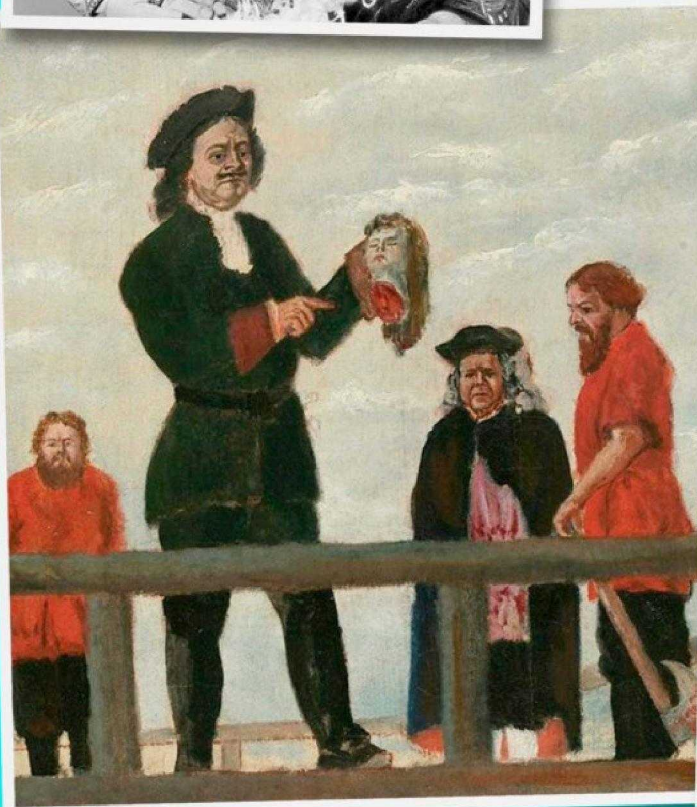
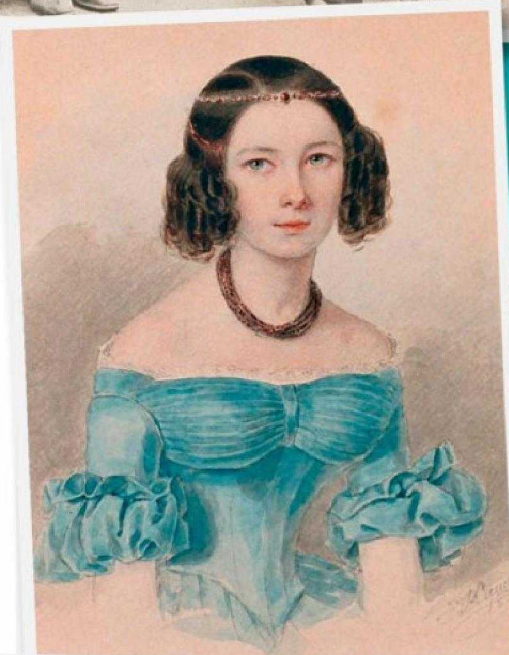
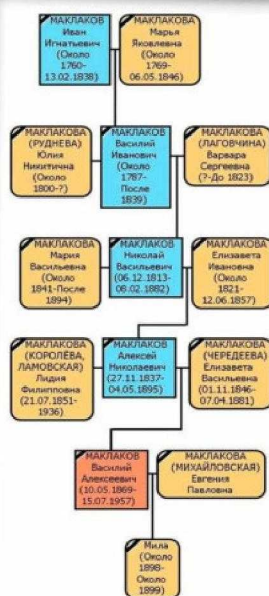
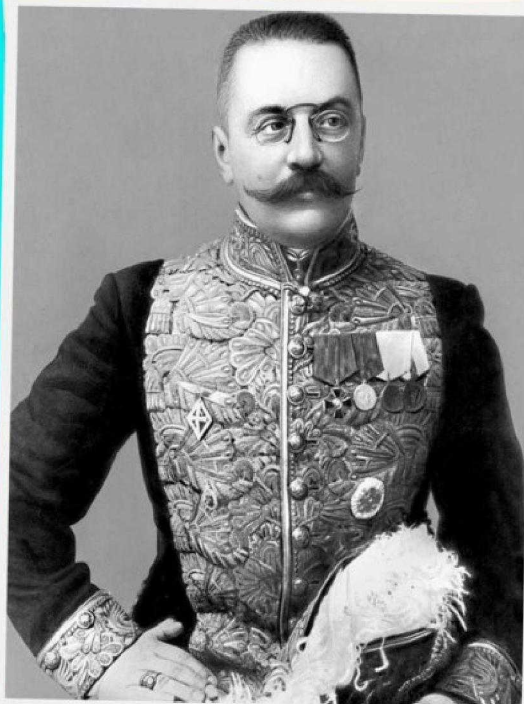
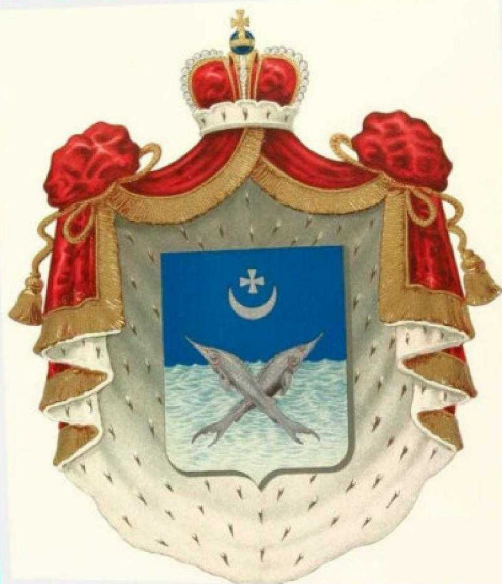
Плотины Логинковой и Нарышкиной и Наускина.

На подлинном плане показано: означенная в севе планка крестовая и земли площадью семь десятин 19/8 саж. удобной и четыре десятины 19/8 саж. неудобной а всего земли площадью двѣ десятины 14/33 сажени поступают в постоянное пользование крестьян сына Дергайкова по доверенности $\text{Г}^{\text{на}}$ Степановой Кошмыки Свхрестарт Михаил Михайлов. Подпись руки удовлетворило Арбатской части Помощник Владимир Кириллович. Нотариус $\text{Г}^{\text{на}}$ Аристарх Арбатской части.

Масштабъ в 1 дюймъ 100 сажень

1862

ДОВОЛЬНЫЙ И НЕДОВОЛЬНЫЕ

«Кадеты чрезвычайно недовольны выступленіемъ Маклакова за 100,000 въ роли защитника Татищева. Газеты.

Маклаков (кадетамъ): — Между нами говоря, мои новыя бумажки правятся мнѣ гораздо болѣе вашей старой.